

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УЧРЕДИТЕЛЬ: ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

УРАЛЬСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

№ 2 / 2022

серия

**Язык. Система. Личность:
Лингвистика креатива**

Екатеринбург 2022

MINISTRY OF EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FOUNDER: FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL ORGANIZATION
OF HIGHER EDUCATION
«URAL STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY»
INSTITUTE OF PHILOLOGY AND INTERCULTURAL EDUCATION

URAL PHILOLOGICAL BULLETIN

№ 2 / 2022

series

**Language. System. Personality:
the Linguistics of creativity**

Yekaterinburg 2022

УДК 81
ББК Ш1
У68

Главный редактор:

Коновалова Надежда Ильинична, доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и русского языка УрГПУ (Екатеринбург);

Члены редколлегии:

Барковская Нина Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики ее преподавания УрГПУ – *ответственный редактор* (Екатеринбург);

Гридина Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и русского языка УрГПУ – *ответственный редактор* (Екатеринбург);

Ермоленко Светлана Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики ее преподавания УрГПУ – *ответственный редактор* (Екатеринбург);

Бекасова Елена Николаевна, доктор филологических наук, доцент кафедры языкознания и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного педагогического университета (Оренбург);

Верина Ульяна Юрьевна, доктор филологических наук, доцент Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь);

Доценко Елена Георгиевна, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики её преподавания УрГПУ (Екатеринбург);

Зверева Татьяна Вячеславовна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории литературы и истории русской литературы Удмуртского государственного университета (Ижевск);

Козьмина Елена Юрьевна, доктор филологических наук, доцент кафедры издательского дела Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург);

Ложкова Татьяна Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики её преподавания УрГПУ (Екатеринбург);

Норман Борис Юстинович, доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и славянского языкознания Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь);

Проскурнин Борис Михайлович, доктор филологических наук, заведующий кафедрой мировой литературы и культуры Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь);

Сейбель Наталия Эдуардовна, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики обучения литературе Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (Челябинск);

Семьян Татьяна Федоровна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы Южно-Уральского государственного университета (Челябинск);

Юхнова Ирина Сергеевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород).

У68 Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива / Уральский государственный педагогический университет ; главный редактор Н. И. Коновалова. – Екатеринбург, 2022. – №. 2. – 619 с. – (Серия «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива». Вып. 31). – Текст : электронный.

Сборник посвящен широкому кругу проблем, разрабатываемых в рамках научного направления "Лингвистика креатива", в том числе обсуждению интегральной методологии исследования механизмов языковой креативности, описанию форм и сфер лингвокреативной деятельности современного общества, реализации творческого потенциала языковой личности. Данный выпуск содержит материалы докладов Международной научной конференции «Лингвистика креатива: методологические подходы к изучению речетворческой деятельности», а также материалы обсуждения данной проблематики в рамках Международного телемоста «Лингвокреатив и речевые практики современной языковой ситуации: границы дозволенного». Сборник адресован специалистам-филологам, психологам, аспирантам и студентам, преподавателям-практикам, а также всем, кто интересуется проблемами языкового творчества.

Редактор выпуска: проф. Т.А. Гридина

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77-77355 от 31.12.2019

ISSN 2306-7462

© ФГБОУ ВО «УрГПУ», 2022

© Уральский филологический вестник, 2022

UDC 81(082)

Editorial board:

Series " Language. System. Personality: linguistics of creativity":

T. A. Gridina, Dr. Philol. science, prof.

(Ural State Pedagogical University)

N. I. Konovalova Dr. Philol. science, prof.

(Ural State Pedagogical University)

B. Y. Norman, Dr. Philol. science, prof.

(Belarusian State University)

E.S.Krasnoperova, postgraduate

(Ural State Pedagogical University)

Ural philological bulletin / Ural state pedagogical univ.; editor-in-chief N.I. Konovalova – Yekaterinburg, 2022. – №. 2 (31). – 619 p. – *Series « Language. System. Personality: the Linguistics of creativity»*. Issue 31.

The collection contains materials of reports of the International scientific conference devoted to a wide range of problems developed within the framework of the direction "linguistics of creativity", including discussion of the integral methodology of research of mechanisms of language creativity, description of forms and spheres of linguocreative activity of modern society, realization of the creative potential of the language personality. The collection is addressed to specialists-philologists, psychologists, postgraduates and students, teachers-practitioners, as well as anyone interested in the problems of language creativity.

Editor of issue: T.A. Gridina

ISSN 2306-7462

© FSBEI HE «USPU», 2022

© Ural philological bulletin, 2022

Содержание

Раздел I. ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА

<i>Гридина Т.А., Коновалова Н.И.</i> Практики современной коммуникации: лингвокреатив и речевые аномалии	14
<i>Дронов П.С.</i> Креативность креативностью, но ... о гранях и границах креативности в области фразеологизмов-конструкций	30
<i>Круглякова Т.А., Чен Юйфань.</i> «Кулинарные приколы из Поднебесной»: интерпретация переводческой ошибки..	43
<i>Крылов Ю.В.</i> Креативный потенциал языка мема (на материале изменений мема «Наташ, вставай»)	58
<i>Муль И.Л.</i> Искусство продавать играючи: о некоторых лингвокреативных техниках нативной рекламы в инстаграме	71
<i>Никитина Л.Б.</i> Ошибка, рефлексия, игра в интернет-общении: в поисках границ	83
<i>Ремчукова Е.Н.</i> «Цитатное письмо» в медиатексте как прецедентный комплекс знаков высокой культуры со сферой-источником «Достоевский»	93
<i>Ян Кэ, Чэнь Хуань.</i> Игровая деабревиация в русской речи как постмодернистский феномен	104

Раздел II. ГРАММАТИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РЕЧИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ДИНАМИКИ ЯЗЫКОВОГО РАЗВИТИЯ

<i>Вепрева И.Т.</i> О креативном подходе к употреблению префиксальных глаголов в современном русском языке...	115
<i>Герасименко Н.А.</i> О девиантном поведении скрепы в сложноподчиненном предложении	127
<i>Гридина Т.А., Коновалова Н.И.</i> Синтаксический гештальт «то что» и его экспансия в современной разговорной речи	134

Катаева А.С., Соболева Е.Г. Народ vs власть: смеховой и официальный covid-дискурсы	143
Купина Н.А. Массовый лингвокреатив в эпоху коронавируса	156
Леденёва В.В. Норма как мерило лингвокреативности.....	167
Нефедова Л.А. Лингвокреативные практики современного словотворчества (на материале немецкого и русского языков)	177
Плотникова А.М., Слаутина М.В. «Множественное пейоративное» как маркер речевого конфликта	190
Рацибурская Л.В. Словообразовательная креативность в освоении социально значимых слов	200
Хуснуллина Ю.А. Мотивированность неологизмов компьютерного дискурса	212
Цонева Л.М. Игровой аспект отражения темы вакцинации против коронавируса	219

Раздел III. ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТИ

Бубнова И.А. Почему «покраснела» звукобуква я ?	229
Ваулина И.А. Краш и крашиха: фоносемантика в молодежном жаргоне	238
Джисоева В.П. Раскрытие этноментальной специфики языкового сознания в материалах ассоциативного эксперимента как способ исследования вербальной креативности	248
Доброва Г.Р., Мельникова А.И. О связи между лингвокреативностью формирующейся языковой личности и креативностью как совокупностью реализуемых творческих способностей индивида	255
Еливанова М.А., Семушина В.А. Ассоциативные компоненты вербальной синестезии	269
Иванова Е.Н. Тенденции развития русской лексической системы: опыт метаязыковой рефлексии	280
Косова Л.В., Рут М.Э. Из экспериментальных наблюдений над номинативными тактиками и стратегиями	289

Пищальникова В.А. Ассоциативное поле как база исследования потенциальных значений слов	303
Сизова О.Б. Текст: цель или средство? (Влияние когнитивных стратегий детей на понимание текста)	318
Язынина Е.А. Конструирование окказионального слова как тренинг вербальной креативности	328

Раздел IV. ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА

Авдеева Г.А. Приемы аллюзивной языковой игры в прозе О. Славниковой: на материале сборника «Любовь в седьмом вагоне»	338
Волков Е.Е. Лексико-грамматические трансформации при переводе приема каламбура	353
Голосова Е.А. Использование стилистически сниженной лексики в повестях «Вилли» и «День числа Пи» Н.С. Дашевской	365
Еремина С.А. Проблема перевода стихотворного текста: читаем Пушкина по-английски	376
Кочнева Н.С. Двойничество как способ языковой игры (на материале произведений В.П. Крапивина)	391
Кубасов А.В., Михайлова О.А. Креативность в интерпретации классики	399
Патрова Н.В. Тропеические трансформации города в русской поэзии XVIII века	410
Протасова Е.Ю. Размышления о речи в романе «Эшелон на Самарканд» Г. Яхиной	420
Радбиль Т.Б. Языковая аномальность как фактор конденсации смысла в поэтическом тексте (на материале языка поэзии Осипа Мандельштама)	431

Раздел V. ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИНГВОКРЕАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Бекасова Е.Н. Границы трансформации антропонимов...	446
Ваулина И.А., Красноперова Е.С. Прагматические	

векторы эргонимической номинации: экспериментальные данные	458
Калинин О.И. Креативные метафоры и речевое воздействие в дискурсе	469
Китанина Э.А. Лексико-семантические трансформации англицизмов в сетевом дискурсе	483
Лаппо М.А. Лингводидактический потенциал «зоны непонимания» художественного текста	491
Михайлова Ю.Н. Метафорическое представление научной сферы	505
Моштылева Е.С. «Барон-разбойник продаст свитшот»: нарративизация концепт-стора в аспекте когнитивно-дискурсивного моделирования	520
Палкина А.А., Ворошилова М.Б. Организационная метафора по-русски: теория организационных метафор в российском дискурсе	530
Просвирнина И.С. Экспрессивный потенциал императивных конструкций	540
Руженцева Н.Б. Язык вражды и его представление в печатных СМИ: динамические процессы	551
Ружицкий И.В., Потёмкина Е.В. Мнемы и мемы как стимул для развития лингвокреативной компетенции иностранных учащихся	564
Харченко В.К. Приятие жизни с Алексеем Бегаком: школа креатива	587
Щербакова Н.Н. Использование языковой игры в образовательном процессе	599
Ян Ии. Единицы интернет-сленга в современном китайском политическом дискурсе	609

TABLE OF CONTENTS

**Part I. DISCURSIVE PRACTICES OF MODERN SOCIETY
AND LANGUAGE GAME**

<i>Gridina T. A., Konovalova N. I.</i> Modern communicative practices: speech anomalies and linguocreativity....	14
<i>Dronov P. S.</i> Creativity or not, but ...: on the edges and boundaries of creativity in the field of phraseological constructions	30
<i>Kruglyakova T. A., Cheng Yufan.</i> "Cooking gags from Celestial Empire": translator's error interpretation as a way to create a language joke	43
<i>Krylov Yu.V.</i> The creative potential of the meme language (on the basis of changes in the meme «Natasha, get up»)	58
<i>Mul I. L.</i> The art of selling easily: about some linguo-creative techniques of native advertising on instagram	71
<i>Nikitina L. B.</i> Error, reflection, game in internet communication: in search of boundaries	83
<i>Remchukova E. N.</i> "Quote writing" in the media text as a precedent set of signs of high culture with the sphere-source "Dostoevsky"	93
<i>Yang Ke, Chen Huan.</i> Playful desabbreviation in Russian as a postmodern phenomenon	104

**Part II. GRAMMATICAL AND LEXICAL INNOVATIONS
OF MODERN SPEECH AS A REFLECTION OF THE
LANGUAGE DYNAMICS**

<i>Vepreva I. T.</i> About the creative approach to the use of prefixed verbs in modern Russian	115
<i>Gerasimenko N. A.</i> About the deviant behavior of a staple in a compound sentence	127

Gridina T. A., Konovalova N. I. The syntactic gestalt « <i>to chto</i> » and its expansion in modern colloquial speech	134
Kataeva A. S., Soboleva E.G. People vs power: comical and official covid-discourses	143
Kupina N. A. Mass linguistic creativity in coronavirus era	156
Ledeneva V. V. Norm as a yardstick of linguocreativity	167
Nefedova L. A. Linguo-creative practices of modern word-creation (by the material of the german and russian languages)	177
Plotnikova A. M., Slautina M. V. «Pejorative plural» as a communicative conflict marker	190
Ratsiburskaya L. V. Word-building creativity in the development of socially significant words	200
Husnullina Yu. A. Motivation of computer discourse neologisms.....	212
Coneva L. M. Game aspect of reflecting the topic of vaccination against coronavirus	219

Part III. PSYCHOLINGUISTIC ASPECTS STUDYING THE PHENOMENON OF LINGUOCREATIVITY

Bubnova I. A. Why has the sound-letter <i>I</i> become "red"?.....	229
Vaulina I. A. Crash and crashiha: phonosemantics in youth jargon	238
Dzhioeva V. P. Analisis of ethno-mental specificity of language consciousness in the material of associative experiment as the means of language creativity	248
Dobrova G. R., Melnikova A. I. On the relationship between the language creativity of the developing linguistic personality and creativity as a set of implemented creative abilities of the individual	255
Elivanova M. A., Semushina V. A. Associative components of verbal synesthesia	269
Ivanova E. N. Trends in the development of the russian	

lexical system: the experience of meta-language reflection	280
Kosova L. V., Rut M. E. From Experimental observations on nominative tactics and strategies	289
Pishchalnikova V. A. Association field as a base for study of potential meanings of words	303
Sizova O. B. Text: goal or means? (Influence of children's cognitive strategies on text understanding) ...	318
Yazynina E. A. Construction of an occasional word as a training of linguistic creativity	328

Part IV. LINGUOCREATIVE PRACTICES OF ARTISTIC CREATIVITY

Avdeeva G. A. Techniques of the allusive language game in O. Slavnikova's prose: on the material of the "Love in the seventh car" compilation	338
Volkov E. E. Lexical and grammatical transformations in the translation of the pun technique	353
Golosova E. A. The usage of stylistically reduced vocabulary in the novels "Villi" and "The P-Day" by N.S. Dashevskaya	365
Eremina S. A. The problem of translating a poetic text: reading Pushkin in English	376
Kochneva N. S. Duality as a way of language game.....	391
Kubasov A. V., Mikhailova O. A. Creativity in the interpretation of classics	399
Patroeva N. V. Tropeic transformations of the gorod in the russian poetry of the XVIII century	410
Protassova E.Yu. Reflections on the speech in the novel "Train to Samarkand" by G. Yakhina	420
Radbil T. B. Language anomaly as a factor of sense condensation in a poetic text (by the material of the language of Osip Mandelshtam's poetry).....	431

**Part V. APPLIED ASPECTS STUDIES OF
LINGUOCREATIVE ACTIVITIES**

<i>Bekasova E. N.</i> Borders of transformation of anthroponyms	446
<i>Vaulina I. A., Krasnoperova E. S.</i> Pragmatic vectors of ergonymic nomination: experimental data	458
<i>Kalinin O. I.</i> The power of creative metaphors in discourse	469
<i>Kitanina E. A.</i> Lexico-semantic transformations of anglicisms in the network discourse	483
<i>Lappo Marina A.</i> The linguodidactic potential of the "zone of incomprehension" of literary texts	491
<i>Mikhailova J. N.</i> Metaphorical representation of the scientific sphere	505
<i>Moshtyleva E. S.</i> "The Robber Baron would like to sell a sweetshot": narrativization of the conceptual store in the aspect of cognitive-discursive modeling	520
<i>Palkina A. A., Voroshilova M. B.</i> Organizational metaphor in russian: the theory of organizational metaphors in russian discourse	530
<i>Prosvirnina I. S.</i> Expressive potential of imperative constructions	540
<i>Ruzhentseva N. B.</i> Hate speech and its representation in printed mass media: dynamic processes	551
<i>Ruzhitsky I. V., Potyomkina E. V.</i> Mnemas and memes as a motivation for the development of linguocreative competence of foreign students	564
<i>Kharchenko V. K.</i> Acceptance of life with Alexey Begak: school of creativity	587
<i>Shcherbakova N. N.</i> The usage of the language game in the educational process	599
<i>Yang Yiyi.</i> Internet slang in modern chinese political Discourse	609

Раздел I. ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА

Т.А. ГРИДИНА
Н.И. КОНОВАЛОВА
г. Екатеринбург, Россия
tatyana_gridina@mail.ru
sakralist@mail.ru

УДК 81'23

ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ: ЛИНГВОКРЕАТИВ И РЕЧЕВЫЕ АНОМАЛИИ¹

Аннотация. В статье рассматривается лингвокреативная составляющая речевой коммуникации в ее соотношении с тенденциями развития языка и аномалиями, обусловленными как недостаточным уровнем культурно-речевой компетенции говорящих, так и языковым вкусом разных социальных страт. Анализируются факторы, способствующие и/или препятствующие созданию лингвокреатива (в том числе с использованием конструктивных принципов и приемов языковой игры) в пространстве современного города. Подчеркивается, что лишь осознанное отступление от языкового стандарта, фиксирующее обыгрываемый парадокс, переводит аномалию в разряд лингвокреатива. Выявляются коммуникативные неудачи в создании игрового эргонимического континуума, обусловленные незапрограммированным ассоциативным восприятием номинаций, несоответствием прагматическому, этическому и /или эстетическому социальному «запросу» их эффективного функционирования.

Ключевые слова: лингвокреативность, языковая игра, эргонимические номинации, речевые практики, речевая коммуникация, речевые аномалии.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20075, <https://rscf.ru/project/22-28-20075/>

GRIDINA TATIANA A.
KONOVALOVA NADEZHDA I.
Yekaterinburg, Russia

MODERN COMMUNICATIVE PRACTICES: SPEECH ANOMALIES AND LINGUOCREATIVITY

Abstract. The article examines the linguocreative component of speech communication in its connection with the trends of language development and anomalies caused by both the insufficient level of cultural and speech competence of native speakers and the linguistic taste of various social strata. The factors contributing and/or not contributing to the creation of linguocreatems (including using constructive principles and techniques of language play) in the space of a modern city are analyzed. It is emphasized that only a conscious deviation from the language standard, revealing a paradox, translate the anomaly into the category of linguocreatema. Communicative failures in the creation of an ergonomic gaming continuum are revealed, due to an unprogrammed associative perception of nominations, inconsistency with practical, ethical and/or aesthetic social "demand" for their effective functioning in society.

Keywords: linguocreative, language game, ergonomic nominations, speech practices of the modern city.

Феномен креативности в самой широкой его трактовке понимается как продуктивная человеческая деятельность, связанная с преодолением стереотипов мышления. Лингвокреативность – особая форма проявления речемыслительной активности в реализации потенциала языка, обнаруживаемая в постоянном развитии и обновлении его узуального «репертуара», что стимулировано и самими возможностями системного устройства, и прагматическими потребностями языковой ситуации.

Будучи «репрезентацией» творческого начала речевой деятельности, лингвокреативность может быть рассмотрена в трех ипостасях: как *процесс*, основанный на ассоциативных механизмах и когнитивном базисе порождения и восприятия лингвокреатемы; как *продукт новизны* и как *особый регистр коммуникации*, обусловленный прагматическими потребностями

носителей языка, речевой культурой или субкультурой представителей разных социальных страт.

Важным аспектом анализа продуктов лингвокреативной деятельности является соотношение инновации с прототипом в свете ее отклонения от стандарта и соответствия/ несоответствия тенденциям языкового развития, в особенности, если креатема создается с использованием техники языковой игры (см. [Гридина 1996; Адясова, Гридина 2017; Гридина 2018; Гридина, Коновалова 2022]).

Понятия лингвокреатемы и игры (игровой трансформы)² рассматриваются нами как соположенные, но не тождественные.

Лингвокреатема – продукт *любой* лингвокреативной деятельности, проявляющей способность говорящих к конструктивному мышлению и порождению разного рода новаций (в том числе компенсаторного характера, что связано с эвристическим и прагматическим потенциалом коммуникации и номинации).

Игра (игровая трансформа) – разновидность лингвокреатемы, содержащей в себе осознанно (намеренно) смоделированный парадокс, основанный на одновременной актуализации и ломке, переключении ассоциативных стереотипов порождения, восприятия и употребления вербальных знаков: такие лингвокреатемы создают эффект ассоциативной провокации, ассоциативного наложения, ассоциативного отождествления, ассоциативной выводимости, имитации (пародирования), который воспринимается только на фоне «опознаваемого» прототипа [Гридина 1996].

Таким прототипом и «триггером» языковой игры нередко выступает именно речевая аномалия.

При этом понятие речевой аномалии неоднозначно: оно включает в себя как собственно речевые ошибки, нарушающие литературную норму и обусловленные низким уровнем речевой культуры говорящих, так и девиации, обусловленные назре-

²Термины Т.А. Гридиной [Гридина 1996].

вающими тенденциями в развитии грамматического и лексического строя языка.

Такие речевые аномалии не имеют преднамеренного характера, но могут транслироваться и дискредитироваться в различных практиках языковой игры, например, в популярном жанре метаязыкового мема (см. [Гридина, Талашманов 2019]). Так, в приведенном ниже меме по принципу ассоциативной провокации обыгрывается омонимия существительного *ложь* и «ненормативной» формы императива от глагола *класть* как частотный факт ее ошибочного разговорно-просторечного употребления. В игру включается и культурный прецедент – библейская максима *ложь во спасение*, и сама презентация игрового текста в виде орфографического правила, выражающего ироническую оценку неграмотной речи.

библейская максима *ложь во спасение*, и сама презентация игрового текста в виде орфографического правила, выражающего ироническую оценку неграмотной речи.

Нарушение орфоэпических, орфографических и грамматических норм как отражение низкого уровня речевой культуры фиксируется и креолизированным текстом следующего мема, вербальная часть которого представлена стихотворной фразой (без знаков препинания, с передачей на письме просторечного произношения слов): *По калидору с тубареткой расвирипевший Розенталь бежал а от него скакала рояль*. Визуальный ряд мема – карикатурная зарисовка разгневанного ученого, ревнителя чистоты русской речи Д.Э. Розенталя (при-

знанного авторитета в области описания норм русского литературного языка). Существительное *рояль* в сочетании с глаголом *скакала* марки-

рует грамматическую ошибку, связанную с отнесением данного слова к женскому роду. Креолизованный текст данного мема реализует принцип комической дискредитации ошибки в свете несоответствия нормативного канона, закрепленного в словарях и грамматиках, реальному состоянию речевой грамотности.

Типовой набор подобных нарушений нормы в разных сферах не только устной, но и письменной речи, как это ни печально, весьма актуален для современной языковой ситуации. Грубейшие ошибки встречаются в объявлениях, магазинных ценниках, меню кафе и ресторанов, рекламных вывесках и т.п. реалиях современного города.

Рассмотрим некоторые показательные примеры, иллюстрирующие сказанное.

1. Факты ошибочных написаний (орфографические ляпсусы), вызывающие незапрограммированный смеховой эффект при их восприятии.

Так, частное объявление о поиске бизнес-партнера с припиской «Обучу сома» вместо *сама* не только выдает необоснованность претензий отправителя сообщения на статус «деловой леди» и ее посулов потенциальному претенденту относительно высокой заработной платы, но содержит в себе, кроме того, омофоническую двусмысленность (ср. *сома* – Вин. п. от *сом* «рыба»). Ниже приведен небольшой коллаж такого рода орфографических ляпсусов в официальной сфере рекламирования торговых услуг и маркировки предлагаемого товара:

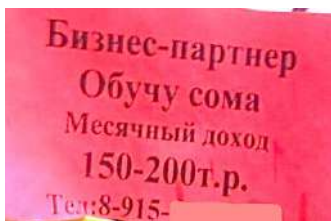

Рис.1

Рис. 3

Рис.2

Рис.4

Понятно, что подобные ошибки, к сожалению, нередкие в сфере торговли, обусловлены не только незнанием правил, но и полным пренебрежением к их соблюдению при отсутствии какого бы то ни было контроля со стороны администрации магазина. Ср. пример маркировки одного и того же продукта на прилавке с орфографически правильным и неправильным написанием: *окорочОк* и *окорочЁк* (рис.1). Абсолютную безграмотность демонстрирует раздельное написание *свежо мороженая рыба* (рис.2). Нонсенсом выглядит слоган магазина канцтоваров «Здравствуй школа!» (рис.3), призывающий родителей и детей купить всё необходимое для учебы, с ошибкой в первом слове (пропуском буквы на месте произносимого согласного).

Даже самый поверхностный срез дает представление о типичных случаях нарушения орфографических правил, которые вызывают трудность для усвоения еще в период школьного обучения и прочно укореняются в «континууме» неграмотной письменной речи широких слоев населения. Ср., например, орфографические ошибки в словах (чаще всего иноязычных), не проверяемых ударением, что, в частности, демонстрирует написание слова *кОмуфляж* (вместо *камуфляж*) на вывеске товаров магазина одежды (рис. 4).

Встречаются подобные ошибки и в знаках информационного обеспечения пассажиров общественного транспорта. Ср.: *пО-Сажир* (вместо *пассажиры*) в тексте указателя на автобусной станции, вполне вероятно, под влиянием ложноэтимологического сближения с *посадить, посадка*. Такая вопиющая безграмотность, безусловно, неприемлема, и, будучи замеченной компе-

тентным в данной области носителем языка, вызывает протестную оценочно-ироническую, как правило, смеховую, реакцию или просто игнорируется ввиду бессилия что-либо изменить кардинально, даже в случае исправления конкретной ошибки.

2. Грамматические аномалии – не менее очевидный регистр современных речевых практик.

В меню кофейни: *пряный какао* (номинация напитка с претензией на изысканность; ошибка отнесения слова *какао* к м. р. роду, вероятно, результат ассоциации с *кофе* – словом той же тематической группы). Грамматическая девиация, по-видимому, связана с родовой идентификацией *кофе* и *какао* при ориентации на норму употребления *кофе* как сущ. м.р. (ср. возобладавшую в настоящее время тенденцию к «переведению» этого слова в класс существительных ср.р.). Можно интерпретировать данную грамматическую ошибку и как гиперкорректное употребление несклоняемого существительного *какао* в опоре на сочетания *черный, горячий, крепкий кофе*.

детской и разговорной речи. Ср. грамматическую девиацию *перило*, связанную с недопустимым образованием формы ед.ч.

от существительного pl.tantum *перила*. В объявлении «*Осторожно окрашено перило*» (причем без единого знака препинания) допущена, кроме того, грубая орфографическая ошибка в кратком причастии.

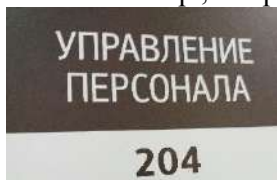
Отнесение окказиональной формы ед.ч. к существительным ср.р., возможно, обусловлено аналогией с числовыми коррелятами типа *вёсла* – *весло*, называющими парные предметы.

Отметим также частотные ошибки, нарушающие нормы синтаксической связи в словосочетании. Например: «Управление персонала» вместо «Управление персоналом» как обозначение на официальной вывеске подразделения, работающего с кадровым составом в Уральском федеральном университете (!). В данном случае допустим только вариант использования зависимого слова в Т.п.

Очень распространено в современной речи (не только разговорной, но и официальной) неправильное употребление глаголов 1-го спряжения с безударными личными окончаниями -ут / -ют во мн.ч. 3-го лица, заменяемыми окончаниями 2-го спряжения -ат/-ят. Ср., например: *колышат* (вместо *колышут*), *курлычат* (вместо *курлычут*), *кличат* (вместо *кличут*). Все «рекорды побила» глагольная словоформа *бьются* (вместо *бьются*), в частности, употребление данной формы отмечается в речи телеведущих, дикторов, актеров, спортивных комментаторов и др. Можно сказать, что такого рода девиации – некая «лакмусовая бумажка» не только низкого уровня языковой компетенции говорящих, но и проявления речевой небрежности использования языка в разных дискурсивных практиках.

Вместе с тем морфологические и синтаксические девиации в большинстве случаев отражают некие тенденции в развитии и функционировании языка.

Часто мы слышим фразу: «*Ты большая молодец!*» как одобрение чьих-то действий, достижений, успехов. Такое выражение (кроме того, что оно плеонастично) демонстрирует тенденцию к расширению класса существительных общего рода за счет существительных мужского рода по отношению к характеристике лиц женского пола. Ср. разг.: *хорошая врач, умная профессор, добрая продавец* и т.п. В этом ряду словосочетание *большая молодец* по частотности употребления занимает «лидирующие» позиции, превращаясь, по сути, в своеобразную оценочную идиому, в которой игнорируется ненормативная сочетаемость

прилагательного в форме ж.р. с существительным м.р., уступая место смысловому согласованию.

Речевые «аномалии» и лингвокреатив – соположенные явления. Еще раз подчеркнем в этой связи тот факт, что превращение аномалии в лингвокреативу становится возможным при осознании *условности* обыгрываемой девиации. Такова, например, шутивная реплика филолога, адресованная коллеге: *Вы с этой роялью смотрите очень гармонично, обе элегантны* (при намеренной грамматической трансформации известного прецедента «элегантный, как рояль»).

Ср. название магазина хозяйственных товаров «Трудовой мозоль», где обыгрывается частотная тенденция к смешению родовой принадлежности сущ. 2-го и 3-го скл. с нулевым окончанием (ошибочное отнесение слов типа *мозоль* к м.р., а *рояль, тюль* – к ж.р.). В данном случае фразеологическое выражение *трудова мозоль*, намеренно трансформированное в «*Трудовой мозоль*», в игровой форме подчеркивает значимость физического труда, гендерно маркируя в названии функциональную направленность предлагаемых магазином товаров.

В то же время аномалии (нарушения нормы) могут быть не только транслированы, но и «спровоцированы» различными практиками языковой игры – в частности, использованием прецедентов «олбанского языка» [Кронгауз 2013], имеющего свой игровой «кодекс» орфографической и грамматической нормы, широким распространением графодериватов [Попова 2013] в рекламном и эргонимическом дискурсах [Шмелева 2020], «разрушающих» орфографический эталон слова (в сознании тех носителей языка, в частности детей, которые еще не владеют нормой написания таких слов) и т.п. См., например, серийную рекламу телеканала «Пятница», где графически представлены рифмовки-отзвучия названия телеканала с нарушением орфографического правила написания возвратных глаголов на *-ться*: *Пятница – давайте радоваца, побежали питаца! Пора женица!* И даже: *будем хохотаца* – окказиональный возвратный глагол (по аналогии с *смеяться*).

Подобные девиации активно используются и в рекламе, которая может быть признана вполне удачной, например: «*Супер пицца*». – Проголодался? – *Пора подкреПИЦЦА!* Здесь введение

«супер пицца»
вкусно, сытно, быстро.

в структуру готового слова созвучного (омофонического) сегмента *пицца* как названия рекламируемого продукта прагматически оправданно.

Однако в приведенных выше примерах, тиражирующих данный игровой прием, языковая игра превращается в «ошибкоопасный» прецедент: всё упирается

в уровень орфографической компетенции адресата. Отметим и собственно психологическое объяснение восприятия, согласно которому образ написанного слова закрепляется в сознании как некий визуальный гештальт.

В этой связи с известной осторожностью следовало бы относиться и к игровым графодериватам, созданным по модели сложения с соединительной гласной О, заменяемой в угоду новой мотивации слова на А: *параход* (торговый центр, в котором продается обувь, от *пара* [обуви] + *ходить*). Омофоническое сближение и графическая «оболочка» данной игровой трансформы провоцирует ее закрепление как нормы написания слова *пароход* (корабль). Игремы такого типа нередки в названиях городских объектов, ср.: «*Желтый паравозик*» (детский аттракцион, где в кабинке вагончика помещается *пара* детей).

Не всегда удачен в отношении восприятия структуры и нормативного написания слова игровой словообразовательный микс из русского и иноязычного «корней». Например, рыба^{лов} – название ресторана, где подают рыбные блюда:

Прототипом игры является слово *рыболов* в значении «любитель рыбной ловли». Вторая часть номинации (*лов* – от *ловить*) графически передается английским эквивалентом русского слова *любовь* (в произношении [лав], в написании *love* – с усечением финали). Прагматическая функция этой игровой трансформы предполагает актуализацию ассоциативного шлейфа «ресторан для тех, кто *любит* есть и *ловить* рыбу». Семантическая многослойность созданной лингвокреатемы вполне понятна, однако графический облик слова противоречит не только нормам орфографии (как русской, так и английской), но и логике морфемного членения сложного слова.

Немаловажным фактором создания игровых инноваций в любой из сфер коммуникации является их эстетическая составляющая, сопряженная с «языковым вкусом эпохи» и речевой культурой разных социальных страт (см., например [Бубнова 2008; Елистратов, Ружицкий 2015; Ремчукова, Соколова 2020]).

В современной рекламной и эргонимической номинации, в частности, наблюдается тенденция к эксплуатации разговорно-просторечного стиля общения – в том числе сленгового регистра, распространенного в практиках интернет-коммуникации с сохранением фонетического принципа написания. Ср., например, «Щас рожу» – название магазина детских товаров рядом с роддомом. Такая имитационная игра апеллирует к определен-

ному типу адресата, для которого данный стилистический регистр приемлем.

Показательны в этом отношении и следующие рекламные слоганы фастфуда «Бургер Кинг»: «*Закурять диалог!*», «*Раскурять их всех!*», «*Окурительный чикен фри*» и др. Здесь использован словообразовательный код языковой игры, побуждающий потенциального потребителя к активному действию (получить удовольствие от предлагаемых продуктов из *курицы*). Слово-творческие инновации представлены прилагательным и глаголами в форме повелительного наклонения, созданными по существующим в языке моделям, хотя и с нестандартной мотивирующей основой, что позволяет считывать смысл окказионализмов. Однако данные инновации вызывают ассоциации, связанные не только с *курица*, но и с *курить*, *раскурочить*, *раскоряка* и т.п. Отрицательный фоносемантический ореол приведенных инноваций связан как с их неблагозвучностью, так и с возможностью неоднозначной интерпретации императивов и экспрессии прилагательного. Не случайно эксперты Московского управления Федеральной антимонопольной службы сочли данную рекламу неэтичной, усмотрев в ней агрессию и деструктивные призывы (электронный ресурс: режим доступа: https://lenta.ru/news/2019/06/17/burger_king/).

Грань между лингвокреативом как способом привлечь внимание адресата нестандартной формой или содержанием сообщения и лингвистической «неуклюжестью», проявляющей отсутствие у номинатора языкового чутья и эстетического вкуса, нередко оказывается весьма зыбкой.

Приведем еще один показательный пример неэстетического и неэтичного креатива в названии гриль-бара, на вывеске которого обыгрываются слова-

логогрифы *кости* / *гости* и обозначение меры веса *кг*. Линейное чтение данного креолизованного текста создает незапрограммированную игровым кодом двусмысленность: «*Жарим / коптим 50 кг костей / 50 кг гостей*».

Сомнительны в плане удачности креативного посыла и эргонимы, не учитывающие оценочного шлейфа, который содержит в себе взятый за основу мотиватор (в особенности прецедентного характера). Например, в названии кафе «Жадиноговядина» использована известная всем дразнилка, при этом буквализация второй части этой дразнилки должна транслировать смысл: *кафе для тех, кто любит мясные блюда из говядины*. Однако восприятие данного смысла перекрывается «неснятой отрицательно-оценочной импликатурой» слова-прототипа (характеристика жадного человека). Ср. также название кафе «На куски», где подают как основное блюдо стейки, которое может вызывать ассоциацию с выражением *порвать на куски!!!*

Языковая игра как лингвокреативный феномен, проявляющий творческую инициативу говорящих в использовании потенциала словесных знаков, превращается в таких случаях в свою противоположность.

Подведем некоторые итоги.

1. Современная языковая ситуация, характеризующаяся высоким рейтингом самых разных лингвокреативных практик, с одной стороны, безусловно, способствует раскрепощению речетворческой активности говорящих; с другой стороны, освобождение личности от цензуры «нормы» с неизбежностью приводит к снижению как уровня речевой культуры в целом, так и уровня грамотности.

2. Эксплуатация эффекта ошибки, высвечивающая в гротескной форме безграмотность (орфографические, грамматические, лексические девиации) – один из востребованных регистров языковой игры, отражающих практики современной коммуникации.

3. Только осознанное отступление от языкового стандарта и способность к опознанию закономерности в аномалии есть залог успешности языковой игры как в плане порождения, так и в плане восприятия ее результата (считывания игрем разного типа).

4. Речевые аномалии часто являются «триггером» осознанной языковой игры как в виде намеренного тиражирования дискре-

дотируемой ошибки, так и в виде зафиксированных, отрефлек-сированных тенденций реализации языка в коммуникативных практиках современного социума.

5. Языковая игра – один из феноменов, который подтверждает тот факт, что в аномалии высвечивается некая закономерность [Арутюнова 1987]. Добавим к этому, что выведение языковой закономерности на фоне речевой аномалии требует конгруэнтности адресанта и адресата в плане владения лингвокреативной техникой кодирования и декодирования информации.

Литература

Адясова О. А., Гридина Т. А. Реклама как текст воздействия: графический код языковой игры // Филологический класс. – 2017. – № 4(50). – С. 37-43. – DOI 10.26710/fk17-04-05.

Арутюнова Н. Д. Аномалии и язык (К проблеме языковой картины мира) // Вопросы языкознания. – 1987. – №3. – С. 3-19.

Бубнова И. А. Когнитивный механизм формирования структуры субъективного значения слова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 3 (16). – С. 51-56.

Гридина Т. А. Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи (Явление яз. игры) : специальность 10.02.01 "Русский язык" : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Москва, 1996. – 566 с.

Гридина Т. А. Реклама как игровой текст: прагматика кодов языковой игры // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2018. – № 16. – С. 36-48.

Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Метод вероятностного прогнозирования как инструмент психолингвистического анализа креолизованного текста: восприятие кодов социальной рекламы // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2022. – Т. 24. – № 1. – С. 253-265. – DOI 10.15826/izv2.2022.24.1.017.

Гридина Т. А., Талашманов С. С. Языковая игра в современной интернет-коммуникации: метаязыковой аспект // Политическая лингвистика. – 2019. – № 3(75). – С. 31-37. – DOI 10.26170/pl19-03-03.

Елистратов В. С., Ружицкий И. В. О проекте «Словаря когнем постсоветского лингвокультурного пространства» // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – №1-1. – С. 1169.

Кронгауз М. А. Самоучитель Олбанского. М.: АСТ: CORPUS, 2013. 416 с.

Попова Т. В. Креолизованные дериваты как элемент русской письменной коммуникации рубежа XX-XXI вв. // Лингвистика креатива-1. коллект. моногр. / под общей ред. Т. А. Гридиной. 2-е изд. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2013. – С. 147-175.

Ремчукова Е. Н., Соколова Т. П. Прецедентные имена культуры в ономастическом пространстве современного города // Лингвистика креатива-5: коллект. моногр. / под общей ред. Т.А. Гридиной. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т. – С. 327-341.

Шмелева Т. В. Стилистика городского ономастикона как фактор креативности // Лингвистика креатива-5: коллект. моногр. / под общей ред. Т.А. Гридиной. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т. – С. 342-362.

REFERENCES

Adyasova O. A., Gridina T. A. Reklama kak tekst vozdejstviya: graficheskij kod yazykovoj igry // Filologicheskij klass. – 2017. – № 4(50). – S. 37-43. – DOI 10.26710/fk17-04-05.

Arutyunova N. D. Anomalii i yazyk (K probleme yazykovoj kartiny mira) // Voprosy yazykoznanija. – 1987. – №3. – S. 3-19.

Bubnova I. A. Kognitivnyj mekhanizm formirovaniya struktury sub"ektivnogo znacheniya slova // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. – 2008. – № 3 (16). – S. 51-56.

Gridina T. A. Associativnyj potencial slova i ego realizaciya v rechi (YAvlenie yaz. igry) : special'nost' 10.02.01 "Russkij yazyk" : dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni doktora filologicheskikh nauk. – Moskva, 1996. – 566 s.

Gridina T. A. Reklama kak igrovoj tekst: pragmatika kodov yazykovoj igry // Psiholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoj deyatel'nosti. – 2018. – № 16. – S. 36-48.

Gridina T. A., Konovalova N. I. Metod veroyatnostnogo prognozirovaniya kak instrument psiholingvisticheskogo analiza kreolizovannogo teksta: vospriyatie kodov social'noj reklamy // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki. – 2022. – T. 24. – № 1. – S. 253-265. – DOI 10.15826/izv2.2022.24.1.017.

Gridina T. A., Talashmanov S. S. YAzykovaya igra v sovremennoj internet-kommunikacii: metazykovoj aspekt // Politicheskaya lingvistika. – 2019. – № 3(75). – S. 31-37. – DOI 10.26170/pl19-03-03.

Elistratov V. S., Ruzhickij I. V. O proekte «Slovarya kognem postsovetskogo lingvokul'turnogo prostranstva» // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. – 2015. – №1-1. – S. 1169.

Krongauz M. A. Samouchitel' Olbanskogo. M.: AST: CORPUS, 2013. 416 s.

Popova T. V. Kreolizovannye derivaty kak element russkoj pis'mennoj kommunikacii rubezha XX-XXI vv. // Lingvistika kreativa-1. kollekt. monogr. / pod obshchej red. T. A. Gridinoj. 2-e izd. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t., 2013. – S. 147-175.

Remchukova E. N., Sokolova T. P. Precedentnye imena kul'tury v onomasticheskom prostranstve sovremennogo goroda // Lingvistika kreativa-5: kollekt. monogr. / pod obshchej red. T.A. Gridinoj. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t. – S. 327-341.

SHmeleva T. V. Stilistika gorodskogo onomastikona kak faktor kreativnosti // Lingvistika kreativa-5: kollekt. monogr. / pod obshchej red. T.A. Gridinoj. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t. – S. 342-362.

©Гридина Т.А., 2022

©Коновалова Н.И., 2022

Гридина Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и русского языка. Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, 281.

E-mail: tatyana_gridina@mail.ru

Gridina Tatyana Aleksandrovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of General Linguistics and the Russian Language, Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg, Russia).

Коновалова Надежда Ильинична – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и русского языка, Уральский государственный педагогический университет; профессор кафедры русского языка для иностранных учащихся, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, 281. E-mail: sakralist@mail.ru

Konovalova Nadezhda Il'ichna – Doctor of Philology, Professor of the Department of General Linguistics and the Russian Language, Ural State Pedagogical University; Professor of the Department of Russian Language for Foreign Students. Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia).

П.С. ДРОНОВ

г. Москва, Россия

dronov@iling-ran.ru

УДК 81'23

КРЕАТИВНОСТЬ КРЕАТИВНОСТЬЮ, НО ... О ГРАНЯХ И ГРАНИЦАХ КРЕАТИВНОСТИ В ОБЛАСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-КОНСТРУКЦИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются фразеологизмы-конструкции (фразеосхемы) *N' N'-ом* (конструкция сравнения) и *N' N'-ом, а/но [N'' N'''-ом]* (конструкция топикализации). Такие конструкции идиоматичны: их смысл не выводится из суммы грамматических и лексических значений составляющих их элементов. Исследуемые конструкции являются частично омонимичными. Анализируются особенности сочетаемости при выборе единиц-филлеров, заполняющих свободные позиции (слоты). Приведенные фразеологизмы-конструкции демонстрируют, с одной стороны, ограничения на сочетаемость, а с другой стороны — весьма широкие возможности контекстно-зависимого и игрового употребления. В то же время ряд подобных ФК «застывает» и приобретает более устойчивую форму, фактически переходя из ФК в другие типы фразеологизмов — идиомы (*честь честью, чин чином*) или пословицы (*Дружба дружбой, а табачок врозь / а служба службой*). Креативность проявляется в выборе контекстно-зависимых филлеров, создании новых форм, игровой модификации уже застывших форм конструкций (фактически, переходящих во фразеологизмы других типов).

Ключевые слова: фразеология, фразеологизмы-конструкции, фразеосхемы, варьирование, модификация, лингвокреативность.

DRONOV PAVEL S.

Moscow, Russia

CREATIVITY OR NOT, BUT ...: ON THE EDGES AND BOUNDARIES OF CREATIVITY IN THE FIELD OF PHRASEOLOGICAL CONSTRUCTIONS

Abstract. This article deals with two Russian phraseological constructions (phraseoschemata), the comparative *N' N'-om* and the topicalizer *N' N'-om, a/no [N'' N'''-om]* (cf. English *N' or not / N' or no N' / N' is N', but*),

analysing their combinability and the choice of fillers for vacant nominal slots. The constructions are partly homonymous, differing in the choice of fillers. The study reveals that creativity is manifested in the context-based choice of fillers, in newly-coined forms, as well as in creative modifications of the frozen forms of phraseological constructions, which are de facto turned into figurative units of a different kind, e.g. idioms (*čest' čest'û* 'the way it should be' [literally, "honour by honour"]) or proverbs (*Družba družboj, a tabačok vroz' / a služba služboj* 'Friendship or not, business is something completely different' [lit. "Friendship [is] by friendship, but tobacco is not to be shared / but affairs [are] by affairs"]).

Keywords: phraseology, phraseological constructions, variability, modifications, creativity.

В данной работе рассматривается языковой феномен фразеологизмов-конструкций — устойчивых многословных форм, обычно отчасти заполненных («якоря») и открывающих вакантные позиции («слоты»), которые непосредственно в речи заполняются различными лексемами или сочетаниями лексем («филлеры»). Для обозначения этого явления используются и другие термины, в частности: фразеосхема (по Д.Н. Шмелеву [Шмелев 1971: 325]), синтаксический фразеологизм [Баранов, Добровольский 2008], предложение фразеологизированной структуры [Грамматика-80], фразеошаблон [Fleischer 1982; Pavlova 2020]. В результате заполнения слотов филлерами в речи создается конструкт, основанный на модели, принадлежащей к уровню языковой системы. Фразеологизмы-конструкции (ФК), таким образом, являются одним из тех языковых явлений, которые роднят и объединяют язык и речь.

Такие конструкции идиоматичны: их смысл не выводим из суммы грамматических и лексических значений составляющих их элементов. Так, чтобы адекватно понять выражение *всем мастерам мастер* или *всем руководителям руководитель*, недостаточно знать возможные грамматические значения именительного и дательного падежа и лексические значения слов *все, мастер, руководитель*: требуется знать конструкцию как нечто целое, обладающее собственным особым значением, не выводимым из его элементов и их суммы, — несмотря на то, что конкретные существительные в дательном множественного и в

именительном единственного числа в зависимости от контекста могут меняться. Данная ФК в общем виде означает высокую оценку, похвалу и употребляется в синтаксической роли сказуемого. Местоимение *всем*, повтор следующего после него существительного, употребление его сначала в дательном множественного, а затем в именительном ед. ч. — величины постоянные, так что сразу вырисовывается модель: *всем N'Dat Pl N'Nom Sg*, где *N'Dat Pl* — существительное в дательном мн. ч., а *N'Nom Sg* — то же существительное в именительном ед. ч.

ФК отличаются от традиционных фразеологизмов открытостью слотов. Многие черты роднят ФК с иными типами конструкций, например, наличие у модели значения до её заполнения в речи: «существуют определенные пословичные структуры, которые стали основой для десятков пословиц, например: *куда X, туда и Y, без X нет Y, каков X, таков и Y* и т.д.» («<...> certain fundamental proverb structures exist that have been the basis for dozens of proverbs, as, for example, 'Where there's X, there's Y,' 'No X without Y,' 'Like X, like Y,' 'One X does not make a Y,' and so on») [Mieder 1993: 9].

Среди ФК имеются более продуктивные и менее продуктивные. Так, конструкция *X как X (дом как дом; отпуск как отпуск;* ср. также в англоязычном романе В.В. Набокова "Pnin": "*Yes, I see, vizhu, vizhu, kampus kak kampus: The usual kind of thing*" [НКРЯ]) допускает практически неограниченный набор филлеров-существительных, т.е. высокопродуктивна, в отличие, скажем, от ФК *N_{Nom} по Pers P_{Dat} плачет (Кащенко по нему плачет; Колония по нему плачет)*, у которой возможных филлеров крайне мало.

Казалось бы, продуктивность напрямую связана с креативностью: чем больше свободы в заполнении слотов в речевом потоке, тем выше креативный потенциал ФК. Однако это верно лишь отчасти. Имеется довольно большое количество ФК, которые совмещают высокую продуктивность с полным отсутствием креативного потенциала, так как представляют собой фразы по типу реплики-эха, например: *X'-то X', но/да...*, где филлером *X'* может являться любое слово из предшествующей реплики себе-

седника, повторённое дважды. Но есть такие ФК, у которых наблюдаются и высокая продуктивность, и креативный потенциал. Например: *из Pers P'_{Gen}/N'_{Gen} [такой/такая] N'' [,]* как *из Pers P'_{Gen}/N'_{Gen} N''*. В этой ФК вторая её часть предоставляет широкое поле для выдумки, как и вообще любой сравнительный оборот. Ср.: *Из меня танцор, как из мыла затычка; Из тебя такой моторист, как из моего пальца — корабельная мачта* [НКРЯ]; *Из тебя сваха, как из меня россомаха* (речевое общение Интернета). Но интересно, что даже для ФК, которые, казалось бы, предоставляют большую свободу для творчества, постепенно возрастает частотность повторений одних и тех же образов: *как из кого-л. балерина, китайский император, английская королева, как из цыгана поп*. Ср. замечание В.З. Демьянкова: «знание “конъюнктурной”, реальной сочетаемости единиц входит в аутентичное употребление языка, предполагающее знакомство со стереотипами и клише, с преходящей модой на фигуры выражения — с претензиями на креативность, зафиксированными в памяти народной. <...> понятие креативности сродни невероятности и невозможности. Чем менее вероятно и правдоподобно слово в данном контексте, тем более креативно с ним предложение. Осознанно вплетаемые в речь креативы и преподносятся по-особому, с особым поведенческим гарниром: скажем, с шутиливой интонацией и своеобразным взглядом, бросаемым на слушающих, чтобы удостовериться, насколько креатив оценен» [Демьянков 2021: 22].

Для некоторых ФК наблюдаются целые наборы готовых, узуальных формул — при том, что сами ФК остаются открытыми моделями, которые, наряду с длинным списком фраз-формул предоставляют создателю текста и широкие возможности для креативности. Такие ФК можно обозначить как продуктивные и непродуктивные одновременно: говорящий имеет возможность проявить остроумие или воспользоваться уже готовыми языковыми средствами, построенными по модели, к которой он в момент речи обращается. Мы опишем ниже две таких модели.

$$N'_{Nom} N'_{Instr}$$

ФК $N'_{Nom} N'_{Instr}$ (или, для простоты, $N'N'$ -ом) можно отнести к

монопредикативным тавтологическим предложениям [Копотев, Стексова 2016: 68] и субстантивно-субстантивным (N + N) словосочетаниям [Сигал 2020]. Приведем четыре примера употребления:

(1)

а. Но Никишку черныги совсем не занимали: мысли его были далеко, в Крыму, в сказочной Ялте, куда уезжают *щепка щепкой* и откуда приезжают *боров боровом*. [С. Н. Сергеев-Ценский. Счастье (1902); НКРЯ].

б. Дремучие ельники стояли *стена стеной*, точно войско. [Д. Н. Мамин-Сибиряк. В глуши (1896); НКРЯ].

в. На фотографиях эта пухлая девица выглядела куда вменяемее. Вполне сносно и терпимо. И даже казалась вполне телегеничной. В жизни же — *буратина буратиной*. Такой дай команду: «Шагом марш!» — так она на месте и рухнет, потому что забудет, как ходить! [Татьяна Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений» (2010); НКРЯ].

г. Он в жизни может быть *дурак дураком*, но автор написал ему монолог о дураках, и — глядишь, на сцене умница и иронист. [Михаил Козаков. Актерская книга (1978-1995); НКРЯ].

В (1а) словосочетания *щепка щепкой* и *боров боровом* являются сравнениями и означают, соответственно, ‘очень худой’ и ‘очень толстый’. ФК *стена стеной* (1б) — также сравнение: *ельники стояли стена стеной* можно переформулировать как *ельники стояли [совсем] как стена*. В (1в) происходит усиление значения слова *буратина* — просторечного метафорического обозначения нескладной женщины. Аналогично ФК *дурак дураком* (1г) означает большую интенсивность признака, чем предикатив *дурак*. В целом, значение конструкции *N'N'-ом* можно сформулировать как ‘сравнение субъекта описываемого действия с неким предметом, сопровождаемое экспрессивной оценкой’. Эта модель достаточно продуктивна: так, в основном корпусе НКРЯ обнаруживается 1010 примеров ее употребления.

В данной конструкции первый слот заполняется существительным только в форме именительного падежа единственного числа, второй слот заполняется тем же существительным в фор-

ме творительного падежа единственного числа. Теоретически возможно заполнение слотов одинаковыми существительными *pluralia tantum* ([?]*каникулы каникулами*), но примеров тому в корпусах не найдено. Существительное, заполняющее слот, не может быть несклоняемым: конструкции типа *пальто пальто* и *метро метро* будут, скорее всего, восприниматься говорящим и слушающим как разновидность редупликации аналогично *Такая девочка-девочка, деревня-деревня* [Гилярова 2010] (впрочем, эта черта общая для обеих омонимичных ФК — см. ниже). Невозможно заполнение слотов словосочетаниями, даже если это коллокации типа *железная дорога* или *белый медведь*. Перед первым существительным может стоять глагол, например: *смотрит зверь зверем, налетели туча тучей* ('очень много'), *ходит туча тучей* ('с мрачным видом').

Слоты заполняются существительным, с денотатом которого сравнивается объект; при этом конструкция интенсифицирует соответствующую характеристику. Основание для сравнения (что общего говорящий обнаружил между сравниваемым объектом и денотатом филлера) в конструкции не названо, но может содержаться в контексте. Если основание для сравнения в контексте не обозначено, то филлер должен быть подобран говорящим таким образом, чтобы реципиент мог догадаться, какое именно качество послужило критерием для сравнения. А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский отмечают, что семантика выражений, образованных по данной модели, бывает разной: в одних случаях сравнение и уподобление эксплицитно (*дурак дураком, увальень увальнем*), а в других — нет: «семантика выражения *туча тучей* отнюдь не сводится к обозначению тучи, а характеризует психическое состояние человека: *быть туча тучей* = 'из-за того, что случилось нечто плохое (неудача, неприятности и т.п.), находиться в негативном психологическом состоянии, характеризующемся подавленностью, что заметно по внешним проявлениям и *утрировано* — *в виде повтора* — *уподобляется грозовому облаку, воспринимаемому как опасность и обладающему цветом, символизирующим плохое*» [Баранов, Добровольский 2013: 89—90].

Данная конструкция представлена клишированными формами: *дурак дураком, дура душой, честь честью, чин чином*³, *зверь зверем, свинья свиньей*. Однако наряду с клишированными формулами говорящему предоставляется свобода заполнять слоты по своему усмотрению. Продукты реализации конструкции *N' N'-ом* могут быть более или менее идиоматичными и в разной степени метафоричными, но в то же время оценочными. Иногда используются слова, метафорические и оценочные значения которых закреплены за ними уже на уровне языковой системы, например: *драндулет драндулетом* (о машине).

Часто филлеры-существительные на уровне языковой системы безоценочны и приобретают семантику оценки уже в речи, в рамках конструкта. Например, в следующем тексте ФК содержит высокую оценку и означает 'очень здоровый человек':

(2) У меня давление как ни померяешь — *космонавт космонавтом*, ну или совсем чуть-чуть пониженное. (Речевое общение Интернета).

Оценка может отсутствовать, а ФК может прочитываться исключительно как перенос по сходству признаков. Ср.:

(3)

а. Семейный автомобиль по демократичной цене — часто за этими словами скрывается пустота. Все точеные грани остаются снаружи, а внутри — просторный, но как бы полый салон, места много, но все оно какое-то бесполезное и некомфортное — *воздух воздухом*. А крышка багажника поднимается высоко, как у хетчбэка, хотя со стороны автомобиль — *седан седаном*. [Не

³В застывших клишированных формах *честь честью* и *чин чином* 'как полагаются, именно так, как следует' исходная семантика сравнения отходит на второй план. По-видимому, в последнем случае это связано с тем, что *чин* в современном языке не употребляется в значении 'порядок'. Тем не менее, даже в этих формах мы можем реконструировать и интенсификацию, и сравнение: 'именно в той мере, в какой это вызывает почет и уважение' (*честь честью*) и 'именно в той степени, в какой это совпадает с установленным порядком' (*чин чином*). Очевидно, эти формулы являются особыми случаями употребления и отличаются от остальных способов реализации исследуемой конструкции; на это указывает и то, что у них появляются собственные варианты: *честь по чести, чин-чинарем*.

отдадим свободы // Коммерсант, 2020.06; НКРЯ].

в. Павла успела заметить, что за спиной его на тропинке стоит еще один: с виду *спортмен спортсменом*, но с миниатюрной ракетой в руках. (Марина Дяченко. Пещера).

Наиболее интенсивный творческий акт как когнитивное действие наблюдается, конечно, в случаях, когда говорящий придумывает свежий, неизбитый образ для сравнения, как в примере (1с). Однако и при использовании для создания конструкторов неметафоричных на уровне языка филлеров, как в примерах (2, 3), требуется образное мышление, умение сравнивать, сопоставлять, хорошая память, наблюдательность — как, в принципе, и для любой когнитивной операции сравнения вообще. Наконец, выбор из уже готовых фраз-формул также представляет собой акт креативности, хотя и иного рода: говорящий вспоминает, что в его языке имеется подобная конструкция, яркая и образная уже сама по себе, на уровне модели. Подобрать вовремя подходящую готовую языковую формулу также является свидетельством творческого отношения с речепорождению.

N'Nom N'Instr а/но

Эту конструкцию не следует путать с ФК, описанной выше — напротив, правильнее было бы рассматривать обе ФК как своего рода омонимы. Приведем несколько примеров употребления:

(4)

а. *Связи связями, но надо же и совесть иметь.* [Е. Л. Шварц. Золушка (1946); НКРЯ].

б. *Шутки шутками, а я действительно видел живых факиров...* [Юрий Трифонов. Дом на набережной (1976); НКРЯ].

с. Но, с другой стороны, *конъюнктура конъюнктурой, а жизнь жизнью.* [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001; НКРЯ].

д. И хотя мы жили с дедушкой под одной крышей, жили одной семьёй, но *крыша — крышей, семья — семьёй, а дело — делом.* [Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975-1977); НКРЯ].

По этим примерам видно, что данная конструкция многозначна. В первом значении, иллюстрированном примерами (4а) и (4б), интересующая нас ФК выполняет функцию усиления те-

мы (топикализации) и одновременно противопоставления этой подчёркнутой удвоением филлера темы реме, вводимой противительным союзом. Тема N' , усиленная повторением того же слова в творительном падеже, может быть позаимствована из предыдущей реплики (контрагента или собственной), но также может быть синонимом к чему-либо сказанному выше или может просто вытекать (по мнению говорящего) из ситуации в целом. Скажем, в фильме «Золушка» по сценарию Евгения Шварца король в конце фильма произносит (ставшую благодаря этому фильму крылатой) фразу: *Связи связями, но надо же и совесть иметь*, имея в виду в первую очередь мачеху и ее дочерей, но заодно и высказывая общую сентенцию о жизни. Тема *связи* не вытекает из непосредственного левого контекста в данном финальном эпизоде фильма, но связи мачехи упоминаются в тексте сценария фильма несколько раз. О них разглагольствует сама мачеха, а одна из первых реплик феи звучит так: *Ненавижу старуху лесничиху, злобную твою мачеху, да и дочек её тоже. Я давно наказала бы их, но у них такие большие связи!* Таким образом, тема связей, хотя и не подсказана королю непосредственно предшествующим контекстом, в контексте фильма в целом присутствует. Эта усиленная благодаря синтаксису ФК тема представляется адресату финального монолога короля пресуппозицией.

Во втором значении той же ФК (4с, 4d) мы обнаруживаем синтаксический параллелизм обеих частей предложения, так что модель выглядит как $N'_{Nom} N'_{Instr} a N''_{Nom} N''_{Instr}$. В этом значении после первой части конструкта возможно употребление только союза *a*. Говорящий сообщает, что высказанное в первой части не связано напрямую или не должно быть связано непосредственно с тем, что сказано во второй части конструкта: ‘ N' само по себе, а N'' само по себе’. При этом содержание второй части важнее. Например: *Душа душой, а власть властью* = ‘Несмотря на то, что душа важна, власть важнее, и одно с другим напрямую не связано’. Значение 2 отличается от значения 1 лишь незначительно: по сути, здесь добавляется параллелизм форм, в результате чего конструкт в стилистическом отношении приоб-

ретаает оттенок философически-назидательный.

Конструкция *N' N'-ом, а/но[N'' N''-ом]* допускает заполнение филлеров самыми разными существительными в зависимости от контекста, в том числе возможно и явно креативное, игровое употребление. Ср.: *Бытовая пьеса. «Лес — лесом, а бас — басом»* [С. Д. Кржижановский. Пьеса и ее заглавие (1939) // «Новое литературное обозрение» N 52 (2001), 2001; НКРЯ]. В то же время, как и у предыдущей конструкции, у нее есть застывшие формы: *Дружба дружбой, а служба службой; Дружба дружбой, а табачок врозь; Война войной, а обед по расписанию; Шутки шутками / Смех смехом, а...* Некоторые из них могут получать собственные игровые и контекстно-зависимые модификации, ср.:

(5)

а. Интересно отметить и то, что более важное для себя произведение «Капитал» Маркс писал самостоятельно, тайком, без Энгельса, при этом с усмешкой повторяя по-немецки «Фройндшафт — фройндшафт, абер гельд зинд ниht цузамен!», что, как вы догадались, по-русски переводится как «*дружба дружбой, а Капитал — врозь!*» [Григорий Горин. Иронические мемуары (1990-1998); НКРЯ].

б. В далеком вьетнамском Сайгоне генерал Уильям Чайлдз Уэстморленд разрубил воздушную массу теннисной ракеткой. *Война войной, а сет-пойнт по расписанию.* Репортер Питер Арнетт отмахивался от мух и удивлялся, что генерал так увлечен теннисной партией. [И. Н. Вирабов. Андрей Вознесенский (2015); НКРЯ].

Заключение

В [Janda, Kopotev, Nessel 2020: 110—111] формы *N' N'-ом* и *N' N'-ом, а/но[N'' N''-ом]* рассматриваются как разные значения одной конструкции, однако, на наш взгляд, правильнее считать их омонимами. Во-первых, у них резко расходятся семантические функции: *N' N'-ом, а/но[N'' N''-ом]* используется для эфематической топикализации, а также является средством противопоставления темы и ремы. Во-вторых, у филлеров обеих ФК различаются морфологические свойства. Например, слоты кон-

струкции *N' N'-ом, а/но[N'' N''-ом]* могут заполняться существительными в форме как единственного, так и множественного числа; как обычными существительными, так и субстантивированными прилагательными, именами собственными без ограничений, словосочетаниями, что отличает ее от конструкции *N' N'-ом* в значении сравнения.

Приведенные фразеологизмы-конструкции демонстрируют, с одной стороны, ограничения на сочетаемость, а с другой стороны — весьма широкие возможности контекстно-зависимого и игрового употребления. В то же время ряд подобных ФК «застывает» и приобретает более устойчивую форму, фактически переходя из ФК в другие типы фразеологизмов — идиомы (*туча тучей, честь честью*) и пословицы или речевые формулы (*Дружба дружбой, а служба службой*).

Казалось бы, конструкция-сравнение обладает более высоким креативным потенциалом, чем конструкция-топикализация. Однако образное мышление, воображение, умение сопоставлять, хорошая память, наблюдательность требуются и при, казалось бы, не столь явно творческом выборе темы высказывания, если она не названа напрямую в левом контексте (как это имеет место в примере *Связи связями, но ...*), а также при выборе уже готовых фраз-формул, предоставляемых говорящему системой языка. Наконец, креативность проявляется в возможности игровых модификаций даже этих застывших форм.

Именно связь разных типов фразеологизмов, возможность их варьирования и контекстно-зависимых преобразований делает дальнейшие исследования подобных фразеологизмов-конструкций (ср. [Avgustinova, Iomdin 2019] и Конструктикон, разрабатываемый [Jandaetal. 2018]) столь перспективными.

Литература

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008.

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Основы фразеологии (краткий курс). Учебное пособие. М: Флинта; Наука, 2013.

Гилярова К. А. *Такая девочка-девочка*. Семантика редупликации существительных в русской разговорной речи и языке интернета //

Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 26-30 мая 2010 г.). Вып. 9 (16). М.: Изд-во РГГУ, 2010. С. 90-96.

Демьянков В. З. Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллективная монография / Отв. ред. И.В. Зыкова. М.: Р.Валент, 2021. С. 21—99.

Копотев М. В., Стексова Т. И. Исключение как правило: переходные единицы в грамматике и словаре. М.: Языки славянской культуры: Рукописные памятники Древней Руси, 2016. (Studia philologica).

НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>.

Сигал К. Я. Теория словосочетания и речевая деятельность. Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. М. — Ярославль: Издательство «Канцлер», 2020. Русская грамматика. Том II. Синтаксис / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980.

Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. — М.: Просвещение, 1977.

Avgustinova T., Iomdin L. Towards a Typology of Microsyntactic Constructions // Computational and Corpus-Based Phraseology, 2019, Volume 11755. P. 15—30. https://doi.org/10.1007/978-3-030-30135-4_2.

Fleischer, W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1982.

Pavlova A. Und ob es Phraseologie ist! // C. Engel, I. Pohlan, S. Walter (Hg.). Russland übersetzen / Russia in Translation / Россия в переводе. Festschrift für Birgit Menzel. — Berlin: Frank&Timme, 2020. S. 117—132.

Janda L., Lyashevskaya, O., Nessel T., Rakhilina E., Tyers F.M. A construction for Russian: Filling in the gaps // Lyngfelt B. et al. (eds.): Constructicography: Constructicon development across languages. Amsterdam/Philadelphia: Benjamins. 2018. P. 165—181.

Janda L. Kopotев, M., Nessel, T. Constructions, their families and their neighborhoods: the case of *durak durakom* ‘a fool times two’ // Russian Linguistics, 44, 2020.P. 109-127. <https://doi.org/10.1007/s11185-020-09225-y>.

Mieder W. Proverbs Are Never Out of Season: Popular Wisdom in the Modern Age. New York; Oxford: Oxford University Press, 1993.

REFERENCES

Baranov A.N., Dobrovolskij D.O. Aspekty teorii frazeologii. — М.: Znack, 2008.

Baranov A. N., Dobrovolskij D. O. Osnovy frazeologii (kratkij kurs). Uchebnoe posobie. M: Flinta; Nauka. 2013.

Gilyarova K. A. Takaya devochka-devochka. Semantika reduplikacii sushchestvitel'nyh v russkoj razgovornoj rechi i yazyke interneta // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoj Mezhdunarodnoj konferencii «Dialog» (Bekasovo, 26—30 ma-ya 2010 g.). Vyp. 9 (16). M.: Izd-vo RGGU, 2010. S. 90—96.

Dem'yankov V. Z. Lingvokreativnost' v diskursah raznyh tipov: Predely i vozmozhnosti // Lingvokreativnost' v diskursah raznyh tipov: Predely i vozmozhnosti: kollektivnaya monografiya / Otv. red. I.V. Zykova. M.: R.Valent, 2021. S. 21—99.

Kopotev M. V., Steksova T. I. Isklyuchenie kak pravilo: perekhodnye edinicy v grammatike i slovare. M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury: Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi, 2016. (Studia philologica).

NKRYA — Nacional'nyj korpus russkogo yazyka [Elektronnyj resurs]. — Rezhim dostupa: <http://www.ruscorpora.ru>.

Sigal K. YA. Teoriya slovosochetaniya i rechevaya deyatelnost'. Ros. akad. nauk, In-t yazykoznanija Rossijskoj akademii nauk. — YAroslavl': Izdatel'stvo «Kancler», 2020. Russkaya grammatika. Tom II. Sintaksis / gl. red. N.YU. SHvedova. M.: Nauka, 1980.

SHmelev D.N. Sovremennyy russkij yazyk. Leksika. — M.: Prosveshchenie, 1977.

©Дронов П.С., 2022

Дронов Павел Сергеевич – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник. Институт языкознания Российской академии наук (Москва, Россия).

Адрес: 125315, Москва, Ленинградский пр-т 66-29, Российская Федерация

E-mail: nord.dronov@gmail.com; dronov@iling-ran.ru.

Dronov Pavel Sergeevich – Candidate of Philology, Senior Researcher. Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Т. А. КРУГЛЯКОВА
ЧЕН ЮЙФАНЬ
Санкт-Петербург, Россия
t.kruglyakova@spbu.ru
st094080@student.spbu.ru

УДК 81'42:81\25

«КУЛИНАРНЫЕ ПРИКОЛЫ ИЗ ПОДНЕБЕСНОЙ»: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ОШИБКИ КАК СПОСОБ СОЗДАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ШУТКИ

Аннотация. Одним из средств создания комического является конструирование абсурдного текста, лишённого связности как на синтаксическом, так и на семантическом уровне. Нередко шутка может строиться и на обыгрывании восприятия несвязного текста, продуцируемого некомпетентным пользователем языка: то, что было ошибкой для продуцента, становится приемом для реципиента. Доклад строится на материале Интернет-страниц, публикующих коллекции ошибок переводчиков в текстах меню кафе и ресторанов. Предполагается рассмотрение особого юмористического жанра, который условно можно назвать «абсурдное меню». Рассматриваются способы интерпретации чужой речи как механизм создания языковой шутки, анализируются направления межъязыковой и внутриязыковой интерференции на графическом, фонетическом, грамматическом и семантическом уровнях, приводящей к созданию комического эффекта.

Ключевые слова: восприятие текста, интерференция, комический эффект, переводческие ошибки, связность текста, юмор, абсурдные тексты.

KRUGLYAKOVA TATIANA A.
CHENG YUFAN
St. Petersburg, Russia

“COOKING GAGS FROM CELESTIAL EMPIRE”: TRANSLATOR’S ERROR INTERPRETATION AS A WAY TO CREATE A LANGUAGE JOKE

Abstract. One of the way of creating jocular could be constructing of an

absurd text free of connectedness both on syntactic and semantic level. Very often a joke could be based also on the playing up the perception of incoherent text produced by incompetent language user. Something that was a mistake for a producer became a method for recipient. The lecture is based on Web pages that publicized collections of translator's mistakes in the texts of café and restaurant menu. The special humoristic genre is under consideration. It could conditionally be named "Absurd menu". Ways of other's speech interpretations as a mechanism of creating a language joke are also considered. Directions of interlingual and intralingual interference on graphic, phonetic, grammar and semantic levels that lead to creation of comic effect were under analysis in the lecture

Keywords: perception, interference, comic effect, translator's error, cohesion.

Одним из видов современной языковой игры является коллекционирование разнообразных речевых ошибок. История этого увлечения насчитывает не одно десятилетие: так, еще в начале XX века коллекцию детских речевых «неправильностей» собирал и публиковал К. И. Чуковский – сначала в небольшой брошюре «Маленькие дети», а потом в постоянно переиздававшейся книге «От двух до пяти». В материалах К. И. Чуковского психологи и лингвисты видели источник информации о речевом и когнитивном развитии ребенка, а обыватели – способ расслабиться и посмеяться. Многократное перепечатывание фрагментов из книги Чуковского в юмористических разделах газет свидетельствует: даже если ребенок отступает от языковой нормы ненамеренно, взрослый часто относится к ее осмыслению как к возможности реализовать свой лингвокреативный потенциал.

Чуковский отмечал, что первые языковые шутки, доступные ребенку, представляют собой фразы, построенные на логических несоответствиях по типу «Кошка лает» [Чуковский 2010: 260]. Первым же юмористическим жанром, обращенным к детям, становятся фольклорные перевертыши и небылицы. Рассматривая «причины веселости», которую вызывают эти тексты у воспринимающего их ребенка, исследователь приходит к выводу, что произведения, построенные на логических, а часто и грамматических несоответствиях, помогают ребенку не только «укрепиться в норме», но и «повысить свою самооценку» [Там

же: 271–272].

Для взрослого возможность почувствовать себя выше других также остается неиссякаемым источником хорошего настроения: шутки, высмеивающие недостаточное знание языка, остаются популярными далеко за пределами детства. Существует цикл широко известных анекдотов об иностранцах, попадающих впросяк в элементарных бытовых ситуациях, в том числе не умеющих сделать заказ в ресторане (ср., например, анекдот о китайце, который желает заказать щавель с яйцами и просит: «Шевели яйцами»). Рассматривая популярность анекдотов об иностранцах, А. Шмелев и Е. Шмелева отмечают, что представления о нормативном поведении формируются на основании наблюдений над собственным этносом, в результате чего черты поведения, свойственные иным народам, воспринимаются как смешные и глупые: «Тем более смешными кажутся нарушения носителями других языков речевых стереотипов родного языка рассказчика. Это касается как нарушения собственно языковых норм (акцент, несвойственные языку рассказчика синтаксические конструкции), так и пристрастия к речевым стратегиям, не характерным для языка рассказчика» [Шмелев, Шмелева 2014].

В одном ряду с анекдотами об иностранцах стоят многочисленные подборки ошибок некомпетентных пользователей языком, читая которые носитель языка без всякого усилия со своей стороны получает возможность и «укрепиться в норме», и «повысить самооценку». Такие подборки чрезвычайно популярны в Интернете: так, Google предлагает 870 тысяч страниц на запрос «Смешные ошибки в меню», 220 тысяч – «в китайском меню».

Материалом нашего исследования служат страницы на сайтах, названия которых говорят сами за себя: «Уморительные названия блюд на русском в китайском меню», «Смешной перевод в китайских кафе и ресторанах», «Смешное китайское меню на русском», «Приколы из Поднебесной», «Юморное китайское меню» и др.

В современной лингвистике меню рассматривается как самостоятельный речевой жанр [см., например, учебное пособие Покровская Дудкина, Кудинова 2011]. Становясь объектом лин-

гвистического интереса, меню и даже название отдельного блюда исследуется как мини-текст, обладающий основными текстовыми характеристиками – связностью и цельностью. Исследуя изменения, произошедшие в жанре за последнее столетие, Р. Лакофф писала: «Мы уже не ходим в рестораны просто есть еду – мы идем, чтобы вступить с ней в дискурс, общаться с ней. Мы должны играть с нашей едой – или, по крайней мере, относиться к ней игриво» [Лакофф 2012: 144]. Одной из возможных игр становится ретрансляция текста, который условно можно назвать абсурдным меню.

Абсурдное меню представляет собой коллекцию фотографий ценников или фрагментов реальных меню на разных языках с вызывающим смех переводом на русский, иногда снабженных комментариями составителя. Установка на истину обязательна, поэтому рассмотрение материала возможно с двух позиций: анализ причин ошибок продуцента и исследование реакции реципиента на допущенную ошибку, причем последнее возможно как с психолингвистических (что кажется смешным носителям русского языка?), так и с этнолингвистических позиций (как воспринимаются иностранные языки и его носители средним представителем русскоязычной культуры?). С позиций психолингвистики ошибки переводчиков исследуются как свидетельство сбоя в речевой программе высказывания на уровне контроля, способного многое рассказать о самих механизмах переводческой деятельности [Овчинникова, Павлова 2021: 105]. Однако не менее интересен и аспект исследования рецепции ошибки, который пока еще не стал объектом специального научного интереса.

Несмотря на то, что страницы меню, рассмотренные нами, содержат в своих названиях указание на китайский язык, часто приведенные материалы являются переводами с других языков, в том числе греческого, тайского, арабского, японского и др. Иногда автора подборки в заблуждение вводит непривычная графика: буквы, отличные от кириллических и латинских, воспринимаются не просто как иероглифы, но именно как китайские иероглифы: *ปลาหมึกผัดไข่เต๋มสดน้ำพริกเผา* (с тайского – жарен-

ные кальмары с яйцом и пастой) – *Пыхтеть пыхтеть Соленые яйца с Перец*. Воспринимающий чаще всего не может проверить правильность перевода или хотя бы построить догадку о звучании названия и просто наслаждается смешным названием.

Но удивительнее, что в подборках «Перевод с китайского» оказываются переводы с европейских языков, использующих латиницу, – с итальянского, немецкого, даже английского. Так, на одном из сайтов перевод «*Schlagsahne – Whipper cream – Избивали плетью крем*» (ср. прямое значение немецкого *Schlagen* и английского *whip* ‘ударять, стегать’) снабжен комментарием автора: «Так и запишем: китайцы всем сердцем ненавидят крем». Мы видим, что китайский язык выступает в сознании воспринимающего субъекта как чуждая и потому достойная осмеяния языковая система, а китайцы как прототипические образцы чудаков, не умеющих пользоваться речью. В каком-то смысле в современной русскоязычной культуре китайцы занимают нишу, которую много веков раньше занимали в сознании их предков «немцы» и «чудь» – странные и немые, т. е. не умеющие «нормально» разговаривать, люди.

Главным способом создания комического эффекта становится помещение в центр внимания текста, лишённого такой важной текстовой характеристики, как связность.

Связность может нарушаться из-за неожиданного «переключения кода» – внезапного перехода с одного языка на другой. Смешение языков может сопровождаться смешением азбук: *酸辣无骨凤爪 – Жестковатые characterless ноги цыплёнка*. Недостаточно уверенное владение кириллицей приводит к межъязыковым и внутриязыковым смешениям сходных написаний: греческих беты Β и сигмы Σ и кириллических В, Е в *ΒΑΚΑΛΑΟΣ, вакалаое*; русской У и латинской У игрек в *Гоблядуна* (к тому же тут, вероятно, отражается акцент носителей испанского в произношении губных мягких согласных), заглавных кириллических И и Н: *суп из свиного желудка* (вероятно, предполагалось необходимым написание *свинного*).

К нарушению связности или переосмыслению грамматических и семантических связей может приводить включение

транскрибированных слов чужого языка: *Braised beans with cheese* – *Браисед фасоли творогом*, где *фасоли* воспринимается не как форма мн. ч. им. п., а как род. п. ед. ч.; беспредложное *творогом* прочитывается в основном для данной формы инструментального значения.

В принципе практика транскрибирования экзотических кулинаронимов чрезвычайно распространена, однако профессиональные переводчики принимают решение оставить слово без перевода на основании отсутствия эквивалентов в принимающем языке. В текстах абсурдного меню к транскрибированию прибегают случайно: *Tomato and Basil sauce* – *Помидор и Бэзил* (при наличии *базилик* в русском языке). Наиболее выраженным комическим эффектом обладают частично транскрибированные названия, вызывающие обценные (*招牌菜 花夏* – *фирменный салат Хуа Ся* (huā xià ‘Цветочное лето’)) или просто забавные ассоциации (*木須肉* – *мясо Мусюй*, в названии *Ми хи гои* для носителя китайского языка содержится утверждение, что блюдо напоминает по форме цветок *Ми Хи*).

Описывая ступени смыслового понимания, Г. И. Богин отмечал, что на первом этапе целью слушающего является декодирование отдельных единиц текста, и если в идеальной ситуации на следующих этапах слушатель осваивает «предикации, которые лежат в основе составляющих текст пропозициональных структур», и затем восстанавливает «какие-то стороны мыследействия продуцента», то в ситуации ограниченного знакомства с языком он может останавливаться на первой ступени [Богин, 1998: 66]. Отказ неопытного переводчика от поисков смысла, заключенного в названии, приводит к созданию псевдослов, что ставит название блюда в один ряд с заумными текстами абсурдистской поэзии или фольклорными частушками-нескладухами современного городского фольклора:

<i>Кто стучится в дверь моя?</i>	<i>Кто стучится в дверь моя?</i>
<i>Видишь, дома нет никто.</i>	<i>Видишь, дома нет никто.</i>
<i>Это я твоя жена,</i>	<i>Приходи ко мне вчера.</i>
<i>Чингачгук большой змея.</i>	<i>Будем съели пирожки.</i>

Семантически несвязные названия блюд так же, как и тексты нескладух, не обязательно включают в себя несуществующие слова. Смех вызывает нарушение лексической сочетаемости, вызванной несовместимостью понятийной отнесенности слов: *双菇混鸡与饭* – *Цыпленок двойного гриба скользкий смешивает еду* (курица с двумя видами грибов и рисом), *泰北烤架茄子* *Мирная северная лихорадка заквашивает баклажан* (баклажаны на гриле по-тайски).

Наличие грамматических связей между словами позволяет блогерам искать и находить «тайный смысл», заложенный в нелепых названиях: перевод *阿胶滋补带皮护肉* – *Осел ослом скрыть желатин* (блюдо из ослиного мяса с эцзяо – желатином, получаемым при длительной варке ослиных шкур) дается с комментарием: «Кто составлял меню, тот осел, и этого не скроешь».

К выстраиванию ложных смысловых связей приводят следующие девиации в переводном тексте.

- Многочисленные случаи смешения омонимов и лексико-семантических вариантов многозначных слов: *香菇油菜* – *Грибное изнасилование*, где *油菜* – ‘изнасилование’, ‘рапс’. *娃娃菜炮大虾* – *Ребёнка креветки овощное рагу* (рагу из креветок и капусты), где первые иероглифы следует воспринимать не в значении ‘детский’, а как указание на небольшой размер кочанов китайской капусты; порядок слов и отсутствие предлога мешает установлению верных грамматических связей. Часть из подобных ошибок вызвана использованием языка-посредника: *粟米忌廉汤 Sweet Corn cream Soup* (крем-суп из сладкой кукурузы) – *Суп сладостной мозоли* вместо. *铁板培根香肠卷* – *Iron bacon sausage rolls* – *Утюг рулоны сало колбасы* (поджаренные на противне рулеты из колбасок и бекона), где первые два иероглифа обозначают ‘железный противень’, что переводится на английский как *iron* и уже вторично на русский как *утюг*.

- Смешение межъязыковых омонимов, возникающее вследствие использования языка-посредника: *西冷牛排* – *Мясная скоба*, где переведенным оказывается транскрибированное с

английского *Xi leng – Sirloin*, в свою очередь восходящее к французскому *Sur Loin* (вырезка с верхней части); 韩饮果汁饮料 (корейский напиток) – Хан пьет сок, где 韩 – han следует перевести как корейский.

- Неразличение значений идеографических синонимов: 扒王 – Царь-пастух, где 牛扒 – говяжий стейк, 王 – король в значении ‘лучший среди других подобных’, данного значения нет у царь.

- Разнообразные грамматические ошибки, приводящие к переосмыслению лексических значений слов: 豆瓣干烧鱼 – *Фасоли горят рыб*, где неожиданная форма *рыб* с нулевым окончанием воспринимается как вин. п. мн. ч., что приводит к каузативному изменению значения глагола *гореть* – ‘делать так, чтобы горел’ (ср. распространенные языковые шутки *Гулял собаку, Поступил сына в институт*).

- Неверный порядок слов и ошибочная трактовка грамматических форм: 西域土豆泥 – *Западной картошки помятые зонной*, где первые два иероглифа имеют значение ‘западные регионы’, следующие два – ‘картофель’, последний указывает на способ приготовления – пюре. Порядок слов в русском варианте не дает комментаторам понять, о чем идет речь, и вызывает многочисленные шутки: «Да, зона – место суровое, мнет даже картошку», «Это вызов белорусам» и пр.

- Орфографические ошибки в принимающем языке и на промежуточных этапах перевода: 蒜箭土豆 – *Побеги чеснока поджаренной картошкой*, где предлог, записанный слитно с предшествующим существительным, воспринимается как формант, указывающий на формы множественного числа в условных иностранных языках (по примеру романских или английского); *Risotto asparagi e gamberetti – Rice, asparagus and shrimps* – *Спаржа и креветки смеялись*, где смешанными оказываются *rice / rise*.

- Графическое отражение акцента: 肉炖洋葱 – *Мясо с лугом* (глухие и звонкие русские согласные часто смешиваются в русской речи носителей китайского языка), 烧茄子 – *Жаленые*

баклажаны (типичное неразличение [r] и [l]).

Объединяет указанные типы ошибок тот факт, что они являются следствием поэлементного перевода: у воспринимающего создается ощущение, что переводчик не способен к связной речи: он только выхватывает отдельные слова или отдельные иероглифы и предлагает невероятные варианты названий блюд, которые не отражают и не могут отражать представлений об их составе или способе приготовления (*火烧单饼* – *Лихорадочный пирог*, ср. *烧* – лихорадка, *火烧* – жарить).

Переводы такого рода производят впечатление компьютерных – кажется, что человек не может предложить бестолкового и бессвязного текста. Однако на самом деле в большинстве случаев машинный перевод предлагает гораздо более гладкие варианты: «выхватывание» отдельных элементов без оглядки на целое характеризует именно человеческое восприятие на первых ступенях овладения языком.

Создатели коллекций намеренно трактуют речевые ошибки переводчика как логические, в результате чего создается комический образ человека крайне невежественного в самых разных областях. Опишем только некоторые черты образа нелепого китайского шефа, возникающие в результате комической интерпретации переводческих ошибок.

Во-первых, чудака-иностранец предлагает странные и даже опасные блюда: *纸包大虾* – *Бумажный рак* (в действительности первые два иероглифа обозначают, что блюдо заворачивают в бумагу), *Spagetti aglio olio e peperoncino* – *Oil, garlic and red pepper* – *Нефть, чеснок и красный перец* (в действительности происходит смешение английских омонимов *oil* – ‘масло’, ‘нефть’, вызванное неумением различать их эквиваленты в итальянском и русском языках).

Во-вторых, он персонифицирует приготовленные им блюда: *贪得无厌* – *Ненасытная утка*, где *ненасытная* ошибочно используется в метонимическом значении ‘чрезвычайно вкусная, которой невозможно пресытиться’, отсутствующем в русском языке; *虎皮尖椒* – *Свиный перец пункта возникновения*, где первые иероглифы, указывающие, что приготовленный перец

похож окраской на шкуру тигра, метафорически переосмысляются как ‘свиный, повадками похожий на тигра’.

В-третьих, подозрительный повар не имеет элементарных естественнонаучных представлений: *猪腿* *свинные лапы* (в действительности происходит расширение сферы референции *лапа* ‘нижняя часть конечности млекопитающих, имеющая мягкие подушечки’, передающего более широкое по значению китайское *猪* ‘конечность, нога человека, лапа зверя, блюдо из мясной части бедра или голени’), *鸭下巴* *утиные подбородки*, где *下巴* обозначает не употребляемый в Европе субпродукт – язык птицы.

Усугубляет комический эффект отсутствие грамматической связности. Название китайского блюда *油焖大虾* (*you men da xia* – креветки, тушеные в большом количестве соуса и масла) сначала передается на английский при помощи транскрипции, что, вероятно, связано со стремлением продемонстрировать особый способ приготовления блюда *you men prawn*, а затем уже дословно переводится на русский: **Вы мужчины** *креветка*. Утраченная грамматическая связность с легкостью восстанавливается читателем: «А вот уже и оскорбления пошли», – комментирует блогер.

Авторы меню могут позиционироваться как люди, не владеющие и элементарными знаниями в области языка: в названии *大鹅炖酸菜* *Тушёная гусь с кислой капустой* нелепым кажется восприятие *гусь* как существительного ж. р. 3-го скл., в названии *干炸肉段* *Сухие жареные мяса* смешным представляется использование мн. ч. сущ. *мясо* для обозначения разных сортов мясных изделий. Наличие «инострannого акцента» в этих ошибках делает их еще более забавными. Например, нередко в подборках встречаются сложные слова, построенные по распространенной в китайском модели слияния двух основ, первая из которых указывает на признак, а вторая на сам предмет: *酸菜* – *Кисло-капуста*, *油炸树菇* – *Жареные дерево-грибы*.

Смешным представляется воспроизведение на письме фонетического акцента. Так, в переводе *铁板牛肉* – *Говядина на*

прите отражаются характерное для речи носителей китайского языка неразличение русских [r] и [l] и звонких и глухих согласных, вызванное наличием глухого придыхания после смычки в китайских фонемах [Поливанов 1968: 249]).

Комичными кажутся не только ошибки, названные Е.М. Верещагиным ошибками с нарушениями системы и нормы, но и те, которые он предлагал относить к нарушениям узуса, – следование в речи на иностранном языке речевым стратегиям, принятым в родном языке [Верещагин 2014: 242].

По мнению Р. Лакофф, меню азиатских ресторанов в Европе более подробны и тщательны, чем аналогичные тексты ресторанов традиционной европейской, например итальянской, кухни, содержат перечень ингредиентов и точные указания на способы приготовления [Лакофф 2012]. Такие подробные длинные перечни тоже способны вызвать улыбку. Один из авторов кулинарного обзора называет страничку о китайском ресторане «Пытка меню»: «Почему я обозначил обзор пытка меню, да потому что оно страниц на пятьдесят, и это не шутка!» [<https://koko.by/cafehouse/46665-obzor-tan-chao.html>].

С другой стороны, среди многочисленных способов номинации блюд традиционной китайской кухни чрезвычайно распространено метафорическое описание блюда. Такой способ кулинарной номинации редко встречается в русском, к тому же китайские метафоры кажутся русскому посетителю ресторанов нелепыми из-за различий в речевом и культурном опыте. Например, перевод 松鼠鱼 – Рыба-белка приводит читателя в недоумение («Так рыба или белка?»), тогда как название дано благодаря форме, в которой выкладывается готовое рыбное блюдо [Ковалёв, Кожевников 2018: 331]. 珍珠翡翠白玉汤 – Суп из жемчуга и нефрита («Смотрите – не подавитесь!») представляет собой блюдо из тофу (白玉 прямое значение ‘белый жемчуг’) и семян лотоса, которые напоминают драгоценности.

Исследователи отмечают, что многие названия китайских блюд связаны с историческими событиями и легендами – такой способ кулинарной номинации встречается и в русском языке, но довольно редко (торт *Наполеон*, *пожарская котлета* и т.д.).

Ни внешний вид, ни состав продуктов часто не имеют непосредственного отношения к образам, запечатлевшимся в названиях. Ван Хэйянь отмечает, что дословный перевод в таком случае приводит к культурному шоку реципиента [Ван 2018]. Например, название блюда из яиц *松花蛋 Яйцо цветущей сосны* связано с легендой, согласно которой бедная девушка вернула потерявшихся уток их владельцу, и в благодарность за это он решил оставить ей снесенные утками яйца. Девушка не сразу заметила подарок, а когда она обнаружила его под сосной в куче хвои яйца, их белок превратился в желе, а желток затвердел.

Культурно обусловленной и непривычной может быть и сама грамматическая модель. По мнению Е.Д. Ковалева и И.Р. Кожевникова, китайские кулинаронимы образованы на основе клишированных словосочетаний серийного типа, среди них есть такие, которые базируются на предикативной модели, не свойственной русскому языку [Ковалев, Кожевников 2018: 331]. Следование такой модели в буквальных переводах вызывает непонимание и смех: *滑炒豆角 – Природная стихия жарит фасоль, 古法猪猪肋排 Стародедовский метод зажаривает ребрыры свины* (Жареные свиные ребрышки по старинному рецепту).

Таким образом, комический эффект возникает вследствие создания образа иностранца, не умеющего пользоваться речью: правильно строить фразы, произносить звуки, записывать слова, изменять их и употреблять в нужных значениях. Образ адресанта меню представляется удачной мишенью для насмешек, что дает возможность почувствовать себя на высоте.

С другой стороны, наличие существенных типологических различий между грамматическими системами русского и китайского языков, способами письменной фиксации делает любую переводческую ошибку ощутимой, увеличивая зазор между формально-языковой и смысловой стороной восприятия переведенного сообщения. Кроме грубого смеха над невежей-иностранцем, знакомство с веселыми подборками абсурдных меню заставляют читателей задуматься о причинах возникновения ошибки и попробовать найти ответ на вопрос, каким образом различия между языками и культурами порождают забав-

ную путаницу.

Источники материала

<https://klikabol.mirtesen.ru/blog/43792443614/Umoritelnyie-nazvaniya-blyud-na-russkom-v-kitayskom-menyu?ysclid=I0xw26eydc>
<https://zen.yandex.ru/media/id/5ada17080422b4aedfbb3436/smeshnoi-perevod-meniu-v-kitaiskih-kafe-i-restorana-5bfd738752ef2600a9404990>
<https://bugaga.ru/jokes/1146763835-smeshnoe-kitayskoe-menyu-na-russkom.html>
<https://vikfirst.livejournal.com/2526.html>
<http://fototelegraf.ru/214124-smeshnoj-kitajskij-perevod.html>
<https://trinixy.ru/153883-kogda-perevod-menyu-nemnogo-ne-udalsya-20-foto.html>
<https://www.primavista.ru/blog/2013/02/18/sup-sladostnoy-mozoli-i-drugie-kulinarnye-izyiski-v-perevedennyih-menyu?>

Литература

Богин Г. И. Схемы действий читателя при понимании текста. Калинин: КГУ, 1989.

Ван Х. Русский перевод названий китайских блюд в аспекте транскультурной коммуникации // Вестник Калмыцкого гос. ун-та. 2018. № 2 (38). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-perevod-nazvaniy-kitayskih-blyud-v-aspekte-transkulturnoy-kommunikatsii> (дата обращения: 17.04.2022).

Верещагин Е. М. Лингвистическая типология двуязычия // Проблемы изучения билингвизма: книга для чтения. Сост. Т.А.Круглякова. СПб.: Златоуст, 2014. С. 235–244.

Ковалев Е. Д., Кожевников И. Р. Особенности названий блюд в ресторанных меню на китайском языке (структурно-семантический и прагматический подходы) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 7(85). Ч. 2. С. 329–333.

Лакофф Р. Социальная идентичность в жанре меню: «человек есть то, что он ест» // Жанры речи. Саратов; М.: Лабиринт, 2012. Вып. 8: Памяти Константина Федоровича Седова. Жанр и творчество. С. 140–164.

Овчинникова И. Г., Павлова А. В. Переводческий билингвизм: по материалам ошибок письменного перевода. М.: Флинта, 2021.

Покровская Е. А., Дудкина Н. В., Кудинова Е. В. Речевой жанр меню в русской, французской и американской лингвокультурах // Речевые жанры в диалоге культур. Ростов-на-Дону, 2011. С. 140–182.

Поливанов Е. Д. Субъективный характер восприятия звуков языка // Поливанов Е. Д., Избранные статьи по общему языкознанию. М.: Наука, 1968. С. 236–254.

Чуковский К. И. От двух до пяти. М.: Издательство «Мелик-Пашаев», 2010.

Шмелев А. Д., Шмелева Е. Я. Этнические стереотипы в русских анекдотах // Отечественные записки. № 4. 2014. Код доступа: [<https://magazines.gorky.media/oz/2014/4/etnicheskie-steriotipy-v-russkih-anekdotah.html?>] (Дата обращения 14.04.2022).

REFERENCES

Bogin G. I. Skhemy dejstvij chitatel'ya pri ponimanii teksta. Kalinin: KGU, 1989.

Van H. Russkij perevod nazvanij kitajskih blyud v aspekte transkul'turnoj kommunikacii // Vestnik Kalmyckogo gos. un-ta. 2018. № 2 (38). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkij-perevod-nazvanij-kitajskih-blyud-v-aspekte-transkulturnoy-kommunikatsii> (data obrashcheniya: 17.04.2022).

Vereshchagin E. M. Lingvisticheskaya tipologiya dvuyazychiya // Problemy izucheniya bilingvizma: kniga dlya chteniya. Sost. T.A.Kruglyakova. SPb.: Zlatoust, 2014. S. 235–244.

Kovalev E. D., Kozhevnikov I. R. Osobennosti nazvanij blyud v restorannyh menu na kitajskom yazyke (strukturno-semanticheskij i pragmaticheskij podhody) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2018. № 7(85). CH. 2. S. 329–333.

Lakoff R. Social'naya identichnost' v zhanre menu: «chelovek est' to, chto on est» // ZHany rechj. Saratov; M.: Labirint, 2012. Vyp. 8: Pamyati Konstantina Fedorovicha Sedova. ZHany i tvorchestvo. S. 140–164.

Ovchinnikova I. G., Pavlova A. V. Perevodcheskij bilingvizm: po materialam oshibok pis'mennogo perevoda. M.: Flinta, 2021.

Pokrovskaya E. A., Dudkina N. V., Kudinova E. V. Rechevoj zhanr menu v russkoj, francuzskoj i amerikanskoj lingvokul'turah // Rechevyje zhanry v dialoge kul'tur. Rostov-na-Donu, 2011. S. 140–182.

Polivanov E. D. Sub'ektivnyj harakter vospriyatij zvukov yazyka // Polivanov E. D., Izbrannye stat'i po obshchemu yazykoznaniju. M.: Nauka, 1968. S. 236–254.

CHukovskij K. I. Ot dvuh do pyati. M.: Izdatel'stvo «Melik-Pashaev», 2010.

SHmelev A. D., SHmeleva E. YA. Etnicheskie stereotipy v russkih anekdotah // Otechestvennye zapiski. № 4. 2014. Kod dostupa:

[<https://magazines.gorky.media/oz/2014/4/etnicheskie-stereotipy-v-russkih-anekdotah.html?>] (Data obrashcheniya 14.04.2022).

©Круглякова Т.А., 2022

© Чен Юйфань, 2022

Круглякова Татьяна Александровна

Доцент кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Адрес: 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д.7/9.

E-mail: t.kruglyakova@spbu.ru

Kruglyakova Tatiana

Alexandrovna – Associate Professor of the Department of Russian as a Foreign Language and methods of its teaching

St. Petersburg University
(St.Petersburg, Russia)

Чен Юйфань – аспирант кафедры РКИ и методики его преподавания. Санкт-Петербургский государственный университет.

Адрес:Баотоу, Внутренняя Монголия, 014000

E-mail: 779164966@qq.com

Cheng Yufan–Postgraduate at the Department of Russian as a foreign language and methods of its teaching. St. Petersburg State University.

Ю. В. КРЫЛОВ

г. Новосибирск, Россия

filin1402@gmail.com

УДК 81'42:81373

КРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЯЗЫКА МЕМА (НА МАТЕРИАЛЕ ИЗМЕНЕНИЙ МЕМА «НАТАШ, ВСТАВАЙ»)

Аннотация. В статье определяется понятие мем с точки зрения лингвистического подхода. В рамках исследования креативного потенциала мема определяются его основные элементы, которые могут быть экстраполированы на другие мемы. Анализ особенностей подтверждается выборкой более 100 вариантов мема «Наташ, вставай» за период 2020-2021 год. Выделяются и кратко описываются значимые элементы языка мема. Анализируются элементы коммуникативной ситуации и языковые элементы мема с точки зрения возможности их изменений. Анализ выделенных элементов позволяет сделать вывод о связи функционирования мема в речи с возможностью его трансформирования, приспособления к актуальным событиям. Особо отмечается отличие мема от фразеологических единиц, проявляющееся в возможности актуальных для носителя языка и коммуникативной ситуации изменениях структуры и состава мема.

Ключевые слова: мемы, виртуальная коммуникация, коммуникативные ситуации, фразеология, фразеологические единицы, фразеологизмы, лингвокреативность.

KRYLOV YURY V.

Novosibirsk, Russia

THE CREATIVE POTENTIAL OF THE MEME LANGUAGE (ON THE BASIS OF CHANGES IN THE MEME «NATASHA, GET UP»

Abstract. The article defines the concept of meme in the framework of linguistic research. As part of the study of the creative potential of the meme, the main elements of the “Наташ, вставай” meme are determined, which can be extrapolated to other memes. The analysis of features is confirmed by a sample of more than 100 variants of the “Наташ, вставай” meme for the period 2020-2021. Significant elements of the meme language

are highlighted and briefly described. The elements of the communicative situation and the linguistic elements of the meme are analyzed from the point of view of the possibility of their changes. The analysis of the selected elements allows us to conclude that the functioning of the meme in speech is connected with the possibility of its transformation, adaptation to current events. The difference between a meme and phraseological units is especially noted, which is manifested in the possibility of changes in the structure and composition of the meme that are relevant for the native speaker and the communicative situation.

Keywords: meme, transformation, virtual communication, communicative situation, phraseology, creative.

Определение интернет-мема

Слово «мем» используется относительно давно. Современное понятие «мем» берет свое начало с книги «Эгоистичный ген» английского ученого Ричарда Докинза [Докинз 2016]. Со временем, во второй половине прошлого века, мем расширил свою научную область применения и перекочевал из области зоологии, где обозначал способность объекта к копированию самого себя, в социокультурный дискурс.

С развитием компьютерной коммуникации мем пришел в речевое общение и стал предметом изучения лингвистов [Зиновьева 2013, Горобцова 2014, Бережной 2014, Аршинская 2015, Мигранова, Кромина 2015, Голубева 2017]. В традиционном, широком понимании, мем – это «комплексный феномен интернет-коммуникации, представляющий собой целостную, завершенную единицу, с текстом и картинкой в квадратной рамке» [Канашина 2017]. В рамках лингвистического подхода нам представляется более разумным предложить следующее определение мема: *это повторяющаяся, опознаваемая носителями языка, относительно устойчивая языковая формула, имеющая метафорическое лексическое значение*. Наличие картинки является важным, но необязательным элементом (ср. мемы: «Мопед не мой», «Денег нет, но...»).

Данное рабочее определение мема сопоставимо с определением фразеологической единицы. При этом важным отличием мема от фразеологизма мы считаем то, что мем в речевом при-

менении может подвергаться трансформации, тогда как одним из основных признаков фразеологизма является как раз неизменяемость, стабильность. То, что в применении фразеологизма чаще отмечается как ошибка (замена или перестановка элементов, смешение нескольких фразеологизмов), у мема является ключевым приемом использования и основой для проявления творчества в использовании мема.

Темой нашего исследования является анализ креативного потенциала мемов на примере мема «Наташа, вставай». В качестве материала исследования были рассмотрены более 100 вариантов данного мема, полученные путем сплошной выборки из поисковой системы Google за период 2020 – 2021 годы.

Целью исследования была попытка ответить на вопрос: какие особенности устройства мема, его языка позволяют данной единице функционировать, изменяться, развиваться и проявлять творческий потенциал носителей языка.

Поскольку материалом анализа является язык мема в первую очередь, а мем может быть представлен не только текстом, но и изображением, для исследования был выбран мем с креолизированным текстом. Под креолизированным текстом в лингвистике традиционно понимается «текст, смысл которого образуется несколькими знаковыми системами» [Сорокин, Тарасов 1996].

Также следует отметить, что большинство мемов – это не только некая устойчивая языковая конструкция, но целая коммуникативная ситуация, которая разворачивается в рамках мема. Таким образом для нашего исследования будет важными описать коммуникативную ситуацию [Винокур 2005, Серебрякова 2009], представленную в выбранном меме, и рассмотреть элементы данной ситуации в аспекте их изменений.

История и строение мема

Мем «Наташ, вставай» появился в сети в конце 2019 года (<https://www.gazeta.ru/business/2021/04/02/13544888.shtml>) в публичной социальной сети ВКонтакте. Появление и развитие мема совпало с введением коронавирусных ограничений в мире и в стране. В дальнейшем, в течение 2020-2021 годов мем обрел популярность в сети и был представлен в различных трансформа-

циях. В нем нашли отражение самые различные события: введение карантина и «нерабочих» дней, голосование за Конституцию и её принятие, введение масочного режима и режимов самоизоляции, работа из дома и прочие.

Визуализация. Мем представляет из себя изображение четырех котов, которые заглядывают сверху в лицо лежащей хозяйки.

Мем можно интерпретировать как определенную коммуникативную ситуацию:

Субъект высказывания: *кошки.*

Адресат высказывания: *Наташа.*

Объект высказывания: *действие субъекта высказывания.*

Интенция говорящего: *побуждение к действию адресата.*

Место реализации коммуникативной ситуации: *дом, постель хозяйки.*

Время коммуникации: *6 часов утра.*

Ситуация считывается из «пузырей», в которых представлены слова-мысли котиков:

1. *Наташ, ты спишь?*
2. *Уже 6 часов утра, Наташ.*
3. *Вставай, мы там всё уронили.*
4. *Мы уронили вообще всё, Наташ, честно.*

Текст мема четко структурирован: четыре фразы, выстроенные в определенный логический порядок, связанные друг с другом по смыслу, развивающие общую тему. Связь между фразами последовательная: «спишь?» – «уже 6 утра» – «вставай, уронили» – «уронили всё».

Ключевые слова данного текста: *спишь, вставай, всё уронили, вообще всё.*

Слова «уронили» и «всё» дважды повторяются, что для теста небольшого размера можно считать значимым стилистическим приемом.

Трансформация элементов коммуникации

Субъект высказывания, кошки, в большинстве мемов не заменяются – это всегда кошки. Однако, поскольку текст креолизованный, стоит отметить, что изображение кошек претерпело различные трансформации: от вариантов домашних кошек (с аллюзией на схожие мемы) до животных семейства крупных кошачьих (львов, тигров) или даже варианта дворового украшения. В таких случаях мем начинал комментировать не только актуальные события, но и сам себя: кошки, которые превращаются в львов, снежные скульптуры или дворовые «украшения», меняют коммуникативную ситуацию. Мем в таком случае комментирует состояние субъекта речи свое или состояние хозяйки, тем самым становясь аллюзией на самого себя.

Среди выбранных мемов можно отметить варианты, где вместо кошек появляются люди (узнаваемые личности, актуальные для данного мема), представители власти (чиновники, полицейские), другие животные (собаки, сурикаты и проч.). Очевидно, кошки являются ключевым элементом мема – тем сигналом, по которому мем может опознаваться в различных трансформациях. Для сравнения: примеров с изменением места языковой ситуации, замены спальни на улицу, рабочий кабинет или даже взлетную полосу было собрано более 20 процентов. При этом мемы с вариативными субъектами высказывания либо строились композиционно в соответствии с каноничным мемом (рас-

полагая новых героев соответственно), либо в речи новых героев, нарушивших композицию, упоминались кошки с прецедентного мема.

Адресат высказывания. Наташа как адресат высказывания в большинстве мемов также оставалась неизменной. Однако следует отметить небольшое количество мемов (всего не более 10 примеров) с адресатами «россиянин», «Володя». Можно предположить, что обращение Наташа использовалось в меме как символ обобщенного обращения, ко всем. В случаях, если мем приобретал большую политическую окраску, обращение могло заменяться на официальное «россиянин» или намек на конкретную политическую личность.

Объект высказывания. В изначальном варианте действия субъекта – это «мы всё уронили».

Всё уронили. Рассмотрим трансформацию данного словосочетания

УРОНИТЬ, уроню, уронишь; уроненный; -нен, -а, -о; **св. 1.** кого-что. к Ронять. У. платок, чашку. У. в траву. У. палатку. Уронил где-то кошелек. У. голову на подушку. У. достоинство. **2.** что. Разг. Привести в упадок, расстроить (дела, хозяйство и т.п.). У.

хозяйство. У. дело. (*Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С. А. Кузнецов. Первое издание: СПб.: Норинт, 1998. Публикуется в авторской редакции 2014 года.*)

Значение слова «всё» словарь поясняет через отсылку к местоимению «весь».

ВСЁ, всего, **ср.** к Весь (*1.В.*).

ВЕСЬ, всего, **м.**; ВСЯ, всей, **ж.**; ВСЁ, всего, **ср.**; ВСЕ, всех, **вин. неодуш.**: все; **вин. одуш.**: всех, **мн.**; **местоим. прил.**

1. Такой, который рассматривается в полном объеме; целый, полный. *Отдыхать всё лето. Во всём мире. Молчать всю дорогу. Занимать весь этаж. II (обычно в сочет. с глаг.: израсходовать, кончиться, выйти и т.п.).* Указывает на исчерпанность, использование с предельной полнотой. *Сигареты все вышли. Мука израсходована вся.*

Семантика местоимения «всё» предполагает некоторую глобальность охвата: «в полном объеме, полный». Это явилось наиболее значимой семей для развития дополнительных интерпретаций мема. Так, в мемах «уронили» нефть, доллар, экономику, метеорит, самих котиков. Смешение понятий совершенно разного порядка (от упоминания конкретного метеорита до абстрактного понятия экономика) закономерно вытекает из семы «всё, что угодно» в лексическом значении слова. Помимо того, что в мемах называли явления, которые сочетаются со словом «уронить» в том или ином значении, были также мемы, в кото-

рых роняли: вес, уроки, ФГОСы, зарплату. Такие примеры могут развивать семантику всеобщности, абсолюта того, что можно уронить.

Слово «ронять» в изначальном меме реализуется в первом, прямом ЛЗ (выпускать из рук, допускать падение), но совпадение с мировым кризисом, пандемией, карантинными мерами дало основание для различных трансформаций мема с переносным значением ключевого слова (допустить падение цены): уронили доллар. Слово «уронили» заменялось на другие «деструктивные» действия: «печенег *терзали*», «все *закрыли*», «конституцию *обнулили*». В ряде примеров встречаются нейтральные замены, например, «яйца покрасили», но подобные примеры очень редки. Можно предположить, что одной из причин живучести данного мема и явилась семантика деструктивного действия (уронить), которая совпадала с большинством событий описываемых лет.

Интенция говорящего

«Вставай». Данное ключевое слово в трансформациях реализует прежде всего парадигматический потенциал. Большое количество мемов строится на использовании однокоренного антонима «не вставай» либо контекстных антонимов «полежи», «не выходи». Таким образом мем получал

противоположную интенцию по основанию действуй/не действуй. Можно также отметить небольшую группу мемов, в которых в результате актуализации ассоциативных связей слово «вставай» заменилось на «выпьём» (сухого вина), «перевернем» (календарь) и прочее. Такие случаи, в которых мем цитировал другие мемы и сам становился цитированием, были рассмотрены и описаны отдельно.

Место и время коммуникации

Изменение данных параметров в качестве значимого, повторяющегося приема не было отмечено. Из всего массива мемов только единичные случаи показывают ситуацию в другом значимом месте (взлетная полоса, «не дом», могила). Время коммуникации, как правило, либо остается ранним утром, либо не конкретизируется, то есть теряет актуальность в данной конкретной ситуации: уронили доллар, все закрыли – эти ситуации не привязаны к значимому времени суток.

Изменить большее или меньшее количество фраз, различную логику построения текста. Значимые элементы текста (ключевые слова) регулярно заменяются антонимами (не вставай, полежи, оста-

Изменение структуры и лексики текста

Структура мема представляет собой текст из четырех фраз. В отличие от классических фразеологических единиц данный текст, его структура легко изменяется, что не мешает опознавать текст за счет оставшихся ключевых слов или изображения. В трансформированных мемах можно встре-

вайся дома), ассоциативными заменами (уронили – покрасили яйца, уронили – одичали).

Как значимое основание трансформации мема можно выделить ассоциативные связи. При этом ассоциации могут порождать любые элементы мема: от ключевых слов до картинки. В данных примерах можно наблюдать метатекстовые параллели с другими мемами (Карл), мемами-песнями (песня А. Державина, гимн).

Следует отметить, что наличие в интернете конструкторов мемов (http://risovach.ru/generator/natasha-my-vse-uronili_1832338) позволяет пользователям легко приспосабливать данный (как и любой другой актуальный) мем к актуальной ситуации, подстраивать под речевую ситуацию. Это, с одной стороны, способствует появлению различных трансформаций мема, с другой

стороны, отражает востребованность этих трансформаций в интернет-коммуникации. Таким образом, мем может быть определен как метафорическая реакция на актуальные явления действительности, выраженная креолизированным текстом, претерпевшим актуальные трансформации.

Выводы

Можно констатировать, что способность мема к трансформации – это возможность для носителей языка проявить свою креативность и тонко приспособить мем под актуальные жизненные процессы.

Отмечаемое разнообразие трансформаций данного мема можно также считать принципиальным отличием мема от фразеологизма. Фразеологизм по сути своей является стабильной, неизменяемой единицей. Ее трансформация – это чаще всего ошибочное изменение, разрушение фразеологизма в разговорной речи, реже – результат творчества писателя или журналиста, в то время как трансформация мема пользователями – это естественный процесс, форма жизни мема как текста.

Креативный потенциал мема может проявляться на различных уровнях:

1. Трансформация коммуникативной ситуации, представленной в меме.
2. Изменение субъекта, объекта или адресата коммуникативной ситуации мема.
3. Обыгрывание парадигматических, синтагматических или ассоциативных связей языковых элементов мема.
4. Обыгрывание, трансформация креолизованного текста (замена картинки).
5. Использование мема в качестве прецедентного текста.

Литература

Анисимова Е.Е. О целостности и связности креолизованного текста (к постановке проблемы) // Филологические науки. 1996. №5.

Аришинская Н. А. Проблема восприятия и интерпретации интернет-мемов // Современные тенденции развития науки и технологий. 2015. Т. 9. № 4. С. 10-16.

Бережной В.А. Интернет-мем и анекдот: к постановке проблемы // Вісник Запорізького національного університету. Філологічні науки. 2014. №. 1. С. 135–144.

Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения Текст. / Т. Г. Винокур. М.: КомКнига, 2005. 176 с.

Голубева А., Семилет Т. Мем как феномен культуры // Культура и текст. 2017. № 3 (30).

Горобцова И. В., Киселёва Н. Ю. Речевой жанр интернет-мема в современном англоязычном сетевом пространстве // Современные тренды развития социогуманитарного знания: сборник. 2014. С. 140-151.

Докинз Р. Эгоистичный ген. Litres, 2016. 610 с.

Зиновьева Н. А. Анализ процесса конструирования смысла Интернет-мема // Дискуссия. 2013. №. 9. С. 133-137.

Канашина С. В. Что такое интернет-мем? // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 28 (277). С. 84-90.

Мигранова Л. Ш., Кромина Е. И. Интернет-мем как особое средство коммуникации // Вопросы современной филологии и проблемы методики обучения языкам. Материалы третьей международной научно-практической конференции. Под редакцией В.С. Артемовой. 2015. С. 239-243.

Серебрякова А. Ю. О компонентах коммуникативной ситуации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2009. № 25. С. 30-32.

Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990.

REFERENCES

Anisimova E.E. O celostnosti i svyaznosti kreolizovannogo teksta (k postanovke problemy) // Filologicheskie nauki. 1996. №5.

Arshinskaya N. A. Problema vospriyatiya i interpretacii internet-memov // Sovremennye tendencii razvitiya nauki i tekhnologij. 2015. T. 9. № 4. S. 10-16.

Berezhnoj V.A. Internet-mem i anekdot: k postanovke problemy // Visnik Zaporiz'kogo nacional'nogo universitetu. Filologichni nauki. 2014. №. 1. S. 135–144.

Vinokur, T. G. Govoryashchij i slushayushchij: Varianty rechevogo povedeniya Tekst. / T. G. Vinokur. M.: KomKniga, 2005. – 176 s.

Golubeva A., Semilet T. Mem kak fenomen kul'tury // Kul'tura i tekst. 2017. № 3 (30).

Gorobcova I. V., Kiselyova N. YU. Rechevoj zhanr internet-mema v sovremenном angloyazychnom setevom prostranstve // *Sovremennye trendy razvitiya sociogumanitarnogo znaniya: sbornik*. 2014. S. 140 – 151.

Dokinz R. *Egoistichnyj gen*. Litres, 2016. 610 s.

Zinov'eva N. A. *Analiz processa konstruirovaniya smysla Internet-mema // Diskussiya*. 2013. №. 9. S. 133-137.

Kanashina S. V. *СНто takoe internet-mem? // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2017. № 28 (277).S. 84–90.

Migranova L. SH., Kromina E. I. *Internet-mem kak osoboe sredstvo kommunikacii // Voprosy sovremennoj filologii i problemy metodiki obucheniya yazykam. Materialy tret'ej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Pod redakciej V.S. Artemovoj*. 2015. S. 239-243.

Serebryakova A. YU. *O komponentah kommunikativnoj situacii // Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika*. 2009. № 25. S. 30-32.

Sorokin YU.A., Tarasov E.F. *Kreolizovannye teksty i ih kommunikativnaya funkciya // Optimizaciya rechevogo vozdejstviya*. М., 1990.

©Крылов Ю.В., 2022

Крылов Юрий Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики его преподавания. Новосибирский государственный педагогический университет (Новосибирск, Россия).

Адрес: Россия, 630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28

E-mail: filin1402@gmail.com

Krylov Yury Vladimirovitsh – Ph.D. of Philological Sciences, assistant professor at the Department of Modern Russian Language and Teaching Methods. Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia).

И.Л. МУЛЬ

г. Омск, Россия

mul.alex@mail.ru

УДК 81'42:659.1

ИСКУССТВО ПРОДАВАТЬ ИГРАЮЧИ: О НЕКОТОРЫХ ЛИНГВОКРЕАТИВНЫХ ТЕХНИКАХ НАТИВНОЙ РЕКЛАМЫ В ИНСТАГРАМЕ

Аннотация. В статье на материале Инстаграм-аккаунта «SlovoDna» рассматриваются наиболее активные и яркие техники языковой игры как инструмента нативной рекламы («рекламы под прикрытием»), целью которой является создание увлекательного, нетривиального контента, максимально маскирующего свою маркетинговую подоплёку, но способного превратить подписчика (потенциального покупателя) в «посланника бренда». Игровая семантизация узуальных словных единиц и сочетаний, креативная гибридизация, в том числе создание отантропонимических игровых дериватов с оценочно-смеховой смысловой доминантой, нестандартная расшифровка узуальных аббревиатур, смеховое толкование эмодзи – это игровые приёмы и техники, спектр которых стремительно расширяется, отражая важнейшие характеристики Интернета как сферы открытия новых возможностей, развлечения, оценивания и выплёскивания эмоций. Автор приходит к выводу, что представленная в исследуемом сегменте Инстаграма технология монетизации контента может расцениваться как особый вид продаж – «лингвокреативные продажи», маркетинговый успех которых стимулируется интеллектуальным и эмоционально-эстетическим удовольствием от удачной языковой шутки.

Ключевые слова: нативная реклама, рекламный дискурс, рекламные тексты, Интернет, интернет-технологии, интернет-дискурс, интернет-тексты, интернет-коммуникации, Инстаграм, языковая игра, лингвокреативность, игровая семантизация, контаминация, функции языковой игры, лингвокреативные продажи, лингвокреативные техники.

MUL IRINA L.

Omsk, Russia

THE ART OF SELLING EASILY: ABOUT SOME LINGUO-CREATIVE TECHNIQUES OF NATIVE ADVERTISING ON INSTAGRAM

Abstract. The article, based on the SlovoDna Instagram account, discusses the most active and powerful methods of the language game as a native advertising methods («covert advertising»), the purpose of which is to create fascinating, non-trivial content that conceals its marketing background as much as possible, but is able to turn a subscriber (potential buyer) into a brand messenger. The game semantization of usual word units and combinations, creative contamination, including the creation of anthroponymic game derivatives with an evaluative and risorial semantic dominant, non-standard decoding of ordinary abbreviations, laughter interpretation of emoji are game methods and techniques, the range of which is rapidly expanding, reflecting the most important characteristics of the Internet as areas of opening up new opportunities, entertainment, evaluation and expression of emotions.

The author comes to the conclusion that the technology of content monetization presented in the studied segment of Instagram can be regarded as a special type of sales - “linguo-creative sales”, the marketing success of which is stimulated by intellectual and emotional-aesthetic pleasure from a successful language joke.

Keywords: native advertising, Instagram, language game, linguistic creativity, game semantization, contamination, language game functions, linguistic creative sales.

«Вся прелесть в том, что это было абсолютно непохоже на попытку что-то продать»

[Цит. по: Эйнштейн 2020:11].

Встреча автора данной статьи с «Честным словарём Караваева», который любой из пользователей Инстаграма может найти в аккаунте «SlovoDna», состоялась относительно недавно с подачи человека, который ценит хорошую языковую шутку, но весьма далёк от лингвистики как от сферы научной деятельности. Постепенное погружение в игровую стихию словаря, более детальное знакомство с его «начинкой» привели к тому, что материал обострил наш исследовательский интерес, обнаруживая новые яркие грани, которые при поверхностном знакомстве оказываются неочевидными.

1. «SlovoDna»: история появления аккаунта, авторство, концепция, статистика

В шапке профиля обращает на себя внимание провокативно-игровое название аккаунта, где нестабильны ключевые единицы *дна – дня* с явно сниженной оценочностью первой из них (*дно* сегодня хотя и модное, но очень негативно нагруженное слово [Ведрева 2020: 280]), что создаёт настрой на несерьёзность и даже вседозволенность, излишнюю словесную раскрепощённость. Здесь же, на главной странице, рядом с номинациями *юморист, честный словарь Караваява, творения, неизданное*, намекающими на нечто духовно-поэтическое, обнаруживаются словецкие приметы современного материального бытия: *магазин в Москве, по рекламе в ДМ /e-mail, мерч, стикеры в Телеграм*. Перейдя по ссылке slovodna.ru, видим:

Так что же перед нами, честный словарь или каталог магазина? На сайте интернет-ресурса «РБК Стиль» читаем: «Тоскана в 2020-м – это тоска по Италии, *маска* – гамак для подбородка... Томик Ожегова в 2020 году заменил Instagram-аккаунт @slovodna, которому принадлежат все эти определения. Чтобы ёмко описать стремительно сходящий с ума мир, понадобились моментальная реакция на события и немного иронии в формулировках». Автор аккаунта Кирилл Караваяев сообщает, что мастерство весёлых формулировок он оттачивал не один год: с 2012 года его компания печатает принты с лаконичными шутками на футболках, толстовках, дождевиках и кружках. Авторство шуток принадлежит обычно самому Кириллу, и идей у него столько, что «помощники в креативе пока не нужны». Шутки, по словам Караваяева, рождаются одним из трёх способов. «Во-первых, могу услышать или увидеть где-то, потом додумать и записать в заметки», – говорит Кирилл. И тут мы можем распознать в Ка-

раваеве игрока-«транслятора» (термин Т.А. Гридиной). Второй способ – сесть с листком бумаги и придумать: за час получается придумать 10-20 слов. «Обычно минут 20 сидишь смотришь в потолок, но затем слова идут одно за другим», – продолжает Кирилл. Третий способ, по словам автора шуток, самый ослабленный, возможный благодаря «вечному генератору каламбуров в голове»: «Бывает, что слова просто приходят в течение дня. Когда идёшь куда-то, едешь за рулем, чистишь зубы, гладишь собаку, надеваешь маску и перчатки. То есть почти в любой ситуации». Здесь, по всей видимости, мы имеем дело с игроком-креатором как с «типом языковой личности, склонной к созданию оригинальных инноваций (словотворческих, образных) и др.» [Гридина 2008:56].

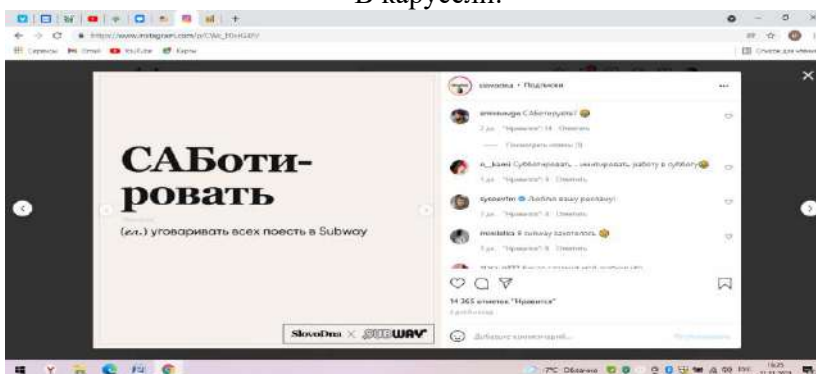
К. Караваев не скрывает, что идея и отчасти дизайн аккаунта позаимствованы у англоязычного @hipdict, но контент абсолютно авторский, и аккаунт создавался для души в расчёте на русскоязычного пользователя с его привычками и причудами. Росту популярности аккаунта, по мнению его владельца, поспособствовала и пандемия: 2020-й выдался богатым на события и действительно многими воспринимался как «дно», отраженное в названии. «Очень много постов было придумано под супердолгий тренд всего этого года – ковид», – рассказывает Кирилл. По его словам, эти посты и сейчас собирают очень много лайков и комментариев. «Но главный момент: никогда нельзя переборщить. С этими шутками был перерыв. Я даже сам устал от них».

Стремительный рост популярности аккаунта SlovoDna очевиден и в цифрах представлен так: декабрь 2019 г. – октябрь 2020 г.: 1 000 подписчиков, 24 ноября 2021 г. – 773 000 подписчиков, 26 февраля 2022 г. – 893 000 подписчиков.

Если сравнить, как выглядела лента и её элементы в начале пути, в декабре 2019, с её наполнением сегодня, то стоит признать, что «на старте» перед нами был действительно «потешный» словарь с несколькими сотнями подписчиков и их единичными комментариями, в том числе вопросом от подписчика: «Это прикол?». Ср.: ноябрь 2021

В карусели:

Перед пользователями сегодня – диалогично организованный пост («я – ты» конструкции, прямые вопросы), логотип сети ресторанов быстрого обслуживания, ссылка на аккаунт компании, призыв подписаться на него и скачать приложение. Комментарии, поддерживающие игровой призыв стимульного слова поста (*САБотировать*), содержат креативные дериваты (*Субботировать* – «имитировать работу в субботу» и т. д.) и восторженно-оценочные отзывы в адрес рекламы: *Люблю вашу рекламу! У вас самая потрясающая реклама... респект! Очень крутая рекламная интеграция... Одна из лучших и органичных реклам! Креативно и метко!..*

Очевидно, что аккаунт SlovoDna за два года существенно преобразился: в семьсот раз увеличилось число подписчиков! В контенте появилась реклама.

Трудно не признать, что в мире современной рекламы изменилось многое. Реклама, действующая «в лоб», раздражает и проигрывает в эффективности естественной заинтересованности пользователей контентом. Это давно уже поняли все крупные бренды, поэтому нативная (естественная) реклама стала настолько популярным явлением, что уже трудно отличить – читаем мы интересную статью или становимся потенциальными покупателями товара или услуги. Маркетинг избавляется от навязчивых рекламных посланий и стремится установить доверительные отношения с аудиторией, что происходит прежде всего в социальных сетях, где доверительная атмосфера («чужие здесь не ходят») и увлекательный контент («я сам решаю, на что подписываться») позволяют максимально скрыть маркетинговую подоплёку последнего. Одним из важнейших требований к нативной рекламе сегодня является необходимость иметь характеристики вирусного поста, чтобы у пользователей появилось желание распространять материал по собственному усмотрению, бесплатно. У аккаунта «SlovoDna» продолжает расти количество подписчиков и комментариев, так как пользователи всё активнее «клюют» на увлекательную наживку, делают репосты, отправляют ссылки на понравившийся аккаунт своим друзьям и родным – так действует важнейший для нативной рекламы принцип «сарафанного радио»: работает «маркетинг впечатлений», который «не призван задействовать наш интеллект – он специально организован так, чтобы вызывать эмоции. Мы хотим восхищаться, злиться и радоваться, и поэтому с готовностью продолжаем смотреть или читать. Ещё один ролик с котиками... такой милый, что им просто нельзя не поделиться с друзьями» [Эйнштейн 2020:14]. О важности эмоциональной составляющей рекламного послания см. также: [Ребрик 2003; Данилова, Муль 2014] и др.

2. Чем пленит контент? Некоторые техники языковой игры в «Честном словаре Караваева».

Не претендуя на целостное описание многообразного контента «SlovoDna» в аспекте языковой игры, остановимся, тем не

менее, на наиболее ярких её проявлениях с учётом использованных лингвокреативных техник создания языковой шутки.

Наиболее частотна в исследуемой сфере игровая семантизация узуальных словных единиц, суть которой – в заведомо сознательной нацеленности креатора на альтернативное толкование, приводящее к появлению «псевдозначения» [Норман 2006:261], при этом желательно, чтобы ложное толкование было похоже на настоящее, чтобы оно максимально соответствовало данному слову» [Там же: 256]. Ср.: БЕЗВКУСИЦА – «древнерусское название ковида»; ПРИВИТ – «Привет! в 2021»; ТОЛЕРАНТНОСТЬ – «терпимость к Толям»; ТОЛСТОВКА – «форма протеста. Как голодовка, только наоборот»; ОБДЕЛАТЬСЯ – «сделать очень много дел», рядом в карусели: НАСУПИТЬСЯ – «объесться супа», МИКРОВОЛНОВКА – «маленькие, мимолетные тревоги и волнения». Пост звучит как лаконичное пожелание: *Желаем вам сегодня как следует обделаться и хорошенько насупиться в обед. И не вздумайте включать режим микроволновка.*

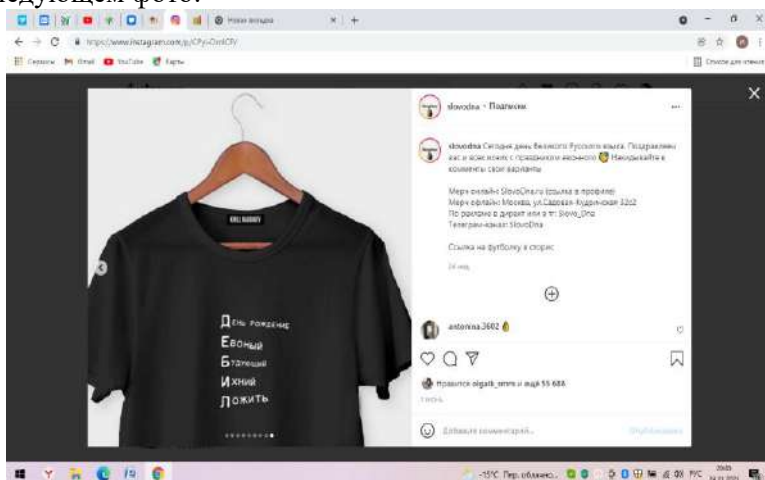
Особой любовью подписчиков пользуются тематические подборки. Например, игровые единицы «Про докторов» набирают наибольшее количество лайков: ГИНЕКОЛОГ – «врач, который где родился, там и пригодился», АКУШЕР – «врач, который всегда всех достаёт», ПРОКТОЛОГ – «специалист в узких кругах», ПАТОЛОГОАНАТОМ – «специалист, которому никто ни на что не жалуется», РЕНТГЕНОЛОГ – «врач, которого больше интересует внутренний мир», ТЕРАПЕВТ – «гуру делегирования», МАНУАЛИСТ – «врач, который может поставить вас на место», ПСИХИАТР – «кукушковед / кукушколог»... Показательно, что во многих этих и подобных случаях игровая стихия захватывает в большей степени дефиницию, вследствие чего возникает «двухэтажная игра»: в нетривиальном (смеховом) толковании обнаруживается ещё и «своя игра», чаще эксплуатирующая многозначность слова или устойчивого сочетания, реже – связанная с окказиональным словообразованием.

Игровое переосмысление ключевых выражений «текущего момента» наблюдаем в примерах типа: ПАНИЧЕСКАЯ АТАКА – «тактика нашей сборной по футболу» (ср. комментарий пользователя: «Ну нет, у нас паническая оборона»); ОДНОРАЗОВАЯ МАСКА – «самое многоразовое, что у тебя есть»; ИДЕАЛЬНАЯ ПАРА – «гармоничное совпадение детских психических травм, неврозов и комплексов неполноценности» (ср. комментарий пользователя: «Идеальная пара – та, которую отменили»); ТОРГОВЫЙ КОМПЛЕКС – «когда тебе неудобно торговаться» и т.д.

Игровая гибридизация (контаминация) как приём языковой игры, основываясь на «соединении формально и/или семантически ассоциируемых лексем» [Гридина 2008: 40], наблюдается при создании отантропонимических номинаций, которые набирают наибольшее количество лайков, подтверждающих, что пользователь пленён удачной языковой шуткой. В центре такой игры – человек и всё, что с ним связано в его разных социальных ролях (дома, с друзьями, на работе, в поисках работы, в сети и т.д.): НЕЛЮДИМА – «Дима, который не очень любит большие компании людей»; КоммерСаня – «Саня, который(ая) знает, как делать деньги»; ИСКАТЯ – «Катя, которая постоянно ищет себя»; ГИМНАСТЯ – «очень гибкая Настя»; ЗАЖИГАЛЯ – «Галя, которая всегда может нормально отжечь» (см. также ГалинаСтоп); ДольчеВитя – «Витя, у которого красивая жизнь»; ОЛЕГОФРЕНД – «друг Олега» и т. д. Пользователи, оказываясь вовлечёнными в водоворот словесного трюкачества (ими движет «разбуженный инстинкт игры» [Норман 2006: 255]), активно создают в комментариях свои варианты имён собственных (в том числе следуя принципу производства «беременных слов» [Гридина 2020: 52]: НЕТАШКА – «Наташка, которая всё время отказывает»; ИВАНЬКО – «Иван, в адекватности которого мы сомневаемся»; КомПаша – «Паша-экстраверт»); ПЛёха – «Лёха, без которого плохо Алёне Апиной» и т. д. Каскадное образование игровых антропонимов стимулирует появление многослойного смехового пространства их интерпретации носителями русского языкового сознания. В ин-

тернет-сообществе шутят и «резвятся» родные люди, царят доверие и яркие эмоции – и это именно то, что нужно для нативной рекламы.

Пример игровой расшифровки квазиаббревиатурной словной единицы в рамках поста, посвящённого Дню русского языка и содержащего завуалированный рекламный призыв, видим на следующем фото:

Думается, что подчёркнуто сниженное языковое наполнение принта, помимо эпатуирующего, несёт и образовательный заряд, способный просветить пользователя методом «от противного».

Выводы

Подводя промежуточные итоги рассуждениям, мы ещё раз убеждаемся, что «завиральные толкования» и другие творческие эксперименты со словом – «массовая (чтоб не сказать – всенародная) игра, активизирующая творческий потенциал человека» [Норман 2006: 255], и корни этого излюбленного занятия можно отыскать глубоко в народном сознании. Сегодня, в эпоху цифровых технологий, развлекательная и релаксационная функции языковой игры не утрачивают своей актуальности. «Мы живём в вакууме молчания и шелеста клавиатур», – рассуждал недавно М. Осадчий в эфире радиостанции «Маяк». Нам действительно отчаянно не хватает живого общения и тёплых эмоций,

и языковая игра в соцсетях, судя по многотысячным оценкам и комментариям пользователей, восполняет эти эмоциональные лакуны, выступая в роли «великого утешителя-психотерапевта» [Санников 2002:27]. Кроме того, представляется очевидным и тот факт, что языковая игра, являясь одним из способов творческого осмысления бытия, сохраняет свою когнитивно-оценочную направленность. Если «словарь – это Вселенная, уложенная

в алфавитном порядке» (Анатоль Франс), то потешный (квазичестный, бестолковый) словарь – это зеркало мира, который, возможно, сошёл с ума, но в котором нам жить и находить силы для юмора и оптимизма через критическое и всё же смеховое осмысление происходящего.

В исследуемом нами фрагменте языкового бытия особым образом актуализируется и прагматический функционал языковой игры, которая усилиями умелых креаторов превращается в инструмент «маркетинга впечатлений», в результате чего удаётся привлечь подписчиков (потенциальных покупателей) не через «околпачивание» или, напротив, рациональное убеждение, а иначе – через эмоционально-интеллектуальное удовольствие, возникающее от удачной языковой шутки (чужой или собственной). Мы имеем дело с особым видом продаж. Назовём их «лингвокреативными продажами», в которых реклама не похожа на рекламу, но её главная цель оказывается достигнутой: через игровую лингвистическую технику адресат вовлекается в процесс, который не является продажей в чистом виде. Декодируя игровое словесное послание, испытывая эмоциональное переживание «инсайта» (как при «считывании», так и при продуцировании эффекта ЯИ – включаясь в игровое комментирование) [Гридина 2008: 30], смеющийся от удовольствия пользователь совершает главное, чего добивается нативная реклама – делится контентом, нажимает на заветную кнопку «Нравится», превращаясь в «посланника бренда» [Эйнштейн 2020: 217].

Литература

Вепрева И.Т. Лингвосоциопсихологические аспекты модного слова // Лингвистика креатива-5. 2020. С. 276-297.

Гридина Т.А. Идиостилевые ракурсы языковой игры: гротескный мир Вагрича Бахчаняна // Лингвистика креатива-5: коллект. моногр./ отв. ред. Т.А. Гридина. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2020. С. 14-60.

Гридина Т.А. Языковая игра в художественном тексте. Екатеринбург, 2008. 165 с.

Данилова О. Л., Муть И. Л. Приёмы прецедентной языковой игры в рекламном слогане // *Linguistica Juvenis.* – 2014. – № 16. – С. 67-75.

Instagram недели: слова дна, которого мы достигли в 2020-м // РБК Стиль [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://style.rbc.ru/repост/5f8d9e619a7947a73927bf33> (дата обращения: 18.11.2021)

Норман Б.Ю. Игра на гранях языка. М., 2006.

Слово Дня (@slovodna). Честный Словарь Кирилла Караваева // Инстаграм-аккаунт. Режим доступа: https://www.instagram.com/slovodna/?utm_medium=copy_link (дата обращения: 26.02.2022).

Осадчий М.А. Как эмодзи стали языком? Режим доступа: <https://www.pushkin.institute/news/detail.php?ID=30149> (дата обращения: 26.02.2022).

Ребрик С.Б. Тренинг профессиональных продаж. М., 2003.

Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 2002.

Эйнштейн М. Реклама под прикрытием: Нативная реклама, контент-маркетинг и тайный мир продвижения в интернете. М., 2020.

REFERENCES

Vepreva I.T. Lingvosociopsihologicheskie aspekty modnogo slova // *Lingvistika kreativa-5.* 2020. S. 276-297.

Gridina T.A. Idiostilevyje rakursyazykovoj igry: grotesknjy mir Vagricha Bahchanyana // *Lingvistika kreativa-5.* 2020. S. 14-60.

Gridina T.A. YAzykovaya igra v hudozhestvennom tekste. Ekaterinburg, 2008.

Instagram nedeli: slova dna, kotorogo my dostigli v 2020-m // RBC Stil' [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://style.rbc.ru/repост/5f8d9e619a7947a73927bf33> (data obrashcheniya: 18.11.2021)

Norman B.YU. Igra na granyah yazyka. M., 2006.

Slovo Dnya (@slovodna). СHestnyj Slovar' Kirilla Karavaeva // Instagram-akkaunt. Rezhim dostupa: https://www.instagram.com/slovodna/?utm_medium=copy_link (data obrashcheniya: 26.02.2022).

Osadchij M.A. Kak emodzi stali yazykom? Rezhim dostupa: <https://www.pushkin.institute/news/detail.php?ID=30149> (data obrashcheniya: 26.02.2022).

Rebrik S.B. Trening professional'nyh prodazh. M., 2003.

Sannikov V.Z. Russkij yazyk v zerkale yazykovoj igry. M., 2002.

Ejnshtejn M. Reklama pod prikrytiem: Nativnaya reklama, kontent-marketing i tajnyj mir prodvizheniya v internete. M., 2020.

©Муль И.Л., 2022

Муль Ирина Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент. Кафедра иностранных языков, Омский государственный медицинский университет Минздрава России.

Адрес: 644106, Россия, г. Омск, ул. Лукашевича, 10.
E-mail: mul.alex@mail.ru

Mul' Irina Leonidovna – Candidate of Philology, Docent. Department of Foreign Languages, Omsk State Medical University of the Ministry of Health of Russia (Omsk, Russia).

Л. Б. НИКИТИНА

г. Омск, Россия

laribn@rambler.ru

УДК 81'38:81'42

ОШИБКА, РЕФЛЕКСИЯ, ИГРА В ИНТЕРНЕТ-ОБЩЕНИИ: В ПОИСКАХ ГРАНИЦ

Аннотация. Рассматриваются вопросы соотношения таких характерных для письменного интернет-общения явлений, как нарушение языковой нормы (ошибка), метаязыковая рефлексия и языковая игра. Характеризуются экстралингвистические факторы, определяющие возникновение технических погрешностей (опечаток), орфографических и пунктуационных ошибок в интернет-сообщениях. Ошибка как осознанное или неосознанное нарушение языковой нормы и опечатка как техническая небрежность (оформительская ошибка) квалифицируются как инструмент реализации языковой игры, посредником которой выступает метаязыковая рефлексия. Игра в ошибки может инициироваться как адресантом, так и адресатом, реагирующими на собственные или чужие опечатки и языковые нарушения. Вне игровой установки рефлексия интернет-коммуникантов по поводу опечатки или ошибки характеризуется как стремление соблюдать традиционные правила организации и оформления хорошей речи.

Ключевые слова: интернет-общение, интернет-технологии, интернет-коммуникации, опечатки, интернет-дискурс, интернет-тексты, языковые ошибки, метаязыковая рефлексия, языковая игра.

NIKITINA LARISA B.

Omsk, Russia

ERROR, REFLECTION, GAME IN INTERNET COMMUNICATION: IN SEARCH OF BOUNDARIES

Abstract. The issues of correlation of such phenomena characteristic of written Internet communication as violation of the language norm (error), metalanguage reflection and language game are considered. The extralinguistic factors determining the occurrence of technical errors (typos), spelling and punctuation errors in Internet messages are characterized. An error as a conscious or unconscious violation of a language norm and a typo as a technical negligence (design error) are qualified as a tool for im-

plementing a language game mediated by metalanguage reflection. The game of mistakes can be initiated by both the addressee and the addressee, reacting to their own or someone else's typos and language violations. Outside of the game setup, the reflection of Internet communicants about a typo or error is characterized as a desire to comply with the traditional rules of organization and design of a good speech.

Keywords: Internet communication, typo, language error, metalanguage reflection, language game

Настоящее время характеризуется существенным смещением как бытового, так и делового общения в сторону письменной реализации. Главной причиной такого положения дел является интернет, подаривший нам возможность передавать и получать информацию с невиданной ранее скоростью, в самых неожиданных условиях, вести диалог параллельно с другими делами, существенно не отвлекаясь от них и не вынуждая онлайн-собеседника прерывать параллельно осуществляемую деятельность.

Наблюдаемый сегодня бум интернет-общения, с одной стороны, практически узаконил новые, далекие от традиционного этикета речеповеденческие привычки, сделал нормой отступления от правил орфографии и пунктуации, возвел спонтанность, неподготовленность (или слабую подготовленность) высказывания в ранг характерной черты не только разговорных, но и публицистических жанров, то есть существенно раскрепостил коммуникантов в выборе средств общения, предоставив граничащую с вседозволенностью свободу самовыражения; с другой стороны, породил всплеск речетворческой активности: диалоги в чатах, переписка в социальных сетях, комментирование публикаций полны примеров языковой игры, разного рода языковой рефлексии, демонстрирующей чуткое отношение коммуникантов к норме и способность иронизировать посредством ими же создаваемых языковых аномалий (см. об этом, например: [Карабань2012; Кронгауз 2016; Никитина 2021; Никитина, Голошубина 2018; Сидорова 2006; Трофимова 2011]).

Статья посвящена вопросам соотношения таких характерных для письменного общения посредством интернет-технологий

явлений, как нарушение языковых норм (ошибка), реакция на нарушение (метаязыковая рефлексия) и игра в ошибки (языковая игра). Рассуждая на эту тему, мы не можем не учитывать экстралингвистический контекст интернет-общения, поэтому статья содержит наблюдения над образами коммуникантов, их намерениями, обстоятельствами, в которых происходит речевой контакт.

Наши обобщения и выводы основаны на анализе эмпирического материала, которым явилась интернет-переписка: диалоги посредством мобильной телефонной связи, обмен сообщениями, комментирующими интернет-публикации, словесные контакты в социальных сетях, то есть различные формы реактивного интернет-общения. (Для удобства восприятия высказывания и диалоговые единства, используемые в качестве иллюстративно-го материала, пронумерованы.)

Письменная разговорная речь как форма коммуникации, наблюдаемая в интернете, имеет свои неписанные, но, кажется, осознаваемые и принимаемые подавляющим большинством носителей языка, законы, один из которых может быть сформулирован так: интернет-общение предполагает лояльное отношение к опечаткам и не предусматривает строгого соблюдения орфографических и пунктуационных правил.

Мотивацией пренебрежения правилами правописания выступает следующее: в интернет-переписке важна скорость общения, которую существенно замедляет следование языковым нормам. Кроме стремления к экономии времени, желания вовремя (возможно первым) среагировать на ту или иную информацию, существенным является стремление общающихся сохранить нить разговора, удержать интерес собеседника. Все это так или иначе оправдывает ошибки и опечатки, без которых не обходится письменное интернет-общение, сконцентрированное на содержании сообщения и отвергающее разного рода несущественные для понимания смысла «детали».

Начнем с опечаток. Безусловно, опечатка не есть ошибка, то есть это не нарушение языковой нормы, но к ней все же применим названный термин, если использовать его с оговоркой: это

ошибка техническая, это погрешность, связанная с невнимательностью, поспешностью пишущего или его физическими характеристиками (например, толстые пальцы или длинные ногти). Применительно к опечаткам можно говорить о следующих уровнях их восприятия собеседниками и влияния на ход коммуникации:

1) опечатка не вызывает затруднений в понимании сообщения, поэтому не вызывает рефлексии со стороны адресанта и «прощается» адресатом, например: (1) – я пиду на урок; (2) – только нас шрязью поливают; (3) – С Украины поздравляли с днем рождения;

2) опечатка замечается пишущим и исправляется, несмотря на отсутствие ее влияния на понимание адресатом сообщения (исправляя опечатку, адресант тем самым приносит косвенное извинение за оплошность, не жалея на это усилий и времени, которое так ценится в интернет-коммуникации): (4) – Ну так же, как и я в каких-нибудь синхрофахотронах // *з; (5) – он был волителем или кондуктором?))))) // *водителем; (6) – А я думала, что она его забирает, везет домой, я прихожу, она ежет // *д (сигналом рефлексии со стороны пишущего является специальный знак – «*»);

3) опечатка становится причиной непонимания и приводит к переспросам и уточнениям, например: (7) – Есть очки: выгодный магазин на водниках и на Рабиновича отдел – продажа или оптика по рецепту? – не очки – опечатка. Это точки по продаже фруктов)); (8) устала от них, ну пошлоух! – хамили? – не, в смысле прошло и ладно; (9) Аня проспала получается. Вчера за биатлон болела – какая Аня? – А я*.

Иными словами, опечатка может становиться поводом для метаязыковой рефлексии, которая представляет собой «тип языкового поведения, предполагающий осмысленное использование языка, т. е. наблюдение, анализ его различных фактов, оценку их, соотнесение своих оценок с другими, нормой, узусом» [Шмелёва 1999: 108]. Метаязыковая рефлексия, как правило, предполагает две деятельностные ступени: 1) операция метаязыкового сознания по интерпретации какого-либо факта языка

или речи; 2) словесно оформленное отражение подобной операции [Шумарина 2011: 3]. Непосредственному наблюдению подвергается вторая ступень, когда мы имеем дело с оформленным результатом соответствующего мыслительного процесса.

Н. Б. Мечковская замечает, что «интернет в небывалой прежде мере усиливает метаязыковую рефлексию говорящих и продолжает увеличивать насыщенность современной письменной и устной речи метаязыковыми значениями» [Мечковская 2006: 183]. Конечно, реакция на опечатки, их исправление – это наиболее простое по мыслительным затратам действие, предпринимаемое интернет-собеседниками: метаязыковая рефлексия в интернет-общении имеет очень широкий круг речетворческих реализаций, обогащая речь новыми смыслами (см. об этом, например: [Гридина, Талашманов 2019; Мечковская 2006;]).

Ср.: (10) *Выучили, родили, притащили!!! Молодцы!!!! Но вот, когда уже все усвоят, что девчонка пишется через О!!! Меня уже коробит от этой ошибки!!! Хвалитесь надеждами, а элементарного не знаете!!!!* – рефлексия подобного рода носит исключительно ортологический характер: это эмоциональная реакция на орфографическую ошибку – (11) *Я через час заскачу дастали! – Да ты чо! ДА! СтАли. Пока ты там скАчешь*) – здесь очевидна реакция адресата на орфографические ошибки адресанта, становящаяся поводом для языковой игры.

Иными словами, метаязыковая рефлексия может характеризоваться не только стремлением к правильности – рефлексировать по поводу ошибок и опечаток можно и в игровой тональности: в этом случае разного рода нарушения становятся причиной языковой игры.

Языковая игра традиционно трактуется как намеренная, осознанная неправильность, направленная на усиление выразительности речи [Санников 2002:68]. Когда пишущий неосознанно допускает неправильность, последняя становится для адресата поводом для рефлексии и осознанным инструментом языковой игры: (12) *Я бы в конце марта приехала, родила суток и в начале апреля с ним домой – беременная что ли?)))* – *пожила чуток)))*; (13) *Серезжа, поздравляю! Энергии, творческих планов*

и их сверлений! – Свершений))) сверлить не надо))); (14) *А когда он одувался, кто рядом с ним переобувал лыжи? – Насчет одувался не знаю))) а обувался Флеб вроде.*

В какой бы форме ни выражалась метаязыковая рефлексия в интернет-пространстве (как обнаружение и исправление опечатки, ошибки или как игра с замеченным нарушением), она есть свидетельство того, что для интернет-общения характерно реагирование на свои или чужие языковые/речевые проявления. Мы располагаем значительным количеством примеров такого реагирования.

Письменное интернет-общение с его установкой на скорость и предпочтительную ориентацию на смысл (а не на правильность) зачастую не дает возможности отличить ошибку от неопытки и, более того, приближая письменную разговорную речь к устной, делает орфографически неверное написание понятным, не требующим расшифровок и комментариев. Например, привычные, частотные *ща* (сейчас), *чо* (что), *ваще* (вообще), *тыща* (тысяча) и др. Подобные игры в ошибки, сторонами которых становятся орфография и орфоэпия, заканчиваются победой последней.

Пунктуация, в отличие от орфографии, слабо укладывается в контекст разговора об опечатках и практически не является инструментом языковой игры: отступления от правил расстановки знаков препинания и полное их игнорирование без ущерба смыслу написанного либо является результатом незнания пунктуационных норм, либо обусловлено экономией времени, затрачиваемого на письменное оформление высказывания. Манипуляции со знаками препинания, которые условно можно назвать игрой в силу их нацеленности на выразительность речи, сводятся в основном к их переизбытку для передачи усиленной восклицательной или вопросительной интонации, а также для обозначения многозначительного молчания: (15) *Но как быть учителям никто не объясняет!!! У нас таких – за 65 и до 65 с хроническими серьезными заболеваниями больше половины коллектива!!!! кто им даст больничный?????*; (16) – *Что там слышно от Максима? – Из садика повезем к нему – А потом? – К тебе*

– *Сегодня ко мне????? // Офигеть! // А я уже хотела спрашивать – Че? – насчёт завтра – Нельзя – НАОБОРОТ!!!!!! // НУЖНО // МОЖНО // ХОЧУ // ЛЮБЛЮ* (кроме знаков препинания на смысловые акценты в данном случае работают графические выделения); (17) – *Классная ава!!!! А ты вообще хорошо получаешься на фотках!! Айс)*) – да ну прям таки..... ужасные фотки...

В то же время в случае порождаемой двусмысленности высказывания пунктуационные ошибки (в первую очередь игнорирование знаков препинания) становятся, с одной стороны, поводом для метаязыковой рефлексии, с другой – инструментом языковой игры. Например: (18) *Но потом когда стало легче я начала бегать работать боялась легкие могут быть поражены – Не пойму. Полегчало и сразу работать побежала? Шустро. Или боялась работать? – Нет! Стала бегать в парке понемногу (физкультура), работать по дому – уборка, стирка. На работу еще не выписали – Ну теперь понятно. А то все в кучу без точек-запятых – Тороплюсь писать* (непонимание смысла становится причиной метаязыковой рефлексии); (19) *Удаленка уже не светит на работу уже к креслу приросла жуть – В темноте поработаем, коль не светит на работу))) а жуть как приросла, так и отвянет)))* (происходит конструирование адресантом словосочетаний, порождающих ироничный смысл).

Не можем не констатировать, что ошибки часто вообще не вызывают никакой рефлексии (не замечаются и не обсуждаются): (20) – *не ложился еще не хочется че то*; (21) – *кстате ты меня тоже в юбке ни видела*); (22) – *ни кому не известная песня. – а где взял? – это не подделка - качество плохое потому что оригинал записан через магнитофонный микрофон на кассету*; (23) *Уважаемые садоводы! В апреле собрание проводится не будет проведем в течении мая. Электроэнергия будет подключатся с 20 апреля.* В таких случаях действует актуальный для интернет-общения принцип «и так все понятно».

Заметим, что количество орфографических и пунктуационных ошибок в интернет-сообщениях заставляет задуматься об уровне современного образования и речевой культуры и решить

наболевший вопрос: готовы ли мы принять навязываемые интернет-общением законы («правила») или будем стоять на позиции, согласно которой норма едина для любого типа и канала общения. Понятно, что на грамотность в интернет-общении влияет ряд факторов субъективного порядка. В «живом» интернет-диалоге внимание к орфографии, пунктуации, опечаткам поддерживается статусным неравенством партнеров по коммуникации, официальностью общения, личностными характеристиками собеседников. По нашим наблюдениям, чаще рефлексировать по поводу ошибок и опечаток люди, не желающие прослыть необразованными и небрежными собеседниками: ими отступление от нормы воспринимается как сигнал утраты социального статуса и как проявление неуважения к собеседнику. Данное замечание основано, в частности, на результатах проведенного анкетирования, участниками которого были преподаватели и студенты филологического факультета ОмГПУ (см. об этом: [Никитина 2021]). Опрос показал, что профессиональные филологи не только чутко реагируют на ошибки, но и активно пародируют их (играют в ошибки), что вписывается в контекст определения такого понятия, как псевдонеграмотность.

Широко распространенная среди интернет-пользователей игра в ошибки – это результат метаязыковой рефлексии: пишущий проходит путь от нормы к ее сознательному нарушению, придавая высказыванию особую экспрессивность. Такую игру не спутаешь с ошибкой в силу ее подчеркнута гротескного воплощения: (24) *Здарофф. Ну как ты? – Да ужо лучшее;* (25) *Желаю яркой звезды сама знаш где, светлой дороги сама знаш куда, и сбычи мёчт сама знаш каких;* (26) – *Это уже интимресно!*

В целом в интернет-формате активно экспериментируют с орфографией, словообразованием, грамматикой, графикой, здесь обнаруживается большой простор для трансформации прецедентных единиц и создания мемов – и обязательным условием (посредником) всех этих игр является метаязыковая рефлексия.

Подведем итоги. Между тремя вынесенными в заголовок статьи языковыми сущностями (ошибкой, рефлексией, игрой) об-

наруживается связь и взаимообусловленность. Осознанная (специально продуцируемая) пишущим ошибка, являющаяся результатом метаязыковой рефлексии, становится инструментом языковой игры. Неосознанная пишущим, но замеченная адресатом ошибка (к этой категории в известном смысле можно отнести и опечатку как техническую погрешность) усилиями рефлексизирующего субъекта также способна приобрести игровой статус. Языковая ошибка и языковая игра не могут сосуществовать без посредника – метаязыковой рефлексии, осуществляемой участниками игры (ее инициатором и «принимающей стороной»). При этом для языковой игры ошибка далеко не единственный (да и не основной) инструмент реализации присущих ей по природе речетворческих целей.

Литература

Гридина Т.А., Талашманов С.С. Языковая игра в современной интернет-коммуникации: метаязыковой аспект // Политическая лингвистика. 2019. № 3 (75). С. 31-37. DOI 10.26170/pl19-03-03.

Карабань Н.А. Этический аспект интернет-коммуникации // Интернет-коммуникация как новая речевая формация / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова. М., 2012. С. 158-177.

Кронгауз М. А. Словарь языка интернета.ru. М., 2016.

Мечковская Н. Б. Естественный язык и метаязыковая рефлексия в век Интернета// Русский язык в научном освещении. 2006. № 2 (12). С. 165–185.

Никитина Л.Б. Трансформации грамотности в интернет-общении // Вестник Омского государственного педагогического университета. 2021. № 1 (30). С. 81-86.

Никитина Л.Б., Голошубина О.К. Моделирование речевого жанра «разговор в мессенджере» // Жанры речи: Международный научный журнал. 2018. № 4 (20). С. 304-312.

Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 2002.

Сидорова М. Ю. Интернет-лингвистика: русский язык. Межличностное общение. М., 2006.

Трофимова Г. Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты. М., 2011.

Шмелева Т. В. Языковая рефлексия // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. 1999. Вып. 1 (8). С. 108–110.

Шумарина М. Р. Язык в зеркале художественного текста. Метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы. М., 2011.

REFERENCES

Gridina T.A., Talashmanov S.S. YAzykovaya igra v sovremennoj internet-kommunikacii: metazykovoj aspekt // Politicheskaya lingvistika. 2019. № 3 (75). S. 31-37. DOI 10.26170/pl19-03-03.

Karaban' N.A. Eticheskij aspekt internet-kommunikacii // Internet-kommunikaciya kak novaya rechevaya formaciya / nauch. red. T.N. Kolokol'ceva, O.V. Lutovinova. M., 2012. S. 158-177.

Krongauz M. A. Slovar' yazyka interneta.ru. M., 2016.

Mechkovskaya N. B. Estestvennyj yazyk i metazykovaya refleksiya v vek Interneta// Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii. 2006. № 2 (12). С. 165–185.

Nikitina L.B. Transformacii gramotnosti v internet-obshchenii // Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2021. № 1 (30). S. 81-86.

Nikitina L.B., Goloshubina O.K. Modelirovanie rechevogo zhanra «razgovor v messendzhere» // ZHanyr rechi: Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal. 2018. № 4 (20). S. 304-312.

Sannikov V. Z. Russkij yazyk v zerkale yazykovoj igry. M., 2002.

Sidorova M. YU. Internet-lingvistika: russkij yazyk. Mezhlichnostnoe obshchenie. M., 2006.

Trofimova G. N. YAzykovoj vkus internet-epohi v Rossii. Funkcionirovanie russkogo yazyka v Internetе: konceptual'no-sushchnostnye dominanty. M., 2011.

SHmeleva T. V. YAzykovaya refleksiya // Teoreticheskie i prikladnye aspekty rechevogo obshcheniya. 1999. Vyp. 1 (8). S. 108–110.

SHumarina M. R. YAzyk v zerkale hudozhestvennogo teksta. Metazykovaya refleksiya v proizvedeniyah russkoj prozy. M., 2011.

©Никитина Л.Б., 2022

Никитина Лариса Борисовна – профессор кафедры русского языка и лингводидактики. Омский государственный педагогический университет (Омск, Россия).

Адрес: 644024, Россия, г. Омск, ул. Маршала Жукова, 77.

E-mail: rlingv@mail.ru

Nikitina Larisa Borisovna – Professor of the Department of Russian Language and Linguodidactics. Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia).

Е. Н. РЕМЧУКОВА
г. Москва, Россия
remchukova_en@rudn.ru

УДК 81'42:81'38

«ЦИТАТНОЕ ПИСЬМО» В МЕДИАТЕКСТЕ КАК ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ КОМПЛЕКС ЗНАКОВ ВЫСОКОЙ КУЛЬТУРЫ СО СФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ «ДОСТОЕВСКИЙ»

Аннотация. Проблема «цитатного письма», которое понимается в статье не только как приём, но и как способ организации современного медиатекста при помощи концентрации в его фрагментах прецедентных знаков высокой культуры рассматривается в статье на материале текстов аналитической прессы, в которых активно функционируют прецеденты со сферой-источником «Достоевский», чаще – в трансформированной форме, в качестве выразительного и лингвокреативного средства конструирования «прецедентных комплексов», с помощью которых формируются информационная и образная составляющие и оценочная модальность текста.

Ключевые слова: цитатное письмо, прецедентные знаки, высокая культура, медиалингвистика, медиатексты, медиадискурс, трансформации прецедентного знака, аналитическая пресса, Достоевский.

REMCHUKOVA ELENA N.
Moscow, Russia

"QUOTE WRITING" IN THE MEDIA TEXT AS A PRECEDENT SET OF SIGNS OF HIGH CULTURE WITH THE SPHERE- SOURCE "DOSTOEVSKY"

Abstract. The article deals with the problem of "quote writing", which is understood not only as a technique, but also as a way of organizing a modern media text by concentrating precedent signs of high culture in its fragments. The author considers texts of the analytical press, with actively functioning precedents with the sphere-source "Dostoevsky". More often they are found in a transformed form, as an expressive and linguo-creative means of constructing "precedent complexes", with the help of which in-

formational and figurative components and evaluative modality of the text are formed.

Keywords: "quote writing", precedent signs of high culture, media text, transformations of a precedent sign, Dostoevsky.

Современные медиа, как профессиональные, так и социальные, проявляют острый интерес к тем прецедентным знакам, которые мы определяем как «прецедентные знаки высокой культуры» и которые широко востребованы в русском глобальном интертекстуальном пространстве. Оно, на наш взгляд, может быть охарактеризовано не только как интер-, гипер-, мета- и паратекст (см. об этом подробнее в Казак, Махова 2011), но и как обусловленная внешними факторами (объектом цитации становятся актуальные и социально значимые события) форма коммуникативной деятельности. Рецепция русской классики в современном художественном (Повалко 2021) и нехудожественном тексте (Ремчукова, Кузьмина 2022) приобретает всё больший размах: «хрестоматийные знаки высокой культуры» представляют собой явление массовое, становятся неотъемлемой частью современного медиапространства и важным средством медиакommunikации.

Известно, что отличительной чертой русской культуры является её литературоцентричность: произведения А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского «канонизированы нашим культурным сознанием» (И. Волгин). Эта канонизация характерна и для современной массовой культуры, в частности медиакультуры, для которой хрестоматийный знак становится объектом не только интеллектуально-образного осмысления, но и тиражирования «благодаря» цифровой коммуникации. Он превращается в массовую разновидность «неознака»: термин, который можно предложить по аналогии с «неоэпохой» («неоэпоха готового слова» – эпоха «интерпретации готового слова» [Анненкова 2011: 87]. Ожидаемый отрицательный результат этого тиражирования – обесценивание содержания прецедента, игровые трансформации сомнительного свойства не только в социальных медиа с их принципом «всё дозволено», но и в профессиональных, охваченных модой на массовое класси-

ческое «цитирование». Эта сторона проблемы прецедентности медийного пространства может обсуждаться, но пока активно не обсуждается, в лингвотике. В контексте этого обсуждения вполне уместно было бы слово «стёб», характеризующее такое обращение с прецедентным знаком высокой культуры, которое направлено на её «выживание» (заголовок статьи: «Стёб как способ выживания (из себя) культуры» [Кретова 2013: 75]).

Всё вышесказанное в полной мере можно отнести к особенностям функционирования в медиатексте прецедентных знаков высокой культуры со сферой-источником «Достоевский», которые, по данным НКРЯ и других корпусов, обладают высокой активностью в качестве хрестоматийного «медиазнака», что обусловлено «особенностями социально-культурной перцепции русского языкового сознания, которое активно формируется уже на школьной скамье» [Ремчукова, Кузьмина 2022: 50].

В данной статье обратимся к явлению другого порядка – «цитатному письму», которое рассматривается С.И. Сметаниной в широко известной монографии «Медиа-текст в системе культуры: динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века» (Сметанина 2002) как явление постмодернистской парадигмы и определяется как «особый приём в текстовой деятельности журналиста», суть которого «в интеллектуальной, эмоционально- оценочной, формальной переработке «чужого» текста-цитаты, осмысленного и освоенного в системе культуры, и повторное использование его в качестве средства номинации по отношению к реальным ситуациям (лицам) при создании медиа-текста» [там же: 110–111]. Относительно новых публикаций по цитатному письму совсем немного, и все они опираются на данное определение (Базанова, Попова 2019, Соколова 2012, Соломина 2015 и др.).

В данной статье мы рассматриваем такой тип «цитатного письма», который связан с концентрированным употреблением во фрагменте текста прецедентных знаков с одной сферой-источником на основе приёма контаминации, в результате чего складываются разные комбинации, которые мы обозначаем как «прецедентные цепочки», формирующие «прецедентные ком-

плексы» – группу прецедентов, взаимодействие которых определяется информативно-оценочной и текстопорождающей функциями. Прецедентные знаки становятся эффективным средством выражения авторской позиции, а их сменяемость в пространстве текста – формой языковой игры, в той или иной степени связанной с «эстетической выраженностью».

Рассмотрим фрагмент текста под заголовком *«Воздушный цирк Фёдора Достоевского»* канала «RT» (Russia Today): *«Ох и трудную задал проблему наш классический ватник Фёдор Мих. Достоевский нашим британским партнёрам. <...> Это же именно он голосом Ивана Карамазова поставил нерешаемую нравственную задачу: «...от высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не стоит она слезинки хотя бы одного только замученного ребёнка». <...> И, хотя полное собрание Facebook-постов Достоевского многие никогда не читали, слезинка ребёнка стала основным триггером для запуска сценария третьей мировой войны. Ведь чем можно поднять волну мирового возмущения, как не слезинкой ребёнка? <...> оказывается, что террористы в чужой стране оказываются почти мирными rebels – повстанцами, борющимися против режима, который нам просто не нравится. Эту фишку продать уже тоже не удаётся. И тогда – вуаля, спасибо, Фёдор Михалыч, дорогой, – слезинка ребёнка. Супротив этого даже у самого прожжённого циника нет ни возражений, ни лома. И вот уже силы Добра устремляются на восстановление высшей справедливости, ну и чтобы вытереть слезинку малышу из Думы. <...> и с ужасом понимаю, что термин «мировой жандарм» не был выдумкой. То есть совсем. Ну и что теперь с этим делать? Почитать Достоевского?»* (<https://russian.rt.com/opinion/504219-malcev-zapadssha-siriya>, 17 апреля 2018).

Текст статьи строится на чередовании прецедентных знаков, которые взаимосвязаны и являются способом выражения недвусмысленно и чётко обозначенной авторской позиции. В основе лежит известное прецедентное клише «слезинка ребёнка»: в начале статьи словосочетание упоминается как прямая, но усечённая цитата из романа «Братья Карамазовы» («...а потому от

высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не стоит она слезинки хотя бы одного только того замученного ребёнка...»), далее в виде штампа – прецедентного клише, а в конце статьи метафорически переосмысливается (*вытереть слезинку малышу из Думы*). Кроме прецедентного высказывания, автор использует в тексте прецедентные антропонимы – *Иван Карамазов, Ф.М. Достоевский*, при этом обращение к писателю происходит в достаточно фамильярной форме – *Фёдор Михалыч* или *Фёдор Мих. Достоевский*, которое дополняется приложением «*ватник*», имеющим пейоративную коннотацию (*полит. жарг., часто ирон. или презр. сторонник, патриот России, слепо поддерживающий государственный курс*).

Необходимо отметить, что оценочная функция сопровождается иронией, на что указывают такие средства, как эвфемизм-перифраза «*малыш из Думы*», риторическое обращение к писателю в фамильярной форме (*Михалыч, Фёдор Мих. Достоевский*), а также два риторических вопроса, завершающих статью. Набор иронических средств состоит не только из прецедентных знаков, но и из дополнительных стилистических средств: заимствованное из французского стилистически окрашенное междометие «*вуаля*» и лексема «*ватник*» в сочетании с лексемой «*классический*» создаёт оксюморон – средство иронии, даже сарказма.

Обратим внимание на то, что проанализированный текст может быть охарактеризован как последовательно лингвокреативный, независимо от того, как с этической точки зрения оценивается обращение автора с прецедентным знаком, и именно «прецедентный комплекс» формирует его смысловую насыщенность и выразительность.

Подобные комплексы прецедентных знаков широко представлены не только в традиционном медийном пространстве, но и в качественных текстах социальных медиа с возможностью обсуждения пользователями той или иной темы. В социальной сети «Макспарк» опубликован пост под названием «*Смердяков как герой нашего времени*» (<https://maxpark.com>, 10 февраля 2019). Автор публикации рассуждает о русофобских настроени-

ях в обществе, особенно – в политической среде, прямо называет отдельных политиков современными Смердяковыми, аргументируя свою позицию в том числе с помощью фраз персонажей из романа: *«Именно поэтому Кунгуров – это **Смердяков** нашего времени, который презирает и ненавидит русских людей, **ненавидит всю Россию** (грамматическая трансформация фразы Смердякова «Я всю Россию ненавижу» – прим. наше).<...> Достаточно развернуть газеты, включить телевизор, и на читателя/зрителя обрушивается систематизированный поток **новейшей смердяковщины**. <...> Воскресли и пошли гулять по России многие герои Достоевского. **Смердяковы зовут: “Приходите, владейте нами!”**. Пусть приходят культурные и, поставив нас – **смердяковых** надсмотрщиками, владеют нашими землями, заводами, ресурсами и дешевой рабсилой. **Иван Карамазов**, внутренне содрогаясь от ужаса, произносит: **“Всё позволено...”**».*

В данном текстовом фрагменте органически сосуществуют знаки из разных сфер-источников: прецедентные антропонимы *Иван Карамазов*, *Смердяков* (в том числе образованное от него абстрактное существительное) и трансформированные прецедентные высказывания *«всё позволено»*, *«ненавидит всю Россию»* – из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» и фраза *«Приходите, владейте нами!»*. Она представляет собой трансформацию прецедентного высказывания из предания «Сказание о призвании варягов», упомянутого в летописи «Повесть временных лет». Согласно лексикографическим данным, фраза употребляется «иронически применительно к людям, которые не могут сами наладить собственную жизнь и надеются на помощь извне» (Энциклопедический словарь 2003) и является средством формирования основной модальности текста – «иронически-саркастической». В подобных текстах граница между иронией и сарказмом является очень тонкой.

Таким образом, можно выделить такие разновидности прецедентных комплексов, как *комплекс прецедентных знаков из одного источника*; *комплекс прецедентных знаков из разных источников*; *обыгрывание в разных вариациях одного прецедент-*

ного знака. Так как в рамках ограниченного объёма одной статьи нельзя рассмотреть все разновидности, остановимся на третьей.

Комбинации прецедентных знаков из одного произведения-источника могут располагаться как в одном «блоке», так и в разных фрагментах текста. Приведём пример статьи из газеты «Царьград» (<https://tsargrad.tv>, 11 ноября 2021) с заголовком «*Так и не прочитали: уроки Достоевского для людей XXI века*». Журналист проводит параллели между идейно-образным содержанием произведений писателя и актуальными социальными событиями и уже в лиде статьи указывает на её проблематику: «*Многое из предсказанного Достоевским в книгах сбылось в действительности... Но усвоили ли мы уроки Достоевского?*»

Статья довольно объёмная, поэтому журналист разбивает её на части и использует внутренние заголовки («*Кого корёжит автор «Бесов»?*», «*Великий Инквизитор в царстве ковида*» и т.д.), что рассматривается нами как способ организации текста при помощи прецедентного знака. В каждой из этих частей формируются прецедентные «цепочки» разной степени сложности и объёма, в том числе и в каноническом, то есть нетрансформированном, виде: «*Как никто другой Достоевский доказал эту истину “от обратного”. Если нет бессмертия души, то получайте раскольниковское преднищиеанство: “Тварь ли я дрожащая или право имею?”. Или тотальный эгоизм “подпольного человека”: “Свету ли провалиться, или вот мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить”. А как итог – болезненная интеллектуальная зазвоздка Ивана Карамазова: “Если Бога нет, то всё дозволено”*».

В следующем фрагменте автор статьи обращается к прецедентной ситуации и к прецедентному антропониму с приложением из романа «Бесы»: «*Мышь, которую “жидок Ляшин” (маленький почтамтский чиновник из “Бесов”) засунул за киот иконы, – разве это не то же самое, что кощунственная выставка Марата Гельмана “Осторожно, религия!” и многие другие подобные?*». Сближение прецедентной ситуации (мышь в

ките иконы) и события культурной жизни (провокационная антирелигиозная выставка в Музее и общественном центре имени Андрея Сахарова, вызвавшая много споров и судебных разбирательств) является способом выражения авторской позиции, которая окрашена сарказмом.

Текстогенностью обладают и прецедентные высказывания-клише, например, *«красота спасёт мир»*. В статье *«Нагота спасёт мир»* (журнал «Огонёк») этот известный прецедент используется неоднократно, подвергаясь при этом трансформациям разного рода, формируя прецедентный комплекс с одним произведением-источником:

- лексическая субституция (*нагота спасёт мир; голод спасает прогнивший Запад* – в последнем случае замене подлежат и субъект, и объект высказывания, прецедент сохраняет лишь одну лексему и «узнаваемость» приобретает за счёт синтаксической модели-фразеосхемы);

- грамматические трансформации (глагол *«спасёт»*, использующийся в каноническом тексте и в заголовке статьи в форме будущего времени, в основной части публикации употребляется в форме настоящего (*«спасает»*) и – гораздо чаще – в форме прошедшего времени (*«спасли», «спасла»*);

- субституция может сопровождаться синтаксическим параллелизмом (*Ядерная бомба спасла мир от третьей мировой войны; Ужасы сталинского социализма спасли мир от классического капитализма; Тотальный африканский голод спасает прогнивший Запад от вредной сытости; Презренная «красота» (художественная красота, ставшая достоянием миллионов в XIX веке) спасла мир от окончательного разрушения*);

- перестановка компонентов высказывания взаимодействует с изменением модальности предикативной единицы (*Мир спасла отнюдь не красота*) или лексической заменой одного из компонентов (*Мир спасли противоречия*).

Подобные трансформации высказывания, ставшего общим местом, штампом, содержание которого обесценено (в частности, в рекламном тексте) в этом случае актуализирует смыслы,

мотивирующие многочисленные отсылки к данному прецедентному культурному знаку.

Таким образом, тексты или фрагменты текстов с концентрированным использованием прецедентных знаков обнаруживаются в качественной аналитической прессе, часто – в статьях социально-нравственной и идеологической проблематики. В рамках цитатного письма «прецедентный ряд» (цепочка, комплекс) используется в качестве развёрнутого аргументированного и эмоционально окрашенного доказательства авторской позиции, направленного, несмотря на категорическую и даже агрессивную модальность некоторых текстов, на диалогическое взаимодействие с потенциальным читателем, владеющим (хотя бы поверхностно) тем же набором прецедентов.

Лингвокреативный характер цитатного письма связан не только с выбором источников цитирования и с трансформированным характером прецедентов, но и с их чередованием в прецедентном ряду и взаимодействием в рамках прецедентного комплекса всего текста. О полноценной эстетической выразительности этого широко распространённого явления в аналитических медиатекстах можно говорить, на наш взгляд, в тех случаях, когда прецедентный знак высокой культуры, ставший явлением массовой медиакультуры, не дискредитирован этически некорректным обращением.

Таким образом, в прецедентном пространстве медиа тенденция к лингвокреативности текста и тенденция к его эстетической состоятельности могут находиться в отношениях неразрешимого конфликта.

Литература

Анненкова И.В. Медиадискурс XXI века. Лингвофилософский аспект языка СМИ. М., 2011.

Базанова А.Е., Попова Е.О. Цитатное письмо как источник формирования лексического состава современного российского экономического медиатекста // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 10. С. 111-114.

Казак М.Ю., Махова М.Ю. Медиатексты в аспекте теории интертекстуальности и прецедентности // Научные ведомости Белгородского

государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 24(119). С. 175-182.

Кретова Е.Г. Стёб как способ выживания (из себя) культуры // Вопросы театра. 2013. № 3-4. С. 75-80.

Повалко П.Ю. Творчество Ф.М. Достоевского в современной постмодернистской литературе: метаморфозы и трансформации. // Сборник трудов III Международной конференции «Русский язык, литература и культура: прошлое, настоящее, будущее». Скопье, 2021. с.133-139.

Ремчукова Е.Н., Кузьмина Л.А. «Прецедентный мир» Ф.М. Достоевского в социо-культурном и «игровом поле» современных медиа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 1. С. 45–67. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-45-67>

Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века). СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002. 383 с.

Сokolova Г.В. Онтологический аспект значимости оценочной лексики в СМИ // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2012. № 4(107). С. 36-41.

Соломина Н.В. Интертекстуальный тезаурус как ключ к пониманию цитатного письма // Материалы VIII Международной научно-практической конференции. Омск, 2015. С. 184-189.

Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / Автор-сост. Серов В.М. «Локид-Пресс», 2005. 880 с.

REFERENCES

Annenkova I.V. Mediadiskurs XXI veka. Lingvofilosofskij aspektazyka SMI. M., 2011.

Bazanova A.E., Popova E.O. Citatnoe pis'mo kak istochnik formirovaniya leksicheskogo sostava sovremennogo rossijskogo ekonomicheskogo mediateksta // Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2019. № 10. S. 111-114.

Kazak M.YU., Mahova M.YU. Mediateksty v aspekte teorii intertekstual'nosti i precedentnosti // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2011. № 24(119). S. 175-182.

Kretova E.G. Styob kak sposob vyzhivaniya (iz sebya) kul'tury // Voprosy teatra. 2013. № 3-4. S. 75-80.

Povalko P.YU. Tvorchestvo F.M. Dostoevskogo v sovremennoj postmodernistskoj literature: metamorfozy i transformacii. // Sbornik trudov

III Mezhdunarodnoj konferencii «Russkij yazyk, literatura i kul'tura: proshloe, nastoyashchee, budushchee». Skop'e, 2021. s.133-139.

Remchukova E.N., Kuz'mina L.A. «Precedentnyj mir» F.M. Dostoevskogo v socio-kul'turnom i «igrovom pole» sovremennyh media // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2022. T. 13. № 1. S. 45–67. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-45-67>

Smetanina S.I. Media-tekst v sisteme kul'tury (dinamicheskie processy v yazyke i stile zhurnalistiki konca XX veka). SPb.: Izd-vo Mihajlova V.A., 2002. 383 s.

Sokolova G.V. Ontologicheskij aspekt znachimosti ochenoj leksiki v SMI // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie. 2012. № 4(107). S. 36-41.

Solomina N.V. Intertekstual'nyj tezaurus kak klyuch k ponimaniyu citatnogo pis'ma // Materialy VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Omsk, 2015. S. 184-189.

Enciklopedicheskij slovar' krylatyh slov i vyrazhenij / Avtor-sost. Serov V.M. «Lokid-Press», 2005. 880 s.

©Ремчукова Е.Н., 2022

Ремчукова Елена Николаевна – д.ф.н., профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания. Российский университет дружбы народов (Москва, Россия).
Адрес: 117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, 6.
remchukova_en@rudn.ru

Remchukova Elena Nikolaevna – Doctor of Filology, Professor. The General and Russian Linguistics Department Philological Faculty People's Friendship University of Russia, Miklukho-Maklay str., 6, Moscow, Russia, 117198

ЯН КЭ

Гуанчжоу, Китай

mashayang1963@aliyun.com

ЧЭНЬ ХУАНЬ

Гуанчжоу, Китай

ura712@hotmail.com

УДК 811.161.1'271.2

ИГРОВАЯ ДЕЗАББРЕВИАЦИЯ В РУССКОЙ РЕЧИ КАК ПОСТМОДЕРНИСТСКИЙ ФЕНОМЕН⁴

Аннотация. Характер дезаббревиации в русской речи последних десятилетий обусловлен влиянием постмодернистских и деконструктивистских тенденций, свойственных современному общественному сознанию. В статье рассмотрена специфика влияния постмодернизма и деконструктивизма на процессы игровой дезаббревиации в русской речи, выявлены основные причины и механизмы этого лингвокультурного феномена. Авторы отмечают, что дезаббревиация в русской речи касается хорошо известных сокращений. Их игровая расшифровка создаёт шуточные и/или ироничные вторичные наименования, обладающие иной внутренней формой. Как один из видов языковой игры, дезаббревиация – это, по сути, результат сознательного отказа от изначального стандартного значения сокращений и придания нового, неожиданного содержания старой, хорошо известной форме.

Ключевые слова: дезаббревиация, языковая игра, постмодернизм, деконструктивизм, русский язык, русская речь.

⁴ Работа выполнена при финансовой поддержке по гранту программы 13-й пятилетки в области философии и общественных наук провинции Гуандун в 2020 г. (проект GD20XWY14 «Сопоставительное изучение модных молодежных слов в китайском и русском языках с позиций социокогнитивной лингвистики»).

本文系广东省哲学社会科学“十三五”规划2020年度学科共建项目《认知社会语言学视域下的中俄青年流行语对比研究》(GD20XWY14)的阶段性成果。

YANG KE
CHEN HUAN
Guangzhou, China

PLAYFUL DESABBREVIATION IN RUSSIAN AS A POSTMODERN PHENOMENON

Abstract. The desabbreviation in Russian in recent decades is relevant to the influence of postmodernism and deconstructivism, which can be described as tendencies in contemporary public consciousness. The article aims to analyse the impact of postmodernism and deconstructivism on the formation of playful desabbreviation in Russian, reveal the essential causes and mechanisms of this linguocultural phenomenon. The authors note that desabbreviation in Russian speech refers to well-known abbreviations. Their playful interpretation creates humorous and/or ironic secondary names that have a different internal form. As one of the types of language game, desabbreviation is, in fact, the result of a conscious rejection of the original standard meaning of abbreviations and giving a new, unexpected content to an old, well-known form.

Keywords: desabbreviation, language game, postmodernism, deconstructivism.

1. Дезаббревиация как инструмент языковой игры

Аббревиатура (итал. *abbreviatura* от лат. *brevis* — «краткий») — производное слово, образованное путём сокращения производящего словосочетания и читаемое по алфавитным названиям начальных букв или по начальным звукам слов, входящих в данное словосочетание. Это словообразовательное явление чрезвычайно широко распространено в русской речи. "Дезаббревиация — это процесс, неотделимый от аббревиации, возникший одновременно с ней и превратившийся из малозначительного периферийного приема в мощное средство языковой игры" [Светличная 2008: 126]: Если аббревиация является "феноменом сжатия" текста, то дезаббревиация представляет собой "феномен устранения сжатия текста"; в обоих случаях «на выходе» могут появляться новые вербальные знаки. Игровая дезаббревиация — процесс сознательной неправильной расшифровки аббревиатур и создания их новых значений, зачастую рез-

ко контрастирующих с их стандартными значениями. Это явление давно существует в разных языках, например, популярная в британской английской речи юмористическая интерпретация некоторых сокращений: ABC (что означает "самый простой") → The ABC of safety: Always Be Careful; The ABC of parenthood: Always Be Consistent; The ABC of shoppers: Always Bring Cash. Однако активизация соответствующего процесса в русском языке – дело последних десятилетий. Такие российские ученые, как А.Ф. Журавлёв [1982, 45-109], А.В. Зеленин [2010:78-97], Н.О. Светличная и др., провели обстоятельные исследования данного явления. На него обращали внимание и китайские русисты [Ян Кэ 2008: 240-241]. В статье Ян Кэ "Анализ феномена деаббревиации в русской речи" подчёркивается, что «явление деаббревиации – это проявление постмодернистского сознания в языке» [2009:32-34). Данный подход составляет теоретическую основу нашей работы, в которой с учётом специфики и изменений в социальной жизни России рассматриваются причины, механизмы и семантическая сущность деаббревиации в русской речи.

2. Влияние постмодернистской «иронии» на деаббревиацию в русской речи.

Постмодернизм – это панкультурное направление мысли, зародившееся в индустриально развитых странах в 1960-х годах. Главной особенностью постмодернизма является отрицание теоретических оснований, способов мышления и ценностной ориентации сложившейся западной культурной традиции. Постмодернизм широко представлен в философии, художественном творчестве и многих других социально значимых сферах, в том числе и в речевой деятельности. В последнем случае говорят об особом "постмодернистском состоянии языка", характерном для современной коммуникативной практики. Молодежь предпочитает "постмодернистский" язык с его пародийными и "бессмысленными" способами выражения и юмористическими и ироническими эффектами. Наряду с широко распространенными в текстах Интернета модными словами и выражениями деаббревиация, составляющая объект настоящего исследования, также является типичной приметой языка постмодерна. Игровая

расшифровка реально существующих сокращений – это специфическое проявление отказа говорящих от традиций, обычаев, социальных правил в речевом поведении под влиянием постмодернистского сознания.

Приведем несколько примеров:

ЛДПР (Либерально-демократическая партия России) → люблю дурачить простых ребят; МПС (Министерство путей сообщения) → министр, племянник, сын; МГТУ (Московский государственный технический университет) → мы зотовим тут уродов; ЖКХ (жилищно-коммунальное хозяйство) → живи, как хочешь; ОБЖ (основы безопасности жизнедеятельности) → общество беременных женщин; РТР (Российская телерадиокомпания) → Российская ТелеРеклама; НТВ (Независимая телевизионная компания) → Не трогаем власть; СПИД (Синдром приобретённого иммунного дефицита) → социально-политическая история двадцатого века.

Очевидно, что деабревиация в русской речи касается хорошо известных сокращений. Их игровая расшифровка создаёт шуточные и/или ироничные вторичные наименования, обладающие иной внутренней формой. Как один из видов языковой игры, деабревиация – это, по сути, результат сознательного отказа от изначального стандартного значения сокращений и придания нового, неожиданного содержания старой, хорошо известной форме. Приведенные выше примеры показывают, что ключевым фактором, обуславливающим акт деабревиации является ирония. Так *ЛДПР* официально расшифровывается как "Либерально-демократическая партия России", однако поскольку реальная политическая деятельность данной партии далека от продвижения ценностей либеральной демократии, аббревиатура расшифрована в игровом ключе – иронически и даже саркастически: "Люблю дурачить простых ребят." Тем самым говорящий выражает своё негативно-оценочное отношение к политической линии данной партии. Такой способ выражения оценки характеризуется высокой степенью экспрессивности и эмоционально-

сти. Игровая интерпретация аббревиатуры МПС содержит намёк на кумовство, коррупцию в госорганах. Называя *МГТУ* в шутку местом подготовки "уродов", говорящий демонстрирует своё отношение к уровню обучения в данном вузе и к качеству его выпускников. С помощью расшифровки *ЖКХ* "Живи, как хочешь" осуждается равнодушие многих работников коммунальной сферы к бытовым проблемам граждан. Все эти варианты расшифровки распространённых аббревиатур являются сугубо игровыми, шутивными, часто – насмешливыми, отражающими критическое отношение говорящего к соответствующему явлению. Обсуждаемый иронический эффект присущ языку постмодернизма.

По поводу социально-психологической сущности постмодернизма Чжао Тинян пишет: "Постмодернизм – это самовыражение модернизмом собственного парадоксального состояния. У человека постоянные желания и работа современны, а современное общество не может сопротивляться, иначе оно будет лишь жертвой. Современные люди не любят жертв, поэтому неудовлетворенность собственным состоянием может быть выражена только как самоудовлетворение или самоуничужение. Такова критика 'критика без идеалов' постмодерна. Это и есть модернистское и постмодернистское ощущение масс, которое пронизывает воздух, распространяется повсюду" [赵汀阳2003: 209]. Следовательно, ключевое слово постмодернизма – это "ирония": человек недоволен миром, но не сопротивляется, а принимает абсурдность этого мира и делает его ещё более абсурдным, чтобы получить удовлетворение в потере смыслов, прибегая к помощи юмористического и иронического эффектов. "Ключевая грамматика постмодернизма такова: для современных вещей *X* вы всегда можете следовать собственной логике *X*, чтобы в конечном итоге превратить *X* в то, что даже сам *X* не желает принять, или сделать *X* парадоксом" [赵汀阳2003: 209]. Дезаббревиация в русской речи основывается именно на этом принципе. Дезаббревиация резко снижает или вообще отрицает официальный характер оригинальной аббревиатуры в неформальном, непринуждённом общении, превращая ее в грубоватую забавную

"игрушку". Можно утверждать, что активизация процесса деаббревиации в русской речи в последние десятилетия обусловлена усилением влияния "духа постмодернистской иронии". Одно из вербальных проявлений недовольства человека миром – "вульгарная" игровая расшифровка общеизвестных аббревиатур, содержащая негативную оценку определенных фрагментов мира. Условия социально-экономического кризиса при наличии основных гражданских прав и свобод способствуют рассматриваемого процесса.

3. Влияние деконструктивистского сознания на явление деаббревиацию в русской речи

Деконструктивизм, также известный как постструктурализм – одна из школ постмодернизма. Она возникла в рамках лингвистических исследований французского философа Жака Деррида. Деконструктивизм отрицает структурализм. Так называемая "деконструкция" заключается в демонтаже структуры, то есть в "стратегии прорыва изнутри путем выявления противоречий современного философского текста (объектов в форме слов), демонтажа первоначальной структуры и устранения всего определенного и фиксированного в структуре, изменения отношения между центром и периферией, растворения центра и основной части (субъекта), тем самым подрывая исходную структуру текста" [赵光武2002: 49-52]. Деррида разрывает связь между означающим и означаемым, считая, что все формы, включая язык, нестабильны и не имеют конкретного или уникального (единственного) значения. "Так называемый язык", по его мнению, базируется на принципе "какое значение Я хочу добавить к нему, такое и будет", поэтому между означающим и означаемым не существует строгого однозначного соответствия. Для Деррида "язык не является эффективным средством описания реальности и отражения опыта, он просто игра между означающим и означаемым, поскольку, как только появляется означающее, оно сразу начинает находиться в турбулентности, с появлением тысячи читателей возникает и тысяча двусмысленностей" [杨朝军2003: 111-112]. В определенной степени можно использовать тезис Деррида о специфических отношениях между озна-

чающим и означаемым в языке для объяснения причин широкого распространения дезаббревиации в русской речи в последние десятилетия. В процессе дезаббревиации нормативная формально-семантическая структура аббревиатуры разрушается, соответствующие отношения между исходными означающими и означаемыми утрачиваются и конструируются новые отношения.

Например, аббревиатура *БМВ* имеет более 60 игровых вариантов расшифровки [<https://www.docin.com/p-1613740353.html> 12.06.2021 г.]: *больно мне везёт; боевая машина вымогателя; боевой межпланетный вертолёт; белая мания величия; безумная масса вложений; все менты влюбились; бандитская машина воров; без машины веселей; будешь молодым всегда* и др. Аббревиатура *НЖМД* "накопитель на жёстких магнитных дисках", "жесткий диск" весьма популярна благодаря широкому распространению компьютерной техники; она также стала объектом непрерывного игрового декодирования, существуют десятки нестандартных вариантов её расшифровки: *надо же – мне дали; наша жизнь – мыслить двусмысленно; новое желание молодых дураков; нравоучения жителям мировой державы; название желающие могут додумать; неминуемо: женщины + мужчины = дети* и т.п. Аббревиатура *СССР*, имевшая серьезное значение и носившая совершенно официальный характер до распада Советского Союза, в течение последних тридцати лет была многократно произвольно деконструирована: *сосиска стоит сто рублей / сахар стоит сто рублей; спальня, столовая, сортир, работа* и т.п. Следует отметить, что "злонамеренные" политически заострённые расшифровки аббревиатуры *СССР* существовали и в советское время (например, до 1953 г. – *Смерть Сталина Спасет Россию; после 1953 г. – стали Смерть Сталина Спасла Россию*), но тогда они были абсолютно подпольными, в постсоветский же период стали открытыми, публичными. Подобным игровым "семантизациям" подверглась и появившаяся после распада Советского Союза аббревиатура *СНГ*: *Способ Насолить Горбачеву, С Новым годом* и т.д.

Множественность вариантов расшифровки аббревиатур показывает, что процесс дезаббревиации позволяет выражению

прорваться через исходный центральный регистр и характеризуется "деконструктивными особенностями". При деаббревиации, с одной стороны, происходит демонтаж исходной фиксированной структуры, устраняется центральная семантика; а с другой стороны, возникает свободная комбинация различных факторов дезинтегрированной (разрушенной) структуры и факторов внешнего характера, которые взаимно пересекаются, создавая теоретически бесконечную смысловую сеть. Это соответствует основным идеям деконструктивизма – противостоянию логоцентризму, отрицанию конечного смысла и утверждению разнообразия и бесконечности интерпретации. "Деконструкция означает замену *logos* (логоса) с универсальным порядком творческим *chaos* (хаосом)" [Шаова 2007]. Явление деаббревиации базируется именно на этом принципе – принципе деконструкции. Варианты декодирования исходных единиц множатся в соответствии с субъективными коммуникативными целями говорящих.

Как правило, нестандартной расшифровке подвергаются аббревиатуры, которые являются практически значимыми популярными наименованиями, тесно связанными с общественной жизнью. Это названия политических партий и движений, политических, экономических и культурных явлений; организаций, учреждений, предприятий; торговые бренды и др. Так, большое количество игровых расшифровок аббревиатуры *БМВ* свидетельствует о высокой популярности данного бренда в российском обществе. В определённой мере этот факт отражает престижность для многих россиян, особенно молодых, дорогой и качественной западной продукции: автомобиль *БМВ* стал символом материально-финансовой успешности для них. Пример аббревиатуры *НЖМД* иллюстрирует важную роль компьютера в жизни современных людей. В настоящее время многие компьютерные технические термины, в том числе сложносокращённые, в результате активной детерминологизации широко используются в других коммуникативных сферах расшифровок – прямо не связанных с информационными технологиями и компьютерной техникой; они частотны в повседневной бытовой речи. Что

касается игровых расшифровок аббревиатур типа *СССР*, продолжительное время обладавших весьма серьезной политической значимостью, то это одно из речеповеденческих отражений атмосферы, свободы и политического плюрализма в общественной жизни периода перестройки и постсоветского времени. В подобной речевой практике проявляется тенденция к "демократизации языка".

4. Заключение

Явление игровой дезаббревиации в русской речи обусловлено экстралингвистически различными социальными и культурными факторами. Это явление может отражать существенные изменения в политической идеологии, социальной психологии, ценностной ориентации.

Анализ причин возникновения интересующего нас лингвокультурного явления даёт основания утверждать, что в плане формы это результат влияния тенденции к деконструкции. Мы наблюдаем деконструкцию стандартных отношений между означающим и означаемым языкового знака, устранение привычного перцептивного опыта и помещение знака в контекст переименования, где формируется его новое смысловое наполнение. В содержательном плане на явление дезаббревиации влияет постмодернистская «ирония»: серьёзное /высокое содержание намеренно вульгаризируется, огрубляется, упрощается, снижается; при этом проявляются индивидуальный речевой вкус, эмоциональность, чувство юмора говорящего. Можно сказать, что явление дезаббревиации – это продукт постмодернизма. Такая интерпретация предоставляет возможность более тонкого и точного рассмотрения механизмов порождения, структурных и семантических свойств данного речевого и социального феномена.

Литература

Журавлёв А.Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке. М.: Просвещение. 1982. С. 45-109.

Зеленин А.В. Дезаббревиация в русском языке // Вопросы языкознания. 2010. № 1. С. 78-97.

Светличная Н.О. Лингвопрагматические свойства аббревиации и дезаббревиации в современном русском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. № 1-2(1). С. 121-126.

Шаова Р.А. Дезаббревиация как проявление языковой игры [Электронный ресурс] // Перспектива: X Международный конгресс молодых ученых: избр. материалы. Нальчик, 2007. <http://mith.ru/caucas/pers13.htm>

Ян Кэ. Немного о дезаббревиации в русском языке и её роли в преподавании русского языка как иностранного // Альманах современной науки и образования. 2008. № 8-1. С. 240-241.

杨朝军. 德里达解构主义语言观诤议[J]. 商丘师范学院学报, 2003 (1): 111-112.

杨可. 俄语去缩略语化现象分析[J]. 中国俄语教学, 2009 (3): 32-34.

赵汀阳. 关于后现代的一个非标准表达[J]. 没有世界观的世界[C]. 北京: 中国人民大学出版社, 2003: 209.

赵光武. 怎样认识后现代主义哲学[J]. 求是, 2002 (8): 49-52.

<https://www.docin.com/p-1613740353.html> 12.06.2021 г.

REFERENCES

Zhuravlev, Anatolii F. Tekhnicheskie vozmozhnosti russkogo yazyka v oblasti predmetnoi nominatsii (Technical capabilities of the Russian language in the field of subject nomination). Sposoby nominatsii v sovremennom russkom yazyke. M.: Prosveshchenie. 1982. 45-109 p.

Zelenin, Aleksandr V. Dezabbreviatsiya v russkom yazyke (Desabbreviation in Russian). *Voprosy yazykoznaneya* 1. 2010. 78-97 p.

Svetlichnaya, Nataliya O. Lingvopragmaticheskie svoystva abbreviatsii i dezabbreviatsii v sovremennom russkom yazyke (Linguopragmatic properties of abbreviation and desabbreviation in modern Russian). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* 1-2(1). 2008.121-126 p.

Shaova R.A. Dezabbreviatsiya kak proyavlenie yazykovoi igry (Desabbreviation as a manifestation of language game) 2007. <http://mith.ru/caucas/pers13.htm> (accessed 28 July 2021)

Yang Ke. Nemnogo o dezabbreviatsii v russkom yazyke i ee roli v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo (Desabbreviation in Russian and its role in teaching Russian as a foreign language). *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya* 8-1. 2008. 240-241p.

Yang Chaojun. On Derrida's Deconstructionist Linguistic View. *Journal of Shangqiu Normal University* 1. 2003.111-112 p.

Yang Ke. Analysis of the phenomenon of Desabbreviation in Russian.

Teaching Russian In China 3. 2009. 32-34 p.

Zhao, Guangwu. How to understand postmodernist philosophy. Qiushi 8. 2002. 49-52 p.

Zhao, Tingyang. A non-standard expression of postmodernism. A world without worldview. Beijing: China Renmin University Press. 2003. 209 p.

© Ян Кэ, 2022

© Чэнь Хуань, 2022

Ян Кэ – профессор, директор Института европейских языков и культур Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли (ГУИЯ и МТ), руководитель Русского центра в Гуанчжоу (Китай), научный сотрудник Центра зарубежной литературы и культуры ГУИЯ и МТ.

Адрес: 510420, Гуанчжоу, Китай, ул. Бай юнь дао бэй, д. 2

E-mail: mashayang1963@aliyun.com

Yang Ke is Professor, Head of the Faculty of European Languages and Cultures of Guangdong University of Foreign Studies (GDUFS), Head of the Russian Center in Guangzhou (China), researcher at the Center for Foreign Literature and Culture of GDUFS.

No.2 Baiyundadaobei, Guangzhou, Guangdong, 510420

Чэнь Хуань – доктор филологии (pHD), старший преподаватель кафедры русистики Института европейских языков и культур Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли (ГУИЯ и МТ).

Адрес: 510420, Гуанчжоу, Китай, ул. Бай юнь дао бэй, д. 2

E-mail: upa712@hotmail.com

Chen Huan is PhD in Philology, Senior Lecturer of the Department of Russian Language, Faculty of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Studies (GDUFS).

No.2 Baiyundadaobei, Guangzhou, Guangdong, 510420

Раздел II. ГРАММАТИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РЕЧИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ДИНАМИКИ ЯЗЫКОВОГО РАЗВИТИЯ

И.Т. ВЕПРЕВА

г. Екатеринбург, Россия

irina_vepreva@mail.ru

УДК 811.161.1'336

О КРЕАТИВНОМ ПОДХОДЕ К УПОТРЕБЛЕНИЮ ПРЕФИКСАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассматривается современное употребление ряда префиксальных глаголов как факта реализации креативной способности языковой личности, свободно использующей язык как систему возможностей. Структурно-смысловая стертость чистовидового префикса в глаголах типа *позвонить, оценить, получить, узнать*, способствующая «дефектности» морфемной структуры слова, является причиной возникающей потребности в обновлении, оживлении морфемной делимости за счет яркости префиксальной части производного глагола. Чистовидовой глагол заменяется глаголом с четко выраженным словообразовательным значением приставки: *перезвонить, заценить, заполучить, распознать*. Причиной активного процесса взаимозамены является тенденция к агглютинативности.

Ключевые слова: агглютинативность, префикс, префиксальные глаголы, русский язык, морфемная структура слова, взаимозамена приставок.

VEPREVA IRINA T.

ABOUT THE CREATIVE APPROACH TO THE USE OF PREFIXED VERBS IN MODERN RUSSIAN

Abstract. The article examines the modern use of a number of prefixed

verbs as a fact of the realization of the creative ability of a linguistic personality who freely uses language as a system of possibilities. The structural and semantic erasure of the pure-type prefix in verbs such as *call*, *evaluate*, *receive*, *learn*, which contributes to the «defectiveness» of the morphemic structure of the word, is the reason for the emerging need for updating, reviving morphemic divisibility due to the brightness of the prefixal part of the derived verb. The pure verb is replaced by a verb with a clearly expressed word-formative meaning of the prefix: *call back*, *check out*, *get*, *recognize*. The reason for the active process of substitution is the trend to agglutinateness.

Keywords: agglutinativity, prefix, verb, morphemic structure of the word, substitution of prefixes.

Самым чутким барометром, реагирующим на социальные преобразования, является лексическая сфера языка. Менее проницаемы другие уровни языковой системы. Однако в текущее время, которое характеризуется расширением границ речевой свободы, опосредованная связь языковых изменений с социальными сдвигами прослеживается на разных уровнях языка. Возможность этих изменений в значительной степени объясняется действием закона аналогии, активизация которого, по мнению специалистов, наблюдается в периоды нестабильности литературного языка [РЯиСО Морфология... 1968: 136].

Обратимся к анализу любопытного факта проявления аналогии в современной словообразовательной системе – к наблюдениям за функционированием ряда префиксальных глаголов. Материалом для исследования послужили тексты СМИ, которые на современном этапе развития российского общества становятся своеобразной экспериментальной площадкой для реализации креативной способности языковой личности, свободно использующей язык как систему возможностей.

Как известно, глагольная приставка в русском языке используется для образования видовой формы: присоединение приставки к глаголу несовершенного вида меняет его вид на совершенный, например: *делать* – *сделать*, *писать* – *написать*, *гореть* – *догореть*. Для процесса перфективации с помощью приставок характерен максимально широкий, но не абсолютный охват глагольной лексики.

Нерегулярность выражения видового значения глагольной приставкой проявляется, в частности, в наличии непроизводных глаголов совершенного вида, в морфемной структуре которых нет специальных формальных показателей (приставки или суффикса) для выражения значения совершенного вида. Яркий пример – глагол **купить**. Типичной ошибкой иностранца, начинающего говорить по-русски, является отнесение данной лексики к глаголам несовершенного вида. Причина аномалии очевидна: в морфемной структуре слова нет маркера, указывающего на совершенный вид. Именно поэтому в речи говорящих, для которых русский язык не является родным, нередко можно услышать: *Ты уже покупила продукты?* Появление неправильной формы **покупить** объясняется действием аналогии. Действительно, одной из продуктивных приставок, с помощью которых образуются глаголы совершенного вида, является приставка *по-* (*завтракать – позавтракать, бежать – побежать* и т.п.).

Неожиданный результат проявления закона аналогии мы встречаем в речи носителей русского языка как родного: в качестве синонима к *купить* стал употребляться глагол **прикупить**, закрепившийся в языке в значении «купить дополнительно». Приставка *при-* в данном случае не является чисто видовой, так как она манифестирует словообразовательное значение «дополнительно совершить действие, названное мотивирующим глаголом; прибавить что-н. в дополнение к уже имеющемуся» [Грамматика 1970: 269]. Например, *Стройматериалов для ремонта квартиры не хватило, пришлось прикупить*.

Анализ текстов СМИ дает возможность увидеть широкую употребительность глагола *прикупить* в новом для него значении – значении глагола совершенного вида, синонимичного глаголу *купить* (1–6):

- (1) Я решил **прикупить** велосипед.
- (2) Слышал, что стальной магнат В. Лисин на днях **прикупил** в Шотландии особняк XVI века за 7 млн фунтов.
- (3) Вице-спикер Госдумы Артур Чилингаров **прикупил** себе новые лыжи.
- (4) **Прикупив** все необходимое, уставший, но довольный па-

наша отправился домой.

(5) *Музыкант по такому случаю даже **прикупил** праздничный костюм, который в повседневной жизни его не заставишь надеть.*

(6) *Вскоре здесь построили нефтебазу и **прикупили** 40 железнодорожных цистерн.*

Как следует из примеров, слово *прикупить* отличается от производящего нейтрального глагола *купить* стилистической окраской, носит явно разговорный характер, часто употребляется в ироническом контексте. Общей тенденцией к «устнизации» книжной речи можно объяснить рост данного употребления в высказываниях на деловую тему:

(7) *Какой огнетушитель подойдет для вашего предприятия. Тут все зависит от специфики его деятельности. Поэтому, прежде чем **прикупить** какой-то из них, внимательно прочитайте инструкцию и проконсультируйтесь со специалистом.*

(8) *Можно **прикупить** рекламу по минутам – это менее действенно на пути к коммерческому успеху: вам гарантируют показ рекламы, но почти гарантированно – не в прайм-тайм.*

Появление в русском языке аспектуально-лексических инноваций М.Я. Гловинская объясняет движением «к более регулярному видообразованию» [Гловинская 2004: 253], а именно, созданию в конечном итоге видовой цепочки: глагол несовершенного вида – префиксальное образование совершенного вида – суффиксальное образование несовершенного вида. Автор иллюстрирует свое положение примерами возникающих традиционных троек вида: *звонить – перезвонить* (вместо *позвонить*) – *перезванивать*. В исследовательское поле М.Я. Гловинской попадает и глагол *купить*. Автор гипотетически прогнозирует появление формы несовершенного вида *прикупать*, завершающей традиционную тройку. Языковой материал дает возможность убедиться в правильности выдвинутой гипотезы, которая подтверждается многочисленными контекстами с формой *прикупать* в новом для глагола значении (9–12):

(9) *Клементьев рассказывал журналистам, как он **прикупал***

заводик.

(10) Когда **прикупают** чужую собственность, то не платят ее полную собственность – сходятся на 15%.

(11) Она придумывает сценарий, по которому развивается бракосочетание: **прикупает** фату, перчатки и что-там-еще в российском магазине «Гименей».

(12) Садоводы-любители чаще **прикупают** саженец, а уж потом мучительно ищут место, куда бы его пристроить.

Соглашаясь с мнением М.Я. Гловинской о возможной причине замены одного префиксального глагола совершенного вида другим, мы, в свою очередь, хотим назвать еще одну причину этого активного процесса. На наш взгляд, помимо действия аналогии и тенденции к регулярности видообразования, активизации отмеченного процесса способствует тенденция к агглютинативности, которая в семантике производного слова обнаруживается как семантическая расчлененность, когда «с каждой морфемой связывается определенная часть значения слова» [РЯиСО Словообразование...1968: 10]. Процесс взаимозамены наблюдается в группе тех префиксальных глаголов, значение которых современное языковое сознание воспринимает как идиоматичное, в подобных случаях не осознается членимость основы, т.е. отдельность составляющих ее морфем.

Действительно, если значение приставки не выступает отчетливо, «членимость на морфемы ослабляется» [Земская 1973: 50]. Структурно-смысловая стертость чистовидового префикса, способствующая «дефектности» морфемной структуры слова, является причиной возникающей потребности в обновлении, оживлении морфемной делимости за счет яркости префиксальной части производного глагола. Когда морфемная структура префиксального слова становится невыразительной, происходит замена узуального глагола глаголом с ясной морфемной делимостью. Чистовидовой глагол заменяется обычно глаголом с четко выраженным словообразовательным значением приставки. Конечный результат этого процесса выходит в область семаσιологии: возникает новое употребление префиксального глагола.

Факт утраты приставками деривационного значения под-

тверждается заменой глагола совершенного вида *позвонить* глаголом *перезвонить*. Приставка *пере-* в глаголе полностью утрачивает идею повторности, обозначая только результат действия (13–15):

(13) *Если компьютер случайным образом выберет вашу заявку, вам **перезвонит** редактор и пригласит на игру.*

(14) *Так статью и напечатали, а через некоторое время **перезвонил** человек из правительства и попросил уточнить, как понимать этот текст.*

(15) *Я написала им письмо, и они сразу **перезвонили** и выслали каталог для ознакомления с программами.*

Мы заметили, что наряду с глаголом *перезвонить* десемантизируется приставка и у синонимичного глагола *отзвонить*, для которого тоже характерна «идея предшествующего действия» [Кронгауз 1997: 83] (16–19):

(16) *После этого господин Воронин и **отзвонил** Козаку: «Возвращайтесь скорее».*

(17) *Телефон нужен: скорую вызвать, детям-внукам **отзвонить**, с соседкой парой слов обмолвиться.*

(18) *Теперь все спокойнее: мы просто ходим на работу в цирк и договариваемся: после опасного трюка обязательно **отзвонить**.*

(19) *Наутро я **отзвонил** в супермаркет и потребовал аванс и мастерскую на 4 месяца.*

Процесс утраты морфемной членимости префиксального глагола совершенного вида с приставкой *по-* активной протекает в тех случаях, когда корневая морфема является связанной. Связанные корни способствуют фразеологизированности словообразовательной структуры слова, поскольку не могут употребляться в свободном виде и объективировать свою семантику в составе производящего слова. Слабость связанной корневой семантики, усиленная десемантизированной приставкой, является причиной вторичной префиксации глагола. Подобное префиксальное наращение появилось у нейтрального глагола *получить*: в современной русской речи функционирует стилистиче-

ски сниженный «дублер» – глагол **заполучить**, который активно внедряется в речевую практику, заменяя литературный синоним даже в информационных жанрах газетного языка (20–25):

(20) *За первые три дня соревнований российская сборная **заполучила** шесть олимпийских медалей.*

(21) *У женщин риск **заполучить** инфаркт после выполнения срочных заданий в 4 раза выше, чем при работе в более спокойной обстановке.*

(22) *А жертвы приносились ради того, чтобы **заполучить** новейшие технологии, которые потом можно было бы перенести на сам АвтоВАЗ.*

(23) *Пока же Вашингтон **заполучил** значительный контроль над энергоресурсами Каспия, а Москве удалось договориться с Баку об аренде Габалинской РЛС.*

(24) *Мы должны дипломатическим путем попытаться не дать ему эту бомбу **заполучить**.*

(25) *В конце прошлого года московский филиал АвтоВАЗбанка **заполучил** крупнейшего клиента – АО «Аэрофлот – Российские международные авиалинии».*

Обратимся к еще одной паре взаимозаменяемых глаголов **узнать** – **распознать**. В соответствии с направлением словообразовательной производности данные префиксальные глаголы образуют следующие словообразовательные пары: *узнать* – *разузнать*; *познать* – *распознать*. При этом глаголы *узнать* и *познать* являются однокоренными стилистическими синонимами. Глагол *познать* («постигнуть, приобрести знание о ком-чем-н., узнать вполне») отличается от межстилевого *узнать* («получить какие-н. сведения, знания о чем-н.») своей принадлежностью к книжной сфере употребления. Стилистическая отмеченность глагола *познать* отражается в его сочетаемостных способностях: управляемые им существительные относятся обычно к группе абстрактных имен: **познать** (**п.**) *вкус победы, п. радость бытия, п. мир, п. страну, п. трудности, п. славу, п. время, п. таинства профессии* и др.

Глагол *разузнать* имеет значение «узнать, выведать», т.е. уз-

нать об объекте по возможности полный объем информации. Семантический компонент «*восприятие во всех подробностях*» в лексическом значении глагола манифестирован приставкой *раз-* [Грамматика 1970: 271]. Анализ контекстов с глаголом *разузнать* показывает, что глагол употребляется в современной речевой практике в соответствии со своим словарным значением. В то же время тексты СМИ содержат многочисленные непривычные употребления глагола *распознать* в значении глагола *узнать*.

Сопоставим основные значения данных глаголов: *узнать* – «получить какие-н. сведения, знания о чем-либо»; *распознать* – «узнать по каким-либо признакам, определить». Семантическая близость основных значений глаголов несомненна, но не абсолютна. Компонентная структура значения глагола *распознать* содержит семантический компонент «способ совершения действия»: распознать какой-либо объект нельзя с первого взгляда, процесс определения объекта связан с трудностями, поскольку признаки объекта обычно носят характер скрытых, неявных. Чтобы их идентифицировать, приходится прилагать определенные усилия, опираться на дополнительные приспособления (приборы, аппаратуру и т.д.). В то же время узнать объект можно по каким-либо внешним признакам.

Приведем типичные для глагола *узнать* контексты (26–28):

(26) *По головному убору можно было **узнать**, из какой местности его владелица, ее возраст и семейное положение.*

(27) *Как его **узнать**. У него черты мачо как в поведении, так и в характере. Он активно жестикулирует от переполняющей его энергии и эмоций. Он выбирает удобную одежду в спортивном стиле.*

(28) *Флакончик туалетной воды от «Гермес» вы всегда **узнаете** по колпачку особой формы – он напоминает жокейскую шапочку.*

В следующих контекстах реализуется основное значение глагола *распознать* (29–31):

(29) Система «паспорта голоса» корабля противника, изначально записанного на цифровую память мины, **распознает** даже самую бесшумную подлодку в радиусе трех километров.

(30) Аппаратура способна **распознать** такие признаки надвигающейся опасности для здоровья, как мельчайшие дисфункции сердечной мышцы и малейшие изменения в кровотоке.

(31) Шпиона вы **не распознаете**, – уверенно отвечает пресс-секретарь стела Алексеева.

Современная речевая действительность демонстрирует встречаемость глагола *распознать* в контекстной ситуации, которая предполагает употребление глагола *узнать* (32–35):

(32) Шоссейный велосипед (*RoadBike*) легко **распознать** по загнутому в виде «бараньих рогов» рулю и узким тонким «лысым» шинам.

(33) Когда первых зрителей пустили в зал, актеры уже сидели на подмостках – восемь персонажей чеховской пьесы. Вообще, **распознать**, кто есть кто, можно в два счета. Слева некрасивая очкастая женщина неопределенного возраста – Соня, потом скусающая блондинка в облегающем платье – Елена Андреевна. Лысоватый грузный старик при параде и с бабочкой, конечно, профессор Серебряков...

(34) На моей родине я всегда **распознаю** ваших соотечественниц – они выгодно отличаются своей красотой от парижанок.

(35) Если бы новая школьная форма вошла в обиход, то российских школяров легко было бы **распознать** в любой части света – уж очень в ней узнаваемы народные мотивы.

Конкуренция разноприставочных однокоренных синонимов, один из которых обладает выразительным морфемным составом, но при этом находится за чертой литературности, нередко завершается вхождением некодифицированной номинации в контекст книжной речи. Например, в молодежном сленге употребителен глагол *заценить* – синоним нейтрального глагола *оценить*. *Заценить* – значит «оценить по достоинству, одоб-

ритель» [Никитина 2003: 231; Химик 2004: 229]. Стилистическое освоение жаргонизма, имеющего в своем значении, по сравнению с аналогом *оценить*, семантический компонент положительной эмоциональной оценки, первоначально сопровождается авторами журналистских текстов кавычками, указывающими на нелитературность, инородность глагола *заценил* в речевой ткани книжно-письменного текста. Нередко этот жаргонизм включается в зону прямой речи, сопровождается метаязыковыми комментариями, указывающими на его социальную отмеченность (36–39):

(36) *Моя молодежь, как она говорит, «заценила» и рассказ о местных привидениях: о бедной девушке-служанке, умершей в замке, о самой герцогине.*

(37) *Зацени мою новую тачку, – просит друг, с которым мы познакомились в Сети и никогда не виделись живьем.*

(38) *В будущем, когда историки «заценят» высшую математику, не будет множества учебников, где каждый историк на основании одних и тех же фактов будет излагать свою версию происшедшего.*

(39) *Как говорят брейкдансеры, зацени ситуацию!*

Частотность реализации жаргонизма *заценил* в текстах СМИ сглаживает его стилистическую инородность. В книжных высказываниях оно может употребляться как полный лексический аналог глагола *оценить*. Приставка *за-* акцентирует значение совершенного вида. При этом эмоционально-оценочная составляющая лексического значения нейтрализуется (40–41):

(40) *Профсоюзы и власть заценили выполнение майских указов Президента о повышении зарплат работникам культуры.*

(41) *РАО ЕЭС заценило Нижневартовскую ГРЭС. Комитет по оценке РАО «ЕЭС России» вчера утвердил оценку имущества Нижневартовской ГРЭС на уровне 524–532 долларов за 1 кВт.*

Итак, в современной речевой практике мы сталкиваемся с новым явлением, когда вместо одного префиксального глагола с

чистовидовой приставкой начинает употребляться другой префиксальный глагол с приставкой, имеющей ясную словообразовательную семантику, соотносимую с аффиксальной морфемой. Структурная расчлененность слова поддерживает расчлененность семантическую. Тенденция к агглютинативности проявляется в стремлении префиксальных глаголов с четкой морфемной членимостью, с сильными словообразовательными приставками заменять глаголы совершенного вида с приставками, слабыми для того, чтобы играть роль единственного оформителя видового значения глагола.

Литература

Гловинская М.Я. Аспектуальная обусловленность некоторых лексических инноваций на рубеже веков // Русский язык: исторические судьбы и современность. II Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 18–21 марта 2004 г.): Труды и материалы. М., 2004.

Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.

Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973.

Кронгауз М.А. Опыт словарного описания приставки *от-* // Глагольная префиксация в русском языке. М., 1997.

Никитина Т.Г. Молодежный сленг: толковый словарь. М., 2003.

РЯиСО – Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка / Под ред. М.В. Панова. М., 1968.

РЯиСО – Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка / Под ред. М.В. Панова. М., 1968.

Химик В.В. Большой словарь русской разговорной речи. М., 2004.

REFERENCES

Glovinskaya M.YA. Aspektual'naya obuslovlennost' nekotoryh leksicheskikh innovacij na rubezhe vekov // Russkij yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'. II Mezhdunarodnyj kongress issledovatelej russkogo yazyka (Moskva, MGU im. M.V. Lomonosova, filologicheskij fakul'tet, 18–21 marta 2004 g.): Trudy i materialy. M., 2004.

Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. M., 1970.

Zemskaya E.A. Sovremennyy russkij yazyk. Slovoobrazovanie. M.,

1973.

Krongauz M.A. Opyt slovarnogo opisaniya pristavki ot- // Glagol'naya prefiksaciya v russkom yazyke. Sb. statej, M., 1997.

Nikitina T.G. Molodezhnyj sleng: tolkovyj slovar'. M., 2003.

RYAiSO – Russkij yazyk i sovetskoe obshchestvo. Morfologiya i sintaksis sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka / Pod red. M.V. Panova. M., 1968.

RYAiSO – Russkij yazyk i sovetskoe obshchestvo. Slovoobrazovanie sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka / Pod red. M.V. Panova. M., 1968.

Himik V.V. Bol'shoj slovar' russkoj razgovornoj rechi. M., 2004.

©Вепрева И.Т., 2022

Вепрева Ирина Трофимовна – профессор кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации. Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).
Адрес: 620000, Россия, г. Екатеринбург, пр.Ленина 51, 312.

E-mail: irina_vepreva@mail.ru

Vepreva Irina Trofimovna – Professor at Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. 51, Lenina Str., 620000, (Yekaterinburg, Russia).

Н. А. ГЕРАСИМЕНКО

г. Москва, Россия

natalyger11@yandex.ru

УДК 81.161.1'367

О ДЕВИАНТНОМ ПОВЕДЕНИИ СКРЕПЫ В СЛОЖНОПОДЧИНЁННОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

Аннотация. В статье анализируются сложноподчинённые предложения нерасчленённой структуры двух разновидностей: изъяснительно-объектные и местоименно-соотносительные. Определяется, что основным средством связи предикативных частей в изъяснительно-объектных предложениях является союз *что*. Присоединение этого союза к указательному местоимению *то* факультативно, однако в грамматике отмечены случаи обязательного употребления коррелирующего компонента. В разговорной речи наблюдается нарушение правил употребления расчлененной скрепы *то, что*, вместо которой используется нерасчлененный компонент *то что*. Это отражает актуальную тенденцию разговорной речи к сжатию, упрощению синтаксических конструкций. В местоименно-соотносительных предложениях соединение в скрепе *то, что* двух местоимений является обязательным. В разговорной речи отмечается нарушение валентностных требований контактного глагола. Функционирование в сложноподчиненном предложении омонимичных скреп *то, что* влечет за собой неодинаковые отклонения в разговорной речи.

Ключевые слова: сложноподчиненные предложения, расчлененная структура, скрепы, изъяснительно-объектные предложения, местоименно-соотносительные предложения, разговорная речь.

GERASIMENKO NATALLYA A.

Moscow, Russia

ABOUT THE DEVIANT BEHAVIOR OF A STAPLE IN A COMPOUND SENTENCE

Abstract. The article analyzes complex sentences of an undifferentiated structure of two varieties: explanatory-object and pronominal-correlative. It is determined that the main means of communication of predicative parts in explanatory-object sentences is the conjunction that. The addition of this union to the demonstrative pronoun is optional, however, cases of mandato-

ry use of the correlating component are noted in grammar. In colloquial speech, there is a violation of the rules for the use of a dismembered staple that, instead of which an undifferentiated component that is used. This reflects the current trend of colloquial speech towards compression, simplification of syntactic constructions. In pronominal-correlative sentences, the connection in the staple is that of two pronouns is mandatory. In colloquial speech, there is a violation of the valence requirements of the contact verb. The functioning of homonymous staples in a complex sentence is what entails various deviations in colloquial speech.

Keywords: compound sentences; dissected structure; staple; explanatory-object; pronominal-correlative; what.

Кардинальные изменения, происходящие в социуме, не могут не влиять на состояние современного русского языка, который как саморегулирующаяся система обеспечивает коммуникативные потребности человека. «Язык послушен людям, но в пределах уважительной оглядки на него самого как на сложную саморазвивающуюся систему. Нормализация преуспевает, когда меняющиеся потребности, настроения, вкусы, иные социально-человеческие факторы согласуются с устройством, законами и потенциями языка. Симфоническая их увязка подобна нескончаемым хаотичным играм во всё же как-то упорядоченном поиске «унормальной» правильности» [Костомаров 2014: 47]. Исследователи пристально наблюдают за происходящими процессами, описывают их и размышляют о перспективах их развития [см., напр.: Герасименко 2019; Гридина, Коновалова 2022; Кронгауз 2017; Норман 2017, Леденёва 2008; Папуша 2016; Шаповалова 2020 и др.].

Цель этой статьи – показать некоторые актуальные процессы, которые свидетельствуют о перетекании связей и отношений из одной сферы функционирования языка в другую. Как известно, даже самые активные изменения в грамматике происходят медленно и не сразу попадают в поле зрения лингвистов. Но сущность процесса размывания границ между разговорным и книжным синтаксисом уже в середине 20 века исследовалась многими учёными. Так, в известной работе Г.Н. Акимовой «Новое в синтаксисе современного русского языка» отмечено, что «в синтаксисе тенденция к аналитизму, охватывающая все синтаксиче-

ские уровни, приводит к расчленённости высказывания, ослабленности синтаксических связей, сжатию и опрощению синтаксических конструкций» [Акимова 1990: 13]. Как видно, в приведённом высказывании перечисляются процессы, противоположные друг другу. С одной стороны, ослабленность синтаксических связей, ведущая к расчленённости конструкции, с другой – сжатие, ведущее к опрощению.

Сложноподчинённое предложение демонстрирует разные варианты этих процессов. Приведённые в статье примеры собраны автором из текстов художественной литературы, а также в ходе наблюдения за речью студентов, журналистов, деятелей культуры и образования. Основой для наблюдений является скрепа *то что*, которая служит средством связи предикативных частей сложноподчинённого предложения с разными видами придаточных частей.

В сложноподчинённых предложениях с изъяснительно-объектной придаточной частью выражаются отношения между событием, обозначенным в главной части как логическое (*понимать, говорить, помнить* и под.), перцептивное (*видеть, слышать, воспринимать* и под.) или эмоционально-оценочное (*нравиться, бояться, удивляться* и под.), и событием, выражающим объектное содержание первого события. Формальными средствами выражения этих отношений являются как союзы, так и союзные слова [Шаповалова 2018]. Основным средством связи частей является синтаксический союз *что*, который прикрепляется к словам с указанными значениями: *Теперь она **поняла, что** там не просто так, детская проходящая болезнь, а неисправимая катастрофа* (Л. Улицкая); *Когда на станции метро, ожидая, долго смотришь в туннельный зев, **кажется, что** дыра дышит* (В. Маканин); *Бабушка **обещала** Петерсу, **что** если он будет вести себя хорошо, то, когда вырастет, жить он будет замечательно* (Т. Толстая).

Указательное местоимение *то* употребляется в большинстве сложноподчинённых предложений с изъяснительно-объектными отношениями факультативно. Использование коррелирующего местоимения коренным образом не меняет синтаксических отношений между предикативными частями, но может вносить

оттенок указательности: *Он был счастлив, что не под винтовую лестницей, а ещё при ней, что не сейчас ещё перестанет её видеть* (Б. Пастернак) – был счастлив **тем, что**<...>; *Фаина смеялась, довольная, что попала в газету* (Т. Толстая) – довольная **тем, что** <...>.

Однако в некоторых случаях употребление указательного местоимения *то* становится обязательным. Во-первых, это необходимо, если в главной части рядом с коррелятом *то* используется частица: *Сейчас важно было только то, что она вернулась* (Д. Рубина); *Просто то, что произошло, уже совсем не волновало Верочку* (Н. Сакур). Частица выполняет в этом случае выделительно-ограничительную функцию и выделяет событие, обозначенное в придаточной части, из группы других событий. Во-вторых, союз *что* прикрепляется к указательному местоимению *то* в тех случаях, когда необходимо акцентировать содержание придаточной части, на которую и указывает знак-коррелят. *Почему общественность и правительство не реагируют на то, что в страну приезжает много гоев?* (Д. Рубина).

В других случаях использование указательного местоимения *то* в сложноподчиненных предложениях с изъяснительно-объектной придаточной частью является излишним, но в речи эти примеры встречаются регулярно: *Я думаю то что здесь ошибка* (студентка, 3 курс); *Я возмущаюсь то что здесь курят* (женщина средних лет, в электричке); *Понимание то что это важно приходит поздно* (мужчина средних лет, интервью, канал НТВ). Представленные примеры демонстрируют как будто бы стандартную модель сложноподчинённого предложения с изъяснительно-объектной придаточной частью, прикрепленной к словам соответствующей семантики при помощи скрепы *то что*. Однако грамматика скрепы здесь разрушается. Расчленённо представленные в сложном предложении две ситуации объединяются в одну (*думаю об ошибке, возмущаюсь курением, понимаю важность*), то есть высказывание упрощается, наблюдается процесс свёртывания ситуации, что характерно для разговорной речи в целом. Б.Ю. Норман, описывая «жизнь словоформы», обращает внимание на то, от чего зависит выбор той или иной формы в языке и утверждает, что он в первую очередь

«зависит от отражаемой реальности, а точнее – от устройства мира, каким его воспринимает человек. Это значит – говорящий и слушающий определенным образом вычленяют ситуацию из бесконечного континуума действительности, «осваивают» ее, превращают в единицу познавательной деятельности» [Норман 2016: 180]. Предложение *Ты молодец то что позвонила* (молодая женщина, разговор по телефону в трамвае) иллюстрирует, как современный человек вычленяет ситуацию и осваивает её, вопреки законам грамматики. Возможно, скрепа *то что* стала восприниматься современной молодёжью как картинка, единый знак. А поскольку часть этого знака может то появляться, то исчезать, размываются и исчезают также смысловые различия, выражаемые разными вариантами этой скрепы. Слияние расчлененной в норме скрепы в единое целое демонстрирует процесс опрощения на уровне синтаксиса сложного предложения. Одна из версий интерпретации данной конструкции связывается с рассмотрением ее как «синтаксического гештальта» [Гридина, Коновалова 2022: 139], отражающего тенденцию к упрощению глубинной структуры высказывания. Этот оригинальный взгляд подчёркивает актуальность изучения процесса вычленения ситуации и освоения её на синтаксическом уровне.

Омонимичная синтаксическая конструкция представлена в сложноподчинённых предложениях с местоименно-соотносительной придаточной частью, в которых скрепу образует сочетание местоимения *то* и местоимения *что*, в качестве союзного слова формирующего смысл высказывания: *То, что случилось, было уже неважно* (В. Маканин). В таких сложноподчинённых предложениях наблюдаются грамматические ошибки, связанные с несоблюдением норм сочетаемости слов, в частности с нарушением валентностных потенциалов глагола: *О том, что происходит в жизни, она ни с кем никогда не делилась* (из интервью на канале «Культура») – не делилась чем?; *Понимание о том, что это важно, приходит позже* (студентка, 3 курс) – понимание чего?; *Она уже чётко понимала о том, чем будет заниматься* (из интервью, канал ОТР) – понимала что? Синтаксические отклонения в разговорной речи разрушают единство скрепы и образуют высказывания, построенные с на-

рушением грамматических норм русского языка. В этих случаях можно говорить о грамматических девиациях.

Проведённый анализ показывает, что омонимичные скрепы в разных с грамматической точки зрения синтаксических конструкциях вызывают неодинаковые отклонения от нормы.

Литература

Акимова Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка: Учеб. Пособие. М., 1990.

Герасименко Н.А. Грамматика на службе развития речи и речевой культуры // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 2. С. 28-34. DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-28-34.

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Синтаксический гештальт «то что» и его экспансия в современной разговорной речи // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. – 2022. – № 2. – Вып. 31. – С. 134-142.

Костомаров В.Г. Язык текущего момента: понятие правильности. СПб.: Златоуст, 2014.

Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: «Издательство Аст», 2017.

Леденёва В.В. О некоторых функциях разговорных слов в тексте православных СМИ // Вестник Московского государственного университета печати. № 9. 2008. С. 136-143.

Норман Б.Ю. Жизнь словоформы: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА : Наука, 2016.

Норман Б.Ю. Игра на гранях языка. М.: Наука, 2017.

Папуша И.С. Культура речи как инструмент декодирования смыслов // Русский язык и культура речи: актуальные проблемы обучения: сборник статей. М.: МГОУ, 2016. С. 69-75.

Шаповалова Т.Е. Синтаксическое воплощение времени в изъявительно-объектном типе сложноподчинённых предложений // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 139–146.

Шаповалова Т. Е. Темпоральная семантика поэтического высказывания: Монография. М.: Московский гос. обл. ун-т, 2020.

REFERENCES

Akimova G.N. Novee v sintaksise sovremennogo russkogo yazyka: Ucheb. Posobie. M., 1990.

Gridina T.A., Konovalova N.I. Sintaksicheskij geshtal't «to chto» i ego ekspansiya v sovremennoj razgovornoj rechi // Ural'skij filologicheskij vestnik. Seriya: YAzyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa. – 2022. № 2. – Вып. 31. – S. 131-139.

Gerasimenko N.A. Grammatika na sluzhbe razvitiya rechi i rechevoj kul'tury // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. 2019. № 2. S. 28-34. DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-28-34.

Kostomarov V.G. YAzyk tekushchego momenta: ponyatie pravil'nosti. SPb.: Zlatoust, 2014.

Krongauz M.A. Russkij yazyk na grani nervnogo sryva. M.: «Izdatel'stvo Ast», 2017.

Ledenyova V.V. O nekotoryh funkciyah razgovornyh slov v tekste pravoslavnyh SMI // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta pečati. № 9. 2008. S. 136-143.

Norman B.YU. ZHizn' slovoformy: ucheb. posobie. M.: FLINTA : Nauka, 2016.

Norman B.YU. Igra na granyah yazyka. M.: Nauka, 2017.

Papusha I.S. Kul'tura rechi kak instrument dekodirovaniya smyslov // Russkij yazyk i kul'tura rechi: aktual'nye problemy obucheniya: sbornik statej. M.: MGOU, 2016. S. 69-75.

SHapovalova T.E. Sintaksicheskoe voploshchenie vremeni v iz'yasnitel'no-ob"ektnom tipe slozhnopodchinyonnyh predlozhenij // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. 2018. № 5. S. 139–146.

SHapovalova T. E. Temporal'naya semantika poeticheskogo vyskazyvaniya: Monografiya. M.: Moskovskij gos. obl. un-t, 2020.

©Герасименко Н.А., 2022

Герасименко Наталья Аркадьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П.А. Леканта, Московский государственный областной университет (г.Мытищи, Россия).

Адрес: 141014,

Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Володиной, д. 24. E-mail: fakul-rf@mgou.ru

Gerashimenko Natalya Arkadyevna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Modern Russian named after Professor P.A. Lekant, Moscow State Regional University (Moscow State University) (Mytishchi, Moscow region, Russia).

Т.А. ГРИДИНА
Н.И. КОНОВАЛОВА
г. Екатеринбург, Россия
tatyana_gridina@mail.ru
sakralist@mail.ru

УДК 81'23:81'367

СИНТАКСИЧЕСКИЙ ГЕШТАЛЬТ «ТО ЧТО» И ЕГО ЭКСПАНСИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Аннотация. В статье анализируются особенности разговорной речи как особой сферы проявления языковой динамики, представленной, в частности, разного рода отступлениями от грамматической нормы. Такие девиации, с одной стороны, отражают снижение уровня речевой культуры современного социума, с другой стороны, высвечивают адекватные для говорящих механизмы переработки и трансляции информации в условиях спонтанной разговорной речи. В этом плане анализируется трансформация местоименно-соотносительных предложений с контактной рамкой «*то...что*», которая превращается в некий синтаксический «гештальт», маркирующий любую рему высказывания всегда тождественной формой «*то что*». Характеризуются психологические причины появления данного синтаксического гештальта, которые лежат в области когнитивных процессов: конфликта между глубинными и поверхностными структурами высказывания в плане их смысловой и формальной корреляции. Синтаксический гештальт (*то что*) обладает свойством смежности, обуславливающим действие механизма вероятностного прогнозирования (когда один элемент с неизбежностью вызывает появление другого); при этом формальная замкнутость и смысловая целостность синтаксического гештальта определяют *универсальность* (формальное тождество) его употребления в конструкциях с разными видами отношений между частями сложно-подчиненного предложения.

Ключевые слова: языковая динамика, грамматические нормы, девиации разговорной речи, разговорная речь, механизмы речевой деятельности, речевая деятельность, синтаксический гештальт.

T. A. GRIDINA,
N. I. KONOVALOVA

THE SYNTACTIC GESTALT «TO CHTO» AND ITS EXPANSION IN MODERN COLLOQUIAL SPEECH

Abstract. The article analyzes the peculiarities of colloquial speech as a special sphere of manifestation of language dynamics, represented, in particular, by various deviations from the grammatical norm. Such deviations, on the one hand, reflect a decrease in the level of speech culture of modern society, on the other hand, highlight the mechanisms of processing and broadcasting information adequate for speakers in the conditions of spontaneous colloquial speech. In this regard, the transformation of pronominal-correlative sentences is analyzed, the contact frame of which (the pronoun in the main part and the union attaching the subordinate clause) turns into a kind of syntactic "gestalt" marking this connection with a compound union that is part of the structure of the subordinate clause. The psychological reasons for the appearance of this syntactic gestalt, which lie in the field of cognitive processes, are characterized, which reveal the conflict between the deep and surface structures of the utterance in terms of their semantic and formal correlation. Syntactic gestalt has the property of adjacency, which determines the action of the mechanism of probabilistic forecasting (when one element inevitably causes the appearance of another); at the same time, the formal proximity and semantic integrity of the syntactic gestalt determine the universality (formal identity) of its use in constructions with different types of relationships between parts of a complex sentence.

Keywords: language dynamics, grammatical norm, deviations of colloquial speech, mechanisms of speech activity

Проблемное поле данной статьи связано с исследованием динамики грамматической нормы в современной языковой ситуации, которая характеризуется явным превашированием некодифицированных практик разговорной речи над синтаксическим стандартом. Именно синтаксис разговорной речи является своеобразным индикатором формально-смысловых корреляций, отражающих широкий регистр вариативных возможностей выражения ситуативных смыслов и спонтанного реформатирования мысли по ходу высказывания. Справедливо утверждение согласно которому «... грамматика (синтаксис) не образует от-

дельного и/или автономного уровня репрезентации языковых форм в голове человека; грамматика знакова или символична, по своей природе представляя собой конвенциональное отражение в символической форме определенных семантических структур» [Радбиль 2018: 71]. Соответственно каждая синтаксическая структура и ее выбор есть проекция определенных смысловых пропозиций, актуальных для говорящего. В частности, как указывает Б.Ю. Норман, «...необходимую предпосылку к объединению фраз в сложную единицу представляет смысловая соотнесенность пропозиций» [Норман 2018: 357].

Непосредственным предметом нашего анализа является синтаксический гештальт «то что», ошибочно употребляемый как целостное, формально и логически неразложимое средство связи главного и придаточного предложений в конструкциях следующего рода:

*«Я рад, **то что** мне удалось сдать экзамен на «отлично» (из речи студента) // Я надеюсь, **то что** они станут одной командой // Я надеюсь, **то что** у Софьи все получится (реплики Егора Крида в телешоу «Голос. Дети») и т.п.*

Наблюдаются также случаи контаминации нормативного употребления указательного местоимения *то* с союзом *что* в предложном падеже (*о том, что*) и синтаксического гештальта «*то что*»:

*Я ни разу не слышал **о том, то что** в Москве нарушаются права человека (из выступления политика, представителя партии «Единая Россия»).*

Как показывает материал (выборка более 300 употреблений из спонтанной разговорной речи), синтаксический гештальт «*то что*» чаще всего используется в сложноподчиненных предложениях с изъяснительными отношениями, но тяготеет к дальнейшему расширению сферы своего функционирования, присоединяя **придаточные причины**: *Конечно, очень обидно вылететь из проекта, **то что** хотелось дальше в нем участвовать (= потому что). Заяц упал, **то что** было скользко (= так как = потому что) // Я не спал всю ночь, **то что** готовился к экзамену (= из-за того, что) (из речи студента-филолога!), **реже – придаточные определительные**: *Я вышла на сцену с чувст-**

вом, **то что** как будет, так будет // У меня было такое ощущение, **то что** я выберу кого-нибудь другого, но я выбрала Егора Крида (реплики участниц конкурса «Голос. Дети») и т.п.

Отметим, что именно неподготовленная, спонтанная речь, ослабление контроля за ее правильностью, провоцирует подобные синтаксические сбои. Вот лишь один показательный пример:

Телевизионная передача «Мы – грамотеи!». Школьники с 5 по 11 класс толково объясняют правила орфографии и пунктуации, расставляют ударение в «трудных» словах, угадывают значения устаревших слов, выдвигая собственные оригинальные версии, безошибочно склоняют сложные составные числительные и т.п. Однако в спонтанной речи участников конкурса – хорошо подготовленных и явно успешных детей – то и дело тиражируется синтаксическая конструкция, о которой шла речь выше: *Мы рады, **то что** (= **тому, что**) хорошо представили нашу школу // Мы думали, **то что** (= **что**) сможем справиться с заданиями повышенной сложности // Мы были уверены, **то что** (= **в том, что**) мы выиграем* и т.п.

Представляется, однако, что неподготовленность, неконтролируемость спонтанной речи, для которой характерны грамматические перебивы, не является единственной причиной появления отмеченной тенденции в разговорном синтаксисе. Вряд ли данные факты можно объяснить и только как ошибки, связанные с неувоенностью правил управления.

Можно выделить как психологические, так и собственно лингвистические факторы, определяющие природу данного синтаксического явления.

К лингвистическим причинам появления описанных выше синтаксических девиаций следует отнести «разрушение» типовой контактной рамки *то, что* в сложноподчиненных предложениях с объектным и определительным значениями. В норме указательное местоимение в составе данной конструкции выполняет функцию «...акцентирования либо **позиции** придаточного, либо его **содержания**» [РГ-80: 482]. В спонтанной речи эта исходная структура претерпевает функциональную и формальную трансформацию в связи с законом экономии речевых

усилий и, утратив членимость (соотносительность одной части с главным, а другой с придаточным предложением), превращается в «составной союз». При этом меняется интонационный рисунок, связанный с актуальным членением предложения, что на письме отражается перенесением запятой в препозицию к *то*. В результате редуцируется словоизменительная падежная парадигма местоимения в составе контактной рамки «*то...*, *что*», представленная теперь только синтаксическим гештальтом «*то что*», вбирающим в себя все остальные функционально замещаемые формы:

Он добился, *то что* требовал наставник (вместо *того, что* – Р.п.).

Я рада, *то что* хорошо сдала ЕГЭ (вместо *тому, что* – Д.п.).

Я хочу поблагодарить учителей, *то что* они дают нам знания (вместо *за то, что* – В.п.).

Я горжусь, *то что* мы победили на олимпиаде (вместо *тем, что* – Т.п.).

Я мечтал, *то что* пройду в финал (вместо *о том, что* – П.п.).

Рассматривая приведенные выше и подобные им конструкции как «синтаксический гештальт», мы опираемся на следующие сущностные параметры данного феномена: 1) *смежность* элементов скрепы (*то ... что*), обуславливающая действие механизма вероятностного прогнозирования в речевой деятельности (когда один из элементов предсказуемо вызывает появление другого, обеспечивая быстрое «схватывание» смысла сообщения); 2) формальная «замкнутость» данной «синтаксической фигуры», не допускающая ее трансформации, расчленения и дополнения другими компонентами; 3) смысловая целостность, обладающая свойством идиоматичности (невыводимости значения новой формы *то что* из суммы значений составляющих ее компонентов), утрачивающей функцию быть средством актуального членения сложного предложения с придаточным изъяснительным.

В качестве универсальной причины появления подобных синтаксических гештальтов можно назвать развитие аналитизма в грамматической системе русского языка [Дедковская 2011]. В данном случае превращение контактной рамки *то, что* в со-

ставной союз *то что* приводит к возможности выражения грамматического значения «вне словоформы» [Там же: 202], предполагаемой словоизменительной системой местоимений в конкретном речевом акте.

Психологические причины появления рассматриваемого синтаксического гештальта лежат в области когнитивных процессов обработки информации на уровне глубинных и поверхностных структур. Глубинный синтаксис, представленный на уровне оформления мысли базовыми логическими предикатами, может получать на уровне внешнего развертывания речи оформление структурными формами разной сложности. Перекодирование информации в процессе устного спонтанного речепорождения, как известно, тяготеет к синтаксической редукции сложных поверхностных структур.

Ср. описание данного механизма как условие адекватной передачи мысли адресату сообщения: «... Трудности понимания возникают в тех случаях, когда коммуникация отношений передается с помощью более сложно построенных, взаимно подчиненных грамматических структур, когда, сложная, поверхностно-грамматическая конструкция, выражающая отношения, входит в известный конфликт с той глубинной синтаксической структурой, которую она выражает. Именно в этих случаях для понимания сложных грамматических конструкций, выражающих отношения, нужен целый ряд грамматических приемов... <направленных> на то, чтобы привести поверхностно-грамматическую структуру в соответствие с глубинной синтаксической структурой и тем самым сделать фразу более доступной для понимания» [Лурия 2019: 234-235].

Стремление к упрощению самого процесса речепорождения, характерное для современной (в особенности молодежной) коммуникации, при передаче актуального смысла высказывания создает базу для образования синтаксических гештальтов вроде «*то что*», маркирующих **любую рему высказывания** специализированной для этого всегда тождественной формой. Ср., например, случаи, когда «*то что*» выступает в качестве синтаксического гештальта, являющегося некой «опорой» для построения аргументированной ответной реплики в диалоге ребенка

(девочки 9-ти лет) и взрослого, изучающего психологию восприятия детьми рекламы:

– *Машенька, почему тебе эта реклама понравилась?*

– Нууу ... **то что** там одежда ... мне такая нравится.

– *А почему тебе такая одежда нравится?*

– **Потомууу** (раздумывая) ... **то что** такой цвет красивый, сиреневый.

Можно заметить, что взрослый (филолог) намеренно каждый раз в вопросе использует местоимение *почему*, стимулируя ребенка к использованию определенного средства (*потому что*), однако девочка упорно продолжает использовать привычную для нее гештальтную формулу аргументации.

Отмечается также факт агрессивного вторжения синтаксического гештальта *то что* и в письменную речь (в частности, такие случаи выявлены нами в сочинениях учащихся). Это явление связано с характерным для школьников и современной языковой ситуации в целом перенесением навыков устной разговорной речи в письменную. Приведем лишь некоторые примеры употребления синтаксического гештальта «то что» в сочинениях по повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка»:

Савельич спорил с Гриневым и говорил, то что зачем ему твой заячий тулуп, он его все равно пропьет.

«Я тебя помиловал, – сказал Пугачев Гриневу, – то что ты помог мне, когда я замерз».

Маша сказала родителям Гринева, то что поедет в Петербург просить помощи у знатных людей.

Маша удивилась, то что дама, с которой она разговаривала в саду, и есть сама императрица.

Она (Маша) боялась Пугачева, то что он был убийцей родителей, но он ее спас от Швабрина.

Ср. пример из сочинения на свободную тему:

Серезжа сказал бабушке, то-что ему никакие сверстники не нужны, **то-что** он один проживет (написание через дефис !!! говорит именно о гештальтном восприятии данного синтаксического элемента речи).

Резюмируя сказанное, отметим предварительный характер сделанных наблюдений, которые требуют выхода в зону ком-

плексного исследования подобных конструкций и как речевой аномалии, и как феномена разговорной речи, проявляющей речемыслительные механизмы компрессии смысла в современном разговорном синтаксисе.

Открытым остается вопрос о продуктивности подобных процессов в свете их соотношения с грамматическим «каркасом» языка, соответствующим коммуникативному канону, и уровнем современной речевой культуры (см., например: [Герасименко 2019; Леденёва 2022]) и др.

Литература

Герасименко Н. А. Грамматика на службе развития речи и речевой культуры // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2019. – № 2. – С. 28-34. – DOI 10.18384/2310-7278-2019-2-28-34.

Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Методы психолингвистических исследований: теория, практикум, тренинги. Екатеринбург: Урал.гос.пед.ун-т., 2020. 358 с.

Дедковская Д. М. К вопросу о проявлениях аналитизма в современном русском языке // Вестник ИрГТУ. № 7 (54). 2011. С. 201-206.

Лурия А. Р. Язык и сознание. СПб.: Питер, 2019. С. 234 -235.

Леденева В.В. Норма как мерило лингвокреативности // Уральский филологический вестник. Серия: «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива». №2. Выпуск 31. С. 167-176.

Норман Б. Ю. Прагматический потенциал русской лексики и грамматики: монография. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2018. – 464 с.

Радбиль Т. Б. Когнитивистика: Учебное пособие. Нижний Новгород: Нижегородский гос. ун-т, 2018. – 375 с.

РГ-80 – Русская грамматика. Т.2: Синтаксис. М.: Наука, 1980.

REFERENCES

Gerasimenko N. A. Grammatika na sluzhbe razvitiya rechi i rechevoj kul'tury // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. – 2019. – № 2. – S. 28-34. – DOI 10.18384/2310-7278-2019-2-28-34.

Gridina T. A., Konovalova N. I. Metody psiholingvisticheskikh issledovanij: teoriya, praktikum, treningi. Ekaterinburg: Ural.gos.ped.un-t., 2020. 358 s.

Dedkovskaya D. M. K voprosu o proyavleniyah analitizma v sovre-

menom russkom yazyke // Vestnik IrGTU. № 7 (54). 2011. S. 201-206.

Luriya A. R. YAzyk i soznanie. SPb.: Piter, 2019, s. 234 -235.

Ledeneva V.V. Norma kak merilo lingvokreativnosti // Ural'skij filologicheskij vestnik: «YAzyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa. №2. Vypusk 13.

Norman B. YU. Pragmaticheskij potencial russkoj leksiki i grammatiki: monografiya. Ekaterinburg; M.: Kabinetnyj uchenyj, 2018. – 464 s.

Radbil' T. B. Kognitivistika: Uchebnoe posobie. Nizhnij Novgo-rod: Nizhegorodskij gos. un-t, 2018. – 375 s.

RG-80 – Russkaya grammatika. T.2: Sintaksis. M.: Nauka, 1980.

©Гридина Т.А., 2022

©Коновалова Н.И., 2022

Гридина Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и русского языка, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, 281.

E-mail: tatyana_gridina@mail.ru

Gridina Tatyana Aleksandrovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of General Linguistics and the Russian Language, Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg, Russia).

Коновалова Надежда Ильинична – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и русского языка, Уральский государственный педагогический университет; профессор кафедры русского языка для иностранных учащихся, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, 281. E-mail: sakralist@mail.ru

Konvalova Nadezhda Il'ichna – Doctor of Philology, Professor of the Department of General Linguistics and the Russian Language, Ural State Pedagogical University; Professor of the Department of Russian Language for Foreign Students. Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia).

А.С. КАТАЕВА

Е.Г. СОБОЛЕВА

г. Екатеринбург, Россия

koneva_nastya35@mail.ru

egsobol@yandex.ru

УДК 81'42

НАРОД VS ВЛАСТЬ: СМЕХОВОЙ И ОФИЦИАЛЬНЫЙ COVID-ДИСКУРСЫ

Аннотация. В статье сопоставляются официальный дискурс и смеховой метадискурс, порожденные макрособытием – пандемией коронавирусной инфекции. Официальный дискурс объединяет в себе дискурс власти, медицинский, в том числе профилактический, медийный дискурсы. Под метадискурсом понимается «народный» COVID-дискурс, представленный в виде вторичных текстов-реакций на дискурс официальный: интернет-мемы и смежные с ними жанры. Сопоставление официального и метадискурса проводится в двух аспектах: интертекстуальном и прагматическом – на основе метадискурса выявляются слабые места в аргументации текстов официального дискурса. Тексты официального COVID-дискурса объединены в три содержательных блока со своей системой аргументов: вакцинация как явление в целом, безопасность вакцины и антиковидный режим. Прослеживается, какие аргументы стали предметом осмеяния в метадискурсе. Наиболее острой реакции адресата подвергаются официальные тексты, посвященные безопасности вакцины и требованиям соблюдения антиковидного режима, содержащие недостаточную и неубедительную систему аргументации.

Ключевые слова: коронавирус, инфекции, пандемия, COVID-дискурс, официальный дискурс, профилактический дискурс, смеховой метадискурс, аргументация, интернет-мемы, Интернет, интернет-технологии, интернет-тексты, интернет-дискурс.

KATAEVA ANASTASIA S.,

SOBOLEVA ELENA G.

Yekaterinburg, Russia

PEOPLE VS POWER: COMICAL AND OFFICIAL COVID-DISCOURSES

Abstract. This article compares official discourse and comical metadiscourse generated by a macro-event - a pandemic of coronavirus infection. The official discourse combines the discourse of power, medical, including preventive, media discourses. Metadiscourse refers to the “folk” COVID-discourse, presented in the form of secondary texts-reactions to the official discourse: Internet memes and related genres. Comparison of official and metadiscourse is carried out in two aspects: intertextual and pragmatic - on the basis of metadiscourse, weaknesses in the argumentation of official discourse texts are revealed. The texts of the official COVID discourse are combined into three substantive blocks with their own system of arguments: vaccination as a phenomenon in general, vaccine safety, and the anti-COVID regime. It is traced which arguments became the subject of ridicule in the metadiscourse. The most acute reaction of the addressee is received by the official texts on the safety of the vaccine and the requirements for compliance with the anti-COVID regimen, which contain an insufficient and unconvincing system of arguments.

Keywords: coronavirus infection, COVID discourse, official discourse, preventive discourse, comical metadiscourse, argumentation, Internet memes.

Пандемия как макрособытие планетарного масштаба стала генератором различных дискурсов – властных, медийных, политических, «народных»/бытовых и пр. [Новикова, Калугина 2020; Павлова и др. 2021; Завьялова 2021. Электронный ресурс]. Как правило, эти дискурсы отражали разные эпизоды макроситуации и преследовали разные цели – регулятивные, убеждающие, пропагандистские (властный и медицинский дискурсы), экзистенциальные и поведенческие («быть или не быть», «верю/не верю», «делать или не делать» – «народный ковид-дискурс, нашедший прописку в основном на просторах интернета).

Хорошо известен тот факт, что вакцинирование как эпизод макрособытия разделило население нашей – и не только нашей – страны на два непримиримых лагеря: прививочников и так называемых антиваксеров. Правительству России так и не удалось добиться стопроцентной вакцинации населения.

Не претендуя на полный анализ причин недостаточной эффективности прививочной кампании, мы сосредоточили свое внимание на взаимодействии двух типов дискурсов: первичного

– это дискурс власти, медицинский дискурс (условно назовем его «официальный дискурс»), и метадискурса, который представлен вторичными текстами-реакциями на тексты официального дискурса.

Цель официального дискурса – сформировать у населения программу безопасного поведения в условиях эпидемии и побудить к безоговорочному принятию вакцинации.

Метадискурс представляет собой совокупность текстов-реакций обывателей на тексты официального дискурса. Для анализа мы взяли лишь часть метадискурса, представленную в виде интернет-мемов и смежных с ними жанров (анекдотов, баек и т.п.) [Канашина 2018: 126], которые в совокупности отражают рефлексию общественности на текущую общественно-политическую ситуацию [Кутузова, Шульман 2022. Электронный ресурс].

Сопоставление официального дискурса и метадискурса дает возможность решить две задачи: прежде всего проанализировать интертекстуальные связи, а именно выявить, какие действия и слова властей становятся предметом рефлексии текстов метадискурса. Важной задачей являлось и обнаружение слабых мест в пропаганде вакцинирования, которые не были замечены или не учтены властями.

В официальном дискурсе четко выделилось 3 группы текстов, которые отражали работу правительственных институтов с населением: «Всем нужно сделать прививку»; «Вакцина безопасна для здоровья»; «Всем нужно соблюдать антиковидный режим».

Тексты метадискурса, по сути, представляют собой перевёртыши и зеркально отражают тезисы официального дискурса, буквально утверждая обратное: «Нам не нужно делать прививку»; «Вакцина опасна для здоровья»; «Нам не нужно соблюдать антиковидный режим».

Феномен появления вторичных «народных» текстов оппозиционного характера можно сопоставить с известной концепцией карнавала М.М. Бахтина, в которой «верх» (официальная культура) меняется местами с «низом» (народная, карнавальная культура). «С критической точки зрения, бахтинский карнавал –

это не просто карнавал, смех, веселье, но именно – и прежде всего – осмеяние, снижение, пародирование, травестия, профанация, пусть и со скрытым утверждающим смыслом» [Гурин 2018. Электронный ресурс]. Сравнивая тексты официального COVID-дискурса с «народными» интернет-мемами как результатом вторичной обработки информации, можно наблюдать настоящее противостояние, оказавшее, в конечном итоге, влияние на ход глобальной профилактической кампании в целом и на темпы вакцинации – в частности.

Для того чтобы выяснить причины возникновения данного феномена, можно сказать, «раскола» официальных источников и общественности, следует более подробно остановиться на аргументации, приводимой с обеих сторон.

Все аргументы можно разделить на рациональные («к делу») и эмоциональные («к человеку»). «Рациональные апеллируют к здравому смыслу, логическому рассуждению. Это могут быть статистика, законы природы, логические доказательства – все то, что воспринимается человеком в неизменном исходном виде, вне зависимости от его настроения. Эмоциональные аргументы обращаются к нашим эмоциям, вызывая радость, сочувствие, сопереживание, или гнев, в зависимости от контекста» [Патрик. Электронный ресурс].

В текстах, объединенных мыслью «Всемирно нужно сделать прививку», убеждение, как правило, строится с помощью рациональной аргументации, апеллирующей к:

– статистическим или обобщенным данным: *пандемия уже унесла жизни более 250 тыс. наших соотечественников; темпы заболеваемости продолжают расти более чем в 60 регионах России; смертность возросла; он (вирус) становится все более и более заразным;*

– непосредственной пользе вакцинации для человека: *какой-то процент привитых людей может заболеть, но в любом случае эти люди болеют гораздо легче и у них гораздо меньше риск умереть от коронавируса; в случае заражения не дает развиться болезни; предупреждает болезнь и ее осложнения; позволяет защитить не только человека, которому сделали прививку, но и окружающих;*

– значительно реже – к сопутствующим сферам деятельности, страдающим от медленных темпов вакцинации: *продолжающаяся нагрузка на систему здравоохранения может привести к очень серьезным последствиям и для экономики, и для жизни каждого россиянина; сегодня 16% от всех медиков страны занимаются исключительно лечением пациентов с коронавирусом. При этом россиянам по-прежнему нужна плановая и внеплановая медицинская помощь, операции, лечение других тяжелых заболеваний. Вакцинация и соблюдение правил – способ сделать все возможное, чтобы система здравоохранения как можно скорее вернулась к нормальному режиму работы.*

Нужно заметить, что в метадискурсе сама проблема вакцинации осмеянию не подвергалась, но народ чутко среагировал на некоторые неуклюжие действия властей.

Чтобы побудить население активнее вакцинироваться, власти прибегали к различным стимулирующим акциям (бонусы и розыгрыши призов среди вакцинированных граждан), что получило отклик в смеховом метадискурсе. В изнаночном мире действия властей обыгрывались, как правило, с помощью приема доведения до абсурда. Сравним заголовки в СМИ: *В Москве среди вакцинированных разыграют автомобили* – и интернет-мемы: *В Москве среди вакцинированных разыграют три деревни в Костромской области вместе с населением; в СМИ: В Уфе среди вакцинированных от ковида разыграют квартиру и десять айфонов* – и интернет-мемы: *Среди вакцинировавшихся девушек будет разыгран жених из богатой семьи.*

Следующая значительная по объему группа официальных текстов объединена тезисом «Вакцина безопасна для здоровья». Это обусловлено серьезной и масштабной проблемой, существующей довольно долгий период времени, к которой относятся «вопросы об опасениях насчет пользы и необходимости проведения вакцинации, сомнениях в безопасности вакцины и ее последствий для организма человека, оправданности риска и суждения об экономических выгодах фармакологических кампаний» [Рягузова 2021: 111].

Официальные тексты о безопасности вакцинации также по-

строены на рациональной аргументации. Рациональные аргументы можно разделить на 4 группы: аргументы, обосновывающие «доказательную базу» вакцины; аргументы, обосновывающие состав вакцины; аргументы, относящиеся к возникновению побочных реакций после вакцинации; аргументы, касающиеся последствий вакцинации.

Рассмотрим каждую группу аргументов и их особенности.

К аргументам, условно названным «доказательная база», относятся утверждения о безопасности вакцины, доказанные эмпирическим путем: *оба препарата доказали свою эффективность и безопасность и уже зарегистрированы; после прохождения всех необходимых исследований и соблюдения международных протоколов в России допущены к использованию четыре отечественных препарата; вакцибна прошла все испытания безопасности; все вакцины, зарегистрированные в России, эффективны и безопасны; вакцины безопасны и эффективны.* В текстах частотны слова «эффективность» и «безопасность». Однако большинство официальных и профилактических текстов ограничивается только этим аргументом, не усиливая его какими-либо конкретными данными о статистике, процедуре испытаний и пр. Крайне редко в текстах встречается апелляция к статистике по результатам испытаний: *за время испытаний антитела выработались у 92% привитых, а клеточный иммунный ответ сформировался у 100% добровольцев. А уровень антител до полутора раз выше, чем у переболевших COVID-19 – или к процессу испытаний: вакцина прошла все необходимые испытания безопасности и эффективности на нескольких видах животных (грызуны и приматы), позже вакцина была испытана на двух группах добровольцев.*

Редко в текстах появлялась эмоциональная аргументация в виде аргумента к авторитету: *научные статьи по результатам фазы I-II и III клинических исследований вакцины были опубликованы в одном из ведущих международных медицинских журналов – The Lancet; как отмечено в публикации авторитетного медицинского журнала The Lancet (от 4 февраля), международные эксперты подтвердили высокую эффективность и безопасность вакцины.* Несмотря на использование оценочной лек-

стики в описании научного источника, приходится признать, что речь идет, по сути, всего об одном (одном и том же) событии, что в контексте пандемии и масштабов самого факта изобретения безопасной вакцины, безусловно, недостаточно.

Аргументы, относящиеся к составу вакцины, направлены на преодоление опасения заражения вирусом непосредственно от прививки: *вакцины не содержат вируса, поэтому от них невозможно заразиться; вакцина не содержит патогенный для человека вирус, поэтому заболеть и заразить окружающих невозможно; консервантов и антибиотиков вакцина не содержит; ни одна из отечественных вакцин не содержит живой вирус или его компоненты; вакцина не содержит патогенный для человека вирус, вызывающий COVID-19, поэтому заболеть и заразить окружающих после прививки невозможно; заразиться COVID-19 непосредственно от вакцин невозможно.*

Аргументы, относящиеся к возникновению побочных реакций после вакцинации, призваны убедить адресата в том, что побочные реакции после любой вакцины – нормальное явление: *как и после любой прививки, после вакцинации от COVID-19 возможно возникновение побочных эффектов <...>. Побочные эффекты свидетельствуют о том, что в организме началось формирование иммунного ответа и, как правило, проходят в течение 1-2 дней.* Приравнивание новой вакцины против коронавируса к остальным вакцинам, используемым много лет, совершается с целью «заглушить» страх перед чем-то новым и ранее не изведанным.

Особый акцент делается на степени интенсивности побочных эффектов и кратковременности их проявления, кроме того, аргумент сопровождается рекомендацией: *после вакцинации в первые-вторые сутки могут развиваться кратковременные общие и местные реакции <...>. Эти явления обычно проходят без следа в течение 2-3 дней. Для снятия жара можно применять нестероидные противовоспалительные препараты; такие симптомы – реакция организма на введение вакцины. <...> Нужно просто подождать, возможно, принять жаропонижающее средство. Через день-два недомогание закончится.* Данные доводы отличаются более разговорной, простой тональностью, а

содержащиеся в них прескрипции призваны оказать помощь в принятии решения.

Аргументы, касающиеся последствий вакцинации, с большей долей вероятности появились вследствие так называемой инфодемии (информационной эпидемии) – намеренно широком распространении ложных, непроверенных сведений. Нельзя не согласиться с тем, что «инфодемия, распространяясь в несколько раз быстрее самого коронавируса, препятствует поиску заслуживающих доверия информационных источников, затрудняет доступ к проверенной информации, не позволяет разграничить достоверную и недостоверную информацию; в результате в обществе возникает паника, в ряде случаев осложняющая и препятствующая проведению противоэпидемиологических мероприятий» [Раренко, Воронцова 2021: 96]. Тексты, построенные на аргументах, развенчивающих страхи долговременных последствий вакцинации, можно считать в какой-то степени контраргументами, возникшими в ответ на множественные фейки о так называемом отложенном вреде вакцинации: *ни одна из вакцин против COVID-19 никак не влияет на вашу ДНК и не взаимодействует с ней; нет никаких доказательств того, что какая-либо вакцина, включая вакцину против коронавируса, может повлиять на фертильность у женщин или мужчин; российские вакцины от коронавируса прошли необходимые испытания по оценке влияния на потомство, прежде всего на лабораторных животных. Негативных последствий не выявлено. Если вы в настоящее время пытаетесь забеременеть, вам не нужно избегать беременности после вакцинации от COVID-19; если после вакцинации <...> наступила беременность, не переживайте. Вакцинация не создает никаких дополнительных рисков и не представляет угрозы для здоровья нерожавших женщин и их будущего потомства.* Аргументация часто строится на приеме сопоставления с другими, хорошо известными жителям вакцинами, – включение вакцин против COVID-19 в ряд апробированных вакцин должно стать дополнительным доводом в пользу вакцинации.

Что показывает анализ текстов метадискурса? Отрицаются, как правило, утверждения официального дискурса, касающиеся

доказательств безопасности вакцины. Как мы показали ранее, это действительно самый «незащищенный» и мало подкрепленный блок официальных аргументов. В текстах тем или иным образом обыгрывается слабость официальной версии: *рисунок, на котором изображены две лабораторные мыши, ведущие диалог: «Ты будешь вакцинироваться?» – «Ты сумасшедшая, еще на людях не испытали»* и т.д.

Срабатывают и привычные стереотипы, что русским не дано создать что-либо стоящее в области фармакологии, особенно в свете того, что наиболее эффективные лекарства созданы западной медицинской индустрией: *мем в стиле «Ожидание и реальность», построенный на олицетворении: спортивные привлекательные мужчины – это импортные вакцины, а непривлекательный образ «традиционного» российского мужичка в состоянии алкогольного опьянения – это Спутник V.*

Третья группа официальных COVID-текстов объединена тезисом «Нужно соблюдать антиковидный режим». Аргументация касалась двух ключевых тем: обоснование введения и соблюдения различных ограничительных мер и вопрос об обязательной вакцинации как неотъемлемом условии существования в новом «ковидном» обществе. Целью официальных текстов данного направления является формирование ответственного поведения человека, в том числе его выбора в пользу вакцинации.

Следует отметить, что вопросы соблюдения антиковидного режима вызвали наиболее резкую реакцию общества. Для того чтобы убедить адресата в правильности введения и соблюдения ограничений, аргументация текстов официального дискурса стала носить увещательный характер: *Конституция РФ гласит, что высшей ценностью является жизнь и здоровье человека (ч. 1 ст. 20 и ч. 1 ст.41), а органы власти должны принимать своевременные меры для их защиты; QR-код <...> это просто инструмент работы с информацией, удобный и понятный, который используют во многих сферах; меры противодействия COVID в России намного мягче, чем в ряде других стран, ведь они не предполагают обязательной вакцинации и штрафов за уклонение от нее.*

В официальных текстах ставился акцент на отрицании обяза-

тельного характера вакцинации. Однако зачастую аргументация в них строилась с помощью приема «да...но»: *Может ли человек отказаться от обязательной прививки против новой коронавирусной инфекции? **Может. Но** при эпидемической угрозе работодатель обязан отстранять от работы сотрудников, которые отказались делать прививку при отсутствии медицинских противопоказаний, но подлежащих обязательной вакцинации; Гражданин **может** отказаться от прививки. Это прямо закреплено в Законе (п. 1 ст. 5 Закона №157-ФЗ). Причем отказ от прививки можно никак не обосновывать: ни медицинскими отводами, ни беременностью, ни другими причинами. **Но** такие действия ведут к определенным последствиям.*

На наш взгляд, прием «да...но» является неуместным в официальных COVID-текстах в условиях всеобщей неопределенности и тревожности, вызванной пандемией. В представленных материалах часть после «но» однозначно и категорически отвергает разрешение, стоящее в начале текста: *вакцинация становится обязательной, если в субъекте вынесено соответствующее постановление <...> о вакцинации отдельных граждан или категорий граждан и даже «угрожает» адресату: Но тогда работодатель вправе отстранить его от работы и не платить ему зарплату за период отстранения*, что делает рациональную аргументацию практически абсурдной для обычного человека.

Это противоречие было подмечено нашим зорким народом и было отражено в большом количестве интернет-мемов, карикатур и анекдотов: *Смешная и грустная копинаста: Необязательная вакцинация, но обязательная, хотя и добровольная, но отказаться нельзя, точнее можно, но могут отстранить от работы или уволить, хотя это незаконно, но отстранять разрешили, а потом запретили, но не мы, а они, а главный не в курсе;*

– *А вакцинация будет добровольной или принудительной? – Захотите – добровольной, не захотите – принудительной.*

Завершая сопоставление официального ковид-дискурса и смехового, игрового метадискурса, мы можем сказать, что анализ вторичных текстов, отражающих рефлекссию широкого адресата, дает возможность не просто оценить эмоциональный отклик, реакцию народа на официальный дискурс, но и выявить

слабые места транслируемых официальных текстов, что может быть учтено при построении других профилактических текстов.

Литература

Гурин С. Концепция карнавала М. Бахтина и теория архаического праздника В. Топорова // Литературно-философский журнал Топос. 2018. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.topos.ru/article/ontologicheskie-progulki/koncepciya-karnavala-m-bahtina-i-teoriya-arhaicheskogo-prazdnika-v#_ftn4 (дата обращения 02.04.2022).

Завьялова Е.Е. Российские анекдоты на «коронную» тему: проблематика и поэтика // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2021. №3. С.259-295. DOI: 10.46539/gmd.v3i3.221. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskie-anekdoty-na-koronnyu-temu-problematika-i-poetika/viewer> (дата обращения 05.04.2022).

Ивин А.А. Основы теории аргументации / А. А. Ивин. М.: ВЛАДОС, 1997. 352 с.

Канашина С.В. Интернет-мем как современный медиадискурс // Известия ВГПУ. Филологические науки. 2018. С.125–129. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-mem-kak-sovremennyy-mediadiskurs/viewer> (дата обращения 05.04.2022).

Кутузова А.А., Шульман Е.М. Интернет-мемы как индикатор общественной реакции и инструмент обратной связи в период пандемии // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2022. Вып.2(32). С.46-67. DOI: 10.23951/2312-7899-2022-2-46-67 – [Электронный ресурс]. – URL: https://praxema.tspu.edu.ru/archive.html?year=2022&issue=2&article_id=8415 (дата обращения 09.04.2022).

Новикова О.Н., Калугина Ю.В. COVID-19 в контексте современного состояния исследования дискурса о пандемии // Вестник Башкирского университета. 2020. Т.25. №2. С.376–381. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2020.2.26

Павлова Н.Д., Афиногенова В.А., Кубрак Т.А., Зачесова И.А. Дискурс социальных медиа в условиях пандемии COVID-19. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberpsy.ru/articles/socialnye-media-covid-19/> (дата обращения 07.04.2022).

Патрик Элис. Полемика – искусство спора. – [Электронный ресурс]. – URL: http://samlib.ru/p/patrik_e/polemika.shtml (дата обращения 02.04.2022).

Раренко А.А., Воронцова В.О. Инфодемия в условиях пандемии

COVID-19 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: Реферативный журнал. 2021. №2. С.94-104. DOI: 10.31249/rsoc/2021.02.08 – [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/infodemiya-v-usloviyah-pandemii-covid-19/viewer> (дата обращения 06.04.2022).

Рягузова Е.В. Когнитивные аспекты отношения студенческой молодежи к вакцинации от COVID-19 // Российский психологический журнал. 2021. Т.18. №2. С.109–121. DOI: 10.21702/rpj.2021.2.7

REFERENCES

Gurin S. Konceptiya karnavala M. Bahtina i teoriya arhaicheskogo prazdnika V. Toporova // Literaturno-filosofskij zhurnal Topos. 2018. [Elektronnyj resurs]. – URL: https://www.topos.ru/article/ontologicheskie-progulki/konceptiya-karnavala-m-bahtina-i-teoriya-arhaicheskogo-prazdnika-v#_ftn4 (data obrashcheniya 02.04.2022).

Zav'yalova E.E. Rossijskie anekdoty na «koronnuyu» temu: problematika i poetika // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2021. №3. S.259-295. DOI: 10.46539/gmd.v3i3.221. – [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskie-anekdoty-na-koronnuyu-temu-problematika-i-poetika/viewer> (data obrashcheniya 05.04.2022).

Ivin A.A. Osnovy teorii argumentacii / A. A. Ivin. M.: VLADOS, 1997. 352 s.

Kanashina S.V. Internet-mem kak sovremennyy mediadiskurs // Izvestiya VGPU. Filologicheskie nauki. 2018. S.125–129. – [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-mem-kak-sovremennyy-mediadiskurs/viewer> (data obrashcheniya 05.04.2022).

Kutuzova A.A., SHul'man E.M. Internet-memy kak indikator obshchestvennoj reakcii i instrument obratnoj svyazi v period pandemii // ПРАΞΗΜΑ. Problemy vizual'noj semiotiki. 2022. Vyp.2(32). S.46-67. DOI: 10.23951/2312-7899-2022-2-46-67 – [Elektronnyj resurs]. – URL: https://praxema.tspu.edu.ru/archive.html?year=2022&issue=2&article_id=8415 (data obrashcheniya 09.04.2022).

Novikova O.N., Kalugina YU.V. COVID-19 v kontekste sovremennogo sostoyaniya issledovaniya diskursa o pandemii // Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2020. T.25. №2. S.376–381. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2020.2.26

Pavlova N.D., Afinogenova V.A., Kubrak T.A., Zachesova I.A. Diskurs social'nyh media v usloviyah pandemii COVID-19. – [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://cyberpsy.ru/articles/socialnye-media-covid-19/> (data obrashcheniya 07.04.2022).

Patrik Elis. Polemika – искусство спора. – [Elektronnyj resurs]. – URL: http://samlib.ru/p/patrik_e/polemika.shtml (data obrashcheniya 02.04.2022).

Rarenko A.A., Voroncova V.O. Infodemiya v usloviyah pandemii COVID-19 // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 11, Sociologiya: Referativnyj zhurnal. 2021. №2. S.94-104. DOI: 10.31249/rsoc/2021.02.08 – [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/infodemiya-v-usloviyah-pandemii-covid-19/viewer> (data obrashcheniya 06.04.2022).

Ryaguzova E.V. Kognitivnye aspekty otnosheniya studencheskoj molodezhi k vakcinacii ot COVID-19 // Rossijskij psihologicheskij zhurnal. 2021. T.18. №2. S.109–121. DOI: 10.21702/rpj.2021.2.7

©Катаева А.С., 2022

©Соболева Е.Г., 2022

Катаева Анастасия Сергеевна – начальник редакционно-издательского отдела. Городской центр медицинской профилактики (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620027, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 51, 41.

E-mail: koneva_nastya35@mail.ru

Kataeva Anastasiya Sergeevna – Head of the Editorial and Publishing Department. City Center for Medical Prevention (Yekaterinburg, Russia).

Соболева Елена Григорьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся. Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620072, Россия, г. Екатеринбург, ул. Сиреневый бульвар, 14, 98.

E-mail: egsobol@yandex.ru

Soboleva Elena Grigor'evna – Candidate of Philology, Docent of the Department of Russian Language for Foreign Students. Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia).

Н. А. КУПИНА

г. Екатеринбург, Россия

natalia_kupina@mail.ru

УДК 81'37

МАССОВЫЙ ЛИНГВОКРЕАТИВ В ЭПОХУ КОРОНАВИРУСА

Аннотация. В статье анализируется массовый лингвокреатив эпохи пандемии коронавируса. Непосредственный предмет исследования – разветвлённая группа новообразований – имён со значением лица. В границах оппозиции «сторонники – противники вводимых властью ограничений» описаны постоянно пополняющиеся подгруппы новых слов: обозначения заболевших, инфицированных, распространителей вируса; названия лиц, находящихся на изоляции, и лиц, использующих цифровые технологии на дистанте; номинации врачей, медработников, а также специалистов-исследователей; названия лиц, осуществляющих в период пандемии контроль и надзор; номинации лиц, самовольно игнорирующих санитарные требования; номинации лиц, отрицающих существование вируса по идейным соображениям; обозначения лиц, совершающих преступные действия в период пандемии коронавируса. Выявлена аксиологическая специфика новообразований. Отмечена роль массового лингвокреатива в развитии паронимии, синонимии, антонимии.

Ключевые слова: аксиологема, контраксиологема, аксиологическая маркированность, аксиологический выбор, игры, коронавирусная эпоха, новообразование со значением лица, массовый лингвокреатив, лингвокреативность..

KUPINA NATALIA A.

Yekaterinburg, Russia

MASS LINGUISTIC CREATIVITY IN CORONAVIRUS ERA

Abstract. The article analyzes the mass linguistic creativity of the coronavirus pandemic era. The subject of the research as such is a diversified group of neologisms, which bear the meaning of a person. Within the boundaries of the opposition «supporters – opponents of the restrictions imposed by the authorities», there are described constantly replenishing subgroups of new words: nominations of the sick, the infected, those who

spread the virus; words denoting people in isolation and those who remotely use digital technologies; nominations of doctors, medical workers, and specialists-researchers; denotations of those who exercise control and supervision during the pandemic; names of persons arbitrarily ignoring sanitary requirements; designations of those who deny the existence of the virus for ideological reasons; words naming persons who commit criminal acts during the coronavirus pandemic. The author specially notes the axiological of the neologisms and the role of mass linguistic creativity in the development of paronymy, synonymy, and antonymy.

Keywords: axiologeme, counter-axiologeme, axiological marking, axiological choice, gameme, coronavirus era, neologism with the meaning of a person, mass linguistic creativity.

В ситуациях испытания, как правило, происходит взрыв речетворчества – массового лингвокреатива, направленного на осмысление текущей реальности и выступающего как «результат интенсивной лингвокреативной деятельности языковой личности» [Ремчукова 2016: 163], вовлеченной в языковую игру [Гридина 1996, Норман 2006, Санников 1999 и др.]. Массовый лингвокреатив и лежащее в его основе народное смеховое начало способствуют ослаблению социально-психологического напряжения: «Смех, будучи амбивалентным, не отрицает серьезности, очищает и восполняет её». Очищает «от элементов страха или утрашения, от глупой истошности» [Бахтин 1965: 137].

КоронавиРусь в текущее время находится под властью языкового карнавала [Купина 2021]. Формируется *коронавирусный* лексикон¹ ядро которого составляет общезыковая тревожная лексика, включающая контраксиологемы, номинирующие антиценности: *COVID/ковид, коронавирус, вирус, штамм, эпидемия, пандемия, чрезвычайная ситуация, режим, красная зона, локдаун*. Социально востребованными оказываются ценностные смыслы ‘жизнь’, ‘здоровье’, а также ‘свобода, воля’. Слова и словосочетания, прямо номинирующие ценности, выступают

¹ Здесь и далее новообразования, нестандартные словосочетания коронавирусного времени и соответствующие высказывания передаются светлым курсивом. Сохраняется орфография источников.

как аксиологемы. Лексемы *маска*, *дистант*, *вакцина*, *QR-код* становятся актуальными. В речи они приобретают наведённую ситуацией аксиологическую маркированность. Попутно заметим, что освоение новых, в том числе тревожных, реалий зависит от степени прозрачности семантики вербального знака. В этой связи показательным является высказывание вице-премьера Т. А. Голиковой: *Считаю важным на законодательном уровне закрепить понятие QR-код. Но есть немало предложений назвать его по-другому.*

Надёжный критерий актуальности слова – его частотность. Так, в ноябре 2021 года Оксфордский словарь английского языка выделил высокочастотную лексему *вакцина* как слово года и зафиксировал соответствующие новообразования. Нестандартные *коронасловечки*, образованные от слова *Спутник*, ставшего, по версии Института русского языка им. А. С. Пушкина, словом 2021 года, отсутствуют. Этому, скорее всего, препятствует русский космизм. Словами 2021 года в России [См.: Эпштейн] стали следующие высокочастотные единицы: *вакцина*, *вакцинация*, *QR*, *антиваксер*. Выделенный ряд включает существительное лица.

В эпоху *диктатуры коронавируса – коварного невидимого врага* – массовый лингвокреатив помогает осмыслить правду жизни, результативность *ковитики* (политики), вводимых властями рекомендаций и ограничительных мер, оценить взвешенность группового и персонального аксиологического выбора, освободить сознание «от элементов страха, от глупой истошности» [Бахтин 1965: 137], снизить градус *пандемии паники*. Массовый лингвокреатив ослабляет *вирус страха* и тем самым противостоит новой нормальности.

Развивается *коронарусистика*, в границах которой вполне настоящее исследование. Лингвисты оперативно фиксируют новые слова, в том числе «игремы» (Т. А. Гридина). Так, в «Словообразовательном словаре русского языка» в составе гнезда с вершиной *вакцина* не значатся такие актуальные в период пандемии слова, как *вакцинированный*, *невакцинированный*, *ревакцинация*, *ревакцинироваться*, *ваксер*, *антиваксер* [См.: Тихонов 1985. Т. 1: 20]. Обращает на себя внимание разви-

тие словообразовательных механизмов и формирование новых антонимических пар.

Сквозным в речевой коронавирусной действительности является мотив персонального аксиологического выбора, метко обозначенный в рубрике «Российской газеты» КОВИД И ИНДИВИД. Предмет специального анализа – разветвлённая группа новообразований – имён со значением лица. Все компоненты данной группы можно интерпретировать как «эвристеми», поскольку они обладают не только ценностной значимостью, но и «очевидной новизной» [Григорьев 2006: 676]. Семантика новообразований-эвристем, их стилистическая и аксиологическая окрашенность позволяют составить представление об эмоциональных и рациональных реакциях россиян на вызовы пандемии.

Основной источник языкового материала – изданный в 2021 году академический «Словарь русского языка коронавирусной эпохи» (далее – [СРЯКЭ]), в котором зафиксировано 3500 новых слов и словосочетаний. Специальная словарная помета – «В речи ковид-диссидентов». Например: «*карантинобес* – Обычно *мн.* *Разг. пренебр.* В речи ковид-диссидентов – о стороннике соблюдения карантина, об инициаторе его проведения» [СРЯКЭ: 72]. Используется также помета, отражающая трезвую точку зрения на официальные предписания и ограничения. Например: «*ковид-идиот* – В речи сторонников соблюдения противоэпидемических мер – о том, кто игнорирует профилактические меры и относится с недоверием к информации о коронавирусной инфекции» [СРЯКЭ: 94]. В Словаре отмечается, что данная оценочная номинация может использоваться также в речи *ковидо-диссидентов* для характеристики законопослушного гражданина (граждан). В Приложении 1 [с. 432–488] собраны и прокомментированы Х. Вальтером, Б. М. Мокиенко «ковидные антипословицы-карантинки». В статье по принципу дополнения для анализа привлекаются извлечения из текстов СМИ и живой разговорной речи.

Языковой словесный материал обнаруживает преобладание таких способов словообразования, как сложение и сращение (слияние). Особое развитие приобретает контаминация. Первая

часть сложных слов (*ковид-*, *карантин-*, *корона-* и др.) акцентирует погружение лица в коронавирусную действительность. В значении существительных лица нередко употребляются прилагательные. Например: **COVID-зараженным**, *по сведениям местных СМИ, не хватает кислорода; Больной лечится, а самоизолированный бесится* [СРЯКЭ: 486].

Выделяется подгруппа имен, обозначающих заболевших, инфицированных, распространителей вируса, лиц, подверженных заражению. В книжных текстах варьируются дефисное и слитное написания сложных слов. Наблюдается также варьирование латиницы и кириллицы:

COVID-заболевший, ковид-зараженный; ковидный, постковидный, эксковидный, ковиднутый, ковидонос, ковидоносец, ковидоноситель, ковид-роженица; коронабольной, коронаносец, коронапациент, коронщик, коронник, коронаяка, корона-дети, корона-старики...

Например: *Свободных мест в больницах нет: всё забито **коронщиками*** [СРЯКЭ: 179]; *Столичные специалисты уверяют, что шалайки, работающие в аэропорту «Шереметьево», уже практически научились выявлять **ковидоносителей**; Уральские врачи спасли **коронапациента** со стопроцентным поражением лёгких* [Там же: 124]. Употребление в речи единиц отмеченной подгруппы сопровождается эмоциональными приращениями: **Ковидоносы** *шляются кругом, разносят вирус; В реанимациях не хватает мест для **корона-больных**.*

В регионах России чрезвычайный режим сопровождается введением каникул, карантина (ср.: *ковикулы, путинкулы, карантикулы*) и самоизоляции. Названия лиц, находящихся на изоляции и тем самым препятствующих распространению вируса, а также лиц, профессионально использующих дистанционные цифровые технологии, складываются в отдельную подгруппу:

изолянт; самоизолянт; самоизолятор; карантинопослушный, карантинообязанный, карантинист, карантиноголик, карантин-поэт; домосиделец, сидидомец, домосексуал; хоумсексуал; дистантофил, дистанционер; удаленичик; зум-работник; ZOOM-лектор; зумчилка; онлайн-лектор; онлайн-учитель, он-

лайн-консультант... Узнаваемые персонажи: *сестрица Удалёнушка, братец Диванушка*.

Данные единицы устойчиво употребляются как игремы-иронизмы. Например: *Типичный портрет ковидиотного сиди-домца: закупился туалетной бумагой на год вперед* [СРЯКЭ: 234]. В то же время, по данным результатов массового лингвокреатива, даже на карантине, в изоляции, на дистанте *не ковидом единым жив человек*, по мере возможностей оказывающий сопротивление пандемии силой интеллекта: **З У М Ч И Л К А И Д И С Т А Н Т О Ф И Л.** *Лауреаты Международного Пушкинского конкурса рассказывают, как учить русскому в пандемию* (Российская газета. 21.12.2021).

Разумное, взвешенное отношение к самоизоляции мотивируется в шутовой форме с опорой на прецедентный культурный код, культурную память россиян: *Не все дома – это не оскорбление, это статья УК РФ в условиях карантина* [СРЯКЭ: 448].

Положительную аксиологическую маркированность приобретают номинации медработников и специалистов-исследователей. Именно эти герои нашего времени способны одержать победу *на ковидных фронтах*:

ковидолог; ковидонавт / коронавт; пандемиолог; ковид-аналитик, ковид-эксперт...

Например: *Особенно много ковид-экспертов сейчас «отрабатывают» тему последствий коронавируса* [СРЯКЭ: 332]; *Заведующий отделом реанимации... Евгений Сыргин <...> придумал название «коронавты». Почти как космонавты, на которых врачи становятся похожи, когда надевают защитные костюмы и маски...* [Там же: 152]. Упоминания имени «слова-изобретателя» являются единичными. Массовый лингвокреатив отличает наличие коллективного авторства. Последнее объясняет, в частности, явление дублетности в пределах отдельных подсистем новых слов *ковидного времени*.

Малочисленная подгруппа лексических единиц включает обозначения лиц, осуществляющих надзор и контроль:

корона-полицейский, ковид-инспектор, корона-инспектор, карантин-инспектор, карантин-патруль.

Например: *В Минздраве Башкирии пояснили, кого назначат школьными **ковид-инспекторами** [СРЯКЭ: 297]; Коронавирус в сознании каждого сейчас есть, но никто не принимает его буквально, чем так называемые... **корона-полицейские** [СРЯКЭ: 366].*

С иронией воспринимаются люди, охваченные неистребимым страхом, вызванным распространением пандемии, сеющие панику. Об этом свидетельствуют экспрессивы-интенсивы:

ковидопаникёр, ковидоман, ковид-истерик, ковидофоб, ковиднутый, ковидофреник, ковидоид, коронабес...

Например: *Новая инициатива **ковидобесов** (вариант – **коронабесов**) – разрешить стрелять в человека без маски на поражение [СРЯКЭ: 138].* Общую оценку личной и групповой склонности к паникёрству передаёт трансформированная поговорка *Ковиднутые на всю голову.*

В карнавальном словесном пространстве формируется оппозиция: «Сторонники соблюдения строгих правил, понимающие опасность и тяжкие последствия пандемии, – ярые противники действующих ограничительных мер и вакцинации». Прозрачен смысл существительных лица с приставкой *анти-*, употребляющихся в функции контраксиологем:

антиковидник, антикоронавируси́к, антикорона-безумец, антикарантинист, антиваксер, антивакцини́к, антивакцинист, антипрививочник...

Например: ***Антивакцини́ки** не унимаются: умрём, но не сдадимся. И сами один за другим умирают, и других за собой тянут в могилу (митрополит Иларион. 11.11.21); **Антикорона-безумцы** собрались у входа в ТРЦ и протестовали против QR-кодов.* Развитие синонимии и паронимии, как видно из контекстов, сопровождается функционированием дублетных новообразований.

Специально номинируется лицо, самовольно игнорирующее санитарные требования:

антимаскер, антимасочник, противомасочник, антиперчаточник. Ср. также образования с живой внутренней формой, поддерживающие картинную образность: *голомордый, голоносик, подбородочник...*

Например: *Администрация требует выгонять с трибун стадиона голомордых*. К голомордым (маскоборцам) примыкают наруженосы, прикидывающиеся замасочниками. Не соблюдают необходимой дистанции в общественных местах *дистант-скептики*, которые противопоставлены *дистанционерам* и *дистант-оптимистам*. Установки транслируют адресные коронавирусные антипословицы: *На бога надейся, а сам маску надень; На карантин надейся, а сам не плошай* [СРЯКЭ: 440]; *Одна голова хорошо, а две – не менее полутора метров друг от друга* [Там же: 444]. Имплицитно передаётся неодобрительное отношение к лицам, легкомысленно игнорирующим простые санитарные требования.

В центре общественного внимания – *ковидодиссиденты*. Отмеченная лексема прочно вошла в речевой оборот. Варианты: *ковид-диссидент(ы)*; *COVID-диссидент(ы)*. В высказываниях преобладают формы множественного числа, акцентирующие групповое отрицание факта «существования коронавирусной инфекции» [СРЯКЭ: 90] по идейным соображениям. Отметим единицы соответствующей подгруппы:

ковидодиссидент, вакцинодиссидент, ковид-отрицатель, ковид-скептик, ковид-фаталист, ковид-циник, ковид-агностик, ковид-неверующий, ковид-атеист, ковид-еретик... Параллельно употребляются дублетные образования с соединительной гласной *о* и сложные слова с первой частью *корона-* (*коронадиссидент, коронаотрицатель* и др.).

Например: <...> *по сей день есть немало ковидодиссидентов, которые отрицают пандемию как таковую* [СРЯКЭ: 118]; *Каждый из нас, если он, конечно, не коронадиссидент, в какой-то момент осознал серьёзность всего того, что принёс в нашу жизнь коронавирус* [Там же: 154].

Осуждаются *ковидонарушители*, которые демонстративно, но не в силу особых обстоятельств, отступают от введённых ограничений. В их числе *ковидопофигисты, погулянцы, устраивающие пир во время ковида, ковид-авантюристы, ковид-бунтари* (ср. также дублетные образования с первой частью *корона-*).

Беззлобных *антиковидников* воспринимают как *ковидиотов*, *коронафреников*. В этих и подобных играх проявляются «национальные черты смеховой культуры» [Лихачёв 1976: 9] – свойственное ей стихийное ощущение свободы, которое, в частности, прослеживается в отступлениях от норм словообразования, закреплённых в системе языка.

Безусловного осуждения, презрения, неприятия заслуживают преступники, использующие ситуацию напряжения в корыстных целях. Отметим соответствующие новообразования, которые употребляются в речи, в функции контраксиологем:

ковид-хулиган, ковид-аферист, ковид-мошенник, ковид-экстремист, ковид-террорист; карантино-мошенник; коронамошенник, коронакибермошенник, коронамахинатор, коронахакер, зум-хакер...

Например: *Ковид-террористы действуют слаженно, а официальная пропаганда вакцинации проходит вяло; Из больницы Нижнего Тагила ковид-преступники похитили 320 доз «Спутника V»; Прецеденты судебных разбирательств с зум-хакерами уже есть и в России* [СРЯКЭ: 271].

Выделенные в процессе анализа подгруппы новообразований со значением лица являются открытыми: их состав постоянно пополняется. Креативность языковой личности [Караулов 1987] сочетается с аксиологическим аналитизмом. «Человек в языке коронавирусной эпохи» [Буцева, Зеленин 2021] обнаруживает отличительные грани национального характера и миропонимания.

В заключение ещё раз отметим, что в эпоху коронавируса происходит взрыв массового лингвокреатива – смыслотворчества и словотворчества. В речевой действительности развивается сквозной мотив аксиологического выбора – группового и персонального. Многочисленные новообразования, диагностирующие участки тревожной реальности, включают пласт имён, обозначающих инициаторов, сторонников и противников вводимых официальных ограничений. На базе аксиологем, контраксиологем, аксиологически маркированных единиц развивается оппозиция «свой – чужие», которая частично трансформируется под влиянием национально-специфического «другоцентризма». Но

вообразования в форме единственного и в форме множественного числа обозначают «чужих» – преступников, злоумышленников. «Другие» – это в большинстве своём вольнодумцы, сопротивление которых воспринимается с пониманием, но не без осуждения. Представленная в статье классификация новообразований, включающих имена со значением лица, свидетельствует о расширении поля персональности, а также о сохранении аксиологических констант русской лингвокультуры. Языковая игра, включенная в контекст проживаемой тревожной реальности, снижает эмоционально-психологическое напряжение, поддерживает оптимистическое мировосприятие.

Литература

Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965.

Буцева Т.Н. Человек в эпоху пандемии / Т.Н. Буцева, А.В. Зеленин. Русский язык коронавирусной эпохи. Коллективная монография / отв. ред. М.Н. Приемышева. СПб., 2021. С. 162–213.

Григорьев В.П. Велимир Хлебников в четырёхмерном пространстве языка. Избранные работы. 1958–2000-е годы. М., 2006.

Гридина Т.А. Языковая игра: Стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

Купина Н.А. Карнавализация русского языка в эпоху пандемии коронавируса // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2021. Т. 23. № 1 (204). С. 280–292.

Лихачев Д.С. Смех и «мировоззрение» // Д. С. Лихачев, А. М. Панченко. Смех Древней Руси. Л., 1976. С. 7–90.

Норман Б.Ю. Игра на гранях языка. М., 2006.

Ремчукова Е.Н. Прагматическая и эстетическая ценность «массового лингвокреатива» // Труды института русского языка им. В. Виноградова. Вып. VII. М., 2016. С. 157–167.

Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.

СРЯКЭ – Словарь русского языка коронавирусной эпохи / отв. ред. М. Н. Приемышева. СПб., 2021.

Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2-х т. Т. 1. М., 1985.

Эпштейн М. Слово года и десятилетия [Электронный ресурс]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/61b9b6639a79470ad7d8cb97>.

REFERENCES

Bahtin M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renessansa*. M., 1965.

Buceva T.N. *СHеловек v epohu pandemii / T.N. Buceva, A.V. Zele-nin. Russkij yazyk koronavirusnoj epohi. Kollektivnaya monogra-fiya / otv. red. M.N. Priemysheva*. SPb., 2021. S. 162–213.

Grigor'ev V.P. *Velimir Hlebnikov v chetyryohmernom prostran-stve yazyka. Izbrannye raboty. 1958–2000-e gody*. M., 2006.

Gridina T.A. *Yazykovaya igra: Stereotip i tvorchestvo*. Ekaterin-burg, 1996.

Karaulov YU.N. *Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'*. M., 1987.

Kupina N.A. *Karnavalizaciya russkogo yazyka v epohu pandemii koronavirusa // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*. 2021. T. 23. № 1 (204). S. 280–292.

Lihachev D.S. *Smekh i «mirovozzrenie» // D. S. Lihachev, A. M. Panchenko. Smekh Drevnej Rusi*. L., 1976. S. 7–90.

Norman B.YU. *Igra na granyah yazyka*. M., 2006.

Remchukova E.N. *Pragmaticeskaya i esteticheskaya cennost' «massovogo lingvokreativa // Trudy instituta russkogo yazyka im. V. Vinogradova*. Vyp. VII. M., 2016. S. 157–167.

Sannikov V.Z. *Russkij yazyk v zerkale yazykovoj igry*. M., 1999.

SRYAKE – *Slovar' russkogo yazyka koronavirusnoj epohi / otv. red. M. N. Priemysheva*. SPb., 2021.

Tihonov A.N. *Slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo yazyka: v 2-h t. T. 1*. M., 1985.

Epshtejn M. *Slovo goda i desyatiletija [Elektronnyj resurs]*. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/61b9b6639a79470ad7d8cb97>.

©Купина Н.А., 2022

Купина Наталья Александровна – профессор кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации. Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). Адрес: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51, каб. 312.

E-mail: natalia_kupina@mail.ru

Kupina Natalia Alexandrovna – professor of the Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication. Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin (Yekaterinburg, Russia).

В. В. ЛЕДЕНЁВА
г. Мытищи, Россия
kaf-sovrusl@mgou

УДК 808.5:81.161.1'37

НОРМА КАК МЕРИЛО ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТИ

Аннотация. В статье автор обращается к вопросу о роли нормы в современной культурно-речевой ситуации, требующей для эффективной коммуникации, с одной стороны, использования и создания таких языковых единиц и текстов с их участием, благодаря которым активный и сознательный *homo ludens* был бы вовлечён в креативную деятельность по осмыслению приёма и средства воздействия, а с другой стороны – соблюдения установленных норм и правил: орфографических, пунктуационных, грамматических, стилистических и других, в том числе этики общения. Затронут вопрос о роли языковой игры в её отношении к норме в условиях аудиовизуальной активности языковой среды. Поддержан как весомый, не теряющий актуальности для осмысления лингвокреативности и нормы критерий целесообразности применительно к речевой ситуации.

Ключевые слова: *homo loquens*, *homo ludens*, языковая норма, лингвокреативность, креативная среда, речевая деятельность, целесообразность, речевая ситуация, культура речи.

LEDENEVA VALENTINA V.
Mytishchi, Russia

NORM AS A YARDSTICK OF LINGUOCREATIVITY

Abstract. In the article, the author studies the issue of the role of the norm in the modern cultural and speech situation, requiring for effective communication, on the one hand, the use and creation of such linguistic units and texts with their participation, because of which an active and conscious *homo ludens* would be involved in creative activity to comprehend the reception and means of influence, and on the other hand, compliance with established norms and rules: spelling, punctuation, grammar, stylistic and others, including the ethics of communication. The question of the role of the language game in its relation to the norm in the conditions of audio-visual activity of the language environment is raised. The criterion of expediency is supported, because it is weighty, does not lose relevance for understanding linguocreativity and norms in relation to the speech situation

Keywords: homo loquens, homo ludens, norm, linguocreativity, creative environment, expediency, speech situation.

Креатив, креативность как проявляемое в любой деятельности человека творческое начало, необходимое и для освоения мира, в том числе интеллектуальной сферы, духовного, и для создания его арте- и ментефактов, являет себя повсюду [ср.: Горбань 2012; Дедюхин 2011; Леденёва 2004; Стражный 2010; Храпов, Бибарсов 2020 и др.].

Это, безусловно, касается и основного средства общения – языка в его функционировании. Исследователи уже ряд десятилетий говорят и будут продолжать говорить о том, что современный homo loquens – это активный и сознательный homo ludens [Гридина 2020; Гридина 1996; Иваненко 2007 и др.]. И это понятно, ведь языковую личность в процессе социализации формирует среда. Ныне это вербальная среда высокой аудиовизуальной активности (и даже агрессивности) в отношении характера её воздействия на носителя языка. Такая среда не даёт homo loquens возможности не включиться в языковую игру, предлагаемую на каждом шагу в повседневности. Она обязывает понимать и реагировать. Так, вывески заведений предлагают войти в *котакафе «Мурчашка»*, в рекламе презентуются *восхрустительные сухарики* или *фаршебные* продукты от мясника (*Фарш и всё фаршебно в нём. Ну, а если не фаршебно, Деньги полностью вернём*), сахарное печенье в продаже с неодноплановой по смыслу номинацией *«Глюки»*... Применять в быту рекомендуется пенящееся средство для чистки сантехники *«Пенозавр»*, номинация которого заставляет вычислить и усвоить манипулятивно значимую сему ‘мощный’... Словообразовательный гибрид, или слово-кентавр, в качестве названия ситкома о «нормальной больной семье» *«СашаТаня»*, который шесть сезонов смущает зрителей ТНТ [<https://www.b17.ru/article/310885/>], провоцирует на создание по аналогии названия отдела молодежной одежды в рядовом торговом центре России *«СашаКатя»* – и цепочка может продолжиться: *СашаФедя* и т. д.

Примеры едва ли не бесконечны, потому что экспрессия и эмоциональность в современной речи – том самом поле реали-

зации русского языка с его богатейшими ресурсами и смелостью в освоении заимствованного – опережает рациональное начало в его ведущих для языковой личности стилях – разговорном и языке СМИ. (См.: «*Чувство толка*». *Жители первого в России “Дома слеподухих” получают “невозможные” для себя профессии и становятся востребованными специалистами* [В. Емельяненко. Российская газета № 11 (8659). 19.01.2022] – в заголовке преобразован фразеологизм *чувство долга*; в подзаголовке реализовано парадоксальное по смыслу словосочетание *получать невозможное* при элиминации кавычками единицы, которая должна привлечь внимание адресата). В названных стилях прежде всего экспрессивное и эмоциональное ярко демонстрируют себя в языковой игре, которая признана «формой лингвокреативной деятельности, связанной с преднамеренным нарушением языковых и речевых норм и направленной на выполнение определённой функции» [Базилевич 2015: 21].

Экспрессемами, играми переполнены сайты сети «Интернет», реагирующие на запрос «Оригинальные названия», «Необычные наименования» и под. Такие единицы стремятся создавать не только авторы рекламных текстов или те, кто предлагает свои услуги, обращая внимание на их специфику (например, ассенизаторская машина «*Кака-Кола*» [<https://fishki.net/2989569-bogi-nejminga-20-zabavnyh-nazvanij-pridumannyh-nastojawimi-profi.html>]) – «боги нейминга», но и активные пользователи с кипучей энергией самопрезентации.

Язык Интернета и современных СМИ – основной стилистической формы существования русского литературного языка в XXI веке – предъявляет творчески переработанные фразеологизмы, крылатые слова («*Не спи, Джо, аутсайдером станешь*») и разные по выразительной силе метафоры («*Будущее мчится по диаметрам*») [Москва Вечерняя. № 134 (1224). 23.11.2021.vrn.ru], активно реагируя на актуальные события жизни. Только пандемия коронавирусной инфекции породила блоки интенсивно внедряемых в визуальное употребление неологизмов (*коронаскептики, коронакризис, ИЗОизоляция, маскашит* и др.), без которых газетный или журнальный номер, авторскую программу на ТВ или блог трудно представить: «*Ан-*

тиваксеры, держитесь!» Врачи ответили на вопросы противников уколов от ковида [Москва Вечерняя. № 136 (1226). 25.11.2021.vm.ru] и т.д.

Языковая личность, погружённая в среду с высоким уровнем аудиовизуальной активности, ощущает своеобразное давление свойства лингвокреативности, которое проявляет себя не только при формировании и реализации коммуникативной интенции [см.: Горбань 2012: 73-74], но и раскрывается как онтологическое свойство языковой личности, выступающей в качестве пользователя языка, творца и интерпретатора речи / текстов, а значит, и языка, потому что, как справедливо пишет Т.А. Гридина, «...вся речевая деятельность, безусловно, есть креативная деятельность, поскольку это деятельность, оформляющая мысль и связанная с развитием когнитивных структур сознания» [Гридина 2008: 45]. Более того, определяя «сущностную природу языковой игры», Т.А. Гридина трактует ее «...как особую форму лингвокреативного мышления, основанного на механизмах одновременной актуализации и переключения, ломки ассоциативных стереотипов восприятия, употребления и порождения вербальных знаков и проявляющего творческую инициативу говорящих в обновлении языкового канона» [Гридина 2020: 75].

Приятие креативной среды, игрового контекста как единственно «удобного», «комфортного» имеет проблемную в социально-психологическом отношении перспективу. К определённым (и нередко тревожным) выводам в отношении увлечённости игрой как таковой пришли исследователи: «Но в том случае, если игра распространяется на всю область жизни, – что случается тогда, когда игра выступает в качестве единственного принципа существования человека, – всякое подлинное и искреннее проявление собственной жизни элиминируется, так как все оказывается вдруг не соответствующим внутреннему состоянию, а реальность становится виртуальной» [Спешилова 2015: 179]. Остро встаёт вопрос об отношении homo ludens к нормам не только орфографическим, пунктуационным, грамматическим, словообразовательным, стилистическим и другим языковым, но и нормам этики общения, моральным, социальным. «Поступок «человека играющего» вне зависимости от его

представлений об источнике нормативности может быть как нормативным, так и ненормативным, однако санкции за совершение ненормативного поступка зависят от того, какая сфера нормативности на него распространяется», – пишет Е.И. Коваль, затрагивая тему представлений об источниках нормативности игры и морали, моральной ответственности «человека играющего» [Коваль 2018: 133, 135].

С вопросом нормы связан и языковой нонсенс, который осмыслен не как «отход от норм, а создание собственной нормы – такой, в которой присутствуют условия, создающие возможность наделения смыслом того, что обычно кажется бессмысленным...» [Иткулов 2021: 87]. Субъективное ощущение сути явления отражается в специфической предикации, индивидуальное мироощущение – в оценке, транслируемой создаваемым игровым, парадоксальным контекстом.

Л.В. Щербой некогда было блестяще подчёркнуто, что «вообще все формы слов и все сочетания слов нормально создаются нами в процессе речи, в результате весьма сложной игры сложного речевого механизма человека в условиях конкретной обстановки данного момента. Из этого с полной очевидностью следует, что этот механизм, эта речевая организация человека никак не может просто равняться сумме речевого опыта (подразумеваю при этом и говорение и понимание) данного индивида, а должна быть какой-то своеобразной переработкой этого опыта» [Щерба 1974: 24-25]. (Ср.: характер интерпретаций служит «проявлением когнитивной функции человеческого сознания» [Иткулов 2021: 88]). При этом Л.В. Щерба видел и понимал важность для эволюции языка того, что лишь принятое говорящим коллективом (группой) от индивидуума новое и оригинальное может оказать влияние на изменения в системе, какого-то её уровня. Вопрос об освоении языка как общепринятой системы, стандарта, следовательно, поставлен как краеугольный и таковым остаётся.

Опираясь на поддерживающий эту мысль тезис, согласно которому языковая игра во всех формах её проявления, лингвокреативность возможны лишь только тогда, когда языковой личностью «усвоены и воспроизводятся модели стандартного упот-

ребления, но осознаны способы творческого его использования» [см.: Гридина 1996: 9], обратимся к норме, считая именно её мериллом креативности.

В значении лексемы *норма* (от лат. *Norma*, что трактуется как «узаконенное установление. Обычный, признанный обязательным порядок, состояние» [ТСУ]) заложено осмысление характера совершения или использования чего-либо (в нашем контексте – языковых средств) по предпочтительным и принятым правилам, согласно традициям, вкусам, уровню общей культуры носителей языка. «Норма языковая – совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закреплённых в процессе общественной коммуникации», – зафиксировано в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» [Семенюк 1990: 337].

Нормы лексические, произносительные, морфологические, синтаксические обеспечивают целостность и общепонятность речи / текста как продукта деятельности ментально-лингвального комплекса (МЛК – термин В.В. Морковкина) каждой социализированной языковой личности и коллектива носителей / пользователей в целом. А так как МЛК какого-либо *homo loquens* неповторим, то характер и степень усвоения норм носит индивидуальный характер, что отражают разного рода тесты, в том числе ЕГЭ по русскому языку, речевое поведение, успешность или неудачи в сфере межличностной коммуникации и т.п. Хотя, безусловно, языковые личности различаются также и по способностям сформировать игрему в результате лингвокреативной деятельности [ср.: Гридина 2020: 73-75], но именно о перечисленных проблемах регулярно пишут методисты, педагоги, психологи.

Транслируемая и закрепляемая в процессе образовательной деятельности кодифицированная норма – стандарт, так что в лингвокреативной деятельности оказывается, с нашей точки зрения, принципиально важным не каждый из её критериев.

Так, ещё С.И. Ожегов указывал, что количественный критерий не сигнализирует о нормативности того или иного изменения: «Языковая норма, – писал он, – есть прежде всего явление типическое, т.е. соответствующее сущности данного социально-

исторического явления, а не просто наиболее распространённое, часто повторяющееся, обыденное» [Ожегов 1984: 219-220]. Когда какое-либо явление, изменение становится часто повторяемым, это сигнализирует о развитии варианта, прежде всего разговорного. В основе его появления могут лежать отнюдь не творческие интенции, а недостаточная компетентность (*займи мне денег* в значении 'дай займы' – «ложная» энантиосемия глагола *занять*, распространённая и, к сожалению, по нашим наблюдениям, закрепляющаяся в разговорной практике, чему способствуют дневные передачи для аудитории домохозяек на каналах «Д» и «ТВ-3»).

Критерий следования каким-либо образцам приближает нас к ответу на вопрос о норме как «мериле» креативности. Действительно, оригинальное словоупотребление, эффективный, с точки зрения словообразования, семантического сдвига, окказионализм и т.д. могут послужить аналогом для создания «подобного», становясь прецедентными феноменами.

Прецедентность обуславливает, с одной стороны, соотнесение с творческим актом / языковой личностью, пославшей игровой импульс, эмоционально-экспрессивный заряд с помощью языкового средства в процессе коммуникации, с другой стороны, как всякий прецедент, позволяет действовать по образцу, порождая эффект разбегающихся по кругу волн. Однако, во-первых, тиражируемое может потерять качество свежести, шаблонизироваться, во-вторых, индивидуальное имеет право оставаться именно таковым. По мысли С.В. Рейнгольда, текст (а мы добавим – любой его элемент – *В.Л.*) «резонирует в тон определённым чертам и идеям писателя и его времени» [Рейнгольд 2018:17], поэтому даже успешные подражатели образцам «творческих контекстов», каковыми признаются все, что связаны с языковой, игрой, экспрессией, креативными преобразованиями единиц, отвечающих языковому стандарту, норме стиля, «резонируют» в каком-то очерченном диапазоне. Творческие контексты выделяются, как мы знаем, на фоне контекстов, где используется «всё повторённое и воспроизведённое и повторимое и воспроизводимое», названное М.М. Бахтиным «данностью»,

невзирая на индивидуальность, единственность, чем служит *смысл* – «полюс» текста [Бахтин 1986: 299-300].

Следовательно, самым весомым критерием нормы, актуальным для осмысления лингвокреативности, следует считать критерий целесообразности применительно к речевой ситуации: «С одной стороны, это целесообразность, эффективность той или иной языковой формы для понимания высказывания вообще, а с другой – её пригодность, оправданность в данной, конкретной речевой ситуации» [Горбачевич 1981: 30]. Именно этот критерий определяет стилевые доминанты в русском литературном языке и позволяет воспринимать контекст как творческий, в сравнении с неким языковым идеалом, абстракцией, поддерживаемой нормой.

Литература

Базилевич В.Б. Языковая игра как форма проявления лингвистической креативности // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 3 ч. Ч. III. Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (50). С. 20-22.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 446 с.

Горбань В.В. Лингвокреативность на службе коммуникативной интенции // Лингвистика креатива: Коллективная моногр. / Отв. ред. Т.А. Гридина. Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2012. С. 73-82.

Горбачевич К.С. Нормы современного русского литературного языка. М.: Просвещение, 1981. 208 с.

Гридина Т.А. Речезанровый потенциал языковой игры в художественной литературе для детей // Филологический класс. 2020. Т. 25. №1. С. 73-85.

Гридина Т.А. Языковая игра в художественном тексте: Монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2012. 166 с.

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество: Монография / Урал. гос. пед. ун-т, 1996. 214 с.

Дедюхин А.А. Языковая игра в рекламной коммуникации // Язык. Текст. Дискурс. 2011. № 9. С. 373-379.

Иваненко Л.Н. Мы люди, ибо играем // Государственное управление. Электронный вестник. 2007. № 12. С. 12 (1-4).

Иткулов С.З. Языковой нонсенс и языковая норма: проблема отношения к смыслу // Человек. Культура. Образование. 2021. № 4. С. 80-89.

Коваль Е.А. Нормативность, игра, мораль: поступок «человека играющего» // Этическая мысль. 2018. Т.18. №2. С. 129-137.

Леденёва В.В. Ментефакты и идиолектемы // Педагогическое образование и наука: Научно-методический журнал МАНПО. № 4. 2004. С.27-28.

Ожегов С.И. Очередные вопросы культуры речи // Основы культуры речи: Хрестоматия. / Сост. Л.И. Скворцов. М.: Высшая школа, 1984. С. 219-220.

Рейнгольд С.В. Трансабсурд: страсти по тексту. Литературная критика. М.: Р. Валент, 2018. 532 с.

Семенюк Н.Н. Норма // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия. 1990. С. 337-338.

Спешилова Е.И. Человек Играющий: экзистенциальный проект // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. №5 (158). С. 177-181.

Стражный А.С. Болезни, в которые играют люди. Сер.: Сам себе психотерапевт. М.: Клуб Семейного Досуга, 2010. 318 с.

Толковый словарь русского языка / Под ред. Ушакова Д.Н. Тт. 1- 4. М., 1935-1940. [Эл. вариант. (ТСУ)]

Храпов С.А., Бибарсов Д.А. «Человек играющий» как социокультурная модальность «человека техногенного» // Вестник Калмыцкого университета. 2020. №1 (45). С. 114-120.

Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 24-39.

REFERENCES

Bazilevich V.B. YAzykovaya igra kak forma proyavleniya lingvisticheskoy kreativnosti // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki: v 3 ch. CH. III. Tambov: Gramota, 2015. № 8 (50). С. 20-22.

Bahtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva. M.: Iskusstvo, 1986.

Gorban' V.V. Lingvokreativnost' na sluzhbe kommunikativnoj intencii // Lingvistika kreativa: Kollektivnaya monogr. / Otv. red. T.A. Gridina. Ekaterinburg: FGBOU VPO «Ural. gos. ped. un-t», 2012. S. 73-82.

Gorbachevich K.S. Normy sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. M.: Prosveshchenie, 1981. 208 s.

Gridina T.A. Rechezhanrovyy potencial yazykovoj igry v hudozhestvennoj literature dlya detej // Filologicheskij klass. 2020. T. 25. №1. S. 73-85.

Gridina T.A. YAzykovaya igra v hudozhestvennom tekste: Monografiya. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2012. 166 s.

Gridina T.A. YAzykovaya igra: stereotip i tvorchestvo: Monografiya / Ural. gos. ped. un-t, 1996. 214 s.

Dedyuhin A.A. YAzykovaya igra v reklamnoj kommunikacii // YAzyk. Tekst. Diskurs. 2011. № 9. S. 373-379.

Ivanenko L.N. My lyudi, ibo igraem // Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik. 2007. № 12. S. 12 (1-4).

Itkulov S.Z. YAzykovoј nonsens i yazykovaya norma: problema otnosheniya k smyslu // СHеловек. Kul'tura. Obrazovanie. 2021. № 4. S. 80-89.

Koval' E.A. Normativnost', igra, moral': postupok «cheloveka igrayushchego» // Eticheskaya mysl'. 2018. T.18. №2. S. 129-137.

Ledenyova V.V. Mentefakty i idiolektemy // Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka: Nauchno-metodicheskij zhurnal MANPO. № 4. 2004. S.27-28.

Ozhegov S.I. Ocherednye voprosy kul'tury rechi // Osnovy kul'tury rechi: Hrestomatiya. / Sost. L.I. Skvorcov. M.: Vysshaya shkola, 1984. S. 219-220.

Rejngol'd S.V. Transabsurd: strasti po tekstu. Literaturnaya kritika. M.: R. Valent, 2018. 532 s.

Semenyuk N.N. Norma // Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar' / Gl. red. V.N. YArceva. M.: Sov. enciklopediya. 1990. S. 337-338.

Speshilova E.I. СHеловек Igrayushchij: ekzistencial'nyj proekt // Vestnik Tomskogo gos. ped. un-ta. 2015. №5 (158). S. 177-181.

Strazhnyj A.S. Bolezni, v kotorye igrayut lyudi. Ser.: Sam sebe psihoterapevt. M.: Klub Semejnogo Dosuga, 2010. 318 s.

Tolkovyj slovar' russkogo yazyka / Pod red. Ushakova D.N. Tt. 1- 4. M., 1935-1940. [El. variant. (TSU)]

Hrapov S.A., Bibarsov D.A. «СHеловек igrayushchij» kak sociokul'turnaya modal'nost' «cheloveka tekhnogenogo» // Vestnik Kalmyckogo universiteta. 2020. №1 (45). S. 114-120.

SHCHerba L.V. O troyakom aspekte yazykovyh yavlenij i ob eksperimente v yazykoznanii // YAzykovaya sistema i rechevaya deyatelnost'. L., 1974. S. 24-39.

©Леденёва В.В., 2022

Леденёва Валентина Васильевна, доктор филологических наук (10.02.01), профессор, кафедры современного русского языка имени профессора П.А. Леканта, Московский государственный областной университет (г.Мытищи, Россия).

Адрес: 141014,

Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной,

д. 24. E-mail: fakul-rf@mgou.ru

E-mail: ledenevavv@yandex.ru

Ledeneva Valentina Vasilyevna, Doctor of Philology (10.02.01), Professor, Professor of the Department of Modern Russian named after Professor P.A. Lekant, Moscow State Regional University (Moscow State University) (Mytishchi, Moscow region, Russia).

Л.А. НЕФЕДОВА

г. Москва, Россия

la.nefedova@mpgu.su

УДК 811.112.2'42:811.161.1'42:81'23

ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННОГО СЛОВОТВОРЧЕСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Аннотация. В статье освещаются вопросы современного словотворчества сквозь призму лингвокреативных дискурсивных практик коммуникации. В результате проведенного исследования сделаны выводы, что новая креативная лексика коронавирусной эпохи является результатом нарушения языкового стандарта в речевой деятельности, различных девиаций, или отклонений, в процессах слово- и фразообразования, к которым относятся контаминация, гибридное слово- и фразообразование. Как проявление лингвокреативной речевой деятельности рассматривается также номинативная плотность отдельных лексико-семантических полей благодаря большому количеству новообразований в их составе, а также нетривиальный выбор лексики с целью номинации явлений действительности. С одной стороны, отмечается универсальность лингвистических механизмов креативных дискурсивных практик, с другой стороны, показывается специфика реализации лингвокреативного потенциала немецкого и русского языков как отражение менталитета представителей разных лингвокультурных общностей.

Ключевые слова: креативность, лингвокреативные практики, словотворчество, фразообразование, контаминация, гибридизация, номинативная плотность, русский язык, немецкий язык, сравнительное языкознание, дискурсивные практики.

NEFEDOVA LYUBOV A.

Moscow, Russia

LINGUO-CREATIVE PRACTICES OF MODERN WORD-CREATION (BY THE MATERIAL OF THE GERMAN AND RUSSIAN LANGUAGES)

Abstract. The article highlights the issues of modern word creation through the prism of linguo-creative discursive communication practices.

As a result of the study, it was concluded that the new creative vocabulary of the coronavirus era is the result of a violation of the language standard in speech activity, various deviations in the processes of word and phrase formation, which include contamination, hybrid word and phrase formation. As a manifestation of linguo-creative speech activity, the nominative density of individual lexico-semantic fields is also considered due to the large number of new formations in their composition, as well as the non-trivial choice of vocabulary in order to nominate the phenomena of reality. On the one hand, the universality of the linguistic mechanisms of creative discursive practices is noted, on the other hand, the specifics of the implementation of the linguo-creative potential of the German and Russian languages are shown as a reflection of the mentality of representatives of different linguo-cultural communities.

Keywords: creativity; linguistic and creative practices; word and phrase formation; contamination; hybridization; nominal density

Введение

Данное исследование посвящено изучению лингвокреативных практик современного словотворчества и выполнено в русле исследований в области научного направления «Лингвистика креатива» [Гридина 2020]. Креатив понимается как творческая составляющая какой-либо деятельности. Креатив в речевой деятельности – это проявление креатива в процессе порождения речи, лингвокреативная деятельность. Художественное творчество строится полностью на языковом креативе, но языковой креатив наблюдается и в повседневной речи.

Объектом данного исследования являются креативные языковые единицы, отобранные из словарей новой лексики немецкого и русского языков. Это онлайн-словарь неологизмов Института немецкого языка им. Лейбница (г. Мангейм, Германия) «Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie» / «Новая лексика вокруг пандемии коронавируса» [Neuer n. d.], «DWDS-Themenglossar zur Pandemie» / «Цифровой словарь немецкого языка: тематический глоссарий к пандемии COVID-19» [DWDS, n. d.], а также Словарь русского языка коронавирусной эпохи [Словарь 2021].

Цель данного исследования – выявить креативные неологизмы немецкого и русского языков в условиях пандемии корона-

вируса. Для достижения указанной цели исследования решаются следующие задачи: изучить корпус лексики пандемии коронавируса, вошедшей в указанные выше словари неологизмов немецкого и русского языков, разработать критерии выявления креативных неологизмов в составе немецко- и русскоязычной лексики пандемии коронавируса, описать особенности лингвокреативной деятельности носителей немецкого и русского языков.

Теоретической основой для данного исследования послужили работы, в которых рассматриваются аспекты лингвистики креатива, отражающие возможности расширения лексического состава языков нестандартными способами [Гридина 2020; Демьянков 2016; Ирисханова 2009; Карасик 2018; Кан 2002; Polzin 1997].

1. Креативность как языковой феномен

В наших рассуждениях мы исходим из того, что креативность – создание нового и необычного. В энциклопедии «Экономический лексикон Габлера» (Gabler Wirtschaftslexikon Online) креативность определяется как способность мыслить оригинально, образно и творчески, изобретать или создавать что-то новое, нетривиальное; способность менять перспективу [<https://wirtschaftslexikon.gabler.de/definition/kreativitaet-40039>].

Креативное мышление – это способность порождать необычные идеи, отказываться от стереотипных способов мышления, отклоняться в мышлении от традиционных схем; установление неочевидных связей между очевидными вещами. Известный психолог Дж. Гилфорд связывает креативность с проявлением процесса дивергентного, творческого, мышления, понимаемого как «тип мышления, идущего в разных направлениях». Ученый считает операции дивергенции, преобразования и импликация основой креативности как общей творческой способности. Он выделяет четыре параметра креативности, наиболее значимым из которых мы считаем оригинальность или уникальность предложенных ответов – способность порождать новые нестандартные идеи, отличающиеся от общепринятых. Другие параметры: способность высказывать максимальное количество идей в определенный отрезок времени, оцениваемая через количество

предложенных решений, а также широкое многообразие идей и точность – способность совершенствовать или придавать завершённый вид своим мыслям [Гилфорд 1969].

Основатель научной школы «Лингвистика креатива» Т.А. Гридина определяет лингвокреативное мышление как такой тип словесного мышления, при котором «используя различные ассоциативные связи, человек довольствуется уже имеющимися звуковыми комплексами, реализуя тем самым ассоциативный потенциал языкового знака в области связи между формой и содержанием» [Гридина 1996: 10]. В.З. Демьянков противопоставляет креативность материальному как недуховному; старому, обыденному, банальному; отсутствию сотворческого вклада интерпретатора в создание значения; буквалистскому восприятию; нечаянному действию (ошибке) [Демьянков 2016: 33]. О.К. Ирисханова отмечает, что в результате проявления лингвокреативности происходит «не только создание нового продукта – текста или слова, которых «никогда не было», но и нетривиальный выбор одного из уже имеющихся и известных говорящему средств конструирования образа объекта» [Ирисханова 2009: 161], что в свою очередь обусловлено пониманием тонкости механизмов создания нового в языке, а также творческими особенностями человеческого мышления.

2. Креативность современных слово- и фразообразовательных процессов

В слово- и фразообразовании наиболее полно воплощаются структурные потенции языковой системы. Словообразование осуществляется на основе имеющихся в языке словообразовательных моделей. Креативные языковые единицы как продукты словообразования возникают при отклонении от традиционных, или принятых, словообразовательных правил. Речь идет в этом случае о словообразовательных девиациях [Нефедова 2003]. Отклонения происходят спонтанно или производятся говорящим осознанно; они выражают «языкотворческую силу говорящего» [Кан 2002: 77], определенный вид языкового творчества.

2.1. Контаминация как словотворчество

Контаминация – нестандартное образование нового слова или нового устойчивого словосочетания не по словообразова-

тельными моделям, а скрещением, или наложением, двух различных слов или выражений, близких по звучанию, построению, значению. Поэтому контаминацию рассматривают как особый вид словосложения или словотворчество, при котором происходит сложение не морфем, а их произвольных частей, осколков морфем или наложение одинаковых частей морфем.

Контаминация отражает лингвокреативное мышление носителей языка, свидетельствует о тенденции к нарушению языкового стандарта в речевой деятельности. Являясь одним из самых действенных механизмов создания языковой игры, контаминация стала очень популярной и востребованной в эпоху пандемии коронавируса в качестве универсального средства создания креативных новообразований. В новой лексике распространена телескопия – слияние двух усеченных основ или полной основы с усеченной. В немецком и русском языках встречаются слова-контаминанты, образованные стяжением осколочных элементов интернациональных слов, например: нем. *Panikdemie*, *Covidiot*, *Coronoia*; русск. *паникодемия*, *ковидиот*, *коронойя*. Слово *Trikini трикини* образовано по аналогии со словом *Bikini*.

Образование многих контаминантов обусловлено структурно-языковой спецификой и экстралингвистическими факторами. Немецкое шутливое слово *Flockdown* имеет значение «период, в течение которого почти вся экономическая и социальная деятельность прекращается из-за сильного холода и продолжительного сильного снегопада». Этот контаминант – результат паронимической аттракции, продукт формального объединения семантически дистантных слов (англ. *Lockdown* + нем. *Flocke* – снежинка). Локдаун, вызванный сильным снегопадом, – реалия Германии, так как там сильные снегопады и гололед приводят к транспортному коллапсу. В слове *Krisenfrise* (досл. *кризисная прическа*) изменяется второй компонент немецкого слова *Frisur прическа*, паронимически уподобляясь первому компоненту.

В русском языке образуются контаминанты *коронавирусистика*, *коронавирусь* (коронавирусная Русь), *ковидло*, *ковидократия*, *ковидомор*, *ковидра*. Контаминант *путикулы* (оплачиваемые выходные дни, предоставленные по распоряжению президента РФ В.В. Путина) – «ковидная реалия» России. Глаголы

наружить (нарушить режим самоизоляции) и *обеззуметь* (лишиться возможности общаться в зуме), существительное *расхламинго* (генеральная уборка в период строгого карантина) – специфические контаминанты русского языка.

Собяусвайс – российская ковид-реалия, цифровой пропуск, введенный в Москве во время режима самоизоляции. Слово-контаминация образовано от имени собственного *Собянин* (мэр Москвы) и немецкого слова *аусвайс* – удостоверение личности. Хотя слово *собяусвайс* маркировано в словаре как ироничное, информация о том, что *аусвайс* выдавался во время Второй мировой войны немцами на оккупированной территории, выражает высшую степень его пейоративной коннотации.

Контаминант *коронаштейн* образован в русском языке слиянием слова *корона* и второй части имени собственного *Франкеништейн* (имя героя романа М. Шелли, символ рукотворного зла). Контаминанты *коронагеддон*, *коронакалипсис* состоят также из интернациональных компонентов, но образуются носителями русского языка как результат их особых лингвокреативных практик. Слово *вакци-Nazi* – ‘тот, кто стремится уничтожить людей неиспытанной вакциной’ является результатом наложки слова *наци* (*нацист*) на слово *вакцинация*.

2.2. Проявление креативности в гибридном слово- и фразеобразовании

Особенность современного слово- и фразеобразования – гибридизация, под которой понимается процесс создания сложных или производных слов из компонентов, относящихся к разным языкам [Barz 2005; Нефедова 2018]. Креативность проявляется в соединении в разговорной русской речи иноязычных основ *ковид* (*COVID* – аббревиатура англицизма *COronaVIrus Disease*), *коронавирус*, являющихся официальными названиями опасного заболевания с автохтонными словообразовательными аффиксами. Такие дериваты, обращают на себя внимание своей необычной формой, например: *ковидальня*, *ковидануть*, *ковидарник*, *ковидовщина*, *оковидеться* – заболеть, *отковидеться* – переболеть, *ковидло*, *ковидыч*; *коронавирусня*, *коронавирусняк*; *локдаункнуть*, *локдаунский*; *пандемиец*, *пандемийкнуть*. Среди сложных слов – пример гибридного композита *ковидоразгильдяй*.

Обилие словообразовательных средств репрезентации эмоций – одна из особенностей русского языка. Среди них ведущую роль играют суффиксы субъективной оценки, в частности диминутивные (со значением уменьшительности) и аугментативные (со значением увеличительности) суффиксы [Попова, Григорова 2021: 3786]. Креативны, например, словообразования с диминутивными суффиксами: -ик- (*ковидик*, *коронавирусик*), -ёнок (*ковидёнок*), -ушк- (*ковидушка*, *коронавирушка*), -к- (*ковидка*); с аугментативными суффиксами -ище- (*ковидище*) и -ин- (*ковидина*).

От слов *корона* и *ковид* образуются наречия: *коронисто*, *коронотурно*, *ковидно* – плохо, трудно; *ковидимо-невидимо* – очень много заболевших коронавирусной инфекцией.

Креативны гибридные композиты с основой *-вирус*: *пугаловирус*, *лоховирус*, *барановирус*, *фейковирис*, *макаронивирис*, *хароновирис* (Харон – перевозчик душ умерших через реку Стикс (Ахерон) в подземное царство мёртвых), *шашлыковирис* (мода на пикники в России в период строгой изоляции в начале пандемии); дериваты, образованные от имени собственного Ухань: *уханькаться* – заразиться, *уханька* – о вирусе (от названия города Ухань в Китае, откуда началось распространение коронавирусной инфекции); гибридные словосочетания *ковидище Поганое*, *змея Ковидыч* (обращение к фольклорным мотивам).

В русском языке с производными от слова *ковид* словами *ковиднутый* и *ковиднуться* созданы шуточные фразеологизмы с эмоционально-экспрессивной окраской: *ковиднуться медным тазом* (*ковиднуться* + *накрыться медным тазом*) – перестать существовать, *ковиднутый на всю голову* – человек, помешанный на соблюдении противоэпидемических мер (*ковиднутый* + *больной на всю голову* – совершенно ненормальный, чокнутый), *пирожок с ковидлом* – коронавирус, *получить пирожок с ковидлом*, *объесться пирожков с ковидлом* – заболеть коронавирусной инфекцией.

В немецком языке слово COVID не получило такого широкого распространения, как в русском; в немецком языке коронавирус обозначается сокращенным словом *Corona*. Пример креативного гибрида – слово с уменьшительным суффиксом

Corönchen – «короночка». Среди композитов встречаются разные гибридные наименования лиц, например: *Seuchensheriff* – «противочумный шериф» – политик, обвиняемый в принятии преувеличенных мер по сдерживанию и контролю пандемии COVID-19.

2.3. Проявление креативности в номинативной плотности лексико-семантического поля

В.И. Карасик понимает номинативную плотность как степень детальности языкового обозначения определенного концептуального пространства, «детализацию обозначаемого фрагмента реальности, множественное вариативное обозначение и сложные смысловые оттенки обозначаемого» [Карасик 2004: 112].

Креативность проявляется в большом количестве языковых единиц, объективирующих тот или иной концепт, многие из которых оригинальны. Это находит отражение в продуктивности определенных словообразовательных основ при словосложении. В условиях пандемии коронавируса в русском языке слово *ковид-правило* объединяет все правила, действующие во время пандемии. В немецком языке продуктивна словообразовательная основа *-Regel* «правило»: создаются многочисленные номинации, композиты с компонентом *-Regel*, создающие отдельное словообразовательное гнездо, когипонимы к гиперониму *Regel* «правило». Наряду с такими словами, как *Abstandsregel*, *Distanzregel* – правило соблюдения дистанции в общественных местах, созданы особые слова *15-km-Regel*, *Radiusregel* – «правило 15 км» (требование находиться в радиусе 15 км от места проживания); *15-Minuten-Regel* – «правило 15 минут» (правило проветривания закрытых помещений); *30-Sekunden-Regel* – «правило 30 секунд» (правило личной гигиены рук). Оригинальны номинации с трех-, четырех- и пятибуквенными аббревиатурами *АНА-Regel* – правило соблюдения дистанции и гигиены (А – *Abstand* дистанция, Н – *Hygiene* гигиена, А – *Alltag mit Maske* повседневное ношение масок); *АНА+L-Regel* – правило соблюдения дистанции, гигиены, а также проветривания помещений; *АНА+С+L-Regel* – правило соблюдения дистанции, гигиены, проветривания помещений и установки приложения Corona-Warn-App. Создается оригинальная номинация *Ein-Freund-Regel*

– «правило одного друга» (во время пандемии ребенок должен встречаться только с одним другом).

Оригинальны обозначения правил с буквенной аббревиатурой *G*. Правило *3G-Regel* – «правило трех *G*» (от нем. *geimpft, genesen oder getestet* – привит, переболел или протестирован) – правило, в соответствии с которым только три группы лиц (привитые, перенесшие ковид или протестированные с отрицательным результатом) могли посещать определенные общественные мероприятия и пользоваться общественным транспортом. Особенность немецкого языка – образование причастий прошедшего времени с помощью приставки *ge-*. Поэтому все глаголы в форме причастия начинаются с буквы *G*. Вводились также правила *2G-Regel* – «правило двух *G*» (от нем. *geimpft oder genesen* – привит или переболел) и правило *2G-плюс* (плюс наличие отрицательного теста или бустерной прививки).

Другие лексические единицы, также сложные слова, для обозначения правил: *Niesetikette* (досл. «чихэтикет») и *Hustenetikette* «этикет при кашле» – номинации, обозначающие особые правила поведения, препятствующие распространению инфекции посредством чихания или кашля. А номинации *Hust-Nies-Etikette* и *Hust-und-Nies-Etikette* обозначают правила, препятствующие распространению инфекции посредством чихания и кашля.

В русском языке бросается в глаза многообразие лексико-семантического поля «алкоголь во время пандемии»: образованы новые слова *алкоизоляция, виноизоляция, карантейль* – коктейль в период карантина, *карантини* (шутл.) – алкогольный напиток, выпиваемый в одиночестве или во время виртуальных вечеринок, *вакцина* – алкогольный напиток как возможное средство излечения от коронавирусной инфекции (*Vakx* – бог вина и виноделия в древнегреческой мифологии + *вакцина*), *вакцинация* – употребление алкогольных напитков для излечения.

Культурно-маркированное словообразовательное гнездо в русском языке отражает роль гречки в коронавирусную эпоху. Результат лингвокреативной деятельности – большое количество новообразований и их оригинальная форма: *гречковирус, гречкодемия, гречкомания, гречкохайп* – покупательский ажио-

таж, повышение спроса на гречневую крупу, шутливое слово *гречник* – тот, кто поддается панике и закупает товары впрок (*гречка* + *грешник*).

3. Ситуативное проявление креативности в немецком и русском языках

В заключение кратко отметим явление ситуативного проявления креативности, под которым понимается соотнесение известных слов и словосочетаний с необычной для их употребления ситуацией, с необычным контекстом. Носителям языка приходит в голову идея обозначить новое явление каким-то известным, привычным словом. Так, слово 2020-го года в Австрии – шутливый коллоквиализм *Babyelefant* ‘слоненок’ в значении ‘обязательное минимальное расстояние в один метр между людьми для защиты от заражения коронавирусом’, где стали выпускать слонят из пенополистирола, чтобы напоминать о необходимой минимальной дистанции и измерять её слонятами. В немецком языке Германии для обозначения минимального расстояния стали использовать слово *Pony* – *пони*.

Слово *Homeoffice* (также раздельное написание *Home Office*) в значении ‘домашний офис, работа на дому’ – псевдоанглицизм в немецком языке, так как в Великобритании оно обозначает «Министерство внутренних дел». В Интернете можно увидеть шутливые картинки, изображающие полицейских и почтальонов, работающих на дому: почтальон не доставляет письма клиентам, а читает их по телефону; полицейский охраняет общественный порядок из дома. Здесь налицо сотворческий вклад авторов в создание значения слова *Home Office*.

В условиях пандемии коронавируса нетривиален выбор слова «шашлычник» для обозначения того, кто нарушал режим самоизоляции, устраивая пикники. В традиционном понимании «шашлычник» – это любитель шашлыка.

Заключение

Новая креативная лексика немецкого и русского языков 2020–2021 гг. образуется в новой реальности пандемии коронавирусной инфекции, которая породила лингвокреативные дискурсивные практики коммуникации. Креативы являются результатом нарушения языкового стандарта в речевой деятельности,

различных девиаций, или отклонений, в процессах слово- и фразообразования: контаминация, гибридное слово- и фразообразование. Креативная речевая деятельность находит отражение в количественном факторе новообразований, номинативной плотности лексико-семантических полей, а также нетривиальном выборе лексики, соотношении известных слов и словосочетаний с необычной ситуацией.

Литература

Гилфорд Дж. Три стороны интеллекта // Психология мышления: сб. переводов с нем. и англ. / под ред. А. Н. Матюшкина. М.: Прогресс, 1965.

Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург: Изд - во Урал. гос. пед. ун - та, 1996.

Демьянков В. З. Языковая креативность в художественном творчестве // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2016. № 7. Москва. С. 29–34.

Ирисханова О. К. О понятии креативности и его роли в метаязыке лингвистических описаний // Когнитивные исследования языка. 2009. № 5. С. 158–171.

Карасик В. И. Креативы в сетевом дискурсе // Вестник МГОУ. Лингвистика. 2018. № 5. С. 29–44

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис 2004.

Лингвистика креатива-5: Коллект. монография / Отв. ред. Т.А. Гридина. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2020.

Нефедова Л. А. Иноязычная лексика современного немецкого языка (аспекты культурной интеграции): монография. М.: МПГУ, 2018.

Нефедова Л. А. Явление девиации в лексике современного немецкого языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2003.

Попова О. А.; Григорова Е. А. Диминутивные и аугментативные суффиксы в новообразованиях периода пандемии (на материале «Словаря русского языка коронавирусной эпохи») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 12. С. 3784–3787.

Словарь = Словарь русского языка коронавирусной эпохи / отв. ред. М. Н. Приемышева; ред. колл. Е. С. Громенко, А.С. Павлова, Ю. С. Ридецкая. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021.

Barz, I. Fremdwortbildung / I. Barz // Duden. Band 4. Die Grammatik. 7. völlig neu erarbeitete und erweiterte Auflage. Mannheim, 2005. S. 690–

695.

DWDS = DWDS-Themenglossar zur Pandemie // Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/wb/Lockdown> (дата обращения: 31.03.2022).

Gabler Wirtschaftslexikon Online. URL: <https://wirtschaftslexikon.gabler.de/> (дата обращения: 31.03.2022).

Kan, E. N. Kreative Wortschöpfungen der Fachlexik in Packungsbeilagen von Medikamenten. Germanistisches Jahrbuch der GUS „Das Wort“, 2002. 77–92.

Neuer = Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie. URL: <https://www.owid.de/docs/neo/listen/corona.jsp> (дата обращения: 31.03.2022).

Polzin, C. Kreativität in der Wortbildung – kontrastiv gesehen. In: Kreativität. Beiträge zum 12. Nachwuchskolloquium der Romanistik (Forum June Romanistik, 3), hrsg. v. P. Reisewitz. Bonn: Romanistischer Verlag, 1997, 269–279.

REFERENCES

Gilford Dzh. Tri storony intellekta // Psihologiya myshleniya: sb. perevodov s nem. i angl. / pod red. A. N. Matyushkina. M.: Progress, 1965.

Gridina T. A. YAzykovaya igra: stereotip i tvorchestvo. Ekaterin-burg: Izd - vo Ural. gos. ped. un - ta, 1996.

Dem'yankov V. Z. YAzykovaya kreativnost' v hudozhestvennom tvorchestve // Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vино-gradova. 2016. № 7. Moskva. S. 29–34.

Irishkanova O. K. O ponyatii kreativnosti i ego roli v metayazyke lingvisticheskikh opisaniy // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2009. № 5. S. 158–171.

Karasik V. I. Kreativny v setevom diskurse // Vestnik MGOU. Lingvistika. 2018. № 5. S. 29–44

Karasik V. I. YAzykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs. M.: Gnozis 2004.

Lingvistika kreativa-5: Kollekt. monografiya / Otv. red. T.A. Gridina. Ekaterinburg: Ural'skij gos. ped. un-t, 2020.

Nefedova L. A. Inoyazychnaya leksika sovremennogo nemeckogo yazyka (aspekty kul'turnoj integracii): monografiya. M.: MPGU, 2018.

Nefedova L. A. YAvlenie deviacii v leksike sovremennogo nemeckogo yazyka: Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Moskva, 2003.

Popova O. A.; Grigorova E. A. Diminutivnyye i augmentativnyye suffiksy v novoobrazovaniyah perioda pandemii (na materiale «Slovarya russkogo

yazyka koronavirusnoj epohi») // Fi-lologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2021. T. 14. Vyr. 12. S. 3784–3787.

Slovar' = Slovar' russkogo yazyka koronavirusnoj epohi / otv. red. M. N. Priemysheva; red. koll. E. S. Gromenko, A.S. Pavlova, YU. S. Rideckaya. SPb.: Institut lingvisticheskikh issledovanij RAN, 2021.

Barz, I. Fremdwortbildung / I. Barz // Duden. Band 4. Die Grammatik. 7. völlig neu erarbeitete und erweiterte Auflage. Mannheim, 2005. S. 690–695.

DWDS = DWDS-Themenglossar zur Pandemie // Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/wb/Lockdown> (data obrashcheniya: 31.03.2022).

Gabler Wirtschaftswörterbuch Online. URL: <https://wirtschaftsworterbuch.gabler.de/> (data obrashcheniya: 31.03.2022).

Kan, E. N. Kreative Wortschöpfungen der Fachlexik in Packungsbeilagen von Medikamenten. Germanistisches Jahrbuch der GUS „Das Wort“, 2002. 77–92.

Neuer = Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie. URL: <https://www.owid.de/docs/neo/listen/corona.jsp> (data obrashcheniya: 31.03.2022).

Polzin, C. Kreativität in der Wortbildung – kontrastiv gesehen. In: Kreativität. Beiträge zum 12. Nachwuchskolloquium der Romanistik (Forum June Romanistik, 3), hrsg. v. P. Reisewitz. Bonn: Romanistischer Verlag, 1997, 269–279.

©Нефедова Л.А., 2022

Нефедова Любовь Аркадьевна – д-р филол. н., профессор, заведующий кафедрой немецкого языка. Московский педагогический государственный университет (Москва, Россия). Адрес: 108813, Россия, г. Москва, г. Московский, Радужный проезд, 3, 3.

E-mail: nefedovalub@mail.ru

Nefedova Lyubov Arkadyevna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of German of Institute of Foreign Languages. Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia).

А.М. ПЛОТНИКОВА,
М.В. СЛАУТИНА
Екатеринбург, Россия
annamp@yandex.ru,
mslautina@yandex.ru

УДК 81'23

«МНОЖЕСТВЕННОЕ ПЕЙОРАТИВНОЕ» КАК МАРКЕР РЕЧЕВОГО КОНФЛИКТА

Аннотация. В статье рассматривается особая форма множественного числа, связанная с выражением негативного и пренебрежительного отношения к группам лиц по профессии и роду занятий. Выделены маркеры пейоративного множественного, к которым относятся в первую очередь различные кванторные слова и выражения (*все эти, всякие, разные* и др.), а также некоторые фразеологизированные конструкции (*разного рода, всех мастей* и др.). Проведенный анализ позволяет в некоторой степени сформировать антирейтинг профессий, представители которых, по данным Национального корпуса русского языка, чаще всего подвергаются критике и негативным оценкам. Наиболее частотным является употребление в формах пейоративного множественного слова «чиновники». Особого внимания заслуживает тональность высказываний с пейоративным множественным, обусловленная выражением пренебрежительного и презрительного отношения к группам лиц и реализацией семантики отчуждения от этих групп.

Ключевые слова: семантика, множественное число, наименования профессий, кванторные слова, тональность, речевые конфликты.

PLOTNIKOVA ANNA M.
SLAUTINA MARINA V.
Yekaterinburg, Russia

«PEJORATIVE PLURAL» AS A COMMUNICATIVE CONFLICT MARKER

Abstract. The article deals with a special plural form associated with the expression of negative attitude towards groups of people by their job and occupation. The markers of the pejorative plural are highlighted, which primarily include various quantifier words and expressions (*all these, all sorts, different, etc.*), as well as some phraseological units (*of various kinds,*

of all kinds, etc.). The analysis allows to form an anti-rating of jobs, whose representatives, according to the National Corpus of the Russian Language, are most often criticized and negatively evaluated. The most frequent is the use of the pejorative plural word "officials". The tonality of statements with a pejorative plural deserves special attention, due to the expression of dismissive and contemptuous attitude towards groups of people as well as the implementation of semantics of alienation from these groups.

Keywords: semantics, plural forms, job titles, quantifiers, tonality

Слова, словосочетания и устойчивые обороты, оценочные высказывания, содержащие негативную характеристику личности, личных качеств, поведения адресата и называемые пейоративам, используются для выражения негативного отношения к адресату речи и являются наиболее конфликтными речевыми средствами. Использование пейоративов связано с понижением значимости лица, принижением какой-либо социально значимой роли адресата, увеличением дистанции между адресантом и адресатом речи, выражением неравенства статусов и социальных ролей.

Одним из средств выражения пейоративности служит особая форма множественного числа, которую Н.В. Перцов, системно рассматривающий вторичные значения множественного числа, назвал «множественным пейоративного отчуждения»: «Я верчусь как проклятая, а ты по театрам ходишь», «Там выступают всякие пугачевы-Pl и киркоровы-Pl» [Перцов 2001, с. 181]. По А. Б. Пеньковскому, сущность пейоративного отчуждения заключается в том, что «говорящий, отрицательно оценивая тот или иной объект, доводит эту отрицательную оценку до предела тем, что исключает объект из своего культурного и/или ценностного мира и, следовательно, отчуждает его, характеризуя его как элемент другой, чуждой ему и враждебной ему (объективно или субъективно — в силу собственной враждебности) культуры, другого — чуждого — мира» [Пеньковский 2004].

Системное описание данного значения множественного числа применительно к собственным именам представлено в работе О.В. Блиновой, обратившей внимание на употребление имен, занимающих промежуточное положение между собственными и

нарицательными именами и объясняющей появление пейоративного значения у множественного числа наличием особого подразряда кванторных слов: «В качестве компонентов именных групп типа AN, где N — форма РI.Рей в любом падеже, а А — атрибут в препозиции к ней, употребляются прежде всего местоимение всеобщности *все*, местоимения и прилагательные, «указывающие на произвольный объект множества» *всякие, всякие там, всяческие, прилагательные разные, разнообразные, различные, всевозможные*, а также указательные местоимения <...>. Перечисленные элементы способны образовывать цепочки из двух, трёх и более компонентов, ср.: *все эти, все ваши, всякие эти, всякие разные, всякие прочие, прочие разные, эти самые, те же самые, эти гадкие, свои примитивные, всевозможные бесконечные, всё новые и новые, все и всяческие; все эти ваши, все эти ряженые, какие-нибудь выскочки* и мн. др. [Блинова 2017]. Список обозначенных в статье О.В. Блиновой средств довольно неоднороден. Так, он включает слова, которые и вне формы множественного числа реализуют если не пейоративное, то хотя бы отрицательное значение: *ряженный, выскочка, гадкий*.

Пейоративный потенциал некоторых единиц не совпадает, например: *всякие там* и *разные там*, безусловно, различаются тонкими смысловыми нюансами (*разные там* не вносит в контекст оттенок пренебрежительности, в отличие от *всякие там*). Точно так же некоторые иные слова с кванторной семантикой могут быть связаны с перечислением, множеством, отрицанием, но не отрицательной оценкой (см. *бесконечный, никакой*), например: «*Пошли бесконечные врачи, прием таблеток по расписанию, приступы раздражительности...*» (М. Варденга). Помимо собственно кванторных слов, в статье О.В. Блиновой рассматриваются примеры с наименованиями множеств (*толпа, стая, банда*) и конструкции со словами *типа, разного рода, всех мастей* и др.

Рассмотрев эти конструкции в качестве отправной точки для корпусного анализа, мы обратились к другим классам форм множественного числа. В статье мы ограничимся рассмотрением форм множественного числа, используемых для обозначения

лиц по профессиональной принадлежности и роду занятий.

Следует сказать, что формы множественного числа имен существительных по отношению к формам единственного являются вторичными, маркированными. В силу своей вторичности, производности формы мн.ч. обладают бо'льшим экспрессивным потенциалом по сравнению с формами ед.ч. и могут выражать по крайней мере три значения: значение дискретной (раздельной) множественности в противоположность единичности; значение нерасчлененной множественности, собирательности; значение единичности [см.: Русский язык: Морфология, 2010: 50].

В Русской грамматике-80 отмечается, что первые два значения присутствуют «в формах мн.ч. существительных – названий людей по национальности, профессии, роду занятий, по функции (англичане, немцы, русские; журналисты, писатели, спортсмены; офицеры, солдаты, гости) [РГ-80, § 1149]. Числовые формы могут употребляться в переносном, расширительном значении, которое развивается у них под влиянием контекста [Ляшевская 2004; Норман, Мухин 2018]. Формы мн.ч., употребленные в расширительном значении обладают значительным манипулятивным потенциалом. В основе экспрессивности числовой грамматической формы лежит асимметрия, нетождественность языкового знака, при которой закрепленное за ГФ значение не соответствует реально выражаемому. Так, Г.А.Копнина отмечает использование форм мн.ч. в создании ряда манипулятивных речевых приемов: отождествления кого-либо с негативно оцениваемой группой, «плюрализации» создаваемой референтной группы или группы «врагов» и др. [Копнина, 2007: 66 – 78].

В качестве источника материала выбран Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru). Поиск осуществлялся двумя направлениями:

1) кванторное слово + одушевленное существительное во множественном числе (далее отбирались существительные, называющие лиц по профессии и роду занятий);

2) наименования лиц по профессии, выбранные из Толкового идеографического словаря русских существительных [Толковый словарь русских существительных] + кванторные слова или

иные слова данной группы.

В таблице 1 представлены наиболее типичные кванторные слова, сопровождающие множественное пейоративное:

Таблица 1.

Языковые маркеры «пейоративного множественного»

Атрибут	Пример употребления
Всевозможные	И с каким наслаждением травили старого мастера всевозможные начальники , обучая его патриотизму на примере достижений какого-нибудь Михалкова... [С. Гедройц. С. Витицкий. Бессильные мира сего. Петербург Ахматовой: Владимир Георгиевич Гаршин. К. И. Чуковский. Стихотворения // «Звезда», 2003].
Всеякие	Я не раз слышал от взрослых, что число всяких начальников у нас увеличилось раз в пять сравнительно с дореволюционным временем. [Александр Зиновьев. Русская судьба, исповедь отщепенца (1988-1998)].
всякие там	«Ко всяким там генералам, командорам и прочим гроссмейстерам он питал давнюю неприязнь. [Евгений Лукин. Там, за Ахероном (1995)].
всяческие	— У меня на территории проживает много «мажоров», детей всяческих чиновников и просто богатых людей. [Александр Григорьев. Демарш демократов // «Вслух о...», 2003.07.01].
Бесконечные	О том же говорят, и так же длинно, но изящнее и грамотнее, и бесконечные политики с Арбата, адвокаты, инженеры и военные, ныне страной правящие [Б. К. Зайцев. Улица св. Николая (1921)].
Бесчисленные	Не Бог вещь какая жертва для государства, в котором огромное число нынешней элиты жуирует на совершенно наглых синекурах по 3-10 тыс. долларов месяц на постах каких-то бесчисленных директоров , консультантов, членов коллегий, наблюдательных советов и фондов. [Валерий Лебедев. Новая элита — спасение России // Ин-

	тернет-альманах «Лебедь», 2003.05.26].
многочисленные	Многочисленные начальники , чья деятельность должна быть абсолютно прозрачной, чьё мнение по тому или иному вопросу не должно быть тайной для общественности, оказались практически недоступны для СМИ [К начальству не допускать! // «Витрина читающей России», 2002.10.25].
какие-то (там)	— Мою родину, — сказал саккаремец, — великой сделали полководцы, разгромившие халисунских захватчиков! А вовсе не какие-то там переписчики книг! [Мария Семенова. Волкодав: Знаменные пути (2003)].
какие-нибудь (там)	Скоро дойдем до поклонов портретам каких-нибудь там императоров [Н. И. Ильина. Иными глазами. Очерки шанхайской жизни (1946)]. А заплатив, он внимательно следит за тем, чтобы ему действительно прочитали обещанное количество часов по обещанным предметам, причём прочитали обещанные профессора с мировым именем, а не какие-нибудь девочки-аспирантки [Анна Фенько. Студент всегда прав // «Коммерсантъ-Власть», 2002].
разные там	Я вас спрашиваю, чего хотят добиться эти революционеры и разные там студенты , или... как их там? [А. И. Куприн. Яма (1909-1915)].
всех мастей, разного (всякого) рода	В нашей полной несуразницы жизни, будучи почти бесправными перед несметной толпою чиновников всех мастей и рангов , разного рода абсурдных запретов и ограничений, именно здесь мы чувствовали себя совершенно свободными людьми [Игорь Вольский. Пропать им. Пантюхина: будет ли новый мировой рекорд? (1994)]

Лексические единицы «многочисленные» и «бесчисленные» преимущественно реализуют значение неопределенного и открытого множества, а пейоративная семантика приобретает ими лишь в более широком контексте. Точно так же неопределенные местоимения приобретают пейоративную функцию лишь при добавлении частицы «там», создающей пренебрежительный оттенок.

Следует заметить, что фактически любое наименование профессии и рода деятельности оказывается способным употребляться в негативном контексте, даже такие редкие как: *«При такой ситуации наличие всяких там уполномоченных по правам человека совершенно излишне, поскольку надзирать за соблюдением законности на территории Саратовской области дано только областной прокуратуре»* [А. Никитин. Кому мешает уполномоченный? (2003) // «Богатей» (Саратов), 2003.03.27].

В ряде случаев очевидно использование конструкций с несобственно-прямой речью, когда отрицательная оценка связана с видением ситуации персонажем художественного текста, например: *«Нянька сидела на кухне, плевалась и говорила, что это — чистый перевод денег: она четверых, слава богу, родила без всяких там докторов и акушеров»* [В. А. Каверин. Освещенные окна (1974-1976)].

Показателем пейоративного множественного является метаязыковой рефлексив «так называемый»: *«За первыми стоят правительственные чиновники, за вторыми — так называемые олигархи, которые сначала украли у народа деньги, а затем создали на них СМИ»* [«Витрина читающей России», 2002.10.25].

Предварительная выборка показала, что Национальный корпус русского языка фиксирует некий антирейтинг профессий, недобросовестные представители которых вызывают раздражение. Совершенно предсказуемо в наиболее потенциально конфликтной зоне оказались чиновники, депутаты, представители правоохранительных и силовых органов: *«Закон ограничит своеволие различных чиновников, ведомств, которые на протяжении долгого времени выпускали многочисленные инструкции, ограничивавшие хозяйственную инициативу и экономическую самостоятельность»* [Павел Иванов. Ключ к правовой экономике. Популярны хроника непопулярного закона // «Воздушно-космическая оборона» (2003)]. В целом пейоративное множественное реализуют наименования профессий и видов деятельности, связанные с политикой, государственным управлением, экономикой.

В исследуемом материале реализовано противопоставление рабочих и иных профессий, связанных с интеллектуальным тру-

ДОМ:

«И, хоть он заметно выпивал и рано облысел, а все-таки был наш, рабочий парень, хорошо зарабатывал, — не чета всяким там инженерикам с их нищетой да пустым ехидством» [Марина Палей. Евгеша и Аннушка (1990)].

«На отрицательном полюсе собрались историки, философы, литераторы, все так называемые гуманитарии, а также художники, музыканты, артисты, в том числе, естественно, и научные журналисты, — все, кого Сноу называл «интеллектуалами от литературы» и обвинял в декадансе, то есть в упадочничестве, смотрении в прошлое и стремлении вести лодку общественной жизни против течения времени» [Карл Левитин. Изреченная мысль // «Знание – сила», 2009].

Пренебрежительное значение может быть выражено при помощи экспрессивных суффиксов (-ишк-, -енк-, -к-, -ик-) и их повторов: *«Все эти чиновнички и домохозяечки, милиционерчики и врачечки, мальчики и девочки, студентики, пенсионерчики, богатыньки и бедныньки, сытенъки и голодныньки, все эти человечки прибежали друг к другу в гости, уселись на диванчиках, зазвонили по телефончикам»* [Илья Быков. Разговор над покойником // «Волга», 2010].

Множественное пейоративное способно выражаться также при помощи фразеологизмов (*«Все гуманитарии были, на его взгляд, «профессора кислых щей», то есть «кислощецкие»* [Геннадий Горелик. «...Никогда не поссорятся» Лев Ландау и Матвей Бронштейн // «Знание - сила», 2008]) или фразеологизированных конструкций с экспрессивно-оценочной семантикой: *«Видали мы этих министров. Такой же, как и все»* [Олег Гриневский. Тысяча и один день Никиты Сергеевича (1997)]; *«Гуманитарии... Что с них возьмешь?»* (из разговорной речи).

Рассмотренные маркеры пейоративного множественного создают особую конфликтную тональность текста, связанную с возможностью включить адресата речи в круг негативно оцениваемых лиц, соотносить его с категорией отрицательно оцениваемых лиц.

Литература

Блинова О. В. "Множественное пейоративное": семантика и сочетаемость (по данным веб-корпуса) // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии. – 2017. – № 1. С. 9-17.

Ляшевская О.Н. Семантика русского числа. М., 2004.

Князев Ю.П. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М., 2007.

Копнина Г.А. Речевое манипулирование. М.: Флинта : Наука, 2007.

Норман Б. Ю., Мухин М.Ю. Лексическая и грамматическая семантика: корпусное статистическое исследование лексико-семантических групп // Сибирский филологический журнал. – 2018. – № 3. – С. 178-191.

Перцов Н.В. Инварианты в русском словоизменении. М., 2001.

Пеньковский А. Очерки по русской семантике. М., 2004.

Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980. Т. 1.

Русский язык: Морфология / Под ред. Инфантовой Г.Г. М.: Академический Проект, 2010.

Толковый идеографический словарь русских существительных / Под общ. ред. Л.Г. Бабенко. М.: Аст-Пресс, 2008.

REFERENCES

Blinova O. V. "Mnozhestvennoe pejorativnoe": semantika i soche-taemost' (po dannym veb-korpusa) // Komp'yuternaya lingvistika i vychislitel'nye ontologii. – 2017. – № 1. S. 9-17.

Lyashevskaya O.N. Semantika russkogo chisla. M., 2004.

Knyazev YU.P. Grammaticheskaya semantika. Russkij yazyk v tipologicheskoy perspektive. M., 2007.

Kopnina G.A. Rechevoe manipulirovanie. M.: Flinta : Nauka, 2007.

Norman B. YU., Mulin M.YU. Leksicheskaya i grammaticheskaya semantika: korpusnoe statisticheskoe issledovanie leksiko-semanticheskikh grupp // Sibirskij filologicheskij zhurnal. – 2018. – № 3. – S. 178-191.

Percevo N.V. Invarianty v russkom slovoizmenenii. M., 2001.

Pen'kovskij A. Oчерки po russkoj semantike. M., 2004.

Russkaya grammatika / Pod red. N.YU. SHvedovoj. M., 1980. T. 1.

Russkij yazyk: Morfologiya / Pod red. Infantovoj G.G. M.: Академический Проект, 2010.

Akademicheskij Proekt, 2010.

Tolkovyy ideograficheskij slovar' russkih sushchestvitel'nyh /Pod obshch. red. L.G. Babenko. M.: Ast-Press, 2008.

©Плотникова А.М., 2022

©Слаутина М.В., 2022

Плотникова Анна Михайловна – профессор кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения. Уральский федеральный университет (Екатеринбург, Россия).
E-mail: annamp@yandex.ru

Plotnikova Anna Mikhailovna – Doctor of Filology, Associate professor Department of theoretical and applied linguistics, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia).

Слаутина Марина Васильевна – доцент кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения. Уральский федеральный университет (Екатеринбург, Россия).
E-mail: mslautina@yandex.ru
Адрес: 620083, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, к. 313.

Slautina Marina Vasilievna – Candidate of Philology, Associate professor Department of theoretical and applied linguistics, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia).

Л.В. РАЦИБУРСКАЯ

г. Нижний Новгород, Россия

racib@yandex.ru

УДК 811.161.1'373

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КРЕАТИВНОСТЬ В ОСВОЕНИИ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ СЛОВ

Аннотация. В статье рассматриваются различные проявления словообразовательной креативности, которая находит отражение в современных медиатекстах: использование в деривационных процессах ключевых слов пандемийной эпохи *ковид*, *коронавирус*, *корона*, *пандемия*, *вирус*, *вакцина*, *маска*, *прививка*, *карантин* и др. в качестве исходных при создании как простых, так и сложных неодериватов агглютинативной структуры; активизация наряду с узуальными способами незузальных способов словообразования (контаминация, заменительная деривация) с участием социально значимых слов.

Новообразования стандартной и особенно нестандартной структуры можно считать проявлением словообразовательной игры. Подобная игровая составляющая современных медиатекстов отражает общественные умонастроения: подавленное психологическое состояние, негативный оценочный настрой членов социума, с одной стороны, и иронизирование, комическое осмысление сложившейся пандемической ситуации, с другой.

Ключевые слова: деривационные процессы, ключевые слова, пандемийная эпоха, коронавирус, словообразование, способы словообразования, словообразовательная игра.

RATSIBURSKAYA LARISA V.

Nizhny Novgorod, Russia

WORD-BUILDING CREATIVITY IN THE DEVELOPMENT OF SOCIALLY SIGNIFICANT WORDS

Abstract. The article considers various manifestations of word-building creativity, which is reflected in modern media texts: the use of keywords of the pandemic era in derivational processes: *ковид*, *коронавирус*, *корона*, *пандемия*, *вирус*, *вакцина*, *маска*, *прививка* etc. as a base word when creating both simple and complex neoderivates of an agglutinative structure; activation of non-usual ways of word-building along with the

usual ways (contamination, substitutional derivation) involving socially significant words.

Neologisms of a standard and especially non-standard structure can be considered a manifestation of a word-building game. Such a game component of modern media texts reflects public attitudes: a depressed psychological state, a negative evaluative attitude of the society members, on the one hand, and irony, comic comprehension of the current pandemic situation, on the other.

Keywords: derivational processes, keywords of the pandemic era, ways of word-building, word-building game.

Понятие *креативность* «характеризуют сами механизмы творческого мышления как процесса, позволяющего создавать нечто новое, не имевшее место в прежнем опыте человека» [Гридина 2013: 5]. Механизмы лингвокреативного мышления, по мнению ученых, «имеют ассоциативную природу, что предполагает способность говорящих использовать элементы уже имеющегося опыта для создания новой лингвистической “реальности”» [Гридина 2013: 11].

К вербальной креативности ученые относят словотворчество и формально-семантические преобразования вербальных знаков, преднамеренную языковую игру [Гридина 2013: 9]. К коммуникативным стимулам языковой игры относятся стремление к шутке, склонность к языковому эксперименту, усиление экспрессии речевого воздействия, гармонизация речевого конфликта, усиление личностного начала автора, языкотворчество, связанное с обновлением готового состава номинативных единиц [Гридина 1996; Ильясова, Амири 2015; Норман 2006; Попова 2012; Санников 2002].

Спонтанное речетворчество отражает коммуникативные потребности социума и отдельных его представителей в новых номинациях, в уточнении и оценке известных и новых реалий. На рубеже XX–XXI веков русский язык, отвечая на знаковые цивилизационные вызовы современной эпохи, демонстрирует значительный потенциал динамического функционирования, что проявляется в активных деривационных процессах. В 2020–2021 гг. события, связанные с пандемией коронавируса, не только значительно изменили жизнь российского социума, но и спо-

способствовали активизации словотворческих процессов, «результатом чего стал приток в язык массмедиа и интернета огромного количества новаций, связанных с новыми объективными условиями жизнедеятельности человека» [Русский язык коронавирусной эпохи 2021: 6].

В указанный период наблюдалось стремительное обновление русского лексикона – на наших глазах появилась и сформировалась представительная тематическая группа слов, называющих пандемические реалии. Впервые в истории отечественного гуманитарного знания в качестве внешнего, социального фактора языковых изменений выступила пандемия – массовая эпидемия, захватившая огромные территории и изменившая социолингвистическую ситуацию во многих странах. Типологически общим местом оказались для разных языков основные номинации, используемые для базовых понятий пандемии (*coronavirus*, *COVID-19*, *self-isolation*, *quarantine*, *social distance* и др.). Эти номинации стали первичной лексической базой для формирования интернационального лексического минимума, на базе которого начались коллективное словотворчество, коллективная языковая игра. Английские неологизмы и контаминанты пандемийной тематики стали чрезвычайно востребованными в языках мира.

Сходные процессы наблюдаются и в других языках: «Почти за два года пандемии бытовой язык немцев, да и других народов претерпел революционные изменения. В нем не только появились новые словечки и афоризмы, но и привычные выражения обросли неожиданными смыслами и ассоциациями» [Забродина 2021]. Институт немецкого языка имени Лейбница зафиксировал настоящий бум словотворчества: больше тысячи остроумных словечек и образных выражений. Среди них – «ковид-диссиденты» и «ковидиоты», «коронавечеринки» и «коронаябеды» [Забродина 2021].

В 2021 году вышел «Словарь русского языка коронавирусной эпохи», подготовленный Институтом лингвистических исследований РАН и содержащий около 3500 лексем пандемийной лексики [Словарь... 2021]. Словарный материал регистрирует богатый и сложный спектр отношения говорящих к ситуации и реа-

лиям пандемии. Воссоздана коллективная языковая личность человека, внезапно оказавшегося окруженным новыми реалиями, а вместе с ними – новыми словами.

С точки зрения социокультурной и лингвокогнитивной большую роль в деривационных процессах играют социально-значимые исходные слова, или ключевые слова социокультурного пространства. Вокруг таких слов обычно происходит быстрый, лавинообразный процесс роста производных, которые широко представлены в медийных текстах печатных и электронных СМИ, теле- и радиоэфира. Пандемическая эпоха ввела в наш лексикон целый ряд новых ключевых слов, которые стали ее символами и маркерами: *пандемия, вирус, вакцина, маска, прививка, карантин* и др., которые активно вовлекаются в процессы словопроизводства. Ключевыми словами, характеризующими свое время и послужившими основой широкого словотворчества, стали слова *ковид* и *коронавирус* и их разговорный синоним *корона*. На базе данных слов создаются новообразования по словообразовательным стандартам и с отступлением от них.

Пандемия запустила невероятный по продуктивности словообразовательный процесс, в котором реализован огромный потенциал русской словообразовательной системы: активизация ряда аффиксов и аффиксоидов, продуктивные способы создания сложных неологизмов, новая глагольная лексика, словообразование на базе имен собственных, новые словообразовательные гнезда на базе имен собственных и др. Пандемия привела в действие механизмы словотворчества, в которых начали вербализоваться впечатления, ассоциативные образы и параллели, возникающие у носителей языка.

Одним их ярких фрагментов языковой картины мира стало противопоставление ковид-диссидентов и корона-верующих. Реализованное в большом количестве новообразований, оно отражает тонкость, сложность психологической реакции человека на ощущение страха, близости смерти.

На базе ключевых слов пандемической эпохи создаются дериваты с продуктивными префиксами противопоставления, отрицания, отсутствия (*анти-, без-*), временной семантики (*до-*,

пост-), размерно-оценочной семантики (супер-, сверх-): *Код антивируса* (Российская газета. 27.04.2021); *Все большую мощь год за годом набирает движение антипрививочников* (Наша Версия. 02.-08.11.2020); *В Москве раньше штрафовали антимасочников, а теперь – и «подбородочников»* (Комсомольская правда. 27.10-03.11.2021); *Антивакцинаторы ... всякую чушь несут* (Вести FM. 11.02.2021); *Антиковидники, ковид-диссиденты очень сильно активизировались* (Вести FM. 26.09.2021); *Прощались лидеры Венгрии и России в антиковидном стиле...* (1-й канал. 01.02.2022); *В наши дни у Рашикина активная антипрививочная позиция* (Россия 1. 31.10.2021); *Все безмасочники как на подбор: думают, что они революционеры и рок-звезды* (Комсомольская правда. 27.10-03.11.2021); *С 1 декабря 2020 года начала работать в бесковидном режиме больница 19...* (Om1.ru. 26.03.2021); *На карте России не осталось белых, безвакцинных пятен* (Россия-1. 26.03.2021); *Возвращение туризма на докоронавирусный уровень в планах пока не значит* (Россия-24. 13.05.2020); *В последние доковидные недели девушка узнала...* (Россия 24. 06.02.2022); *Эксперт спрогнозировал возвращение в 2022 году безработицы на допандемический уровень* (Известия. 26.02.2021); *Нас пандемия разделила. У нас теперь допандемийные чемпионы и после пандемии* (Россия 1. 06.02.2022); *... мало кто помнит, какой была смертность от инфекций в довакцинальную эпоху* (Российская газета. 20.10.2021); *Отдых в посткоронавирусную эпоху будет другим* (1-й канал. 27.04.2020); *Миллионы россиян столкнулись с последствиями постковида* (Московский комсомолец. 19.01.2022); *Еще одна постковидная пациентка <...> стала бояться ...собственной квартиры* (Московский комсомолец. 19.01.2022); *...будь то ядерное оружие или какой-нибудь суперкоронавирус...* (mixednews.ru/archives/162957); *А я думал, как идеи сверхкоронавируса сносят башни поклонников коронавируса* (arion.ru 28.03.2020); *Объявится суперковид 2020, который сделает богатыми еще несколько человек в мире* (narprod.com/blog/klimenkov); *Инопланетное происхождение сверхковида еще не рассматривали* (eva.ru/forum).

Суффиксальные производные представлены прилагательными

ми, существительными с размерно-оценочными суффиксами, существительными с семантикой лица, помещения и отвлеченной семантикой, глаголами: *Несмотря на «коронавирусные» ограничения, фестиваль продолжается* (День города. 29.07–04.08.2020); *Поэтому лучше не экспериментировать, не рисковать здоровьем, не устраивать «ковидные вечеринки»* (Российская газета. 28.04.2021); *Не знаю, может, мне показалось, но в фильмах и сериалах пандемийной поры актеры держали между собой «социальные дистанции»...* (Российская газета. 26.04.2021); *Новые коронавирусные ограничения вступят в силу 30 октября в Приморье* (Интерфакс. 29.10.2021); *Лечение ковидных больных – это военная ситуация* (Московский комсомолец. 13.10.2021); *Не знаю, может, мне показалось, но в фильмах и сериалах пандемийной поры актеры держали между собой «социальные дистанции»...* (Российская газета. 26.04.2021); *В Европе новый вакцинальный скандал* (1-й канал. 25.04.2021); *И в соцсетях, и в офлайне (в транспорте, магазинах) растет противостояние «масочников» и «безмасочников»*. Ковид еще больше разделил население по классам и возрастам (Аргументы недели. 06.11.2020); *На судмедэкспертизу везут не «ковидников», а умерших при невыясненных обстоятельствах* (hromadske.ua. 19.05.2021); *Китайский "ковидник" в крупном порту поставил под угрозу мировую торговлю. Власти перекрыли одну из самых загруженных морских гаваней* (mk.ru. 13.08.2021); *«слабенький, хиленький коронавирусик»* (tsargrad.tv. 20.11.2020); *И ковидик по степени патогенности очень слабенький* (tsargrad.tv. 02.08.2020); *Вот спасибо тебе тогда будет короновирушка наш — накормилец!* (fakeoff.org. 18.03.2020); *проникшим в поры цивилизации изменчивым вирусом «ковидушки»* (Наша Версия. 30.07.2020); *КПРФ вновь заявляет о недопустимости принудительной вакцинации и «куардизации» населения* (Российская газета. 25.11.2021); *Мы карантиним в таких тонах* (НТВ. 26.04.2020); *Двойные стандарты! Работать нельзя, а вот волонтерить можно!* (МК в Нижнем Новгороде. 15–22.04.2020);

Яркой экспрессией обладают производные на базе неодериватов: *Ляшко о протестах «антивакцинаторов»* <...> По-

*верьте, в реанимациях **антивакцинаторский** дух очень быстро пропадает...* (Цензор.НЕТ. 03.11.2021); ***Антиваксерши Шукшина** столкнулась с новой бедой: заткнули рот* (Экспресс-газета. 06.12.2021).

Указанные социально значимые слова участвуют и в образовании сложных слов по моделям агглютинативного типа без соединительных элементов: *Во Владивостоке появились желтые **ковид-маршрутки*** (Российская Газета. Неделя. 31.03.2021); *Несколько дней мы лечились дома, но состояние становилось все хуже, и ее госпитализировали в ижевский **ковид-центр*** (<https://forum.sevastopol.info/viewtopic.php?t=1435282&start=15500>); *...в мире говорят о третьем пришествии **коронакризиса*** (НТВ. 06.04.2021); *Я очень благодарен проекту Маска, который разбил эту **корона-ситуацию*** (НТВ. 02.05.2021); ***Обамаштамм**, как его окрестили в штате <...>, где в начале августа праздновали день рождения Обамы* (1-й канал. 12.08.2021); *Хотя **кафедральный закон о QR-кодах** отправили на доработку, регионы, которые уже ввели **QR-ограничения**, пока их не отменяют. В столице, например, большинство театров и концертных залов работают по принципу **COVID-free**...* (Российская газета. 25.01.2022).

Эвристический характер имеют и нарушения языкового канона, словообразовательных правил, стандартов в процессе создания новообразований. Подобное словотворчество представляет собой, по мнению Т.А. Гридиной, «качественно новый уровень вербальной креативности (проявление творческой активности в осознанном моделировании, выборе нестандартного языкового кода)» [Гридина 2013: 10].

Период пандемии коронавирусной инфекции отличает особое усиление игрового, смехового, «карнавального» начала в языке, что является естественной реакцией говорящих на переживаемый коллективный стресс, шок, на страхи и опасность. Языковая игра позволяет преодолеть состояние шока, «психоза, истерии, паники, страха» [Русский язык коронавирусной эпохи 2021: 10]. В рассматриваемый период особенно очевидна доминирующая роль языкового творчества в современном словообразовании.

Ярким проявлением языковой, словообразовательной игры, можно считать такие неузואальные деривационные процессы, как контаминация и заменительное словообразование. Языковая игра с ключевыми словами пандемийной эпохи особенно видна при контаминации. При контаминации происходит произвольное совмещение формально тождественных частей исходных слов в составе неузואального производного, что способствует увеличению семантического объема новообразования, в котором могут сочетаться далекие и не всегда связанные в реальной действительности понятия. В процессы контаминации активно вовлекаются ключевые слова пандемической эпохи: *Сомелье и энологи предлагают народу **вакхину** и **вакхинацию*** (123ru.net. 26.04.2020) – *Вакх + вакцина*; *Самый популярный хештэг <...> – **#вакхинацизм*** (1-й канал. 14.08.2021) – *вакцина + нацизм*; *Коронавирус сегодня нанес ощутимый удар по мировым рынкам... Этот год для мировых бирж, похоже, стал **вирусокосным*** (НТВ. 28.02.2020) – *вирус + високосный*; *Во время вынужденного одиночества Уильямс развлекал себя и своих подписчиков в инстаграме исполнением песен по заявкам, <...> назвав это шоу «**карантиноке**»* (intermedia.ru. 16.04.2020) – *карантин + караоке*; *Лингвистическая **коронавирусистика**. Слово «коронавирус» вошло в общезыкоуовой лексический фонд совсем недавно (до этого оно было известно только узким специалистам и даже писалось через дефис: «корона-вирус»), однако всего лишь за несколько месяцев русский язык успел приспособить его под себя* (philfak.ru 05.05.2020) – *коронавирус + русистика*.

В контаминированных новообразованиях в качестве исходного часто выступает производное *корона*, производное от *коронавирус*: ***Коронагеддон** — Армагеддон в эпоху коронавируса* (Posta-Magazine.ru 13.05.2020) – *корона + Армагеддон*; *Коронагностия — отрицание наличия вируса и вера во всемирную мистификацию. Никакие разумные доводы и свидетельства не способны столкнуть **коронагностика** с его точки зрения... Есть случаи, когда коронагностик с уже диагностированным COVID отрицал очевидное и не принимал мер предосторожности* (news-life.pro 19.04.2020) – *корона + агностик*; *25 твитов о том, что чувствует бизнес во время **коронакаллиписа***

(news.myseldon.com. 03.04.2020) – корона + апокалипсис; *Рестораны, парки развлечений, даже фрилансеры уже ощутили неприятные последствия **короникул*** (teleguide.ru. 04.08.2020) – корона + каникулы; «Новая **коронормальность**» в социально-политической рефлексии (Околокремля. 28.05.2020) – корона + нормальность.

Среди сложных слов с исходным *ковид* также представлены контаминированные новообразования: *Дальноковидная внешняя политика* (Коммерсантъ. 24.11.2020) – дальновидный + *ковид*; *И прозрев, ринулись помочь оказавшемуся в непростой ковидной ситуации ближнему своему, окрестив свой искренний порыв **ковидарностью*** (Сорок один. 03.07.2020) – *ковид* + *солидарность*; **Ковидео** — по аналогии с карантинками, *ковидео* – это видео о жизни в самоизоляции (Posta-Magazine.ru. 13.05.2020) – *ковид* + *видео*; *Образец, выдавший **ковиды**. Утвержден единый сертификат о вакцинации* (Российская газета. 27.10.2021) – *ковид* + (выдавший) *виды*. В последнем случае обыгрывается прецедентный текст *выдавший виды*.

При заменительном словообразовании в исходном слове место одной из частей (морфемной или неморфемной) занимает ключевое слово пандемийной эпохи, в результате чего новообразование вступает в семантическую переключку с исходным словом: *Отменили Евровидение – получите **карантинovidение*** (mir24.tv. 12.04.2020) – исходное *Евровидение*; *Страна перестраивается на карантинное мышление, люди представляют себя окруженными опасностью – формируется ... **карантинифрения*** (Theworldnews.net. 23.05.2020) – исходное *шизофрения*; *Уже три месяца в мире бушует **коронафрения**. **Коронафрения** вызвала принятие нелепых решений в организации карантинных мероприятий в разных учреждениях высшего образования* (saroblnews.ru 19.03.2020) – исходное *шизофрения*; *Только штрафы вразумят **коронафреников*** (BezFormata.com 19.03.2020) – исходное *шизофреник*; **КОРОНАЯЗ**. *Нет слов, как ковидно!* (Комсомольская правда — Москва 20.11.2020) – исходное *новояз*. Исходное слово и неогериват могут находиться в отношениях контекстуальной синонимии (*новояз* – *коронаяз*, *шизофрения* – *коронафрения*, *шизофреник* – *коронафреник*),

контекстуальной антонимии (*Евровидение – карантинovidение*).

Ученые связывают подобные всплески словообразовательной активности в СМИ с ситуациями, которые могут быть подвергнуты комической трактовке и тем самым могут послужить толчком для языковой игры: «Наблюдения в различных сферах современной коммуникации показывают, что многие дискурсивные новации объединены общей установкой на «несерьезное общение», или игровой стратегией» [Иссерс 2012: 118].

Новообразования на базе «коронавирусной лексики» отражают разнообразные отношения говорящих к ситуации и реалиям пандемии: неодобрительное, презрительное, пренебрежительное отношение (*ковидла, ковидло, ковидник, ковидятня, коронарка*), понижение (разг. ирон. *короняша, короняшка*, разг. шутол. *ковидушко, удалёнушка*, шутол. *короньч, пандемионат*) или повышение градуса тревожности (*ковидоапокалипсис, коронакалипсис*).

Новообразования с исходными словами, отражающими ситуацию пандемии в современном российском социуме, достаточно наглядно свидетельствуют об общественных умонастроениях: от негативной оценки, неприятия сложившейся ситуации до иронизирования и языковой игры. Таким образом, новообразования на базе ключевых слов пандемийной эпохи представляют сложную, пеструю, противоречивую, трагическую и, одновременно, оптимистическую языковую картину мира коронавирусной эпохи.

Литература

Гридина Т.А. К истокам вербальной креативности: творческие эвристики детской речи // Лингвистика креатива-2: Коллективная моногр. / под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. 2-е изд. Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2013. С. 5–58.

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1996. 214 с.

Забродина Е. Корона сдвигает смыслы // Российская газета. 23.11.2021.

Ильцова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. 5-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2015. 296 с.

Иссерс О.С. Лингвокогнитивные игры в пространстве Интернета: от смешного до серьезного // Лингвистика креатива-2: Коллективная

моногр. / под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. 2-е изд. Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2012. С. 101–120.

Норман Б.Ю. Игра на гранях языка. М.: Флинта, Наука, 2006. 344 с.

Попова Т.В. Современные графо-орфографические игры: коммуникативные удаchi и неудачи (на материале графиксатов русского языка рубежа XX-XXI вв. Лингвистика креатива-2: Коллективная моногр. / под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. 2-е изд. Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2012. С. 199–233.

Русский язык коронавирусной эпохи. Коллективная монография / Ред. коллегия Е.С. Громенко, Н.В. Козловская, А.С. Павлова, М.Н. Приемышева (отв. ред.), Ю.С. Ридецкая. Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. 556 с.

Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Язык. Семиотика. Культура, 2002. 552 с.

Словарь русского языка коронавирусной эпохи. Сост. Х. Вальтер, Е.С. Громенко, А.Ю. Кожевников, Н.В. Козловская, Н.А. Козулина, С.Д. Левина, В.М. Мокиенко, А.С. Павлова, М.Н. Приемышева (отв. ред.), Ю.С. Ридецкая / Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. 550 с.

REFERENCES

Gridina T.A. K istokam verbal'noj kreativnosti: tvorcheskie evristiki detskoj rechi // Lingvistika kreativa-2: Kollektivnaya monogr. / pod obshchej red. prof. T.A. Gridinoj. 2-e izd. Ekaterinburg: FGBOU VPO «Ural. gos. ped. un-t», 2013. S. 5–58.

Gridina T.A. YAzykovaya igra: stereotip i tvorchestvo. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 1996. 214 s.

Zabrodina E. Korona sdvigaet smysly // Rossijskaya gazeta. 23.11.2021.

Il'asova S.V., Amiri L.P. YAzykovaya igra v kommunikativnom prostranstve SMI i reklamy. 5-e izd., ster. M.: FLINTA, 2015. 296 s.

Issers O.S. Lingvokognitivnye igry v prostranstve Interneta: ot smeshnogo do ser'eznogo // Lingvistika kreativa-2: Kollektivnaya monogr. / pod obshchej red. prof. T.A. Gridinoj. 2-e izd. Ekaterinburg: FGBOU VPO «Ural. gos. ped. un-t», 2012. S. 101–120.

Norman B.YU. Igra na granyah yazyka. M.: Flinta, Nauka, 2006. 344 s.

Popova T.V. Sovremennye grafo-orfograficheskie igry: kommunikativnye udachi i neudachi (na materiale grafiksatov russkogo yazyka rubezha XX-XXI vv. Lingvistika kreativa-2: Kollektivnaya monogr. / pod obshchej red. prof. T.A. Gridinoj. 2-e izd. Ekaterinburg: FGBOU VPO «Ural. gos. ped. un-t», 2012. S. 199–233.

Russkij yazyk koronavirusnoj epohi. Kollektivnaya monografiya / Red. kollegiya E.S. Gromenko, N.V. Kozlovskaya, A.S. Pavlova, M.N.

Priemysheva (otv. red.), YU.S. Rideckaya. Sankt-Peterburg: Institut lingvistichestkih issledovanij RAN, 2021. 556 s.

Sannikov V.Z. Russkij yazyk v zerkale yazykovoj igry. M.: Yazyk. Semiotika. Kul'tura, 2002. 552 s.

Slovar' russkogo yazyka koronavirusnoj epohi. Sost. H. Val'ter, E.S. Gromenko, A.YU. Kozhevnikov, N.V. Kozlovskaya, N.A. Kozulina, S.D. Levina, V.M. Mokienko, A.S. Pavlova, M.N. Priyomysheva (otv. red.), YU.S. Rideckaya / Sankt-Peterburg: Institut lingvistichestkih issledovanij RAN, 2021. 550 s.

©Рацибурская Л.В., 2022

Рацибурская Лариса Викторовна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой современного русского языка и общего языкознания. Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижегород, Россия).

Адрес: 603005, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Грузинская, 12 Б, 28.

Е-mail : racib@yandex.ru

Ratsiburskaya Larisa Viktorovna – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Modern Russian Language and General Linguistics. National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia).

Ю.А. ХУСНУЛЛИНА

г. Самара, Россия

y.husnullina@mail.ru

УДК 81'42:81'373

МОТИВИРОВАННОСТЬ НЕОЛОГИЗМОВ КОМПЬЮТЕРНОГО ДИСКУРСА

Аннотация. Статья посвящена вопросу мотивированности новых лексических единиц компьютерного дискурса. Актуальность исследования обусловлена выбранным объектом и полем исследуемого лингвистического явления. Фактический материал исследования составил корпус неологизированной лексики, семантическая направленность которого объясняется прагматическим аспектом. Негативная рецепция феномена компьютерно-опосредованного взаимодействия нашла своё отражение в эмоционально-чувственных компонентах лексического значения неолексик. В качестве методов исследования использованы методы словообразовательного, контекстуального, семантического, структурного, компонентного и дефиниционного анализа. Экспериментально верифицируется семантическая и морфологическая мотивированность новых слов. Автор приходит к заключению, что относительная мотивированность неолексик обусловлена языковой интенцией к созданию устойчивых лексических единиц, в результате чего отмечается большая адаптация неологизмов в языковой системе и речевой практике.

Ключевые слова: мотивированность, неологизмы, компьютерный дискурс, компьютерные технологии, неолексика, неологизированные словосочетания, лингвистический анализ, лексические единицы.

HUSNULLINA YULIYA A.

Samara, Russia

MOTIVATION OF COMPUTER DISCOURSE NEOLOGISMS

Abstract. The article analyzes motivation of new lexical units of computer discourse. The relevance of the study is determined by the object and the field of the linguistic study. The material of the study was a corpus of neologized vocabulary, semantically oriented by the pragmatic aspect. The negative reception of computer-mediated interaction is reflected in the emotional components of neologisms lexical meaning. In the course of the re-

search, methods of word-formation, contextual, semantic, structural, component and definitional analysis were applied. The semantic and morphological motivation of new words is experimentally tested. The author comes to the conclusion that relative motivation of neolexics is due to the linguistic intention to create stable lexical units, as a result, there is a large adaptation of neologisms in the language system and speech practice.

Keywords: motivation, neologism, computer discourse, neolexics, neologized phrases.

Мотивированность напрямую связана с процессами номинации и неологизации. Создание нового слова обусловлено ориентацией на различные аспекты объекта или фрагменты явлений действительности. При когнитивном подходе мотивированность новых слов представляет собой результат процесса познания. Мотивированность неологизмов может быть рассмотрена на различных уровнях слова: лексическое значение, словообразовательная структура и внутренняя форма. Следовательно, справедливо дифференцировать мотивированность лексического значения, мотивированность словообразовательной структуры и мотивированность внутренней формы неологизмов. В совокупности мотивированность представляет зону пересечения денотативно-семантических пространств лексического значения и морфемной структуры. «Мотивированность на уровне лексического значения – это сохранение корреляции между семантикой морфемной структуры и лексическим значением. Мотивированность на словообразовательном уровне – это сохранение корреляции между словообразовательным значением и лексическим. Мотивированность на уровне внутренней формы – сохранение корреляции между структурой знания, стоящей за внутренней формой, и структурой знания, стоящей за лексическим значением» [Сидорова 2006: 65].

Лексическое значение неологизмов представляется сложным, многоаспектным, но цельным объектом исследования. А.И. Смирницкий определяет лексическое значение как «известное отображение предмета, явления или отношения в сознании (или аналогичное по своему характеру психическое образование, конструированное из отдельных элементов действительности), входящее в структуру слова в качестве так называемой

внутренней его стороны, по отношению к которой звучание слова выступает как материальная оболочка, необходимая не только для выражения значения и для сообщения его другим людям, но и для самого его возникновения, существования и развития» [Смирницкий 1955: 89]. Все аспекты лексического значения взаимосвязанные и взаимодействующие. Представляется возможным обозначить два подхода к рассмотрению лексического значения новых лексических единиц: 1) как аспект специфического, языкового отражения внеязыковой действительности; 2) как смысловое содержание знаковой структуры в составе лексической единицы, выполняющей в речи ряд функций.

Содержательная сторона лексического значения неологизмов воплощает специфическое отражение новых явлений и объектов действительности. Комплекс дифференциальных элементов или признаков необходим для достаточного разграничения неологизма от других единиц в процессе коммуникативно-опосредованной коммуникации. Лексико-семантическое значение неологизма может содержать и выражать свойства обозначаемого объекта: физические характеристики (форму, размер, структуру, цвет, элементный состав), функциональные (назначение, действия), прагматические (оценку и субъективное представление об объекте или его свойствах, вторичные концептуальные признаки объекта или связанной с ним ситуации).

Рассмотрим далее неологизмы компьютерного дискурса на предмет их мотивированности. В качестве фактического материала исследования представлена группа новых языковых единиц, отличающихся эмоционально-чувственными компонентами лексического значения. Негативная рецепция феномена компьютерно-опосредованного взаимодействия прослеживается в результате неудовлетворительного эмоционального и физического состояния пользователей инфокоммуникационными технологиями.

Примером словообразовательной мотивации выступит неологизм *SuperCancer*. Первый компонент представляет собой префикс *super-*, указывающий на превосходную степень обозначаемого явления. Второй компонент – *Cancer* является заимст-

вованием из медицинской терминологии. Значение мотивирующего слова *cancer* занимает периферийное положение при толковании мотивированного неологизма *SuperCancer* – интернет-зависимость. Метафорическая мотивированность нового слова проявляется в сравнении интернета и жизненноопасного онкозаболевания.

Морфологическая мотивированность, характеризующаяся связью морфологической структуры компонентов и их значений, наблюдается в следующих неологизированных словосочетаниях. *Facebook fatigue* – состояние усталости от социальной сети Facebook. Аналогичным образом образовано словосочетание *Password fatigue* – умственное истощение и разочарование, вызванные необходимостью запоминать большое количество паролей. Дефиниция неологизмов содержит полную форму производящих основ.

Немаловажно отметить заболевания, возникающие вследствие сверхмерного использования мобильных устройств. *Fat finger syndrome* – изначально, медицинский термин означает заболевание, вызванное перееданием. Однако появилось второе значение – синдром усталости и лени, вследствие чего возникают трудности при концентрации внимания на наборе текста и допускаются неловкие опечатки. Синонимичным выступит неологизм *Blackberry Thumb* – данное заболевание приводит к боли в сухожилиях и связках больших пальцев по причине чрезмерного набора текста на мобильных устройствах. Первый компонент словосочетания является названием смартфона одной из компаний.

Увеличилось число пациентов, жалующихся на боль в глазах после длительной работы или игры перед монитором компьютерного устройства (*a computer vision syndrome*). Наблюдается выраженное состояние общего напряжения и усталости от чтения текста на экране компьютера или электронной книги (*a screen fatigue*). Продолжительное пребывание перед монитором и неудобное положение тела могут стать причиной болей в позвоночнике и шейном отделе, соответственно (*gameboy disease*). Первоначально этим страдали дети и любители видеоигр, что объясняет наличие в неологизме ключевого компонента

gameboy. Однако в последнее время это заболевание отмечается среди всех возрастных категорий, поскольку злоупотребление находением вблизи мониторов обусловлено различными видами деятельности. Например, увлечение просмотром фильмов и телевизионных передач (*binge-viewing, binge-watching*), продолжительным чтением (*binge-read*), длительным прослушиванием музыки (*binge-listen*). Последние сложные неологизмы образованы по словообразовательной модели N+V=N, где N – *binge*, ‘злоупотребление’ и V – *read/listen*, читать, слушать.

Человек, одержимый своим смартфоном (*a smartphone zombie*), зачастую испытывает тревожные чувства, ожидая ответ на своё текстовое сообщение (*textpectation*<*text+expectation*). Более того, он многократно отвлекается на ложное ощущение, что вибрирует телефон (*a phantom vibration syndrome*). Тех людей, кому привычнее писать текстовые сообщения, чем общаться по телефону или вживую, можно охарактеризовать текстравертами (*a textrovert*<*text+extrovert*).

Упомянутые выше неологизмы *textpectation* и *textrovert* по структурному типу относятся к слоговым аббревиатурам. Они обладают относительной мотивированностью. Особое внимание заслуживают номинации, передающие эмоции страха, беспокойства и тревожности. *Nomophobia*<*no+mobile+phobia* – страх не иметь совсем или не иметь возможности пользоваться мобильным телефоном. Дериваты *nomophobic, a nomophobe* мотивированы формой производящего слова и формой производящего суффикса. Наблюдается тождественность значений всех компонентов, за исключением грамматического частеречного значения. Относительно мотивированно словослияние *Infomania* <*information+mania* – состояние, в которое впадает человек, после длительного поиска значений странных эзотерических слов в интернете. Человек чувствует себя ‘ходячей энциклопедией’, переполненной информацией. В отличие от инициальных аббревиатур (иными словами, сокращений первых букв исходного слова или словосочетания), слоговые сокращения максимально мотивированы благодаря тому, что сохраняются реальное формально выраженное сходство и семантическое тождество исходных слов. *Ringxiety*<*ringing+anxiety* – состояние беспокойст-

ва в тот момент, когда кажется, что слышен звонок сотового телефона или ощущается вибрация вызова (возможно, ожидается важный звонок), возникает потребность проверить дисплей, но это оказывается ложным сигналом. *To become Wirate* (<*wireless* – беспроводной + *irate* – гневный, сердитый) – сердиться по причине плохой/медленной работы беспроводного интернета.

Мотивированность инициальных аббревиатур обусловлена контекстом. *FOMO*, *fomo* <*Fear Of Missing Out* – ‘синдром упущенной выгоды’, страх пропустить социальное событие или другой положительный опыт, особенно тот, о котором стало известно из социальной сети. Антонимом выступит понятие *JOMO* <*Joy of Missing Out* – ‘радость от упущенной выгоды’, состояние радости и наслаждения от текущего дня и социального окружения.

Семантическая мотивированность переносного значения отмечается в неологизме *Qwerty tummy*, *QWERTY tummy* – это термин, обозначающий явление расстройства желудка, которое происходит от использования грязных клавиатур компьютеров (где первым компонентом выступают буквенные обозначения клавиш английской раскладки QWERTY, расположенные в верхнем ряду), так же, как и дисплея (клавиш) мобильных телефонов из-за отсутствия элементарной гигиены. Следующая аббревиатура характеризуется мотивированностью на словообразовательном уровне. *iSAD* <*internet Separation Anxiety Disorder/I am sad* – необъяснимо грустное чувство, вызванное известием о смерти основателя компании Apple С. Джобса. Неологизм, по своим структурно-графическим компонентам напоминающий всем известные аббревиатуры iPod, iPhone, iPad, появился в 2011 г. для передачи скорбных эмоций как дань уважения С. Джобсу.

Из вышеизложенного следует, что неологизмы компьютерного дискурса характеризуются семантической и морфологической мотивированностью. Продемонстрирована мотивированность новых языковых единиц на лексическом и словообразовательном уровнях. Относительная мотивированность неолексикой обусловлена языковой интенцией к созданию устойчивых лек-

сических единиц, что в результате приводит к большей адаптации неологизмов в языковой системе и речевой практике.

Литература

Сидорова Т.А. Типология мотивированности слова в когнитивном аспекте // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2006. – № 4 (24). – С. 65-72.

Смирницкий А.И. Значение слова // Вопросы языкознания. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. – 151 с.

Macmillan Dictionary. Free English Dictionary and Thesaurus. URL: <https://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения: 23.02.2022).

Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 23.02.2022).

REFERENCES

Sidorova T.A. Tipologiya motivirovannosti slova v kognitivnom aspekte // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. – 2006. – № 4 (24). – S. 65-72.

Smirnickij A.I. Znachenie slova // Voprosy yazykoznanija. – M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1955. – 151 s.

Macmillan Dictionary. Free English Dictionary and Thesaurus. URL: <https://www.macmillandictionary.com/> (accessed: 23.02.2022).

Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/> (accessed: 23.02.2022).

©Хуснуллина Ю.А., 2022

Хуснуллина Юлия Арсеновна – доцент кафедры иностранных языков. Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики (Самара, Россия).

Адрес: 443010, Россия, г. Самара, ул. Льва Толстого, 23.

E-mail: y.husnullina@mail.ru

Husnullina Yuliya Arsenovna – Associated Professor at the Department of Foreign Languages. Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics (Samara, Russia).

Л.М. ЦОНЕВА

г. Велико-Тырново, Болгария

liliconeva@abv.bg

УДК 811.161.1'42:811.161.1'38

ИГРОВОЙ АСПЕКТ ОТРАЖЕНИЯ ТЕМЫ ВАКЦИНАЦИИ ПРОТИВ КОРОНАВИРУСА

Аннотация. В работе рассматриваются некоторые особенности отражения вакцинации против коронавируса, ставшей особенно актуальной в российских СМИ в конце 2020 г. и начале 2021 г. Уделяется внимание игровому аспекту отражения темы – окказиональным лексическим единицам, а также трансформациям прецедентных текстов и фразеологизмов, прежде всего в заглавиях оценочного типа. Отмечается группа высокочастотных слов (собственно русских и иноязычных), называющих реалии, которые появились впервые или стали актуальными в условиях эпидемии. Один из ракурсов анализа таких слов – их текстогенность, участие в порождении текстов юмористического характера, в частности, анекдотов.

Ключевые слова: вакцины, вакцинация, ключевые слова, языковая игра, пандемия, коронавирус, инфекции, медиалингвистика, медиатексты, медиадискурс, средства массовой информации, юмор.

CONEVA LILYANA

Veliko-Tarnovo, Bulgaria

GAME ASPECT OF REFLECTING THE TOPIC OF VACCINATION AGAINST CORONAVIRUS

Abstract. The paper discusses some features of the reflection of vaccination against coronavirus, which became especially relevant in the Russian media in late 2020 and early 2021. Attention is paid to the game aspect of the reflection of the topic – occasional lexical units, as well as transformations of precedent texts and phraseological units, primarily in the titles of the evaluative type. There is a group of high-frequency words (actually Russian and foreign) naming realities that appeared for the first time or became relevant in the conditions of the epidemic. One of the perspectives of the analysis of such words is their textuality, participation in the generation of humorous texts, in particular, jokes.

Ключевые слова: vaccine, vaccination, keyword, language game.

Эпидемия коронавируса, начавшаяся в России в первые месяцы 2020 г., существенно изменила жизнь людей и стала центральной темой для обсуждения в неофициальном общении, в массмедиа и интернете. Существенно изменился и язык, как всегда происходит в периоды серьезных социальных и экономических потрясений, и прежде всего – язык СМИ. Именно СМИ представили уникальный материал о коронавирусе: «...медиа тоже охватила своя пандемия – пандемия словотворчества, что обусловило появление целого потока неологизмов 2020 года [Прокофьева, Щеглова 2021: 65].

Изменения в языке проявились активнее всего в лексике. Здесь следует отметить группу высокочастотных слов, своих и иноязычных, называющих реалии, которые появились впервые или стали актуальными в условиях эпидемии. В эту группу, оформившуюся довольно быстро, еще в начале 2020 г., входят как новые слова (*COVID-19/КОВИД-19/ковид-19, ковид, коронавирус, корона*), так и получившие новое значение (*маска, изоляция, шашлычник* и др.) [Цонева 2020].

В группу высокочастотных слов следует отнести и некоторые медицинские термины – *сатурация, интубация, итамм, мутация* и др. Позднее, в конце 2020 г. и начале 2021 г., когда началось активное обсуждение вакцинации против коронавируса, широкоупотребительными стали и термины *вакцина, препарат, антитела, доза, вакцинировать/ся, иммунизировать/ся, привить/ся, вакцинация, иммунизация, прививка, вакцинный, вакцинационный, прививочный, бустерный* и др.

Взросшую частотность употребления подобных слов за рамками научного стиля можно считать проявлением медиатизации медицинского дискурса, которая является предметом внимания в интересной работе М.П. Кожарнович [Кожарнович 2021].

Некоторые из названных выше слов (например, *ковид, маска, карантин, изоляция* и др.), «задевшие за живое» абсолютно всех, стали символами времени – они называют важные для всех смыслы и находятся в фокусе общественного внимания, что дает основание обозначить их термином *ключевые слова* [Шмелева 2009].

Ключевыми можно также считать слова *вакцина* и *вакцинация* – они стали жить новой, активной жизнью, и, как многие «пандемийные слова», стали символами или маркерами времени [Цонева 2021]. Ср. об этом: *Слова «вакцина» и «вакцинация» стали наиболее популярными в русскоязычных сегментах Twitter, «ВКонтакте», «Одноклассников», Facebook, Instagram, Youtube, Telegram, TikTok, а также на форумах и в блогах, говорится в исследовании компании «Медialogия». В целом в период с 1 января по 23 декабря 2021 г. пользователи упомянули данные слова 63,72 млн раз.* (Ведомости 28.12.2021)

Как и другие ключевые слова, слова *вакцина* и *вакцинация* имеют интересные характеристики – текстогенность, высокую частотность, словообразовательную продуктивность, расширенную сочетаемость, участие в языковой игре и т. д. [Шмелева 2009: 63-68].

Текстогенность данных слов (способность «порождать» большое количество текстов разных жанров) проявляется в огромном количестве текстов СМИ разной направленности, а также в интернете.

Отдельная тема – порождение текстов юмористического характера, например, анекдотов. Темой анекдотов, как правило, становятся важнейшие для общества вещи, в том числе самые серьезные и даже трагические события, такие как кризис, санкции и т. д.; они, как известно, являются отдушиной, формой сопротивления обстоятельствам жизни [Цонева 2012].

Приведем пример типичного двучастного анекдота, в котором есть начало, создающее интригу, и неожиданный или парадоксальный конец: *Продолжают поступать тревожные сообщения о побочных эффектах вакцины Pfizer в Израиле. На этот раз бедствие постигло 40-летнюю женщину-врача. Через неделю после первой прививки от нее ушел муж к 20-летней невакцинированной медсестре.*

Второй пример относится к актуальному типу короткого анекдота, из одного предложения: *Рюмка водки, которая раньше называлась «на посошок», теперь называется «бустер».*

Анализ анекдотов, как и текстов о вакцинации вообще, позволяет увидеть, что с течением времени фокус интереса к

теме меняется, и на передний план выходят различные актуальные вопросы, среди которых создание вакцинных препаратов и конкуренция между ними, массовая вакцинация, отношение к вакцинации и ее эффективности, побочные эффекты вакцинации и т. д.

Важная особенность рассматриваемых текстов – стремление к вербальной креативности для экспрессивного выражения актуального содержания, что находит выражение, кроме всего, в различных формах языковой игры. Ср. об этом: «Гибкость, адаптивность, креативность, способность быстро осваивать ранее неизвестное – все это не про требования к какой-нибудь модной вакансии. Это про наш язык. Изменения, кризисы и перипетии, которые с нами происходят, сразу же находят свое выражение в «великом, могучем, правдивом и свободном». А пандемия, бесспорно, не просто повлияла на наш образ жизни, но и изменила его навсегда» (timeout.ru01.06.2020)

Языковая игра – сложный феномен, функции которого не ограничиваются созданием комического эффекта [Гридина 2008: 4]. Языковую игру все чаще связывают с креативными возможностями языковой личности, она – способ реализации способностей языковой личности, творческий акт, который демонстрирует ее индивидуальный стиль [Подольская 2008: 44].

Рассмотрим некоторые проявления языковой игры, в которые включаются не только слова *вакцина* и *вакцинация*, но и другие тематически связанные слова, в том числе уже упомянутые медицинские термины. В них, как правило, проявляется характерное для современной языковой личности стремление не только и не просто обозначить, но и оценить новое, выразить отношение к нему.

Традиционное для современных СМИ средство экспрессивизации текста – словообразовательные игры, в частности – окказиональные слова. Они, как известно, создаются по различным моделям и выражают эмоционально-оценочное отношение к обозначаемому.

Например, существительные для называния лиц, в массе своей окказиональные, относятся к 2021 г., когда люди в России, как и люди в других странах, разделились на сторонников и

противников вакцинации: *Наткнулась в фейсбуке на спор прививочников с антипрививочниками* – многолюдный, интернациональный, содержательный, без хамства (почти). (Новые известия 13.01.2021)

Ср. аналогичные примеры из интернета: *Зачем столкнули ваксов с антиваксами* (fishki.net 10.08.2021); *За неимением настоящих проблем, тягот и лишений, общество вдруг разделилось на ваксеров и антиваксеров* (zen.yandex.ru 27.11.2021); *Тем не менее мне казалось важным подойти к сообществу антивакцинищиков именно с позиции диалога* (itmo.ru 26.08.2021).

Отметим и сложные окказиональные слова, называющие новые реалии: *В мировую моду начал входить вакцинотуризм в Россию; Другая категория вакцинотуристов – те, кто препаратам, используемым на их родине, по каким-то причинам не доверяет* (Московский комсомолец 11.02.2021); *Вакциноконкурентное преимущество* (Коммерсант 24.06.2021) – заглавие текста о том, что работодатели предпочитают назначать вакцинированных сотрудников.

Особый интерес в плане игрового словотворчества представляет контаминация – способ компрессивного словопроизводства путем объединения двух слов в результате совмещения их частей (начальных и/или конечных).

Приведем пример контаминанта, объединяющего слова *вакцина* и *циники*, выражающего в сжатой форме негативную оценку некорректного отношения к российской вакцине за рубежом: *Вакциники: какие антиковидные меры ждут иностранцев в Европе. И можно ли в ЕС работать и учиться привитым «Спутником V»* (Известия 27.11.2021)

К самым ярким проявлениям окказиональности можно отнести следующий пример: *Краеугольный вопрос Европы/Вакцинация в странах ЕС разворачивается медленно* (Коммерсант 12.01.2021), в котором выделенное слово можно трактовать неоднозначно – как контаминант или как паронимическую аттракцию.

Приведенные выше немногочисленные примеры окказиональных единиц подтверждают наше наблюдение, что

здесь в целом меньше нового. Множество таких единиц, в том числе ярких, игровых, демонстрирующих гибкость языка, появилось в 2020-м г., в начале эпидемии, когда можно говорить о лавине, шквале производных слов, прежде всего от актуальных основ *ковид*, *корона*, *карантин*, *маска*, *зоот* и т. д. Именно к 2020 г. относится и подавляющее большинство слов, вошедших в солидный «Словарь русского языка коронавирусной эпохи». Ср. сказанное авторами словаря в предисловии: «Такой языковой карнавал, такой лингвистический «пир», который происходил на страницах СМИ и интернета во время «чумы XXI века», как лингвопсихологическая реакция на пандемию коронавирусной инфекции COVID-19 и особенно – на карантин и самоизоляцию, обусловленные ею, безусловно, заслужил самостоятельного, целенаправленного и обобщенного анализа» [Словарь 2021: 4].

К проявлениям языковой игры относится и окказиональная сочетаемость слов – создание непривычных, иногда «невозможных» сочетаний. Ср. расширенную сочетаемость слова *вакцинный*, определяющего чаще всего слово *препарат*: ***Вакцинный раскол ведет человечество в новое Средневековье*** (Взгляд 12.08.2021); ***Вакцинный туризм способен радикально поменять имидж России за рубежом*** (Взгляд 13.04.2021).

О нарушении правил лексико-семантической сочетаемости слов *прививка* и *вакцина* можно говорить в следующих примерах: ***Похоже, для начала французам предстоит получить прививку от недоверчивости*** (Коммерсант 27.12.2020); ***Вакцинация от мошенников. В сети растут продажи сертификатов о прививках*** (Коммерсант 06.07.2021)

Самые яркие и интересные примеры в нашей картотеке – трансформации прецедентных текстов, которые считаются одной из самых востребованных в печатных СМИ форм речетворчества.

Рассмотрим всего несколько примеров из нашей картотеки. Все они относятся к национальной прецедентности (русская литература, музыка, кино и т.д.), которая, как отмечает О.А. Леонтович, предполагает «понятность текста для представителей определенной культуры на основе установления

соответствующих интертекстуальных связей» [Леонтович 2022: 104].

Трансформация в приведенных примерах состоит в замене компонента исходного текста новым, направляющим внимание на содержание и на формирование определенной оценки этого содержания. Новые слова, включаемые в знакомые адресату цитаты, называют актуальные для ситуации реалии и обеспечивают связь с конкретным текстом.

Такие трансформы располагаются в заглавиях оценочного типа и обычно «расшифровываются» в лиде, в подзаглавии или в самом тексте.

К концу 2020 г. относятся данные ниже примеры из текстов, в которых обсуждается актуальная тема о создании вакцин в разных странах и о конкуренции между ними.

В заглавии ***Прививка** свыше нам дана* (Коммерсант 23.11.2020) есть замена компонента исходного текста А.С. Пушкина *Привычка свыше нам дана*; новый компонент меняет традиционное восприятие текста, а внимание адресата направляется на важность вакцинации, объявленной президентами, о чем сообщает подзаглавие: *Как Владимир Путин и Дональд Трамп дали старт поединку вакцин*.

В заглавии текста о начале вакцинации в странах ЕС *От прививки станет всем светлей* (Коммерсант 29.12.2020) использована строчка из веселой детской песенки *От улыбки станет всем светлей*; она направлена, как нам кажется, на «снятие» серьезности темы массовой вакцинации.

В начале 2021 г., когда началась массовая вакцинация в России и других странах, на передний план вышел актуальный вопрос о сопротивлении вакцинации со стороны многих граждан.

О сомнениях в необходимости вакцинации говорится в тексте *Не уколйй меня без нужды* (Коммерсант 08.02.2021); заглавием текста стала строчка из популярного романа *Не укорйй меня без нужды*, в которой замена компонента направляет внимание на содержание.

Нежелание россиян вакцинироваться является темой и текста *Велика Россия, а уколоть некого* (Коммерсант 29.01.2021);

экспрессивность заглавия создается благодаря тому, что включение глагола *уколоть* меняет торжественно-приподнятую окраску исходного текста – крылатой фразы времен Великой Отечественной войны *Велика Россия, а отступать некуда – позади Москва!*, которая часто цитируется в сокращенном варианте *Велика Россия, а отступать некуда!*

Заглавие *Страшной вакцины зверя нет* (Коммерсант 20.10.2021) направляет внимание на содержание текста о слабых темпах вакцинации, в первую очередь из-за страха вакцинации, о чем информирует подзаглавие: *Чего боялись россияне в третьем квартале 2021 года*. Исходный текст – строчка из басни И.А. Крылова *Страшнее кошки зверя нет* – позволяет настроить адресата на ироническую оценку этих страхов.

В заголовках оценочного типа, направленных на яркое, экспрессивное преподнесение сообщения, используется и трансформация фразеологизмов [Раденкова 2018: 285].

К началу 2021 г., когда стартовала массовая вакцинация в России, относится текст *Нашла игла на камень* (Коммерсант 22.01.2021); на восприятие содержания текста, в котором обсуждается нежелание россиян вакцинироваться, направлен трансформированный фразеологизм *Нашла коса на камень*, которым обозначают нежелание уступить, принять чужое мнение. К концу 2021 г. относится и текст *На вакцину надейся – а сам не плошай!* (Комсомольская правда 11.10.2021); трансформированная пословица *На бога надейся, а сам не плошай* уже в заглавии привлекает внимание к анализируемой в тексте необходимости в дополнительных мерах для укрепления иммунитета после вакцинации.

Особого внимания заслуживают примеры, в которых можно говорить о переплетении (взаимодействии, конвергенции) различных форм языковой игры. Так, трансформированный книжный фразеологизм *Земля обетованная*, которым обозначают благодатное место, где царит счастье, становится заглавием текста об успехах массовой вакцинации в Израиле: *Земля привитованная* (Коммерсант 18.01.2021); экспрессивность заглавия усиливается в результате замены компонента стандартного состава паронимическим

окациональным словом.

Обобщая сказанное, отметим необходимость дальнейшего изучения стремления к экспрессивному, к игровому выражению серьезного содержания – важной особенности языка коронавирусного времени. Оно позволяет понять не только ситуацию, но и отношение к ней, ее оценку со стороны людей, носителей языка, которые пытаются с этой ситуацией справиться и идти дальше.

Литература

Гридина Т.А. Языковая игра в художественном тексте. Монография. Екатеринбург, 2008.

Кожарнович М.П. Медиатизация медицинского дискурса: способы, атрибуты и риски. // Медиалингвистика, 8 (4), С. 421–437. DOI: 10.21638/spbu22.2021.408

Леонтович О.А. Слово и образ в поисках друг друга. Монография. Волгоград, 2022.

Подольская О.С. Метафора как форма языковой игры. // Гуманитарные и социально-экономические науки. № 2 (39). Ростов-на-Дону, 2008. – С. 43-47.

Прокофьева Н.А., Щеглова Е.А. Роль медиа в создании языка коронавирусной эпохи: пандемия словотворчества. // Русский язык коронавирусной эпохи. – СПб., 2021. – С. 52–66.

Раденкова Е.К. Оценочный потенциал русских фразеологических единиц в заголовках медиатекстов. // Двенадцатый международный симпозиум «Русистика в современном мире». Доклады и сообщения. Велико-Тырново, 2018. – С. 285-289.

Словарь русского языка коронавирусной эпохи. Сост. Х. Вальтер, Е.С. Громенко и др. СПб., 2021.

Цонева Л. Думата криза в медийния дискурс. Монография. Велико-Тырново, 2012.

Цонева Л. Эпидемия коронавируса и русский язык. // Современные тенденции в изучении русского языка, культуры и истории. Сборник материалов научно-практической конференции 2 – 3 октября 2020 г. София, 2020. – С. 9-19.

Цонева Л.М. Особенности отображения вакцинации против коронавируса в медийном дискурсе. // Политическая лингвистика. – № 6 (90). Екатеринбург, 2021. – С. 37-45. DOI: 10.26170/1999-2629_2021_06_04.

Шмелева Т.В. Кризис как ключевое слово текущего момента. // Политическая лингвистика. – № 2 (28). Екатеринбург, 2009. – С. 63–68.

REFERENCES

Gridina T.A. Yazykovaya igra v hudozhestvennom tekste. Monografiya. Ekaterinburg, 2008.

Kozharnovich M.P. Mediatizaciya medicinskogo diskursa: sposoby, atributy i riski. // Medialingvistika, 8 (4), S. 421–437. DOI: 10.21638/spbu22.2021.408

Leontovich O.A. Slovo i obraz v poiskah drug druga. Monografiya. Volgograd, 2022.

Podol'skaya O.S. Metafora kak forma yazykovoj igry. // Gumanitarnye i social'no-ekonomicheskie nauki. № 2 (39). Rostov-na-Donu, 2008. – S. 43–47.

Prokof'eva N.A., SHCheglova E.A. Rol' media v sozdanii yazyka koronavirusnoj epohi: pandemiya slovotvorchestva. // Russkij yazyk koronavirusnoj epohi. – SPb., 2021. – S. 52–66.

Radenkova E.K. Ochenochnyj potencial russkih frazeologicheskikh edinic v zagolovkah mediatekstov. // Dvenadcatyj mezhdunarodnyj simpozium «Rusistika v sovremennom mire». Doklady i soobshcheniya. Veliko-Tyrnovo, 2018. – S. 285–289.

Slovar' russkogo yazyka koronavirusnoj epohi. Sost. H. Val'ter, E.S. Gromenko i dr. SPb., 2021.

Coneva L. Dumata kriza v medijniya diskurs. Monografiya. Veliko-Tyrnovo, 2012.

Coneva L. Epidemiya koronavirusa i russkij yazyk. // Sovremennye tendencii v izuchenii russkogo yazyka, kul'tury i istorii. Sbornik materialov nauchno-prakticheskoy konferencii 2 – 3 oktyabrya 2020 g. Sofiya, 2020. – S. 9–19.

Coneva L.M. Osobennosti otobrazheniya vakcinacii protiv koronavirusa v medijnom diskurse. // Politicheskaya lingvistika. – №6 (90). Ekaterinburg, 2021. – S. 37–45. DOI: 10.26170/1999-2629_2021_06_04.

SHmeleva T.V. Krizis kak klyuchevoe slovo tekushchego momenta. // Politicheskaya lingvistika. – № 2 (28). Ekaterinburg, 2009. – S. 63–68.

©Цонева Л.М., 2022

Цонева Лиляна Михайлова – профессор,
Кандидат филологических наук
Адрес 5002, Болгария, г. Велико-Тырново,
ул. Йонювка, 6А
E-mail: liliconeva@abv.bg

Coneva Lilyana Mihaylova – profes-
sor, PhD
Veliko-Tarnovo, Bulgaria.

Раздел III. ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТИ

И.А. БУБНОВА
г. Москва, Россия
aribubnova@gmail.com

УДК 81'23

ПОЧЕМУ «ПОКРАСНЕЛА» ЗВУКОБУКВА Я?

Аннотация. В статье рассматривается проблема индивидуального восприятия цвета звукобукв национального алфавита, которая отражает культурные различия между народами и является частью слова как «живого знания» (термин А.А. Залевской). Представлены результаты экспериментального исследования, подтверждающего выдвинутую автором работы гипотезу о сдвиге в восприятии цвета звукобукв носителями русской культуры. Доказывается, что наблюдаемые процессы непосредственно связаны с замещением национальных культурных ценностей, обуславливающих изменения в процессе мировосприятия на индивидуальном уровне.

Ключевые слова: цветовосприятие, звукобуквы, национальный алфавит, национальная культура, динамика, культурные ценности

BUBNOVA IRINA A.
Moscow, Russia

WHY HAS THE SOUND-LETTER / BECOME “RED”?

Abstract. The article deals with the problem of individual perception of the color of sound-letters of the national alphabet, which reflects cultural differences between peoples and is regarded as a part of the word as “living knowledge” (A.A. Zalevskaya’s term). The results of an experimental study confirming the hypothesis about a shift in the perception of the color of letters by the carriers of Russian culture are presented. It is proved that the

observed processes are directly related to the replacement of national cultural values, which cause changes in the process of world perception at the individual level.

Keywords: Color perception, sound-letters, national alphabet, national culture, dynamics, cultural values.

Дискуссии о том, насколько язык влияет на мировосприятие и мышление говорящего на нем народа, ведутся в науке уже не одно столетие. Казалось, что этот спор в пользу универсальности процесса мышления окончательно был решен Н.Хомским [Chomsky, 1957], с появлением теории которого мнение о минимальном воздействии языка на восприятие человеком окружающего мира стало доминирующим. Однако, несмотря на кажущуюся окончательную победу универсалистов над культуралистами, данные современных исследований свидетельствуют, что эта проблема далека от своего окончательного решения: эксперименты подтверждают существенное воздействие языка на все базовые функции психики – память, ассоциации, внимание и восприятие [Goldstein, Davidoff, 2008, Sera, Elieff, Forbes, Burch, Rodriguez, & Dubois, 2002, Tan, L.M. et al, 2008 и др.].

Но наиболее явным индикатором, позволяющим понять, насколько значительны различия между людьми, накладываемые языком и культурой, уже давно стал цвет, с последней трети XX века вновь оказавшийся в фокусе внимания лингвистов, не только доказавших существование культурно обусловленных несовпадений в цветовом восприятии [He, Li, Xiao, Jiang, Yang, & Zhi, 2019, Twomey et al, 2021 и др.], но и продемонстрировавших наличие цветовой и ряда иных содержательных характеристик (размера, формы и др.) у звуков, коррелирующих с языком, на котором думает и говорит индивид [Горелов, 2003, Журавлев, 1991, Залевская, 2005]. Эти зрительные образы являются неотъемлемой частью лексикона человека, в сознании которого любое слово представляет собой «живое знание», формирующееся в процессе познания окружающей реальности, обусловленное особенностями протекания всех когнитивных процессов и определяющее, в конечном итоге, специфику его образа мира, «который начинает формироваться у ребенка до

овладения языком и далее самоорганизуется параллельно с формированием и совершенствованием языкового знания как средства/инструмента познания и социализации через общение» [Залевская, 2014, с. 70].

Фиксируемое в настоящее время изменение среды, прежде всего – культурной, где происходит развитие и становление личности, вызванное глобализационными процессами, цифровизацией и виртуализацией всех сфер жизни, не может не затрагивать мировосприятие человека. Вполне логично предполагать, что данное влияние распространяется и на достаточно стабильные, культурно зависимые сферы, в том числе и восприятие цвета звукобукв, связанное, с одной стороны, с особенностями видения мира определенным лингвокультурным сообществом, а с другой, с аффективной сферой психики человека, так как «человек всегда воспринимает и перерабатывает опыт при наличии определенного эмоционально-оценочного отношения к этому опыту» [Залевская, 1999, с. 35]. Проверка данной гипотезы являлась **основной целью** проведенного нами экспериментально-исследования.

Методология, методы, материал и процедура исследования

Методологической основой проведенного исследования послужили разработанные в отечественной психолингвистике положения о специфике психологической структуры значения слова (по А.А. Леонтьеву), которое, вслед за А.А. Залевской, понимается нами как индивидуальное или «живое знание», как средоточие «пучка связей, прямо ведущих к продуктам многочисленных актов глубинной предикации, что в комбинации со связями по линии звуковой и графической формы слов дает ту многомерную систему связей, на которую неоднократно указывает А.Р. Лурия» [Залевская, 2005, с. 124].

Для выявления цветовосприятия буквы как компонента психологической структуры значения, как признака, определяющего характер эмоционально-личностного отношения индивида к значительно более широкому кругу феноменов, ассоциируемому со звуком в индивидуальном сознании, в качестве основного использовался метод свободного ассоциативного эксперимента.

В список стимулов были включены все гласные буквы русского алфавита – *а, е, и, о, у, э, ю, я, ы*, а также согласный *й*.

Респондентами в исследовании выступили студенты и выпускники университетов. Общее количество участников эксперимента 105 человек, средний возраст 25 лет. Гендерный фактор во внимание не принимался.

В работе учитывалась только первая ассоциативная реакция (АР), данная каждым респондентом на предложенный стимул. В ходе обработки данных применялся метод статистического анализа. Полученные в ходе эксперимента АР сравнивались с данными массовых ассоциативных экспериментов, проведенных в последней трети XX века А.П. Журавлевым [Журавлев, 1991].

Результаты и их обсуждение

Согласно полученным данным в XXI веке в сознании носителей русского языка не изменилось восприятие цвета лишь двух гласных букв – *а, е*. Цветовая окраска остальных позволяет отметить несколько ярко выраженных сегодня тенденций: во-первых, резкое (около 50%) расхождение с зафиксированными ранее соответствиями «буква – цвет»; во-вторых, отсутствие согласованного группового мнения в оценке цвета какой-либо буквы; в-третьих, уменьшение частоты появления определенных цветов либо явный сдвиг цветового спектра в восприятии какой-то буквы.

Представляется, что все выявляемые тенденции вполне могут объясняться с точки зрения пересмотра основополагающих ценностей национальной лингвокультуры, прежде всего, отношением к собственной личности, обусловленным кардинальной трансформацией социума, что в совокупности определяет изменения, в том числе и на уровне цветовосприятия, в сознании отдельной личности.

Именно заметный сдвиг от *желтого* в сторону *оранжево-красного* (46% красно-оранжевый; 54% – другие) в цветовосприятии буквы *я*, на наш взгляд, и является наиболее показательным в нашем эксперименте. В данном случае следует особо отметить, что характеристики, определяющие вектор воздействия цвета на человека [Клар, Люшер, 1996], позволяют предполагать существование определенных корреляций между цветом

в индивидуальном сознании, установками и наиболее устойчивыми чертами личности. И если в XX веке среднестатистический носитель русской лингвокультуры ассоциировал букву *я* со светло-желтым, символизирующим *отзывчивость, активность, веселость, стремление к общению* [там же], т.е. достаточно типичные этнические черты [Касьянова, 1994], то в настоящее время цветовосприятие звукобуквы *я* свидетельствует о перестройке индивидуального образа мира, смене позиции с другоцентричной на я-центричную, переходе от *растворения* в других и мире к *наступлению, агрессивности, возбужденному состоянию*. Эта направленность современного молодого человека на собственное *я*, рассматриваемое как нечто уникальное, поддерживаемая ценностными приоритетами, навязываемыми глобальной культурой, отмечается во многих работах, выполненных в рамках психолингвистической парадигмы уже в XXI веке [Бутакова 2021, Гридина 2016, Коновалова 2012 и др.].

Еще одним косвенным подтверждением изменения восприятия самого себя и своего отношения к миру может служить и значительное уменьшение числа респондентов, называющих синий и его оттенки, которые являются отражением состояния *слияния, покоя и гармонии*, как цвета, характеризующие буквы *и, у*.

Появляется в цветовосприятии некоторых букв и серый цвет, символизирующий *нейтральность, отсутствие какой-либо психологической нагрузки*, который не фиксировался раньше и может также свидетельствовать о снижении эмпатии, подтверждаемой многочисленными проявлениями жестокости по отношению к окружающим, о которых ежедневно сообщают СМК, о стремлении индивида к отстранению от других, к фокусировке на собственных чувствах и эмоциях, не просто характерной, но и воспитываемой в человеке с раннего детства.

Не менее важным фактом оказывается и «размывание» оценок, отсутствие общего мнения, которое, как представляется, имеет в своей основе две причины. Первая – это уже упомянутое выше стремление подчеркнуть свою индивидуальность, непохожесть на других, культивируемое в человеке последние десятилетия практически с рождения. Вторая, на наш взгляд, непосредственно связана с модным сегодня «билингвизмом», тен-

денцией к употреблению заимствованной из английского языка лексики, превращающей в настоящий момент русский язык в подобие пиджина. Это косвенно подтверждается исследованиями О.И. Уланович, отмечающей «заметное совпадение фоносемантических профилей символов в обоих языках (*в русском и английском, примечание наше – И.Б.*), обозначающих гласные звуки, по доминантным цветовым характеристикам» [Уланович 2013], которое объясняется тем фактом, что «сходство артикуляционно-акустических параметров звуков речи в разных языках способствует переносу качеств, ассоциируемых с символами родного языка, на знаки иностранного языка на основании аналогии и подобия» [там же: 48]. Однако, на наш взгляд, вполне вероятен и обратный процесс, когда ценности чужой культуры, в частности отношение к своему я, которое занимает ядерное положение в англо-саксонской картине мира [Уфимцева 2017], присваивается сознанием современного носителя русской культуры. Собственно, именно важность данного процесса и отмечает автор упомянутой выше работы, обозначая его, вслед за Т.С. Серовой как максимальную интеграцию «ментальных знаков, выступающих репрезентациями в сознании языковых единиц, с определенными интеллектуальными и смысловыми компонентами, отражающими когнитивные значимости единиц во всем разнообразии речевых и социальных практик, а также аффективными компонентами сознания, связанными с отношением и субъективной оценкой тех или иных сопряженных с единицами языка явлений» [Серова 2010: 8]), однако с размыванием ценностей национальной культуры, изменением содержания языковой личности это в исследовании не связывается, хотя, на наш взгляд, такие корреляции весьма очевидны.

Заключение

В целом полученные экспериментальные данные дают веские основания утверждать, что национальная цветовая картина мира, которая была глубоко исследована в рамках отечественной психолингвистики в области цветобуквенных обозначений, в сознании молодого поколения носителей русской лингвокультуры динамично изменяется. Более того, наблюдаемые сдвиги, проявляющиеся в уменьшении количества цветов, олицетво-

ряющих состояние гармонии с миром, его позитивное восприятие, и, напротив, увеличение числа респондентов, ассоциирующих свое я с агрессией, наступлением как желаемым либо действительным состоянием, отражают не просто изменения на уровне отдельной личности, но изменения национального мировосприятия, вызванные иной культурой внедряющей свои установки в сознание человека.

Безусловно, эти выводы требуют тщательной проверки в ходе дальнейших исследований, однако уже выявленные тенденции, как представляется, в любом случае заслуживают самого пристального внимания.

Литература

Бубнова И.А., Зыкова И.В., Красных В.В., Уфимцева Н.В. (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем. М.: Гнозис, 2017. С.21–97.

Бутакова Л. О. Языковая способность, речевая компетенция, речевая деятельность представителей поколения Z // Русский язык в школе. 2021. Т. 82. № 4. С. 61–74. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-4-61-74

Горелов И. Н. Избранные труды по психолингвистике. М: Лабиринт, 2003.

Гридина Т. А. "Своя игра": ребенок в мире языка: Монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2016.

Журавлев А. П. Звук и смысл. 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1991.

Залевская А. А. Интерфейсная теория значения слова: психолингвистический подход: монография. Лондон: Международная академия наук и высшего образования, 2014.

Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст. Избранные труды. М.: «Гнозис», 2005.

Залевская А. А. Психолингвистический подход к анализу языковых явлений // Вопросы языкознания. 1999. Вып. 6. С. 31–43.

Касьянова К. О русском национальном характере. М.: Институт национальной модели экономики, 1994.

Клар Г., Люшер М. Магия цвета. Харьков: Сварог, АО «Сфера», 1996.

Коновалова Н. И. Модель описания культурной семантики языковых единиц в словаре // Педагогическое образование и наука. 2012. № 11. С. 18–20.

Серова Т. С. Сбалансированный билингвизм и механизм языкового переключения в устной переводческой деятельности в условиях диалога языков и культур // Вестн. Том. гос. ун-та. Язык и культура. 2010. №4 (12). С. 44–56.

Уланович О. И. Суггестивная функция языковых звукоизобразительных символов: проблема передачи эффектов воздействия при переводе рекламных слоганов // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. №4 (24). С. 43–52.

Chomsky N. Syntactic structures. Mouton& Co., N.V., 1957.

Goldstein J., Davidoff J. Categorical perception of animal patterns. British Journal of Psychology, 2008. V. 99. P. 229-243. DOI: 10.1348/000712607X2 2855

He H., Li J., Xiao Q., Jiang S., Yang Y., & Zhi S. Language and color perception: evidence from Mongolian and Chinese speakers. Front. Psychol. 2019. P.10:551. DOI: 10.3389/psyg.2019.00551.

Sera M.D., Elieff C., Forbes J., Burch M.C., Rodriguez W., & Dubois P. When language affects cognition and when it does not: An analysis of grammatical gender and classification. Journal of Experimental Psychology: General/ 2002. V. 131:3. P. 377-397. DOI: 10 1037//0096-3445.131.3.377

Tan L.H., A.H.D.Chan, P.Kay, P.L.Khong, L.K.C.Yip, and K.K.Luke. Language affects patterns of brain activation associated with perceptual decision. Proceedings of the National Academy of Sciences. 2008. V. 105 (10). P. 4004-09

Twomey et al. What we talk about when we talk about colors. PNAS. 2021. V. 118. P. 39 e2109237118 DOI:10.1073/pnas.2109237118.

REFERENCES

Bubnova I.A., Zykova I.V., Krasnyh V.V., Ufimceva N.V. (Neo)psiholingvistika i (psiho)lingvokul'turologiya: novye nauki o cheloveke govoryashchem. M.: Gnozis, 2017. S.21–97.

Butakova L. O. YAzykovaya sposobnost', rechevaya kompetenciya, rechevaya deyatel'nost' predstavitelej pokoleniya Z // Russkij yazyk v shkole. 2021. T. 82. № 4. S. 61–74. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-4-61-74

Gorelov I. N. Izbrannye trudy po psiholingvistike. M: Labirint, 2003.

Gridina T. A. "Svoya igra": rebenok v mire yazyka: Monografiya. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2016.

ZHuravlev A. P. Zvuk i smysl. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Prosveshchenie, 1991.

Zalevskaya A. A. Interfejsnaya teoriya znacheniya slova: psiholingvisticheskij podhod: monografiya. London: Mezhdunarodnaya

akademija nauk i vysshego obrazovaniya, 2014.

Zalevskaya A. A. Psiholingvističeskie issledovaniya. Slovo. Tekst. Izbrannye trudy. M.: «Gnozis», 2005.

Zalevskaya A. A. Psiholingvističeskij podhod k analizu yazykovyh javlenij // Voprosy yazykoznanija. 1999. Vyp. 6. S. 31–43.

Kas'yanova K. O russkom nacional'nom haraktere. M.: Institut nacional'noj modeli ekonomiki, 1994.

Klar G., Lyusher M. Magiya cveta. Har'kov: Svarog, AO «Sfera», 1996.

Konovalova N. I. Model' opisaniya kul'turnoj semantiki yazykovyh edinic v slovare // Pedagogičeskoe obrazovanie i nauka. 2012. № 11. S. 18–20.

Serova T. S. Sbalansirovannyj bilingvizm i mekhanizm yazykovogo pereklyčeniya v ustnoj perevodčeskoj deyatelnosti v usloviyah dialoga yazykov i kul'tur // Vestn. Tom. gos. un-ta. YAzyk i kul'tura. 2010. №4 (12). S. 44–56.

Ulanovich O. I. Suggestivnaya funkciya yazykovyh zvukoizobrazitel'nyh simvolov: problema peredachi effektov vozdejstviya pri perevode reklamnyh sloganov // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. 2013. №4 (24). S. 43–52.

©Бубнова И.А., 2022

Бубнова Ирина Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной филологии. Московский городской педагогический университет (Москва, Россия). Адрес: 129226, Россия, Москва, ул. 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4. E-mail: aribubnova@gmail.com

Bubnova Irina Aleksandrovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Foreign Philology. Moscow City University (Moscow, Russia)

И. А. ВАУЛИНА

г. Екатеринбург, Россия

phonosemant@mail.ru

УДК 81'276 .3

КРАШ И КРАШИХА: ФОНОСЕМАНТИКА В МОЛОДЕЖНОМ ЖАРГОНЕ¹

Аннотация. В статье анализируется феномен фоносемантической экспрессивности единиц молодежного сленга. Характеризуется соответствие/несоответствие фоносемантических ассоциаций нормам эвфонии современного русского языка, а также отражение фоносемантической значимости, ассоциативного наполнения и потенциального оценочного функционала таких слов в номинативных и коммуникативных практиках носителей молодежного сленга. В качестве материала для исследования привлечены англицизмы, популярные в современном Интернет-дискурсе: *краш*, *кринж*, *трэш*, *изи*, *хейтить*. Отобранные лексемы анализируются с применением методов фоносемантического анализа (в том числе с использованием компьютерных программ). Экспрессивный потенциал фоносемантов верифицируется с использованием психолингвистического метода прямого толкования. Проведенный эксперимент выявил высокую степень корреляции между эмоционально-оценочными ассоциациями, вызванными звучанием слов, и их смысловым наполнением в молодежном жаргоне, что позволяет сделать вывод о фоносемантической экспрессивности такого рода языковых единиц. Результаты исследования могут быть использованы в школьной и вузовской практике преподавания русского языка и литературы, при изучении молодежного сленга и причин его появления в русском языке. Полученные данные могут послужить основанием для выделения критериев оценки слов-фоносемантов в разного рода коммуникативных и номинативных практиках, соответствующих языковому вкусу современной молодежной аудитории.

Ключевые слова: молодежный сленг, англицизм, языковое сознание, психолингвистические эксперименты, фоносемантика, коммуникативные практики, молодежь, молодежный жаргон.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20075, <https://rscf.ru/project/22-28-20075/>

VAULINA IRINA A.

Ekaterinburg, Russia

CRASH AND КРАШИНА: PHONOSEMANTICS IN YOUTH JARGON

Abstract. The article analyzes the phenomenon of phonosemantic expressiveness of youth slang units. Correspondence/non-compliance of phonosemantic associations with the norms of euphony of the modern Russian language is characterized, as well as the reflection of phonosemantic significance, associative content and potential evaluative functionality of such words in the nominative and communicative practices of youth slang carriers. Anglicisms that are popular in modern Internet discourse are used as material for the study: *crash*, *cringe*, *trash*, *easy*, *hate*. The selected lexemes are analyzed using the methods of phonosemantic analysis (including the use of computer programs). The expressive potential of phonosemants is verified using the psycholinguistic method of direct interpretation. The experiment revealed a high degree of correlation between emotional-evaluative associations caused by the sound of words and their semantic content in youth jargon, which allows us to conclude that this kind of language units is phonosemantic expressiveness. The results of the study can be used in school and university practice of teaching the Russian language and literature, in the study of youth slang and the reasons for its appearance in the Russian language. The data obtained can serve as a basis for identifying criteria for evaluating phonosemantic words in various kinds of communicative and nominative practices that correspond to the linguistic taste of the modern youth audience.

Keywords: youth slang, anglicism, linguistic consciousness, psycholinguistic experiment, phonosemantics, communicative and nominative practices

В языковом пространстве современного города важную роль играет молодежный лингвокреатив, в частности, представленный в сленге современных подростков (преимущественно в Интернет-пространстве) жаргонизмами типа *изи*, *вкраишиться*, *ауфф*, *кринж*, *кринжовый*, *рофлить*, *сасный*, *хайп*, *хейтить*, *шеймить*, *трэш*, *фейк*, *хикка* и т.п.

Например, *краш* или *крашиха* – на молодежном сленге означают возлюбленных, объект симпатии и обожания, а влюбиться, говоря языком тинейджеров, – *вкраишиться*. Возникает законо-

мерный научный интерес к анализу происхождения, смыслового наполнения и экспрессивного функционала таких слов, вопрос о том, в чем секрет их высокой популярности в языке молодого поколения. Настоящая статья ни в коем случае не предполагает «совершения суда» над отобранными для анализа единицами молодежного жаргона, не касается их оценки с точки зрения целесообразности или нецелесообразности использования в коммуникативных практиках, отвечающих языковому вкусу молодежной аудитории. **Цель исследования** – анализ данной группы лексем в свете их фоносемантической значимости (актуализации лексических значений и выражении экспрессивно-оценочных коннотаций, вызываемых звуковой оболочкой слов-фоносемантов в обыденном сознании говорящих). Возможно, такой подход позволит посмотреть под новым углом зрения как на единицы молодежного сленга, так и на некоторые закономерности развития лексической системы языка в целом (ср., например, отмечаемый факт существенного влияния фоносемантики на восприятие значений слов в процессе их усвоения детьми [Гридина 2018]).

Большинство слов представленного ряда является англицизмами, претерпевшими в русском языке определенные семантические трансформации.

Так, *кринж* происходит от англ. глагола *cringe* «сжеживаться» [Англо-русский словарь онлайн, URL], в русском языке имеет значение «сильное чувство стыда за действия другого человека, отвращение, брезгливость» [URL]³, возникшее на основе ассоциативного представления о физическом состоянии «сжаться от стыда»: состояние тела выступает маркером переживаемых эмоций. Лексема имеет развернутое словообразовательное гнездо: *кринжевать* (сгорать от стыда), *кринжовый* (постыдный),

² Поскольку лексемы, о которых идет речь в данном исследовании, еще не зафиксированы в словарях и официальных источниках, здесь и далее толкования их значений и примеры употребления приводятся с опорой на данные сети Интернет (форумов, чатов, страниц популярных блогеров).

³ Поскольку лексемы, о которых идет речь в данном исследовании, еще не зафиксированы в словарях и официальных источниках, здесь и далее толкования их значений и примеры употребления приводятся с опорой на данные сети Интернет (форумов, чатов, страниц популярных блогеров).

кринжеватый и др. Примеры употребления из социальных сетей: *Что за кринж?* (комментарий под фото), *Хотели, чтобы было круто и зрелищно, а вышел убогий кринж. Новый клип Лободы – сплошной кринж. Снова выкладывает в инстаграм свои кринжовые Reels. Вот к середине видео я закринжовал по максималке.*

Краш – от англ. *crush* «раздавить, растоптать, сломать» [Англо-русский словарь онлайн, URL]: образное представление о разрушительных физических действиях выступает мотивирующей основой значения «объект сильной привязанности, безответной любви» (раздавить физически = сломать психологически): *Можешь не скрывать, я уже давно поняла, что он твой краш! Не мог уснуть, из головы не выходил образ моей краш в синем платье. Ср. словить краш – впечатлиться, влюбиться: Мы общались-то всего минут пять, но я такой краш словил!*

Изи – от англ. *easy* «легко, непринужденно, неторопливо, спокойно» [Англо-русский словарь онлайн, URL]: *Это всё изи-изи на пятёрку написать! Мам, объясни бабушке, как отправить фотку в Вайбере, это же изи! Свидание не обещаю, а вот экскурсию изи.*

Слово *хейтить* (открыто выражать свою ненависть к кому, чему-л.) является калькой английского глагола *to hate* «ненавидеть» [Англо-русский словарь онлайн, URL]. Например, Интернет-хейтерами называют людей, ненавидящих чье-либо творчество и деятельность. Они всевозможными способами показывают свое презрительное отношение: *Хватит уже меня хейтить, я только сказал, что я не люблю играть в онлайн-игры; Блогер Алекс залил на Ютьюб ролики, пошли дружно их хейтить.*

Трэш – от английской экспрессы *trash* с общеоценочным значением «мусор, хлам, дрянь» [Англо-русский словарь онлайн, URL]. В молодежном жаргоне существительное является эмоциональной, передающей сильные впечатления от созерцания чего-л. шокирующего, ужасного, неприемлемого, вульгарного. При этом круг потенциальных означаемых у данного слова довольно широк, это может быть любое явление или ситуация, вызывающие шок: наряд, внешний вид кого-л. (*Ну и сумка, полный треш*), сюжет фильма с обилием «кровавых» сцен (*Жест ка-*

кая-то, лютый трэш – впечатления о просмотренном фильме), события повседневной действительности (*Проверка вчера была на работе, весь день трэш*) и т.д.

Таким образом, все рассмотренные слова имеют экспрессивную семантику: обозначают эмоции и чувства в крайней степени их проявления. Можно предположить, что появление таких единиц в языке подростков связано прежде всего со стремлением к большей выразительности, смысловой емкости высказывания, с «борьбой против скуки в языке» [Липатов 2010: 112].

Приведенные единицы молодежного сленга представляют интерес с точки зрения фоносемантики, в плане их способности самой звуковой оболочкой вызывать некие оценочные ассоциации, коррелирующие с содержанием обозначаемого. Анализ отобранных номинаций осуществлялся нами с опорой на данные о коннотативной выразительности звуков и звукокомплексов, полученных в результате экспериментальных исследований [Журавлев 1974, Воронин 1982, Левицкий 1998], а также с привлечением данных электронной программы ВААЛ, разработанной для верификации эмоционально-оценочного потенциала звуковой оболочки слова в отрыве от лексического значения.

В результате такого анализа удалось установить, что все указанные выше слова являются звуко-символическими, то есть оценочный контекст их звуковой оболочки полностью соответствует смысловому содержанию. В данном случае речь идет о звуко-символизме заимствованного слова, когда, как отмечает В.В. Левицкий, происходит «наложение» звукового восприятия иноязычного слова на имеющиеся в языке-преемнике звукоизобразительные стереотипы (с учетом их оценочной символики) и форма «случайно приходит в соответствие (с точки зрения говорящего) с содержанием этого слова» [Левицкий 1998: 66]:

Слово с лексическим значением	Оценка звуковой оболочки слова по данным программы ВААЛ
<i>краш</i>	страшный, шероховатый, угловатый, тёмный, грубый, тихий
<i>кринж</i>	страшный, шероховатый, угловатый, грубый

<i>изи</i>	нежный, женственный, легкий, маленький, веселый, яркий
<i>хейтить</i>	плохой, отталкивающий, страшный, сложный, шероховатый, низменный, трусливый
<i>трэи</i>	страшный, шероховатый, угловатый, темный

С фоносемантической точки зрения слова *кринж*, *краш* и *трэи* объединяет структура (один закрытый слог), наличие неблагозвучного сочетания взрывного согласного с вибрантом в сильной позиции абсолютного начала слова, отрицательно коннотированный шипящий согласный на конце, они целиком состоят из отрицательно маркированных звуков, что в полной мере соотносится с их значением.

Ассоциативное впечатление о чем-либо легком передается звуковой оболочкой слова *изи*: носителем коннотации выступает повторяющийся гласный высокого тона «и», который, согласно фоносемантическим исследованиям [Журавлев 1974: 205], передает представление о маленьком, легком.

Глагол *хейтить* получает в русском языке отрицательную фоносемантическую коннотацию за счет начального согласного «х», который, с точки зрения норм эвфонии русского языка, является неблагозвучным [Журавлев 1974: 56].

Из сказанного можно сделать вывод о том, что данные англицизмы в русском языке обладают яркой оценочной экспрессией, которая обусловлена совпадением их лексического значения и фоносемантических коннотаций.

Для верификации экспрессивно-оценочного восприятия звуковой оболочки лексем носителями языка нами был проведен «пилотный» психолингвистический эксперимент по методу прямого толкования [см. Гридина, Коновалова 2020: 85-94]. Поскольку предметом нашего интереса являлось то, как фонетическая структура слов способствует формированию образа потенциального денотата, какие ассоциации вызывает само их звучание и насколько эти ассоциации соотносятся с реальным значением, к участию в эксперименте привлекались респонденты старше 50 лет (всего 25 человек), с молодежным сленгом не знакомые (предварительно был проведен опрос, известны ли респондентам данные слова) [ср. аналог такого эксперимента с дет-

ским квазисловом-фоносемантом в: Гридина 2015: 45-56].

Инструкция была сформулирована следующим образом: Напишите, что могут обозначать следующие слова: *изи, кринж, хейтить, трэш, краш*.

В качестве гипотезы принималось положение о том, что ярко выраженная экспрессивная окрашенность звуковой оболочки стимулов (с точки зрения норм эвфонии русского языка) обеспечивает ее способность формировать образ потенциального денотата, который по своему эмоционально-оценочному наполнению может соотноситься с реальным значением слов в молодежном жаргоне.

Анализ полученных данных заключался в выделении ассоциативных векторов восприятия стимулов:

краш

– высшая степень положительной оценки: *красивое (3), супер-красивый, ну ты молодец, красиво, красавчик, очень даже неплохо;*

– отрицательная оценка: *что-то сильно плохое, катастрофа, страх, крах, конец;*

– эффектный: *бомбический, запоминающийся;*

– свет/ цвет: *яркий (2), что-то связано со светом, сочный, цветное платье;*

– вкусовые ассоциации: *вкусный; блюдо в ресторане;*

Звуковая оболочка стимула *краш*, с точки зрения респондентов, обладает яркой экспрессией и оценочной окраской, что в определенной степени связано со значением слова (*краш* как объект симпатии, который вызывает сильные эмоциональные переживания: с одной стороны, страдания, с другой, восхищение, восторг);

кринж

– явления, вызывающие отрицательные эмоциональные переживания: *что-то не получается, несправедливая критика; всё пропало – неудача; сигнал «внимание, тревога»;*

– аудиальные образы, неприятные, резкие, «режущие слух» звуки: *скрип ручки по бумаге, поворот со скрипом, звон стекла, криканье утят;*

– деформация, искажение и ломка: *кривое, косое; кособокий;*

коррекция, ломка, карикатура (искажение черт лица, нарушение пропорций тела на рисунке), *старый велосипед в гараже*.

Ассоциации, вызванные звучанием слова, соотносятся, во-первых, с эмоциональным компонентом его семантики (ср. отрицательные эмоциональные переживания: сильное чувство стыда, отвращение, брезгливость/ досада от неудач, несправедливой критики, тревога), с другой стороны, с образной составляющей (ср. сжаться, съёжиться от стыда/кривое, косое, ломка);

изи

– фоносемантика «формы»: 1) ассоциативное представление о чем-л. округлом, плавном, изящном: *облако (2), небольшое прозрачное озеро; хрустальная ваза, стройная девушка*; 2) тонком, остром: *игла, нитка, стрела*;

– образы, отражающие представление о легком, невесомом, воздушном: *бабочка (2), платье, пух*;

– явления социальной жизни: *перемирие, одобрение, согласие*;

трэш

– отрицательные эмоциональные переживания: *беспокойство, паника, встряска, страх, конец всему, напряг, ужас, завершение карьеры*;

– трудности, препятствия: *загруженность, напряженный труд, что-то невозможное, рисковое и опасное предприятие*;

– яркие положительные эмоции: *нечто вызывающее бурю положительных эмоций*;

– высшая степень положительной оценки: *что-то супер-хорошее, классный*;

– высшая степень отрицательной оценки: *однозначно что-то плохое, ругательство*;

– аудальные образы: *яркий музыкальный финт*.

Реакции на стимул характеризуются ярко выраженной поллярностью оценки и эмоциональной окраски. Все ассоциации содержат в себе компонент «экспрессивность», связанный с указанием на крайнюю степень проявления признака, действия, эмоции, что коррелирует со значением данного слова в молодежном сленге;

хейтить

– действия, вызывающие социальное неодобрение: *унижать, воровать мелочь из кармана, хныкать, ныть, хулиганить, подбирать хлам, дружить с плохой компанией, злобно шутить, хитрить;*

– отрицательные эмоциональные переживания: *стыдиться, тосковать, скучать;*

– аудиальные образы: *шуршать фантиками ночью, шаркать тапками по полу.*

Все реакции имеют отрицательную эмоционально-оценочную окраску, приведенные толкования близки к реальному значению стимула.

Анализ экспериментальных данных позволяет подтвердить тезис о ярко выраженной фоносемантической экспрессивности стимульных единиц. При этом «связь» звукообраза и закрепленного за ним смысла оказывается настолько устойчивой и прочной, что звуковая оболочка приобретает «прогностическую силу»: большинство респондентов в процессе толкования «угадывали» значение стимула и/или его коннотативную окрашенность. Таким образом, считаем возможным предположить, что именно «звукосимволизм заимствованного слова» (см. об этом [Левицкий 1998]) как случайное совпадение его формы и содержания объясняет стремление носителей языка к использованию такого рода англицизмов для экспрессивной оценки предмета речи или краткого, емкого выражения собственного эмоционального состояния.

Литература

Воронин С.В. Основы фоносемантики. – СПб., 1982.

Гареева Л.М. Современный молодежный сленг: его источники и разновидности// Международный научно-исследовательский журнал, Филологические науки. 2021. №9 (111). С. 129-131.

Гридина Т.А. Что такое «альдыпып»: фоносемантические проекции детского окказионального слова (экспериментальные данные)// Уральский филологический вестник. Серия: Психолингвистика в образовании. 2015. №4. С. 45-56.

Гридина Т.А. "Через язык открывается дитяти сознание...": соотношение вербального и предметного кодов в детской картине мира // Филологический класс. – 2018. – № 2(52). – С. 64-69.

Гридина Т. А., Коновалова Н.И. Методы психолингвистических ис-

следований: теория, практикум, тренинги. – Екатеринбург, 2020.

Журавлев А.П. Фонетическое значение слова. – Л., 1974.

Липатов А.Т. Сленг как проблема социолектики: монография. – М., 2010.

Левицкий В.В. Звуковой символизм: основные итоги. – Черновцы, 1998.

Словари

Англо-русский словарь онлайн. URL: <https://woordhunt.ru>.

REFERENCES

Voronin S.V. Osnovy fonosemantiki. – SPb., 1982.

Gareeva L.M. Sovremennij molodezhnyj sleng: ego istochniki i raznovidnosti// Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal, Filologicheskie nauki. 2021. №9(111). S. 129-131.

Gridina T.A. CHto takoe «al'dyupyp»: fonosemanticheskie proekcii detskogo okkazional'nogo slova (eksperimental'nye dannye)// Ural'skij filologicheskij vestnik. Seriya: Psiholingvistika v obra-zovanii. 2015. №4. S. 45-56.

Gridina T.A. "CHerez yazyk otkryvaetsya dityati soznanie...": sootnoshenie verbal'nogo i predmetnogo kodov v detskoj kartine mira // Filologicheskij klass. – 2018. – № 2(52). – S. 64-69.

Gridina T. A., Konovalova N.I. Metody psiholingvisticheskikh isledovaniy: teoriya, praktikum, treningi. – Ekaterinburg, 2020.

ZHuravlev A.P. Foneticheskoe znachenie slova. – L., 1974.

Lipatov A.T. Sleng kak problema sociolektiki: monografiya. – М., 2010.

Levickij V.V. Zvukovoj simvolizm: osnovnye itogi. – CHernovcy, 1998.

Slovari

Anglo-russkij slovar' onlajn. URL: <https://woordhunt.ru>.

©Ваулина И.А., 2022

Ваулина Ирина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и русского языка. Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия.
E-mail: phonosemant@mail.ru

Vaulina Irina Aleksandrovna – Candidate of Philology, Docent of the Department of General Linguistics and Russian Language. Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia.

В.П. ДЖИОЕВА

г. Цхинвал, Республика Южная Осетия

jio.varvilina@mail.ru

УДК 81'23:81'27

РАСКРЫТИЕ ЭТНОМЕНТАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ В МАТЕРИАЛАХ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА КАК СПОСОБ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЕРБАЛЬНОЙ КРЕАТИВНОСТИ

Аннотация. В данной статье рассматриваются некоторые особенности ассоциативного эксперимента как способа исследования вербальной креативности. Предметом исследования выступают ассоциативные реакции на один из универсальных ключевых лингвокультурных концептов, репрезентирующих языковую картину мира представителей осетинского общества. Для изучения представлений о концептах *народ/адам* в сознании южных осетин был проведен свободный ассоциативный эксперимент. Проанкетировано сто человек разного социального положения, возраста и пола. В отличие от русской лингвокультуры, где образ народа связан с сохранением и передачей знаний и опыта, осетинам как малочисленному народу свойственен близкоконтактный тип общения, поэтому устное общение служит главным каналом передачи аксиологического градуса информации. Ассоциативное ядро стимула «адам» составляет единственная реакция *единство*. По результатам ассоциативного эксперимента ядро стимула «народ» составляют реакции *люди, адам, общество, митинг*.

Ключевые слова: вербальная креативность, ассоциативные эксперименты, лингвокультурный концепт, этнокультурная специфика, языковая картина мира, лингвокультурология, языковое сознание.

DZHIOEVA VARVILINA P.

Tskhinval, Republic of South Ossetia

ANALYSIS OF ETHNO-MENTAL SPECIFICITY OF LANGUAGE CONSCIOUSNESS IN THE MATERIAL OF ASSOCIATIVE EXPERIMENT AS THE MEANS OF LANGUAGE CREATIVITY

Abstract. The present paper dwells on some peculiarities of associative experiment as the means of language creativity. The investigation is devoted

ed to the associative reactions to universal concepts, being the key linguocultural concepts, representing language picture of the world of the ossets. Associative experiment was held in the way of identifying conception of nation/people in ossetian language consciousness. Hundred respondents of different social status, age and sex were interviewed. Unlike Russian linguoculture, where nation/people is associated with preserving knowledge and experience, ossets, being a small nation, are characterized by close-contact interaction. That's why oral interaction serves as the basic channel of intermission of axiological constituent of information. Associative core of stimulus *nation* in Ossetian is presented with reaction unity. As for stimulus nation in Russian, it is actualized with reactions *people, society, meeting*.

Keywords: language creativity, associative experiment, linguocultural concept, ethnocultural specificity, language picture of the world.

В настоящем исследовании мы придерживаемся трактовки концепта, данной С. Г. Воркачёвым, согласно которой концепт – это «единица коллективного знания/сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [Воркачёв 2001: 70]. Во всех странах в современном мире народ считают основой власти и создателем истории. Таким образом, народ является одним из ключевых объектов манипулирования и популяризации [Воркачёв 2013: 4].

Согласно «Словарю современного русского литературного языка», лексема «народ» впервые появилась в словарях в 1627 г.: – Срезневский: народъ; Берында, Лекс.1627; н`ародъ; Поликарпов, Лекс.1704: нар`од [Словарь современного русского литературного языка 1958: 448].

В «Этимологическом словаре» под редакцией М. Фасмера «народ» это – диал. также «толпа, стадо (коров)», арханг. (подв.). От народ [Фасмер 1987: 45]. Некоторые исследователи считают, что исконным значением слова «народ» было «толпа, бесконечное множество, сбор(ище)» <...> [Колесов 2000: 143].

В «Историко-этимологическом словаре» под редакцией В. И. Абаева слово *adaem* «народ» имеет следующие дефиниции – люди, народ <...> [Абаев 1958: 29].

Согласно гипотезе В. фон Гумбольдта, язык представляет собой не только средство общения, но и цель, орудие мыслей и чувств народа [Гумбольдт 1985: 372]. Ассоциативный эксперимент – это метод обнаружения ассоциаций в сознании человека или групп лиц, являющихся носителями какой-либо культуры с целью определить структуру того или иного концепта.

В «Ассоциативном словаре русского языка» представлено 109 реакций на стимул «народ». Наиболее рекуррентными являются: *партия* (16), *толпа* (10). Допускается, что в русском миропонимании понятийной составляющей концепта «народ» является *схожесть убеждений, единомыслие, готовность защищаться*. К периферийным ассоциациям можно отнести такие, как: *человек, мой, наши, мир, люди, много, родной* [<http://www.thesaurus.ru/dict/>].

Анализ результатов ассоциативных экспериментов предоставляет возможность самопознания в условиях текущей языковой реальности [Уфимцева 1996: 141]. Для изучения представлений о концептах *народ/адам* в сознании носителей осетинской лингвокультуры методом свободного ассоциативного эксперимента были выделены образы, кодирующие данные концепты. Ассоциативный эксперимент со словами-стимулами «адам» и «народ» был проведен среди 100 респондентов от 15 до 65 лет, одинаково владеющих русским и осетинским языками. В эксперименте принимали участие респонденты трех возрастных групп: 15–25 лет, 26–45 лет и 46–65 лет. Реакции характеризуются разным смысловым наполнением в зависимости от возраста.

На предъявленное слово-стимул *адам* «народ, люди» были получены следующие реакции: *единство*:45 (21,43%); *осетины*:15 (7,14%); *нация*:11 (5,24%); *народ*:10 (4,76%); *общество*:5 (2,38%); *праздник*:3 (1,43%); *собрание*:4 (1,9%); *агьдау* «традиция»:5 (2,38%); *традиции*:6 (2,86%); *обычаи*:7 (3,33%); *сила*:8 (3,81); *дети*:4 (1,9%); *мужчины и женщины*:2 (0,95%); *люди*:9 (4,29%); *масса*:11 (5,24%); *толпа*:4 (1,9%); *человечество*:2 (0,95%); *публика*:5 (2,38%); *этнос*: 5 (2,38%); *добро*:3 (1,43%); *конфликт*:1 (0,48%); *много*:4 (1,9%); *дом*:2 (0,95%); *планета*:1 (0,48%); *гости*:1 (0,48%); *проблемы*:1 (0,48%); *город*:1(0,48%);

базар:1 (0,48%); *народный танец*:3 (1,43%); *ирон. «осетин(ский)»*:5 (2,38%); *мир*:5 (1,43%); *дружба*:2 (0,95%); *мы*: 2 (0,95%); *большое количество*:2 (0,95%); *школа*:1 (0,48%); *Родина*:2 (0,95%); *æмбырд «собрание»*:4 (1,9%); *тых «сила»*:4 (1,9%); *æххуыс «помощь»*:2 (0,95%).

Реакции младшей возрастной группы опрашиваемых составили 33 (15,24% от общего числа реакций). Для представителей этой группы *адæм* «народ» представляется как собрание людей, объединенных общими интересами, целями. Для средней возрастной группы опрашиваемых 59 (28,57%) *адæм* «народ» – это осетины; люди, объединенные общенациональной идеей; взаимопомощь; сила; залог благополучия. Для старшей возрастной группы респондентов стимул *адæм* «народ» ассоциируется с единством осетинского народа; национальным самосознанием; следованием традициям, обычаям предков; с Родиной. Реакции старшей возрастной группы составили 116 (56,19% от общего числа реакций).

Имя концепта *адæм* «народ» по результатам проведенного эксперимента представлено в языковом сознании южных осетин следующими составляющими: понятийной (*люди, общество, народ, человечество, публика, планета, гости, проблемы, школа, собрание, дети, мужчины и женщины, масса, толпа, много, большое количество, æмбырд*): 106 (50,96%); образно-перцептивной (*праздник, конфликт, город, базар, народный танец*):11 (5,29%); метафорической (*сила, дом, тых «сила»*): 14 (6,73%); ценностной (*единство, осетины, дружба, мир, добро, нация, æгъдау «традиции», традиции, обычаи, этнос, æххуыс «помощь», ирон «осетин (ский)», мы, Родина*): 77 (37,02%).

На основе свободного ассоциативного эксперимента со словом-стимулом «народ» были получены следующие результаты: *люди*:30 (14,71%); *адæм*:15 (7,35%); *общая культура*:14 (6,86%); *общество*:10 (4,9%); *единство*: 8 (3,92%); *традиция*: 8 (3,92%); *митинг*:7 (3,43%); *этнический состав*:7 (3,43%); *этнос*:6 (2,94%); *торжество*: 6 (2,94%); *толпа*:5 (2,45%); *сила*:5 (2,45%); *национальный танец*:5 (2,45%); *собрание*:5 (2,45%); *масса*: 4 (1,96%); *Родина*:4 (1,96%); *семья*: 4 (1,96%); *совместная история*: 4 (1,96%); *праздник*: 4 (1,96%); *страна*: 4 (1,96%);

общий язык: 3 (1,47%); *горы*: 3 (1,47%); *много людей*: 3 (1,47%); *концерт*: 3 (1,47%); *братство*: 3 (1,47%); *патриотизм*: 3 (1,47%); *демократия*: 2 (0,98%); *народы Кавказа*: 2 (0,98%); *равенство*: 2 (0,98%); *друзья*: 2 (0,98%); *земля*: 2 (0,98%); *знакомые*: 2 (0,98%); *больница*: 2 (0,98%); *школа*: 1 (0,49%); *тусовка*: 1 (0,49%); *работа*: 1 (0,49%); *самолет*: 1 (0,49%); *государство*: 1 (0,49%); *СССР*: 1 (0,49%); *пролетариат*: 1 (0,49%); *метро*: 1 (0,49%); *очередь*: 1 (0,49%); *драка*: 1 (0,49%); *идущая толпа*: 1 (0,49%); *раса*: 1 (0,49%); *знакомые*: 1 (0,49%); *взаимопонимание*: 1 (0,49%).

Реакции младшей возрастной группы респондентов составили 32 (16,18% от общего числа). Для представителей этой группы народ ассоциируется с массовым скоплением людей с целью времяпрепровождения (*друзья, тусовка, концерт, праздник*), людьми, встречающимися ежедневно в транспорте или в образовательных учреждениях (*метро, самолет, школа*). Для средней возрастной группы респондентов народ – это граждане одного государства; представители одного этноса; люди, собирающиеся по сходным интересам (*работа, собрание*). Реакции этой возрастной группы составили 83 (41,18% от общего числа). Респонденты старшей возрастной группы предоставили 86 реакций (42,65% от общего числа). Для старшего поколения жителей РЮО, по данным ассоциативного эксперимента, слово-стимул «народ» ассоциируется с общими традициями, религиозными празднествами (*традиции, национальный танец, общая культура*); с общим историческим прошлым (*СССР, митинг*); с единением всего осетинского народа (*сила, единство*); с семьей, исторической родиной (*земля, патриотизм*). Среди реакций старшей возрастной группы преобладают этнокультурные ассоциации, значимые для народа Южной Осетии, по сравнению с ассоциациями в двух других возрастных группах.

По результатам проведенного эксперимента имя концепта народ представлено в языковом сознании южных осетин следующими составляющими: понятийной (*толпа, митинг, много людей, идущая толпа, люди, общество, очередь, собрание, масса, государство, демократия, знакомые, друзья, раса, народы Кавказа, адæм, этнос, этнический состав*) – 103 (51,24%); об-разно-перцептивной (*торжество, школа, работа, праздник,*

тусовка, страна, драка, самолет, метро, концерт, больница, земля, горы) – 37(18,41%); метафорической (семья, сила) – 9 (4,48%); ценностной (братство, традиции, национальный танец, общая культура, единство, равенство, Родина, совместная история, патриотизм, взаимопомощь) – 52 (25,87%).

Отметим, что на некоторые слова-стимулы респонденты отвечают на осетинском и русском языках одновременно или попеременно, вне зависимости от языка, на котором представлен стимул. В двуязычном сознании осетин используется стратегия перевода.

Ассоциативное ядро стимула *адам* «народ» составляет реакция *единство*. Околоядерные реакции: *осетины, народ, общество, праздник, собрание*. Периферийную зону составляют следующие реакции: *агъдау, обычаи, традиции, конфликт, сила, дети, мужчины и женщины, люди, масса, толпа, человечество, этнос, публика, добро*. По результатам ассоциативного эксперимента ассоциативное ядро стимула *народ* составляют: *люди, адам, общество, митинг*. Периферийную зону ассоциативного поля составляют реакции *этнос, традиции, очередь, общая культура, торжество, этнический состав, масса*.

Результаты исследования показывают, что в языковом сознании осетин самыми значимыми понятиями являются «*единство*», «*народ*» и «*осетины*». Из этого следует, что единство осетинского народа играет значимую роль в жизни народа Осетии вообще и Республики Южная Осетия, в частности.

Литература

Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор: [в 2 томах]. М.: Изд-во АН СССР, 1949. Т.1. 603 с.

Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Москва-Ленинград: Изд-во Академии Наук СССР, 1958. 449 с.

Абаев В.И. Русско-осетинский словарь. Москва: Советская энциклопедия, 1970. 584 с.

Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки, 2001. – №1. С. 64-72.

Воркачев С.Г. *Singularia tantum*: идеологема «народ» в русской лингвокультуре: монография. Волгоград: Парадигма, 2013. 255 с.

Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. Перевод с нем: сост. общ. ред. А.В. Гулыга, Г.В. Рамишвили. М: Прогресс, 1985. 440 с.

Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб., 2000. 322 с.

Русский ассоциативный словарь. URL: //http://www.thesaurus.ru/dict/ (дата обращения: 14.02.2020).

Уфимцева Н.В. Этнокультурная специфика языкового сознания // Русские: опыт еще одного самопознания. М.: ИЯ РАН, 1996. С.139-152.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка В 4 т. Т.3. М.: Прогресс, 1987. 832 с.

REFERENCES

Abaev V.I. Osetinskij yazyk i fol'klor: [v 2 tomah]. M.: Izd-vo AN SSSR, 1949. T.1. 603 s.

Abaev V.I. Istoriko-etimologicheskij slovar' osetinskogo yazyka. Moskva-Leningrad: Izd-vo Akademii Nauk SSSR, 1958. 449 s.

Abaev V.I. Russko-osetinskij slovar'. Moskva: Sovetskaya enciklopediya, 1970. 584 s.

Vorkachev S.G. Lingvokul'turologiya, yazykovaya lichnost', koncept: stanovlenie antropocentricheskoj paradigmy v yazykoznanii // Filologicheskie nauki, 2001. – No1. S. 64-72.

Vorkachev S.G. Singularia tantum: ideologema «narod» v russkoj lingvokul'ture: monografiya. Volgograd: Paradigma, 2013. 255 s.

Gumbol'dt V. fon. YAzyk i filosofiya kul'tury. Perevod s nem: sost. obshch. red. A. V. Gulyga, G. V. Ramishvili. M: Progress, 1985. 440 s.

Kolesov V.V. Drevnyaya Rus': nasledie v slove. Mir cheloveka. SPb., 2000. 322 s.

Russkij associativnyj slovar'. URL: //http://www.thesaurus.ru/dict/ (data obrashcheniya: 14.02.2020).

Ufimceva N.V. Etnokul'turnaya specifiya yazykovogo soznaniya // Russkie: opyt eshche odnogo samopoznaniya. M.: IYA RAN, 1996. S.139-152.

Fasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka V 4 t. T.3. M.: Progress, 1987. 832 s.

©Джиоева В.П., 2022

Джиоева Варвиллина Павловна –
доцент кафедры английского языка.
Юго-Осетинский государственный университет им.
А. А. Тибилова (Цхинвал, Республика
Южная Осетия).
Адрес: 100001 Республика Южная Осетия,
г. Цхинвал, ул. Путина, 8
E-mail: jio.varvilina@mail.ru

Dzhioeva Varvilina Pavlovna –
Associate Professor of the English
Chair. South Ossetia State University
named after A. A. Tibilov
(Tskhinval, Republic of South Ossetia).

Г. Р. ДОБРОВА

А. И. МЕЛЬНИКОВА

г. Санкт-Петербург, Россия

galdobr@peterlink.ru

tina.melnikova.75@mail.ru

УДК 81'23

О СВЯЗИ МЕЖДУ ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТЬЮ ФОРМИРУЮЩЕЙСЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ И КРЕАТИВНОСТЬЮ КАК СОВОКУПНОСТЬЮ РЕАЛИЗУЕМЫХ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ ИНДИВИДА

Аннотация. В статье обсуждается вопрос о связи лингвокреативности с другими видами креативной деятельности. Исследование основано на опыте разработки игр для детей дошкольного и школьного возраста. Каждая игра включает в себя диагностику уровня лингвокреативности испытуемых и саму игру, призванную способствовать развитию их вербальной креативности. Рассматриваются игры, в которых дети создают лексико-семантические и словообразовательные инновации. Подробно анализируется игра, в которой дети должны образовывать слова, эквивалентные по своей семантике иноязычным словам. Сопоставляются результаты проведения диагностики и осуществления данной игры с обычными 9-классниками (12 человек) и учащимися того же возраста (12 человек) – участников проекта, направленного на развитие у них креативности в других областях (не вербальной креативности). У детей двух групп обнаруживаются существенные различия при выполнении задания, – в первую очередь, у участников проекта фиксируется большее количество оригинальных ответов, в том числе основанных на шутке, на языковой игре, а также более высоких уровней вариативности, более осознанное отношение к выполнению заданий и способность к языковой рефлексии. На основании анализа результатов проведения этой и других игр делается вывод, что лингвокреативность является частью более широкого «пространства» – креативности как таковой и что развитие одной из креативных способностей/склонностей способствует развитию и других.

Ключевые слова: детская речь, лингвокреативность, креативность, лексико-семантические инновации, лексическая семантика, языковая личность, словообразование, словообразовательные инновации, творческие способности.

DOBROVA GALINA R.
MELNIKOVA ALEVTINA I.
Saint Petersburg, Russia

**ON THE RELATIONSHIP BETWEEN THE LANGUAGE
CREATIVITY OF THE DEVELOPING LINGUISTIC
PERSONALITY AND CREATIVITY AS A SET OF
IMPLEMENTED CREATIVE ABILITIES OF THE
INDIVIDUAL**

Abstract. This article discusses the question of the relationship of language creativity with other types of creative activity. The study is based on the experience of creation games for children of preschool and school age. Each game includes a diagnosis that detects the level of language creativity of the subjects as well as the game itself, designed to promote the development of their verbal creativity. The games in which children create semantic and derivational innovations are considered. One of the games is analyzed in detail. In this game children must form words that are equivalent in their semantics to foreign words. The results of the diagnosis and the implementation of this game are compared with ordinary 9th graders (12 people) and students of the same age (12 people) - participants in the project aimed at developing their creativity in other areas (not verbal creativity). The children of the two groups showed significant differences in the performance of the task – first of all, the participants of the project recorded a greater number of original answers, including those based on a joke, on a language game, as well as a higher level of variability, as well as a more conscious attitude to the implementation tasks and the ability for language reflection. Based on the analysis of the results of this and other games, it is concluded that linguistic creativity is part of a wider "space" - creativity as such, and that the development of one of the creative abilities / inclinations contributes to the development of others.

Keywords: child language, language acquisition, language creativity, creativity, semantic innovations in child language, derivational innovations in child language

Феномен лингвокреативности активно обсуждается в последние годы. Регулярно выходящие в последние годы в Екатеринбурге сборники под общим названием «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива» и коллективные монографии «Лингвистика креатива», равно как и многочисленные труды

Т.А. Гридиной, особенно заметно способствуют развитию данного научного направления. В этих исследованиях рассматриваются различные аспекты лингвокреативности: обсуждается вопрос о том, что, собственно говоря, относится к пространству языкового креатива, как проявляется креативный потенциал языка в речи детей, в произведениях художественной литературы и в других областях (в политическом дискурсе, в интернет-коммуникации, рекламе и т.д.), анализируются игровые техники, активно разрабатываются и внедряются тренинги вербальной креативности. Иными словами, обсуждаются вопросы о «внутренних составляющих» лингвистики креатива.

В данной статье также будут обсуждаться многие из названных аспектов исследования лингвокреативности (вопрос о границах «поля» языкового креатива, проблема реализации потенциалов языковой системы в детской речи, возможности разработки и применения тренингов вербальной креативности детей), однако в фокусе нашего внимания в первую очередь будет вопрос о «внешних границах» лингвокреативности, о связи этого феномена с более общим, универсальным феноменом – с креативностью как совокупностью (различных) творческих способностей индивида, причем не просто способностей, а реализуемых способностей.

Поставим вопрос следующим образом: как связана лингвокреативность с другими видами креативности? Существует ли некая корреляция между этими двумя феноменами? Является ли лингвокреативность одной из составляющих креативности или же здесь имеет место более сложная связь?

С точки зрения современной психологической науки, креативность представляет собой системное (многоуровневое, многомерное) психическое образование (см., например [Барышева 2016: 293]) и представляет собой реализацию творческих потенциалов индивида. Будучи многомерным психическим образованием, креативность, таким образом, предполагает реализацию различных творческих возможностей человека – в том числе и его возможностей в области переработки языковой информации и проявлений собственного языкового творчества. При этом у человека, естественно, имеются творческие способности (как и

возможность их реализации) и в других областях – в области музыкального, изобразительного искусства и т.д. Вопрос о соотношении вербальной и невербальной креативности непосредственным образом связан с проблемой креативной (творческой) личности. Насколько связаны друг с другом вербальная и невербальная креативность человека? Существует ли вообще такая связь? Никак не претендуя на универсальное решение обозначенной проблемы, попытаемся лишь проанализировать вопрос о том, как соотносится реализованная способность и склонность ребенка к языковому творчеству с его же реализованной способностью и склонностью к другим видам творчества.

Данный вопрос возник в связи с тем, что в последние годы в РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург) в магистратуре «Развитие креативности ребенка в образовании» был разработан и создан целый лингвистический модуль, включающий в себя такие учебные дисциплины, как «Диагностика развития лингвокреативности ребенка», «Языковая игра и языковая рефлексия в детской речи», «Языковая картина мира и развитие лингвокреативности ребенка», «Педагогические технологии развития лингвокреативности» и др. В этой магистратуре обучаются не лингвисты, в том числе нередко – люди, от лингвистики весьма далекие. Вместе с тем, в этой магистратуре есть немало обучающихся, которые уже на протяжении многих лет работают с детьми дошкольного и школьного возраста, осуществляя их обучение и развитие в области художественного искусства, музыкального искусства и т.д. Будучи сами людьми творческими, эти магистранты с интересом включаются в деятельность по разработке диагностик вербальной креативности детей и педагогических технологий ее развития.

Работа в данной магистратуре всецело опирается на различные теоретические труды Т.А. Гридиной [Гридина 2013, 2014, 2018, 2020 и др.], а также (и в особенности) – на ее с ее соавтором книгу «Ступеньки словесного творчества: тренинг вербальной креативности» [Гридина, Пипко 2014]. Магистранты подробно изучают эту книгу, после чего приступают к разработке собственной диагностики и педагогической технологии, создавая сначала проект игры, а затем реализуя этот проект в работе с

детьми.

Перечислим лишь некоторые игры (включающие в себя диагностический компонент и собственно игру, а также качественный и количественный анализ полученных результатов), созданные магистрантами за последние годы: «Сказочный лес», «Генетики», «Переезд на другую квартиру», «Предметы в сказочной стране», «Путешествие Гулливера», «Овощной оркестр», «Кулинарная книга Бабы Яги», «Помоги Пушкину», «Невероятное путешествие», «Корпорация монстров» и т.д.

В некоторых играх предполагается развитие творческих способностей детей в области создания лексико-семантических инноваций. Так, в одной из игр учащимся предлагается дать как можно больше нестандартных (неузуальных) интерпретаций слов типа «привратник» – ‘тот, кто любит приврать’, «шаровары» – ‘те, кто варят шары’, «страховать» – ‘испытывать страх’ и т.п. (магистрант Е.А. Фомина). Как несложно видеть, такого типа игры основаны на предлагаемых Т.А. Гридиной играх и игровых заданиях, основанных на нестандартных семантизациях слов типа «окулист» от «акула (*акулист) [Гридина 2014], и представляют собой, в терминологии С.Н. Цейтлин, «неузуальную интерпретацию производных слов» [Цейтлин 2009: 314-326], причем в данном случае – вполне осознанную.

Однако в большинстве этих игр детям предлагалось реализовать свои творческие способности в области создания словообразовательных инноваций. Часто предлагающиеся магистрантами для младших школьников задания предполагают создание сложных слов. Например (из игры магистрантки В.Ю. Кукиной), детям предлагается придумать название для улицы между школой и церковью (предварительно им даются образцы словообразовательных инноваций, созданных с помощью основосложения). Некоторые испытуемые не понимают сути задания либо (чаще) понимают его, но не оказываются в каких-то случаях способны совместить в инновации две основы (например, называют такую улицу Школьной или Церковной). В случае правильного выполнения задания самым частотным у учащихся было создание инноваций на основе простого соединения двух корней (типа Циркомагазинная улица – улица между цирком и

магазином). Некоторые же испытуемые дают и более оригинальные ответы, создавая свои окказионализмы на основе не тех слов, которые непосредственно назывались экспериментатором, а на основе ассоциативно связанных с ними слов (например, Огнезвездная улица – улица между пожарной станцией и планетариумом).

В некоторых играх задание предполагало, что учащиеся могли создавать как словообразовательные, так и лексико-семантические инновации.

Как можно понять из описания этих игр, они основываются на «втором», по известной классификации Т.А. Гридиной, типе креативности. Т.А. Гридина совершенно справедливо говорит о двух типах детской вербальной креативности – 1) «компенсаторной, основанной на дефиците языковых средств ребенка» (ребенок вынужден создавать инновации, поскольку обладает слишком маленьким словарным запасом), 2) «осознанной» [Гридина 2018: 14-15]. В наших предшествующих исследованиях мы в основном анализировали детскую креативность первого типа [Доброва 2014] и в каких-то случаях – сочетание этих двух типов креативности [Доброва 2020], поскольку опирались чаще всего на материал спонтанной речи детей, в которой присутствуют оба типа креативности – от почти исключительно «компенсаторного» (несознательного вынужденного) в раннем и младшем дошкольном возрасте и всё более осознанного в более старшем возрасте. (Отметим, кстати, в скобках, что при этом мы вовсе не считаем, что к взрослому возрасту индивид всецело переходит исключительно на второй тип креативности: наивный носитель языкового сознания способен на креативность и первого, «компенсаторного», типа, поскольку, подобно ребенку, в каких-то случаях вынужден таким образом компенсировать имеющийся у него «дефицит языковых средств» – о такого рода лингвокреативности в разговорной речи взрослых см., например, в [Доброва 2007]). Однако в данном случае в фокусе нашего внимания будет детская вербальная креативность второго типа – «осознанная», поскольку разрабатываемые в рамках упоминавшейся исследовательской работы игры нацелены на совершенно осознанное создание детьми инноваций различных

типов.

Рассмотрим подробнее такого типа игры на примере игры «Помоги Пушкину».

Учащимся предлагается следующая игровая ситуация. «Александр Сергеевич Пушкин, сидя за очередным будущим шедевром и придумывая рифму, понимает, что потерял вдохновение: «Но панталоны, фрак, жилет, Всех этих слов на русском нет». Сила его негодования и тоски отправляет его в будущее в современный мир 21 века. Однако здесь он не понимает слишком много слов, которые используют люди, говоря по-русски. И вы встречаете его на своем пути. Ваша задача – помочь великому поэту адаптироваться в новом мире и научиться понимать современный русский язык».

С учащимися обсуждается понятие «заимствованные слова» и демонстрируется пример создания словообразовательной инновации на основе русских корней, семантически соответствующей современному заимствованному слову. Затем им дается список иностранных заимствованных слов вместе с указанием их значений. Каждому ребенку предлагается образовать русский аналог данных слов – создать словообразовательную инновацию. В заключение учащиеся должны объяснить, почему они образовали свои слова именно таким образом, а также ответить на вопрос, что им понравилось в этой игре, а что вызвало сложности при создании словообразовательных инноваций.

Учащимся предлагались следующие заимствованные слова и их толкования:

1. Чизкейк – десерт, содержащий сыр и творог.
2. Тирамису – десерт из печенья и кофе.
3. Питчер – кувшин для взбивания молока для кофе.
4. Гостер – электроприбор для поджаривания хлеба.
5. Инвестор – человек, вкладывающий деньги в проекты, с целью приумножения своего капитала.
6. Скейтборд – роликовая доска.
7. Блендер – прибор для измельчения и смешивания продуктов.

При обработке результатов учитываются такие стандартные критерии, как оригинальность, вариативность, гибкость и бег-

лость (скорость). Все показатели оцениваются в баллах, определяется итоговый уровень лингвокреативности каждого ребенка, среднее значение лингвокреативности по группе. Также, чтобы оценить степень развития лингвокреативности детей, проводится процедура сведения к среднему значению и устанавливается интервал значений среднего уровня для каждой выборки (с помощью подсчетов среднего значения и стандартного отклонения).

Эксперимент проводился в двух группах. В обоих случаях это были учащиеся 9-ых классов. В первом случае это были учащиеся 9 класса ГБОУ школа №94 Выборгского района Санкт-Петербурга, во втором – учащиеся 9 класса – участники культурно-образовательного проекта «Движение к красоте». Этот проект имеет художественно-эстетическую и социальную направленность и предусматривает интеграцию видов деятельности, объединяющую разные области знаний и искусства (философию культуры, психологию, этику, эстетику, искусство танца, музыку, дизайн и др.), что развивает в подростке его природную универсальность.

Одной из задач эксперимента было сравнить результаты учащихся одного и того же возраста – тех, кто посещает обычную школу и не вовлечен ни в какую специальную деятельность по развитию креативности, и тех, кто в течение нескольких лет целенаправленно вовлечен в такую деятельность (причем деятельность, которой они занимались, касается не лингвокреативности, а других видов креативности).

Обратимся к полученным результатам.

В обеих группах были получены результаты, когда словообразовательная инновация создавалась на основе опорных слов в толковании заимствованных слов. Так, у «обычных» учащихся встретились ответы типа: *творожник, *сырник (о чизкейке), *взбивалка (о питчере), *электросмешивалка (о блендере). У участников творческого проекта – *млечник (о чизкейке), *сушихлебница (о тостере). При этом обращает на себя внимание, что некоторые учащиеся включают в свои инновации иноязычные корни или вообще подбирают к иноязычному слову иноязычные синонимы, тем самым демонстрируя, что не совсем

поняли предлагавшееся задание – создать инновацию без использования иноязычных слов, на основе давно используемых в русском языке слов (чтобы было понятно Пушкину). У «обычных» девятиклассников к такого типа ответам относятся: *чизтвор и *сыркейк (о чизкейке), *драфтер и *милкшик (о питчере), *трейдер (об инвесторе), *роллер (о скейтборде). У участников проекта: *свитчиз (о чизкейке), *брэдхиттер (о тостере), *милквиппер (о питчере), *кэшмен (об инвесторе) и т.п. При этом у «обычных» школьников таких примеров оказалось больше.

В целом ответы участников проекта представляются более оригинальными, и – что любопытно – они нередко представляют собой языковую игру, носят в той или иной мере явный юмористический характер, например: *недосырник (о чизкейке), *сухарикоделатель (о тостере), *пенодобыватель и *болтунья (о питчере), *деньгоброс (об инвесторе), *крушилка (о блендере), *плосковоз (о скейтборде) и т.д. У «обычных» девятиклассников оригинальных ответов существенно меньше, а попыток пошутить при ответе практически не выявляется (разве что *смерч и *молотилка – о блендере). Разумеется, как отмечает Т.А. Гридина, «не всякая неординарность ... есть показатель творческих способностей» [Гридина 2013: 7], однако в данном случае речь идет об истинно оригинальных и при этом соответствующих заданию ответах, а проявляемое при этом испытуемыми чувство юмора свидетельствует, с нашей точки зрения, о достаточно высоком уровне языковой креативности «второго» («сознательного») типа.

Языковая рефлексия у «обычных» девятиклассников также почти отсутствовала, они не проявляли большого интереса к игре и почти все затруднились ответить на вопросы о своей мотивации в процессе создания/выбора слова для ответа. Наиболее типичными для них были ответы: «мне все понравилось», «трудностей нет». Участники проекта продемонстрировали более высокую степень осознанности, анализируя свою деятельность, и высказывали отношение к ней, аргументировали придуманные слова, используя нередко подробное объяснение. Например (о скейтборде): «Асфакат, ибо намекает, что на скейте

лучше кататься именно на асфальте».

Стоит отметить высокую вариативность ответов участников проекта по сравнению с «обычными» девятиклассниками: они придумывали не по одному ответу на каждое слово, а по 2-3-4-5.

Интересно, что «обычные» школьники потратили на выполнение задания в среднем 11 минут, а участники проекта – 13, что свидетельствует о том, что они более вдумчиво подошли к заданию и стремились к большей вариативности и оригинальности. Таким образом, критерий беглости (скорость) скорее в данном случае вступил в противоречие с остальными критериями оценки.

В целом результаты показали, что «обычные» девятиклассники показали не очень высокие результаты: 25% (3 человека) детей продемонстрировали низкий уровень лингвокреативности, менее 1% (1 человек) – высокий уровень, преобладающее большинство 75% (8 человек) находятся на среднем уровне. Результаты их сверстников – участников проекта оказались иными: около 55% (7 человек) детей с высоким уровнем лингвокреативности, и также около 45% (5 человек) находятся на среднем уровне.

Была проведена описательная статистика, на основе которой производилось сравнение средних значений и стандартного отклонения двух выборок: во второй группе (участники проекта) среднее значение (33,5) выше, чем в первой (обычные 9-классники) (22,75), а стандартное отклонение в первой выборке (69,11), соответственно, выше, чем во второй (55,9). Это связано с большим интервалом значений в первой выборке, поэтому имеется разброс от низкого до высокого уровней развития изучаемого параметра, тогда как во второй выборке (участники проекта) значения находятся в промежутке средних и высоких значений.

Проведя расчет параметрического t-критерия Стьюдента для сравнения двух несвязанных выборок, можно сделать вывод о наличии статистически значимых различий между двумя выборками, поскольку полученное эмпирическое значение t (3.3) находится в зоне значимости.

Таким образом, можно сделать вывод, что регулярное разви-

тие креативности ребенка (в других сферах креативности, не в области вербальной креативности) способствует и его склонности и способности к проявлению лингвокреативности. Естественно, возникает вопрос: а имеет ли место и противоположное воздействие, влияет ли развитие языковой креативности на креативность детей в других сферах?

Однозначный ответ на этот вопрос дать мы не можем, но имеет смысл отметить, что в случаях, когда при выполнении задания магистранты-экспериментаторы (сами являющиеся педагогами дополнительного образования) давали детям не только собственно языковое, но и дополнительное задание, связанное с другими видами креативной деятельности (например, нарисовать то, что соответствует созданной инновации), дети делали это с удовольствием и представляли интересные оригинальные рисунки. Так, магистрант М.И. Николаева предложила детям рассказ о реально существующем «овощном оркестре», музыканты которого играют на инструментах, созданных из свежих овощей (например, морковные блокфлейты, саксофоны из баклажанов и т.п.). Детям показывались фотографии музыкантов и предлагалось прослушать отрывки музыкальных композиций овощного оркестра, после чего детям (6-7 лет) предлагалось выбрать овощи, из которых они хотели бы создать музыкальный инструмент, дать ему название, дать название себе как музыканту, играющему на этом инструменте, и нарисовать этот музыкальный инструмент. Дети с удовольствием выполняли это задание (совмещающее в себе «отсылку» и к музыкальному, и к художественно-изобразительному, и к языковому творчеству), с интересом придумывая музыкальные инструменты, называя их и изображая их (естественно, по мере своих возможностей). Таким образом, вероятно, развитие языкового творчества детей может также способствовать развитию и других видов и областей проявления их креативности.

В целом представляется, что лингвокреативность не существует сама по себе, а является частью более широкого «пространства» – креативности как таковой и что развитие одной из креативных способностей/склонностей способствует развитию и других. Это выводит вопрос о лингвокреативности формирую-

щейся языковой личности в более широкое русло – русло развития креативных способностей и склонностей вообще, что, естественно, ни в коей мере не отменяет самоценности развития (и, соответственно, изучения) лингвокреативности как таковой.

Литература

Барышева Т.А. Психология развития креативности: теория, диагностика, технологии. Монография. СПб.: Изд-во ВВМ, 2016. 316 с.

Гридина Т.А. К истокам вербальной креативности: творческие эвристики детской речи // Лингвистика креатива: Коллективная монография. – 2-е изд. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. С.5 – 58.

Гридина Т.А. Лингвокреативные стратегии семантизации слова и освоение операционной техники языковой игры в онтогенезе: экспериментальные данные // Педагогическое образование в России, 2014. № 5. С. 153-158.

Гридина Т.А. Метафоры детской речи как феномен лингвокреативного мышления и поэтической одаренности // Лингвистика креатива-4: коллективная монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2018. С.11-39.

Гридина Т.А. Феномен вербальной креативности в свете инноваций детской речи: методология анализа // Стратегические ориентиры современного образования. 2020. С. 69-72

Гридина Т.А., Пипко Е.И. Ступеньки словесного творчества: тренинг вербальной креативности. Программа внеурочной деятельности (для учащихся основной общеобразовательной школы) / Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2014. – 81 с.

Доброва Г.Р. Психолингвистические причины общности некоторых фактов детской речи и разговорной речи взрослых // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2007. № 5. С. 53-69

Доброва Г.Р. Лингвокреативность детей раннего возраста: к вопросу о необычных стратегиях речевого поведения // Лингвистика креатива-3: Коллективная монография. Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2014. С. 75-89

Доброва Г.Р. Глава 1. Креативные стратегии заполнения языковых лакун у детей-монолингвов и детей-билингвов // Лингвистика креатива-5. Екатеринбург, 2020. С. 146-159

Цейтлин С.Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009. 592 с.

REFERENCES

Barysheva T.A. Psihologiya razvitiya kreativnosti: teoriya, diagnostika, tekhnologii. Monografiya. SPb.: Izd-vo VVM, 2016. 316 s.

Gridina T.A.K. Istokam verbal'noj kreativnosti: tvorcheskie evristiki detskoj rechi // Lingvistika kreativa: Kollektivnaya monografiya. – 2-e izd.- Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2013. S.5 – 58.

Gridina T.A. Lingvokreativnye strategii semantizacii slova i osvoenie operacionnoj tekhniki yazykovej igry v ontogeneze: eksperimental'nye dannye // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii, 2014. № 5. S. 153-158.

Gridina T.A. Metaforj detskoj rechi kak fenomen lingvokreativnogo myshleniya i poeticheskoy odarennosti // Lingvistika kreativa-4: kollektivnaya monografiya / ural. gos. ped. un-t. Ekaterinburg, 2018. S.11-39.

Gridina T.A. Fenomen verbal'noj kreativnosti v svete innovacij detskoj rechi: metodologiya analiza // Strategicheskie orientiry sovremennogo obrazovaniya. 2020. S. 69-72

Gridina T.A., Pipko E.I. Stupen'ki slovesnogo tvorchestva: trening verbal'noj kreativnosti. Programma vneurochnoj deyatel'nosti (dlya uchashchihsya osnovnoj obshcheobrazovatel'noj shkoly) / Ekaterinburg:

Ural. gos. ped. un-t, 2014. – 81 s.

Dobrova G.R. Psiholingvisticheskie prichiny obshchnosti nekotoryh faktov detskoj rechi i razgovornoj rechi vzroslyh // Psiholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoj deyatel'nosti. 2007. № 5. S. 53-69

Dobrova G.R. Lingvokreativnost' detej rannego vozrasta: k voprosu o neobychnyh strategiayah rechevogo povedeniya // Lingvistika kreativa-3: Kollektivnaya monografiya. Ekaterinburg: FGBOU VPO «Ural. gos. ped. un-t», 2014. S. 75-89

Dobrova G.R. Glava 1. Kreativnye strategii zapolneniya yazykovyh lakun u detej-monolingvov i detej-bilingvov // Lingvistika kreativa-5. Ekaterinburg, 2020. S. 146-159

Cejtlin S.N. Oчерki po slovoobrazovaniyu i formoobrazovaniyu v detskoj rechi. M.: Znаk, 2009. 592 s.

©Доброва Г.П., 2022

©Мельникова А.И., 2022

Доброва Галина Радмировна – профессор кафедры языкового и литературного образования ребенка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки 48

Dobrova Galina Radmirovna – Professor of the Department of Language and Literary Education. Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia)

E-mail: galdobr@peterlink.ru

Мельникова Алевтина Ильгизовна – магистрант кафедры педагогики начального образования и художественного развития ребенка Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки 48

E-mail: tina.melnikova.75@mail.ru

Melnikova Alevtina Igizovna – Postgraduate at the Department of Pedagogy of Primary Education and Artistic Development of the Child. Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia)

М.А. ЕЛИВАНОВА
В.А. СЕМУШИНА
г. Санкт-Петербург, Россия
melivanova@yandex.ru
halaria@yandex.ru

УДК 81'23

АССОЦИАТИВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ВЕРБАЛЬНОЙ СИНЕСТЕЗИИ

Аннотация. В статье приводятся сообщения синестетов о восприятии ими цвета слов, имеющих разное значение: названия дней недели и месяцев года, прилагательные со значением хроматического и ахроматического цвета, существительные, в которых цвет ассоциировался с их денотатом или сигнификатом, а также человеческие имена собственные. Чаще всего окраска слов связана с цветом звуков/букв в слове. Реже слова имеют свой собственный цвет, который не совпадает с цветом их звуков/букв. Цвет дней недели, отличающийся от цвета звуков/букв слова, может быть ассоциирован с порядковой последовательностью дней в неделе, иногда со значением самого цвета. Окрашивание слов, значение которых связано с денотатом, объясняется абстрактным представлением о стереотипном натуральном цвете денотата. Во всех других словах значение ассоциированного с ними собственного цвета может быть объяснено с позиций психологии цвета М. Люшера.

Ключевые слова: синестезия, ассоциации, слово, значение слов, цвет, ассоциативные компоненты, натуральные цвета.

ELIVANOVA MARIYA A.
SEMUSHINA VALERIYA A
Saint Petersburg, Russia

ASSOCIATIVE COMPONENTS OF VERBAL SYNESTHESIA

Abstract. The article contains data from synesthets about color perception of words that have different meaning: names of days of the week and months of the year; adjectives with the meaning of chromatic and achromatic colors; substantives, in which color is associated with its denotation and signification, and people's proper names. It is frequent that the color of

words is related to sound/ letter color in the word. Less often words have their own color that doesn't match sound/ letter color in the word. The color of days of the week, different from the color of the sounds/letters of the word, can be associated with ordinal sequence of days in a week, sometimes with the relevance of the color itself. The coloring of words which meaning is associated with the denotation is explained by an abstract idea of the stereotypical natural color of the denotation. In all other words the meaning of the proper color associated with them can be explained from the standpoint of M. Lusher's color psychology.

Keywords: synesthesia, association, word, meaning of the word, color.

В методологическом обзоре изучения синестезии Шон Э. Дэй уделяет внимание делению разных синестетических ощущений на проективные и ассоциативные. При проективной синестезии цветные фотизмы, которые возникают в визуальном поле коры, имеют более автоматический характер по сравнению с теми, которые обусловлены ассоциативной корой больших полушарий. Актуальный вопрос о том, форма или значение стимула вызывает при ассоциативной синестезии ощущение цвета у синестета, объясняется тем, какая область мозга соединена с областью обработки цвета в мозге.

Нейрофизиолог В.С. Рамачандран с сотрудниками обнаружили, что при цвето-цифровой синестезии область «цифр и графем», где представлены числа, и область цвета находятся в близости друг от друга, в одной и той же структуре головного мозга – веретенообразной извилине височной доли больших полушарий. Взгляд на чёрные и белые цифры у таких синестетов вызывает активацию соседней цветовой области, и цифры воспринимаются цветными. У людей, которые не являются синестетами, эти цифры не окрашиваются. В одном из опытов внимание двух синестетов были предложены не арабские цифры 5 и 6, а римские V и VI. Испытуемые знали, что это пять и шесть, но не увидели их цветов. Ученые пришли к выводу, что появление цвета вызвано зрительным образом цифр.

Верхнее теменно-затылочное соединение (ВТЗ) и ангулярная извилина являются ассоциативными областями более высокого уровня и отвечают за формирование абстрактных представлений. Возможно, абстрактная идея чисел представлена в ангу-

лярной извилине левого полушария. Когда она повреждена, пациенты не могут производить арифметические вычисления, даже если видят и правильно определяют цифры. Исследования показали, что у некоторых синестетов не только цифры, но и дни недели и месяцы года окрашены в разные цвета. Общим для цифр, дней и месяцев является понятие порядковой последовательности, представленное выше, в ВТЗ. Отвечающая за обработку цвета область визуальной коры находится в непосредственной близости с ВТЗ, неподалеку от ангулярной извилины, перекрёстная активация от которой создаёт синестезию абстрактных понятий, которая способствует метафорам, умению замечать связи внешне несхожих вещей и понятий.

Примером такой метафоры является цвет человека, который характеризуется психологией цвета М. Люшера (1997). В «Четырёхцветном человеке» (Люшер 1996) читаем:

«Красный цвет действует на каждого человека, независимо от его возраста и культуры, возбуждающе, стимулирующе, активизирующе. Он является выражением жизненной силы и уверенности в себе.

Напротив, темно-синий передает ощущение спокойствия и расслабленности. Он соответствует состоянию удовлетворения, довольства, защищенности (голубая накидка богоматери) и самоограничения.

Зелёный, цвета ели, даже если он скорее голубоватый или тёмный, вызывает в каждом ощущение твердости или прочности. Он соответствует чувству внутренней стабильности, настойчивости, самоуверенности.

Жёлтый цвет вызывает у всех ощущение открытости, легкости, радости, широты. Он обладает освобождающим, раскрепощающим воздействием. Поэтому он соответствует чувству свободы и самовыражения.

Четырёхцветный человек чувствует, думает и действует, таким образом, опираясь на четыре собственных ощущения. Этими четырьмя чувствами являются:

- самоуважение (зелёный),
- уверенность в своих силах (красный),
- удовлетворенность (синий),

- внутренняя свобода (жёлтый).

Это человек, который гармонично проявляет себя во всех четырех областях, т.е. в своей целостности. И уж в любом случае это человек, который чувствует себя счастливым, который все воспринимает значительно более интенсивно и который находит жизнь необычайно интересной».

Сравнивая описание цветного человека у М. Люшера и субъективные описания синестетами цветных людей на форуме «Значения цветов» (сайт СИНЕСТЕЗИЯ.РУ ВК А.В. Сидорова-Дорсо), которые приводятся с небольшой редакцией, можно заметить сходство и различия оценок цвета.

Сергей Кошеваров. Красный цвет – агрессия или побуждение к агрессии. Люди с красным цветом обычно невыносимы, или я невыносим для них. Поэтому к красному личная неприязнь. Ярко-красный и ярко-жёлтый для меня – необоснованная радость и активность, которая одним своим присутствием сильно меня раздражает. Тёмный красный (близкий к бордовому) – гнев, направленный непосредственно на меня. Более тёмные оттенки я бы отнес к злости человека на самого себя и раздражительности. Жёлтый (неяркий) негатива не вызывает, но и хорошего в нем мало. Люди жёлтых цветов, наверное, самые оптимистичные и жизнерадостные, но как раз мне-то такие и не нравятся. Люди синих и голубых оттенков обычно либо умные, либо уравновешенные, гармоничные. Причем первое чаще относится к людям, занятым в компьютерной сфере, а вторые довольно творческие, с хорошим вкусом. Зелёный в людях обычно встречается в качестве природной доброты, расслабляет. Фиолетовый – это необычность, но сиреневый в этом плане привлекательнее, это вообще загадка, мистичность. Коричневым цветом обладает большинство физиков. Хотя светло-коричневый, уходящий в сепию, – это скорее слабость, ностальгия. Чёрный – концентрированная энергия. Белый – рассеянная энергия, и комфортность наблюдается, в этом схожесть с зелёным. В отличие от чёрного, белый не усиливает, а сглаживает недостатки.

Анна Винтер. Красный цвет – необязательно агрессия. Все зависит от оттенка. Но в любом случае это – энергия. Причем энергия явная. Актив. Разогрев. Интерес. Возбуждение. Жёл-

тый... опять же всё зависит от оттенка. Какой-то интеллектуальный. Какой-то... тепло, мягкость, Другой – интерес, веселье, дружелюбие. Атмосферу несет не сама по себе категория цветового спектра, а конкретный оттенок. Голубой... есть оттенки, означающие дружелюбие, заботу, нежность, есть оттенки интеллекта, яркого ума, синтетического мышления, эклектики; оттенки, говорящие о спокойствии, замедленной активности. В каких-то категориях цвета значения пересекаются (например, замедленность в физических действиях и спокойствие + интеллектуальные поиски). В чёрном есть неприятные оттенки, говорящие о тотальном замедлении или блокировке, о каких-то «барьерах». А есть бархатный чёрный – всеобъемлющий. Есть чёрный, говорящий о высоком ранге. Углубляться в тему можно бесконечно, причем выходишь на новые связи, значения. И это не одним умом нужно охватывать, чтобы понять, что инстинкты и интуиция – иррациональные начала. Деятельная часть человека – красная. Она нетерпеливая и не углубляется в познание (синий спектр). Ей нужна эссенция знания, инструкция, проводимая через желтый цвет. Жёлтый схематизирует, максимально упрощает. Синий человек – многоуровневый. А желтый создаёт, в зависимости от ситуации, инструкцию.

Целью данной работы является изучение различных вариантов цветной вербальной синестезии при восприятии разных слов синестетами.

Цвет подавляющего большинства слов у синестетов ассоциируется с цветом звуков/букв в составе слова, то есть с его звучанием. Встречаются слова, имеющие собственный цвет, ассоциированный со значением слова. В дальнейшем остановимся на сообщениях синестетов именно о таких словах.

Приведём данные респондентов о цвете слов, означающих дни недели.

Танита Гриценко. Дни недели такие же по цвету, как и цифры, соответствующие их последовательности и порядку в течение недели.

Людмила Полонская. ПОНЕДЕЛЬНИК – чёрный (чёрная И), ВТОРНИК – серый (букв такого цвета нет), СРЕДА – серебристый (серебристая С), ЧЕТВЕРГ – малиновый (букв такого цве-

та нет, а слово имеет такой же цвет, как цифра 4), ПЯТНИЦА – оранжевый (оранжевая Я, но цвет слова отличается от этой буквы и совпадает по своему оттенку с цифрой 5), СУББОТА – жёлтый (жёлтая О), ВОСКРЕСЕНЬЕ светится и блестит, как новогодняя мишура (из-за двух серебристых С в слове), цвета букв в нём переливаются, каждая буква имеет свой собственный цвет, и в целом их последовательность напоминает гирлянду цветных флажков при входе на ярмарку.

Окраска слов ПОНЕДЕЛЬНИК, СРЕДА, СУББОТА определяется доминированием цвета отдельных букв, дающих свой цвет всему слову. Слова ЧЕТВЕРГ и ПЯТНИЦА имеют цвета, соответствующие их порядковому номеру в неделе («седмице»). ВОСКРЕСЕНЬЕ является выходным днём, этим, быть может, объясняется «праздничная» расцветка слова. Ассоциацию цвета со словом ВТОРНИК можно попытаться объяснить психологическим значением серого цвета. В восьмицветовом тесте М. Люшера этот цвет не несёт никакой психической тенденции. Серый цвет — это нейтральность как субъекта, так и объекта, как внутри, так и снаружи, это не напряжение, не расслабленность. Серый не является территорией, которую можно оживить, а просто границей; граница как ничейная территория, граница как контур, как разделительная черта, как абстрактное деление, чтобы отделить друг от друга противоположности, «серый — это только территория в качестве абстракции».

Валентин Плаксин. Цвет слова СУББОТА видится по первой букве, другие дни недели имеют собственный цвет, непохожий на цвета букв.

О цвете слов, означающих месяцы года, упомянул только один синестет.

Екатерина Орлова. Голубой цвет слова ЯНВАРЬ, в отличие от названий других месяцев, не связан с цветом букв в этом слове.

Окрашивание слов, означающих хроматические и ахроматические признаки цвета, может ассоциироваться с значением этих слов.

Мария Ковальская. Окраска слов, означающих цвет, соответствует их значению. Слово КРАСНЫЙ – красное, ОРАНЖЕВЫЙ – оранжевое, ЖЁЛТЫЙ – жёлтое, ЗЕЛЁНЫЙ – зелёное,

СИНИЙ – синее и т. д.

Евгения Громова. Окраска названий цвета совпадает со смыслом слов.

Надежда Завитаева. Цвет слов-цветонаименований ничем не отличается от цвета, задаваемого смыслом таких слов.

Людмила Полонская. Цветонаименования имеют обозначаемый ими цвет и зачастую схожего цвета буквы. Слова БЕЛЫЙ и ЧЁРНЫЙ имеют соответственно белый и чёрный цвет и не содержат букв такого цвета.

Ирина Волкова. Слово КРАСНЫЙ имеет синий цвет, который придаёт ему доминирующая первая в слове синяя К. ОРАНЖЕВЫЙ – белое слово из-за цвета белого О. ЧЁРНЫЙ – серое из-за серой Ч. В остальных случаях окраска обозначающих цвет слов соответствует их смысловому значению.

Мария Пахомова. Кирпично-красная окраска слова КРАСНЫЙ не соответствует цвету ни одной из входящих в слово букв. Цвета прочих цветовых наименований определяются одной буквой слова, не только первой.

Собственный цвет слова и цвета букв могут сочетаться в одном слове.

Лидия Можаяева. Наименования цвета имеют обозначенный ими цвет, на котором видятся цветные буквы, составляющие данное слово.

Софья Ковтун. Названия цветов спектра имеют цвет букв, окружённый ореолом того цвета, который означает слово.

Цвет слова у синестетов может ассоциироваться с цветом дентата.

Светлана Желязко. Цвет слов на слух зависит от первой буквы, а при чтении видны цвета всех букв. Иногда слова имеют цвет обозначаемого ими предмета. Слова АПЕЛЬСИН и МОРКОВЬ – оранжевые, ОБЛАКО – белое, ОГУРЕЦ – зелёный. Буквы такого цвета в этих словах отсутствуют.

Алекс Волков. Слова имеют цвет их букв с переходами смешанного цвета. Однако встречаются такие слова, цвет которых заимствован у цвета того предмета, который обозначен словом. Например, слово КРОТ – чёрное, а его буквы иные по цвету: К – красная, Р – жёлтая, О – белая, Т – коричневая.

Марина Дубровская. Некоторые слова окрашиваются независимо от цвета букв. К примеру, СНЕГ – белый (С – синий, тёмно-голубой, Н – зелёный, Е – светло-серый, Г – синий, средне-голубой). ВЕТЕР – синий (В, Т, Р имеют коричневый цвет разных оттенков, Е – светло-серый).

В слове ВЕТЕР цвет ассоциировался у респондента не с денотатом, а с сигнификатом слова. Приведём примеры других ассоциаций такого типа.

Мария Пахомова. Слова при чтении имеют цвет одной буквы, чаще первой в слове, но необязательно. Слово ГРОЗА фиолетовое (цвет Г – серый, Р – чёрный, О – белый, З – оранжевый, А – красный). ЗАГАДКА – зелёное слово, а буквы К – голубая, Д – синяя, З, А, Г – цвета приведены выше.

Лидия Можаяева. Слово МОРЕ оранжевое, и на нём, как через цветные очки, буквы: М – розовая, О – серая (в алфавите белая), Р – синяя, Е без цвета.

Вероятно, цвет слов ВЕТЕР, ГРОЗА, ЗАГАДКА, МОРЕ возник и закрепился в подсознании синестетов в связи с эмоциональной стимуляцией.

Например, Л. Можаяева – континентальный житель, её детский отдых на юге летом сопровождался положительными эмоциями, связанными с морем. Возможно, поэтому слово МОРЕ ассоциировалось с оранжевым цветом. Оранжевый цвет символизирует теплоту, радость и энергию. Яркие краски таких оттенков созвучны с удовольствием, радостью.

Окраска имён собственных может зависеть от цвета их букв, но и собственный цвет у этих слов встречается довольно часто, и не только в именах знакомых респонденту людей. Цвет имён собственных объясняется эмоциональной оценкой характера человека, которая даётся синестетом.

Мария Ковальская. Имя ДАША коричневое (Д и Ш коричневые). ДИМА – серое, цвет не зависит от букв (И – зелёная, М – синяя, А – белая).

Марина Дубровская. Слова АНДРЕЙ и ДИМА синие, а синих букв нет.

Валентин Плаксин. Цвет одних имён видится по первой букве слова, а другие имена разных людей имеют просто свой соб-

ственный цвет.

Эдуард. Обычно цвет слов зависит от звуков в сильной позиции. Имя АНЯ красное, как звук А в начале слова. Но вот у знакомой девушки Ани при первом знакомстве имя было светло-фисташковое, а затем стало жёлто-коричневым. У другой знакомой, Кати, имя тёмно-жёлтое.

Фисташковый – зелёный цвет с голубым оттенком. В тесте М. Люшера синева-зелёный цвет используется для определения состояния напряжения, которое выражается в упорстве, твёрдости, настойчивости, жёсткости и наступательности по отношению ко всем изменениям. Такое впечатление могла произвести Аня на синестета в начале знакомства. В дальнейшем ей был подсознательно присвоен жёлто-коричневый цвет, представляющий собой чувственное восприятие, любовь к приятным физическим ощущениям. Тёмно-жёлтый цвет имени Катя – это цвет имени циника и жалобщика, который символизирует отсутствие любви, меланхолию и даже депрессию.

Дарья Дубовая. Не зависят от цвета букв в слове имена знакомых людей, которые со временем могут даже поменять свой цвет.

Танита Гриценко. Слова имеют цвет двух–трёх букв в слове. Своё собственное имя белое с оттенками желтого и зеленого (Т – цвет слоновой кости, А – белый, Н – зелёный). Имя брата Женья белое с желтоватыми оттенками (Ж – жёлтый цвет детской неожиданности, Е – белый). Имеет много знакомых с одинаковыми именами одного цвета. Например, имя СВЕТА всегда голубое, букв с таким оттенком в нём нет. Разные персонажи с этим именем имеют различия в характере, но у каждого можно подметить такие черты характера, которые символизируются этим цветом. Иногда цвет имени ассоциируется с внешностью человека. Например, имя ВИКА обычно зелёное (букв такого цвета нет), но у голубоглазой Вики имя имеет синий цвет.

Таким образом, собственный цвет слов, имеющих значение денотата, зависит от натурального цвета денотата. Собственный цвет дней недели может быть связан с цветом цифр и абстрактным понятием последовательности дней в неделе. В остальных случаях ассоциации значения слов с собственным цветом становятся понятными с позиций психологии цвета М. Люшера.

**Благодарим синестетов за предоставленную ими информацию.*

Литература

Дэй Ш.Э. (Day, Sean Andrew) Некоторые дополнительные замечания о методах исследования синестезии / Перевод Антона Сидорова-Дорсо. http://synaesthesia.ru/sean_a_day.html

Люшер М. Четырехцветный человек: Тест Люшера / Магия цвета. Харьков: «Сфера», «Сварог». 1996. 432 с. [nuph.edu.ua](http://nuph.edu.ua/wp-content...2015/04/M.Lyusher...chelovek)wp-content...2015/04/M.Lyusher...chelovek

Люшер М. Цвет вашего характера. М.: РИПОЛ Классик, Вече, 1997.

Рамачандрян В. С. Рождение разума. Загадки нашего сознания. М.: Олимп-Бизнес, 2006. [litmir.me](http://litmir.me/br/?b=192019&p=37)br/?b=192019&p=37.

REFERENCES

Dej SH.E. (Day, Sean Andrew) Nekotorye dopolnitel'nye zamecha-niya o metodah issledovaniya sinestezii / Perevod Antona Sidorova-Dorso.http://synaesthesia.ru/sean_a_day.html

Lyusher M. CHetyryohcvetnyj chelovek: Test Lyushera / Magiya cveta. Har'kov: «Sfera», «Svarog». 1996. 432 s. [nuph.edu.ua](http://nuph.edu.ua/wp-content...2015/04/M.Lyusher...chelovek)wp-content...2015/04/M.Lyusher...chelovek

Lyusher M. Cvet vashego haraktera. M.: RIPOL Klassik, Veche, 1997.

Ramachandran V. S. Rozhdenie razuma. Zagadki nashego soznaniya. M.: Olimp-Biznes, 2006. [litmir.me](http://litmir.me/br/?b=192019&p=37)br/?b=192019&p=37.

©Еливанова М.А., 2022

©Семушина В.А., 2022

Еливанова Мария Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языкового и литературного образования ребенка. Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 644043, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. В.О., 1-ая Линия, 52.

Elivanova Mariya Anatol'evna – Candidate of Philology, Docent of the Department of Language and Literary Education of the Child. The Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Rus-

E-mail: melivanova@yandex.ru

sia).

Семущина Валерия Анатольевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель. Институт иностранных языков (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 644043, Россия, г. Санкт-Петербург, пр. М. Тореза, 86.

E-mail: haleria@yandex.ru

Semushina Valeriya Anatol'evna—Candidate of Philology, Senior Lecturer. Institute of Foreign Languages (St. Petersburg, Russia).

Е.Н. ИВАНОВА

г. Екатеринбург, Россия

z3411828@yandex.ru

УДК 811.161.1'42:811.161.1'373

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ: ОПЫТ МЕТАЯЗЫКОВОЙ РЕФЛЕКСИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу современной языковой ситуации на примере использования фразеологизмов носителями русского языка. Материалом для исследования послужили высказывания и небольшие письменные тексты неофициального типа в сети Интернет, содержащие фразеологические обороты. Фразеологизмы как языковые единицы должны обладать устойчивостью и воспроизводимостью. Практически все собранные в речи и в интернет-текстах фразеологизмы являются ошибочными. При этом они отражают различные тенденции: нарушение грамматической формы фраземы, лексические и семантические парафазии, разрушение идиоматического значения, трансформации внешнего облика. Рассматривается идея стилистического приема, противопоставленного фразеологическим ошибкам. Такой прием реализуется, как правило, на уровне заголовков публицистических текстов, особенно заметок. Наличие игрового отчасти мотивировочного контекста может стать объективным критерием для отграничения фразеологических ошибок от поэтической вольности.

Ключевые слова: фразеологизмы, фразеологические ошибки, дефектные тексты, интернет-коммуникации, интернет-технологии, языковые нормы, носители языка, метаязыковая рефлексия.

IVANOVA EVGENIYA N.

Yekaterinburg, Russia

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN LEXICAL SYSTEM: THE EXPERIENCE OF META-LANGUAGE REFLECTION

Abstract. The article is devoted to the analysis of the modern language situation on the example of the use of idioms by native speakers of the Russian language. The material for the study was utterances and small written texts of an informal type on the Internet containing phraseological phrases.

Phraseologisms as linguistic units must be stable and reproducible. Almost all phraseological units collected in speech and in Internet texts are erroneous. At the same time, they reflect various tendencies: violation of the grammatical form of idioms, lexical and semantic paraphrasias, destruction of idiomatic meaning, transformation of external appearance. The idea of a stylistic device opposed to phraseological errors is considered. This technique is implemented, as a rule, at the level of headings of journalistic texts, especially notes. The presence of a somewhat playful motivational context can become an objective criterion for distinguishing phraseological errors from poetic license.

Keywords: idiom, phraseological error, defective text, Internet communication, language norms, native speaker.

Современная языковая ситуация имеет множество аспектов, например, ортологический, подразумевающий характеристику состояния языковых норм и отношения к ним носителей, которое варьируется от абсолютного их соблюдения до игнорирования каких бы то ни было правил, в том числе в силу невладения ими. Современную языковую ситуацию невозможно представить вне интернет-пространства: в неофициальной части интернет-текстов оказываются небезыңтересные для лингвиста языковые факты, потому что эти тексты часто являются лишь фиксацией устной речи и в них пишущий чувствует свободу в установлении отношений с языковыми нормами.

В данной статье рассматривается материал, полученный в ходе наблюдения за устной речью носителей русского языка и письменными текстами, размещенными в сети Интернет. Этот материал скорее отрицательный, но проливающий свет на функционирование фразеологических единиц в современной практике говорящих/пишущих на русском языке, показывающий некоторые тенденции в бытовании фразем. Отношение самих филологов к различного рода языковым аномалиям значительно изменилось в современной языковой ситуации, оформились идеи относительно дефектности текстов. Подробнее о дефектности текстов с точки зрения воспринимающего субъекта см. в: [Попова 2012].

Конечно, бесценным оказывается опыт метаязыковой рефлексии как автора статьи, так и других носителей русского язы-

ка, даже не подозревающих о своей рефлексивной деятельности. Один из векторов рефлексии можно обозначить **«норма – ошибка»**, при этом всегда есть особый повод для размышлений – **тенденции**. Не всякое отступление от норм приравнивается к ошибке, но при этом любая тенденция не исключает ошибку.

Очевидное для филологов свойство лексической системы живого языка заключается в следующем: лексический уровень максимально чутко реагирует на изменения в идеографической сетке – появление новых реалий и, следовательно, их обозначений, забвение реалий, переименование реалий. Лексика любого языка считается самой подвижной системой, отражающей все внеязыковые изменения. Образно говоря, фразеологические единицы относятся к реакционной части лексической системы, уравнивают новейшие тенденции в силу своих свойств, хотя не следует сбрасывать со счетов формирование новой фразеологии (*открытый образовательный ресурс, образовательная платформа, онлайн-занятие*).

Новая фразеология не всегда и не сразу признается авторитетными источниками в качестве таковой. Приведем пример единицы, которая частотна среди молодых носителей, но не нормативна: *раздраконить кого-либо* в значении «разозлить». Такое значение фиксируется словарями, например, оно представлено в Словаре молодежного сленга. Подобные словари возникают в сети спонтанно, их цель объяснить значение новых слов и фразеологизмов, актуальных в современной языковой ситуации, их составители не претендуют на нормативность (часто у них невозможно определить авторов) и не являются филологами. Если же обратиться к нормативному толковому словарю русского языка С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой [<https://gufo.me/dict/ozhegov/раздраконить>], то находим следующее: *прост., то же, что разгромить*, т.е. раскритиковать.

Признаки фразеологических единиц при широком их понимании – устойчивость и воспроизводимость – были выделены еще академиком В.В. Виноградовым [1977].

Наиболее последовательно нормоцентрический подход к ошибкам отражен в работах М.Н. Кожинной [2008] и С.Н. Цейтлин [2013]. В рамках него к речевым ошибкам относят все на-

рушения норм словоупотребления. Для удобства описания данные ошибки делятся на лексические, морфологические, синтаксические в соответствии с языковым уровнем, на котором они возникают.

К лексическим ошибкам относятся ошибки в употреблении **фразеологических оборотов**. Представим некоторые ошибочно употребляемые фразеологизмы в устной и письменной практике носителей языка, в том числе интернет-пользователей:

1) употребление фразеологизма без учета его значения, приводящее, как правило, к семантическому переосмыслению и к нарушению формы исходного выражения: *собака **порылась*** (вместо нормативной фраземы *вот где собака зарыта*), *совместить пользу и здоровье* (ср. *совмещать приятное с полезным*), *пока **суть** да дело* (ср. *пока **суд** да дело*). В примерах возможно видеть и замену компонента фразеологизма (лексическую парафазию), однако данные случаи квалифицируются нами как искажение фразем в силу забывания идиоматического значения этих единиц. Кроме того, можно усмотреть и своего рода контаминацию фразеологизмов *суть дела* и *пока суд да дело*;

2) неоправданное сокращение или расширение состава фразеологизма: *Успехи предприятия желают лучшего* (вместо нормативного употребления *оставляют желать лучшего*), *После его назначения жизнь в городе стала бить **другим** ключом* (норма: *бить ключом*);

3) немотивированная замена компонентов фразеологизма: *в грязь лицом не **упасть*** (вместо нормативного *не ударить*), *ужин на **быструю** руку* (вместо нормативного *на скорую руку*), *язык заговаривает* (вместо *зубы заговаривает*), *губу **раскатил*** (вместо *губу / губы раскатать / раскатывать*);

4) изменение порядка компонентов фразеологизма: *фиаско потерпел* (вместо *потерпеть фиаско*), *откуда **выросли** ноги* (вместо *откуда ноги **растут***). В последнем примере наблюдается и немотивированная замена компонента фразеологизма.

Безусловно, следует разграничивать неправильное употребление фразеологизмов как речевую ошибку и намеренное преобразование фразеологизма как стилистический прием, активно используемый в публицистике: *С миру по строчке, Телят по*

осени считают, «Свято» место бывает пусто (газетные заголовки) [Майданова 2001]. Вопрос о разграничении фразеологических ошибок и игровых приемов актуален, в частности для журналистов и редакторов. Подробнее о критериях см. также в: [Мильчин 2009, Накорякова 2009].

Не все указанные примеры заголовков одинаково удачны, с нашей точки зрения, даже в связи с текстами заметок. Последний пример – о "святом" месте – расценивается нами как "неблагополучный" в языковом и даже логическом плане. Для проверки этой интуитивно осознаваемой особенности заголовка текста нами проводился неоднократно своего рода эксперимент, который подтвердил выдвинутое предположение. Испытуемыми стали студенты, обучавшиеся по образовательной программе «Литература и литературное редактирование», в количестве 30 человек за разные годы обучения (2013-2017). В качестве стимула выступал только **заголовок**, поскольку, просматривая издание, – газету или журнал – читатель смотрит в первую очередь именно на заголовочный комплекс и в этот момент решает, знакомиться ли ему с содержанием самого текста. После предъявления заголовка заметки участникам эксперимента предстояло оценить его, ответив на вопрос: «Как Вы считаете, текст посвящен описанию хорошего, достойного уважения или негативного, неблагоприятного события?» Кроме того, студентам необходимо было пояснить свой выбор.

Результаты опроса следующие: подавляющее большинство испытуемых (25 человек) предположило, что текст связан скорее с чем-то «нехорошим» или «не очень хорошим». При объяснении студенты были вынуждены опираться только на языковое оформление заголовка. Их комментарии основывались на восстановлении исходного книжного фразеологизма – *свято место пусто не бывает* – его значения и трансформации, проявившейся в изменении порядка компонентов, закавычивании формы «свято» и устранении отрицательной частицы из состава фразеологического оборота. Значительная часть студентов (около половины участников) отмечала, что более всего их смущают кавычки: невозможно понять вне контекста, что значит «*не святое место*».

Естественно, что автор публикации рассчитывал на совсем иной эффект от креативного, по его мнению, заголовка: заметка описывала благородный поступок администрации одного из домов ребенка, взявшей воспитанников на время ремонта в свои семьи. Очевидно, избыточность приемов в одном заголовке могла сформировать ложное представление потенциальных читателей о тексте до его прочтения.

Эксперимент представляет управляемый процесс запуска механизмов метаязыковой рефлексии студентов. Несколько иные результаты можно наблюдать при обычных (не экспериментальных) условиях.

Интерпретация фразеологизма *разгорелся / загорелся сыр бор*, а точнее его части в дефисном написании «*сыр-бор*», фиксируемом на АКАДЕМОСЕ [<https://orfo.ruslang.ru/>], студентом-филологом показательна, поскольку демонстрирует не только забвение исходной единицы, возникшей в тексте пользователя сети, но и отсутствие собственного критического лингвистического анализа. Протицируем небольшой фрагмент рассуждения студента: *«Задачей интернет-поста привлечь как можно больше внимание к автору текста, для этого используются различные приемы с элементами развлекательности: например, возникновение звукового рифмованного сочетания слов «Сыр-бор», обозначающее переполох, начало ссоры»*. Кроме того, к сожалению, стоит сказать, что студент больше полагается на свою интуицию, нежели сверяется с нормативными словарями.

В рамках данной статьи нельзя не отметить еще одну тенденцию, связанную с целенаправленным массовым стремлением интернет-пользователей заключать в кавычки слова в переносных значениях, не входящие в состав фразем и являющиеся их компонентами (ср. *отделка «под ключ», Какие «сюрпризы» ждут россиян в марте 2022 года, на вступление в наследство закон отводит «приличный» срок – целых полгода, Не лезьте «в бутылку»*), а также целых фразеологизмов (например, *«Ска-тертью дорожка», «Кровь родная – не водица»: брат и сестра в актерской профессии*). Эта тенденция свидетельствует о метаязыковой, пусть наивной рефлексии носителей русского

языка, хотя влечет за собой, мягко говоря, пунктуационную погрешность.

Таким образом, фразеологизмы либо редко используются в речи современными носителями русского языка, не рассматриваются ими в качестве стилистического ресурса, либо возникают в искаженном виде с различного рода отступлениями (лексическими, семантическими, грамматическими и даже орфографическими и пунктуационными) от существующей нормы. Отмеченные тенденции свидетельствуют скорее об ошибках, поскольку противоречат отличительным признакам фразеологических единиц. Наиболее частотными стали ошибки, связанные с заменой компонентов фразеологизмов и фатальным достраиванием несуществующего значения.

Объективным критерием в разграничении данного вида ошибок и стилистических приемов должен выступать игровой контекст, который хотя бы намекал на интенцию говорящего или пишущего обыграть ту или иную фразеологическую единицу. Почти все проанализированные примеры были его лишены, что лишний раз убеждает нас в ошибочности их употребления, а не в креативности носителей языка.

Метаязыковая рефлексия студентов-филологов нуждается в дополнительном стимулировании и развитии, в противном случае ими допускаются грубые ошибки при интерпретации чужих текстов. Очень часто ошибки воспринимаются ими как оригинальные идеи, и наоборот, стилистические приемы трактуются как ошибки.

Литература

Виноградов В. В. Лексикология и лексикография: Избранные труды. М., 1977.

Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка. 4-е изд., стереотип. М., 2008.

Майданова Л. М. Критика речи и литературное редактирование текстов СМИ. Екатеринбург, 2001.

Мильчин А. Э. Справочник издателя и автора: Редакционно-издательское оформление издания. М., 2009.

Накорякова К. М. Литературное редактирование: Общая методика работы над текстом. Практикум. – М., 2009.

[Электронный ресурс]. URL: <http://www.biblioclub/book/103355/>; http://e.lanbook.com/books/element.php?pl1_id=3398 (дата обращения: 03.03.2022).

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/раздраконить> (дата обращения: 03.03.2022).

Орфографический академический ресурс «АКАДЕМОС» [Электронный ресурс]. URL: <https://orfo.ruslang.ru/> (дата обращения: 03.03.2022).

Попова Т. В. Лингвистика дефектного текста // Уральский филологический вестник: серия «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива». 2012. № 3.

Словарь молодежного сленга. [Электронный ресурс]. URL: <https://anews-com.turbopages.org/anews.com/s/novosti/131249527-molodezhnyj-slang-2021-chto-takoe-krash-krinzh-vpiska-i-padra-slovary.html> (дата обращения: 03.03.2022).

Цейтлин С. Н. Речевые ошибки и их предупреждение. 4 изд. М., 2013.

REFERENCES

Vinogradov V. V. Leksikologiya i leksikografiya: Izbrannye trudy. M., 1977.

Kozhina M. N., Duskaeva L. R., Salimovskij V. A. Stilistika russkogo yazyka. 4-e izd., stereotip. M., 2008.

Majdanova L. M. Kritika rechi i literaturnoe redaktirovanie tekstov SMI. Ekaterinburg, 2001.

Mil'chin A. E. Spravochnik izdatelja i avtora: Redakcionno-izdatel'skoe oformlenie izdaniya. M., 2009.

Nakoryakova K. M. Literaturnoe redaktirovanie: Obshchaya metodika raboty nad tekstom. Praktikum. – M., 2009.

[Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.biblioclub/book/103355/>; http://e.lanbook.com/books/element.php?pl1_id=3398 (дата обращения: 03.03.2022).

Ozhegov S. I., Shvedova N. YU. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/razdraconit'> (дата обращения: 03.03.2022).

Orfograficheskij akademicheskij resurs «АКАДЕМОС» [Elektronnyj resurs]. URL: <https://orfo.ruslang.ru/> (дата обращения: 03.03.2022).

Popova T. V. Lingvistika defektnogo teksta // Ural'skij filologicheskij vestnik: seriya «Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika krea-tiva». 2012. № 3.

Slovar' molodezhnogo slenga. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://anews-com.turbopages.org/anews.com/s/novosti/131249527-molodezhnyj-sleng-2021-chto-takoe-krash-krinzh-vpiska-i-padra-slovary.html> (data obrashcheniya: 03.03.2022).

Sejtlin S. N. Rechevye oshibki i ih preduprezhdenie. 4 izd. M., 2013.

©Иванова Е.Н., 2022

Иванова Евгения Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и русского языка. Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, 281.

E-mail: z3411828@yandex.ru

Ivanova Evgeniya Nikolaevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of General Linguistics and Russian Language. Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg, Russia).

Л. В. КОСОВА

М. Э. Рут

Екатеринбург, Россия

lidiya.kosova2000@mail.ru

moerut@yandex.ru

УДК 81'373.2

ИЗ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ НАБЛЮДЕНИЙ НАД НОМИНАТИВНЫМИ ТАКТИКАМИ И СТРАТЕГИЯМИ

Аннотация. Данные ономаσιологических экспериментов позволяют варьировать условия номинативного акта и дают основания для выводов о специфике протекания номинативного процесса. В статье анализируются результаты одного из таких ономаσιологических экспериментов, направленного на выявление условий реализации субъективизированной стратегии отобъектной номинации. Семь групп объектов, ранжированных по размеру, были предложены 20 участникам пилотного эксперимента, принадлежащим к различным гендерным, возрастным и социальным группам. Полученные результаты свидетельствуют об избирательности субъективизированного подхода к номинации объектов в ситуации спровоцированного выбора одного признака. Так, навязываемая градация по размеру ограничивает креативные усилия при номинации животных и разнообъемных объектов. Для всех групп провоцируемый признак часто дополняется другими, выделенными самими номинаторами. Наиболее перспективны для реализации субъективизированной стратегии номинации абстрактные фигуры и изображения людей.

Ключевые слова: ономаσιология, ономастика, ономаσιологические эксперименты, отобъектная номинация, объективизированная, стратегия, субъективизированная стратегия, стратегии номинации.

KOSOVA Lidia V.

RUT Maria E.

Yekaterinburg, Russia

FROM EXPERIMENTAL OBSERVATIONS ON NOMINATIVE TACTICS AND STRATEGIES

Abstract. The data of onomasiological experiments allow us to vary the conditions of the nominative act and provide grounds for conclusions about

the specifics of the nominative process. The article analyzes the data of one of such onomasiological experiments aimed at identifying the conditions for the implementation of a subjectivized strategy of object-based nomination. Seven groups of objects ranked by size were offered to 20 participants of the pilot experiment belonging to different gender, age and social groups. The results obtained indicate the choice of a subjectivized approach to the nomination of objects in a situation of provoked choice of one attribute. Thus, the imposed size gradation limits creative efforts in the nomination of animals and diverse objects. For all groups, the provoked attribute is often supplemented by others, highlighted by the nominators themselves. Perspective evaluative implementations of sub-objective strategies nomina-ET absentive figurines and images of people.

Keywords: nominations, onomasiological experiment, object-based nominations, objectified and subjectified strategies of nominations.

Ономасиологический эксперимент предполагает моделирование акта номинации (термин В. Г. Гака, см.: [Гак 1977: 241]). Основными задачами такого смоделированного номинативного действия являются получение нового номинативного материала и наблюдение за особенностями номинативного процесса (подробнее об этом см.: [Рут 2007: 134–149]), прежде всего за поведением субъекта номинации. В силу этого основной акцент обычно ставится на варьировании субъектов номинации (их гендерной, возрастной или социальной принадлежности), именно с этим связываются и рабочие гипотезы эксперимента. Что касается объектов номинации, то здесь установки экспериментатора обычно ориентированы на их необычность или отсутствие у них узуального названия (ср., например: [Голев 1974; Гридина 1977; Копочева 1985; Непряхина, Рут 1991; Гафурова 2012; и др.]).

Эксперименты позволяют увидеть «в работе» три основные стратегии номинатора: либо его основное внимание сосредоточено на закреплении в названии свойств номинируемого объекта (отобъектно мотивированная номинация), либо он выражает в названии свое отношение к объекту (отсубъектно мотивированная номинация), либо он ориентируется на адресата номинации (отадресатно мотивированная номинация). (Подробнее об этом см. [Рут 1992: 20–22]). Выбор стратегии определяет тактику но-

минации, т. е. ее средства и модели.

Отметим, что отоъектная стратегия всегда превалирует в экспериментах, при этом она может носить как объективизированный, так и субъективизированный характер (см.: [Рут 2018: 136–144], т. е. субъект номинации выбирает меру субъективной окрашенности отоъектного названия. Встает вопрос, насколько сам объект влияет на выбор такой стратегии. Именно ответ на этот вопрос и хотелось получить в результате того эксперимента, который описывается далее.

В качестве материала для номинации были взяты рисунки (фото) нескольких групп однородных объектов. Внутри каждой из групп предметы отличались по величине. Тем самым был задан ярко выраженный признак объекта – его размер. Чтобы его особо подчеркнуть, предметы располагались по убыванию величины. Степень условности изображений варьировала. В эксперименте участвовало 20 человек от 18 до 45 лет. 65 % испытуемых – студенты-филологи, остальные – люди разных социальных групп и профессий.

Рассмотрим полученные результаты.

Первое из изображений носило абстрактный характер – пять кругов различного диаметра (см. рис. 1).

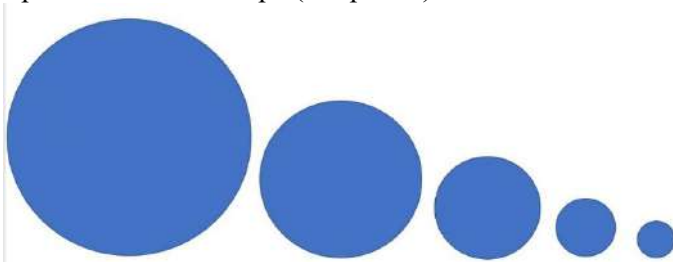

Рис. 1

Как и ожидалось, все полученные номинации отражали размер как признак объекта. Большинство из них стали реализацией объективизированной стратегии: *большой круг – средний круг – третий круг – малый круг – очень маленький круг*; *большой круг – средний круг – маленький круг – еще более маленький круг – микроскопический круг*; *круг с самым большим диаметром – круг с диаметром больше среднего – круг со средним диамет-*

ром – круг с диаметром меньше среднего – круг с самым маленьким диаметром и пр. Как видно из приведенных примеров, дифференцирующими средствами номинации служат определения, указывающие на изменяющийся относительно друг друга размер: *большой – средний – маленький; большой – меньше – очень*. Градационная задача усложняется количеством объектов: размерной триады *большой – средний – малый* явно не хватает, поэтому привлекаются усилительные выразители признака: *огромный, крохотный, микроскопический*. На помощь приходят и уменьшительные суффиксы, в том числе весьма субъективно выбранные: *огромный шар – шар – шарик – маленький шарик – крохотный шарик; шар – шаричек – шарочек – шарунчик – горошина*.

В последнем примере номинатор прибегает к помощи уже иной стратегии – субъективизированной, используя метафору, правда, вполне языковую (ср.: *горошина* 2. Круглая крапинка, сплошной кружочек на материи [СРЯ, 1, 336], где маленький размер подчеркивается уменьшительными суффиксами в дефиниции; ср. также: Земля громадная, но Земля в принципе – горошина в солнечной системе; Он достает лупу, включает крошечную, как горошина, но бьющую прямо в цель лампу, и мы склоняемся над витриной [НКРЯ]). Тем не менее, данный способ номинации находит развитие в предпринимаемых рядом номинаторов попытках выстроить субъективный размерный градационный ряд: *Солнце – Юпитер – Сатурн – Нептун – Плутон; Король Шар – Королева Шар – принц Шар – принцесса Шар – лорд Шар; помело – грейпфрут – апельсин – абрикос – облепиха; шар – баскетбольный мяч – волейбольный мяч – теннисный мяч – таблетка*. Во всех приведенных рядах этого типа (кроме первого) образный ряд не выдерживает градационной функции: фруктовый ряд завершается образом ягоды (не вполне круглой, кстати); в королевскую семью включается лорд (аллюзия к «Трем мушкетерам?»); в ряд круглых спортивных снарядов попадает таблетка. Один из испытуемых выстроил образный ряд, «забыв» о размерности или, по крайней мере, не всегда о ней вспоминая: *шар – круг – пятно – клякса – точка*, – сопроводив свой ответ характерным примечанием: «Скорее, из-за раз-

меров так дала».

В двух случаях номинативный образ создан от общего впечатления о круге и только затем номинатор встает на путь противопоставления по размеру: *колобок после выходных у бабушки – обычный колобок – колобок-анорексик – колобок-подросток – детеныш колобка*; «*Матрешка. Матрешка самая большая – матрешка меньше, меньше, меньше и меньше*» (так у респондента).

В поисках «размерных» образов два испытуемых подключили к номинации еще один признак – расположение: *Юпитер – Марс – Земля – Венера – Меркурий* (отметим, что размерность соблюдена не во всем: Марс меньше Земли и Венеры; неизвестно, думал ли об этом автор образного ряда); *большой круг – указательный круг – средний круг – безымянный круг – маленький круг* (еще одно доказательство того, что человек – мера всех вещей).

Для одного из испытуемых признак расположения объектов (и только он!) стал основой для объективизированной номинации: *самый левый круг – круг правее – круг третий справа – круг второй справа – самый правый круг*. В таком выборе просматривается креативное желание субъекта номинации уйти от навязываемой модели.

Вторая группа объектов номинации – представленные на фотографии стеклянные сосуды, также различные по размеру, по объему, однако единство формы сослужит не вполне удалось (см. рис. 2).

Рис. 2.

Сторонники объективизированной стратегии выбрали такти-

ку отождествления, учитывая признаки размера и формы. Наиболее ярко это проявилось в следующем ряду развернутых номинаций, фиксирующих целый ряд признаков (форму, материал, размер, наличие пробки и т.п.): *низкая стеклянная емкость цилиндрической формы с широким горлышком, напоминающая по форме обыкновенную стеклянную банку, с пробкой – стеклянная емкость средней высоты обтекаемой формы, имеющая сужение кверху и толстые края горлышка, с пробкой – высокая стеклянная колба цилиндрической формы без сужений и расширений, с однородными по толщине стенками и с пробкой – маленькая узкая колба правильной цилиндрической формы с пробкой*; в обычной жизни первые три предмета назвала бы баночками, последние два – колбами. Поскольку в других номинациях отождествление с колбой тоже присутствует, отметим, что на рисунке нет ни одной колбы (ср.: колба ‘стеклянный сосуд для химических работ (обычно шаровидный или конической формы) с длинным горлышком’ [СРЯ, 2, 71] (очевидно, все представляют себе колбу термоса).

Другие номинации-отождествления разрабатывают только размерный признак, впрочем, проявляющийся двояко – в отношении к высоте и к объему: *толстая и маленькая колбочка – толстая колбочка побольше – менее толстая колбочка побольше – еще менее толстая колбочка повыше, маленькая и тонкая колбочка; маленькая толстая колба – колба повыше – колба еще выше – самая высокая колба – самая тонкая колба; склянка меньше – склянка больше – и еще больше – и еще чуть-чуть – и худенькая*. Может быть задействован и признак формы: *низкая колба – бутылкообразная колба – средняя колба – правая цилиндрическая колба – узкая колба; колба низкая – колба фигурная – колба высокая с бортиком – колба высокая без бортика – колба узкая*. Размерность может быть обозначена при помощи уменьшительных форм: *баночка – банка, банка – банка – пробирка*. Суффиксов явно «не хватает», поэтому, как и в случае с кругами, автор ищет другие пути различения – отсюда появление номинации *пробирка*, выполняющей отождествление с другим типом объектов. Ср. также: *баночка – бутылочка – кувшин – кувшин – колбочка; баночка – кувшин – ваза – стакан – колба; ба-*

ночка – бутылочка – емкость 1 – емкость 2 – пробирка; скляночка – склянка – флакон – флакон – пробирка; банка – ваза – бутылка – широкая колба – узкая колба. Оставляем на совести номинаторов их субъективные представления о кувшинах, вазах, флаконах, колбах и даже стаканах. Очевидно, эти семантические девиации – свидетельство сложности номинативной задачи. В одном случае потребность в различении повлекла за собой индивидуальное словообразовательное решение: *клбчк* – *колбочка* – *колба* – *тубус* (!!) – *цилиндричек*; примечание номинатора: «Клбчк – колбочка, но сокращенная».

Три случая – решение номинативной задачи за счет введения предполагаемой функции сосудов: *баночка из-под лекарства* – *банка из-под варенья* – *бутылочка из-под волшебной пыльцы* – *две пробирки*; *баночка для кунжута* – *баночка для макарон* – *баночка для спагетти* – *баночка для удоны* – *баночка для яда*; *баночка для соли и сахара* – *брат кувшина* – *банка для воды с хорошим горлом* – *банка для воды с плохим горлом* – *баночка для анализа крови*. Во всех трех случаях объективизированная стратегия сменяется непопулярной для этой группы субъективизированной, маркерами чего становятся ирония и фантазийность.

Самый креативный вариант совмещает словообразовательные опыты с метафорой; кроме того, задействуется экспрессивность и поиск предполагаемой функции: *малипуська* – *дутик* – *дылда* – *другая дылда* – *лекарка* («в соответствии с целью применения туда заливать лекарства разового применения») – примечание номинатора).

Следующая группа объектов – стулья (см. рис. 3).

Рис. 3.

Назовем прежде всего номинации, дифференцирующие объекты по размеру: *большой стул* – *стул* – *маленький стул* –

стульчик; стулице – стул – стульчик – стлчк (тот же прием, что при номинации стеклянных сосудов). Интересны варианты, когда размер оценивается на уровне «нормальный по размеру – ненормально маленький»: *стул – стул – стул – стульчик; стул – стул – детский стул – стульчик; стул – стул – стульчик – стульчик*. Размер диктует субъективизированный (с элементами отсубъектного) подход у одного из испытуемых: *боец* («потому что я бы села, и он бы меня выдержал») – *хилый* («он бы развалился») – *тонконогий* (по соотношению длины сидухи и блины ножек кажется изящнее») – *гном* («так как самый маленький»). Наконец, размерность становится показателем принадлежности объекта размерно дифференцированным пользователям. В одном случае это прямая отсылка к народной сказке «Три медведя»: *стул для папы медведя, для мамы медведя, для брата-медвежонка, для сестрички-медвежонка*. Аллюзия к той же сказке ощущается в следующих номинациях: *стул для папы, мамы, сына, дочки; человеческий стул – женский (!) стул – детский стул – кукольный стул; стул Деда Мороза – стул обычный – стул школьный – стул детского сада*.

Помимо размера, на фото задействован еще один признак объектов – цвет. Номинаторы тут же воспользовались именно этим параметром, проявив даже некоторое пренебрежение к размеру, ср.: *красный стул – зеленый стул – голубой стул – желтый стул; красный стул – зеленый стул – голубой стульчик – желтый стульчик; большой красный стул – зеленый стул – голубой стул – маленький желтый стул*. Наряду с такой ситуацией есть номинации, гармонично сочетающие оба признака в рамках объективированной стратегии: *большой красный стул – зеленый стул поменьше – голубой средний стул – желтый маленький стул; красный деревянный стул – зеленый деревянный стул ниже первого – синий деревянный стул ниже первого и второго – желтый деревянный стул ниже всех*.

Признак «цвет» повлек за собой достаточно стандартные обобщающие метафоры у одного из номинаторов: *почти триколор и радуга, тоже почти* (примечание испытуемого). Используя своеобразные штампы для номинации многоцветности, номинатор вполне ощущает недостаточную корректность образов.

С другой стороны, зафиксирована индивидуальная комплексная метафора по цвету: *помидор – огурец – небо – солнце > огород*.
 Две группы объектов – животные: ежи и кошки (см. рис. 4, 5).

Рис. 4.

Рис. 5.

Как ни странно, столь живые изображения вдохновили на весьма однообразные номинации. Так, для рис. 4 повторялись варианты разработки связи размера и возраста: *еж – ежик – ежонок; большой еж – средний еж – малый еж; еж – ежиха – ежонок; ежище – еж – ежонок; папа ежик – ежиха – ребенок ежик; один и тот же ежик, только один побольше, другой поменьше и еще чуть меньше*. Субъективизированная стратегия реализовалась в манипулировании суффиксами: *ежище – ежик – ежуля*.

Можно выделить лишь два варианта, отмеченные яркой индивидуальностью. В одном случае это взгляд на рисунок в перспективе, когда размер оценивается как степень удаленности, отсюда: *ближний еж – меж-еж* («потому что он между») – *дальний еж*. В другом – демонстративно отсубъектная стратегия: *дружок – несчастье* («однажды на улице не замечу и наступлю») – *тот, кого не видно* («совсем маленький»).

Для рис. 5 размер также послужил поводом для противопоставления по возрасту: *взрослый кот – котенок-подросток – ко-*

тенок маленький – *котенок новорожденный*; *взрослая кошка* – *юноша семейства кошачьих* – *маленький котенок* – *только что родившийся котенок*; *кот* – *молодой кот* – *котик* – *котенок*; и т. п. Возможны и индивидуально подобранные уменьшительные суффиксы, словообразовательные новации, использование графических средств: *кот* – *котик* – *котенок* – *китя*; *котяра* – *большой котенок* – *котенок* – *котомладенец*; *КОТ* – *котэ* – *котик* – *котенок*; *кот* – *котенок* – *котеночек* – *кисик*; *кот* – *киса* – *котенок* – *китенок*. Впрочем, все приведенные диминутивы вполне узуальны, индивидуальным субъективизированным подходом можно считать лишь их использование как показателей определенного размера в заданной шкале.

Своеобразен вариант *кот* – *красавец* – *подросток* – *малыш*, в котором возрастная шкала дополняется субъективной оценкой одного из объектов.

Собственно косвенная номинация представлена единственным случаем: *дед* – *отличник* («кажется послушным») – *Лунтик* («потому что он все познает и взгляд потерянный») – *Слепыш*. При этом непрямые номинации – только средние две (в первой отражен возрастной мотив, последняя номинация фиксирует реальное положение вещей).

Наконец, две последние группы объектов связаны с фото людей – женщин (рис. 6) и мужчин (рис. 7).

Изображения женщин (см. рис. 6) достаточно схематичны, передают лишь общие очертания их фигур.

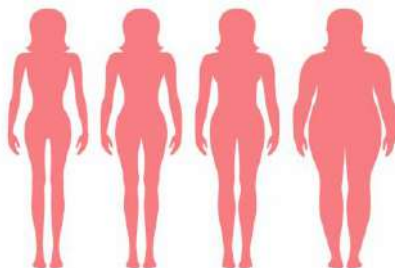

Рис. 6

Частью испытуемых изображения были восприняты как примеры четырех типов телосложения человека вообще, ср.: *очень худой человек* – *человек чуть полнее* – *человек еще полнее* – *са-*

мый полный человек; анорексичный тип сложения – преданорексичный тип сложения – нормальный тип сложения – полный тип сложения; самая худая фигура – вторая фигура – третья фигура – самая широкая фигура. Возможна субъективная оценка: *доходяга 1 – доходяга 2 – идеал – перебор*. Остальные испытуемые давали номинации фигурам именно как женским: *худая девушка – стройная девушка – девушка среднего телосложения – девушка плотного телосложения* – именно такие названия или близкие им составляют большинство. В одной из номинативных систем задействован возрастной параметр (правда, не вполне последовательно): *девочка – девушка – дама – женщина*. Другой номинатор рассматривает фигуры как олицетворения той или иной комплекции: *анорексия – худоба – стройность – полнота*. Наибольшая степень субъективизации номинаций представлена в такой градации: *анорексичка – фея – дева – девушка*.

Последняя группа объектов – пять изображений одного и того же мужчины в разных позах и разной величины (см. рис. 7).

Рис. 7.

Для реализации объективизированной стратегии респонденты в качестве номинативного признака выбирали либо признак роста, либо характер позы, либо и то и другое вместе, ср.: *очень маленький дядя – маленький дядя – средний дядя – большой дядя – очень большой дядя; карлик – низкий – обычный – высокий – великан; мелкий мужик – мужик с рукой на поясе – мужик со скрещенными руками – мужик с руками в карманах – мужик с папкой*. Рост и поза давали основание для субъективизированного вывода о том или ином социальном статусе человека: *новичок – работает два месяца – с опытом, со стажем – директор* –

ИП; новичок – стажер – работник – заместитель – директор; бакалавр – специалист – магистрант – аспирант – преподаватель. Те же признаки давали основание для характеристики человеческих устремлений (стремление вверх – уверенное стремление вверх – стабилизация – среднее стремление вверх – сожаление за стремление вверх; стремление к успеху – осознание успеха – балансировка – стремление к большему успеху – благодарность за путь), человеческих амбиций (самоуверенный карлик – подросший карлик – неуверенный в себе – как я хорош – я снизошел до вас) или человеческой значимости (человечичек – человек – человецище – высший человецище). Осталась неразгаданной номинативная система альфа – бета – икс – пациент – стоматолог.

Подведем итоги. Демонстративно заданный параметр не остается без внимания номинаторов, но всегда дополняется по их воле еще каким-нибудь (какими-нибудь) характеристиками. Параметр линейного размера дает больше оснований для реализации субъективизированной стратегии, чем параметр объема (группы 2 и 6). Параметр размера животного (группы 4, 5) сочетается только с параметром возраста. Размерная линейка у абстрактного объекта (группа 1) активизирует субъективизированную номинативную стратегию, основанную на расширении предметного кода. Применительно к человеку (группа 7) размерная линейка определяет субъективизированную номинативную стратегию, задействующую социальную и этикопсихологическую дифференциацию. Признак цвета в рамках субъективизированной номинативной стратегии становится господствующим и нивелирует даже изначально заданный признак размерности (группа 3).

Разумеется, пилотность эксперимента требует дальнейшей проверки сделанных выводов.

Литература

Ветлужских Т. Л., Мажура С. М., Рут М. Э. Образная номинация в речи детей школьного и дошкольного возраста // *Детская речь и пути ее совершенствования.* Свердловск, 1989. С. 12–21.

Гак В. Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация: Общие вопросы. М., 1977. С. 230–293.

Гафурова М. Н. Номинативная личность как реализация языковой личности (опыт экспериментального исследования). Автореф. дис. .. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2012.

Голев Н. Д. Система номинации конкретных предметов в русском языке: Автореф. дис... канд. филол. наук. Томск, 1974.

Гридина Т. А. Образные ономаσιологические модели в оронимии // Вопросы ономастики. Свердловск, 1977. Вып. 12. С. 21–25.

Копочева В. В. Соотношение искусственной и естественной номинации: на материале названий растений: Автореф. дис. .. канд. филол. наук. Томск, 1985.

Непряхина Т. С., Рут М. Э. Ономаσιологический эксперимент и типология образной номинации // Номинация в ономастике. Свердловск, 1991.

Рут М. Э. Образная номинация в русском языке Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1992.

Рут М. Э. Объект и субъект номинации: палитра соотношений // Лингвистика креатива–4: коллективная монография / Под общ. ред. Т.А. Гридиной. Екатеринбург, 2018. С. 136–157.

СРЯ – Словарь русского языка. В 4-х т. Т. 1. М.: Русский язык, 1981. Т. 2. М.: Русский язык, 1983.

REFERENCES

Vetluzhskih T. L., Mazhura S. M., Rut M. E. *Obraznaya nominaciya v rechi detej shkol'nogo i doshkol'nogo vozrasta //Detskaya rech' i puti ee sovershenstvovaniya.* Sverdlovsk, 1989. S. 12–21.

Gak V. G. K tipologii lingvisticheskikh nominacij //Yazykovaya nominaciya: Obshchie voprosy. M., 1977. S. 230–293.

Gafurova M. N. Nominativnaya lichnost' kak realizaciya yazykovoj lichnosti (opyt eksperimental'nogo issledovaniya). Avtoref. dis. .. kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2012.

Golev N. D. Sistema nominacii konkretnyh predmetov v russkom yazyke: Avtoref. dis... kand. filol. nauk. Tomsk, 1974.

Gridina T. A. Obraznye onomasiologicheskie modeli v oronimii // Voprosy onomastiki. Sverdlovsk, 1977. Vyp. 12. S. 21–25.

Kopocheva V. V. Sootnoshenie iskusstvennoj i estestvennoj nominacii: na materiale nazvanij rastenij: Avtoref. dis. .. kand. filol. nauk. Tomsk, 1985.

Nepryahina T. S., Rut M. E. Onomasiologicheskij eksperiment i tipologiya obraznoj nominacii // Nominaciya v onomastike. Sverdlovsk, 1991.

Rut M. E. *Obraznaya nominaciya v russkom yazyke Ekaterinburg*: Izd-vo Ural. un-ta, 1992.

Rut M.E. *Ob"ekt i sub"ekt nominacii: palitra sootnoshenij // Lingvistika kreativa–4: kollektivnaya monografiya /Pod obshch. red. T. A. Gridinoj. Ekaterinburg, 2018. S. 136–157.*

SRYA – Slovar' russkogo yazyka. V 4-h t. T. 1. M.: Russkij yazyk, 1981. T. 2. M.: Russkij yazyk, 1983.

©Косова Л.В., 2022

©Рут М Э., 2022

Косова Лидия В. – студентка департамента «Филологический факультет», Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620000, Россия, г. Екатеринбург, пр.Ленина 51

e-mail liidiya.kosova2000@mail.ru

Kosova Lidia V. – Student of the department "Philological faculty", Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. 51, Lenina Str., 620000, (Yekaterinburg, Russia).

Рут Мария Эдуардовна – д.ф.н., профессор кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации. Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620000, Россия, г. Екатеринбург, пр.Ленина 51.

moerut@yandex.ru

Rut Maria Eduardovna – Professor of the Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. 51, Lenina Str., 620000, (Yekaterinburg, Russia).

В.А. ПИЩАЛЬНИКОВА

г. Москва, Россия

pishchalnikova@mail.com

УДК 81.23

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ КАК БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВ

Аннотация. Автор формулирует теоретико-методологические принципы, определяющие использование данных ассоциативного эксперимента для установления лингвокреативных потенциалов лексических единиц: соотношение стимул – реакция – это речевое действие, единое в структурном и смысловом отношении; сущностные характеристики ассоциативного поля исследователь устанавливает при анализе признаков ассоциирования. Такие принципы предполагают возможности диагностирования начала изменений в значении слова и показывают, что любой семантический сдвиг в психологической структуре (прецедентного) значения начинается с изменения эмоционально-оценочного компонента. Автор устанавливает алгоритм анализа ассоциативных данных, основные шаги которого таковы: выделение признаков ассоциирования; установление характера, частотности и иерархии признаков ассоциирования во всех зонах АП; распределение ассоциатов по группам, соответствующим компонентам значения лексем; исследование количества отказов от ассоциирования; сопоставление с данными других ассоциативных словарей и др.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, моделирование, ассоциативное поле, лексическое значение, потенциальное значение, сдвиг коннотативного значения, значение слов, лингвокреативность.

PISHCHALNIKOVA VERA A.

Moscow, Russia

ASSOCIATION FIELD AS A BASE FOR STUDY OF POTENTIAL MEANINGS OF WORDS

Abstract. The author proposes theoretical and methodological principles that determine usage of associative experiment data for establishing linguistic and creative potential of lexical units: ratio stimulus – reaction is a speech act unified in structural and semantic terms; the researcher establishes essential characteristics of the associative field while analyzing principles

of association. Such principles suggest the possibility of diagnosing the beginning of changes in the meaning of the word and show that any semantic shift in the psychological structure of (precedent) meaning begins with changes in emotional-evaluative component. The author sets the analysis algorithm of associative data analysis, the major steps of this algorithm are as follows: identification of association features; establishment of character, frequency, and hierarchy of association features in all zones of association field; distribution of associates by groups corresponding to the components of the meaning of lexemes; research of the number of refusals of association; comparison with data from other association dictionaries including those with different times of publication, etc.

Keywords: associative experiment, modelling, associative field, lexical meaning, potential meaning, connotative meaning shift.

Свободный ассоциативный эксперимент стал в отечественной психолингвистике одним из основных методов сбора эмпирических данных, которые представляются в ряде словарей ([Леонтьев 1977]; [Добровольский, Караулов 1994]; [Караулов и др. 2002]; [Черкасова, Уфимцева 2014]; [Гуц 2004]; [Гольдин, Сдобнова, Мартыанов 2011], [Шапошникова, Романенко [URL:http://adict.ru](http://adict.ru)]; [Пищальникова и др. 2020]; [Степыкин и др.]) и многие другие. На их основе моделируется ассоциативное поле (далее АП. – *В.П.*), но по ряду причин его объяснительные возможности используются не вполне эффективно, особенно за пределами психолингвистической парадигмы. Во-первых, широко распространено определение АП как *совокупности реакций на слово-стимул, структурированной по их частотности*. Это, с одной стороны, отражает функциональный характер отношения стимул – реакция и, следовательно, потенциальность АП, с другой – создает представление о субъективности и неограниченности состава поля и, следовательно, малой эвристической ценности такой модели. Поэтому необходимо установление таких параметров АП, которые бы позволяли анализировать личностные смыслы, возникающие в процессе предикации в паре стимул – реакция, а не просто классифицировать полученные ассоциаты по формальным признакам. Во-вторых, долгое время в психолингвистике существует неэффективная практика так называемого «качественного анализа» ассоциатов,

когда, как правило, интерпретируется лексическое значение реакций на основе толковых словарей и языковой компетентности исследователя без учета признака ассоциирования, лежащего в основе предикации. В-третьих, есть ряд серьезных проблем, связанных с методикой проведения ассоциативного эксперимента, особенно в сопоставительных межкультурных исследованиях. Так, очень часто в этом случае для исследования сходных понятий и категорий в качестве стимулов используются обозначающие эти понятия лексемы, только *частично* соотносимые, но не совпадающие по значению, в том числе и коннотативному. Поэтому ассоциативно-вербальные связи, фиксированные в моделях АП, по сути, отражают разные фрагменты образа мира (как системы способов представления знаний) и строго сопоставлены быть не могут. В связи с неправомерностью такого подхода принципиальными оказываются требования последовательно учитывать (1) универсальность или специфичность содержания понятий, обозначенных словами-стимулами, (2) структурно-семантическое тождество или имеющиеся расхождения соотносимых лексем, (3) характер отношений между фрагментами ассоциативно-вербальной сети, (4) специфика дискурсивных практик, которая задает преимущественные модели ассоциирования. Наконец, еще одна причина недостаточной результативности использования модели ассоциативного поля – в частом и неправомерном отождествлении принципов моделирования семантического и ассоциативного полей, являющихся интерпретативными инструментами разных парадигм.

В силу всех перечисленных причин данные ассоциативных словарей чрезвычайно редко используются для установления креативных потенций языка. А между тем ассоциативная лексикография накопила огромный материал, который может стать серьезной базой для установления закономерностей развития семантических потенций лексических единиц.

Начнем с определения ассоциативного поля. В соответствии с основными положениями психолингвистики, продуктивно подчеркнуть, что это *модель ассоциативно-вербальной сети, которая представляет способы смыслового оперирования лексическими единицами в речевом действии* (при этом, вслед за

А.А. Леонтьевым, соотношение стимул – реакция рассматривается как речевое действие). И только эти способы оперирования важны для психолингвиста, главная задача которого – объяснить специфику порождения и понимания речи. Установить эти способы никаким собственно лингвистическим исследовательским приемом невозможно, потому что проследить, с помощью *каких* психологических операций актуализируется значение слова в речи индивида, можно только в речевом *процессе* и в имитирующем его ассоциативном эксперименте. На основе установления способов оперирования лексическими единицами в речевом действии можно определять «механизм» динамики значения и тем самым формулировать хотя бы некоторые психолингвистические принципы формирования потенциальных значений слов.

Одновременно с привлечением ассоциативных данных осуществляется более глубокое исследование ряда иных проблем: (1) регистрация смыслов слова, психологически актуальных для носителей языка и являющихся эмпирической базой для опосредованного изучения культуры, межкультурной коммуникации и проблем этнопсихолингвистики; (2) разработка методик и программ вербального диагностирования социальной, внутриэтнической и межэтнической напряженности (см., например: [Пищальникова, Рогозина 2004]; [Адамова 2006], [Кирилина, Терентий 2016]); (3) исследование базисных духовно-нравственных ценностей и антиценностей, идеалов современной личности и факторов, определяющих социально-психологическую адаптацию человека; (4) изучение социально-психологической адаптации наиболее уязвимых групп общества (детей, подростков, пенсионеров) к условиям современной жизни [Бутакова, Гуц, Орлова 2018]; исследование функциональной неграмотности населения.

Выделим принципы, определяющие использование данных ассоциативного эксперимента для установления семантических потенциалов лексических единиц.

1. Ассоциат не должен рассматриваться в отрыве от речевого действия, реализованного в паре стимул – реакция. Связь между стимулом и ассоциатом устанавливается на основе

предикации, порождаемой мотивом речевой деятельности, в результате чего образуется личностный смысл – смысл, актуальный для индивида в рамках данного акта речевой деятельности

2. Речевое действие позволяет в рамках психолингвистической методологии обнаруживать причинные связи между внешне наблюдаемыми явлениями – словами и внутренними состояниями – их ментальными репрезентациями.

3. АП представляет собой потенциально неограниченную совокупность контекстов употребления слова-стимула, которая, однако, упорядочивается характером не только частотных признаков ассоциирования (предикации), но и индивидуальных, становящихся основой для развития значений.

Все вышеперечисленные принципы могут быть реализованы в анализе АП как реального инструмента интерпретации ассоциативно-вербальной связей только в случае выделения его устойчивых параметров.

Исследования показали, что эффективно, во-первых, разделение ассоциатов на понятийные, реакции-представления, эмоциональные, операциональные: такая классификация отражает наиболее частые способы предикации в паре стимул – реакция. Во-вторых, внутри выделенных групп результативно производить разделение реакций по *признакам ассоциирования / предикации*, что позволяет установить актуальные смысловые признаки слова-стимула, акцентированные индивидами в речевой деятельности. Способы /признаки ассоциирования позволяют не только определить ядро и периферию значения слова, которые моделируют наиболее частотные семантические связи компонентов значения лексемы в рамках лингвокультуры, но и прогнозировать содержательную динамику значения как отдельных компонентов слова, так и пути изменения значения слова в целом.

Продemonстрируем изложенные принципы на сопоставительном анализе АП «вежливый» / «礼貌» в китайском и русском языках. Отметим, что в силу типологической и концептуальной специфики сравниваемых языков ассоциативный экспе-

римент включал совокупность лексем, смежных с лексемами *вежливый* / 礼貌 (доброжелательность, тактичность, предупредительность и др., всего 12); кроме того, в АП русских включались реакции на стимулы *вежливость* и *вежливый*. Полный состав стимулов можно видеть в: [Пищальникова, Дубкова, Цун Фэнлин, Яо Чжипэн 2020]; [Яо Чжипэн 2019]; в данной статье он не представлен в силу большого объема и в связи с тем, что нам важно продемонстрировать принципиальный подход к анализу АП.

Произведем (1) обязательное условное распределения ассоциатов в ядре и периферии АП по принципу их частотности и (2) анализ признаков ассоциирования на основе смысловых отношений между стимулом и реакцией, осознанно отказываясь от интерпретации значения каждого ассоциата, поскольку речевое действие, представленное парой стимул – реакция, необходимо исследовать как смысловое единство. Наиболее частотной оказывается операциональная реакция *человек*, соотношение которой со стимулом позволяет выделить признак ассоциирования «человек как носитель признака ‘вежливый’». Кроме него, в ядре АП актуализируются признаки ‘соблюдение приличий’ и ‘положительное отношение к другому человеку’. Процентное соотношение ассоциатов, актуализирующих выделенные признаки, у китайцев и русских приблизительно одинаково, но коэффициенты разнообразия реакций выражено отличаются: у русских – 0.6, у китайцев – 1.2, что очевидно свидетельствует о меньшем количестве признаков, на которых осуществляется ассоциирование русскими и, как следствие, большей степени стереотипности их ассоциатов. Выделенные в ядре АП русских и китайцев основания предикции между стимульной лексемой и ассоциатом позволяют предположить, что для русских ‘носитель вежливости’ не обязательно связывается с отправлением строгих этикетных требований; для китайцев это – устойчивая традиция реализации вежливости как важнейшего культурного ритуала. Отметим также, что в ядре АП русских практически не отражена иерархичность в реализации вежливого поведения по отношению к разным членам общества, важная для китайской культуры. Таким образом, *ядро* АП двух сопоставляемых языков сов-

падает по количеству признаков (3) и признаку ‘носитель качества’, но существенно различается по содержанию и иерархии других компонентов: в русском АП ‘соблюдение приличий’ и ‘(общее) положительное отношение к другому человеку’, в китайском – ‘строгий этикет’ и ‘иерархичность в реализации вежливого поведения в зависимости от статуса, возраста и других характеристик собеседника’.

Все выделенные ядерные признаки ассоциирования поддерживаются в парах стимул – реакция в *ближней* периферии АП. Так, в АП русских признак ‘соблюдение приличий’ реализуется в 57,7 % реакций, ‘носитель качества’ – в 23,1 %, ‘положительное отношение к другому человеку’ – 19,2 %. Коэффициент разнообразия ассоциатов в этой части АП у китайцев и русских одинаков – 0,38. В *дальней* периферии АП русских, с одной стороны, представлены признаки, уже актуализированные в ядре (‘носитель качества’: *гость, гражданин, джентльмен, мужчина, вежливые люди, начальник курса, люди, преподаватель, сотрудник, сын, ученик, старый, друг, незнакомый*; ‘соблюдение приличий’: *благодарный, воспитанность, внимательный, любезный, приветливый, приличный, тактичность, толерантный, интеллигентный, уступчивый*; ‘положительное отношение к другому человеку’: *добродушный, добр в общении, симпатия* и др.; подчеркнут ассоциат, который может быть интерпретирован по-разному). С другой стороны, состав признаков расширяется: ‘средство проявления приличия’: *галстук, опрятный, здравствуйте, салфетка, тон, улыбка, цветы, аргумент, поступок, пример, вопрос*; ‘характер проявления вежливости’: *общительный*; ‘антонимическое противопоставление слову-стимулу’: *грубый*; ‘эмоциональное отношение к носителю признака, представленного словом-стимулом’: *странный, лось, сильный*, причем некоторые из них являются операциональными реакциями: *поступок, вопрос*). Если сравнить смысловые признаки, актуальные для русских и китайцев в *дальней* периферии, окажется, что в них с ядром и *ближней* периферией совпадает только признак ‘носитель качества’, другие же явно демонстрируют возможности расширения семантики слова, очевидно

представляя динамику значения, реализующую креативные способности индивидов в пользовании языком.

Констатируемая динамика значения слова – проявление известной психолингвистической закономерности: *принципиально личностного* присвоения разных видов значений. В этом случае в определенных исторических условиях психологически актуальными для носителей не только разных, но и одной культуры оказываются *разные* признаки сходных, на первый взгляд, реалий, понятий, категорий. В частности, для носителей китайской картины мира более важными оказываются признаки ‘способ и формы реализации этикета’, ‘условия проявления вежливости’, отражающие её коммуникативную актуальность и предполагающие значительную иерархизацию проявления вежливого поведения; для носителей же русской лингвокультуры важны более стереотипные, формальные «симптомы» вежливости.

Подтверждает сделанные выводы и распределение стабильных компонентов АП по группам, соответствующее некоторым важнейшим составляющим значения: **понятийные:** *воспитанный 14, обходительный 4, учтивый 4, воспитание 2, галантный 2, благодарный, воспитанность, внимательный, интеллигентный, любезный, общительный, опрятный, приветливый, приличный, тактичность, толерантный, уступчивый; реакции-представления:* *интеллигент 2, ребенок 2, солдат 2, галстук, гость, гражданин, джентльмен, друг, мужчина, начальник курса, незнакомый, старый, сын, ученик, цветы, преподаватель, здравствуйте, сотрудник, пример, салфетка, досье; эмоциональные:* *добрый 6, хороший 3, приятный 2, милый, странный, симпатия, сильный, добродушный, добр в общении; операциональные:* *человек 24, ответ 3, вежливые люди, аргумент, люди, улыбка, вопрос, тон, грубый, поступок и др.*

Обратим внимание на то, что понятийные и операциональные реакции составляют 64,0 % от общего количества ассоциатов. Это свидетельствует о том, что респонденты понимают значение слова-стимула и формально воспроизводят частотные сочетания с ним, однако не реализуют в данном речевом действии личностного смысла. Кроме того, характер реакций-представлений однозначно свидетельствует об их стереотипно-

сти, нечастотности *индивидуальных* образов-представлений (*гал-стук, начальник курса, незнакомый, старый* и др.); эмоционально-оценочные реакции при этом ограничены выражением самых общих положительных характеристик.

Поэтому экспериментальные данные свидетельствуют о начале деактуализации категории вежливости в исследуемой социальной группе (студенты от 17 до 25 лет). Это доказывается (1) качеством установленных признаков характеристик АП (преимущественных способов ассоциирования), (2) определением их частотности и места в иерархии структуры АП, (3) сравнительной характеристикой структурно-содержательных особенностей АП, моделируемых по данным ассоциативных словарей разного времени.

Из сказанного вытекает алгоритм анализа АП, позволяющий последовательно проанализировать ассоциативный экспериментальный материал и предложить выводы, которые могут быть в дальнейшем подвергнуты социально-культурной интерпретации:

- выделение признаков ассоциирования на основе анализа речевого действия (пары стимул – реакция)
- установление характера, частотности и иерархии признаков ассоциирования во всех зонах АП
- распределение ассоциатов по группам, соответствующим компонентам значения лексем
- исследование количества отказов от ассоциирования
- сопоставление с данными других ассоциативных словарей, в том числе и разного времени издания
- (любое) графическое представление выводов, позволяющее их формализовать.

Так, результаты сопоставительного анализа признаков ассоциирования в АП вежливый /礼貌 представлены на схемах:

Схема 1. Признаки ассоциирования в АП вежливый / вежливость (по: [Яо Чжипэн 2019])

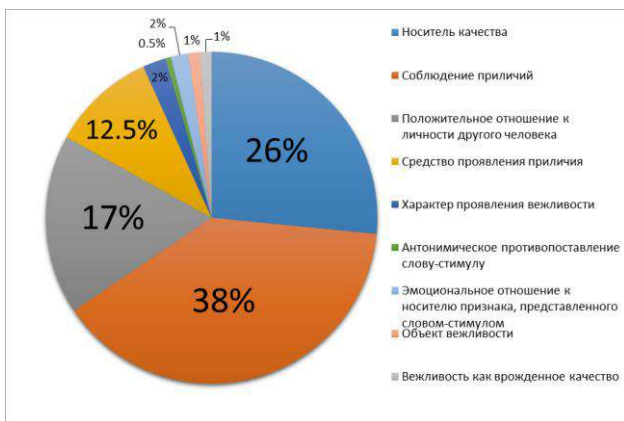

Схема 2. Признаки ассоциирования в АП 礼貌 / вежливый (по: [Яо Чжипэн 2019])

Обратим также внимание на еще один важный момент, способствующий диагностированию изменений в значении слова. В ряде работ экспериментально доказано, что любой семантический сдвиг в психологической структуре (прецедентного) значения начинается с изменения эмоционально-оценочного компонента. В этом смысле ассоциативный эксперимент дает очень важный материал, поскольку позволяет проследить едва начав-

шееся изменение значения слова в трансформации эмоционально-оценочных ассоциатов в дальней периферии АП (Панарина 2017; Хлопова 2018; Шевченко 2017; Яо Чжипэн 2019 и др.). Например, культурное содержание прецедентных имен устанавливается только тогда, когда носители языка актуализируют его ценностное содержание; их деактуализация тоже совершается на базе выстраивания ценностного отношения к прецедентному имени, но отрицательного.

Так, изначально в культурном содержании имени *Сусанин* на основе данных толковых словарей и энциклопедических источников Н.С. Панарина выделила следующие компоненты: (1) патриот, отдавший жизнь за царя и отечество, (2) герой освободительной войны русского народа против польских интервентов в начале 17 в., (3) крестьянин, (4) житель Костромского уезда, (5) проводник поляков до села Домнино, (6) намеренно с целью уничтожения завел в непроходимый лес, (7) замучен поляками, (8) герой произведений художественной литературы, оперы М.И. Глинки. Эти компоненты объединены положительной социально значимой оценкой и доминантным признаком 'патриот, отдавший жизнь за царя и отечество'. В *смысловом* поле *Сусанин*, смоделированном на основании данных корпуса и интернет-коммуникации, в качестве ядерного выделяется другой признак: «проводник», а по данным *ассоциативного эксперимента* актуализируется признак «некомпетентный проводник». Происходит сдвиг доминирующего понятийного признака с положительного на отрицательный, поскольку коннотативный компонент прецедентного имени в связи с размыванием и забыванием его культурного прецедента начинает выстраиваться, как правило, на отношении к некомпетентности человека, выполняющего роль проводника. Такой сдвиг эмоционально-оценочного компонента прецедентного имени ведет к постепенному формированию новой системы лексической сочетаемости. Для исследователя это пока – ненормированное использование лексемы, однако говорящий совершает *единственно возможное* речевое действие для представления смысла, актуального для данной речевой деятельности. Чем дальше речевые действия говорящих «уводят» от исконного содержания лексемы, тем бы-

стрее разрушается её структура. Хотя конкретные пути развития коннотативного сдвига непредсказуемы, негативные эмоционально-оценочные компоненты с течением времени располагаются всё ближе к ядру значения, т.к. их частотность повышается. Субъективная актуализация какого-либо свойства реалии в речевой деятельности человека всегда смещает структурные отношения между компонентами значения и задает вектор его модификации вплоть до развития противоположного смысла (например, *Макаренко* как несведущий в воспитании человек). Развитие у отдельных культурно обусловленных компонентов значения новых ассоциативных связей приводит к изменению аксиологической значимости слова в целом. И именно моделирование АП способно точнее других процедур определить начало такого изменения и прогнозировать тенденции его развития. При этом лексикографические источники не фиксируют и не могут зафиксировать такой динамики.

Литература

Адамова З.Г. Вербальная диагностика межэтнической напряженности: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.

Бутакова Л. О., Гуц Е. Н., Козловская Е. А. Детство в дискурсивном пространстве региона: комплексный анализ ценностных фрагментов языкового сознания и институциональных коммуникаций. Омск: Издательский дом «Наука», 2018.

Гольдин В. Е., Сдобнова А. П., Мартыанов А. П. Русский ассоциативный словарь ассоциативных реакций школьников I – XI классов. В 2-х т. Т. I. От стимула к реакции. Т. II. От реакции к стимулу. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2011.

Гуц Е. Н. Ассоциативный словарь подростка. Омск: «Вариант-Сибирь», 2004.

Добровольский Д. О., Караулов Ю. Н. Ассоциативный фразеологический словарь русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1994.

Кирилина А. В., Терентий Л. М. Опыт лингвистической диагностики межнациональной напряженности в интернет-дискурсе // Вопросы психолингвистики. 2016. № 1 (27). С. 130–139.

Панарина Н.С. Психолингвистическое моделирование механизма реализации прецедентности: дис. ... канд. филол. наук. М., 2017.

Пищальникова В. А., Рогозина И. В. Концепт как инструмент диагностики межэтнической напряженности // *Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты.* М., 2004. С.121–128.

Пищальникова В.А., Адамова З.Г., Кошелева Ю.П., Панарина Н.С., Хлопова А.И., Цайся Пэй, Чжипэн Яо. Двужычный ассоциативный словарь базовых ценностей / под общ. ред. В.А. Пищальниковой. – М.: Р.Валент, 2020.

Пищальникова В.А., Дубкова О.В., Цун Фэнлин, Яо Чжипэн. Картина мира китайцев: теория и практика научного исследования. М.: Р.Валент, 2020.

Русский ассоциативный словарь: В 2-х томах. Том I. От стимула к реакции. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002.

Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов. М.: Изд-во Рос. акад. наук, Ин-т языкознания, 2004. Словарь ассоциативных норм русского языка. / Под ред. А. А. Леонтьева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977.

Степыкин Н.И., Миронова Д.М. Мультилингвальный словарь вежливости. Курск, 2020.

Хлопова А.И. Вербальная диагностика динамики базовых ценностей: дис. ... канд. филол. наук. М., 2018.

Черкасова Г. А., Уфимцева Н. В. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС. Том 1. От стимула к реакции. М.: ИЯ РАН, 2014.

Шапошникова И. В., Романенко А. А. Русская региональная ассоциативная база данных. Сибирский ассоциативный словарь (СиБАС). Электронный ресурс: URL:<http://adictru.nsu.ru>

Шапошникова И. В., Романенко А. А. Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток). В 2 т. Том I. От стимула к реакции / Отв. ред. Уфимцева Н.В. М.: Московский институт лингвистики, 2014.

Шевченко С.Н. Структурная специфика ассоциативного поля лексических единиц, обозначающих полезные ископаемые, как проявление семантических различий лексем: дис. ... канд. филол. наук. М., 2017.

Яо Чжипэн. Содержательная специфика этического понятия «вежливость» «礼貌» в русском и китайском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Москва, 2019.

REFERENCES

Adamova Z.G. Verbal'naya diagnostika mezhetnicheskoy napryazhenosti: dis. ... kand. filol. nauk. M., 2006.

Butakova L. O., Guc E. N., Kozlovskaya E. A. Detstvo v diskursivnom prostranstve regiona: kompleksnyj analiz cennostnyh fragmentov yazykovogo soznaniya i institucional'nyh kommunikacij. Omsk: Izdatel'skij dom «Nauka», 2018.

Gol'din V. E., Sdobnova A. P., Mart'yanov A. P. Russkij associativnyj slovar' associativnyh reakcij shkol'nikov I – XI klassov. V 2-h t. T. I. Ot stimula k reakcii. T. II. Ot reakcii k stimulu. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 2011.

Guc E. N. Associativnyj slovar' podrostka. Omsk: «Variant-Sibir'», 2004.

Dobrovolskij D. O., Karaulov YU. N. Associativnyj frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka. M.: Pomovskij i partnery, 1994.

Kirilina A. V., Terentij L. M. Opyt lingvisticheskoy diagnostiki mezhnacional'noj napryazhenosti v internet-diskurse // Voprosy psiholingvistiki. 2016. № 1 (27). S. 130–139.

Panarina N.S. Psiholingvisticheskoe modelirovanie mekhanizma realizacii precedentnosti: dis. ... kand. filol. nauk. M., 2017.

Pishchal'nikova V. A., Rogozina I. V. Koncept kak instrument diagnostiki mezhetnicheskoy napryazhenosti // YAzykovoe soznanie: teoreticheskie i prikladnye aspekty. M., 2004. S.121–128.

Pishchal'nikova V.A., Adamova Z.G., Kosheleva YU.P., Panarina N.S., Hlopova A.I., Cajsya Pej, CHzhipen YAo. Dvuyazychnyj associativnyj slovar' bazovyh cennostej / pod obshch. red. V.A. Pishchal'nikovoj. – M.: R.Valent, 2020.

Pishchal'nikova V.A., Dubkova O.V., Cun Fenlin, YAo CHzhipen. Karti-na mira kitajcev: teoriya i praktika nauchnogo issledovaniya. M.: R.Valent, 2020.

Russkij associativnyj slovar': V 2-h tomah. Tom I. Ot stimula k reakcii. M.: OOO «Izdatel'stvo Astrel'»: OOO «Izdatel'stvo AST», 2002.

Slavyanskij associativnyj slovar': russkij, belorusskij, bol-garskij, ukrainskij / N. V. Ufimceva, G. A. CHERkasova, YU. N. Karaulov, E. F. Tarasov. M.: Izd-vo Ros. akad. nauk, In-t yazykoznanija, 2004. Slovar' associativnyh norm russkogo yazyka. / Pod red. A. A. Leont'eva. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1977.

Stepykin N.I., Mironova D.M. Mul'tilingval'nyj slovar' vezhlivosti. Kursk, 2020.

Hlopova A.I. Verbal'naya diagnostika dinamiki bazovyh cennostej: dis. ... kand. filol. nauk. M., 2018.

CHerkasova G. A., Ufimceva N. V. Russkij regional'nyj associativnyj slovar'-tezaurus EVRAS. Tom 1. Ot stimula k reakcii. M.: IYA RAN, 2014.

SHaposhnikova I. V., Romanenko A. A. Russkaya regional'naya associativnaya baza dannyh. Sibirskij associativnyj slovar' (SiBAS). Elektronnyj resurs: URL:<http://adictru.nsu.ru>

SHaposhnikova I. V., Romanenko A. A. Russkij regional'nyj associativnyj slovar' (Sibir' i Dal'nij Vostok). V 2 t. Tom I. Ot stimula k reakcii / Otv. red. Ufimceva N.V. M.: Moskovskij institut lingvistiki, 2014.

SHevchenko S.N. Strukturnaya specifika associativnogo polya lek-sicheskikh edinic, oboznachayushchih poleznye iskopaemye, kak proyavlenie semanticheskikh razlichij leksem: dis. ... kand. filol. nauk. M., 2017.

YAO CHhipen. Soderzhatel'naya specifika eticheskogo ponyatiya «vezh-livost'» «礼貌» v russkom i kitajskom yazykah: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Moskva, 2019.

©Пищальникова В.А., 2022

Пищальникова Вера Анатольевна – д.ф.н., профессор, профессор кафедры общего и сравнительного языкознания. Московский государственный лингвистический университет (Москва, Россия). Адрес: г. 115201. Россия. Г. Москва, Стара-рокаширское шоссе, 4, 11, 80. e-mail pishchalnikova@mail.ru

Pishchalnikova Vera Anatolyevna - Professor, Chair of General and Comparative Linguistics, PhD Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia).

О. Б. СИЗОВА

Санкт-Петербург, Россия

osizova@yandex.ru

УДК 81'42:81'23

ТЕКСТ: ЦЕЛЬ ИЛИ СРЕДСТВО? (ВЛИЯНИЕ КОГНИТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ ДЕТЕЙ НА ПОНИМАНИЕ ТЕКСТА)

Аннотация. Исследование путей интерпретации текстов позволяет обнаружить возможности и ограничения противопоставляемых стратегий освоения языка – аналитической и холистической – на основе выявления механизмов и закономерностей понимания составляющих текста и внеязыковой реальности, кодируемой текстом. Аналитическая стратегия основывается на опережающем развитии лексикона и восприятии значения текста как производного значений составляющих его слов. Холистическая стратегия использует слово и текст как средство понимания и преобразования внеязыковой реальности. В рамках эксперимента, проведенного со старшими дошкольниками, выяснилось, что носители аналитической стратегии точнее в пересказе, но точность не гарантирует преимуществ в интерпретации ситуационных пресуппозиций текста. Холистическая стратегия, даже при неполном или неточном воспроизведении текста, обеспечивает реконструкцию внеязыковой реальности за счет опоры не столько на языковое значение слов, сколько на смысл текста на базе способности использовать все когнитивные инструменты, в том числе и язык, не как самоценность, а как средство адаптации к реальности и ее активного преобразования.

Ключевые слова: детская речь, онтолингвистика, стратегии освоения языка, когнитивные стили, освоение асимметрии языкового знака, релятивные номинации, понимание текста, когнитивные стратегии, когнитивная лингвистика.

SIZOVA OLGA B.

Saint-Petersburg, Russia

TEXT: GOAL OR MEANS? (INFLUENCE OF CHILDREN'S COGNITIVE STRATEGIES ON TEXT UNDERSTANDING)

Abstract. The study of the ways of interpreting texts allows us to discover the possibilities and limitations of opposing strategies for language acquisition (analytical and holistic) based on the identification of mechanisms and patterns of understanding the components of the text and extralinguistic reality encoded by text. The analytical strategy is based on the advanced development of the lexicon and perception of text meaning as a derivative of its constituent words significations. Holistic strategy uses words and text as a means of understanding and transforming extralinguistic reality. In experiment with older preschoolers, it turned out that the carriers of the analytical strategy are more accurate in retelling, but accuracy does not guarantee advantages in interpreting the situational presuppositions of text. The holistic strategy, even with incomplete or inaccurate reproduction of text, provides a reconstruction of extralinguistic reality by relying not so much on the linguistic signification of words, but on the text meaning.

Keywords: language acquisition strategies, ontolinguistics, cognitive styles, mastering of asymmetry of language sign, relative nominations, text understanding

Стратегии формирования языковых систем в детстве дифференцируются по целому ряду признаков, характеризующих успешность освоения различных систем языка. Каждая из стратегий при этом обеспечивает преимущество в освоении одних языковых систем и отставание в формировании других относительно показателей сверстников противопоставленной стратегии. Именно поэтому референциальный и экспрессивный стили освоения языка [Bates 1988], позже охарактеризованные как аналитический и холистический соответственно [Bates 1995], продолжают сосуществовать, в равной степени обеспечивая возможность освоения языка, но предоставляя ее разными путями. Указанный принцип отличает в психологии способность, представляющую собой качественную, уровневую характеристику и оцениваемую по вертикальной шкале, и когнитивный стиль, определяемый в рамках биполярной горизонтальной шкалы вне оценки качественных преимуществ одного стиля перед другим [Холодная 2004]. Аналитический стиль (АС) освоения языка характеризуется опережающим развитием лексикона, прежде всего номинативного, ранним переходом от денотативного к сигнификативному значению слова [Доброва 2018]. Для

холистического стиля (ХС), напротив, характерно длительное оперирование денотативными значениями слов при раннем освоении неоднословных высказываний и прагматической функции языка [Bates 1988, Доброва 2018]. Для понимания текста необходимы способности обеих стратегий: полное и гибкое понимание значений слов, составляющих текст, и способность к пониманию прагматики текста, его смысла в рамках ситуации. Сопоставим динамику и качественные особенности развития первой из указанных способностей у дошкольников аналитической и холистической стратегий, используя данные лонгитюдного наблюдения продолжительностью от 12 до 48 месяцев. Дети АС, точно реализующие в произношении означающие, благодаря развитым функциям гнозиса [Сизова 2017b] точно соотносят их с соответствующими предметами – означаемыми, обнаруживая, что одно и то же означающее относится к целому ряду предметов, имеющих общие свойства и функции. Именно на основе успешной дифференциации и систематизации данных восприятия объектов и соответствующих речевых комментариев у детей АС происходит переход от предметной отнесенности слов к сигнификативному значению.

Поскольку референциальная стратегия обеспечивает быстрое формирование надежной связи между означающим и означаемым, ее носители свободно оперируют с обеими сторонами языкового знака, используют его асимметрию, легко осваивая и применяя как полисемию, так и синонимию/омосемию.

Марк П. 4,5 (ХС): **Девочка моет одежду*. Саша М.4,9 (АС): *стирает!* Взрослый: Марк, стирает одежду. Саша: **А иногда можно говорить «моет одежду»* (полисемия «моет»).

Только дети референциального стиля при назывании изображений используют стратегию «равновероятности» при выборе означающего:

Оля К. 6,3: **река или озеро*. Стас Ч.7,3: **утро либо день* («синонимия»).

Мирон Т. 4,10: **мальчик везет по дороге зайчика и медведь на машине или на грузовике... на грузовике* (равенство гиперонима и гипонима, «синонимия»).

Дети АС охотно допускают возможность создания альтернативного означающего:

Взрослый: Это надевается на шею, называется ошейник. Саша М. 4, 9: **А я люблю называть «нашейник».*

Мирон Т. 4,2 (вспоминает слово «одежда»); **о...офень, можно так назвать...*

Важно отметить повторяющиеся: *«можно говорить, а я люблю называть, можно так назвать»* – все, что кодируется словом, принимается носителями АС как возможное и истинное, текст обеспечивает достоверное знание о мире.

Дети ХС длительно оперируют денотативными значениями слов, относящими означающее к единичному объекту в наличной ситуации. В речи неточно и нестабильно артикулирующих носителей ХС с неизбежностью появляются случаи окказиональной, неосознаваемой «омосемии», вызванной изменчивостью звуковой реализации слова, и «полисемии/паронимии», представленной семанτικο-фонетическими синкретами, присутствующими лишь в индивидуальной языковой системе ребенка [Сизова 2017а].

Леша О. 3,8: **дитонка* (=девчонка); **идис'ки* (=у девочки) («омосемия»).

Кристина С. 5,3: **каангас ...тагазы* (=карандаш ... карандаши) («омосемия»)

Ксения Х. 4,6: **тенец* (о телёнке) (синкрет: телец+птенец)

Леша О. 5,0: **лиса охотится за кьотиками* (синкрет: котики+ кротики+ кролики)

Преодолевая нестабильность реализации означающего по мере развития артикуляционных способностей, дети ХС становятся требовательными к выбору именовании, стремясь к однозначно симметричной связи между означающим и означаемым, что проявляется в контроле над точным употреблением слов.

Взр.: Давай завяжем шапку. Кристина С. 5,3: **это не шапка, это шлем!*

Взр. (о кошке-игрушке, находящейся внутри кораблика): Она **на** вахте стоит. Ксения Х. 4,11: **Она на вахте **внутри** вахты!* *Она в моём корабле, в моей яхте.*

Основные показатели – точность артикуляции, объем лексикона и освоение функций лексической системы – свидетельствуют об опережающем развитии означающих, означаемых и их взаимосвязей, обеспечивающих понимание посредством языка, у детей АС. Но каждый из стилей освоения языка должен обеспечивать своим носителям нормативный уровень реализации этой способности, следовательно, необходимо выявить функции лексической системы, более успешно осваиваемые представителями ХС. Наиболее сложно организованная связь между означающим и означаемым характеризует слова с относительным значением [Лурия 1979], или «...релятивные номинации, семантика которых зависит от точки отсчета – ракурса, определяющего осознание субъектом, ребенком, своего и чужого речевого и социоперсонального статуса в иерархии межличностных отношений» [Доброва 2003: 4], для которых «весьма существенно установление релевантной референции» [там же: 5]. Термин «прономинальные» выделяет в качестве основной характеристики детей ХС способность рано осваивать и верно употреблять личные местоимения [Nelson 1973]. В отличие от существительных, эволюция значения которых описывается как переход от предметной отнесенности к обобщенному сигнификативному значению, такая релятивная номинация, как личные местоимения, конкретной предметной отнесенности не имеет. Возможность обозначить одного из собеседников личным местоимением зависит не от его свойств как объекта, а от роли в ситуации и диалоге. Прономинальные дети, осваивающие русский язык, также активно используют возможность употреблять притяжательные и указательные местоимения вне словосочетания с существительным, что невозможно в английском языке и, вероятно, поэтому не входит в число характеристик англоязычных представителей ХС. Обычно употребление этих местоимений сопровождается указательным жестом, определяющим предметную отнесенность, но сами местоимения в языковой системе ребенка представляют собой релятивные номинации с ситуационно обусловленной семантикой.

Слава Р. 4,3: (показывает свою поделку на выставке): **Эта вот моя.*

Ваня Э. 4.11(просит игрушку): **а ещё есть такое?*

Тимур Д. 4,11(об игрушке): **Полина, дай посмотреть это.*

Первые высказывания детей экспрессивной стратегии директивны, т.е. выполняют функцию инструкции для собеседника по преобразованию ситуации, и именно роль активного деятеля позволяет детям ХС рано и адекватно осваивать функциональные возможности местоимений: личных – как инструмента распределения ролей в преобразовании ситуации, указательных – для вовлечения внеязыковых элементов ситуации непосредственно в структуру высказывания. Уступая сверстникам АС в развитии большинства номинативных функций, обобщения, категоризации и способности манипулировать асимметрией языкового знака, дети ХС, успешно осваивая релятивные номинации, реализуют качественно иную стратегию освоения языка. Преимущества ХС проявляются в рамках сопоставления смысла и значения языкового знака. «Смысл в герменевтическом понимании традиционно отграничивается от значения, соотносимого с языком, он имеет внеязыковую когнитивную и ситуативную обусловленность, соотносящуюся с речью – актуализированными значениями слов; возникает на языковом уровне выше лексем, так как связывается с явлением предикации (...) мы можем говорить о смысле предложений (высказываний), сложных синтаксических целых и текстов» [Шелестюк 2014: 220]. Такие дифференциальные признаки экспрессивной стратегии, как раннее появление однословных высказываний и равное количество существительных и глаголов в начальном лексиконе [Bates1988] дают основания для определения предикации как основной функции языковых выражений детей ХС: рано осваивая возможность объединения нескольких предметов мысли в однословном высказывании, носители ХС не только, самостоятельно организуя процесс синтаксического развертывания отражают в речи внеязыковую реальность, но и программируют в директивных высказываниях пути ее преобразования. Таким образом, вторая из способностей, необходимых для понимания текста (понимание его смысла, прагматики, соотносённости с внеязыковой реальностью), предположительно лучше развита у носителей холистического стиля освоения языка.

Данная гипотеза верифицировалась в рамках пилотного экспериментального исследования понимания текста, проводившегося с 17 детьми старшего дошкольного возраста (от 5,9 до 6,9); у 5 детей выявлены признаки экспрессивной стратегии освоения языка, у 12 – референциальной стратегии. Детям предлагалось прослушать и пересказать небольшой текст: *«Саша проснулся утром невеселый. Мама дала ему лекарство, взяла зонтик и ушла»*, а затем ответить на вопросы: *Почему Саша проснулся невеселым? Какая погода была на улице?*

Очевидно, ответы на предложенные вопросы не содержались непосредственно в тексте, но предполагали обращение к общеизвестному знанию, ситуативным пресуппозициям, к которым отсылали выделенные в тексте ключевые слова: **лекарство** дают в случае болезни, **зонтик** берут с собой, если на улице дождь. Подсчитывалось количество воспроизведенных в пересказе ключевых слов и количество ответов, демонстрирующих понимание значения и смысла ключевых слов. Данные подвергались статистической обработке с использованием коэффициента ассоциации Пирсона ϕ и t -критерия Стьюдента. Выяснилось, что дети АС чаще воспроизводят ключевые слова при пересказе, чем дети ХС ($p=0.2$) и значимо лучше воспроизводят их при пересказе, чем используют для правильного ответа на вопрос ($p<0.01$). При этом правильность ответов на вопросы у детей ХС статистически не отличается от этого показателя у детей АС, доля воспроизведенных ключевых слов и успешного использования их при ответах на вопросы в группе ХС также статистически одинакова. Следовательно, дети АС точнее пересказывают текст, воспроизводят его почти дословно (слово *лекарство* воспроизвели в пересказе ВСЕ дети АС), но эта точность не помогает им правильно ответить на вопросы: полное воспроизведение составляющих текст слов не обеспечивает его полного понимания. Дети ХС, уступая сверстникам АС в точности воспроизведения, успешнее используют составляющие текста для его понимания, восстанавливая внеязыковую реальность, «ключами» к которой являются в большей степени смыслы, а не значения выделенных слов. При этом дети ХС не только лучше осмысливают использованное в пересказе слово при ответе на во-

прос, но, как выяснилось, могут успешно отвечать и в случае неточного пересказа. Коэффициент ассоциации между количеством воспроизведений ключевых слов и успешных ответов на вопросы в группе АС $\varphi=0.54$, что подтверждает ожидаемую картину: если слово воспроизведено, оно в половине случаев учитывается при ответе на вопрос, если же слово не воспроизведено, ответ формулируется неадекватный. Низкая корреляция между правильными ответами и показателем воспроизведения ключевых слов в группе ХС ($\varphi=0.166$) обусловлена примечательным фактом: пропустив ключевое слово при пересказе, ребенок может все же учесть его значение и правильно ответить на вопрос. Парадоксальная стратегия оперирования внеязыковыми смыслами в группе ХС «отменяет» стандартную стратегию, обеспечивающую вывод значения текста из суммы значений его составляющих.

Таким образом, опережающее развитие лексикона и опора на вербально-логическое знание, традиционно оцениваемые как преимущества АС, действительно, обеспечивают преимущество, если воспроизведение, точное повторение является необходимым и достаточным условием успеха, но оказывается неадекватным при смене условий деятельности, когда ситуационные вызовы требуют выйти за пределы стереотипного воспроизведения. Носители ХС, несколько менее успешные в поддержании стабильности языковой системы, готовы, однако, к выходу за пределы ожидаемой текстовой данности, к столкновению с реальностью, превышающей в своем многообразии любое отдельное текстовое описание, и эти характеристики, безусловно, обеспечивают жизнеспособность и преимущества холистической стратегии.

Литература

Доброва Г.Р. Онтогенез персонального дейксиса (личные местоимения и термины родства). СПб., 2003

Доброва Г.Р. Вариативность речевого развития детей. М., 2018

Лурия А. Р. Язык и сознание. М., 1979

Сизова О.Б. «Второй» язык: другой путь освоения первого языка // Проблемы онтолингвистики – 2017. Освоение и функционирование языка в ситуации многоязычия: Материалы ежегодной междунар. на-

учной конф. 26-28 июня 2017, Санкт-Петербург Иваново, 2017 С.181-188

Сизова О.Б. К вопросу об иерархии механизмов речи // Модальность в языке взрослых и детей; Механизмы усвоения языка и овладение речевой компетенцией. ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды ИЛИ РАНТ. XIII. Ч. 3. СПб., 2017. С. 741-773.

Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. Учебное пособие для студентов вузов. СПб., 2004.

Шелестюк Е.В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования. М., 2014.

Bates E., Bretherton I., Snyder L. From first words to grammar. Individual differences and dissociable mechanisms. Cambridge, 1988.

Bates E., Dale P., Thal D. Individual differences and their implications for theories of language development // Handbook of child language. Oxford, 1995. P. 1-55

Nelson K. Structure and strategy in learning to talk // Monographs of the society for research in child development. Serial № 149, vol. 38., № 3-4, 1973. P.1-135

REFERENCES

Dobrova G.R. Ontogenez personal'nogo dejksisa (lichnye mesto-imeniya i terminy rodstva). SPb., 2003

Dobrova G.R. Variativnost' rechevogo razvitiya detej. M., 2018

Luriya A. R. YAzyk i soznanie. M., 1979

Sizova O.B. «Vtoroj» yazyk: drugoj put' osvoeniya pervogo yazyka // Problemy ontolingvistiki – 2017. Osvoenie i funkcionirovanie yazyka v situacii mnogoyazychiya: Materialy ezhegodnoj mezhdunar. nauchnoj konf. 26-28 iyunya 2017, Sankt-Peterburg Ivanovo, 2017 S.181-188

Sizova O.B. K voprosu ob ierarhii mekhanizmov rechi // Modal'-nost' v yazyke vzroslyh i detej; Mekhanizmy usvoeniya yazyka i ovladenie rechevoj kompetenciej. ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy ILI RANT. XIII. CH. 3. SPb., 2017. S. 741-773.

Holodnaya M.A. Kognitivnye stili. O prirode individual'nogo uma. Uchebnoe posobie dlya studentov vuzov. SPb., 2004.

SHelestyuk E.V. Rechevoe vozdejstvie: ontologiya i metodologiya issledovaniya. M., 2014.

Bates E., Bretherton I., Snyder L. From first words to grammar. Individual differences and dissociable mechanisms. Cambridge, 1988.

Bates E., Dale P., Thal D. Individual differences and their implications for theories of language development // Handbook of child language. Oxford, 1995. P. 1-55

Nelson K. Structure and strategy in learning to talk // Monographs of the society for research in child development. Serial № 149, vol. 38., № 3–4, 1973. P.1-135

©Сизова О.Б., 2022

Сизова Ольга Борисовна – учитель-логопед.
Психолого-педагогический центр по социальной адаптации детей с тяжелыми нарушениями речи (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 191123, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Захарьевская, 35.

E-mail: osizova@yandex.ru

Sizova Olga Borisovna – speech and language therapist. Psychological and Pedagogical Center for Social Adaptation of Children with Severe Speech Disorders (Saint-Petersburg, Russia).

Е. А. ЯЗЫНИНА

Екатеринбург, Россия

katyazynina@gmail.com

УДК 81'23:82-93

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОККАЗИОНАЛЬНОГО СЛОВА КАК ТРЕНИНГ ВЕРБАЛЬНОЙ КРЕАТИВНОСТИ

Аннотация. Проблематика данной статьи касается развития вербальной креативности с применением тренинговых технологий, стимулирующих речетворческую активность. В статье рассматривается одна из таких технологий, основанная на комплексном применении экспериментальных методик заполнения текстовых лакун и методики реконструкции окказионального слова по заданному перифразу. В основу тренинга положена гипотеза о взаимобратимости процессов речепорождения и речевосприятия при реконструкции окказионального слова в опоре на его контекстуальное окружение и заданные ономазиологические параметры обыгрываемого прототипа. В качестве стимульного материала используются игровые словообразовательные инновации, извлеченные из стихов детских поэтов. Тренинг проводился с учащимися среднего школьного звена. Полученные данные свидетельствуют о том, что восстановление «игремы» запускает ассоциативный процесс поиска решения, открывая вариативные возможности ее реализации, которые могут быть оценены и скорректированы с учетом влияния рифмы, фактора благозвучия, удачности выбранной номинативной модели и оригинальности предлагаемой респондентами версии.

Ключевые слова: вербальная креативность, лингвокреативность, тренинги, языковая игра, детская литература, детские поэты, стихотворения, окказиональные слова.

YAZYNINA EKATERINA A.

Yekaterinburg, Russia

CONSTRUCTION OF AN OCCASIONAL WORD AS A TRAINING OF LINGUISTIC CREATIVITY

Abstract. The problem field of this article is related to the development of verbal creativity based on technologies that stimulate creative activity. The article considers one of such technologies based on the complex application of experimental techniques for filling text gaps and reconstructing an

occasional word in accordance with a given periphrase. The technology of this training is based on the hypothesis of the reversibility of the processes of generation and reconstruction of an occasional word based on its contextual environment and the specified parameters of the reproduced prototype. As a stimulus material, word-forming "igremy" extracted from the poems of children's poets are used. The training was conducted with secondary school students. The data obtained indicate that the restoration of the "igrema" triggers an associative process of finding a solution, opening up various possibilities for its implementation, which can be evaluated and adjusted taking into account the influence of rhyme, the euphony factor, the success of the chosen informative model and the originality of the version proposed by the respondents.

Keywords: linguistic creativity, training technologies, language game, children's literature

Вербальная креативность – один из видов креативности, характеризующий способность личности к языковому творчеству, в частности, к созданию словотворческих инноваций. Эта способность может проявляться в спонтанной речи как компенсаторный механизм (например, как восполнение «дефицита» лексических средств в словарном запасе ребенка [Гридина 2016; Гридина, Коновалова 2016]), а также как «осознанная игровая интенция, связанная с преднамеренным нарушением языкового канона» [Гридина 2017]. Словотворческие «игремы» (термин Т.А. Гридиной – наиболее яркий показатель вербальной креативности, обнаруживающий тесное взаимодействие и известную взаимообратимость механизмов порождения и восприятия окказионального слова, что доказывается возможностью его описания и воспроизведения (реконструирования) на базе мотивационного перифраза (см. экспериментальную верификацию этого тезиса применительно к восстановлению авторских словотворческих игр в детской литературе в [Гридина 2018]). Процедура проведения тренинга вербальной креативности предполагает решение нестандартных лингвистических задач, одной из которых является конструирование игрового слова по заданному мотивационному перифразу.

В статье рассматриваются результаты тренинга, проведенного с целью изучения стратегий «восстановления» авторских сло-

вотворческих игр и механизмов «восстановления» игрового слова, «исключенного» из текста. Основой для такого тренинга послужил модифицированный вариант экспериментальной методики заполнения текстовых лакун, которая представляет собой разновидность метода вероятностного прогнозирования. Суть данной методики заключается в намеренном «повреждении» (деформации) текста и последующем его восстановлении респондентами. В классическом варианте методики заполнения текстовых лакун пропускается каждое 5-е или 9-е звено речевой цепи, что обусловлено объемом оперативной памяти человека, способной удерживать от 5 до 9 (7+/-2) единиц информации (см. [Гридина, Коновалова 2020]).

В нашем случае данная экспериментальная методика была адаптирована к задачам восстановления пропущенного в тексте игрового слова на основе соответствующего его значению мотивационного перифраза. В качестве стимульного материала использовались словотворческие игры из поэтических текстов, адресованных преимущественно детской аудитории (Б. Заходер, М. Яснов, Ю. Мориц и др.). Каждое извлеченное из текста слово обозначалось пропуском одинаковой длины. Предполагалось, что восстановлению игрового слова должна способствовать рифма, «отражающая» особенности структуры и грамматической формы реконструируемой игры. Соответственно допускалась вариативность восстановления игрового слова.

Диагностическая составляющая предложенной лингвистической задачи была направлена на обнаружение у респондентов способности к опознанию обыгрываемого узуального прототипа (конкретной номинации или словообразовательной модели) и «выведению» ассоциативной аналогии, порождающей окказиональное игровое слово. Тренинговая составляющая данной процедуры предполагала формирование и отработку навыка конструирования игрового слова по мотивационному перифразу.

Тренинг проводился на базе МАОУ Гимназия № 2 г. Екатеринбург (в эксперименте приняли участие обучающиеся 7 класса в количестве 28 человек). Респондентам были розданы бланки с фрагментами лакунаризированных текстов (детских

стихов М. Яснова и Б. Заходера) со следующей инструкцией: «Восстановите пропуски в тексте, вставьте на место пропуска подходящие по рифме и значению слово».

Сравним смоделированные мотивационные перифразы авторских словотворческих игр с некоторыми вариантами их восстановления, полученными от респондентов в ходе выполнения задания по предложенной инструкции: «Вставьте в стихотворение на место пропуска слово со значением <последнее задано в виде мотивационного перифраза>. Обратите внимание на рифму»:

(1) «Воображаемая, существующая в сознании ребенка, страна».

В моей _____, / В моей _____ — / Там царствует фантазия / Во всем своем вселили; / Там все мечты сбываются, / А наши огорчения / Сейчас же превращаются / В смешные приключения! (Б. Заходер).

Пропущенное слово — **Вообразилия** (в стихотворении использовано в форме предложного падежа) представляет собой авторский игровой топоним, созданный на основе контаминации лексем (междусловного наложения сходных фонетических сегментов) *вообразить* и *Бразилия*. Приведенные респондентами вариации названия преимущественно представляют собой игры-контаминанты, различающиеся между собой только последовательностью и составом использованных фрагментов, изъятых из состава слов-мотиваторов (*страна* и *воображение*, *воображаемая*): *стражении* (11), *страображении* (6), *страноженни* (2), *странни*, *востране*, *вообстрании* (сложение по модели «начальная часть одного слова + финальная часть другого слова»). К удачным попыткам словотворчества, в отличие от представленных выше неблагозвучных вариантов, можно отнести игры, «приближенные к авторской версии», в *воображарии* (2), в *воображандии* (ср. *Воображария*, *Воображандия* как игровые корреляты существующих топонимических названий). В первом случае, вероятно, в качестве структурных аналогов взяты топонимы типа Болгария, Австрия, Венгрия и т.д., во втором — Голландия, Гренландия, Ирландия и др.; заметим при этом, что респонденты записывали собственные варианты названия

страны как имена нарицательные, а не как онимы (не с заглавной буквы). Нельзя признать удачной единичную номинацию *воображальник*, поскольку в данном случае слово не соответствует заданной мотивации (опущен идентификатор *страна* и не учтена рифма *Вообразилии – всесилии*). Лингвокреативные усилия респондентов не выходят за рамки заданного мотивационного перифраза, несмотря на то, что в самом контексте (представленном фрагменте стихотворения) содержатся синонимичные стимулы типа *фантазия, мечты, приключения* (ср. потенциальные варианты *Фантазилия, Мачтандия, Приключандия* и т.п.).

(2) «Название острова с неопределенным местоположением».

Любят все без исключения / Славный остров _____ — / Тут за нами приключения / Так и ходят по пятам. (Б. Заходер).

Пропущенное слово – остров **Гдетотам** – создано на основе лексико-синтаксического способа словообразования (путем сращения: *где-то там*). Ср. полученные в эксперименте варианты названий, среди которых есть и полное совпадение с авторской игрой, и собственные, хотя и малочастотные оригинальные версии школьников: *гдетотам* (2), *тутитам* (2), *естьлитам*, *непонятногде*, *безместоположения*. Более распространенной является техника контаминации фрагментов словомотиваторов, которую для реализации поставленной задачи нельзя признать удачной из-за неблагозвучия и мотивационной непрозрачности: *неопредожения=неопред/еленного пол/ожения* (2), *нео/положение* (2), *неизверов*, *неоострам*, *неопостров*, *неоместров*, *оостражения* и др. Оригинальны образованные респондентами топонимические игры: **Нигдестан** (по аналогии с Казахстан, Узбекистан и др.), **Неостения** (вероятнее всего, контаминация усеченных частей мотивирующего словосочетания *необитаемый остров* с присоединением топоформанта – *ени(я)*, спровоцированного «смежной» рифмой: *Любят все без исключения славный остров Неостения* (ср. Армения, Словения).

Влияние рифмы весьма ощутимый фактор восстановления игрем в заданных фрагментах поэтических текстов.

(3) «Ягода, которая появляется после дождя». В предложенном стихотворении слово повторяется несколько раз.

_____, _____! / Чудо – ягода возшла. / _____
 Вероника _____ /
 Рано утром собрала. / До краёв полны ведёрки, / Но беда: ска-
 тились с горки! / _____ застучали, / Вслед за тучкой по-
 бежали. / Удивилась Вероника: / В ясном небе над рекой / Пре-
 вратилась _____ / В мостик радужный цветной. (Е. Ран-
 нева).

Пропущенное слово — **дождевика** образовано по модели на-
 звания ягод с типовым формантом **-ик** (а) посредством введения
 нового корня в модельную сетку готового слова или посредст-
 вом прямой суффиксальной деривации от *дождь*. В ряде случа-
 ев в ответах респондентов прослеживается совпадающая с ав-
 торской структура окказиональной инновации: *дождевика* (4)
 (см. *ежевика* как вероятный прототип игрымы), ср. словообразо-
 вательные варианты *дождяника* (2) (по аналогии с прототипом
земляника), *ливеника* (синонимичная актуализация значения
 мотиватора: дождь, ливень), *дождика*, *последянка* (ср. на-
 пример, *косянка* — разговорный аналог *косяники*). Однако
 наиболее частотным остается использование техники контамина-
 ции фрагментов мотивирующих слов: *ядождика* (контамина-
 нт от ягода + дождика), *ягождя* (4), *посождя* (*пос/ле д/ождя*)
 и сложение с *дождягода* (4), *дождеягода* (3), ср. вариант на-
 звания в виде прилагательного *последождевая* .

(4) «Джунгли, предназначенные для дружбы». Обратите вни-
 мание на рифму.

*В вечернем небе дым исчез, / В костре мерцают угли... / У
 всех – взгляните!- / Лес как лес, / А у меня – _____!
 (М. Яснов).*

Пропущенное слово **дружунгли** – результат контаминации
 лексем **дружба** и **джунгли**. Ответы респондентов в большинст-
 ве своем образованы по той же словообразовательной модели:
дружунгли (11), *дружгли* (5), *дружбунгли*, *джужбы*, *друнгли*,
джундры (трудно определить мотиватор, возможно, им послу-
 жил топоним *тундра*), *дружелюнгли* (в данном случае, вероятно,
 мотиватором выступает близкородственное слово *дружелюбие*),
доброжунгли (мотивирующее слово *дружба* ассоциативно заме-
 няется на *добро*) и др.

(5) «Название города, в котором постоянно идет дождь».

Дождь и град. / Дождь и град. / Прибываем в _____! / Надеваем дождевик. / Вылезаем на перрон. / Поднимаем воротник. / Опускаем капюшон. / Дождь и град. / Дождь и град. / Поливать нас дождик рад! (М. Яснов).

Пропущенное слово **Дождеград** представляет собой авторский игровой топоним, образованный путем сложения основ (**дождь** + **град**) по аналогии с соответствующими топонимическими прототипами. Восстановление данной игры было облегчено для респондентов тем, что в тексте фигурируют обе мотивирующие основы игрового слова — *дождь* и *град*, которые в том числе в процессе конструирования нового слова «поддержаны» рифмой. Соответственно при реконструкции этой игры респондентами было получено наибольшее число номинаций, совпадающий с авторской версией: *дождеград* (21). Ср. вариант *дождьгород* (по аналогии с прототипом Новгород). Интересным представляется использование стратегии обыгрывания межъязыковых эквивалентов в ряде ответов: *дождесити* и *реиноград*. В первом случае игра образована путем присоединения к основе слова «дождь» английского «city» в значении «город» при помощи соединительной гласной Е, во втором — присоединением английского эквивалента слова дождь («rain») к архаизму *град*.

(6) «Имя мальчика, большого любителя шоколада»:

Стоит _____ / На витрине нарядной, / И всем говорит / Его вид шоколадный: / Прекрасно / Ходить на каток с шоколадкой! / Опасно / Съесть шоколадку украдкой! / Быть жадным — ужасно! / Не надо, не надо, / А то превратишься в кусок / Шоколада! (Юнна Мориц).

Пропущенное слово **Шоколай** — авторская ономастическая игра, образованная путем контаминации имени собственного **Николай** с частично созвучной лексемой **шоколад**. Восстановление данной игры для респондентов было осложнено отсутствием рифмы, которая могла бы «натолкнуть» испытуемых на выведение ономастического прототипа игры (имени **Николай**). В результате получены следующие ономастические номинации: *Шоколай* (2), *Шоколадий* (2) (в качестве мотиватора

респонденты использовали имя Геннадий), **Шоколит** (возможно, по аналогии с Ипполит и, вероятнее всего, в опоре на рифму «...говорит»), **Шокоша**, **Шоколя**, **Шоколя** (ср. прототип Володя), **Шоковитя**. При «восстановлении» данного окказионального слова респонденты также опирались на стратегию контаминации, произвольно соединяющую части словосочетания *шоколадный мальчик*, о чем говорят следующие ответы: **Шоколадчик** (2), **Шокольчик** (2), **Мальколад**, **Шокомал**, **Шокомальчик**, **Шоколюб**. В ряде случаев отмечается конструирование игрем при помощи способов сложения и суффиксации: **Шокоед**, **Шоколадобжорчик**; суффиксации: **Шоколадник** (2); сложения с обыгрыванием межъязыковых эквивалентов: **Шокобой** (2) (**шоколад** + **бой** (бой = англ. «мальчик»)).

Результаты проведенного тренинга показывают как удачное, так и не вполне удачное «восстановление» авторских словотворческих игрем. Конструирование окказионального игрового слова обнаруживает ряд факторов, которые способствуют проявлению лингвокреативности или блокируют успешность словотворчества. К факторам первого рода относятся 1) опора на считанный мотиватор, представленный в структуре перифраза; 2) способность к преодолению «замыкания» [Торренс, URL], что предполагает поиск синонимических средств выражения смысла в конструируемом слове; 3) способность к использованию вариативных способов номинации, при учете словообразовательных аналогий, соответствующих критерию структурной прозрачности, и морфонологических особенностей словообразования, не противоречащих произносительным нормам русского языка; 4) культурный фон, позволяющий выводить словообразовательные аналогии в опоре на вариативные прецедентные модели номинации слов определенной предметной области; 5) в стихотворном тексте восстановлением словообразовательных игрем невозможно без чувства ритма и рифмы; 6) тренинг конструирования слова по заданному мотивационному перифразу должен предваряться отработкой умения самостоятельно этот перифраз смоделировать, что, несомненно, требует углубленной рефлексии над соотношением мотивированности

слова и его лексического значения (см. выделение перечисленных факторов в работах Т.А. Гридиной [2014, 2017, 2018]).

Использование тренинговых процедур развития вербальной (в том числе словотворческой) креативности должно способствовать освоению необходимого базиса лингвистических знаний и операциональных умений свободного оперирования языковым материалом [Гридина, Коновалова 2016].

Литература

Богоявленская Д. Б. Психология творческих способностей: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Академия, 2002. – 320 с.

Гридина Т. А. Лингвокреативные стратегии семантизации слова и освоение операциональной техники языковой игры в онтогенезе: экспериментальные данные // Педагогическое образование в России. – 2014. – № 5. – С. 153-158.

Гридина Т. А. Лингвокреативный потенциал мотивационных эвристик детской речи // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2017. – № 15. – С. 5-16.

Гридина Т. А. Ассоциативные проекции игрового слова в "детской поэзии" (на материале произведений Михаила Яснова) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2018. – № 189. – С. 189-199.

Гридина Т.А., Коновалова Н. И. Диагностика грамматико-словообразовательных умений детей с общим недоразвитием речи как основа коррекционной работы // Специальное образование. – 2016. – № 2(42). – С. 39-50.

Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Техники языковой игры в процессе обучения словообразованию в школе и в вузе // Педагогическое образование в России. – 2017. – № 8. – С. 79-84.

Гридина Т. А., Коновалова Н.И. Методы психолингвистических исследований: теория, практикум, тренинги. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2020. – 358 с.

Торренс – Тест Креативности Торренса [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://psychok.net/2017/05/16/>

REFERENCES

Bogoyavlenskaya D. B. Psihologiya tvorcheskih sposobnostej: ucheb. posobie dlya studentov vuzov. M.: Akademiya, 2002. – 320 s.

Gridina T. A. Lingvokreativnye strategii semantizacii slova i osvoenie operacional'noj tekhniki yazykovoj igry v ontogeneze: eksperimental'nye dannye // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. – 2014. № 5. S. 153-158.

Gridina T. A. Lingvokreativnyj potencial motivacionnyh evristik detskoj rechi // Psiholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoj deyatel'nosti. – 2017. – № 15. – S. 5-16.

Gridina T. A. Associativnye proekcii igrovogo slova v "detskoj poezii" (na materiale proizvedenij Mihaila YAsnova) // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. – 2018. – № 189. – S. 189-199.

Gridina T.A., Konovalova N. I. Diagnostika grammatiko-slovoobrazovatel'nyh umenij detej s obshchim nedorazvitiem rechi kak osnova korrekcionnoj raboty // Special'noe obrazovanie. – 2016. – № 2(42). – S. 39-50.

Gridina T. A., Konovalova N. I. Tekhniki yazykovoj igry v processe obucheniya slovoobrazovaniyu v shkole i v vuze // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. – 2017. – № 8. – S. 79-84.

Gridina T. A., Konovalova N.I. Metody psiholingvisticheskikh issledovanij: teoriya, praktikum, treningi. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2020. 358 s.

Torrens – Test Kreativnosti Torrensa [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://psychok.net/2017/05/16/>

©Язынина Е.А., 2022

Язынина Екатерина Алексеевна – студентка Института филологии и межкультурной коммуникации. Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620017, Россия, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail: sawsey0208@mail.ru

Yazykina Ekaterina Alekseevna – student of the Institute of Philology and Intercultural Communication. Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg, Russia).

Address: 26, Kosmonavtov Ave., Yekaterinburg, Russia, 620017

Раздел IV. ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА

Г. А. АВДЕЕВА
г. Нижний Тагил, Россия
g_avdeeva_64@mail.ru

УДК 81'42:821.161.1-31(Славникова О.)

ПРИЕМЫ АЛЛЮЗИВНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ПРОЗЕ О. СЛАВНИКОВОЙ: НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА «ЛЮБОВЬ В СЕДЬМОМ ВАГОНЕ»

Аннотация. В статье анализируются случаи реализации аллюзивного принципа языковой игры в рассказах Ольги Славниковой, представленных в сборнике «Любовь в седьмом вагоне». Отмечается, что автор чаще всего обращается к таким приемам аллюзивной языковой игры, как ономастическая игра, в том числе с прецедентными именами, а также игра с прецедентными текстами, с известными литературными сюжетами. Так, например, писатель пародирует сюжет о Дон Жуане, помещая его в другой контекст и трагически переименовывая трагический финал («Статуя командора»). Иронично обыгрывается и сюжет повести Хемингуэя «Старик и море» в рассказе «Старик и смерть». Другой характер носят аллюзии в рассказе «Сестры Черепановы». Образы главных героинь напоминают читателю литературные типы «чудиков» и «мастеров» – талантливых людей из российской глубинки, которые вынуждены самостоятельно решать свои проблемы, без опоры на государство.

Ключевые слова: языковая игра, аллюзивный принцип, прецедентные феномены, прецедентные имена, прецедентные тексты, русская литература, русские писательницы, литературное творчество, литературные жанры, литературные сюжеты, литературные герои, художественные тексты».

AVDEEVA GALINA A.

Nizhny Tagil, Russia

g_avdeeva_64@mail.ru

TECHNIQUES OF THE ALLUSIVE LANGUAGE GAME IN O. SLAVNIKOVA'S PROSE: ON THE MATERIAL OF THE "LOVE IN THE SEVENTH CAR" COMPILATION

Abstract. The article analyzes the instances of the implementation of the allusive language game principle in Olga Slavnikova's stories, presented in the "Love in the seventh car" compilation. It is noted that the author most often refers to such techniques of an allusive language game as an onomastic game, including one with precedent names, as well as a game with precedent texts, with well-known literary plots. For example, the writer parodies the plot of Don Juan, placing it in a different context and travestically reinterpreting the tragic ending ("The Statue of the Commander"). The plot of Hemingway's novel "The Old Man and the Sea" is ironically played out as well in the "The Old Man and the Tornado" story. The allusions in "The Cherepanov Sisters" story are of a different nature. The images of the main characters remind the reader of the literary types of "weirdos" and "handymans" – talented people from the Russian hinterland who are forced to solve their problems on their own, without relying on the state.

Keywords: language game, allusive principle of language game, precedent phenomenon, precedent name, precedent text, "Love in the seventh car".

Феномен языковой игры по-прежнему привлекает филологов в качестве объекта для изучения. Существуют различные подходы к описанию языковой игры, креативной деятельности. В частности, Т. А. Гридина отмечает, что «языковая игра должна быть охарактеризована как форма лингвокреативного мышления, которое основано на ассоциативных механизмах и проявляет способность говорящего к намеренному использованию нестандартного языкового кода в разных ситуациях речевой деятельности» [Гридина 2008: 4]. Т. А. Гридина выделяет в качестве основополагающих принципов языковой игры *имитативный*, *аллюзивный* и *образно-эвристический* [Гридина 2008]. «Аллюзивный принцип языковой игры в художественном тексте связан не столько с самой отсылкой к прецеденту, сколько с ее новой

ассоциативной обработкой в целях создания эстетического эффекта» [Гридина 2008: 6].

Современная литература, безусловно, не может абсолютно игнорировать текстов предшественников. Интертекстуальность, эклектичность – черты, свойственные литературе XXI века, которая по-прежнему испытывает влияние поэтики постмодернизма. Важной чертой литературы постмодернизма является и установка на игру с читателем. В связи с этим особый интерес для исследователя представляет анализ приемов аллюзивной игры в творчестве современного популярного автора, балансирующего на грани элитарной и массовой литературы, каким, на наш взгляд, и является Ольга Славникова. В частности, на реализацию стратегии создания текстов «преимущественно на стыке элитарной и массовой литератур» в творчестве данного автора примерно с середины 2000-х годов обращает внимание Ю.С. Некрасова [Некрасова 2012].

Цель данной статьи – проанализировать, каким образом реализуется аллюзивный принцип языковой игры в рассказах сборника О. Славниковой «Любовь в седьмом вагоне»; какие приемы аллюзивной игры использует автор.

Ольга Славникова – популярный современный автор. Ее произведения уже привлекали внимание исследователей [Барковская 2014, Березовая, Фролова 2016, Коробкова 2010, Некрасова 2012, 2020, Авдеева 2016, 2021 и др.]. Она обладает своим неповторимым индивидуальным стилем. В качестве материала для исследования мы выбрали сборник «Любовь в седьмом вагоне». Рассказы, представленные в нем, объединены темой железной дороги. Вообще сборник вырос из тематического проекта журнала РЖД «Саквояж СВ». Авторы проекта должны были написать «облегченные» рассказы, предназначенные для чтения в дороге. По мнению критиков, в том числе Ю.С. Некрасовой, О. Славниковой, «освоив пространство интеллектуальной прозы..., пытается добиться в своих текстах еще и «занимательности» для более широкой читательской аудитории» [Некрасова 2012: 185]. И. В. Березовая и Г. А. Фролова, анализируя жанровое и тематическое своеобразие сборника, также обращают внимание на то, что в нем отражается одна из тенденций совре-

менного литературного процесса – взаимопроникновение и взаимовлияние массовой и элитарной прозы [Березовая, Фролова 2016]. Авторы данной статьи выделяют следующие жанровые разновидности в сборнике «Любовь в седьмом вагоне»: 1) антиутопия; 2) новелла; 3) детектив; 4) притча; 5) Love Story. Большая часть рассказов обладает признаками разных жанров. При этом большинство из указанных жанров активно представлено в массовой литературе.

Межтекстовые, интертекстуальные связи произведений О. Славниковой, в том числе интересующего нас сборника, уже привлекали внимание исследователей [Барковская 2014, Монгуш 2019]. Н. В. Барковская рассматривает влияние бажовской традиции в одном из рассказов сборника. Статья Е. Д. Монгуш содержит разрозненные наблюдения об интертекстуальных связях в разных произведениях О. Славниковой. В данной же статье предлагается описание наиболее значимых приемов аллюзивной игры, используемых в различных рассказах сборника.

Начнем с анализа сильных позиций текстов – названий рассказов. Из десяти рассказов сборника только в заглавиях четырех содержится какая-то явная отсылка к прецедентному тексту или имени: «Статуя командора» (этому рассказу мы и уделим больше всего внимания), «Старик и смерч», «Под покровом Моцарта», «Сестры Черепановы».

Обратимся к рассказу «Статуя командора», который представляет для нас особый интерес. Читатели и критики, безусловно, обратили внимание на аллюзийный характер этого текста. «Это история донна Гуана и донны Анны в сегодняшнем дне, где Командор – криминальный авторитет. Я впервые почувствовала «с руки», как ведет себя известный сюжет, когда его «переодевают» в новую фактуру, как управлять героями, за плечами которых целый ряд уже существующих вариантов» [Некрасова 2012: 188]. О. Славникова, действительно, полностью «переодела» известный сюжет, имеющий давнюю историю. Именно в этом рассказе интертекстуальность играет принципиальную, сюжетообразующую роль.

Само название рассказа уже содержит отсылку к «Каменному гостю» А.С. Пушкина, а также другим вариациям на тему Дон

Хуана/ Дон Жуана/ Дон Гуана. Имена главных героев: Анна, Хуан – также отсылают к истории о Дон Хуане – ветреном любовнике. При этом в самом рассказе есть прямые отсылки к предтексту: «Он ждал знака судьбы – подозревая, что дон Гуан из старинной испанской легенды, послуживший моделью для Пушкина и Байрона, был на самом деле не охотником, а дичью» [Славникова 2008: 103].

Героем испанской легенды был севильский аристократ по происхождению – дон Хуан Тенорио. Он был известен как бесстрашный преступник и соблазнитель женщин разного социального положения, но убийство командора ордена Калатравы дон Гонзало де Ульоа поставило точку в его сомнительной карьере. Дон Хуан цинично пригласил на ужин статую убитого командора, после чего та, заключив преступника в объятия, провалилась вместе с ним в преисподнюю, таким образом осуществив месть. Впервые этот сюжет использовал Тирсо де Молино в 1630 в пьесе «Севильский распутник и каменный гость» (в других вариантах перевода «Севильский озорник»). Затем образ испанского преступника привлекает Мольера, который в 1665 году создает своего «Дон Жуана», и Байрона (1818-1823). Безусловно, знаковым было и обращение Моцарта к этому сюжету. На этом интерес к образу любвеобильного Дон Жуана/Хуана не пропадает. Отечественному читателю он знаком по одной из «Маленьких трагедий» Пушкина. Не обошли вниманием этого персонажа и А.К. Толстой, и Леся Украинка, и многие другие авторы. Интересно, что в первоисточнике – в испанской легенде – Дон Хуан убивает отца Донны Анны. Позднее появляется вариант с убитым мужем (Донна Анна, соответственно, становится безутешной вдовой, которую соблазняет Дон Хуан/Жуан/Гуан), а в некоторых версиях даже с братом.

Кроме указанной переключки с именами персонажей «донжуанианы», в рассказе есть и некоторые сюжетные аналогии. Так, например, и героиня пушкинского «Каменного гостя», и Анна в рассказе Славниковой не испытывают сильных чувств к своим мужьям. Аня даже больше ощущает себя женой уже после смерти Командора. Хуан Ветров (Хуан Игнасио Уэрта) – такой же любитель женщин, коллекционирует их (до встречи с

Анечкой), как и его предшественники. Но в отличие от них, он ждет свою единственную и находит ее в образе совершенно отчаявшейся Ани на кладбище.

События, описанные в рассказе Славниковой, переносят читателя в 90-е годы. Донна Анна, превратившаяся в Анечку, становится гражданской женой Командора – Васи – криминального авторитета. Она вышла замуж от отчаяния, чтобы «переехать из продыmlенной заводом родительской панельки в центр, в просторную квартиру с видом на Главпочтамт и главный городской фонтан» [Славникова 2008: 90-91]. Но условное счастье Анны длилось недолго. Она вынуждена после смерти своего гражданского мужа каждый день посещать кладбище. «В отличие от большинства бандитских захоронений, мемориал Командора выглядел ухоженным»... и «во всякое время года» раз в сутки на скамье возле могилы можно было видеть вдову Командора [Славникова 2008: 90]. Анна ограничена во времени и пространстве, ей обязательно, по завещанию своего мужа, нужно приходить раз в день на его могилу, иначе она лишится даже небольшого состояния, оставленного ей в наследство. Жена Командора оказывается в своеобразной «клетке», но эта клетка не ограничена решеткой. Казалось бы, героиню ничего не держит, кроме денежной выплаты, которая постепенно обесценилась. Но Анна ощущает постоянный контроль со стороны умершего мужа. И вот когда жизнь постепенно начала уходить из вдовы, появился ее спаситель – Иван Ветров, Хуан Игнасио Уэрта.

Как мы уже отметили, образ Ивана Ветрова (Хуана) сохраняет некоторые черты предшественников. Он даже испанец по происхождению, из семьи потомков испанских коммунистов, бежавших в СССР от Франко. Он замечательный фотохудожник, мастер женского портрета. Фотосессии Ветрова автор сравнивает с танцем паука вокруг попавшейся мухи. Он, действительно, вступает в бесконечные связи с женщинами, но при этом, как мы уже отметили ранее, ждет знака судьбы, проявление которого Иван/Хуан и видит во встрече с Аней: «Имя будущей жены будило у донна Хуана романтическое волнение и *как бы подтверждало его идентичность*» [Славникова 2008: 106] (выделено мною. – А.Г.). Хуан, конечно, не собирался пригла-

шать статую гражданского мужа Ани в гости. «Тем не менее он понимал, что обстоятельства сошлись, сюжет запущен и вопрос только в том, когда ожидать визита Командора» [Славникова 2008: 106].

Автор рассказа нарочито подчеркивает связь с претекстом на протяжении всего произведения. «Пересаживая» сюжет в другую почву, перенося его в другую эпоху, О. Славникова как бы играет на ожиданиях читателя, который помнит трагическую развязку истории о любвеобильном Дон Хуане/Жуане. Но как раз самая существенная переработка сюжета связана с трансформацией финала истории: Статуя Командора из убийственно-мстительного орудия судьбы превращается в полную противоположность – в спасителя. Командор приходит, чтобы спасти Аню, сохранить за ней квартиру и другие материальные блага. Такая фантазмагорийная трагикомическая концовка подчеркивает иронический характер всего произведения.

Рассказ «Статуя командора» можно рассматривать как своего рода парафраз на тему избитого литературного сюжета о Дон Жуане. Этот сюжет не просто трансформируется, а в какой-то степени даже профанируется. Поэтому персонажи рассказа воспринимаются как несколько искусственные, кукольные, в отличие, например, от героев «Сестер Черепановых» (к этому произведению мы обратимся далее). Фантастическое явление Командора в финале рассказа, безусловно, носит гротескный характер. При этом показательно сочетание мистичности и комичности самого момента. Сама лексика страшного призрака не может не вызвать смеха: «–Ну, привет, чё, – раздался глухой и трудный голос, звучавший словно из пещеры» [Славникова 2008: 108].

Таким образом, в этом произведении О. Славникова «облегчает» исходный сюжет, трагедию превращает в комедию, снижает образы всех главных героев этого треугольника. И, наконец, предлагает «хеппиэнд», совершенно неожиданный, но так любимый массовым читателем. Славникова как будто подмигивает читателю, играя с «затасканным» литературным сюжетом. Пожалуй, именно этот рассказ особенно вписывается в стратегию «облегченного», «железнодорожного» чтения.

На втором месте после «Статуи командора» по количеству интертекстуальных связей стоит, пожалуй, рассказ «Сестры Черепановы», но характер этих связей иной. И сам рассказ очень сильно отличается от парафраза «донжунианы». На наш взгляд, это лучший рассказ сборника. Не случайно он уже неоднократно привлекал внимание исследователей [Барковская 2014, Коробкова 2010, Некрасова 2020, Авдеева 2016, 2021 и др.].

В данном рассказе межтекстовые связи проявляются уже в названии. «Сестры Черепановы» явно отсылают читателя к «братьям» Черепановым – реальным историческим личностям, изобретателям паровоза. На самом деле Черепановы вовсе не братья, а отец и сын. В доме даже висит портрет Мирона Черепанова, правда сестры почему-то принимали его за портрет своего отца. Но и связь между сестрами больше напоминает отношения матери и дочери. Старшая Фекла заменила младшей мать. Она не поехала в город из-за Машки, хотя могла поступить в университет, поскольку обладала незаурядными математическими способностями.

«Напомнили» сестрам об их талантливых предках: Ефиме и Мироне Черепановых – приезжие журналисты: «По архивам выходит, что вы прямые потомки Ефима и Мирона Черепановых, – важно проговорил бородатый. – Они построили первый в России пароходный дилижанс, который по чугунным колесопроводам возил медную руду» [Славникова 2008: 243]. После отъезда телевизионщиков лица сестер горели огнем: «– А че, паровоз сделать запросто, громко заявила Машка» [Славникова 2008: 244].

Кроме чисто генетической связи, сестры недюжинным умом и технической смекалкой напоминают знаменитых предков – Черепановых, уникальных мастеров. Девушки оборудовали дом различными техническими устройствами: самодельной стиральной машиной, водопроводом и др. Озорная, хулиганистая Маша напридумывала и шуточных устройств для непрощенных гостей.

Фекла и Маша даже создают свой вариант паровоза, движущей силой которого становится ... самогонный аппарат: «На открытом тендере вздыхал и шепелявил громадный чан с брагой, под чаном потрескивала и калилась небольшая чугунная

печка, и змеевик, пройдя через резервуар с водой, уходил, как нитка в швейный механизм, в паровозную топку» [Славникова 2008: 248]. Примечательно, что подвигло сестер на это изобретение. Однажды Фекла как будто другими глазами взглянула на жителей поселка Медянки, которые оказались оторваны от мира после развала производства. (Разрушилась и основная дорога в город).

«Вдруг душа Феклы, доселе спящая, рванулась, за себя и за всех поселковых, в широкий мир. Душа кричала, как птица или паровоз, ночами Фекле снились бегущие рельсы, словно гигантская швейная машинка сострачивала вместе два куска туманного пространства, и в разрывах густого, с искрами, паровозного дыма проступал большой ступенчатый город, где над каждым домом – нарядный, будто новогодняя елка, башенный кран» [Славникова 2008: 247]. Такое соединение разнородных образов сравнения (птица – природный объект; паровоз – технический) может показаться нелогичным. Но тем самым автор акцентирует сему движения, полета, которого жаждет душа Феклы, причем не столько для себя, сколько для детей поселка, у которых отсутствует будущее при таком положении вещей. Это движение противопоставляется образу застоя, болота, духовной деградации жителей поселка. Подробнее о роли сравнений в рассказах сборника см. нашу статью [Авдеева 2021].

Данное сравнение может восприниматься как отсылка к произведениям Платонова: «У Платонова техника предстает как часть природы, как одно из ее чудесных проявлений, ставшее ощутимым и наблюдаемым благодаря искусству и умению человека. Но и человек у него – часть природы, так что никакого противоречия быть не может» [Карабчиевский 1985].

Н. В. Барановская, анализируя бажовские традиции в данном рассказе, отмечает не только исторические аллюзии (отсылка к реальному Черепановым), но и литературные: в частности, отсылку к Лесковскому «Левше». Исследовательница также акцентирует внимание на том, что спасительницами Медянки становятся сестры. «В сказах Бажова также весьма значительны женские роли: и мифологические – сама Хозяйка медной горы..., и человеческие...» [Барковская 2014: 169-170]. Мужчин

заменяли женщины в XXI веке. Кроме того, источником спасительной силы стало болото. Именно дары болота (прежде всего ягоды) использовались для изготовления самогона. То, что было источником смерти, как физической, так и духовной, стало источником возрождения Медянки. Правда, это возрождение длилось недолго. Чиновничьи усилиями инициатива на месте была пресечена. Аппарат демонтировали, и жизнь в Медянке вернулась на круги своя. Асфальтовая дорога, проложенная по болоту, снова перестала функционировать.

В момент всеобщего протрезвления медянские мужики обсуждали идею построения какой-нибудь башни. Снова впад в беспамятство, они не могли сообразить, для чего год назад вырыли два котлована. «Все-таки какая-то память о возрождении поселка Медянка сохранялась в окружающем пространстве. После смерти Митьки Шутова (свалившегося в котлован – Г.А.) две непостроенные башни стали иногда появляться в воздухе» [Славникова 2008: 266-267]. Два котлована, призраки недостроенных башен... Вновь в рассказе О. Славниковой можно увидеть платоновские аллюзии. Котлован счастья – символ новой жизни, которая так и не состоялась.

В образах сестер Феклы и Марии в анализируемом рассказе можно увидеть также один из вариантов литературного типажа «чудиков» (шукшинских) и «мастеров», что отмечает и Ю. С. Некрасова [Некрасова 2012: 190].

Интерес для нас представляет и рассказ «Старик и смерч». Отсылка к повести Хемингуэя, содержащаяся в названии, отыгрывается в сюжете рассказа. Главный герой – бывший известный киноактер – вступает в неравную схватку со стихией. Таинственный смерч, странным образом регулярно появляющийся на Русском Севере, почему-то облюбовал дом Кирилла Смолякова. Дом был дважды точно разрушен стихией. При этом окружающие дома не пострадали. Смоляков проявил непонятное упорство: он мог занять любой другой пустующий дом в заброшенной деревне, но не сделал этого. Финал рассказа разъясняет ситуацию. При этом хемингуэевская аллюзия приобретает ироничный смысл. Если герой повести Хемингуэя стал символом человеческой стойкости в борьбе с силами природы, то герой

рассказа Славниковой, внешне также проявляющийся стойкость, силу духа, оказался ... игроком. Он буквально сделал ставку в Интернете на то, что смерч и в третий раз разрушит его дом.

Интересна также игра с онимами в этом рассказе. Торнадо, пришедшие на Русский Север, называются «заморскими Змей Горынычами». Кирилла Смолякова, объявленного «воплощением русского духа, символом национальной стойкости», хотели заполучить для рекламы национальных напитков, продуктов и других товаров: пива «Дружина», обувной линии «Сударь», орешков «Великая Сибирь» и парфюма «Мономах». Славникова явно издевается над современной рекламой, паразитирующей на национальной идее.

В рассказе «Под покровом Моцарта» прецедентное имя, включенное в название, упоминается в связи с музыкой, которую героиня Галина ассоциирует с зарождающимся чувством к герою. На наш взгляд, в этом произведении имя Моцарта становится символом «популярной» классики, а не высокого искусства.

Более интересны другие случаи обыгрывания прецедентного имени и ситуации в этом рассказе. «Лиза была шикарная, самодостаточная женщина, а превратилась в сущий Чернобыль» [Славникова 2008: 180]. Так характеризует свою любовницу (впоследствии им убитую) Ситников. Оним «Чернобыль» вызывает ассоциативную цепочку у читателя, связанную с аварией на Чернобыльской атомной станции, повлекшей за собой многочисленные жертвы не только в нашей стране. Территория, пострадавшая от взрыва реактора, до сих пор является зараженной и опасной для человека. Так в рассказе создается негативный образ женщины, несущей разрушение всем, с кем она вступает в контакт, возможно, и неосознанно (стихийно), что еще больше усиливает опасность.

При этом предыдущий текст рассказа как бы подготавливает читателя к появлению такого образа. Ситникову не нравилось, когда женщина начинала в него всерьез влюбляться. «Женщина, в которой начинался этот *радиоактивный процесс*, сразу становилась чужой...» Его раздражало. Что «женщине непременно

требовалось, чтобы и в Ситникове работал такой же, как у нее, *ядерный реактор*» [Славникова 2008: 179].

В других рассказах сборника интертекстуальные связи не играют такой значительной роли. Но можно отметить игру с именами собственными. Так один из крупных городов области, уже не доступный для «невыездной» Анечки («Статуя командора»), называется «Краснокурьяинск» – явная аллюзия на Краснотурьяинск – город, который известен своей птицефабрикой. Город с таким названием фигурирует еще в одном рассказе – «Восьмой шар».

В первом же рассказе сборника «Русская пуля» используется известная цитата из «Мертвых душ» Гоголя: «Какой же русский не любит быстрой езды! – раздался над ухом у Голубева сдобный басок» [Славникова 2008: 10]. Автор явно рассчитывает на читательскую ассоциацию с образом птицы-тройки, олицетворяющей Русь в известной поэме. В рассказе он соотносится с образом поезда-«пули». Учитывая, что центральным образом сборника является образ дороги, читатель не может пройти мимо такой явной аналогии. Не случайно отмечает Ю.С. Некрасова: «В итоге сквозным образом книги, как и большинства текстов писательницы, становится образ последовательной в своей хаотичности России» [Некрасова, 2012].

Проанализировав часть рассказов сборника «Любовь в седьмом вагоне», мы можем сделать следующие выводы.

О. Славникова чаще всего обращается к таким приемам аллюзивной языковой игры, как ономастическая игра, в том числе с прецедентными именами, а также игра с прецедентными текстами, с известными литературными сюжетами. Так, например, писатель пародирует сюжет о Дон Жуане, помещая его в другой контекст и травестийно переименовывая трагический финал («Статуя командора»). При этом О. Славникова играет с читателем, подсовывая ему неожиданный хеппиэнд. В похожем несколько травестийном духе обыгрывается и сюжет повести Хемингуэя «Старик и море» в рассказе «Старик и смерть».

Иную функцию выполняют аллюзии в рассказе «Сестры Черепановы». В этом произведении даже присутствует трагическая интонация. Образы сестер Черепановых напоминают чита-

телю литературные типажи «чудиков» и «мастеров» – талантливых людей из российской глубинки, которые вынуждены самостоятельно решать свои проблемы, без опоры на государство. Показательно, что в этом рассказе практически отсутствует ирония, особенно при описании главных героинь, свойственная многим произведениям данного сборника.

Ю. С. Некрасова отмечает, что «образ России, который в итоге создает писательница (в сборнике «Любовь в седьмом вагоне». – А.Г.), не слишком отличается от того, который она создает в своей публицистике..., а увлекательные сюжеты, занимательность позволяют добиться нужного результата: заставить читателя познакомиться с взглядами писательницы на будущее и настоящее страны» [Некрасова 2012:190-191]. Таким образом, не случайно в первом же рассказе сборника появляется известная гоголевская цитата. Писательница как бы намекает читателю, что, с одной стороны, мало что изменилось в России со времен Гоголя. Но, с другой стороны, дает и надежду на лучшую участь для России, пока есть такие талантливые люди в русской глубинке, как сестры Черепановы.

В целом следует отметить, что в некоторых рассказах сборника, действительно, прослеживается тенденция к «облегченности», занимательности, ориентация на массового читателя, что находит отражение и в приемах аллюзивной игры.

Литература

Авдеева Г.А. «Достоверная фантастика» Ольги Славниковой // Творческая индивидуальность писателя: мир, образ, язык: материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Нижний Тагил, 26 марта 2014 г. Нижний Тагил: НТГСПИ (филиал) РГПУ, 2016. – С. 6-12.

Авдеева Г.А. Особенности компаративных единиц в прозе О. Славниковой: на материале рассказов сборника «Любовь в седьмом вагоне» // Мир науки, культуры, образования. 2021. №5. С. 232–236.

Барковская Н.В. Бажовские традиции в рассказе Ольги Славниковой «Сестры Черепановы» // П.П. Бажов в меняющемся мире: сб.ст. Второй Всероссийской науч. конф. с международным участием, посвященной 135-летию писателя. Екатеринбург: Объединенный музей писателей Урала, 2014. С. 168–172.

Березовая И.В., Фролова Г.А. Жанровое и тематическое своеобразие сборника рассказов О. А. Славниковой // Альманах современной науки и образования, 2016. №5 (107). URL: <http://www.gramota.net/materials/1/2016/5/3.html>

Гридина Т. А. Языковая игра в художественном тексте. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург, 2008. 165 с.

Коробкова Е.С. Механизм сравнений в произведениях Ольги Славниковой. Челябинский гуманитарий, 2010, № 2 (11): URL: <https://cyberleninka.ru/article/mehanizm-sravneniy-olgi-slavnikovoy>.

Карабчиевский Ю. «Воскресение Маяковского». Мюнхен, 1985 // URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/karabchievsky_voskresenie_mayakovskogo_1985_text.pdf

Монгуш Е.Д., Монгуш Р.М. Интертекст в поэтике прозы О. Славниковой // Мир науки, культуры, образования №4 (77). 2019. С. 329-331.

Некрасова Ю. С. Проблема занимательности в творческой практике Ольги Славниковой 2000-х годов («Любовь в седьмом вагоне») // Уральский филологический вестник. Серия: Драфт: молодая наука. 2012. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-zanimatelnosti-v-tvorcheskoy-praktike-olgi-slavnikovoy-2000-h-godov-lyubov-v-sedmom-vagone> (дата обращения: 19.01.2022).

Некрасова Ю. С. Гротеск в рассказе О. Славниковой "Сестры Черепановы" как инструмент создания образа местности у иностранных учащихся // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX-XXI веков: направления и течения. 2020. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grotesk-v-rasskaze-o-slavnikovoy-sestry-cherepanovy-kak-instrument-sozdaniya-obraza-mestnosti-u-inostrannyh-uchaschihsya> (дата обращения: 19.01.2022).

Славникова О.А. Любовь в седьмом вагоне: рассказы. М., 2008.

REFERENCES

Avdeeva G.A. «Dostovernaya fantastika» Ol'gi Slavnikovoj // Tvorcheskaya individual'nost' pisatelya: mir, obraz, yazyk: materialy II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Nizhnij Tagil, 26 marta 2014 g. Nizhnij Tagil: NTGSPi (filial) RGPPU, 2016. – S. 6-12.

Avdeeva G.A. Osobennosti komparativnyh edinic v proze O. Slavnikovoj: na materiale rasskazov sbornika «Lyubov' v sed'mom vagone» // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2021. №5. S. 232–236.

Barkovskaya N.V. Bazhovskie tradicii v rasskaze Ol'gi Slavnikovoj «Sestry Cherepanovy» // P.P. Bazhov v menyayushchemsya mire: sb.st. Vtoroj Vserossijskoj nauch. konf. s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoj 135-letnemu yubileyu pisatelya. Ekaterinburg: Ob"edinennyj muzej pisatelej Urala, 2014. S. 168–172.

Berezovaya I.V., Frolova G.A. Zhanrovoe i tematicheskoe svoeobrazie sbornika rasskazov O. A. Slavnikovoj // Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya, 2016. №5 (107). URL: <http://www.gramota.net/materials/1/2016/5/3.html>

Gridina T. A. YAzykovaya igra v hudozhestvennom tekste. 2-e izd., ispr. i dop. Ekaterinburg, 2008. 165 s.

Korobkova E.S. Mekhanizm sravnenij v proizvedeniyah Ol'gi Slavnikovoj. CHelyabinskij gumanitarij, 2010, № 2 (11).: URL: <https://cyberleninka.ru/article/mehanizm-sravneniy-olgi-slavnikovoy>.

Karabchievskij YU. «Voskresenie Mayakovskogo». Myunhen, 1985 // URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/karabchievsky_voskresenie_mayakovskogo_1985_text.pdf

Mongush E.D., Mongush R.M. Intertekst v poetike prozy O. Slavnikovoj // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya №4 (77). 2019. S. 329-331.

Nekrasova YU. S. Problema zanimatel'nosti v tvorcheskoy praktike Ol'gi Slavnikovoj 2000-h godov («Lyubov' v sed'mom vagone») // Ural'skij filologicheskij vestnik. Seriya: Draft: molodaya nauka. 2012. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-zanimatelnosti-v-tvorcheskoy-praktike-olgi-slavnikovoy-2000-h-godov-lyubov-v-sedmom-vagone> (data obrashcheniya: 19.01.2022).

Nekrasova YU. S. Grotesk v rasskaze O. Slavnikovoj "Sestry CHerepanovy" kak instrument sozdaniya obraza mestnosti u ino-strannyh uchashchihsya // Ural'skij filologicheskij vestnik. Seriya: Russkaya literatura XX-XXI vekov: napravleniya i techeniya. 2020. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grotesk-v-rasskaze-o-slavnikovoy-sestry-cherepanovy-kak-instrument-sozdaniya-obraza-mestnosti-u-inostrannyh-uchashchihsya> (data obrashcheniya: 19.01.2022).

Slavnikova O.A. Lyubov' v sed'mom vagone: rasskazy. M., 2008.

©Авдеева Г.А., 2022

Авдеева Галина Анатольевна – доцент кафедры иностранных языков и русской филологии. Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) Российского государственного профессионально-педагогического университета (Нижний Тагил, Россия)
Адрес: 620031, Россия, г. Нижний Тагил, Свердловская обл., ул. Красногвардейская, 57.
E-mail: g_avdeeva_64@mail.ru

Galina A. Avdeeva – Docent of the Foreign Languages and Russian Philology Department. Nizhny Tagil State Social Teacher-Training Institute (branch of) Russian State Vocational Pedagogical University (Nizhny Tagil, Russia)

Е. Е. ВОЛКОВ

г. Кемерово, Россия

perevodovedych@gmail.com

УДК 81·25

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ПРИЕМА КАЛАМБУРА

Аннотация. Данная статья посвящена изучению одного из языковых феноменов, отражающих преднамеренное нарушение языковой нормы, – игре слов. В статье рассматривается проблема перевода игры слов на материале американских фильмов и сериалов («Назад в будущее», «Теория большого взрыва», «Тупой и еще тупее»). Автор статьи на основе анализа переводов выявляет удачность способа передачи англоязычной игры слов на русский язык. Также в статье рассматривается понятие двусмысленности как одного из основных элементов языковой игры и потенциал его использования в речи. Двусмысленность, относящаяся к явлениям речи, ограничивается от смежных приемов языковой игры. Двусмысленность представлена как явление амбивалентное, которое может быть не только затруднением речи, то есть ошибкой, но и служить основой для создания стилистических приемов языковой игры

Ключевые слова: языковая игра, игра слов, каламбур, двусмысленность, переводы, переводческие приемы, переводческая деятельность.

VOLKOV EGOR E.

Kemerovo, Russia

perevodovedych@gmail.com

LEXICAL AND GRAMMATICAL TRANSFORMATIONS IN THE TRANSLATION OF THE PUN TECHNIQUE

Abstract. This article is devoted to the study the linguistic phenomenon reflecting a deliberate violation of a linguistic norm – wordplay. The article deals with the problem of translating wordplay based on the material of American films and TV series ("Back to the Future", "The Big Bang Theory", "Dumb and Dumber"). The author of the article, based on the analysis of translations, reveals methods of transferring the English language wordplay into Russian. The article also discusses the concept of ambiguity as one

of the main elements of the language game and the potential of its use in speech. The ambiguity related to the phenomena of speech is differentiated from the related techniques. Ambiguity is presented not as an ambivalent phenomenon, i.e. a speech impediment, but also as a basis for creating a stylistic techniques of word play.

Keywords: language game, wordplay, pun, ambiguity, translation

В статье рассматриваются трудности, возникающие при переводе игры слов с английского на русский на примере каламбуров из кино. Поскольку в игре слов используется лексическая двусмысленность, ее перевод на другой язык может представлять затруднение, и это становится большой проблемой для переводчика. Функции игры слов, используемой в высказываниях, также будут в центре нашего внимания.

Целью данного исследования является описание информативной структуры игры слов при формировании смысла целостного текста и установление наиболее адекватных соответствий и возможных вариантов передачи этого приема на русский язык. В соответствии с обозначенной целью ставится несколько задач: дать описание приема двусмысленности как одного из основных способов построения каламбура; выявить основные способы перевода игры слов.

В ходе исследования использовались методы лингвистического анализа и описательный метод.

Как известно, прием игры слов и каламбур, в частности, строится на двусмысленности. Согласно Cambridge Dictionary, термин "двусмысленный" означает, наличие более одного возможного значения [Cambridge Dictionary]. В лингвистике данный термин обычно используется в узком смысле как "более чем одно когнитивное значение для аналогичного фрагмента языка" [Leech 1986: 205].

Двусмысленность можно классифицировать как лексическую, грамматическую и прагматическую.

Лексическая двусмысленность. Слово может быть омофоном другого; однако они различаются по значениям или по синтаксическим категориям. Например, 'Duck' и 'cover' – это и глагол, и существительное. Двусмысленность может образоваться по

причине омонимии или многозначности, как в приведенном ниже примере:

"You know, somebody actually complimented me on my driving today. They left a little note on the windscreen; it said, 'Parking Fine.' [Tommy Cooper]. Благодаря лексической двусмысленности "fine" в указанном контексте может быть как комплиментом за успешную парковку автомобиля, так и суммой денег, которую нужно заплатить в качестве наказания за то, что парковка была совершена в неполюженном месте.

Грамматическая двусмысленность. Грамматическая двусмысленность, также известная как синтаксическая двусмысленность, возникает, когда существует много логических форм, соответствующих одному и тому же предложению. Грамматическая двусмысленность может находиться в одной фразе, а может распространяться и на все предложение в целом. Грамматическую двусмысленность можно разделить на 4 категории.

Фразовая двусмысленность. Примером двусмысленной фразы является: *Superfluous hair remover*. Фраза может означать как "средство для удаления лишних волос", так и "средство для удаления любых волос".

Будь то в устной или письменной форме, приведенное ниже предложение будет считаться двусмысленным: *The chicken is ready to eat*. [Quora] – Предложение, может означать, что курица готова к потреблению пищи, но она также может значить, что курица готова для употребления в пищу.

Кванторная двусмысленность. Двусмысленность основанная на внутренней (субъектно-предикатной) структуре высказывания: *A man dies in a car accident every 5 minutes* [Stanford Encyclopedia of Philosophy: Ambiguity]. Поскольку на данный момент времени невозможно вернуть мертвого человека к жизни, то никому не придет в голову, что в приведенном выше предложении под "man" имеется в виду бедняга, который каждые пять минут погибает в автомобильной аварии. Таким образом, двусмысленность может возникнуть из-за «честного» произнесения двусмысленного предложения.

Двусмысленность, основанная на омонимичности местоимений или некорректном их использовании в контексте. Рассмотр-

рим высказывание: *Everyone loves his mother*. Предложение может быть истолковано как чувство любви каждого человека к своей матери, но также его можно интерпретировать буквально, имея в виду, что все любят мать конкретного человека.

В письменной форме двусмысленность может также возникнуть из-за положения строки, как в последней строфе "Права на проезд" Уильяма Карлоса Уильямса:

I saw a girl with one leg

Over the rail of a balcony [Paul Simpson, Lyon 2008]. Не успевший прочитать вторую строку читатель может представить себе образ одноногой девушки. Прочитав вторую строку, он поймет, что это девушка, которая перекинула одну ногу через перила балкона.

Прагматическая двусмысленность. Прагматика – это изучение значения для говорящего [Yule 1996: 3]. Двусмысленность может быть вызвана двумя и более предполагаемыми значениями, которые возникают в одной и той же форме предложения или высказывания.

Интонация высказывания может быть причиной неоднозначности многих фраз и предложений. Например, "копы идут" может быть утверждением, предупреждением или выражением облегчения. "Ты можешь заехать за мной позже?" может быть просьбой, вопросом или и тем, и другим. Предполагаемое значение выражения иногда может быть более ясным в устной форме с использованием интонации и контекста.

Предполагаемая двусмысленность. Двусмысленность также выражается в предположении. Известно, что слово "тоже" несет в себе множество предпосылок. Например: *Я тоже тебя ненавижу*.

Предложение может означать:

- (1) Я тоже тебя ненавижу (как и ты меня);
- (2) Я тоже тебя ненавижу (как и кто-то другой);
- (3) Я тоже тебя ненавижу (как и ненавижу всех остальных).

Вышеприведенные примеры предполагают, что двусмысленность может возникать на уровне предположений.

Наиболее общепринятый способ перевода каламбура на другой язык – адаптировать его к тексту перевода, сохранив при

этом оригинальную игру слов, а также его юмористический эффект. В большинстве случаев переводчик должен внести несколько изменений для того, чтобы успешно перевести оригинальную игру слов. Таким образом, языковая игра текста перевода может отличаться от каламбура текста оригинала по своим структурным свойствам, формальным и семантическим. Конечно, игру слов можно перевести буквально и сохранить языковую игру в языке перевода, однако это бывает редко. Как правило, прямой перевод каламбура приводит к тому, что игра слов полностью теряется при переводе. Чаще всего это происходит в том случае, когда переводчик пропустил игру слов в тексте оригинала или не адаптировал ее в тексте перевода.

Чтобы не потерять игру слов и ее юмористический эффект, оригинальную игру слов можно реконструировать, придумав свою собственную. В таком случае переводчик использует различные лексические методы, такие как повторение, образность, ассонанс, аллитерация, рифма, референтная расплывчатость, двусмысленность, ирония, преуменьшение или аллюзия. И наоборот, когда переводчик не может адекватно перевести языковую игру, он может просто пропустить непереводимую игру слов текста оригинала. С этой целью переводчик может опустить фразу, предложение, речь, часть диалога, а иногда даже целую сцену или действие. Этот прием, однако, не применим к переводам телепередач из-за обязательного соответствия между движением губ оратора и звуками, которые слышат зрители.

Более того, переводчик может целиком дублировать каламбур текста оригинала. В таком случае игра слов просто копируется на языке оригинала в текст перевода. Этот процесс называется переносом, если каламбур языка оригинала остается понятным на языке перевода. Это возможно с англицизмами в русском языке, поскольку носители русского языка понимают слова или фразы, даже если они заимствованы из английского языка.

Если же говорить об утерянных каламбурах, которые не были ни переведены, ни заменены, то есть три способа, которыми переводчик может компенсировать отсутствующие каламбуры. Во-первых, языковую игру можно использовать в тексте перевода там, где его нет в тексте оригинала. Во-вторых, игру слов можно

добавить, просто введя новый текстовый материал. Наконец, переводчик может компенсировать потерю каламбура с помощью сноски и объяснить комичность игры слов, которая была потеряна при переводе.

В качестве примера перевода игры слов возьмем несколько отрывков из известных фильмов. Например, отрывок из фильма Роберта Земекиса “Назад в Будущее”:

Barman: Are you going to order something, kid?

Marty McFly: Yeah, give me a Tab.

Barman: Tab? I can't give you tab unless you order something.

Marty McFly: Right, give me a Pepsi Free.

Barman: You want Pepsi, pal, you're going to pay for it.

Marty McFly: Look, just give me something without any sugar in it, OK? [Back to the future].

В качестве основы игры слов в примере используется существительное «Tab», что является наименованием известного в США в 80-х годах безалкогольного напитка. Юмор строится за счет схожести данного названия с его полным омонимом, в данном контексте имеющим значение «счет». По такому же принципу строится вторая шутка, также указанная в представленном выше отрывке. Только в этот раз это сочетание двух созвучных друг другу слов «free» и «Pepsi Free» – названия еще одного популярного в США напитка. В первом случае слово “free” передает значение “бесплатный”. Во втором случае “free” означает “без сахара”. Комический эффект обоих каламбуров достигается за счет того, что в 50-е годы, куда попадает главный герой фильма, не существовало одного из слов или значений, используемых для их создания.

Ср.: Бармен: Ты будешь что-нибудь заказывать, парень?

Мартин Макфлай: Да, дайте мне что-нибудь.

Бармен: Что-нибудь? Ну, что тебе дать? Заказывай.

Мартин Макфлай: Дайте мне «Пепси».

Бармен: Что значит дайте? Не дайте, а продайте. Заплати!

Мартин Макфлай: Ну, продайте мне что-нибудь, где мало сахара.

В данном случае переводчик использовал прием компенсации. К сожалению, оригинальный каламбур не был сохранен. Однако

переводчик придумал иной способ передать игру слов, создав новую языковую игру, компенсировав это созданием новой ситуации. Из человека, использующего слова, имеющие в его времени другое значение, Марти стал человеком, страдающим легкой косноязычностью, и, растерявшись, использовал не совсем уместные при разговоре слова. Тем не менее, более удачно перевести этот диалог скорее всего было нельзя, учитывая, что шутки переводчику пришлось придумывать с нуля.

Другой пример из сериала “Теория Большого Взрыва”, ср.:

Sheldon: You don't get it, Leonard. I'm going to miss so much the unified field theory, cold fusion, the dogapus.

Leonard: What's a dogapus?

Sheldon: The hybrid dog and octopus. Man's underwater best friend [ТВБТ Sheldon].

Для данной языковой игры был специально придуман неологизм, построенный на основе соединения слов «dog» («собака») с одним из корней слова «octopus» («осьминог»). Шелдон – второй ключевой персонаж сериала, склонный к экстравагантному поведению, выдвинул гипотезу о том, что через несколько десятков лет развитие науки и техники достигнет такого прогресса, что человек сможет сделать себя бессмертным. Подобная гипотеза привела к умозаключению, что в будущем будет возможно создать гибрид собаки и осьминога, который сможет стать подарком на трехсотлетний юбилей. Данная игра слов, по сравнению с предыдущим, не представляет особой трудности для перевода и позволяет воспользоваться приемом калькирования или компенсации:

Шелдон: Ты не понимаешь, Леонард. Я столько всего пропусти: единую теорию поля, холодный ядерный синтез, песенного.

Леонард: Песенного?

Шелдон: Это гибрид собаки и осьминога. Лучший подводный друг человека.

Переводчику удалось сохранить изначальный комический эффект, который производит оригинальная языковая игра, и даже сохранить форму оригинального каламбура.

Следующий пример из популярной американской комедии 1994 г. «Тупой и еще тупее», каламбур в котором был основан на

категории паронимии, ср.:

Lloyd: Excuse me. Could you tell me how to get to the medical school? I'm supposed to be doing a lecture in about 20 minutes, and my driver's a bit lost.

Woman: You go straight ahead, and, uh, you make a left over the bridge.

Lloyd: That's a lovely accent you have. New Jersey?

Woman: Austria.

Lloyd: Austria! Ha ha! Well, then... G'day, mate. Let's put another shrimp on the barbie.

Woman: Let's not [Dumb & Dumber].

Главный герой фильма Ллойд уточняет у девушки, где находится остановка и как до неё доехать. Девушка разговаривает с сильным немецким акцентом, из-за чего Ллойд поинтересовался, откуда она родом. Узнав, что девушка приехала из Австрии, Ллойд, будучи человеком не особенно умным, обращается к девушке с распространенным австралийским приветствием и предлагает ей пожарить на гриле креветки, что является популярным видом отдыха в Австралии. Паронимы «Austria» / «Australia» не представляют трудности при переводе, трудность перевода в другом. Дело не в том, что русский зритель в большинстве своем не знает культуру Австралии. Самая главная проблема в физической невозможности передать на русский язык австралийский акцент:

Ллойд: Извините, не скажете, как проехать к медицинскому колледжу? У меня лекция через двадцать минут, а мой шофер заблудился.

Девушка: Езжайте прямо, а потом поверните налево, за мостом.

Ллойд: Какой милый акцент. Нью-Джерси?

Девушка: Австрия.

Ллойд: Австрия? Надо же. Здорово, гуру, а не поджарить ли нам кенгуру?

В данном случае переводчик вместо комментария использовал прием компенсации, заменив одну реалию другой путем введения нового образа, а именно, образа «кенгуру», что дает возможность зрителю понять, что герой перепутал Австрию с

Австралией. Слово «гуру» в данном случае не несет никакой смысловой нагрузки и используется в качестве рифмы к слову «кенгуру», что усиливает комический эффект каламбура.

Подводя итоги, следует сказать следующее. Главная задача перевода заключается в том, чтобы достигать взаимопонимания между носителями различных языков. Для того, чтобы его достичь, нужно, чтобы перевод сохранил эквивалентность и обязательно был адекватным. При этом адекватность в переводе всегда более предпочтительна, чем эквивалентность. Если у переводчика встал выбор между адекватностью и эквивалентностью, переводчику следует выбрать первое. Но это обязательно только в том случае, если у переводчика нет выбора, потому что если есть возможность сохранить и эквивалентность, и адекватность, то желательно добиться того, чтобы в тексте сохранились обе категории. В противном случае, переводчику необходимо пожертвовать первым в угоду второму. Таким образом, адекватность – это одно из ключевых понятий переводоведения, которое определяется как максимальное стилистико-содержательное соответствие перевода оригиналу. Несмотря на то, что переводчику постоянно приходится выбирать между эквивалентностью и адекватностью, как правило, именно из адекватности рождается эквивалентность. Таким образом, для создания эквивалентного перевода переводчик подбирает адекватный способ перевода. Языковая игра основана на целенаправленном нарушении норм языка для того, чтобы создать комический эффект. Её концепция подразумевает плюрализм значений, который позволяет использовать эффект неожиданности, придавая слову значение, которое, по правилам языка, оно иметь не должно. Когда читатель находит игру слов, он получает эстетическое удовольствие от выявления каламбура и того, как он меняет восприятие предложения, Языковая игра включает в себя большое разнообразие приемов. Для перевода языковой игры от переводчика требуется быть эрудированным и сообразительным, поскольку присутствие эквивалента в языке перевода почти всегда маловероятно. Зачастую приходится использовать воображение и создавать игру слов или опускать ее, чтобы сохранить адекватность в переводе, поскольку каламбур слишком сложный для перевода, или его

вовсе нельзя перевести даже методом компенсации (так называемая непереводаемая игра слов).

Литература

Бархударов Л. С. Язык и перевод. М.: Международные отношения, 1975. – 240 с

Вайнрайх В. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования: монография. М.: Едиториал УРСС, 2000.

Валеева Н. Г. Национально-культурный компонент когнитивной деятельности этноса и проблемы перевода // Вестник МГЛУ. – 2014. – Выпуск 561. – С. 55-70

Виноградов В. В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. – 240 с.

Влахос С. И. Непереводаемое в переводе / С. И. Влахос, С.П. Флорин. М.: Международные отношения, 1980. – 342 с.

Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: 1999. – 424 с.

Норман Б.Ю. Игра на гранях языка. – 2-е изд. М. : Флинта : Наука, 2012. - 344 с.

Нухов С. Ж. Языковая игра в словообразовании: автореф. дис. на соис. учен. степени док. филол. наук. М., 1997. 39 с.

Back to the future [Электронный ресурс] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=m-rihCFNsQ> (accessed 22.02.2022)

Cambridge Dictionary [Электронный ресурс] URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C/%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%BE-%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/ambiguous> (дата обращения 22.02.2022)

Dumb & Dumber [Электронный ресурс] URL: https://www.youtube.com/watch?v=XYZ6_n7Mpb0 (accessed 22.02.2022)

Leech G. N. 1968. A Linguistic Guide to English Poetry. London: Longman – 205 p.

Quora [Электронный ресурс] URL: <https://www.quora.com/How-can-we-rewrite-The-chicken-is-ready-to-eat-correcting-all-ambiguities-in-it#:~:text=%E2%80%9CThe%20chicken%20is%20ready%20to%20eat%22%20is%20a%20sentence%20you,to%22%20would%20be%20best%20avoided.> (accessed 22.02.2022)

Stanford Encyclopedia of Philosophy: Ambiguity [Электронный ресурс] URL: <https://stanford.library.sydney.edu.au/archives/sum2011/entries/ambiguity/>

(accessed 22.02.2022)

Stylistics: Past, Present, and Back to Front Paul Simpson, Lyon, 2008
[Электронный ресурс] URL: <https://slideplayer.com/slide/10380365/> (accessed 22.02.2022)

TBBT Sheldon [Электронный ресурс] URL:
<https://www.youtube.com/watch?v=jFB2QDNswmE> (accessed 22.02.2022)

Tommy Cooper Quote: [Электронный ресурс] URL:
<https://quotefancy.com/quote/1145682/Tommy-Cooper-You-know-somebody-actually-complimented-me-on-my-driving-today-They-left-a>
(accessed 22.02.2022).

Yule G. 1996. *Pragmatics*. Oxford: Oxford University Press – 138 p.

REFERENCES

Barhudarov L. S. *Yazyk i perevod*. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1975. – 240 s

Vajnrakh V. *Yazykovye kontakty. Sostoyanie i problemy issledovaniya: monografiya*. M.: Editorial URSS, 2000.

Valeeva N. G. Nacional'no-kul'turnyj komponent kognitivnoj deyatel'nosti etnosa i problemy perevoda // *Vestnik MGLU*. – 2014. – Vypusk 561. – S. 55-70

Vinogradov V. V. *O teorii hudozhestvennoj rechi*. M.: Vysshaya shkola, 1971. – 240 c.

Vlahov S. I. *Neperevodimoe v perevode / Ч. I. Vlahov, S.P. Florin*. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1980. – 342 s.

Komissarov V. N. *Sovremennoe perevodovedenie*. M.: 1999. – 424 c.

Norman B.YU. *Igra na granyah yazyka*. – 2-e izd. M. : Flinta : Nauka, 2012. - 344 s.

Nuhov S. ZH. *Yazykovaya igra v slovoobrazovanii: avtoref. dis. na sois. uchen, stepeni dok. filol. nauk*. M., 1997. 39 s.

Back to the future [Elektronnyj resurs] URL:
<https://www.youtube.com/watch?v=m-rihCFNsqq> (accessed 22.02.2022)

Cambridge Dictionary [Elektronnyj resurs] URL:
<https://dictionary.cambridge.org/ru/ambiguous> (data obrashcheniya 22.02.2022)

Dumb & Dumber [Elektronnyj resurs] URL:
https://www.youtube.com/watch?v=XYZ6_n7Mpb0 (accessed 22.02.2022)

Leech G. N. 1968. *A Linguistic Guide to English Poetry*. London: Longman – 205 p.

Quora [Elektronnyj resurs] URL: <https://www.quora.com/How-can-we-rewrite-The-chicken-is-ready-to-eat-correcting-all-ambiguities-in->

it#:~:text=%E2%80%9CThe%20chicken%20is%20ready%20to%20eat%22%20is%20a%20sentence%20you,to%22%20would%20be%20best%20avoided. (accessed 22.02.2022)

Stanford Encyclopedia of Philosophy: Ambiguity [Elektronnyj resurs] URL:

<https://stanford.library.sydney.edu.au/archives/sum2011/entries/ambiguity/> (accessed 22.02.2022)

Stylistics: Past, Present, and Back to Front Paul Simpson, Lyon, 2008 [Elektronnyj resurs] URL: <https://slideplayer.com/slide/10380365/> (accessed 22.02.2022)

TBBT Sheldon [Elektronnyj resurs] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jFB2QDNswmE> (accessed 22.02.2022)

Tommy Cooper Quote: [Elektronnyj resurs] URL: <https://quotefancy.com/quote/1145682/Tommy-Cooper-You-know-somebody-actually-complimented-me-on-my-driving-today-They-left-a> (accessed 22.02.2022).

Yule G. 1996. Pragmatics. Oxford: Oxford University Press – 138 p.

©Волков Е.Е., 2022

Волков Егор Евгеньевич – копирайтер.
Адрес: 634061, г. Кемерово, ул. Герцена, д. 54а.
E-mail: perevodovedych@gmail.com

Volkov Egor Evgenievich –
copywriter.
Address: 634061, Kemerovo,
st. Herzen, d. 54a/

Е.А. ГОЛОСОВА

г. Москва, Россия

ekaterina.golosova@yandex.ru

УДК81'42:821.161.1-31(Дашевская Н. С.)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СТИЛИСТИЧЕСКИ СНИЖЕННОЙ ЛЕКСИКИ В ПОВЕСТЯХ «ВИЛЛИ» И «ДЕНЬ ЧИСЛА ПИ» Н.С. ДАШЕВСКОЙ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о функционировании лексики сниженной стилистической окраски в произведениях современной популярной детской и подростковой писательницы Н.С. Дашевской. Слова разговорного стиля, просторечия, бранные слова употребляются с целью привлечения внимания читателя к близкому ему по возрасту герою. В тексте такие слова являются преимущественно самохарактеристиками героя, отправными точками его рефлексии. Сложный путь осмысления своего места в мире благодаря участию близких приводит героя к выводам о неоправданности заниженной самооценки и необходимости отталкиваться от представления о себе как абсолютной точке отсчета. Терапия дружбы и поддержки со стороны друзей и близких диктует выбор иных лексем в речи вообще и самохарактеристике в частности, при этом в повестях, адресованных читателям разных возрастов, ключевые этапы самоопределения различаются в силу индивидуальных характеристик персонажей. В статье выявлены некоторые особенности идиостиля Н.С. Дашевской, принадлежащие различным уровням разработанной Ю.Н. Карауловым модели структуры языковой личности: слова сниженного стилистического регистра, концепт *ты – это ты*, интенция поддержки читателя.

Ключевые слова: идиостиль, структура языковой личности, речевые характеристики, разговорная лексика, просторечие, интенция, язык литературы youngadult, Н.С. Дашевская, русская литература, русские писательницы, литературное творчество, литературные жанры, литературные герои, литературные сюжеты, повести.

GOLOSOVA EKATERINA A.

Moscow, Russia

**THE USAGE OF STYLISTICALLY REDUCED VOCABULARY IN
THE NOVELS "VILLI" AND "THE P-DAY" BY
N.S. DASHEVSKAYA**

Abstract. The article deals with the function of the vocabulary of reduced vocabulary in the works of the modern popular children's and adolescent writer N.S. Dashevskaya. Colloquial style words, colloquialisms, swear words are used in order to attract the reader's attention to a character close to his age. In the text, such words are mainly self-characteristics of the character, the starting points of his reflection. The difficult way of understanding one's place in the world through the participation of loved ones leads the character to conclusions about the unjustifiability of low self-esteem and the need to start from the idea of oneself as an absolute reference point. Friendship and support from friends and relatives dictates the choice of other lexemes in speech in general and self-characterization in particular, while in stories addressed to readers of different ages, the key stages of self-determination differ due to the individual characteristics of the characters. The article reveals some features of the N.S. idiostyle. Dashevskaya, belonging to different levels of the structure of the linguistic personality, developed by Y.N. Karaulov: words of reduced stylistic register, the key concept of *you are you*, the intention of supporting the reader.

Keywords: idiostyle, structure of linguistic personality, speech characteristics, colloquial vocabulary, vernacular, intention, language of literature young adult, texts by N.S. Dashevskaya.

Экспансия разговорной речи в художественной литературе, адресованной детям и подросткам, находит свое выражение в текстах различных современных писателей, в том числе в повестях Н.С. Дашевской.

Основной причиной включения в текст разговорных лексических, синтаксических и иных языковых единиц является ориентированность писательницы на звучащую речь: «Меня больше всего волнует... поиск интонации. <...> И хочется ее найти, чтобы было ощущение, что это... говорит живой человек» [Дашевская 2019 URL]. Разговорные элементы придают монологической речи персонажей окраску непринужденности и, как и

повествование от первого лица, преимущественно используемое Н.С. Дашевской в повестях, позволяют сократить внутреннюю дистанцию между читателем и героем, с которым он зачастую соотносит себя в силу близости по возрасту. Читатель проникается сочувствием к герою, примеряет на себя ситуации, в которых персонаж оказывается в ходе развертывания сюжета.

Вместе с тем в повестях Н.С. Дашевской, адресованных читателям в том числе младшего школьного возраста, встречаются также просторечные и бранные слова. Заметим, что вслед за Г.Н. Складневской и И.Н. Шмелевой мы рассматриваем просторечия как лексемы, характеризующиеся большей степенью сниженности, чем собственно разговорные элементы, также принадлежащие к лексике, функционально связанной с некодифицированной формой литературного языка [Складневская, Шмелева 1974: 91].

Так, в повести «Вилли» [Дашевская 2018], рассчитанной на чтение детьми младшего школьного возраста, встречаются лексемы *дурак* (5 вхождений; и производные от неё: *дурачок* – 2 вх., *дурацкий* – 4 вх.), *псих* (3 вх.), *странный* (7 вх., *странно* – 13 вх.), *сумасшедший* (4 вх., *сумасшедшие* – 2 вх.). Составители словарей расходятся в стилевой характеристике данных лексем, что является следствием подвижности границ дозволенного и недозволенного в речи, большого влияния фактора субъективности при оценке стилистических характеристик лексических средств. В этой связи отметим также переходный характер многих единиц, оценка которых как находящихся внутри или вне поля допустимого в письменной и устной речи в ряде случаев обусловлена особенностями восприятия реципиента и характеристикой условий речевого акта в целом.

В словаре С.И. Ожегова лексемы *дурак* [Ожегов 1989: 148] и *странный* [Ожегов 1989: 630] не имеют стилевых помет. Отметим, что единственным значением лексемы *странный*, по С.И. Ожегову, является 'необычный, непонятный, вызывающий недоумение'. Лексема *псих* сопровождается пометой *прост.* (просторечное) [Ожегов 1989: 513]. Употребление лексемы *сумасшедший* в прямом значении ('страдающий психическим, душевным расстройством') не охарактеризовано стилистически.

Употребление данной лексемы в значении ‘предназначенный для душевнобольных’ и переносном значении ‘крайний, исключительный (по величине, степени и т.п.)’ сопровождается пометой *разг.* (разговорное) [Ожегов 1989: 636].

В «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С.А. Кузнецова (далее – БТС) лексема *дурак* в значении ‘глупый, тупой человек’ помечена как слово, употребляемое бранно, а употребление в значении ‘чудаковатый человек, отвергающий житейскую мудрость; юродивый’ признается разговорным. Не имеют стилистических помет значения ‘в старину: придворный или домашний шут, развлекавший господ’ и ‘название карточной игры’. Лексема *странный*, согласно указанному словарю, кроме употребления в значении ‘вызывающий недоумение, удивление своей необычностью’, может использоваться как разговорное слово в значении ‘ведущий себя необычным образом; ненормальный’. Лексема *псих* (‘психически неуравновешенный или больной человек’) приведена с пометой *разг.-сниж.* В рассматриваемом словаре зафиксировано 6 значений лексемы *сумасшедший*, среди которых как стилистически нейтральные значения: ‘страдающий душевным, психическим расстройством; умалишенный’, ‘свойственный душевнобольным; такой, как у душевнобольных’, ‘лишенный здравого смысла, безрассудный, безумный’, так и разговорные: ‘предназначенный для душевнобольных’, ‘утративший способность здраво рассуждать, поступающий необдуманно, безрассудно; свойственный безрассудному человеку’, ‘чрезвычайный, исключительный по величине, силе, степени проявления’ [БТС 1998 URL].

Отметим значительно большую частотность рассматриваемых лексем в повести Н.С. Дашевской «День числа Пи» [Дашевская 2020], предназначенной для чтения детьми среднего и старшего школьного возраста. Так, лексема *дурак* встречается в тексте 12 раз, в том числе 1 раз в составе фразеологизма *валять дурака* [Дашевская 2020: 69]. Кроме того, фиксируется 4 вхождения производной лексемы *дурацкий*. Лексема *псих* обнаруживается в повести 18 раз, *странный* – 23 раза, производные *странно* и *странности* имеют 2 и 1 вхождение соответственно. Употребление в повести лексемы *сумасшедший* (4 вх.) поддер-

жано использованием её производной – лексемы *сумасшедшее* (1 вх.).

Кроме того, в повести «День числа Пи» встречаются лексемы, не применяемые автором в повести «Вилли». Так, читатель обнаруживает в тексте лексемы *идиот* (6 вх.), *придурак* (3 вх.) и *урод*. Последняя имеет 4 вхождения в текст, в том числе в составе эвфемизма: *Это слово похоже на птицу, на «удода»*. Только *вторая буква – «р»* [Дашевская 2020: 22]. Как и в отношении стилистической характеристики проанализированных выше лексем, составители словарей расходятся во мнении о стилистической маркированности данных слов. Лексема *идиот* во втором значении ('глупый человек, тупица, дурак') снабжена пометами *разг., бран.* в словаре С.И. Ожегова [Ожегов 1989: 194] и пометой *бранно* в БТС (также второе значение: 'дурак, болван, тупица'). Лексема *придурак* не фиксируется в словаре С.И. Ожегова, лексема *урод* ни в одном из значений не сопровождается стилистическими пометами [Ожегов 1989: 684]. Согласно БТС, лексема *придурак* употребляется как слово разговорное, сниженное, о чем свидетельствует помета *разг.-сниж.*; лексема *урод* в значениях 'человек с некрасивой внешностью' и 'о человеке с какими-л. дурными свойствами характера, странностями в поведении и т.п.' употребляется разговорно, в значении 'о ком-л., вызвавшем неудовольствие, раздражение, гнев' – бранно [БТС 1998 URL].

На основе приведенных данных о частотности употребления стилистически негативно окрашенных лексем можно утверждать, что Н.С. Дашевская допускает использование в тексте стилистически сниженных слов, устанавливая градацию в отношении их частотности в зависимости от возраста потенциального читателя. Во-первых, данная закономерность связана, на наш взгляд, с отражением реальной ситуации: речь подростков сильнее подвержена засорению в сравнении с речью детей младшего возраста. Текст повести отражает проникновение в речевые партии героев повестей – подростков откровенно бранных слов. Во-вторых, помимо отражения реальной ситуации, связанной с речевым портретом современного ребенка (в широком смысле слова), широко используемое включение слов сни-

женного стилистического регистра провоцирует читателя на прочтение произведения. Заметим, что данный прием частотен в творчестве Н.С. Дашевской также в других повестях: название повести «Я не тормоз» [Дашевская 2017], название одной из глав повести «Вилли» – «*Меня назвали дураком*» [Дашевская 2018: 89]. В-третьих, как уже было замечено, одной из целей писательницы является сокращение дистанции между образом главного героя и представлением о себе в сознании читателя. Таким образом, функционально оправданное использование разговорных, просторечных и иных слов данной стилистической окраски является одной из идиостилевых черт автора и непосредственно связано с ориентированностью Н.С. Дашевской на звучащее слово, реальную речь детей и подростков. Заметим, что под идиостилем, вслед за В.В. Леденевой, мы понимаем «индивидуально устанавливаемую языковой личностью систему отношений к разнообразным средствам и способам автопрезентации» [Леденева 2001: 12].

Расценивая широкое применение героями произведения слов сниженной стилистической окраски как «симптом» нездорового духовного состояния, зададимся вопросом о характеристике «клинической картины» современного состояния детского общества в целом. Очевидно, пик использования указанных языковых единиц неслучайно приходится на подростковый возраст героев повестей Н.С. Дашевской.

Значительное количество вхождений элементов сниженной лексики приходится на характеристику персонажами друг друга и на их самохарактеристику. Иными словами, через «примиривание» на себя и окружающих прозвищ, ругательств, иных слов, вызывающих эмоциональную реакцию, происходит прощупывание личных границ себя и другого, поиск точной самохарактеристики (в ряде случаев – поиск «от противного»), сопоставление себя с друзьями и врагами или противопоставление коллективу ровесников. В поисках такой точки отсчета Лёва Иноземцев из «Дня числа Пи» обращается к лексеме *псих*, приписываемой ему в качестве характеристики одноклассниками: *Никто не понял, кроме меня. Это значит, я псих, да? Я и учитель, нас двое. Что ж, тогда я не хочу быть нормальным* [Дашевская

2020: 6]. На этапе антагонизма с ним Кирилл Комлев заявляет: *Я раньше на него злился за то, что он позволяет себе быть психом. А я, может, тоже такой! Но мне нельзя* [Дашевская 2020: 117]. Принимая как данность соответствие или несоответствие приписываемым (иногда себе самим) номинациям, герои тем самым вступают в сложную систему сопоставленности друг с другом или противопоставления один другому в восприятии читателя. Кажущееся смирение с негативной характеристикой оборачивается духовной зрелостью, стойкостью, самопринятием; отторжение негативной характеристики, по мысли автора, в случае с Кириллом Комлевым оказывается признанием своей слабости, неготовности отстаивать свое право на самоопределение и независимость от мнения большинства.

В силу возраста для главного героя повести «Вилли» такая сепарация носит, скорее, внешний характер: *Какая теперь разница. Пришёл и сел на последнюю парту. Один. Потому что моё место было занято* [Дашевская 2018: 82]. *Вам вроде и нормально там было без меня* [Дашевская 2018: 89]. Ср. фразеологизм *занять место* – разг. ‘заменять кого-либо’ [Федоров 2008 URL]. Проблема номинации главного героя повести «Вилли» подробно рассмотрена нами ранее [Голосова 2021 URL].

Таким образом, использование лексики стилистически сниженного регистра свидетельствует о неустойчивом душевном состоянии героя повести, остром переживании своего одиночества, боязни самовыражения, неприятия со стороны коллектива.

Тем не менее, Н.С. Дашевская, одной из основных интенций которой является поддержка героя, а значит, и ассоциирующего себя с героем читателя, в его взрослении, предлагает универсальный рецепт, позволяющий найти необходимую в душевных исканиях точку опоры. Ключевыми фразами «терапевтического действия» в обеих повестях оказываются фразы-тождества *ты – это ты*: *У тебя хороший друг, Севка. Очень хороший. Но ты – это ты* [Дашевская 2018: 91]; *Зачем ты вообще сравниваешь? Ты – это ты. Я же, скажем, не пишу ни музыки, ни стихов. И что мне теперь, страдать своей неполноценностью?* [Дашевская 2020: 193]. Заметим, что в обоих случаях формула, предлагающая обратиться к себе как точке отсчета, началу координат,

произносится девочкой, влюбленной в главного героя (Августинной – в «Вилли», Соней – в «Дне числа Пи»). Таким образом, значимый ровесник – девочка-друг – помогает уйти в общении и саморефлексии от лексем сниженной стилистической окраски и продолжить поиски самоопределений в области нейтральной лексики. Указанная прономинативная формула, схожая по строению с бисубстантивными предложениями [Герасименко 1999], по сути представляет собой значимое генерализованное высказывание, являющееся стереотипным в рамках тезаурусного уровня структуры языковой личности Н.С. Дашевской [Караулов 2003: 56].

Данная формула позволяет главному герою обрести внутреннее спокойствие, доверие к собственному опыту саморефлексии. Результатом становится принятие Севкой себя как части коллектива в повести «Вилли», преодоление разобщенности между Кириллом Комлевым и Львом Иноземцевым в повести «День числа Пи», что на лексическом уровне проявляется в частотности использования Н.С. Дашевской языковых единиц лексико-семантического поля *дружба: Мы с твоим Лёвой теперь... ну, вроде друзья* [Текст 2020: 192] и др.

Таким образом, использование стилистически сниженной лексики в произведении является функционально оправданным средством воссоздания речевого портрета героя, позволяющим охарактеризовать многомерность его исканий на определенном, достаточно непродолжительном этапе взросления. Поддержка близких и связанный с ней отказ от характеристик и самохарактеристик, принадлежащих сфере лексики сниженного стилистического регистра, становятся следующим этапом в становлении героя и читателя, поддержка которого на пути взросления является одной из ключевых интенций Н.С. Дашевской.

Литература

Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов ; РАН, Ин-т лингвист. исслед. Санкт-Петербург : Норинт, 1998. – 1535 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>

Герасименко Н.А. Бисубстантивный тип русского предложения: Монография. М.: Изд-во МПУ «Сигнал», 1999. – 136 с.

Голосова Е.А. Идиостилевые особенности использования антропонимов в повести Н. С. Дашевской «Вилли» // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 4 (27). С. 75-85. [Электронный ресурс]. URL: <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-75-85> (Дата обращения 27.02.2022.)

Дашевская Н.С. Вилли : [для мл. шк. Возраста : 0+]; ил. Евгении Двоскиной. – 3-е изд., стереотип. М. : КомпасГид, 2018. – 112 с. : ил.

Дашевская Н.С. День числа ПИ [Текст]. М. : Самокат, 2020. – 200 с.

Дашевская Н.С. Писатель Нина Дашевская: В каждом герое есть кусочек себя – ни один не получился окончательно плохим. Я не умею создавать отрицательных героев // Сайт otr-online.ru. 28 сентября 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://otr-online.ru/programmy/figura-rechi/pisatel-nina-dashevskaya-v-kazhdom-geroe-est-kusochek-sebya-poetomu-ni-odin-ne-poluchilsya-okonchatelno-plohim-ya-ne-umeyu-sozdavat-otricatelnyh-geroev-mozhet-byt-eto-minus-38777.html> (Дата обращения 27.02.2022.)

Дашевская Н.С. Я не тормоз : [Текст] : [повесть : для среднего и старшего школьного возраста]. М.: Самокат, 2017. – 156 с.

Караулов Ю.Н. Лингводидактическое представление языковой личности и её структура // Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2003. С. 48-58.

Леденева В.В. Идиостиль как система отношений // Вестник ТГУ. 2001. №5. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/idiostil-kak-sistema-otnosheniy> (Дата обращения: 28.02.2022.)

Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. – 20-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1989. 750 с.

Скляревская Г.Н., Шмелева И.Н. Разговорно-просторечная и областная лексика в словарях и в современном русском языке // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М., 1974. С. 88-94.

Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: Ок. 13000 фразеологических единиц. – 3-е изд., испр. М.: АСТ : Астрель, 2008. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.endic.ru/rusphrase/Zanimat-mesto-8038.html> (Дата обращения 28.02.2022.)

REFERENCES

Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka / sost. i gl. red. S. A. Kuznecov ; RAN, In-t lingvist. issled. Sankt-Peterburg : Norint, 1998. – 1535 s. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>

Gerasimenko N.A. Bisubstantivnyj tip russkogo predlozheniya: Monografiya. M.: Izd-vo MPU «Signal'», 1999. – 136 s.

Golosova E.A. Idiostilevye osobennosti ispol'zovaniya antroponimov v povesti N. S. Dashevskoj «Villi» // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2021. № 4 (27). S. 75-85. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-75-85> (Data obrashcheniya 27.02.2022.)

Dashevskaya N.S. Villi : [dlya ml. shk. Vozrasta : 0+]; il. Evgenii Dvoskinoy. – 3-e izd., stereotip. M. : KompasGid, 2018. – 112 s. : il.

Dashevskaya N.C. Den' chisla PI [Tekst]. M. : Samokat, 2020. – 200 s.

Dashevskaya N.S. Pisatel' Nina Dashevskaya: V kazhdom geroe est' kusoček sebya – ni odin ne poluchilsya okonchatel'no plohim. YA ne umeyu sozdat' otricatel'nyh geroev // Sajt otr-online.ru. 28 sentyabrya 2019 g. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://otr-online.ru/programmy/figura-rechi/pisatel-nina-dashevskaya-v-kazhdom-geroe-est-kusochek-sebya-poetomu-ni-odin-ne-poluchilsya-okonchatelno-plohim-ya-ne-umeyu-sozdat-otricatelnyh-geroev-mozhet-byt-eto-minus-38777.html> (Data obrashcheniya 27.02.2022.)

Dashevskaya N.S. YA ne tormoz : [Tekst] : [povest' : dlya srednego i starshego shkol'nogo vozrasta]. M.: Samokat, 2017. – 156, [1] s.

Karaulov YU.N. Lingvodidakticheskoe predstavlenie yazykovoj lichnosti i eyo struktura // Karaulov YU.N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'. M., 2003. S. 48-58.

Ledeneva V.V. Idiostil' kak sistema otnoshenij // Vestnik TGU. 2001. №5. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/idiostil-kak-sistema-otnosheniy> (Data obrashcheniya: 28.02.2022.)

Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka: Ok. 57 000 slov / Pod red. chl.-korr. AN SSSR N.YU. SHvedovoj. – 20-e izd., stereotip. M.: Rus. yaz., 1989. 750 s.

Sklyarevskaya G.N., SHmeleva I.N. Razgovorno-prostorechnaya i oblastnaya leksika v slovaryah i v sovremenном russkom yazyke // Voprosy istoricheskoy leksikologii i leksikografii vostochnoslavjanskih yazykov, – M., 1974. S. 88-94.

Fedorov A.I. Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka: Ok. 13000 frazeologicheskikh edinic. – 3-e izd., ispr. M.: AST : Astrel',

2008. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.endic.ru/rusphrase/Zanimatmesto-8038.html> (Data obrashcheniya 28.02.2022.)

©Голосова Е.А., 2022

Голосова Екатерина Александровна – аспирант кафедры современного русского языка имени профессора П.А. Леканта. Московский государственный областной университет (Москва, Россия).

Адрес МГОУ: 141014, Московская область, г.Мытищи, ул.Веры Волошиной, д.24

E-mail: ekaterina.golosova@yandex.ru

Golosova

EkaterinaAleksandrovna – Postgraduate at the Department of Modern Russian Language named after P . Lekant. Moscow Region State University (Moscow, Russia).

С.А. ЕРЁМИНА

г. Екатеринбург, Россия

swegle@yandex.ru

УДК 81'255.2:821.161.1-1

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА СТИХОТВОРНОГО ТЕКСТА: ЧИТАЕМ ПУШКИНА ПО-АНГЛИЙСКИ

Аннотация. До недавнего времени среди западноевропейских филологов существовало мнение о непереводимости творчества А.С. Пушкина. Среди английских переводов пушкинских текстов есть переводы низкого качества, но существуют и достойные английские переводы лирики и драматургии великого русского поэта, воспринимающиеся как стилистические и смысловые аналоги пушкинских произведений и должным образом передающие их акустические, морфологические, лексические и синтаксические особенности. Цель работы состояла в ходе исследования текста английского перевода «Сказки о мертвой царевне и семи богатырях» показать приемы и средства, которые использует переводчик для передачи замысла поэта. В статье дан комментарий к просодическим, синтаксическим, лексическим и стилистическим свойствам текста оригинала и англоязычного перевода, отмечены культурно значимые мотивы, лежащие в основе сказки А.С. Пушкина. При работе с текстом использовался метод «двустороннего перевода». Итогом исследования стало убеждение в том, что существует возможность создавать качественные переводы произведений поэта. Адекватное восприятие и интерпретация художественного текста с ярко выраженной фольклорной составляющей возможны, если переводчик обладает достаточной эрудицией и талантом сотворчества с классиком.

Ключевые слова: сказки, художественный перевод, переводная литература, транслатор, фольклор, устаревшая лексика, архаическая лексика, методы перевода, поэтические тексты, стихотворения, английский язык, русская поэзия, русские поэты, поэтическое творчество, поэтические жанры, поэтические переводы.

EREMINA SVETLANA A.

Yekaterinburg, Russia.

**THE PROBLEM OF TRANSLATING A POETIC TEXT:
READING PUSHKIN IN ENGLISH**

Abstract. Until recently, there was an opinion among Western European philologists about the untranslatability of A.S. Pushkin. Among the English translations of Pushkin's texts there are translations of low quality, but there are also worthy English translations of the lyrics and dramaturgy of the great Russian poet, which are perceived as stylistic and semantic analogues of Pushkin's works and properly convey their acoustic, morphological, lexical and syntactic features. The purpose of the work was to show the methods and means used by the translator to convey the poet's intention in the course of studying the text of the English translation of "The Tale of the Dead Princess and the Seven Bogatyrs". The article provides a commentary on the prosodic, syntactic, lexical and stylistic properties of the original text and the English translation, highlights the culturally significant motifs underlying A.S. Pushkin. When working with the text, the method of "two-way translation" was used. The result of the study was the conviction that it is possible to create high-quality translations of the poet's works. Adequate perception and interpretation of a literary text with a pronounced folklore component is possible if the translator has sufficient erudition and the talent for co-creation with the classic.

Keywords: literary text, fairy tale, translation, translator, folklore, obsolete, archaic vocabulary, method of "two-way translation".

До недавнего времени за рубежом творчество А.С. Пушкина оставалось недооцененным и малоизвестным. Западные исследователи упрекали Пушкина в подражательности западноевропейским писателям. Англосаксонские авторы, в частности Джон Бейли, указывали на литературное влияние со стороны Шекспира, Байрона и Вальтера Скотта и называли Пушкина не гением, а Протеем [Григорьев 1974: 225].

С.Г. Тер-Минасова объясняет непонимание Пушкина Западом «непереводимостью поэзии вообще и пушкинской в особенности» [Тер-Минасова 2014: 146]. Исследователь отмечает, что «Пушкин – глубоко народный, национальный писатель, он гений, воплотивший русский дух, русскую душу. А гений и душа – понятия, не поддающиеся рациональному, научному описанию и изучению, и поэтому загадку Пушкина нельзя разгадать, как нельзя «понять умом» ни Россию, ни ее народ, ни ее великого поэта» [Тер-Минасова 2014: 152].

Невозможно согласиться с такой точкой зрения, так как если мы принимаем непереводимость Пушкина на западноевропей-

ские языки, то должны принять и непереводаемость западных авторов на русский по причине разницы менталитетов и языковых картин мира. Перевод возможен, хотя при переводе на другой языковой код неизбежны потери.

Англоязычные переводчики и литературоведы единодушно признают, что поэтика русского поэта плохо поддается переводу, потому что Пушкин «использует все разнообразие оттенков смысла, которое дают система падежных флексий, а также нефиксированный порядок слов» [Тихомирова 2013: 29]. Ю.А. Тихомирова же отмечает, что ведущие англоязычные трансляторы предпринимают попытки перевести Пушкина так, чтобы произвести на англоязычного читателя эффект, сравнимый с эффектом для русского читателя [Тихомирова 2013: 29]. Ученый выделяет два подхода к репрезентации пушкинской лирики в англоязычной практике перевода: 1) стремление максимально точно передать ритм и музыку стиха, при передаче образов особое внимание к ритмико-мелодическому и фонетико-интонационному воспроизведению; 2) вовлечение современных поэтов в процесс создания своего стихотворения на основе перевода пушкинских стихов [там же: 30]. Такое творчество приводит к курьезам. С одной стороны, происходит намеренное присвоение текста в своих художественных целях, с другой стороны, переводчик осознанно растворяется в иноязычном тексте, пытаясь создать его полноправный репрезентант.

Все вышеизложенное наталкивает на мысль, что настоящий переводчик, трансформируя оригинал любого поэтического произведения, а в данном случае стихи Пушкина, должен находить золотую середину между воспроизведением формы лирического текста и его содержанием.

Переводчик при работе над произведениями А.С. Пушкина сталкивается со следующими трудностями: «Сохранение жанровых характеристик; воспроизведение индивидуального стиля автора оригинала, что можно условно поделить на несколько подпунктов: сохранение стилистики оригинала, сохранение авторских лексических и грамматических особенностей (архаизмы, перевод безэквивалентной лексики, соблюдение стихотворного размера и рифмы); адаптация материала под конкретную

культуру; сохранение национального своеобразия; отражение времени произведения и отражение духа общества того времени, правильная передача главной мысли» [<https://scienceforum.ru/2016/article/2016026470>].

Целью данного исследования является анализ одного из качественных переводов «нерусского» произведения А.С. Пушкина – «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях».

Представляется интересным рассмотреть, какие приемы использует переводчик для сохранения формы и содержания оригинального произведения, какие приемы использует, если адекватный перевод невозможен.

Для анализа был взят англоязычный перевод Оливера Элтона. В переводе на английский сказка о мертвой царевне названа так: «Tale of the dead princess and seven champions» Translated by Oliver Elton.

В ходе анализа использовался метод «двустороннего перевода»; «bidirectional translation» – двусторонний перевод с изучаемого языка на родной (прямой) и наоборот (обратный). Такой перевод позволяет понять, как два разных языка передают одну и ту же идею [<https://storytelling-english.ru/reverse-translation-technique/>].

«Первым и основным требованием, которое следует предъявлять к любым переводам, включая переводы стихотворных текстов...: переводной текст не должен ... входить в противоречие с его просодическими, лексическими, стилистическими, синтаксическими свойствами, так как в противном случае даже при наличии многих буквальных совпадений с подлинником перевод все же будет оставлять после себя впечатление тягостного косноязычия» [Липгарт 2015: 49].

Рассмотрим, как представлены в тексте перевода просодические, синтаксические, лексические и стилистические свойства, характерные для текста оригинала.

1.Рифмовка.

Обратный перевод	Oliver Elton «Tale of the dead princess and seven champions»	А.С. Пушкин «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях»
------------------	--	---

Жил-был король, который отправился в Путь от своей королевы, с которой он расстался; И она одиноко наблюдала за своим королем из окна.	<i>Once there was a king who started <u>Journeying from his queen he parted</u>; And she watched, a lonely thing, At her window for her king.</i>	Царь с царицею простился, В путь-дорогу снаряжился, <i>И</i> царица у окна Села ждать его одна.
--	---	--

А.С. Пушкин использует четырехстопный хорей. 1 и 2 строка: четыре раза ударные чередуются с безударными. 3 и 4 строки: ударных гласных четыре, а безударных три. Эти два вида ритма используются во всей сказке. Рифма смежная и точная. Оливер Элтон вводит также четырехстопный хорей. Но английский стих силлабо-тонический и, кроме учета чередования ударных и безударных слогов, в английском стихосложении учитывается и количество стоп в строке, их может быть до восьми. Но в данном стихотворном тексте удерживается пушкинская ритмика. Основой английского стиха являются протяженность и ударение. Английский язык моносиллабический, в нем много односложных слов, и таким образом стихотворная строка вмещает больше слов и вследствие этого больше образов и понятий (об этом подробно см. И.А. Гальперин «Очерки по стилистике английского языка»). Такую картину мы наблюдаем уже во второй строке текста. Ритм согласуется с содержанием произведения, и мы видим, что стихотворный размер оригинала и перевода коррелируют, что позволило тексту перевода быть эстетически равноценным подлиннику.

2. Грамматика. Синтаксические особенности.

Обратный перевод	Oliver Elton «Tale of the dead princess and seven champions»	А.С. Пушкин «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях»
Ранним утром, вернувшись издалека, где он бродил, Давно ожи-	In the morning early, <u>homing</u> From afar where he was roaming ,	Рано утром гость желанный, День и ночь так долго жданный,

даемый с желанием, Пришел, наконец, король и сир. Ему хватило одного взгляда, чтобы запечатлеть ее; Но она не смогла вынести восторга; Глубоко, тяжело она взглянула; Ближе к часу мессы она умерла.	Long awaited with desire, Came at last the king and sire . Just a look was his to capture; But she could not bear the rapture; Deeply, heavily she signed ; Near the hour of mass, she died .	Издалеча наконец Воротился царь-отец. На него она взглянула, Тяжелешенько вздохнула, Восхищенья не снесла, И к обедне умерла.
--	---	---

Второй отрывок сказки Пушкина представлен распространенными предложениями со свободным порядком слов. Первое четверостишие отмечено рядом определений в постпозиции. Второе четверостишие – распространенное предложение с однородными сказуемыми. В тексте перевода оба четверостишия – это два сложных предложения, что объясняется разной типологической структурой языков. Прилагательным в русском тексте соответствуют причастия в английском, глаголам совершенного вида прошедшего времени соответствуют глаголы в Past Simple. Инверсия английского предложения помогает акцентировать внимание на характеристике героя, а сложные предложения удачно обрисовывают череду событий, обозначенных в русском тексте. Текст перевода не выглядит громоздким. Единственная языковая единица, которую Джон Элтон не перевел, это наречие *тяжелешенько*. В этом случае мы должны учитывать, что суффикс, характерный для русского народного языка, фактически непереволим на английский. Элтон переводит такую языковую единицу двумя наречиями *deeply, heavily*, которые компенсируют в известном смысле значение суффикса –*ешеньк*-.

3. Грамматика. Особенности перевода различных частей речи.

Обратный перевод	Oliver Elton «Tale of the dead princess and seven champions»	А.С. Пушкин «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях»
------------------	--	---

<p>«Зеркало, зеркало, дай мне услышать Ничего, кроме правды, моё дорогое! Скажи мне, я милейшая, прекраснейшая?» Мои румяность и белизна самые редкие?» И зеркало еще отвечает, «Нет, будь уверена, что никто не отрицает, что Ты милейшая, ты прекраснейшая». И самая розовая и самая редкая».</p>	<p>"Mirror, mirror, let me hear Nothing but the truth, my dear! Tell me, am I sweetest, fairest?" Are my red and white the rarest?" And the mirror still replies, "Nay, be sure that none denies Thou art sweetest, thou art fairest." And the rosiest and rarest."</p>	<p>«Свет мой, зеркальце! скажи Да всю правду доложи: Я ль на свете всех милее, Всех румяней и белее?» И ей зеркальце в ответ: «Ты, конечно, спору нет; Ты, царица, всех милее, Всех румяней и белее».</p>
--	---	---

А.С. Пушкин, следуя жанру сказки, использует живой народный говор, он в данном отрывке представлен грамматически, через форму коммуникации *ты-общения*. Д. Элтон, ставя задачу сохранить народный дух, вводит архаическую форму местоимения *ты* – *thou*. В отрывке перевода мы также наблюдаем и использование архаической формы *нет* – *nay* в значении утверждения. В предложении – *Thou art sweetest, thou art fairest* – *Ты есть милейшая, ты есть прекраснейшая* – употреблена архаическая форма глагола *быть* во 2 лице единственного числа простого настоящего времени. Употребление архаической формы глагола компенсирует невозможность передать народно-разговорный стиль, характерный для русских фольклорных текстов. Отметим, что архаическая стилистика сказки, передаваемая особыми формами местоимений, глаголов, частиц и союзов сохраняется на всем протяжении повествования.

4. Наименования, отражающие культуру и быт русского народа

Обратный перевод	Oliver Elton «Tale of the dead princess and seven champions»	А.С. Пушкин «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях»
<p>Путешествуй по всему нашему королевству, Хотя ты охватываешь весь огромный мир, Я несравненная, самая удобная; Я самая красивая из всех. Скажи мне!" И все же зеркало говорило: "Невеста красивее, розовее и встречается реже". Итак, никакой помощи! Далее дама, С самой черной завистью раздосадованная, Швыряет зеркало под скамейки, Зовёт среди своих камеристок Одну Чернавку; велит ей отнести В какое-нибудь глубокое лесное логово Эту принцессу и крепко связать ее Там, Где голодные волки могут найти ее живой Под сосной И сожрать.</p>	<p>Journey all our kingdom over, Though the whole wide world thou cover, I'm the peerless one comfiest; I of all am loveliest. Tell me!" Still the glass said, "Fairer, Rosier is the bride, and rarer." So, no help! The lady next, With the blackest envy vext, Flings the glass beneath the benches, Calls, amongst her chamber-wenches, One Chernavka; bids her bear Into some deep woody lair That princess, and tightly bind her Where the hungry wolves may find her Underneath a pine alive And devour her.</p>	<p>Признавайся: всех я краше. Обойди всё царство наше, Хоть весь мир; мне равной нет. Так ли?» Зеркальце в ответ: «А царевна всё ж милее, Всё ж румяней и белее». Делать нечего. Она, Черной зависти полна, Бросив зеркальце под лавку, Позвала к себе Чернавку И наказывает ей, Сенной девушке своей, Весть царевну в глушь лесную И, связав ее, живую Под сосной оставить там На съедение волкам.</p>

Д. Элтон удачно переводит и понятие, передающее собственно русское явление – *крепостная служанка*. У А.С. Пушкина *сенная девушка* – это *крепостная девушка, горничная*, проживающая в прихожей (*сенях* в народном представлении) [Иллюстрированный словарь 1998: 173]. Элтон выбирает форму *chamber-wench* – *камеристки*, термин французского происхождения, состоит из **chamber (obsolete)** устаревшее и **wench (plural wench)** (*archaic, now dialectal or humorous, possibly offensive*) *девушка* *архаическое*, сегодня *диалектное* или *юмористическое*, возможно *оскорбительное*. *Чернавка* – **Chernavka** переводится как имя собственное.

Vext — еще одно очень старое слово, которое значит «раздражать», а в форме прилагательного – «нервный», архаичная форма выражается простым прошедшем временем и причастием прошедшего времени от *vex* – раздражаясь, досадуя.

5. Непереводимые на другой язык наименования, отражающие культуру народа.

Обратный перевод	Oliver Elton «Tale of the dead princess and seven champions»	А.С. Пушкин «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях»
Как вспышка, скользят дни; юная принцесса все еще выжидает В лесу; не утомителен дом семи чемпионов. Перед рассветом братья по-дружески совершают вылазку верхом; Выходят на воздух, чтобы выстрелить В серокрылую утку; или испытывают, Все ради забавы (ради спорта), свои сухожилия, сбивая верховых сарацин или отру-	Like a flash the days go sliding; Still the young princess is bidding In the wood; not wearisome Is the seven champions' home. Ere the dawn, in friendly rally Out the brethren riding sally; Take an airing, to let fly At the grey -	День за днем идет, мелькая, А царевна молодая Всё в лесу, не скучно ей У семи богатырей. Перед утренней зарею Братья дружною толпою Выезжают погулять, Серых уток

<p>бая башку Какому-нибудь широкоплечему татарину; Или из лесов они истребляют заблудившихся пятигорских черкесов.</p>	<p>winged duck; or try, All for sport, their sinews, dropping Mounted Saracens, or lopping Some broad - shouldered Tartar's pate; Or from woods they extirpate Pyatigorsk Circassians straying.</p>	<p>пострелять, Руку правую потешить, Сорочина в поле спешить, Иль башку с широких плеч У татарина отсечь, Или вытравить из леса Пятигорского черкеса.</p>
---	---	--

А.С. Пушкин в данном отрывке частично объясняет, кто такие **богатыри** и каков род их занятий. Это крепкие, большой силы люди, совершающие вылазки, чтобы сразиться с иноверцами. Если обратиться к толковому словарю С.И. Ожегова, то **Богатырь** – это 1. Герой русских былин, совершающий воинские подвиги. 2. **перен.** Человек очень большой силы, стойкости, отваги [Ожегов, Шведова 2008: 52].

Д.Элтон удачно подбирает эквивалентное слово **champion**. Этимологически слово сочетает в себе и первое и второе значение лексемы **богатырь**. Ср.: From Middle English *champion*, from Old French *champion*, from Medieval Latin *campio* (“combatant in a duel, champion”), from Frankish *kampijō (“fighter”), from Proto-West Germanic *kampijō (“combat soldier”), a derivative of Proto-West Germanic *kampijan (“to battle, to campaign”), itself a derivative of Proto-West Germanic *kamp (“battlefield, battle”), ultimately a borrowing in Proto-West-Germanic from Latin *campus* (“a field, a plain, a place of action”) – Из среднеанглийского *champion*, от старофранцузского *champion*, от средневековой латыни *campio* (“участник поединка, чемпион”), от франкского *kampijō (“боец”), от протозападногерманского *kampijō (“боевой солдат”), производного от протозападногерманского *kampijan (“сражаться, вести кампанию”), само по себе производное от протозападногерманского *kamp (“поле битвы, бит-

ва”), в конечном счете заимствованного в протозападногерманском из латинского *campus* (“поле, равнина, место действия”). Современный смысл слова *champion* в английском языке выражается в 3 и 4 словарном значении лексемы. Ср. *champion* 3. Someone who fights for a cause or status. Синоним: *paladin*. *Emmeline Pankhurst was a champion of women's suffrage*. 4. Someone who fights on another's behalf. *champion of the poor*. – 3. Кто-то, кто борется за дело или статус. Синоним: паладин. *Эмелин Панкхерст была сторонницей избирательного права женщин*. 4. Кто-то, кто сражается от имени другого. *Защитник бедных*.

Интересным представляется и подбор эквивалента к слову *баушка*. В английском стихотворном тексте *pate* этимологически не совсем ясное. Ср.: From Middle English *pate*, of uncertain origin. Perhaps a shortened form of Old French *patene* or Medieval Latin *patena*, both from Latin *patina* (“pan, dish”). Alternatively, perhaps akin to Old Frisian *pote* (“skull”) – от среднеанглийского *pate* неизвестного происхождения. Возможно, укороченная форма старофранцузского *patene* или средневекового латинского *patena*, оба от латинского *patina* («сковорода, блюдо»). В качестве альтернативы, возможно, родственно старофризскому *pote* («череп»). Но в современном английском литературном языке *pate* по значению совпадает с русским. Ср.: *pate* (plural *pates*) 1. (somewhat archaic) The head, particularly the top or crown. *He had a shiny, bald pate*. 2. (archaic) *Wit, cleverness, cognitive abilities* – 1. (несколько архаично) Голова, особенно макушка или темя. *У него была блестящая лысая макушка*. 2. (архаично) Остроумие, сообразительность, познавательные способности. [<https://en.wiktionary.org/wiki/pate>].

Д. Элтон опять удачно подбирает близкое по смыслу слово и с архаическим статусом.

5. Изобразительно-выразительные средства

Обратный перевод	Oliver Elton «Tale of the dead princess and seven champions»	А.С. Пушкин «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях»
Безутешно, в кажу-	Inconsolably, in	Долго царь был

<p>щемся, Пролетел год бесплодных мечтаний. Короли слабы, другие люди; Женат был король снова.</p>	<p>seeming, Flew a year of barren dreaming. Kings are frail, other men; Wedded was the king again.</p>	<p>неутешен, Но как быть? и он был грешен; Год прошел как сон пустой, Царь женился на другой.</p>
<p>Тихо, ни на кого не глядя, Раскрылась ли юная принцесса Все время; и росла с каждым часом, Пока, наконец, бу-тон не стал цветком.</p>	<p>Silently, with none beholding, Was the young princess unfolding All the while; and grew, each hour, Till at last the bud was flower.</p>	<p>Но царевна молодая, Тихомолком расцветая, Между тем росла, росла, Поднялась — и расцвела,</p>
<p>Черные ее брови, и бледные ее черты; Она была самым нежным из всех существ. Ища ей мужа, они Нашли князя, юного Елисея. Пришло сообщение; король согласился, И на приданое он подарил Семь торговых городов; может больше, Вместительные палаты, семь десятков.</p>	<p>Black her brows, and pale her features; She was gentlest of all creatures. Seeking her a husband, they Found a prince, young Elisey. Message came; the king consented, And for portion he presented Seven market-towns; may more, Roomy chambers, seven score.</p>	<p>Белолица, черноброва, Нраву кроткого такого. И жених сыскался ей, Королевич Елисей. Сват приехал, царь дал слово, А приданое готово: Семь торговых городов Да сто сорок теремов.</p>

Переводчик не использует буквальный перевод для передачи сравнительного оборота, метафоры или эпитета, но восполняет этот недостаток другим выразительным средством. Сравнительный оборот – *Год прошел как сон пустой* – передается атрибу-

тивной конструкцией, содержащей эпитет – *Flew a year of barren dreaming* (пролетел год *бесплотных мечтаний*). Метафора *Поднялась – и расцвела*, благодаря творческому замыслу переводчика трансформируется в развернутый образ: *Till at last the bud was flower* (Пока, наконец, *буто́н не стал цветком*).

Анализ фрагментов английского перевода сказки показал, что Пушкин не является непереводаемым автором. Переводчик сталкивается с неизбежными сложностями, как то: разный тип языков (синтетический и аналитический), несовпадение грамматических категорий и форм выражения грамматического значения (в английском языке отсутствуют деепричастия и краткие прилагательные), различные стилистические ресурсы (фольклорные элементы – *путь-дорога; ждёт-пождёт; гляючи; царь-отец* – и архаизмы, историзмы и диалектная лексика), культурно специфический фон (повествование у Пушкина развивается в двух временных направлениях – сказочная, легендарная эпоха и война на Кавказе – *пятигорские черкесы*). Несмотря на это, талантливый и эрудированный переводчик способен более или менее передать стиль, дух и идею произведений Пушкина, сохраняя по возможности художественные и эстетические особенности текста.

Литература

Tale of the dead princess and seven champions. Translated by Oliver Elton // Pushkin's Faire Tales. Palekh Painting. Medny Vsadnik Trading House Publishers, 2018. С. 122-139

Андропова Е.В. Стилистические особенности переводов сказок Пушкина на английский язык // Материалы VIII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум» URL: <https://scienceforum.ru/2016/article/2016026470> (дата обращения: 02.05.2022).

Гальперин И.А. Очерки по стилистике английского языка. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. 459 с.

Григорьев А. Л. Пушкин в зарубежном литературоведении // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. Т. 7. Пушкин и мировая литература. С. 221—250. <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/is7/is7-2212.htm>

Иллюстрированный словарь забытых и трудных слов из произведений русской литературы XVIII – XIX веков. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1998. – 280 с.

Лингарт А.А. Поэтические произведения А. С. Пушкина в переводах на русский язык // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: Сборник научных трудов / научный редактор В. З. Демьянков. М.: ТЕЗАУРУС, 2015. – 740 с.; ил. С. 48-54.
<https://elibrary.ru/item.asp?id=29135627&selid=29135636>

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., М., 1997. 944 с.

Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях // Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 3: Поэмы. Сказки / Примеч. С. Бонди. – М.: ТЕРРА, 1997. С. 310-323

Тер-Минасова С.Г. Может ли Пушкина оценить нерусский мир? // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Кемерово. № 27, 2014. С. 144-153.

Техника «Обратный перевод». <https://storytelling-english.ru/reverse-translation-technique/>

Тихомирова Ю.А. Современный англоязычный Пушкин: стратегии репрезентации лирики // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 373. С. 29–37.

<https://en.wiktionary.org/wiki/thou>

<https://en.wiktionary.org/wiki/art>

<https://en.wiktionary.org/wiki/vext>

<https://en.wiktionary.org/wiki/lasht>

<https://en.wiktionary.org/wiki/pate>

REFERENCES

Tale of the dead princess and seven champions. Translated by Oliver Elton // Pushkin's Faire Tales. Palekh Painting. Medny Vsadnik Trading House Publishers, 2018. S. 122-139

Andronova E.V. Stilisticheskie osobennosti perevodov skazok Pushkina na anglijskij yazyk // Materialy VIII Mezhdunarodnoj studencheskoj nauchnoj konferencii «Studencheskij nauchnyj forum» URL: ://scienceforum.ru/2016/article/2016026470 (data obrashcheniya: 02.05.2022).

Gal'perin I.A. Oчерki po stilistike anglijskogo yazyka. – М.: Izdatel'stvo literatury na inostrannyh yazykah, 1958. 459 s.

Grigor'ev A. L. Pushkin v zarubezhnom literaturovedenii // Pushkin: Issledovaniya i materialy / AN SSSR. In-t rus. lit. (Pushkin. Dom). L.: Nauka. Lenigr. otd-nie, 1974. T. 7. Pushkin i mirovaya literatura. S. 221—250. <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/is7/is7-2212.htm>

Ilyustrirovannyj slovar' zabytyh i trudnyh slov iz proizvedenij russkoj literatury XVIII – XIX vekov. Orenburg : Orenburgskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1998. – 280 s.

Lipgart A.A. Poeticheskie proizvedeniya A. S. Pushkina v perevodah na russkij yazyk // YAzyk. Kul'tura. Perevod. Kommunikaciya: Sbornik nauchnyh trudov / nauchnyj redaktor V. Z.Dem'yankov. M.: TEZAURUS, 2015. – 740 s.; il. S. 48-54. <https://elibrary.ru/item.asp?id=29135627&selid=29135636>

Ozhegov C.I., SHvedova N.YU. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij. 4-e izd., M., 1997. 944 s.

Skazka o mertvoj carevne i o semi bogatyryah // Pushkin A.S. Sobranie sochinenij: V 10 t. T. 3: Poemy. Skazki / Primech. S. Bondi. – M.: TERRA, 1997. S. 310-323

Ter-Minasova S.G. Mozhet li Pushkina ocenit' nerusskij mir? // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. Kemerovo. № 27, 2014. S. 144-153.

Tekhnika «OBRATNYJ PEREVOD». <https://storytelling-english.ru/reverse-translation-technique/>

Tihomirova YU.A. Sovremennyy angloyazychnyy Pushkin: strategii reprezentacii liriki // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 373. S. 29–37.

<https://en.wiktionary.org/wiki/thou>

<https://en.wiktionary.org/wiki/art>

<https://en.wiktionary.org/wiki/vext>

<https://en.wiktionary.org/wiki/lasht>

<https://en.wiktionary.org/wiki/pate>

©Ерёмина С.А., 2022

Ерёмина Светлана Александровна – кандидат филологических наук, доцент, кафедра межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: swegle@vandex.ru

Eremina Svetlana Aleksandrovna – Associate Professor, Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia.

Н.С. КОЧНЕВА

г. Тюмень, Россия

n.s.kochneva@utmn.ru

УДК 81'373.:821.161.1-31(Крапивин В. П.)

ДВОЙНИЧЕСТВО КАК СПОСОБ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В.П. КРАПИВИНА)

Аннотация. В статье анализируется художественный прием «двойничество» как способ языковой игры в литературных текстах В.П. Крапивина. Рассматриваются разновидности игровых ономастических тандемов и способы их актуализации. Демонстрируется, что игровые онимы являются проявлением лингвокреативности писателя-творца, предстают характерной приметой его идиостиля. Игровые ономастические тандемы выступают конструктором, оказывающим влияние на формирование фантастических текстовых пространств, являются способом выражения авторской модальности. Доказывается, что игровые онимы-тандемы выполняют структурообразующую роль в сказочных и фантастических произведениях В.П. Крапивина. Актуализация игровых онимов в текстах, адресованных детям, способствует привлечению и удержанию читательского внимания. Категория ономастического двойничества тесно связана с жанровой категорией двоемирия. Двойное имя персонажа отражает авторскую установку на игру, поскольку, с одной стороны, игра предполагает наличие масок, смену имени, а с другой, игровые типы онимов отражают комическую направленность, задают творческое, нетривиальное отображение художественного пространства.

Ключевые слова: языковая игра, литературная ономастика, В.П. Крапивин, имена собственные, ономастическое двойничество, лингвокреативность, ономастическая игра, художественные тексты, художественные приемы, русская литература, русские писатели, литературное творчество, литературные жанры, литературные сюжеты.

KOCHNEVA NATALYA S.

Tyumen, Russia

DUALITY AS A WAY OF LANGUAGE GAME

Abstract. The article examines the artistic touch of "duality" as a way of language play in the literary texts by V.P. Krapivin. Varieties of gaming

onomastic couples and ways of their actualization are considered. It is demonstrated that game proper names manifest the linguocreativity of V.P. Krapivin and exist as a feature of the writer's idiosyncrasy. Game onomastic couples are the construct that influences the text fantastic spaces. Also, they are the way of expressing the author's modality. It is proved that game proper name couples are the main formative factor in V.P. Krapivin's tales and fantasy novels. Using game proper names in texts for children the author attracts and retains the readers' attention. The category of onomastic duality is closely connected with the double world as a genre category. The double name of the character reflects the author's attitude to the game, since, on the one hand, the game implies masks, a name change, and, on the other hand, game proper names reflect a comic direction, set a creative, non-trivial display of artistic space.

Keywords: language game, literary onomastics, V.P. Krapivin, proper name, onomastic duality, linguistic creativity, onomastic game.

Проблематика двойничества наиболее детально рассматривается в рамках литературоведения, философии, психологии. В научных исследованиях тема двойников актуализирована по-разному: как форма расщепленного сознания, как своеобразное развертывание образа героя, отражение персонажа, союз персонажей, обладающих внешним или внутренним сходством. Между тем с ономастических позиций тема двойничества изучена недостаточно и, на наш взгляд, может рассматриваться как способ языковой игры. Подходы к исследованию ономастических оппозиций двойников обозначены в статье Н.В. Васильевой «Персонажи-двойники как объект (психо)-ономастики». Исследователь отмечает, что данная проблематика частично отражена в исследованиях немецких ученых [Васильева 2016: 97].

Тема двойничества ярко представлена в сказочных и фантастических произведениях российского писателя В.П. Крапивина. Характерной приметой литературного творчества В.П. Крапивина является художественное моделирование ряда дихотомий, характерных для сказочных и фантастических произведений: мир реальный и сказочный, мир взрослых и детей, оппозиция свое – чужое, друг – враг. Зачастую писатель вводит в повествование персонажей-двойников, которых с точки зрения литературоведческого подхода можно определить как персонаж

и его отражение, союз персонажей, расщепленное сознание героя, но нас интересуют такие ономастические тандемы, внутренняя форма и ассоциативное развертывание которых актуализирует в тексте лингвокреативный эффект языковой игры.

Материалом исследования стали имена собственные сказочных повестей (романов) В.П. Крапивина: «Дети синего фламинго» (1980 г.), «Гуси-гуси, га-га-га» (1988 г.), «Чоки-Чок, или Рыцарь Прозрачного кота» (1992 г.), «Пироскаф Дед Мазай» (2011 г.), «Кораблики, или Помогите мне в пути» (1993), «Мальчик девочку искал. Тыквагонские приключения» (2000), «Стража Лопухастых островов» (2002).

Как уже было сказано выше, двоемирие, являющееся жанровой приметой литературной сказки, выражено в произведениях В.П. Крапивина как противопоставленный или существующий параллельно традиционному миру волшебный мир. Для того чтобы персонажу попасть в волшебный мир, необходимо преодолеть некое пространство (гору, поле, в полночь перейти из дома по огороду в баньку, спуститься в подземелье, преодолеть «большую черную пустоту») или же переместиться в ирреальный мир с помощью волшебного предмета (на стареньком ковре, который в определенный момент становится ковром-самолетом, в рубашке из тополиного пуха, в вагончике по железной дороге, в поезде или на корабле). Однако зачастую, переход персонажа из одного пространства в другое сопровождается сменой имени, что является особым текстовым приемом, в котором имя становится своего рода маркером, отражающим пространственные координаты. Игровой эффект заключается в присвоении герою нескольких имен, являющихся символом того или иного пространства, что зачастую вызывает эффект неожиданного ассоциативного прогноза.

Так, например, в романе-сказке «Пироскаф Дед Мазай» события происходят в пространстве, в котором реальность и ирреальность тесно переплетены. Кратко изложим фабулу произведения. Главный персонаж *Фома Сушкин* (он же *Том Сушкин*), воспитанник детского дома, выигрывает в лотерею корабль и по случаю выигрыша отправляется на нем в путешествие по реке *Томза*. Главного персонажа сопровождает капитан корабля *Под-*

дувало *Поликарп Поликарпович* (он же Капитан *Поль*) и его двухголовый страус *Донбамбалло*. Действие разворачивается в пространстве, которое в большей степени соответствует традиционному миру, поэтому включение ономастического тандема реальное–оказиональное личное имя порождает эффект ономастической травестии. Так, пират *Уно Бальтазавр Дудка*, напавший на корабль *Тома Сушкина*, оказывается одноклассником капитана *Поддувалло* «шпаной и второгодником» *Валькой Ермолайкиным*: ср. «*Кстати, ты не узнал адмирала Дудку? Это Валька Ермолайкин, он учился на два класса старше нас. Шпана и второгодник*» [Крапивин 2018: 123].

В свою очередь, стоит отметить ономастическую формулу *Уно Бальтазавр Дудка*, построенную по западно-европейской модели, являющую совокупность случайных слов: ср. *Уно* – *Уно* (итальянск. один), *Бальтазавр* – несколько видоизмененная форма онима *Бальтазар*, *Дудка* – существительное.

Аналогичный прием прослеживается в именовании персонажа в этом же тексте. Герцог по имени *Генрих Виктуар Евро-Азиатский*, который также является одноклассником главного персонажа капитана *Поля*, носит сокращенную форму имени *Виктор – Витька – Витёк*. Ср.: «*Герцог заключил его в объятия. Они хлопали друг друга по спинам. Потом отодвинулись и оглядели друг друга с ног до головы. — Витёк! Ваше высочество! Ну кто бы мог подумать!*» [Крапивин 2018: 122]. Комический эффект заключается в соотношении «возвышенной» иностранной формы имени *Виктуар* и на ее фоне «сниженной» разговорной формы – *Витька, Витёк*.

В приведенных примерах эффект языковой игры усиливается также тем фактом, что пространство художественного текста не разделено явно на реальное / ирреальное и обладает в большей степени признаками привычного для читателя мира, свойственного России XXIV века, что, в свою очередь, порождает особый читательский прогноз, заостренный на восприятие имен, соответствующих современному отечественному ономастикону. Разрушение ассоциативного читательского прогноза происходит благодаря тому, что первоначально имя вводится как индивидуально-авторское, намеренно иностранное, а затем предъясняется

знакомое русскоязычному читателю имя.

Аналогичный прием прослеживается в именовании персонажа в фантастическом романе «Тыквагонские приключения. Мальчик девочку искал». Персонаж по имени *Уко Двуполовинус*, вспоминая свое детство, актуализирует имя, свойственное русскому ономастикону – *Вовка Лисичкин*. Ср. «*Уко Двуполовинус покивал опять (...) Как всё повторяется, – со вздохом произнес он. – Разные пространства, разные времена, а сюжет все один и тот же... Когда мне было столько лет, сколько тебе и меня звали Вовка Лисичкин, и нос у меня был не такой, а вроде твоего, одна девочка тоже... Она звала меня «мой Лисёнок»* [Крапивин, URL:<https://www.litres.ru/vladislav-krapivin/malchik-devochku-iskal/>, дата обращения: 20.04.2022]. Таким образом, игровая ономастическая конструкция *Уко Двуполовинус* ассоциативно прочитывается как две половины одного целого. Можно предположить, что подобное именование является отображением того, что персонаж одновременно принадлежит двум различным мирам. Важно подчеркнуть, что действие романа происходит в намеренно фантастическом пространстве, имена персонажей искусственные, поэтому включение реального имени в контекст воспринимается комически. Таким образом, автором моделируется мысль, что в момент взросления персонаж обязательно меняет имя, а пространство художественного текста таким способом разделяется на «детское» и «взрослое».

Другим ярким примером смена имени персонажа ярко показан в романе-сказке «Чок-Чок, или Рыцарь Прозрачного Кота», который также спровоцирован ситуацией двоемирия. Персонаж *людоед Пурген Аграфенович Людоедов* прячется за маской имени *Его Етугоро*, придворного. Здесь важны стратегии интродукции онима. Первоначально персонаж вводится как *Пурген Аграфенович Людоедов*. Персонаж встречается главному герою *Леше Пеночкину* в страшном *Лиловом лесу*. Здесь пролегает условная волшебная граница, соответственно имя людоеда представлено традиционной трехкомпонентной (имя + отчество + фамилия) антропонимической формулой. Внутренняя форма всех компонентов имени обладает игровым потенциалом. Говорящая фамилия *Людоедов* связана с родом деятельности персо-

нажа народных сказок. В тексте комментируется: «*Моя фамилия Людоедов. Ну, и я соответственно, значит, людоед*» [Крапивин 2004: 156]. Соотнесенность имени с текстовой характеристикой персонажа выражает особую авторскую интенцию в интерпретации образа. Уничтожение страшного врага происходит за счет установления ассоциативной связи личного имени *Пурген* с названием известного в советское время слабительного средства, патроним *Аграфенович* – производное от женского имени *Аграфена*, усиливает сложившийся комический образ.

При продвижении персонажа в мир волшебный имена меняются. *Леша Пеночкин* приобретает имя *Рыцарь Прозрачного Кота*, а страшный людоед прячется под маской главного придворного распорядителя *Его Етугоро*. Окказиональное личное имя *Его Етугоро* образовано по созвучию. На ассоциативном уровне *Его* прочитывается как *эго*. Аллитерация усиливает впечатление «грозности» и эгоистичности персонажа.

Мотив смены имени при пересечении границ пространств отражен во многих произведениях писателя. Смена имени является своего рода своеобразным толчком, в результате чего для читателя пространство из реального превращается в волшебное. Так, *Фома Сушкин* меняет имя на *Том Сушкин* и отправляется в сказочное путешествие («*Пироскаф Дед Мазай*»), *Юрка* («*Голубятня на желтой поляне*») в параллельном пространстве приобретает имя *Денёк*, *Янка Скрипач – Музыкант* («*Голубятня на желтой поляне*»); *Петька Викулов по прозвищу Патефон* – дядя *Пит*, *Питвик* (Кораблики или «*Помоги мне в пути*») и др.

Однако игровые ономастические тандемы связаны не только с наделением персонажа двумя именами, но также часто используются ономастические конструкции, взаимосвязанные на уровне текста, являют некий обыгрываемый антропонимический тандем, например: омонимически противопоставлены *принц Женька и принцесса Женька* («*Бабушкин внук и его братья*»); *Тахомир Тихо – Ктор Эхо* (Дети синего Фламинго), семантическое противопоставление *Корнелий Глас* (глас, голос) – *Альбин Мук* (страдание, мука) («*Гуси-гуси, га-га-га*»). Многие ономастические противопоставления носят сюжетообразующий характер, поскольку принадлежат главным персонажам и отража-

ют конфликт произведения.

Однако наравне с этим существуют и оппозиции фрагментарных персонажей, встречающихся в тексте лишь в одном эпизоде, что подчеркивает их текстовую задачу выражения авторской установки. Так, например, подобная авторская модальность выражена в дихотомии корреспондент *Ю. Бдительный* – чиновник *Максим Максимович Нечитайлов*. Оценочный потенциал, отраженный в фамилиях персонажей, раскрывается также и в контексте произведения: ситуация, когда бдительный корреспондент высказывает свои опасения, а чиновник, призванный реагировать, ничего не читает. Ср. «...а в городе тем временем разгорался скандал. Газета «Утренний свет» напечатала статью корреспондента Ю. Бдительного «Большой заговор против Малых Репейников» [Крапивин 2004: 256].

Также стоит отметить бинарные ономастические оппозиции, построенные с помощью рифмовки, например: «*Рыцарь Витя и его отражение Митя*». Оппозиция *Витя* – *Митя* в сочетании с апеллятивом *рыцарь* порождает эффект языковой игры.

Таким образом, категория ономастического двойничества тесно связана с жанровой категорией двоемирия. Двойное имя персонажа отражает авторскую установку на игру, поскольку, с одной стороны, игра предполагает наличие масок, смену имени, а с другой, лингвокреативный потенциал онимов отражает комическую установку автора, задаёт творческое, нетривиальное отображение художественного текста.

Литература

Агранович С. З., Саморукова И. В. *Двойничество*. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001. – 132 с.

Гридина Т. А. *Языковая игра в художественном тексте*. Монография. Екатеринбург, 2008. – 165 с.

Грудкина Т. В. *Феномен двойничества в русской литературе XIX века* (В.Ф. Одоевский, А.П. Чехов). Автореферат дисс. на соиск. Уч. степени кандидата филол. наук. Шуя, 2004. – 194 с.

Васильева Н.В. *Собственное имя в тексте: интегративный подход*. Автореферат дисс. на соиск. уч. степени доктора филол. наук. Москва, 2005.

Васильева Н.В. Собственное имя в мире текста. Изд. 2-е, испр. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 224 с.

Васильева Н.В. Персонажи-двойники как объект (психо)ономастики // Вопросы психолингвистики. 2016. № 28. С. 96 – 105.

REFERENCES

Agranovich S.Z., Samorukova I.B. Dvojnichestvo. Samara: Izd-vo «Samariskij universitet», 2001. – 132 s.

Gridina T.A. Yazykovaya igra v hudozhestvennom tekste. Monografiya. Ekaterinburg, 2008. –165 s.

Grudkina T. V. Fenomen dvojnichestva v russkoj literature XIX veka (V.F. Odоеvskij, A.P. Chekhov). Avtoreferat diss. na soisk. Uch. stepeni kandidata filol. nauk. SHuya, 2004. – 194 s.

Vasil'eva N.V. Sobstvennoe imya v tekste: integrativnyj podhod. Avtoreferat diss. na soisk. uch. stepeni doktora filol. nauk. Moskva, 2005.

Vasil'eva N.V. Sobstvennoe imya v mire teksta. Izd. 2-е, ispr. М.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2009. – 224 s.

Vasil'eva N.V. Personazhi-dvojniki kak ob"ekt (psih)onomastiki // Voprosy psiholingvistiki. 2016. № 28. S. 96 – 105.

©Кочнева Н.С., 2022

Кочнева Наталья Сергеевна – ассистент кафедры русского языка и общего языкознания, Тюменский государственный университет (Тюмень, Россия).

Адрес: 625003, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6

Е-mail n.s.kochneva@utmn.ru

Kochneva Natalya Sergeevna - assistant of the department of russian language and general linguistics, Tyumen State University (Tyumen, Russia).

А. В. КУБАСОВ
О. А. МИХАЙЛОВА
г. Екатеринбург, Россия
kubas2002@mail.ru
oamih@yandex.ru

УДК 811.521'42:81'255.2:821.161.1-31

КРЕАТИВНОСТЬ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ КЛАССИКИ

Аннотация. Статья посвящена анализу манги Осамы Тэдзуки «Преступление и наказание», созданной на основе романа Ф. М. Достоевского. В исследовании описан механизм межсемиотического перевода жанра романа в пространство манги, показаны креативные практики одновременно в свете двух подходов: литературоведческого и лингвистического. Авторы рассматривают произведение японского автора как креолизованный текст, в котором ведущую роль играет не вербальный компонент, а изобразительный. Предметом анализа являются специфические черты манги – поликодовость и перформативность. Результаты исследования могут найти применение в практике анализа романа Достоевского в качестве дополнительного материала.

Ключевые слова: межсемиотический перевод, креативность, креолизованные тексты, манга, романы, японский язык, русская литература, русские писатели, литературное творчество, литературные жанры, литературные сюжеты.

KUBASOV ALEXANDR V.
MIKHAILOVA OLGA A.

CREATIVITY IN THE INTERPRETATION OF CLASSICS

Abstract. The article is devoted to the analysis of Osama Tezuka's manga "Crime and Punishment", based on the novel by Fyodor Dostoevsky. The study describes the mechanism of the intersemiotic translation of the novel genre into the space of manga. The purpose of the work is to consider the manga of Osama Tezuka simultaneously in the light of two approaches: literary and linguistic. The authors regard the work of a Japanese author as a creolized text. The leading role in it is played not by the verbal component, but by the pictorial one. The subject of analysis is the specific features of

manga – polycode and performativity. The results of the research can find application in the practice of analyzing Dostoevsky's novel as additional material.

Keywords: intersemiotic translation, creolised text, creativity, genre of manga, Osamu Tezuka, Fyodor Dostoevsky, “Crime and Punishment”,

«Преступление и наказание» Достоевского – одно из самых известных произведений русской и мировой литературной классики. На каком уровне знания и понимания этот роман известен широкому слою читателей? Освоение серьезного многостраничного романа требует не только усилий, но и читательского опыта. Большинство наших современников не читает классику, предпочитая массовую литературу или книжки, имеющие в заглавии «магическое» словосочетание «в кратком изложении». Достаточно распространен и такой путь привлечения читателей к классике, как интерпретация классического произведения.

Сознание современного читателя литературы подготовлено к тому, чтобы воспринимать продукт вторичной архаизации. Креативность в интерпретации классического произведения ярко проявилась в жанре манги в русском изводе. В 1954-1955 годах Осама Тэдзука создает мангу «Преступление и наказание». В Японии манга глубоко укоренена, тогда как в России история манги начинается ближе к концу XX века [Пономарева, 2015]. Тексты манги для русского и для японского читателей, несмотря на тождественность рисунков и адекватность перевода, являются все-таки разными произведениями. Отличие обусловлено различием культурных кодов и культурной памяти этносов. Для носителя русской культуры манга не укоренена в сознании и проецируется на другой апперцептивный фон, чем у японского читателя.

Манга «Преступление и наказание» продуцирует ситуацию нескольких перекодировок. Сначала оригинальный текст Достоевского переводится с русского языка на японский. Далее происходит перекодирование японского перевода романа на жанр манги, и, наконец, возникает обратный перевод – с японского на современный русский язык при жанровой неизменности.

Цель нашего исследования – показать специфику манги Оса-

мы Тэдзуки "Преступление и наказание" одновременно в свете двух подходов – литературоведческого и лингвистического, что позволит точнее и глубже истолковать это произведение. Манга в полной мере соответствует духу времени, отражая нелинейное, полицентричное, гетерогенное восприятие окружающего мира современным читателем.

Манга Осамы Тэдзуки представляет собой семиотически осложненный текст, который получил разные терминологические номинации в современных исследованиях: креолизованный текст (Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов), поликодовый текст (Г. В. Ейгер, В. Л. Юхт), гибридный текст (В. Е. Чернявская), изовербальный комплекс (А. А. Бернацкая), иконотекст (М. Нерлих), видеовербальный текст (О. В. Пойманова) и др. «Креолизованные тексты (КТ) – это тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [Сорокин 1990: 180]. Главные особенности креолизованного текста: разноплановость – наличие двух и более каналов информации; поликодовость – использование разных кодов; синтетичность – восприятие каждой из его составляющих происходит под влиянием других составляющих – вместе оказывают сильное воздействие на адресата. Креолизованный текст является не простым сочетанием своих составляющих, а сложным феноменом: изображения и слова не просто сумма иконических и вербальных знаков, их значения интегрируются, образуют сложно организованный текст, элементы которого адресат должен воспринимать системно, в их единстве.

В наши дни наиболее ярким примером креолизованного текста является реклама [см. например: Паршин 2007; Ворошилова 2012 и др.]. Однако мы можем наблюдать, что основной сферой применения и распространения креолизованных текстов становятся средства массовой информации и коммуникации, а также современная художественная литература [Фатеева 2001; Николина 2009].

Креолизованный текст манги состоит из вербальной части и невербальной – иллюстративно-визуальной, между которыми

устанавливаются особые отношения. В статье 1923 года «Иллюстрации» Ю. Н. Тынянов писал: «Рисунок должен быть рассматриваем, очевидно, не сам по себе, он что-то должен дополнять в произведении, чем-то обогатить, в чем-то конкретизировать его» [Тынянов 1977: 311]. В тексте манги мы имеем обратный случай – инвертированную субординацию изобразительно-го и вербального компонентов: не рисунок выполняет функцию дополнения, а текст.

Начинается текст манги с авторского ввода, экспозиции, где задается хронотоп будущей истории: «*Эта история случилась при последнем российском императоре, накануне череды революций, в Санкт-Петербурге, где царили нищета и упадок нравов*». Обстановка в городе передается глазами путешественника, который увидел бы на улицах «*скопища босоногих детей, горьких пьяниц да продажных женщин*» (4)¹. В этом фрагменте визуальный код выполняет типичную функцию иллюстрации, на которой изображено место, весьма отдаленно напоминающее Петербург. Все необходимые пояснения по месту и времени происходящего доведены до самых лаконичных рисованных картинок. Этнокультурная специфика локуса передается куполами православных храмов, а категория времени выражена с помощью изображений кареты, запряженной лошадьми, и повозки.

В этом пространстве путешественник заметил бы молодого человека, который шел «*в глубокой задумчивости, даже, вернее сказать, как бы в каком-то забытьи*» (4). Тут автор представляет читателю героя своего повествования, похожего на забавного гномика. Прибегая к приему интеракции, повествователь интригует читателя вопросом: *Куда же он намеревается идти?* (5). Далее в действие вступает герой, и все последующее повествование в соответствии с нормами манги передается в виде реплик действующих лиц этой истории. И здесь уже между иконическим компонентом и вербальным рядом существует

¹ В скобках указаны номера страниц по изданию: Тэдзука О. Преступление и наказание / пер. с яп. Г. Соловьевой – Екатеринбург, 2011.

большая спаянность компонентов, устанавливаются синсемантические отношения: рисунок оказывается первичен, выступает в качестве обязательного элемента текста, выполняет роль контекста высказываний, а вербальный текст вторичен, полностью зависит от изобразительного ряда и посредством кадрирования реализует особую фрагментарность. Между вербальными и иконическими элементами существует эксплицитно выраженная связность. В частности, ярким визуальным средством выражения тональности текста является шрифт. Напряженная атмосфера, опасность, возбужденное эмоциональное состояние героя передаются заглавными буквами: СПАСАЙТЕСЬ (127), ГРОХОТ (43), СКРЕЖЕТ (70). В газетной статье, которую читает Раскольников, используется нейтральный прямой шрифт официальных сообщений (61). Письмо от матери с целью интимизации общения представлено стилизованным рукописным шрифтом (59). Особо выделен фрагмент текста, раскрывающий концепцию Раскольникова (33–35): четко очерченные кадры, яркие черные фигурки людей и иной шрифт привлекают внимание читателя и подчеркивают значимость «теории».

Абстрактность и упрощенность теории Раскольникова в манге иконически выражена предельно условными теньевыми фигурами, которые символизируют людскую массу. Теодицея Достоевского, воплощенная в его романе, трансформируется в гораздо более простую бинарную оппозицию гения и толпы. Противоречивые отношения между человеком и Богом, волновавшие автора «Преступления и наказания», переводятся автором манги в плоскость межличностных отношений, которые достаточно легко разрешаются: толпа сначала преследует гения, приводит его к гибели, «однако в последующих поколениях эта же масса ставит казненных на пьедестал и им поклоняется» (35). Не стоит, однако, критически относиться к упрощению сложной теории героя романа Достоевского. Сама жанровая природа манги предопределяет ее содержательно-смысловые возможности.

Креолизованный текст сочетает в себе высокий объем информации, рассчитанной на максимальную простоту восприятия, поэтому манга с позиций лингвистики текста принципиально не отличается от традиционного вербального произведе-

ния, в ней также действует закон компрессии, отражающий тенденцию к экономии языковых средств, происходит сжатие текста, чтобы достичь необходимой для комикса минимальной языковой единицы. Компрессия предполагает развитие информативности свернутых языковых единиц и элиминирование компонентов, которые могут быть восстановлены из иконического компонента текста, не изменяя при этом исходную информацию. В тексте манги представлены лексические и синтаксические способы компрессии.

Лексическая компрессия в манге связана с использованием звукоподражаний, которые образуют оноματοпоэтическую систему комикса. Например: *ХЛОП* (Алена Ивановна в гневе закрывает двери); *БУХ, БУХ, БУХ, БУХ* (Раскольников бежит по лестнице); *ХА-ХА-ХА* (смех персонажей); *ЖИХХ* (кнутом погоняют лошадь); *КХА!-КХА!-КХА!* (кашель Мармеладовой); *ПЛЮХ* (тарелка с содержимым, прилетевшая в лицо Лужину); *ТОП-ТОП-ТОП* (ходьба людей); *ТУК-ТУК, ДЕРГ-ДЕРГ* (почтальон и служанка стучат в дверь каморки Раскольникова) и др. Завершается текст манги тоже звукоподражаниями: *БАБАХ, ТРА-ТА-ТА-ТА, БАБАХ, ТРА-ТА-ТА-ТА*, которые служат выразителями высшего проявления удивления и ужаса от полученной новости, ошеломления.

Передаваемые звуковые эффекты выполняют одновременно реалистическую и символическую функции, выступают средством выражения экспрессивности и придают динамичность повествованию.

Синтаксическая компрессия проявлена в эллиптических конструкциях, в свернутых высказываниях. В авторских комментариях представлены номинативные предложения, описывающие ситуацию: *Грохот; Скрежет*. Реплики героев сохраняют все особенности разговорной речи: неполные предложения (*Вот тут... двадцать рублей, кажется; Ни слова более, иначе...*), инфинитивные предложения для выражения различных модальных значений (*Бежать! Скорее бежать, непременно, непременно бежать!; Нет, мамаша, нет, Дуня, не обмануть меня вам!; Не бывает этому браку, пока я жив!*).

Реализации смысловой компрессии служит насыщенная ху-

дожественная символика манги, не всегда улавливаемая отечественным читателем. Скорее всего, на головной убор героя не будет обращено особого внимания, а он должен вызывать ассоциацию не только с колпаком гнома, но и с фригийской шапочкой. Тем самым указывается на протестное, бунтарское настроение героя.

Манга строится на традиционных японских визуальных символах (изображение носа, глаз, пространства, брызги вокруг головы и т.д.), вместе с тем истоки символика манги Осаму Тэдзуки следует искать в художественном мире Достоевского. Например, символический образ лестницы, которой отведено 10 страниц, – это путь героя как хождение между раем и адом. Поскольку художественный символ всегда является обобщением, которое не поддается однозначной интерпретации, то многостраничное изображение лестницы в контексте манги можно также истолковать как трудность восхождения героя к статусу гения, пренебрегающего общепризнанными этическими нормами. Варьирование изображения означает и ретардацию времени в сознании Раскольникова: оно течет медленнее, чем обычно, и передает его внутреннее напряжение.

В отличие от черно-белого текста манги, ее обложка всегда цветная и семиотически нагруженная. Черный фон, красная одежда героя и пламя огня за его спиной символизируют зловещую ауру вокруг Раскольникова – кровь, опасность и смерть.

Хотя в жанре манги типичны простые фразы, Осама Тэдзука бережно относится к языку Достоевского, сохраняя в русском переводе манги стиль русского автора «Преступления и наказания», что значимо для молодого читателя. Реплики персонажей отражают характерные особенности речи русского общества XIX века.

Социокультурной приметой являются обращения *сударь*, *сударыня* в речи Лужина, *милостивый государь* в речи Мармеладова, *батюшка* в речи барышень, *господин Заметов* в официальной коммуникации Раскольникова. Формы обращений выступают маркерами социального положения адресата: по имени-отчеству обращаются к людям высших сословий (*Порфирий Петрович*, *Петр Петрович*, *Родион Романыч*, *Алена Ивановна*)

и по имени, часто уменьшительному, к простолюдинам (*Настасья, Миколай, Митька*). Яркий образец речевой манеры XIX века – письмо матери Раскольникова Пульхерии Александровны к сыну: *Милый мой Родя! При первой появившейся возможности высылаю тебе тридцать пять рублей. Надеюсь, это несколько поправит твое положение... Здесь, в нашем тихом уголке, я неотступно думаю о тебе*. В истории русской литературы эпистолярный жанр занимает большое место, и перед нами камерное, традиционное женское письмо – образец культурного наследия XIX века.

Компоненты креолизованного текста образуют одно структурное, смысловое и функциональное целое с комплексным прагматическим воздействием на адресата. Текст манги не сводится к описанию ситуаций и действий, а сам начинает функционировать как действие, т.е. становится текстом-перформативом (Ю. Хабермас): «...в понятийном аспекте перформативность соотносится <...> с процессом интерпретации — "построением" своего представления в акте чтения» [Четыркина 2006: 3]. Текст-перформатив смещает восприятие со статичного на динамичное, предполагает отношение читателя к написанному не как к предмету потребления, а как к игре, деятельности, которую должен производить сам читатель. Автор манги стремится «затянуть» читателя в создаваемый мир, сделать его сотворцом, содеятелем. Это требует изменения формы выражения: текст становится не рассказом, а показом; не просто «сообщением о...», но и демонстрацией действия. Центральную функцию выполняет симбиотическое образование «рисунок + баллон с речью героя или комментарий автора». При этом «локомотивом перформатизации» является рисунок – динамичный, сосредоточенный на поступке, действии героя, который вносит перформативность в формально неперформативный (в концепции Дж. Остина) речевой акт.

На наш взгляд, показательный пример перформативности текста манги – начальные кадры, где Раскольников размышляет о несправедливости жизни и мысленно готовит злодеяние. На предыдущих трех страницах двенадцать раз дано тождественное изображение героя. Мультиплицирование изображения должно

помочь внутренней конвергенции *читателя с героем*. Цепочка размышлений приводит Раскольникову и подключившегося к его сознанию читателя к выводу, который иконически передается топором в руке. Топор – символ бунта, стихийного протеста. Он предвещает последующие действия героя.

Кадры манги с обилием популярного в молодежной среде «экшен» играют важную роль, поскольку делают фабулу динамичной, преодолевают описательность.

Вследствие перформативности текста как способа вовлечения адресата в деятельность, ядро манги включает не героя или автора-повествователя, а читателя, и манга на основе классического романа становится пространством самоидентификации читателя, который может поставить себя на то или иное место и тем самым выстроить своё отношение к тому, о чем сказано в тексте.

Что актуализирует в Достоевском манга Осамы Тэдзуки? Или, точнее, какова интерпретационная модель манги «Преступление и наказание»? Интерпретационная модель «Преступления и наказания» задается, прежде всего, не желанием приспособить сложный текст для читателя, а жанровыми особенностями и техникой создания манги. Попытка открыть содержание манги с помощью привычных «ключей», сложившихся на основе чтения реалистической литературы, приведут читателя к выводу о том, что перед ним «плохое произведение», или «вульгарное», а то и просто «примитивное». Возникает необходимость адекватного прочтения и понимания функциональных особенностей манги.

В манге *другие дискурсивная и символическая практики*, по сравнению с привычными нам практиками реализма, модернизма или постмодернизма. Насилие в разного рода мангах и связанная с ним сюжетика легитимизирована. Можно сказать, что в манге имеет место процесс изживания, по Фрейдю. Деструктивное стихийное бунтарское начало, которое характерно для сознания мужчин определенного возраста, сублимируется. То есть помимо обязательной для художественного текста эстетической функции у манги есть сильная прагматическая направленность.

«Преступление и наказание» Осаму Тэдзуки является клас-

сической мангой не только в силу того, что строится на материале шедевра русской литературы, но и потому, что в ней соблюдены практически все художественно-образительные каноны этого жанра. Наиболее продуктивное восприятие манги «Преступление и наказание» будет в случае, если читатель не ограничится только ею, а обратится к тексту Достоевского. В этом случае в процессе осмысления романа его детективная интрига и фабульная основа будут отодвинуты на второй план, а на первый выйдет философская проблематика произведения. Если же сначала будет прочитан роман, а потом манга, то вполне вероятно, что внимание читателя будет сосредоточено на искусстве транспонирования сложной этической проблематики Достоевского на язык другого жанра, на мастерстве создания креолизованного текста.

Литература

Ворошилова М. Б. Креолизованный рекламный текст: аспекты изучения // Уральский филологический вестник. Сер. Язык. Система. Личность. 2012. № 2. С. 39–43.

Николина Н. А. Активные процессы в языке современной русской художественной литературы. М., 2009.

Паршин П. Б. Из поэтики рекламы: заметки по метаграфемике // Лингвистика и поэтика в начале третьего тысячелетия. М., 2007. С. 500–510.

Пономарева Э. В. Русская манга: полемика с классикой и новый вид художественного произведения // Русская литература глазами современной молодежи. Магнитогорск, 2015. С. 134–139.

Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990. С. 180–186.

Тэдзука О. Преступление и наказание / пер. с яп. Г. Соловьевой – Екатеринбург, 2011.

Фатеева Н. А. Основные тенденции развития поэтического языка в конце XX века // Новое литературное обозрение. 2001. № 4 (50). С. 416–434.

Четыркина И. В. Перформативность речевых практик как конститутивный признак культуры: этническая и историческая перспектива: автореф... д-ра филол. наук. Краснодар, 2006.

REFERENCES

Voroshilova M. B. Kreolizovannyj reklamnyj tekst: aspekty izucheniya // Ural'skij filologicheskij vestnik. Ser. YAzyk. Sistema. Lichnost'. 2012. № 2. S. 39–43.

Nikolina N. A. Aktivnye processy v yazyke sovremennoj russkoj hudozhestvennoj literatury. M., 2009.

Parshin P. B. Iz poetiki reklamy: zametki po metagrafemike // Lingvistika i poetika v nachale tret'ego tysyacheletiya. M., 2007. S. 500–510.

Ponomareva E. V. Russkaya manga: polemika s klassikoj i novyj vid hudozhestvennogo proizvedeniya // Russkaya literatura glazami sovremennoj molodezhi. Magnitogorsk, 2015. S. 134–139.

Sorokin YU. A., Tarasov E.F. Kreolizovannye teksty i ih kommu-nikativnaya funkciya // Optimizaciya rechevogo vozdejstviya. M., 1990. S. 180–186.

Tedzuka O. Prestuplenie i nakazanie / per. s yap. G. Solov'evoj – Ekaterinburg, 2011.

Fateeva N. A. Osnovnye tendencii razvitiya poeticheskogo yazyka v konce XX veka // Novoe literaturnoe obozrenie. 2001. № 4 (50). С. 416–434.

СНетьркина I. V. Performativnost' rechevyh praktik kak konstitutivnyj priznak kul'tury: etnicheskaya i istoricheskaya perspektiva: avtoref... d-ra filol. nauk. Krasnodar, 2006.

©Кубасов А.В., 2022

©Михайлова О.А., 2022

Кубасов Александр Васильевич – доктор филологических наук, профессор. Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия). Адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
E-mail: kubas2002@mail.ru

Kubasov Aleksandr Vasil'evich – Doctor of Philology, Professor. Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg, Russia).

Михайлова Ольга Алексеевна – профессор кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации. Уральский федеральный университет им. Первого Президента РФ Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). Адрес: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, 312.
E-mail: oamih@yandex.ru

Mikhailova Olga Alekseevna – Professor of the Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication. Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia)

Н. В. ПАТРОЕВА

г. Петрозаводск, Россия

nvpatr@list.ru

УДК 81'42:821.161.1-1

ТРОПЕЙЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОРОДА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XVIII ВЕКА²

Аннотация. В статье анализируется система семантических и тропейческих трансформаций лексем *град* и *город* на материале стихотворных произведений реформаторов русского языка и литературы XVIII века – А. Д. Кантемира, В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, а также – в сопоставительном плане – на фоне более широкой временной перспективы, предшествующих и последующих этапов в развитии русской поэзии. Лексема *град* демонстрирует максимум активности в классицистической и романтической поэзии, в дальнейшем, с 1830-х годов, значительно уступая в частотности полногласному варианту. Поэты вовлекают слова *град* и *город* в процесс тропо- и фигурирования, стремясь к расширению привычной синтагматики, особенно в сфере эпитетов. Лирика долгое время сохраняет сакральные смыслы и библейские аллюзии (священного града, храма, сада, вертограда небесного) при разработке урбанистической и батальной тем.

Ключевые слова: урбанистические мотивы, тема города, города, русская поэзия, русские поэты, поэтическое творчество, поэтические жанры, литературные темы, эволюция поэтической речи, поэтическая картина мира, поэтическая синтагматика, тропика города, поэтическая речь.

PATROEVA NATALIA V.

Petrozavodsk, Russia

TROPEIC TRANSFORMATIONS OF THE *GOROD* IN THE RUSSIAN POETRY OF THE XVIII CENTURY

Abstract. The article analyzes the system of poetic meanings (in relation to the general language semantics in its development) of the lexemes

²Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00991, <https://rscf.ru/project/22-28-00991/>

«gorod» and «grad» on the basis of poetic works of the reformers of the Russian language and literature of the 18th century - A. D. Kantemir, V. K. Trediakovsky, M. V. Lomonosov, A. P. Sumarokov, and also - in comparative terms - against the backdrop of a broader time perspective, previous and subsequent stages in the development of Russian poetry. The lexeme grad demonstrates maximum activity in classic and romantic poetry, later, from the 1830s, significantly inferior in frequency to the full-voiced variant. Poets involve the words «gorod» and «grad» in the process of trope and figure formation, striving to expand the usual syntagmatics, especially in the field of epithets. The lyrics for a long time retain sacred meanings and biblical allusions (of the holy city, temple, garden, heavenly garden) while developing urban and battle themes.

Keywords: urban motifs, the theme of the city in Russian poetry, the evolution of poetic speech, the poetic picture of the world, poetic syntagmatics, the topic of the city.

Различные аспекты рассмотрения урбанистической темы уже неоднократно становились предметом специального разбора (из недавних работ см., напр.: [Довгий, 2019], [Джанумов, 2020], [Липчанская 2012], [Небольсин 2013], [Редкина, Черняк 2018]), между тем особым эвристическим потенциалом обладают наблюдения за поэтическим словоупотреблением в аспекте семантики и сочетаемости, изобразительно-выразительными возможностями и образными переосмыслениями ключевых слов урбанистической темы – лексем *город* и *град*. Интерпретация мотива города в качестве фрагмента этнической и индивидуально-поэтической картины мира представляется важной и актуальной также с точки зрения лингвокреативных исследований.

В произведениях лирического и эпического родов (написанная стихами драматургия не привлекалась) представителей плеяды выдающихся поэтов России XVIII в. (А.Д. Кантемира, В.К. Третьяковского, М.В. Ломоносова, А.П. Сумарокова, Г.Р. Державина, Н.М. Карамзина, И.И. Дмитриева, И.А. Крылова) с опорой на данные НКРЯ зафиксированы следующие абсолютные количества вхождений лексем *град* и *город* – 228 и 75 соответственно. На основании приведенных количественных данных и анализа их динамики можно прийти к заключению о динамике в использовании ключевых слов: заметный всплеск

интереса к использованию неполногласного варианта наблюдается после 1750-80-х годов еще раз в период рубежа XVIII и XIX веков.

Поэзия XVIII века демонстрирует преимущественное использование лексем *град* и *город* не в исторически первом, а во вторичном значении ‘крупный населенный пункт’ [Словарь русского языка XI-XVII вв., 1977: 91], ‘поселение со значительным числом жителей, занятых преимущественно торговлей и промышленной деятельностью; противоп. *село, деревня*’ [Словарь русского языка XVIII века 1989], которое в направлении к ломоносовскому периоду становилось все более употребительным (в сравнении с исходным смыслом ‘ограда, крепостная стена, линия укреплений’):

*Увидев времена златья
Среди **градов** своих и сел,
Гласит спасенная Россия...* [М. В. Ломоносов. Ода на прибытие из Голстинии и на день рождения его императорского высочества государя великого князя Петра Феодоровича 1742 года февраля 10 дня: «Дивится ныне вся вселенна...» (1742)].³

Значение ‘укрепленное поселение, крепость’ [Словарь русского языка XI-XVII вв. 1977: 90], развившееся на его основе, позднее применяется при описании событий российской истории:

*Пою премудрого российского Героя,
Что **грады** новые, **полки и флоты** строя,
От самых нежных лет со злобой вел войну...* [М. В. Ломоносов. Петр Великий: «Начало моего великого труда...» (1760-1761)].

При том что лексемы *город* и *град* можно считать этимологическими и стилистическими (по крайней мере, с пушкинского времени) вариантами одного слова, семантическими дублетами, существенно разнятся их валентностные потенциалы. Так, принятое в рамках подготовки данной статьи корпусное исследование творчества четырех важнейших представителей рус-

³ Здесь и далее цитаты стихотворных текстов даны по Национальному корпусу русского языка URL: <https://ruscorpora.ru/new/> с указанием автора, названия произведения и года создания в квадратных скобках.

ской поэзии XVIII века – поэтов-реформаторов А. Д. Кантемира, В. К. Третьяковского, М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова – в аспекте употребления лексем *град* и *город* показывает, что синтагматические и ассоциативно-семантические связи ключевых слов расширяются в направлении к концу столетия.

Вокруг поэтизма *град* на протяжении всего трех – четырех десятилетий XVIII в. (между 1730 и 1770 г.) формируется целое поле экспрессивно и идейно значимых, как правило, мелиоративно окрашенных эпитетов (*новый, царствующий, пространный, великий, великолепный, крылатый, неприступный, обширный, пышный, отеческий* и др.), за небольшим исключением (*печальный, слезный, бедный*), в том числе и в составе перифраз *первопрестольный град, столичный град, град Петров* и пр.

Сочинительные параллельные конструкции с использованием церковнославянизма, как и перифразы, иногда оживляют и обыгрывают формулы из библейского и церковного дискурса (*град и мир, град и храм, столп веры и столпы города и храма*⁴), например:

Воздвигнуть хочет столп и град?

[М. В. Ломоносов. Первые трофеи его величества Иоанна III, императора и самодержца всероссийского, чрез преславную над шведами победу августа 23 дня 1741 года в Финляндии поставленные и в высокий день тезоименитства его императорского величества августа 29 дня 1741 года в торжественной оде избраженные от всеподданнейшего раба Михайла Ломоносова: «Российских войск хвала растет...» (1741)].

Петр шествовал во град, Елисавета в мир.

[М. В. Ломоносов. Надпись на день рождения ее величества, где оное восходящей заре уподобляется, во время торжественного въезду Петра Великого от Полтавы: «О вы, которы всё по рассуждению злomu...» (1753)].

И ныне посреде покоя

Прекрасны храмы, грады строя,

Россию щитится украшать.

⁴ О связи идей единого города и храма веры см., напр.: [Шукуров 2017], [Смирнов, 2019], [Патроева, 2021].

[М. В. Ломоносов. Ода на торжественный день восшествия на всероссийский престол ее величества великий государыни императрицы Елисаветы Петровны ноября 25 дня 1752 года: «Российско солнце на восходе...» (1752)]

Поэтами настойчиво проводится идея возведенного Петром Первым города как подражания священному Граду Иерусалиму: «Исторически город как культурная форма зарождался в качестве особого сакрального места обитания, огораживающего людей от чужого мира, от мира хаоса. Город выступал космосом-формой, упорядочивающей жизнь, защищающей человека. Город актом своего рождения воспроизводил – по образу и подобию – рождение (творение) мира, повторяя первородный Град как начало мира» [Смирнов 2019:16].

Сакральная символика, восходящая к Библии и античным авторам, свойственна лексеме *град* и при употреблении в значении «сад, вертоград» (вспомним вирши Симеона Полоцкого и его школы, а также других авторов эпохи барокко), явно не представлена в поэзии Кантемира, Ломоносова, Третьяковского и Сумарокова, однако присутствует имплицитно, в подтексте, в связи с воплощением в образе *града / города* идеи сотворения нового мира. По поводу сакральной символики сада Л. И. Сазонова отмечает: «Мотив сада принадлежит топике культуры. Он также универсален, как свет и тьма. Бог – ... мудрый садовник. Из райского сада Эдема ведет начало история человечества» [Сазонова 2006: 524], – так и Петр Первый и его наследники в поэзии ломоносовского периода уподобляются строителю мира и райского вертограда:

*Паки Слава: «Российский император славный,
Всяку граду в мудрости и в храбрости явный.*

[В. К. Третьяковский. Элегия о смерти Петра Великого: «Что за печаль повсюду слышится ужасно?...» (1725)]

Стенал по нем сей град священный...

[А. П. Сумароков. Ода е. и. в. всемилостивейшей государыне императрице Елисавете Петровне, самодержице всероссийской в 25 день ноября 1743 : «Оставим брани и победы...» (1743)]

*И твой, монархиня, всерадостный приход
Сугубой радостью сей город оживляет...*

[М. В. Ломоносов. Надпись на иллюминацию, представленную в Москве на новой 1753 год, где изображен был орел, прилетающий от Санктпетербурга к Москве и на восток и на запад взирающий: «В любезной тишине наставший новый год...» (1752)]

Библейские аллюзии поддерживаются и использованием перифраз типа *священный град*, *небесный град*, *Ангельский град*, *Божий град*⁵:

Коснувся небу, должен пасть,

Касаясь Ангельскому граду

[А. П. Сумароков. Из 138 псалма. Господи искусил мя еси: «Меня ты, Боже, испытал...»]

Не случайна этимологическая связь *града* и *вертограда* через сему «огороженное место», окультуренное человеком, замкнутое, вне которого зло и пороки, внутри – законы, заповеди, добродетель (возможно, что этот сакральный подтекст и мешал поэтам XVIII столетия подавать образ града / города с отрицательной коннотацией).

Метонимические трансформации по ассоциации по линии *город – человек*, связанной со смежностью представлений о пространстве и населяющих его людях, более часты в лирике ломоносовской эпохи для поэтизма *град*:

За Вислой и за Вартой грады

Падения или отрады

От воли росской власти ждут...

[М. В. Ломоносов. Ода ее императорскому величеству всепресветлейшей державнейшей великой государыне императрице Елисавете Петровне, самодержице всероссийской, на торжественный праздник тезоименитства ее величества сентября 5 дня 1759 года и на преславные ее победы, одержанные над королем прусским нынешнего 1759 года, которую приносится всенижайшее и всеусерднейшее поздравление от всеподданнейшего раба Михаила Ломоносова: «Щедрот источник, ангел мира...» (1759)]

⁵ Ср. с *град горний* у Д. Хвостова, *град горний, неведомый* (Клюев); *град надзвездный* (Сологуб); *Град возвышенный* (Ходасевич), *До небесного града* (Блок) – см. примеры в [Иванова 2004: 336].

... *Град* тому чудился...

[М. В. Ломоносов. Ода на прибытие ее величества великия государыни императрицы Елизаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург 1742 года по коронации: «Какой приятной зефир веет...» (1742)]

*И грады, где был прежде лес,
Возвысят глас свой до небес...*

[М. В. Ломоносов. Ода на прибытие ее величества великия государыни императрицы Елизаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург 1742 года по коронации: «Какой приятной зефир веет...» (1742)]

*Несчастлив этот град,
Где всякий день почти и клоб и маскарад.*

[А. П. Сумароков. Недостаток Времени: «Жив праздности в уделе...» (1750-1777)]

Весь город я спрошу, спрошу и весь я двор...

[А. П. Сумароков. Эпиграмма: «Весь город я спрошу, спрошу и весь я двор...» (1759)]

В некоторых контекстах на первый план выходит персонификация как шаг, предшествующий формированию антропоморфной метафоры⁶:

...новый град Петров поселился...

[А. Д. Кантемир. Петрида, или Описание стихотворное смерти Петра Великого, императора всероссийского: «Я той, иже некогда забавными слоги...» (1730)]

Возносят грады там в веселии главы...

[М. В. Ломоносов. Поздравительное письмо Григорью Григорьевичу Орлову от Михайла Ломоносова с Рудицких заводов июля 19 дня 1764 года: «Любитель чистых муз, защитник их трудов...» (1764)]

Применяются оба ключевых слова и для создания гиперболы⁷:

⁶ Участие лексем *город* и *град* в создании метафор – дело будущего этапа в развитии русской поэзии: *Чудный град порой сольется Из летучих облаков...* (Баратынский); *Ткал город облачный* (Фофанов).

⁷ Ср. с позднейшей гиперболой В. Я. Брюсова, отсылающую также и к ветхозаветным преданиям: *Единый Город скроет шар земной.*

*Сегодня один из тех дней свят Николаю,
Для чего весь город пьян от края до краю.*

[А. Д. Кантемир. Сатира V. На человеческие злонравия вообще. Сатир и Периерг : «Сильна Пана воля будь, хоть мне смерть случится...» (1731-1743)]

*Светило дня впредь равного не зрит,
Из всех градов, везде Петрову граду.*

[В. К. Тредиаковский. Ода IV. Похвала Ижерской земле и царствующему граду Санктпетербургу : «Приятный брег! Любезная страна!..» (1752)]

Дальнейшее развитие экспрессивно-функционального потенциала лексем *град* и *город* требует специального исследования на материале лирики XIX – начала XXI, однако выявленные в ходе работы над данной статьей примеры из поэзии конца XVIII – первой половины XIX в. показывают, что последователи русских стихотворцев-реформаторов продолжали и углубляли наметившиеся уже в эпоху барокко и раннего классицизма тенденции, связанные с расширением ассоциативного ореола ключевых лексем *город* и *град*: так, у Державина находим сочетания *сей град, городов брега, стены града, шум града, Божий град, любимый град, Приамов град, соименный град, тверды грады, Петрову граду, Константинов град*; у Карамзина: *градов славянских, великолепный град, шума городов*; у Дмитриева: *в виду погранных им градов, в стенах роскошна града, великолепный град, поверженных градов, крепки грады, царствующий град, городов цветущих*; у Крылова: *страшны крепости и грады, нашим градом, край города, города большие*.

Топосы *града* и *города*, формирование связанных с ними эпитетов, перифраз, коллокаций и клише, эволюция урбанистических идей и мотивов в русской поэзии на всем пути ее развития от XVII столетия к веку XXI может стать темой подробного и комплексного исследования. Предложенная вниманию уважаемых читателей статья лишь начальная попытка рассмотрения этой многоплановой темы в диахроническом аспекте.

Литература

Джанумов С. А. Образ Петербурга в поэме А. С. Пушкина «Мед-

ный Всадник» // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2020. №1. С. 93-106.

Довгий О. Л. "Краев чужих неопытный любитель": География в сатирах А.Д. Кантемира // Палимпсест: литературоведческий журнал. №2, 2019. Нижний Новгород, 2019. С. 7-23.

Иванова Н. Н., Иванова О. Е. Словарь языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX в.). Москва, 2004.

Липчанская И. В. Образ города в литературе постмодерна: к постановке вопроса // Известия Саратовского университета Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2012. №3. С. 79-83.

Небольсин С. А. «Русский Феникс»: Москва 1812 года как символ русской и европейской поэзии // Филологическая регионалистика. 2013. №1 (9). С. 7-22.

Патроева Н. В. Образ храма в сборнике Е. А. Боратынского «Сумерки» и проблема композиции // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2021. № 3. С. 52-58.

Редкина Е. С., Черняк В. Д. Образ современного города в новейшей русской поэзии // Филологический класс. 2018. №1 (51). С. 109-114.

Сазонова Л. И. Литературная культура России. Раннее Новое время. Москва, 2006.

Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 4 (Г-Д). Москва, 1977.

Словарь русского языка XVIII века. Вып. 5. Ленинград, 1989.

Смирнов С. А. Городская антропология: между урбанизмом и повседневностью // ПРАКСЕМА. Проблемы визуальной семиотики

REFERENCES

Dzhanumov S. A. *Obraz Peterburga v poeme A. S. Pushkina «Mednyj Vsadnik»* // Vestnik MGOU. Seriya: Russkaya filologiya. 2020. №1. S. 93-106.

Dovgij O. L. "Kraev chuzhjih neopytnyj lyubitel'": Geografiya v satirah A.D. Kantemira // Palimpsest: literaturovedcheskij zhurnal. №2, 2019. Nizhnij Novgorod, 2019. S. 7-23.

Ivanova N. N., Ivanova O. E. *Slovar' yazyka poezii (obraznyj arsenal russkoj liriki konca XVIII – nachala ХХ в.)*. Moskva, 2004.

Lipchanskaya I. V. *Obraz goroda v literature postmoderna: k postanovke voprosa* // Izvestiya Saratovskogo universiteta Novaya seriya. Seriya Filologiya. ZHurnalistika. 2012. №3. S. 79-83.

Nebol'sin S. A. «Russkij Feniks»: Moskva 1812 goda kak simvol russkoj i evropejskoj poezii // Filologicheskaya regionalistika. 2013. №1 (9). S. 7-22.

Patroeva N. V. *Obraz hrama v sbornike E. A. Boratynskogo «Sumerki» i*

problema kompozicii // Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshej shkoly. 2021. № 3. S. 52-58.

Redkina E. S., Chernyak V. D. Obraz sovremennogo goroda v novejšej russkoj poezii // Filologičeskij klass. 2018. №1 (51). S. 109-114.

Sazonova L. I. Literaturnaya kul'tura Rossii. Rannee Novoe vremya. Moskva, 2006.

Slovar' russkogo yazyka XI-XVII vv. Vyp. 4 (G-D). Moskva, 1977.

Slovar' russkogo yazyka XVIII veka. Vyp. 5. Leningrad, 1989.

Smirnov S. A. Gorodskaya antropologiya: mezhdū urbanizmom i povsednevnost'yu // ПРАКСЕМА. Problemy vizual'noj semiotiki (ПРАКСЕМА. Journal of Visual Semiotics). 2019. Vyp. 1 (19). S. 13-31.

SHukurov SH. M. Propedevtika hrama. Terminologičeskaya refleksiya na knigu bytiya // Voprosy vseobshchej istorii arhi-tektury, 2017. №1 (8). S. 9-18.

©Патроева Н.В., 2022

Патроева Наталья Викторовна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка. Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия).

Адрес: 185031, Россия, г. Петрозаводск, Октябрьский проспект, д. 68, кв. 48.

E-mail: nvpatr@list.ru

Patroeva Natalia Viktorovna - Doctor of Philological Sciences, Full Professor, Head of Department of Russian Language. Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia).

Е. Ю. ПРОТАСОВА

г. Хельсинки, Финляндия

ekaterina.protassova@helsinki.fi

УДК 821.161.1-31(Яхина Г.)

РАЗМЫШЛЕНИЯ О РЕЧИ В РОМАНЕ «ЭШЕЛОН НА САМАРКАНД» Г. ЯХИНОЙ

Аннотация. В статье рассматриваются явления, связанные с многоголосицей художественного текста, на примере романа Г. Яхиной «Эшелон на Самарканд». Анализируется языковая полифония, служащая базой для художественного метода автора, позволяющая отразить актуальную лингвистическую ситуацию эпохи начала 1920-х гг. в СССР и особенности вербального взаимодействия людей друг с другом. Выделяются высказывания, описывающие феномены языка, речи и коммуникации, показывающие осознанное или бессознательное отношение персонажей к тому, как они говорят, в частности, даются примеры просторечия, бранной лексики, региолектов, идиолектов, жаргонизмов и аргю. Систематизируются случаи переключения кода как внутри одного идиома, так и между разными идиомами, а также транслингвальные практики, выражающиеся в использовании разных по происхождению лексем и выражений в одном высказывании. Делается вывод о глубоко продуманной автором картине общения внутри разнородного населения.

Ключевые слова: транслингвизм, языковые контакты, рефлексия над языком, иная речь, инаковость в языке, многоязычие, полифония, разговорная речь, речевая деятельность, художественные тексты, русская литература, литературное творчество, литературные жанры, литературные сюжеты, романы.

PROTASSOVA EKATERINA

Helsinki, Finland

ekaterina.protassova@helsinki.fi

REFLECTIONS ON THE SPEECH IN THE NOVEL “TRAIN TO SAMARKAND” BY G. YAKHINA

Abstract. The article deals with the phenomenon of multiple voices in a literary text taking G. Yakhina’s novel “Echelon to Samarkand” as an example. It examines the linguistic polyphony that serves as the author’s

artistic method, allowing her to reflect on the linguistic situation in the USSR in the early 1920s and to discern features of mutual verbal interaction of people from different linguistic backgrounds. The study emphasizes statements about the phenomena of language, speech, and communication, as well as shows the characters' conscious or unconscious attitudes through the way they speak, unfolding examples of vernacular, swear words, regiolects, idiolects, jargon, and slang. Cases of code switching, both within and between languages, are systematized, as are translingual practices manifested by the use of lexemes and expressions of different origin in one utterance. The conclusion concerns the way how the author carefully describes communication within the heterogeneous population.

Keywords: translingualism, language contact, reflection on language, alien speech, otherness in language, multilingualism, polyphony

В сознании автора художественного текста переплетаются голоса различных персонажей. Эти идеи были многократно высказаны М. М. Бахтиным и его последователями. Опыт описания речевой многоголосицы зависит от коммуникативного опыта писателя, его собственной лингвистической компетентности и способности использовать многообразные источники. В случае создания исторически документированного романа следует доверять полученному его создателем образованию, заставляющему опираться на проверенные источники.

Гузель Яхина, автор трех весьма популярных романов, обычно пишет о языковых и культурных группах внутри России. Это очень важное свидетельство: в языковом плане страна не однородна, об этом говорят редко, нечасто показывают исторические события глазами представителей разных слоев населения. Последнее произведение Яхиной – роман «Эшелон на Самарканд» [Яхина 2021] – критиковали с точки зрения достоверности и использования источников [Бобров 2021], рассматривали в русле традиций русской классической литературы [Гайнетдинова 2021], с точки зрения поэтики [Стадник, Юрьева 2021] и стилистики [Копытова, Сироткина 2021]. Вообще же произведения Яхиной много исследуются в литературоведении.

Нас интересует другой аспект творчества этой писательницы, а именно то, как она умеет передать инаковость голоса персонажа, как использует лингвистический материал для решения

своих художественных задач. Такой метод нередко называют исследованием транслингвальности, транслитературности, транскультурности, переключения кода и контактной литературы [Кремер 2014, Лупачева 2020, Hansenetal. 2013]. Имеется в виду, что мышление, обусловленное использованием того или иного языка, влияет на то, как человек говорит на других идиомах, как он видит мир, что способен сказать о нем. Ученые могут рассматривать различные направления, в которых проявляется столкновение языков и культур, в частности, когда речь идет о постсоветском пространстве, о зарубежном мигрантском тексте, о творчестве писателей, для которых используемый язык не был первым по времени усвоения [Бахтикиреева 2015, Валикова 2018, Кравцов с соавт. 2020, Лебедева, Лупачева 2019]. Таких людей становится все больше, и отражение этой позиции в художественной литературе оказывается прямым следствием расширения горизонтов каждой отдельной личности. Мир более разнообразен, чем кажется, и всегда был таким. Наиболее широко эти явления исследованы для англоязычных текстов, но появляются и иные работы [Pahtaetal 2018, You 2016]. Степень осознания человеком своих речевых практик может варьировать. Личность автора имеет при таком подходе достаточно большое значение, прежде всего потому, что тот, кто вырос в многонациональной и многокультурной обстановке, видит возможность сосуществования и взаимного обогащения языков и культур там, где другие этого не замечают. И Гузель Яхина – именно такая писательница.

Современный художественный текст создается авторами гораздо более подготовленными, рефлексирющими по поводу применяемых методов и приемов, помещаемых в глобальную структуру памяти о прошлом. В «Комментариях автора», завершающих книгу, Яхина перечисляет подлинные источники реплик персонажей и их речевых характеристик. В частности, особого внимания удостоился перечень детских имен, для создания которого потребовалось обратиться, помимо просторечия, фольклора и блатной фени, к архивам 1920-х гг., к татарскому, узбекскому, киргизскому и иным тюркским языкам. Это важный слой в самосознании автора. В тексте отмечается, что в прозви-

щах детей, которые также легко придумываются, отражается Поволжье – и мелкие деревни, и уездные города; история жизни, болезней, семьи, языка, привычек и других особенностей личности. Клички подробно классифицируются в нескольких местах в книге. Заключительные пояснения даны по главам, но на самом деле интересных выражений больше, чем там приводится. Заметим, что все главы книги названы словами, имеющими отношение к счету, а главной идеей начальника эшелона Деева является желание довести как можно больше голодающих и беспризорных детей до самаркандского детского дома – в идеале пять сотен. Некоторые пояснения даются постранично (как к словам *избоина*, *бус*), а некоторые даются без пояснений (как *пришабрить вестовой клапан*, *флеминговская жидкость*). Иногда сопровождающее толкование приводится в тексте, например, что *мамó* или «священный огонь» – это сибирская язва.

Подслушивая разговоры эвакуированных, мы убеждаемся, что они много что видели и знают, что тут используется изобилие поговорок, отсылок к церковному языку, знание зарубежных кинофильмов и советских реалий – как сказано в тексте, это босяцкий жаргон и революционная лексика, а в другом месте: язык «улиц и свалок, разбойничьих шалманов и церковных общин». Иногда носителями определенного подвида речи постоянно является один человек, иногда – группа людей, а временами у одного и того же персонажа чередуются разные стили высказываний. Нет прямой зависимости между идиолектом и манерой поведения, но сквозит авторская убежденность в том, что владеть многими языками и функциональными стилями речи – хорошо.

Постоянно подчеркивается, что состав людей многонационален (в разных местах книги упоминаются башкиры (и *башкурт*), чуваша, черемисы, мордва, вотяки / удмурты, марийцы, сибиряки, малороссы, грузины, калмыки, алтайцы, греки, представители российского севера. Некоторые не говорят по-русски, а некоторые обучаются речи здесь, в поезде, во время путешествия. Они происходят из разных слоев населения, прошли через своеобразные жизненные испытания. Свой поезд называют *гирляндой* за разномастность вагонов, а также *Ноевым ковчегом* за раз-

нообразии обитателей. Ника немец происходит из германских колоний под Саратовом, не может рассказать о себе, не владея русским, но Яхина поясняет, что «слова *Saratow* и *Wolga* на всех языках звучали одинаково», что, конечно, преувеличение, т. к. немецкое произношение этих слов иное, чем русское. Среди социальных сестер – татарская княжна, ихтиолог, учившаяся в Цюрихе, владеющая татарским, русским, арабским, французским, немецким, древнегреческим. Сестер распределяют по вагонам так, чтобы кто-то из пары мог говорить и на другом языке, чем русский. Комиссар поезда Белая владела жаргоном до описываемой поездки, но постепенно ему обучился и Деев. Он начинает использовать слова *сторговать*, *намылиться*, *накапать бибики с салом*, *прижать уши к макушке*, *загибать салазки*, *шпарить*, *нарезать винта* и т. п., причем он сам не понимает, откуда «все эти слова на язык свалились».

Изредка встречаются чужеземные надписи, например, вместо одеяла один ребенок использует мешок со словами “*CoffeedeCostaRica*”, и наблюдать их на советской детворе Дееву неловко. В лазарет приносят человеческий череп с иноземной этикеткой “*Boeninger-Apotheke. Hamburg*”. Таким образом поезд становится не только ездой в будущее, надеждой на хороший конец, но и складом прошлого, где встречалось всякое. Это и походная церковь, и экспроприированные вещи, и подарки от казаков, и случайно собранные люди с иным прошлым, отличающиеся друг от друга.

Использование особой речи свойственно не только эшелону, но и, скажем, агитбригаде, которая исполняет в каждом вагоне песенку из придуманных слов: «Крам-бам-були! Юшки-вьюшки! Веревьяны, веревью!.. Синтерьетор! Извинотор! Байбаюта и та-та!» [там же: 274]. На вольном ветру дети горланят частушки и скабрзные песни. Писательница вообще не пренебрегает использованием звукоподражаний, которые рассыпаны по всему повествованию.

Провести вместе с героями почти два месяца – значит погрузиться в атмосферу, где человеческая жизнь, с одной стороны, почти ничего не стоит, с другой – становится движущим механизмом травелога, где главное – достичь цели и спасти 500 де-

тей. Спасенные – это капля в море бездомности, голода, отсутствия нормальных жизненных условий. Автор часто защищается от напастей рядами всевозможных номинаций: именами людей, перечислением дел и событий, названиями трав, лекарств, перечнями съедобных и несъедобных, добытых, потерянных или экспроприированных вещей, населенных пунктов, высказываний.

В книге используются ряды обозначений, например, при перечислении наркотиков (*марафет, кокс, антрацит, кикер, мура, нюхара, мел, сода*), при указании на правила поведения дома (*не воруют, не срут под лавку, не бьют окна, не мажут углем потолок* и т. п.), при наименовании унижений (*пить грязь или мочу, лизать чужие ноги, ноченька, верти-вол*). Применяются сокращения – признак речи того времени: *деткомиссия, детотдел, голдети, дезокамера, дезобак, исправдом, домзак* (дом заключения), *эвакопоезд*. Сегодня многие термины того времени непонятны, как *реформаторий, трудовой дом, арестный дом, вагон-приемник*. Указывается, что детский дом и школа им. К. Маркса назывались Домом Кырлы-Мырлы. Подчеркивается, что у детей множество синонимов, например, чтобы сказать, что кто-то врет или обманывает: *тискать, клеить, торговать, лечить, чесать, клепать, бусить, лохматить бабушку, трындеть, баянить, подпускать турусы, пускать жука, гонять базло, лимонить, лестить, отливать, бакулить, полы-гать, алдашить, ондалашить, гнуть байду, выкрутить, вымазать*, и это не полный список. То же касается обозначения неудачи. Дети нарочно изобретают разные названия для места, где раздают кипяток, для своих рубах, кухни, кружек, вагонов. Яхина обращает внимание на то, что в поисках наиболее приемлемого и точного термина дети долго обсуждают варианты, спорят, не соглашаясь на обычное или недостаточно подходящее слово.

Пестрому и причудливому языку эшелона посвящена специальная подглавка. «А уж выплестать ребята умели! Привычные к вольной жизни, дети и с языком обходились вполне вольно – нещадно коверкали грамматику, оборачивали предложения в диковинные конструкции. Угроза, к примеру, могла звучать так: *уж я-то его научу уму насчет картошки дров поджарить!* А

могла так: *бутыскну валявку уменьше количества на ляд с маганей!*» [Яхина 2021: 252]. Иногда слова упрощаются и обрезаются. Запретной темой для словотворчества оказывается еда, в разговорах о которой маленькие пассажиры эшелона проявляют себя знатоками, не только зная буквально все о простой и сложной кухнях, но и о способах подачи и комбинирования блюд. Яхина отмечает, что отношение детей к языку было собственническим, как к богатству, родине и памяти, поскольку ничем больше они не владели. Они старались подцепить и сохранить новое и не делились речью с взрослыми. «Язык нельзя было потерять в скитаниях. Его не могли отобрать горлохваты постарше или свистнуть ночные воры. Язык не снашивался, как башмаки, и не вшивел, как исподнее, а с каждым днем становился только богаче и ярче. Поддавался и подчинялся хозяину. А главное – не предавал, всегда оставаясь рядом» [Яхина 2021: 254]. Задумав брачные церемонии (чтобы подкрепить дружбу в паре), дети также совершают обряды, а потом мальчики называют своих девочек *моя*, а девочки их – *муж*.

Один из лейтмотивов повествования – взаимопонимание людей. Когда Фатима поет колыбельную на татарском, ее понимают все. Дети, говорящие на разных языках, не смущаются этим и заимствуют способы выражения друг у друга. Ради подкрепления отношений они вырабатывали обряды и ритуалы, связанные с жестами и сопровождающими их словами, построенные на приманивании удачи (*фарта*, *везухи*, *прухи*) и отпугивании неудачи, а также в целях утверждения единства собственного коллектива, совершения сделок, приветствий и прощаний и т. д. Любое сообщество, особенно детское, составляет свои традиции, в том числе и вербальные, которые скрепляют коллектив и устанавливают правила поведения внутри него.

Среди путешественников существует вера в магию слов. Рассуждают о слухах, в частности о железнодорожном составе, наполненном продуктами, которые раздадут тем, кто «согласится выучить на американском языке длинную считалку и произнести три раза подряд не сбившись, стоя на одной ноге и ни разу при этом не сморгнув. А считалка та не просто тарабарщина – клятва верности американскому королю». Чужой язык завора-

живает. Придумывание новых слов и легенд – занятие, которому можно предаваться, когда нет других дел, которое заполняет пустоту ничегонеделания.

Дети очень любят рифмы. Рифмованными ответами они встречают Деева в казанском детприемнике, причем с самого начала ясно, что у них богатый лексикон (*Куда же вы? – На кудыкину гору; по кривому забору; посмотреть на обжору; или выпить кагору; или слопать рокфору* и т. п.). Потом то же повторяется и в пути, и те, кто лучше рифмует, пользуются особым авторитетом. Получаются то простые частушки, то более сложные магические заклинания, как будто бы приручая окружающее через ритмические строчки. Надо сказать, что детям читают стихи Лермонтова и приключенческие книги, случайно оказавшиеся в поезде. Не понимая многих слов, слушатели наслаждаются удивительными сочетаниями звуков, ритмом и рифмами. Подобно этому, взрослым людям с русским происхождением имена чувашских деревень кажутся *заковыристыми*.

Революция и гражданская война оставили неизгладимый след на жизни бездомных детей. Яхина постоянно подчеркивает, что беспризорников невообразимое количество. Сирот стало много и после свирепствовавшего в Поволжье голода. Естественно, что у детей есть воровские профессии: занимаются *марафоном* (подбирают мелочь на трамвайных остановках), *шарапом* (открыто воруют на рынках), становятся *могильщиками* (собирают вещи на кладбищах). Среди них есть картежники, а другие *проигрываются на чистуху*, могут *лизнуть* (выпить), любят *откусывать* (выпрашивать остатки еды в буфете), *форсить*, *филонить*.

Проезжая через разнообразные в языковом отношении земли, эвакуированные встречаются с удивительными названиями, например, в пустыне видят надписи на полустанках русскими буквами: *Чумыш, Карамышлы-Баш, Каракуус, Бай-Хожя, Тюра-Там, хорхут, Бик-Баули, Джусалы, Чили* – многие из которых ассоциируются с оноματοпеями, связанными с местными реалиями. Когда Деев оказывается в степи, то вспоминается слово *байрак* (сухой неглубокий овраг), когда в пустыне – то *такыр*

(глиняное поле), а когда он в плену, то из глубин памяти появляется слово *зиндан* (подземная тюрьма в Средней Азии).

В целом можно сказать, что в этом романе сделана попытка воспроизвести разговорную речь 1920-х годов, включив в ткань романа различные пласты лексики, не всегда понятной современному читателю. Чтобы читатель мог разобраться в словах, найти подтверждение своей догадке о значении прозвища или разочароваться в своей гипотезе, в конце книги как раз и приводится словник, неполный по отношению к тексту. Поскольку читатель верит, что почти все клички и многие элементы сюжета основаны на подлинных документах и событиях, он может быть благодарным писательнице за проделанную работу, за интерес к сочным выражениям, за умение выбирать и предоставлять аудитории ценные в исторической перспективе материалы. Яхина и сама заворожена красотой устаревших фразеологизмов, звучащих иначе слов и вербальной изобретательностью описываемых ею героев. Создавая картину речи чужого времени и иной среды, отдельности коллектива людей, плывущего по рельсам на юг, автор сопровождает это движение особой словесной массой, адекватной смешению обстоятельств и судеб прототипов.

Литература

Бахтикиреева У.М. Русскоязычие как актуальная междисциплинарная проблема // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 1 (45). С. 94–99.

Бобров А.А. Новые медиа как зеркало антикультуры // IV Моисеевские чтения. Доклады и материалы Общероссийской (национальной) научной конференции. М., 2021. С. 266–271.

Валикова О.А. Прецедентные феномены в транслингвальном художественном тексте // Русский язык за рубежом. 2018. № 2 (267). С. 57–64.

Гайнетдинова Л.И. Традиция Ф.М. Достоевского в произведениях Г. Яхиной: прием «болевого воздействия» (рецептивный аспект) // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. 2021. № 3 (60). С. 242–245.

Копытова Е., Сироткина Т. Сравнения в прозе Гузель Яхиной // Материалы Международной научной конференции. Отв. редактор Е.Н. Орехова. М., 2021. С. 281–284.

Кравцов С.М., Черноситова Т.Л., Максимец С.В. Способы создания метафоры в транслингвальном тексте (на материале франкоязычных художественных произведений) // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2020. № 2 (46). С. 87–96.

Креммер Е.Н. Художественный билингвизм и транслингвизм – русскоязычие (библиографический обзор) // Гуманитарные исследования. 2014. № 1 (49). С. 61–67.

Лебедева Е.С., Луначева Т.А. Сравнительный анализ лингвостилистических особенностей творчества писателей-транслингвов // Полилингвальность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 3. С. 347–357.

Луначева Т.А. Транслингвальная личность автора и возможность ее сохранения при переводе // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2020. № 6–2. С. 269–272.

Стадник Д.Р., Юрьева М.В. Поэтика романа Г. Яхиной «Эшелон на Самарканд» // Актуальные вопросы современной филологии: теория, практика, перспективы развития. Материалы VI Международной научно-практической конференции. 2021. С. 309–311.

Яхина Г.Ш. Эшелон на Самарканд. М., 2021.

Hansen J., Nordin I.G., Zamorano Llena C. Transcultural Identities in Contemporary Literature. Amsterdam, 2013.

Pahta P., Skaffari J., Wright L. (eds.) Multilingual Practices in Language History: English and Beyond. Boston, 2018.

You X. Cosmopolitan English and transliteracy. Carbondale, 2016.

REFERENCES

Bahtikireeva U.M. Russkoyazychie kak aktual'naya mezhdisciplinarnaya problema // Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke. 2015. № 1 (45). S. 94–99.

Bobrov A.A. Novye media kak zerkalo antikul'tury // IV Moiseevskie chteniya. Doklady i materialy Obshcherossijskoj (nacional'noj) nauchnoj konferencii. M., 2021. S. 266–271.

Valikova O.A. Precedentnye fenomeny v translingval'nom hudozhestvennom tekste // Russkij yazyk za rubezhom. 2018. № 2 (267). S. 57–64.

Gajnetdinova L.I. Tradiciya F.M. Dostoevskogo v proizvedeniyah G. YAhinoj: priem «bolevogo vozdejstviya» (receptivnyj aspekt) // Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. M. Akmully. 2021. № 3 (60). S. 242–245.

Kopytova E., Sirotkina T. Sravneniya v proze Guzel' YAhinoj // Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Otv. redaktor E.N. Orekhova. M., 2021. S. 281–284.

Kravcov S.M., Chernositova T.L., Maksimec S.V. Sposoby sozdaniya metaboly v translingval'nom tekste (na materiale frankoyazychnyh hudozhestvennyh proizvedenij) // Sovremennye lingvisticheskie i metodikodidakticheskie issledovaniya. 2020. № 2 (46). S. 87–96.

Kremer E.N. Hudozhestvennyj bilingvizm i translingvizm – russkoyazychie (bibliograficheskij obzor) // Gumanitarnye issledovaniya. 2014. № 1 (49). S. 61–67.

Lebedeva E.S., Lupacheva T.A. Sravnitel'nyj analiz lingvostilisticheskikh osobennostej tvorchestva pisatelej-translingvov // Polilingval'nost' i transkul'turnye praktiki. 2019. T. 16. № 3. S. 347–357.

Lupacheva T.A. Translingval'naya lichnost' avtora i vozmozhnost' ee sohraneniya pri perevode // Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshej shkoly. 2020. № 6–2. S. 269–272.

Stadnik D.R., YUr'eva M.V. Poetika romana G. YAhinoj «Eshelon na Samarkand» // Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii: teoriya, praktika, perspektivy razvitiya. Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 2021. S. 309–311.

YAhina G.SH. Eshelon na Samarkand. M., 2021.

Hansen J., Nordin I.G., Zamorano LlenaC. Transcultural Identities in Contemporary Literature. Amsterdam, 2013.

Pahta P., Skaffari J., Wright L. (eds.) Multilingual Practices in Language History: English and Beyond. Boston, 2018.

You X. Cosmopolitan English and transliteracy. Carbondale, 2016.

©Протасова Е.Ю., 2022

Протасова Екатерина Юрьевна – доктор педагогических наук, доцент Хельсинского университета (Хельсинки, Финляндия).

Адрес: 00660, Финляндия, г. Хельсинки, Unioninkatu, 33В.

E-mail: ekaterina.protassova@helsinki.fi

Protassova Ekaterina – Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the University of Helsinki (Helsinki, Finland).

Т.Б. РАДБИЛЬ

г. Нижний Новгород, Россия

timur@radbil.ru

УДК 81'42:821.161.1-1(Мандельштам О.)

ЯЗЫКОВАЯ АНОМАЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР КОНДЕНСАЦИИ СМЫСЛА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКА ПОЭЗИИ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА)

Аннотация. В работе обсуждается лингвокреативный потенциал языковых аномалий в художественном тексте на материале языка поэзии О. Мандельштама. Механизмы языковой аномальности разного рода напрямую участвуют в создании такого эстетически значимого эффекта в идиостиле О. Мандельштама, который мы именуем «конденсация смысла». В работе рассматриваются три вида языковых аномалий: аномалии лексико-семантические, которые связаны с сочетанием несочетающихся слов; словообразовательные, которые связаны с процессами неологического словообразования потенциальных слов и окказионализмов; грамматические, которые связаны с процессами неузуальной реализации грамматической формы (аномалии грамматической парадигматики) или неузуальной реализации грамматической сочетаемости, заполнении валентностей и под. (аномалии грамматической синтагматики). Прагматические функции языковых аномалий в языке поэзии О. Мандельштама состоят в установке на разрушение автоматизма восприятия, на неконвенциональное употребление узальных единиц и моделей языка, на «нарушение читательского ожидания» (Р.О. Якобсон). Когнитивные функции языковых аномалий заключаются в том, что они служат единственно возможным средством концептуализации и художественного осмысления сложной и внутренне противоречивой действительности, негармоничных, болезненных состояний внутреннего мира.

Ключевые слова: идиостиль, О. Мандельштам, лингвокреативность, языковые аномалии, конденсация смысла, поэтический дискурс, язык русской поэзии XX в., русские поэты, поэтическое творчество, поэтические жанры, поэтический язык.

RADBIL TIMUR B.

Nizhny Novgorod, Russia

LANGUAGE ANOMALY AS A FACTOR OF SENSE CONDENSATION IN A POETIC TEXT (BY THE MATERIAL OF THE LANGUAGE OF OSIP MANDELSHTAM'S POETRY)

Abstract. The paper discusses the linguo-creative potential of language anomalies in a literary text based on the language of O. Mandelstam's poetry. The mechanisms of language anomaly of various kinds are directly involved in creating such an aesthetically significant effect in the idiosyncrasy of O. Mandelstam, which we call "meaning condensation". The paper considers three types of language anomalies: lexical-semantic anomalies, which are associated with a combination of incompatible words; word-formation, which are associated with the processes of neological word-formation of potential words and occasional derivatives; grammatical, which are associated with the processes of non-usual implementation of the grammatical form (paradigmatic grammatical anomalies) or non-usual implementation of grammatical compatibility, filling in valences, etc. (syntagmatic grammatical anomalies). The pragmatic functions of language anomalies in the language of O. Mandelstam's poetry consist in setting the destruction of the automaticity of perception, the unconventional use of usual units and models of language, and the "violation of the reader's expectation" (R.O. Jakobson). The cognitive functions of language anomalies lie in the fact that they serve as the only possible means of conceptualization and art comprehension of a complex and internally contradictory reality, inharmonious, painful states of the inner world.

Keywords: O. Mandelstam's idiosyncrasy, lingual creativity, language anomalies, sense condensation, poetic discourse, the language of Russian poetry of the 20th century.

В статье представлен очередной этап предпринятого нами исследования в области лингвокреативного потенциала языковых аномалий в художественном тексте на новом материале языка поэзии Осипа Мандельштама. Методологической основой исследования выступают научные идеи общей теории аномальности [Радбиль 2012], принципы комплексного изучения активных процессов в русском языке в аспекте их лингвокреативности [Радбиль 2016; Радбиль и др. 2021], лингвокогнитивной и лингвокультурологической интерпретации инновационных тен-

денций [Радбиль 2016; Социокультурные и прагматические аспекты 2018].

Практически общим местом в лингвопоэтических штудиях является представление о повышенной смысловой емкости, насыщенности, нагруженности слова в поэзии [Ларин 1974]. Мы исходим из предположения, что одним из факторов указанной смысловой емкости являются разнообразные механизмы языковой аномальности. В общем виде языковую аномалию можно понимать, вслед за Ю.Д. Апресяном, как «нарушение правила употребления какой-то языковой или текстовой единицы» [Апресян 1990: 50]. Однако в ряде случаев различия между языковой аномалией и стилистическим приемом коренятся лишь в интенциональности автора, но не в самих моделях отклонения от того или иного правила, которые в этих случаях сходны [Апресян 1995]. Как показано в наших работах [Радбиль 2012; Радбиль 2017], языковая аномалия всегда относительна, так как устанавливается только по отношению к какой-либо точке отсчета: явление, аномальное в одном плане, представляется совершенно нормальным, уместным в другом. Особенно это справедливо для поэтической речи, применительно к которой даже как-то и не хочется называть эти явления аномалиями. Часто мы предпочитаем в этих случаях говорить о семантических сдвигах, смысловых преобразованиях и т.д.

Языковая аномалия как отклонение от правил или норм вовсе не перечеркивает само правило или норму: «Возможность отклонений от языковых правил в речевой практике как бы предусмотрена самими правилами» [Булыгина, Шмелев 1997: 439]. Поэтому языковая аномалия часто может быть мотивирована — семантически осмыслена, прагматически уместна, коммуникативно адекватна и т.д. [Апресян 1995]. Художественная практика как никакая иная предлагает определенные коммуникативные условия, которые как бы способствуют «включению» механизма аномализации в речевой практике, потому что данные механизмы обладают существенным потенциалом выразительности и лингвокреативности. Все это в полной мере относится и к поэзии Осипа Мандельштама, для которой особая смысловая сгу-

ценность, особая смысловая нагруженность слова считается стилеобразующими и текстообразующим фактором.

Далее мы покажем, как механизмы языковой аномальности разного рода напрямую участвуют в создании такого эстетически значимого эффекта в идиостиле Осипа Мандельштама, который мы именуем «конденсация смысла». Речь идет о реализации целого комплекса узуальных и неузуальных значений, а также семантических ассоциаций, которыми обрастает слово в микроконтексте и которые реализуются одновременно, а не так, как в режиме внехудожественного использования языка, когда облигаторно выбирается лишь одно значение из возможных.

Как это работает, можно показать на следующем примере: *Как будто холода рассадник // Открылся в лапчатой Москве!* («Московский дождик», 1922). — Здесь семантическая емкость эпитета *лапчатый* достигается совмещением самых разных, так сказать, разноприродных смыслов, которые не распределяются, не дифференцируются в контексте, а, напротив, соприисутствуют в нем одновременно. Итак, почему же Москва — *лапчатая*? Значение переносное ‘похожий на лапу’ явно отнесено не к Москве, а к наблюдаемому лирическим героем фрагменту городского пейзажа. Возможно, капли дождя оставляют следы, ассоциирующиеся со следами лапок птиц. Возможно, как стройные линии следов от птичьих лапок воспринимаются какие-то элементы городского интерьера — брусчатка, стены с определенным покрытием, ограды, мосты. Возможно, здесь *лапчатый* — тот, по которому проходит ежедневно много лап, т.е. человеческих ног, лошадиных копыт, птичьих, собачьих и кошачьих лап (забегая несколько вперед, отметим, что этот смысл подсвечивается неодериватом Мандельштама *разлапца бульваров* в другом стихотворении). Прямое значение ‘имеющий лапы с перепонками’, возможно, ложится в основу метафорического образа, когда сам городской пейзаж, воспринимаемый чрез завесу дождя, ассоциируется по каким-то признакам у лирического героя как нечто, имеющее лапы с перепонками. В качестве дальней ассоциации можно допустить и коннотацию, реализованную в образной семантике просторечного фразеологизма *гусь лапчатый* ‘о хитром, ловком человеке, пройдохе’. Москва — город с хит-

рецей, с лукавинкой: в нашей культуре известна модель стереотипного восприятия ее жителей как народа ушлого, которому палец в рот не клади (вспомним и пословицу: *Москва слезам не верит*).

В этой статье мы коснемся лишь трех видов языковых аномалий: аномалии **лексико-семантические**, **словообразовательные** и **грамматические**, памятуя о том, что обычно, применительно к художественному тексту, скорее всего, можно говорить о комплексной актуализации аномалий разных уровней языка в пределах одного микроконтекста.

Лексико-семантические аномалии. В основном они связаны с сочетанием несочетающихся слов. Эффект «конденсации смысла» можно продемонстрировать на следующей знаменитой метафоре Осипа Мандельштама: *Уж до чего шероховато время* («Полночь в Москве...», 1931). — Здесь одновременно, благодаря использованию механизма концептуальной метафоры по модели овеществления абстракции [Лакофф, Джонсон 2004], представлено как прямое значение «шероховатый» 'негладкий, с мелкими неровностями, бугорками; шершавый', так и переносное 'закрывающий в себе какие-нибудь изъяны, чем-нибудь затрудненный', в силу которого и порождается негативная коннотация. Однако в данном контексте возникает еще одно приращение смысла, связанное с включением позиции наблюдателя, концептуализатора. Ведь *шероховатой* безобразная абстрактная сущность может быть признана лишь в ракурсе восприятия, данный признак приписывается объекту за счет перцептивной модальной рамки 'я ощущаю / воспринимаю нечто как X'. Такие признаки вещей в концепции Дж. Лакоффа и М. Джонсона именуются «интерактивные характеристики» [Лакофф, Джонсон 2004], в норме отражающие не объективные свойства объекта, а особенности его восприятия. В наших работах механизм одномоментной реализации дескрипции объекта и точки зрения на него трактуется как «скрытая предикация». В таких словах выделяется своего рода **диктумная часть**, актуализующая номинативное содержание понятия, и **модусная часть**, представляющая точку зрения говорящего на объект номинации [Радбиль 2017]. Сами же контексты как результаты реализации дан-

ного когнитивного механизма мы предлагаем называть «**эмпатийные контексты**». Возвращаясь к шероховатости времени, отметим, что несколько сниженная оценка хода времени вообще для Мандельштама свойственна. Время как бы сопротивляется человеку. Идея «сопротивления времени» выражается в том, что оно, по мнению поэта, течет неплавно, как-то не так, неправильно, «против человека», задевая человека своими неровностями, мешая ему жить. Время можно попытаться одолеть в редкие моменты откровения, догнать, поймать, о чем свидетельствует и следующая строка: *А все-таки люблю за хвост его ловить*. Но в целом восприятие времени у Мандельштам в негативном ключе — читаем далее, уже без всяких эмпатийных контекстов: *Ведь в беге собственном оно не виновато // Да, кажется, чуть-чуть жуликовато...*

«Эмпатийные контексты» как аномалии лексической сочетаемости в изобилии представлены в знаменитых эпитетах Осипа Мандельштама.

(1) «Эмпатийный контекст», обыгрывающий особенности слухового восприятия наблюдателем: *Я на лестнице черной жи-ву, и в висок // Ударяет мне **вырванный с мясом** звонок* («Я вернулся в мой город», 1930). — В этих известных строках мы снова видим актуализацию модели концептуальной метафоры по типу овеществления абстракции. Фразеологизм *вырвать с мясом* имеет достаточно узкое значение ‘оторвать (пуговицу, крючок и под.) вместе с материей, с куском ткани’. Здесь признак *вырванный с мясом*, конечно же, характеризует не сам звонок, а особенности восприятия ночного звонка как резкого, неприятного звука на фоне тишины (по ночам обычно сотрудники ГПУ ходили арестовывать жителей) в ситуации тревожного ожидания, атмосферы всеобщего страха (*в висок ударяет*), и это производит гнетущее впечатление, неприятное ощущение. Г.И. Кустова в подобных случаях говорит о субъектной импликации в когнитивной модели ситуации [Кустова 2004], когда семантический сдвиг связан с переносом номинации с описания состояния объекта с определенными свойствами на описание состояния самого экспериенцера.

(2) «Эмпатийный контекст», обыгрывающий особенности зрительного восприятия наблюдателем: *Я тебя никогда не увижу, // Близорукое армянское небо* «Армения», 11, 1931). — Нетрудно увидеть, что свойство 'быть близоруким' в реальности приписано не небу, а опять же — особенностям его восприятия. Субъект воспринимает небо нечетким, в расплывчатых очертаниях, словно в дымке; возможно, и сам цвет неба, как это бывает на юге в солнечную пору, неопределенный, как бы выгоревший. О том, что в эпитете закодированы именно особенности перцепции неба с точки зрения наблюдателя, находящегося непосредственно в хронотопе воспринимаемой картины, свидетельствуют и следующие строки: *И уже не взгляну, прищурясь, // На дорожный шатер Арарата.*

«Эмпатийные контексты» возможны не только на основе обыгрывания эффектов внешнего восприятия. В наших предыдущих работах рассматривались явления «ценностных сдвигов», когда посредством прилагательных с общеоценочной или частнооценочной семантикой атрибутируются объекты физического мира, вещи, предметы быта, артефакты, в норме оценке не подлежащие [Радбиль 2017]. У Мандельштама встречаем: *Захочешь пить — там есть вода такая // Из курдского источника Арзни — Хорошая, колючая, сухая // И самая правдивая вода* («В год тридцать первый от рожденья века...», 1931). — Эпитет *правдивый* также отнесен к воде не напрямую, а через оценочную сферу концептуализатора. *Правдивая* здесь — правильная, полностью соответствующая норме, с точки зрения говорящего, его представлениям о том, какой должна быть вода. Поэтому *правдивая вода* здесь — вода и прозрачная, и чистая, и холодная, хорошо утоляющая жажду в жаркий день.

«Конденсация смысла» при использовании механизмов лексико-семантической аномальности в идиостиле Мандельштама может порождаться одновременным столкновением в пределах одного контекста современного и архаического, малоизвестного значений слов: *Нам союзно лишь то, что избыточно, // Впереди — не провал, а промер, // И бороться за воздух прожиточный — // Это слава другим не в пример* («Стихи о неизвестном солдате», 1937). — Здесь в лексеме *избыточный* сталкивается совре-

менная семантика 'необходимый, достаточный для существования, жизни' и устаревшее значение 'предназначенный для проживания (*прожиточные именья*)'. Кроме этого, в данную конфигурацию смыслов вовлекается ассоциативный смысл 'необходимый для выживания, чтобы выжить', а в случае прочтения семантики лексемы *воздух* по модели метафорического расширения до обобщенного значения 'условия, среда существования' еще возможны смыслы, связанные с нормативно-оценочными коннотациями 'достойный, требуемый для подлинной духовной жизни и внутреннего развития личности'. В таких случаях можно говорить об обыгрывании этимологической памяти слова, истории развития его значений.

Словообразовательные аномалии. В основном они связаны с процессами неологического словообразования потенциальных слов и окказионализмов. О неодеривации в поэзии Мандельштама сказано уже много. Здесь я коснусь лишь некоторых показательных случаев, где посредством использования механизмов незуального словообразования реально осуществляется эффект «конденсации смысла».

*Бывало, я, как помоложе, выйду // В проклеенном резиновом пальто // В широкую **разлаплицу** бульваров...* («Полночь в Москве...», 1931). — Здесь *разлаплица*, с одной стороны, обозначает множество путей, разбросанных по всей Москве бульваров. С другой стороны, на ассоциативном уровне имеются в виду и лапы (ветви) раскидистых деревьев, растущих на бульварах столицы. Также, возможно, реализуется и имплицитное представление о совокупности пешеходов, о толпах людей, снующих по всей Москве туда-сюда (восприятие толпы как многоногого (многолапого) существа).

*Голубой, **онелепленный**, пепельный, // В барабанном наросте домов, // Город...* («Рим», 1937). Здесь семантически емкое причастное новообразование *онелепленный* не просто означает 'тот, которого каузировали стать нелепым, сделали нелепым'. Нетрудно видеть, что в этом словоупотреблении нейтрализуются, т.е. реализуются диффузно разные значения исходного прилагательного *нелепый*: 'лишенный здравого смысла; неразумный, бессмысленный'; 'странный, несуразный'; 'неловкий, неуклю-

жий'. А еще, как это обычно бывает у Мандельштама, здесь, возможно, сопричастие и этимологического значения нелепый 'некрасивый' и в другом архаическом значении 'не отвечающий приличиям, непристойный'.

И прадеда скрипкой гордится твой род. // От шейки ее хорошея, // И ты раскрывала свой аленький рот, // Смесь, итальянсья, русея... («Возможна ли женщине мертвой хвала?», 1935). — Здесь семантическая компрессия достигается за счет использования деепричастных конструкций на основе неодериватов, обозначающих динамику становления ситуационного, наблюдаемого как бы в режиме реального времени признака или состояния. Деепричастия здесь означают второстепенное действие по глаголам с нераспределенной в контексте диффузной семантикой: 'становиться похожей на итальянку / русскую'; 'вести себя, как это свойственно стереотипным итальянцам / русским'; 'притворяться итальянкой / русской'; 'стать итальянкой / русской по духу' и пр.

«Конденсация смысла» в поэзии Мандельштама часто обусловлена тем, что неодериват маркирует целый фрейм, в норме могущий быть обозначен лишь описательно, целым комплексом выражений. Это ярко проявляется в следующем примере: *О, бабочка, о, мусульманка, // В разрезанном саване вся — // Жизнеченочка и умиранка* («О, бабочка, о, мусульманка...», 1933). Неодериват *жизнеченочка* обладает всеми признаками рассмотренной выше «скрытой предикации»: в номинативную базу как в диктумную часть, выраженную производящей основой, входят нерасчлененные диффузные смыслы 'живая, живущая' (известно, что век бабочек недолог) и 'исполненная энергии, оживленная', а в модусную часть, выраженную уменьшительно-ласкательным суффиксом, входит положительно-оценочное отношение говорящего, эмпатия. Аналогично — *умиранка*: в диктумную часть входят нерасчлененные диффузные смыслы 'та, которая скоро умрет' и 'та, которая в изнеможении лишается сил, утрачивает жизненные силы', а в модусную часть входит личностно заинтересованное отношение говорящего к наблюдаемому объекту. В целом же оксюморонный оборот *жизнеченочка и умиранка* выражает целый комплекс смыслов фреймового

типа о мимолетности жизни и смерти, об их взаимообусловленности, и о восторженномприятии того и другого в качестве закона бытия, и, с другой стороны, о значимости каждого мгновения бытия, которое неповторимо, но преходяще, как кружение бабочки.

«Конденсация смысла» в идиостиле Осипа Мандельштама может быть связана с паронимической аттракцией, которая может формироваться, например, посредством словообразовательной анафоры: *Переуважена, перечерна, вся в холе, // Вся в холках маленьких, вся воздух и призор, // Вся рассыпаючись, вся образуя хор, — // Комочки влажные моей земли и воли...* («Чернозем», 1935). Здесь причастный неодериват *переуважена* возводится к глагольному неологическому каузативу *переуважить*, который, с одной стороны, означает что-то вроде ‘с избытком удобрена, возможно, неоднократно’ (т.е. земле как бы оказали уважение’, с другой — паронимически перекликается с *унавожена* в том же значении. Кроме того, здесь можно видеть и актуализацию этимологической памяти слова: современное *важный* восходит к многозначному *вага* — ‘тяжесть’, ‘вес’ и даже ‘борозда’ (как метонимия = результат приложения тяжести). Идею некой нужной, правильной, необходимой избыточности ухода за землей (черноземом) усиливается анафорическим *перечерна*, которое также употреблено с нераспределенной многозначностью ‘избыточно черная, т.е. тучная, плодородная’ и ‘перепажана дочерна’, т.е. обработана надлежащим образом.

В этом же стихотворении интересны неологизмы *настраживает* и *заябливает*, которые также реализованы по модели паронимической аттракции: *И все-таки, земля — проруха и обух. // Не умолить ее, как в ноги ей ни бухай: // Гниющей флейтой настраживает слух, // Кларнетом утренним заябливает ухо...* («Чернозем», 1935). Переходный каузативный глагол *настраживать* (слух) здесь — одновременно и ‘делать так, чтобы слух был настроже, т.е. с осторожностью прислушивался к звукам окружающей природы’, и ‘делать слух строгим, т.е. умеющим различать разные голоса природы’. Применительно к последнему значению очевидна контаминация на базе паронимической аттракции с глаголом *настраивать* (*инструменты*) примерно в

том же значении 'наладить строй чего-л.'. Каузативный глагол *заябливать* (ухо) также предполагает диффузные смыслы на базе 'делает зяблым, т.е. чувствительным к холоду', отсюда возможная импликация — 'делает чувствительным к любым стимулам со стороны внешней среды — в том числе звукам'. Также очевидна контаминация на базе паронимической аттракции с существительным зяблик, на фоне чего развивается смысл 'делает так, что ухо начинает различать пение зяблика', и — в плане расширительной импликации — других птиц.

Грамматические аномалии. В основном связаны с процессами неузальной реализации грамматической формы (аномалии парадигматики) или неузальной реализации грамматической сочетаемости, заполнении валентностей и под. (грамматическая синтагматика).

В плане аномальной грамматической парадигматики «конденсация смысла» в поэзии Мандельштама часто связана с неожиданной, странной субституцией ожидаемой формы формой другой. Примечателен в этом плане пример: *Я рожден в ночь с второго на третье // Января в девяносто одном. // Ненадежном году, и столетья // Окружают меня огнем* («Наливаются кровью аорты...», 1937). Интересно, что в начале стихотворения годы рожденья, как им и положено, представлены рядом порядковых числительных (*Я рожден в девяносто четвертом, // Я рожден в девяносто втором...*). Почему же год собственного рождения поэт обозначает количественным числительным? Вероятно, чтобы показать, что этот год в его восприятии вырывается из последовательного ряда обозначений дат, он становится конкретно-считаемым и чувственно воспринимаемым объектом, к нему применимы оценочные эпитеты (*ненадежный*), он может стать предметом эмпатии и пр.

О, бабочка, о, мусульманка, // В разрезанном саване вся — // Жизнечка и умиранка, // Такая большая, сия! («О, бабочка, о, мусульманка...», 1933). — Здесь эффект смысловой загруженности возникает посредством эксплуатации экспрессивного потенциала книжно-возвышенной устаревшей грамматической формы *сия* 'эта'. Перед нами снова явление «скрытой предикации»: в диктумной зоне можно видеть неузальную адъектива-

цию указательного местоимения — переход его в полноценное оценочно-экспрессивное прилагательное (синтаксические условия перехода — помещение в контекст ряда постпозитивных обособленных однородных членов со словом *большая*), с неопределенной семантикой высокой степени проявления признака, качества, свойства (что-то типа *прекрасная*); в модусной зоне мы видим сложный комплекс оценочных реакций говорящего — от восхищения до иронии (иронический оттенок смысла придает современный узус употребления *сей* — в словарях помета *ирон.*). Это употребление тоже можно охарактеризовать как «эмпатийное».

В плане аномальной грамматической синтагматики «конденсация смысла» в поэзии Мандельштама часто связана с разнообразными нарушениями моделей управления. Так, аномальным является избыточное заполнение позиции субъекта состояния инфинитивами при глаголе *сниться* в примере: *Не разнять меня с жизнью, — ей снится // Убивать и сейчас же ласкать ...* («Заблудился я в небе...», 1937). Семантическая емкость неузальной конструкции **ей [жизни] снится убивать и ласкать* реализуется за счет аномального стяжения (компрессии) предикативной единицы — придаточного изъяснительного (← *ей снится, что она убивает и ласкает*), в результате чего достигается эффект «конденсации смысла».

В текстах Осипа Мандельштама также частотен прием «двойной категоризации действия», когда, например, избыточно фиксируется и осуществление действия, и его результат, и процесс действия, и его интерпретация [Кобозева, Лауфер 1990]: *Чтобы розовой крови связь // И травы сухорукий звон // Распростились: одна — скрепясь, // А другая — в заумный сон* («Я по лесенке приставной...», 1922). — Здесь избыточно категоризовано действие *распроститься* и его последствия *уйти в заумный сон*. В результате получилась стяженная аномальная конструкция **распроститься в сон*. Аналогичным образом в фрагменте: *Пусть люди темные торопятся по снегу // Отарю овец и хрупкий наст скрипит...* («Кому зима — арак и пунш голубоглазый...», 1922) — видим контаминацию обозначения самого действия *идти по снегу* и его интерпретации с точки зре-

ния интенсивности *торопиться*. «На выходе» получается аномальное представление структуры события *торопиться* с избыточно вербализованным актантом 'среда действия' *по снегу* — **торопиться по снегу*.

В заключение выскажем несколько предположений о художественных функциях рассмотренных лингвокреативных механизмов языковой аномальности. Прагматические функции языковых аномалий в языке поэзии О. Мандельштама состоят в установке на разрушение автоматизма восприятия, на неконвенциональное употребление узуальных единиц и моделей языка, на «нарушение читательского ожидания» [Якобсон 1975]. Когнитивные функции языковых аномалий заключаются в том, что они служат единственно возможным средством концептуализации и художественного осмысления сложной и внутренне противоречивой действительности, негармоничных, болезненных состояний внутреннего мира.

Литература

Апресян Ю.Д. Языковые аномалии: типы и функции // Res Philologica: Филологические исследования / Под ред. Д.С.Лихачева. М.; Л.: Наука, 1990. С. 50–71.

Апресян Ю.Д. Тавтологические и контрадикторные аномалии // Апресян Ю.Д. Избранные труды: В 2 томах. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. С. 622–628.

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. 574 с.

Кобозева И.М., Лауфер Н.И. Языковые аномалии в прозе А. Платонова через призму процесса вербализации, // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста: Сб. научн. трудов / ИЯ АН СССР / Отв.ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1990. С. 194–224.

Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 472 с.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. М.: Едиториал, 2004. 356 с.

Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя. Л.: Художественная литература, 1974. 288 с.

Радбиль Т.Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие. 2-е изд., стереотип. М.: Флинта; Наука, 2012. 320 с.

Радбиль Т.Б. «Прецедентные имена» как элементы «языка культуры» // Ономастика Поволжья: Материалы XV Международной научной конференции / Под ред. Л.А. Климковой, В.И. Супруна; Арзамасский филиал ННГУ. Арзамас–Саров: Интерконтакт, 2016. С. 49–54.

Радбиль Т.Б. Культурная апроприация заимствований в свете теории языковой концептуализации мира // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2017. Т. 13. С. 107–115.

Радбиль Т.Б. Лингвокреативный потенциал ценностных аномалий в художественной речи // Русский язык в поликультурном мире: V Международный симпозиум (8–12 июня 2021 г.): Сб. науч. статей. В 2-х т. / Отв. ред. Е.Я. Титаренко. Симферополь: Издательский дом КФУ, 2021. Т. 1 с. С. 205–211.

Радбиль Т.Б. и др. Активные процессы в лексике и словообразовании русского языка эпохи коронавируса: лингвокогнитивный аспект» / Т.Б. Радбиль, Л.В. Рацибурская, И.В. Палоши // Научный диалог. 2021. № 1. С. 63–79.

Социокультурные и прагматические аспекты современных словообразовательных процессов: коллект. монография /Т.Б. Радбиль, Л.В. Рацибурская, Е.В. Щеникова, Н.А. Бакич, В.А. Торопкина, Е.А. Жданова; под ред. Л.В. Рацибурской. М.: ФЛИНТА: Наука, 2018. 232 с.

Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: Сб. статей. М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.

REFERENCES

Apresyan YU.D. YAzykovye anomalii: tipy i funkcii // Res Philologica: Filologicheskie issledovaniya / Pod red. D.S.Lihacheva. M.; L.: Nauka, 1990. S. 50–71.

Apresyan YU.D. Tavtologicheskie i kontradiktornye anomalii // Apresyan YU.D. Izbrannye trudy: V 2 tomah. M.: YAzyki russkoj kul'tury, 1995. T. II: Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya. S. 622–628.

Bulygina T.V., SHmelev A.D. YAzykovaya konceptualizaciya mira (na materiale russkoj grammatiki). M.: YAzyki russkoj kul'tury, 1997. 574 s.

Kobozeva I.M., Laufer N.I. YAzykovye anomalii v proze A. Platnova cherez prizmu processa verbalizacii, // Logicheskij analiz yazyka: Protivorechivost' i anomal'nost' teksta: Sb. nauchn. trudov / IYA AN SSSR / Otv.red. N.D. Arutyunova. M.: Nauka, 1990. S. 194–224.

Kustova G.I. Tipy proizvodnyh znachenij i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya. M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 472 s.

Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metaforы, kotorymi my zhivem: Per. s angl. M.: Editorial, 2004. 356 s.

Larin B.A. Estetika slova i yazyk pisatelya. L.: Hudozhestvennaya literatura, 1974. 288 s.

Radbil' T.B. YAzykovye anomalii v hudozhestvennom tekste: Andrej Platonov i drugie. 2-e izd., stereotip. M.: Flinta; Nauka, 2012. 320 s.

Radbil' T.B. «Precedentnye imena» kak elementy «yazyka kul'tury» // Onomastika Povolzh'ya: Materialy XV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii / Pod red. L.A. Klimkovej, V.I. Supruna; Arzamasskij filial NNGU. Arzamas–Sarov: Inter-kontakt, 2016. S. 49–54.

Radbil' T.B. Kul'turnaya apropiaciya zaimstvovanij v svete teorii yazykovoj konceptualizacii mira // Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. 2017. T. 13. S. 107–115.

Radbil' T.B. Lingvokreativnyj potencial cennostnyh anomalij v hudozhestvennoj rechi // Russkij yazyk v polikul'turnom mire: V Mezhdunarodnyj simpozium (8–12 iyunya 2021 g.): Sb. nauch. statej. V 2-h t. / Otv. red. E.YA. Titarenko. Simferopol': Izdatel'skij dom KFU, 2021. T. 1 s. S. 205–211.

Radbil' T.B. i dr. Aktivnye processy v leksike i slovoobrazovanii russkogo yazyka epohi koronavirusa: lingvokognitivnyj aspekt» / T.B. Radbil', L.V. Raciburskaya, I.V. Paloshi // Nauchnyj dialog. 2021. № 1. S. 63–79.

Sociokul'turnye i pragmaticheskie aspekty sovremennyh slovoobrazovatel'nyh processov: kollekt. monografiya /T.B. Radbil', L.V. Raciburskaya, E.V. SHCHenikova, N.A. Bakich, V.A. Toropkina, E.A. ZHDanova; pod red. L.V. Raciburskoj. M.: FLINTA: Nauka, 2018. 232 s.

YAkobson R.O. Lingvistika i poetika // Strukturalizm: «za» i «protiv»: Sb. statej. M.: Progress, 1975. S. 193–230.

©Радбиль Т.Б., 2022

Радбиль Тимур Беньюминович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижегород, Россия).

Адрес: 603163, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Александра Хохлова, д. 1.

E-mail: timur@radbil.ru

Radbil Timur Benyuminovich – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, National Research N.I. Lobachevsky State University of Nizhny (Nizhny Novgorod, Russia)

Раздел V. ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИНГВОКРЕАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е. Н. БЕКАСОВА
г. Трнава, Словакия
bekasova@mail.ru

УДК 81'373.23

ГРАНИЦЫ ТРАНСФОРМАЦИИ АНТРОПОНИМОВ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности функционирования личного имени в полиэтническом регионе в условиях глобализации. Динамика отслеживаемых на протяжении четверти века психолингвистических реакций на личное имя студентов и школьников Оренбургской области показывает изменения в оценке личного имени, касающиеся прежде всего эстетических и гендерных предпочтений. Анкетирование студентов филологического факультета педуниверситета в 2021-2022 гг. обнаруживает существенные сдвиги в осмыслении системной организации именников (в частности, русского и тюркского); семантики имени, его качественной характеристики и различий между официальным и неофициальными вариантами личного имени, связи реестра официальных, деминутивных и гипокористических форм имён, корреляции имени и его носителя. При этом интенсивно формируются генетически смешанные рейтинги «избранных» личных имён в соответствии с новыми критериями их оценки.

Ключевые слова: антропонимы, русский именник, русский язык, тюркский именник, тюркские языки, динамика антропонимикона, гипокористические имена, качественные, личные имена, психолингвистика.

BEKASOVA ELENA N.
Trnava, Slovakia

BORDERS OF TRANSFORMATION OF ANTHROPNYMS

Abstract. The report examines the characteristics of personal names in a multi-ethnic region in the context of globalization. The dynamics of psycholinguistic reactions to the personal name of students and schoolchildren of

the Orenburg region, monitored for a quarter of a century, shows changes in the assessment of a personal name, dealing primarily with aesthetic and gender preferences. Questionnaire of students of the Faculty of Philology of the Pedagogical University in 2021-2022. reveals significant shifts in the understanding of the systemic organization of namemen (in particular, Russian and Turkic); semantics of the name, its qualitative characteristics and differences between the official and unofficial variants of the personal name, the connection of the register of official, deminutive and hypocoristic forms of names, the correlation of the name and its carrier. At the same time, genetically mixed ratings of "selected" personal names are intensively formed in accordance with the new criteria for their assessment.

Keywords: anthroponym, Russian namename, Turkic namename, dynamics of anthroponymicon, hypocoristic names, quotatives of personal name, psycholinguistics.

Антропонимы представляют собой особую систему в ономастическом пространстве, которая помимо этнографической, исторической и социальной информации включает в себе весомый личностный аспект, позволяющий не только субъективно оценивать имя, но и выбирать его, исключать, изменять, игнорировать и пр. В связи с этим важным представляется положение М.Э. Рут о том, что «антропоним может быть двуликим: он существует сам по себе и как личное имя конкретного человека» [Рут 2001: 64], а соответственно – слияние имени и его носителя обуславливает некие глубоко личностные экстралингвистические реакции на имя.

Безусловно, личное имя в большей степени, чем другие разряды онимов, характеризуется подвижностью своего состава, особенно в условиях глобализации, когда свёрнутость мира в пределах средств массовой информации предоставляет новые возможности номинации человека [Бекасова 2021; Гридина, Коновалова 2017]. Именно такая подвижность является основанием провести исследование психолингвистических реакций на личное имя. Базой исследования послужил свободный ассоциативный эксперимент, который, как справедливо отмечают Т.А. Гридина и Н.И. Коновалова, является весьма продуктивным «в психолингвистических исследованиях особенностей осознания вербальных знаков (в ходе их усвоения, использова-

ния, порождения) носителями языка» [Гридина, Коновалова 2020: 41].

Эксперимент проводился среди студентов филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета, что позволило сопоставить его результаты с мониторингом динамики реакций на личное имя, отслеживаемой среди студентов и школьников г. Оренбурга на протяжении 25 лет. Следует отметить, что в Оренбуржье в основном представлены русский и тюркский именники, границы которых в большинстве случаев чётко очерчены, поскольку имеют разную языковую основу и специфику, в том числе обусловленную конфессиональными отличиями, эстетическими и семантическими пристрастиями, гендерными предпочтениями и ментальными установками (подробнее см. [Бекасова 2013]).

Пересечения данных именников касаются, как правило, сферы тюркского именника, который, являясь весьма гетерогенным по составу, наращивает своё разнообразие не только за счёт так называемых смешанных имён, где различные по происхождению компоненты соединяются практически без каких-либо ограничений [Сатаров 1998], но и заимствований [Справочник 1965]. При этом лояльность тюркского именника не скована официальными ограничениями и может определяться семейными или личными предпочтениями, например: *Венера – Венер (Венир); Алмас – Гранит – Булат – Платин* (мужские семейные имена) и под. Реже в качестве официального фиксируется один из вариантов русского имени, имеющего, как правило, сложную иерархическую структуру, например, *Лена, Лана, Лиля, Лина, Лола* и пр. [Петровский 2000].

С другой стороны, давление русского литературного языка обуславливает широкий спектр трансформации тюркских имён по качественным и гипокористическим моделям русского именника типа *Сапар* (вм. *Сапарбек*), *Тенгизик*, *Рустамчик*, *Айслушка*, *Гузельночек*, *Замирка*, *Ленарчик*, *Дилярочка* и др. Это является следствием особенностей каждого из именников: тюркские имена, чрезвычайно разнообразные и не ограниченные «закрытостью» списка, не имеют той богатой неофициальной вариативности русского именника, которой он компенсиру-

ет свою весьма «строгую» официальную часть [Тюркская ономастика 2018: 310-322; Шайбакова Д.Д.: 2021]. При этом гипокористические формы встречаются очень редко, за исключением редукции явно проявляющейся второй части имени, а качественные виды онимов характерны для женских имён, что, видимо, связано с гендерными особенностями коммуникации. В связи с этим следует также обратить внимание на то, что в русской традиции также существовало правило называть мальчика – а тем более мужчину – исключительно полным именем. По всей видимости, этим могут объясняться негативные реакции (до 60% всех реакций неприятия имени в целом) именно на мужские имена типа *Коля*, *Толя*, *Миша*, из-за чего нередко «бракуются» соответствующие имена *Николай*, *Анатолий*, *Михаил*, ср.: «*Вениамин* и *Алексей* не принимаю, потому что есть *Веня* и *Лёша*»; «*Владимир* – имя звучное, ассоциируется с чем-то великим, сильным, а вот *Вова* звучит совсем не так», «имя *Станислав* нравится, но краткие формы некрасивые»; «*Тимофей*, но не *Тимоша*, так зовут собак»; «*Пётр* – царственное имя, но ребёнка с таким именем будут называть *Петя*, а это совсем другое», «*Миха*, *Колян* звучат грубо, поэтому не нравятся полные имена» и под. Достаточно показательны реакции на имя *Александр*, которое стабильно держится в пятёрке первых имён и отмечается как положительное (89%), превосходное (5%), «надёжное», «величественное», «оптимистичное», «торжественное и одновременно народное» (1,2%), однако респонденты отметили неприятие его гипокористических вариантов: *Саша* (50%), *Шура* (60%), *Саня* (80%). В ряде случаев раскрываются особенности реакций на сокращенные и деминутивные мужские имена, при этом оценке подвергаются имена не только своих сверстников, но и более взрослого поколения, например: *Вова*, *Вовочка*, *Лёха*, *Вовик* – «как в анекдоте, смешно»; *Лёня* – «представляю сразу старого алкоголика»; *Костя* – «ассоциация с костями»; *Гоша*, *Стасик*, *Лёха* – «сладкие и неприятные имена»; *Павлуша* – «тягучее имя»; *Петя* – «противное, писклявое», «*Эдик* и *Виталья* – слишком женские» и под. Реже это относится к женским именам, например: «*Дарья*, но не *Даша*», «*Василиса*, но не *Вася*», «*Виктория*, но не *Вика*», «*Светлана*, но не *Света*».

Однако ряд реакций свидетельствует о том, что притягательность личного имени нередко определяется наличием его вариантов (6%): «нравятся имена *Татьяна, Ольга, Елена, Мария, Александр, Евгений, Пётр, Михаил*, потому что они имеют разнообразные формы»; «*Анна* – много ласковых имён», «лучше *Варя, Варюша*, но не *Варвара*»; «*Варя* – мягкое, душевное», «замечательные имена *Женя, Саша*, они универсальны»; «имя *Антон* нравится, потому что есть *Тоша*»; «имя *Родион* – нравится вариант *Родя*» и др. Однако, как показывает анкетирование, студенты затрудняются привести более двух-трёх таких форм даже к тем личным именам, которые им нравятся более остальных. Нередко наблюдается смешение статуса имён: *Арина* и *Ирина, Валентина* и *Тина* считаются разными именами, а *Марина* и *Мария, Анна* и *Алина, Лидия* и *Лилия* – формами одного имени.

Следует признать, что такие оценки неофициальных имён имеют чисто вкусовые пристрастия, поскольку нередко ответы помечаются как «нравится / не нравится» типа «*Ксения*, но не *Ксюша*» – «*Ксюша* нравится, но не *Ксения*».

Сужение границ русского именника за счёт деминутивных и гипокористических личных имён негативно сказывается на состоянии его базы официальных имён, уже скованных неким достаточным узким, по мнению современных студентов, списком. При этом надо отметить, что наблюдается жёсткий отбор мужских имён, которые оцениваются и по «качеству» производного отчества, вследствие чего воспринимаются как отрицательные имена *Олег, Валерий, Илья* (80%), *Константин, Глеб, Аркадий* (70%). Видимо поэтому в выборе лучшей пятёрки мужских имён студенты отдают предпочтение традиционным русским личным именам: 1. *Александр*. 2. *Максим*. 3. *Алексей, Евгений*. 4. *Дмитрий, Марк*. 5. *Роман, Егор*, причём все имена, кроме имён *Роман, Егор, Марк*, входят в первую десятку на протяжении многих десятилетий [Суперанская, Сулова 1985; Никонов 1974]. Следует признать, что почти четверть века студенты оренбургских вузов стабильно включают в реестр наиболее востребованных мужских имён такие имена, как *Михаил, Сергей, Андрей, Владимир, Николай, Анатолий, Виктор, Никита, Артём* и др.

Надо также отметить, что личные пристрастия к подобного типа мужским именам, в отличие от реестра женских имён, как правило, «держат» определённую гомогенность мужского именика (86%) как в выборке пяти «лучших» имён, так и в списке имён для будущих сыновей, ср.: *Николай, Артём. Степан, Александр, Георгий – Маргарита, Арина, Алиса, Злата, Селена; Михаил, Александр, Артём, Богдан, Виктор – Элина, Эмилия, Адель, Аlesia, Офелия; Марк, Мирон, Матвей – Сафия, Алсу, Мия; Павел, Роман, Виктор – Зоя, Эра, Рада; Алексей, Лев, Дмитрий, Владислав, Роман – Офелия, Ясария, Ева, Бэлла, Венера* и под. Такая традиционная устойчивость списка «избранных» мужских имён может нарушаться одним – реже – двумя «экзотическими» именами (3%), причём гетерогенность характеризует оба списка, например: *Родион, Захар, Семён, Виктор, Ильдам – Регина, Эльфира, Алиса, Арина, Варвара; Марк, Максим Александр, Адам, Кристиан – Виктория, Оливия, Лия, Тея, Мия* и под.

Считаем, что подобная устойчивость русского мужского именика в среде студентов разных национальностей подтверждает мнение М.Э. Рут об «актуальности отчества для современной русской культуры и номинативной практики» [Рут 2021: 232]. Более того, ряд респондентов утверждает, что «имя детерминировано отчеством», поскольку выбор его не только определяется сочетанием указанных компонентов, но и обусловлен возможностью имени образовывать отчество, о чём свидетельствует, например, следующее рассуждение: «Непривычно и интересно находиться среди имён *Добрыня, Елисей, Эмилий, Есений*. Но какие от них будут отчества?»

Отмеченное разнообразие женских имён при постоянстве выборки наиболее востребованных мужских имён тем не менее даёт основание утверждать, что в ядре по-прежнему остаются имена, традиционно входящие в первые два десятка на протяжении 50 лет типа *Анастасия, Екатерина, Анна, Мария, Ольга, София* и др. Именно такие имена, несмотря на проницаемость женского именика для новообразований, выбираются в 58% случаев для первой пятёрки наиболее значимых для респондента имён. Особо отметим ответы нескольких респондентов, которые

встали на защиту таких имён, как *Вера, Надежда, Любовь, Мария* – «в них глубокий смысл», «они на все времена», «они выражают то, без чего нельзя жить».

Однако анкеты 2021 г. также показывают, что изменениям подвергся реестр женских имён-лидеров, где наиболее востребованными оказались *София, Варвара, Виктория* – и в отрыве от них *Мария, Наталья, Екатерина*. При этом достаточно активно из именника «вымываются» распространённые, но, по мнению респондентов, старые, скучные, грубые, «раздражающие» имена, ассоциирующиеся с «противными старыми бабками»: *Зоя, Зина, Галя, Люся, Валя, Вера, Тоня, Тома, Яна, Оля, Катя, Лариса, Аглая, Алевтина, Ангелина, Авдотья* и др. Как видно из примеров, большая часть имён подаётся в гипокористическом виде, при этом осмелимся предположить, что с одной стороны, действительно, оценка имени определяется характеристикой его носителя – *тётей Галей* или *бабой Зиной*, как правило, определённого социального статуса и возраста, с которыми молодёжь может находиться в конфронтации, а с другой – это имена ровесников, с которыми не сложились отношения. Именно поэтому в разряд устаревших имён попадают востребованные другими респондентами и в ряде случаев вошедшие в обиход сравнительно недавно имена *Варвара, Настя, Снежана, Анжелика, Дарья, Полина, Юля, Рита, Настя, Ксюша* и др.

Вкусовые пристрастия в женском именнике закономерно приводят к поиску новых имён, как пишут респонденты, «интернациональных», «интересных», «звучных», «иностранных», «необычных», «кратких», «самых-самых», и в это число попадают *Мия, Тея, Ника, Сабрина, Ирида, Оливия, Афина, Офелия, Бэлла, Каролина*, которые выбирают в том числе и для своих будущих дочерей и пр.

Следует подчеркнуть, что такой подбор имён выходит за рамки привычных для оренбуржцев границ тюркского и русского антропонимиконов. Смешанный именник более свойственен тюркской традиции, однако в него за последние пять лет начинают интенсивно входить русские имена, чаще всего мужские, например: *Булат, Айдар, Александр – Айслу, Алтынай, Ульяна; Евгений, Булат, Айдар, Александр, Дамир – Зарина, Айслу, Улья-*

на, *Лиллия* (так!), *Марина* и под. Но экзотизмы сознательно вводятся студентами, ориентированными на русский именной, и в этом нам видится определённый протестный аспект: категорическое отторжение распространённых имён типа *Лёня* и *Галя* («у нас в группе четыре *Юли*», «три *Настя*», «пять *Ир*», «в моём окружении пять *Никит*, четыре *Артёма* и пр.), с одной стороны, и желание расширить возможности и без того ограниченного официального именника, с другой, – приводят к номинативному «экстремизму». В частности, студенты 5 курса профиля «Русский язык и начальное образование» практически все готовы назвать своих дочерей исключительно раритетными именами типа *Тея*, *Мия*, *Ясмينا*. Однако в своих рассуждениях об особенностях мира личных имён более 80% студентов считают, что «благие побуждения родителей – выделить ребёнка из толпы» или «импульсивные желания родителей выделиться через экзотическое имя ребёнка» чаще всего приводят к усложнению жизни и отрицательным эмоциям детей. Практически все понимают, что родительская «вдохновлённость судьбами персонажей сериалов или новых романов» и «увлечение новыми иностранными именами» – явление реальное, но, когда так называют детей в России, «это режет слух», «звучит смешно, особенно в сочетании с отчеством и фамилией», «рождает проблемы создания уменьшительно-ласкательных имён для ребёнка» или его называния «в неофициальной обстановке». Иными словами, в новых именах «звучит что-то такое, чего в жизни не бывает», а следовательно, такое виртуальное расширение антропонимикона скорее всего пойдёт в сторону номинаций, например, в соцсетях.

Однако следует подчеркнуть, что в условиях отмеченной нами нарастающей тенденции ослабления антропонимической, сакральной и семантической мотивации личного имени на первый план выводятся новые критерии оценки [Бекасова 2021: 111], которые в мужском именнике в определённой степени сдерживаются ориентацией имени на отчество, а в женском реестре имён становятся определяющими.

Потеря традиционных ориентиров именника также обуславливает усиление его слияния с конкретным носителем, что приводит или к «лингвистической астрологии» [Матвеев 2004: 10]

(«все *Татьяны* белокожие с голубыми глазами», «*Юли* целеустремлённые», «*Иры* готовы прийти на помощь», «*Алексеи* все плохие люди» и пр.) или к полному отторжению имени из-за его носителя, поскольку негатив в оценке имён всегда более значим, нежели позитив. Достаточно привести некоторые воспоминания респондентов о жизни в детском саду, повлиявшие на их реакции к именам: «*Елисей* постоянно плакал», «*Савелий* – кусался», «*Антон* всех обижал» и под. Действительно, «нам не дано предугадать, как наше имя отзовётся...».

Однако наблюдаются и стабильные на протяжении многих лет реакции, проявляющиеся, например, в гендерном расхождении в оценке имен: девушки более положительно рассматривают мужские имена разных именных (кроме тех имён, которые практически все выводят за пределы номенклатуры имён) и критически оценивают женские имена; юноши более лояльны и к женским, и мужским именам, но более чувствительно реагируют на чужой именной, отталкиваясь от экзотических, на их взгляд, прежде всего женских имён типа *Рсты*, *Ажар*, *Ботагуз* и под. При этом у респондентов сохраняется сложившееся толерантное отношение к специфическому «оренбургскому» именнику в его столкновении разнообразных, но уже знакомых имён тюркского происхождения в их национальной своеобразии (без замены сходными русскими) и русских имён.

Волнообразная динамика антропонимикона – от старого к новому и через некоторое время от нового к старому, от привычного, традиционного к раритетам и экзотике и наоборот – позволяет в целом держать систему в некой стабильности, поскольку, как справедливо отметил А.К. Матвеев, «естественные сложившиеся ономастические системы всегда нормально функционируют» [Матвеев 2004: 12]. Личные пристрастия уравновешиваются множеством субъективных оценок, в результате чего ядро системы, оставаясь устойчивым, играет на периферии, где, однако, не столь широк диапазон категорических оценок и практически всегда протест против определённых имён уравновешивается столь же активным их утверждением. При этом респонденты, свободно выражая свои пристрастия или негатив в отборе имён, которые для них нередко представляются «своеоб-

разным экспериментальным полем» [Гридина 2018: 69], в большинстве своём понимают, что креативность в области имени ограничивается ответственностью перед будущим поколением.

Литература

Бекасова Е.Н. Закономерности организации антропонимической системы в условиях глобализации // Ономастика Поволжья: материалы XIX Международной научной конференции, посвящённой 220-летию со дня рождения лексикографа, собирателя фольклора и русского писателя В. И. Даля. Оренбург, 11–12 ноября 2021 г.; науч. ред.: Е.Н. Бекасова, В. И. Супрун; сост.: П. А. Якимов. Оренбургский государственный педагогический университет. Оренбург: Издательство “Оренбургская книга”, 2021. С. 106-112.

Бекасова Е.Н. Традиции и инновации в современных антропонимических системах (по данным русского и тюркского именников) // Судьбы национальных культур в условиях глобализации: сборник материалов II Международной научной конференции. Челябинск, 4-5 апреля 2013 г. / под ред. В.Г. Будыкиной. Т. 1. Челябинск: Энциклопедия, 2013. С. 56-58.

Гридина Т.А. "Через язык открывается дитяти сознание...": соотношение вербального и предметного кодов в детской картине мира // Филологический класс. 2018. № 2 (52). С. 64-69. DOI: 10.26170/fk18-02-11

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Методы психолингвистических исследований: теория, практикум, тренинги: учебное пособие; Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург, 2020. 358 с.

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Параметры лексикографической интерпретации диалектной фразеологии: лингвокультурологический аспект // Вопросы лексикографии. 2017. № 11. С. 119-131. DOI: 10.17223/22274200/11/8

Матвеев А.К. Апология имени // Вопросы ономастики. 2004. № 1. С. 7-14.

Никонов В.А. Имя и общество. М: Наука, 1974. 193 с.

Петровский Н.А. Словарь русских личных имён. Изд. 6-е. М.: Русские словари; Астрель, 2000. 480 с.

Рут М.Э. Антропонимы: размышления о семантике // Известия Уральского государственного университета. 2001. № 20. С. 59-64.

Рут М.Э. Вокруг отчества: почти публицистические заметки. Вопросы ономастики. 2021. Т. 18. № 1. С. 224–236. DOI 10.15826/vorg_onom.2021.18.1.011

Сатаров Г.Ф. Татарские имена. Казань: Раннур, 1998. 485 с.

Справочник личных имён народов РСФСР / под ред. Н.А. Баскакова и др. М.: Наука, 1965. 254 с.

Суслова А.В., Суперанская А.В. О русских именах. Изд. 2-е, испр. и доп. Л., Лениздат, 1985. 237 с.

Тюркская ономастика: от истоков до современности: материалы Международной научно-практической конференции (Казань, 11–14 октября 2018 г.) / под ред. Г.Р. Галиуллиной. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. 334 с.

Шайбакова Д.Д. Влияние русского языка на казахский в сфере антропонимики // Ономастика Поволжья: материалы XIX Международной научной конференции, посвящённой 220-летию со дня рождения лексикографа, собирателя фольклора и русского писателя В. И. Даля. Оренбург, 11–12 ноября 2021 г.; науч. ред.: Е. Н. Бекасова, В. И. Супрун; сост.: П. А. Якимов. Оренбургский государственный педагогический университет. Оренбург: Издательство “Оренбургская книга”, 2021. С. 175-179.

REFERENCES

Bekasova E.N. Zakonomernosti organizacii antroponimicheskoy sistemy v usloviyah globalizacii // Onomastika Povolzh'ya: materialy XIX Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchyonnoj 220-letiyu so dnya rozhdeniya leksikografa, sobiratelya fol'klora i russkogo pisatelya V. I. Dalya. Orenburg, 11–12 noyabrya 2021 g.; nauch. red.: E. N. Bekasova, V. I. Suprun; sost.: P. A. YAkimov. Orenburgskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet. Orenburg: Izdatel'stvo “Orenburgskaya kniga”, 2021. S. 106-112.

Bekasova E.N. Tradicii i innovacii v sovremennyh antroponimicheskikh sistemah (po dannym russkogo i tyurkskogo imennikov) // Sud'by nacional'nyh kul'tur v usloviyah globalizacii: sbornik materialov II Mezhdunarodnoj nauchnoj kon-ferencii. CHelyabinsk, 4-5 aprelya 2013 g. / pod red. V.G. Budykinoj. T. 1. CHelyabinsk: Enciklopediya, 2013. S. 56-58.

Gridina T.A. "CHerez yazyk otkryvaetsya dityati soznanie...": sootnoshenie verbal'nogo i predmetnogo kodov v detskoj kartine mira // Filologicheskij klass. 2018. № 2 (52). S. 64-69. DOI: 10.26170/fk18-02-11

Gridina T.A., Konovalova N.I. Metody psiholingvisticheskikh issledovanij: teoriya, praktikum, treningi: uchebnoe posobie; Ural'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet. Ekaterinburg, 2020. 358 s.

Gridina T.A., Konovalova N.I. Parametry leksikograficheskoj interpretacii dialektnoj frazeologii: lingvokul'turologicheskij aspekt // Voprosy leksikografii. 2017. № 11. S. 119-131. DOI: 10.17223/22274200/11/8

Matveev A.K. Apologiya imeni // Voprosy onomastiki. 2004. № 1. S. 7-14.

Nikonov V.A. Imya i obshchestvo. M: Nauka, 1974. 193 s.

Petrovskij N.A. Slovar' russkih lichnyh imyon. Izd. 6-e. M.: Russkie slovari; Astrel', 2000. 480 s.

Rut M.E. Antroponimy: razmyshleniya o semantike // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2001. № 20. S. 59-64.

Rut M.E. Vokrug otchestva: pochtii publicisticheskie zametki. Voprosy onomastiki. 2021. T. 18. № 1. S. 224–236. DOI 10.15826/vopr_onom. 2021.18.1.011

Satarov G.F. Tatarskie imena. Kazan': Rannur, 1998. 485 s.

Spravochnik lichnyh imyon narodov RSFSR / pod red. N.A. Baskakova i dr. M.: Nauka, 1965. 254 s.

Suslova A.V., Superanskaya A.V. O russkih imenah. Izd. 2-e, ispr. i dop. L., Lenizdat, 1985. 237 s.

Tyurkskaya onomastika: ot istokov do sovremennosti: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Kazan', 11–14 okt. 2018 g.) / pod red. G.R. Galiullinoy. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2018. 334 s.

SHajbakova D.D. Vliyanie russkogo yazyka na kazahskij v sfere antroponimiki // Onomastika Povolzh'ya: materialy XIX Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchyonnoj 220-letiyu so dnya rozhdeniya leksikografa, sobiratelya fol'klora i russkogo pisatelya V. I. Dalya. Orenburg, 11–12 noyabrya 2021 g.; nauch. red.: E. N. Bekasova, V. I. Suprun; sost.: P. A. YAkimov. Orenburgskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet. Orenburg: Izdatel'stvo "Orenburgskaya kniga", 2021. S. 175-179.

©Бекасова Е.Н. 2022

Бекасова Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русистики Университета Св.Кирилла и Мефодия (Трнава, Словакия).

Адрес: Námestie Jozefa Herdu 577/2, 917 01

Трнава, Словакия

E-mail: bekasova@mail.ru

Bekasova Elena Nikolaevna – Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Studies. University of Ss. Cyril and Methodius in Trnava.

И. А. ВАУЛИНА
Е.С. КРАСНОПЁРОВА
г. Екатеринбург, Россия
phonosemant@mail.ru
evgenial13@gmail.com

УДК 81'373.2:81'23

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ВЕКТОРЫ ЭРГОНИМИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ¹

Аннотация. В статье рассматривается потенциал эргонимических номинаций в свете данных языкового сознания современного городского жителя. Проанализированы основания для номинации эргонимов, такие как прямая оценка, указание на особенности заведения, апелляция к личному опыту и др. Основные направления номинативной техники горожан верифицируются с помощью направленного ассоциативного эксперимента по созданию названий заведений городского общепита. Психолингвистический эксперимент позволяет выявить возможные способы прагматического воздействия на потенциального адресата и наиболее актуальные для него качества эргонимов.

Ключевые слова: эргонимы, прагматическое воздействие, языковое сознание, психолингвистические эксперименты, городские жители, эргонимические номинации.

VAULINA IRINA A.
KRASNOPEROVA EVGENIYA S.
Yekaterinburg, Russia

PRAGMATIC VECTORS OF ERGONYMIC NOMINATION: EXPERIMENTAL DATA

Abstract. The article offers a study of ergonymic nominations in the light of the data of the linguistic consciousness of a modern urban dweller. Nominative models of creating ergonyms are considered, such as direct evaluation, indication of the features of the institution, etc. The authors conducted a psycholinguistic experiment in order to identify how the described techniques determine the consciousness of citizens and affect their nomina-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20075, <https://rscf.ru/project/22-28-20075/>

tive practice. The subjects were asked to compose their names of city catering establishments (bakeries, coffee shops, restaurants and bars) and comment on the choice. The psycholinguistic experiment made it possible to identify the most relevant properties/qualities of ergonyms and ways of pragmatic influence for the potential addressee.

Keywords: ergonym, pragmatic impact, linguistic consciousness, psycholinguistic experiment.

Изучение современных эргонимов не только в структурно-семантическом аспекте, но и с точки зрения характера их воздействия на адресата позволяет выявить прагматический потенциал номинаций городских объектов. Привлечение показаний обыденного языкового сознания носителей городской лингвокультуры обуславливает актуальность данной темы.

Под термином «эргоним» понимается родовое понятие, служащее названием различного вида городских объектов: фирм, магазинов, салонов красоты, парикмахерских, кафе, ресторанов, служб быта, фитнес-салонов, спортивных клубов и т.п. (см. [Земскова 1996; Голомидова 1998; Голев 1972; Емельянова 2016] и др.).

С точки зрения прагматического потенциала, названия заведений городского общепита могут быть классифицированы по способу воздействия на адресата. В частности, проведенный нами анализ более четырехсот эргонимов Екатеринбурга позволил выделить следующие актуальные направления номинации: 1) прямая оценка услуг или предлагаемого ассортимента с использованием оценочной лексики, в том числе указание на высокое качество продукта: пекарни *Вкусно Сытно*, *Пирожковая Мечта*, *Сдобная сказка*, кафе *Премиум*, *Академик еды*, 2) апелляция к личному опыту посетителей заведения, в том числе к образам родителей, дома, домашнего очага, родины, которые традиционно ассоциируются с уютом, комфортом и безопасностью: рестораны *Мамуля*, *Мамина Мама*, *Сытый Папа*, кафе *Матушка*, пекарня *Мамин хлеб*, столовая *Мама Люба*; 3) «провокация», привлечение потенциальных посетителей «вызывающим» названием, содержащим некий бунт против общественных устоев, родительских «наказов» и т.д.: ресторан *Крабы*,

ГАДЫ и Вино (ср. «морские гады» – морепродукты и «гады» – плохие люди), бары *Негодяи wine&bistro*, *Сплетни*, *Мам, я в хлам*, *Хитрый*, клубы *Без тормозов!*, *Мизантроп* и др.

В этой связи представляет интерес экспериментальное исследование городских номинаций в аспекте их порождения, что, согласно нашей гипотезе, позволит выявить, как обозначенные выше техники влияют на сознание горожан, создавая своеобразные «эргонимические стереотипы» и определяя потенциальные номинативные практики разных страт городского социума.

Для реализации обозначенной цели использовалась адаптированная к задачам исследования процедура *направленного ассоциативного эксперимента*, связанного с самостоятельным образованием респондентами названий городских объектов определенного типа – в соответствии с их «предпочтениями» в выборе модели эргонимической номинации. Предполагалось, что ассоциативный контекст создаваемых эргонимов должен соответствовать прагматической установке и эстетическому вкусу респондентов (см. аналоги подобной адаптации ассоциативных экспериментов для верификации как социально обусловленных, так и личностных аспектов концептуализации словесных знаков в обыденном сознании говорящих в: [Гридина, Коновалова 2020: 39-82; Гридина, Коновалова 2022: 253-265]).

Инструкция эксперимента была сформулирована таким образом, чтобы сосредоточить внимание респондентов именно на **лингвопрагматике** эргонимов: *Представьте, что вы открываете: кофейню, пекарню, ресторан и бар. Придумайте названия данных заведений так, чтобы они привлекали максимальное количество посетителей. Прокомментируйте, по возможности развернуто, выбор названия.*

Экспериментальное задание, как видно из предложенной формулировки, ориентировано, с одной стороны, на поиск номинации, обладающей яркой экспрессией, привлекательной для клиентов, с другой стороны, на стимулирование языковой рефлексии относительно воздействующего потенциала предложенного эргонима.

Эксперимент носил пилотный характер: в нем приняли участие 25 респондентов: мужчины и женщины от 18 до 56 лет,

живущие в г. Екатеринбурге, относящиеся к различным социальным группам.

Рассмотрим в заданном ключе созданные респондентами названия заведений городского общепита (всего было проанализировано 93 эргонима, называющих различные объекты питания, и комментарии к ним; отметим тот факт, что комментариев было меньше, чем названий, что, вероятно, можно объяснить как неспособностью респондентов дать словесное описание собственной интенции, так и «очевидностью» мотивации эргонима, не требующей объяснения). Некоторые эргонимы, предложенные респондентами, «совпали» с названиями уже существующих заведений г. Екатеринбурга (или просто были транслированы респондентами в качестве известных им номинаций).

Созданные респондентами эргонимы, рассмотренные с опорой на ассоциативный контекст, выводимый на основе их структурной и лексической мотивированности, а также аналогий с определенными моделями номинаций городских объектов, были классифицированы по способам воздействия на потенциального адресата. Во многих эргонимах, предъявленных респондентами, реализованы две и более прагматических стратегии привлечения внимания к названию, при этом одна из стратегий является доминирующей:

1. Апелляция к прецедентному феномену. Прецедентные эргонимы отражают стремление номинаторов вызвать интерес потенциальной аудитории обращением к актуальному для современных городских жителей культурному контексту, разного рода аллюзиям, заключенным в названии. Такие эргонимы эксплуатируют «эффект узнавания», считывания адресатом прецедентного смысла вербальных знаков (прежде всего устойчивых выражений, положенных в основу наименования). Ср., например, использование в качестве эргонимов прецедентов из сферы киноиндустрии: *Мой личный сорт кофеина* (трансформированная цитата из популярного кинофильма «Сумерки»), бар *Крепкий орешек* (отсылка к названию фильма и одновременно значению фразеологизма «о человеке, отличающемся твердым... характером, не поддающемся влиянию других»; применительно к названию бара апеллирует к любителям крепких напитков).

Представлены в номинациях респондентов и литературные аллюзии: пекарни *Baker Street*, *Плюшкин*, *Хлеб насыщенный*, рестораны *Золотой теленок*, *Зазеркалье*.

2. Прямая номинация объекта по его назначению: в основу таких эргонимов (чаще всего заведений общепита) положены названия продуктов, их качеств и свойств, ассортимента, ингредиентов (этот тип эргонимов соответствует принципу «объектной номинации» [Рут 2018]): кофейни: *Зёрна*, *Coffeeshop*, *CUP* (чашка), *Молотый*, *Крупные зерна*; пекарни: *Булочка с корицей*, *Булки*, *Булочки*, *Булка*, *Пампушечка*, *Круассан*, *Зефир*, *Мука и Тесто*; ресторан: *Ресторанчик*.

3. Оценочная номинация заведения, акцентирующая высокое качество предлагаемых услуг (например, кофейня *Ароматный кофе*) и нередко гиперболизирующая эту оценку: ср. ресторан *Лучший в мире*.

4. Обращение к «эмоциогенным» образам. Такие образы связаны у носителей языка с положительными или отрицательными эмоциональными переживаниями, личностными ассоциативными стереотипами. Ср. кофейни: *Утро в Париже*, *Задушевный разговор*; пекарни: *Бабушкина выпечка*, *Семейка*; рестораны: *Эдем*, *Семейный очаг*; бары: *Суббота*, *В гостях у Джони*, *Голубая лагуна*, *Звездная ночь*.

Кроме того, к данной группе могут быть отнесены положительно окрашенные метафорические номинации и эпитеты: кофейня *Сладкое утро*, ресторан *Золотой*; номинации, транслирующие разномодальные образы, обладающие чувственной конкретикой (кинестетические, аудиальные, визуальные): кофейня *Нежная пенка*, ресторан *Золотой песок*, бар *Лед и Пламень*.

5. Использование в качестве эргонимов «реплик» интерактивного характера, призывающих виртуального собеседника (субъекта коммуникации) к активному ответному действию. См. выделение эргонимов этого типа в: [Ведрева 2019]). Ср.: ресторан *Занимайся спортом и употребляй пищу*, кофейня *Забегай на кофеёк*, пекарня *Ну-ка съешь меня, дружок* (интерактивная реплика, отсылающая к прецеденту: *Сяду на пенек, съем пирожок* из сказки «Маша и медведь» – респондентом использованы од-

новременно две стратегии воздействия на адресата), бары: *Пей, не останавливаясь; Пиво, водка, полежим?, Дорогая, я перезвоню, Мам, я к подруге?* В основе таких эргонимов лежит имитативная модель использования разговорных выражений, в том числе прецедентных (ср. кафе *Чай, кофе, потанцуем?*), свойственных молодежному коммуникативному регистру.

6. Апелляция к оппозиции свое/чужое. Кофейня *Твоё место* (название призвано выделить объект из ряда подобных, «безразличных» потенциальному клиенту, создать у адресата ощущение «сопричастности» заведения его интересам, настроению, вкусам).

7. Привлечение внимания к названию посредством техники языковой игры. Игровой характер номинации может актуализироваться на разных уровнях. Например, на графическом: рестораны *Рыбаловe, Буль Он*, бары *sPIV.com, 100ПКА*; на семантическом, когда номинатор сознательно закладывает в эргоним возможность двойного прочтения. Ср. объяснения респондентами названий созданных ими эргонимов: пекарни *Сахарная крошка* (комментарий респондента: *посыпка для кондитерских изделий/привлекательная девушка*), *Булки (вызов обществу)*, *Пышка (набор блюд/фигура от их чрезмерного употребления)*.

Выделенные типы эргонимов (как придуманные респондентами, так и «транслированные» ими из числа «удачных») свидетельствуют о наиболее популярных у жителей г. Екатеринбурга моделях таких номинаций, что отражает их воздействующий потенциал.

Не менее показательны приведенные респондентами к созданным эргонимам комментарии, которые позволили выявить интенции и реализующие их смысловые и структурные «доминанты», заложенные в мотивацию названия их авторами (см. комментарии респондентов в скобках после названия):

1. Указание на высокое качество продукта, широкий ассортимент, достоинства и престиж заведения: кофейня *Зёрна (качественные кофейные зерна)*; кофейня *Ароматный кофе (акцент на продукте и его качестве)*; *Молотый (как будто какая-то гарантия качества уже в названии)*, кофейня *Сладкое утро (кофе обычно пьют утром, намек на богатый ассортимент)*

кафе: десерт + кофе); кофейня Крупные зерна (кофейня не закупает размолотые зерна, а размалывает их самостоятельно - показывает проделанную работу ресторана); ресторан Созвездие (как ресторан с 5 звездами), ресторан Золотой (название ресторанов всегда должно ассоциироваться с чем-то, что дорого, богато).

2. Простота и ясность названия: кофейня *Coffe in* (просто и понятно), кофейня *CUP* («чашка», короткое и запоминающееся название); бар *До вечера* (звучит просто, но притягивает внимание, по тематике подходит).

3. «Эффект узнавания», требующий дешифровки названия и ориентированный на культурный фон и потребностные «приоритеты» адресата. Ср.: кофейни: *Мой личный сорт кофеина* (популярные фразы из фильмов и сериалов всегда привлекают внимание); *Чай, кофе, потанцуем?* (привлечёт любителей разных напитков), *ЧайКоффский* (чай + кофе как ассортимент, фамилия композитора); пекарни *Плюшкин* (литературный герой + изделия, которые продают), *Sugar Crush* («сахарная катастрофа» - название песни и провокация в названии); бар *Мам, я к подруге* (стандартная «отмазка» для родителей, всем знакомо и как название не банально).

4. Создание эффекта диалога с клиентом: Кофейня *Твоё место* (создаёт ощущение сопричастности и общности, сокращения дистанции); бар *Пей*, не останавливаясь (привлечет тех, кто хочет выпить и надолго остаться в баре).

5. Обращение к «эмоциогенным» образам, воспоминаниям. Кофейня *Утро в Париже* (романтичный образ); пекарня *Семейка* (милое название, одна из самых любимых булочек детства, сразу тёплые воспоминания), пекарня *Бабушкина выпечка* (все любят бабушкину стряпню).

6. Акустический облик эргонима. Ср.: пекарня *Мускат* (создаёт ассоциации через ощущение, притягивает, звучит мягко); ресторан *Хайтек* (звучит модно, интересно); бар *Зайдешь, не заснешь* (рифму легко запомнить + отражает суть таких заведений).

7. Возможность двойного прочтения, осознаваемая как языковая игра: *Сахарная крошка* (как посыпка, как привлекатель-

ная девушка), *Пышка* (отразит как набор блюд, так и ту фигуру, которая будет после их чрезмерного употребления).

8. Указание на специфику заведения, особенности ассортимента, основной контингент. Так, необходимость подчеркнуть специализацию заведения в эргониме нередко реализуется благодаря использованию устойчивых образов культуры, в том числе национальной. Рестораны: *Китайский дракон* (ресторан восточной кухни, в названии отражён национальный колорит и тема заведения), *Зазеркалье* (что-нибудь тематическое), *Восточная ночь* (восточная кухня). Эргоним может ассоциативно вызывать представление о характере предлагаемых услуг, апеллируя к экзотическим, оксюморонным образам (в частности, связанным с буквализацией устойчивых, прецедентных выражений): бар *Лед и пламень* (коктейли есть со льдом и шоты, которые поджигают). Ср. иронически сниженный регистр характеристики эргонимов (названий баров) в свете вызываемых ими представлений о контингенте данных заведений: *Крепкий орешек* (название фильма + контингент заведения: можешь много выпить); бар *Заповедник* (когда все пьяные, тогда ведут себя как животные).

В заключение подчеркнем, что соотношение созданных респондентами номинаций и приведенных к ним комментариев нередко указывает на несоответствие интенции номинатора и смыслового наполнения готового эргонима. Например, название кофейни *Зёрна* не содержит никаких эксплицитных и даже потенциальных указаний на качество продукта, как предполагает номинатор (*качественные кофейные зерна*), ресторан *Созвездие*, вероятно, не у каждого из посетителей будет ассоциироваться со «звездами» как маркерами уровня обслуживания (*как ресторан с 5 звездами*), возможны и другие векторы ассоциативного осмысления названия (например, созвездие *Большая Медведица* и др.). В процессе номинации респондент во многом ориентируется на личностные ассоциации, которые не закреплены в узусе. Данный ракурс рассмотрения представленного материала может быть предметом отдельного исследования.

Анализ интенций, заложенных в названии самим автором, позволяет выявить наиболее актуальные для потенциального

адресата свойства/качества эргонимов, такие как «перцептивная яркость» (см. комментарии: *привлекают внимание, короткое и запоминающееся, вызвало бы у меня интерес, притягивает, интересно, не банально*), эмотивность (апелляция в комментариях к положительно окрашенным «эмоциогенным» образам: *романтичное, уютное, теплые воспоминания*) и повышенная коммуникативность (часто предлагаются названия-призывы, названия-реплики, выстраивающие диалог, приемы языковой игры, в том числе двойного прочтения). Таким образом, носитель современной лингвокультуры находится в постоянной небезразличной коммуникации с городским пространством, реализующейся, в том числе и на уровне эргонимии.

Литература

Вепрева И. Т. Современный эргонимикон: в поиске новых форм выражения // Вопросы ономастики. 2019. №16(4). С. 168-179.

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Метод вероятностного прогнозирования как инструмент психолингвистического анализа креолизованного текста: восприятие кодов социальной рекламы // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2022. – Т. 24. - №1. – С. 253-265. – DOI 10.15826/izv2.2022.24.1.017.

Гридина Т. А., Коновалова Н.И. Методы психолингвистических исследований: теория, практикум, тренинги. Учебное пособие. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2020.

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Стратегии переименования городских объектов на постсоветском пространстве // Политическая лингвистика. 2019. № 1 (73). С. 34-41.

Голев Н. Д. О принципах номинации и методе их исследования // Материалы науч. конференции, посвященной 50-летию образования СССР. Вып. 5: Лингвистика. Теоретические вопросы русского языка и его говоров. Томск: Изд-во ТГУ, 1972.

Голомидова М. В. Искусственная номинация в ономастике. Екатеринбург, 1998.

Емельянова А. М. Прагматический аспект эргонимии (на примере названий заведений общественного питания г.Уфы) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 7 (61): в 3-х ч. Ч. 2.

Земскова С. В. Лексико-семантический и словообразовательный анализ эргонимов г. Тольятти Самарской области Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 1996.

Ремчукова Е. Н., Соколова Т. П., Замалетдинова Л. Р. Прецедентные имена культуры в ономастическом пространстве современного города // Ценности и смыслы. 2017. № 6 (52). С. 94-108.

Рожкова П. А., Рут М. Э. Модели коммерческой эргонимии в России на рубеже XIX-XX веков и в наши дни: смена традиции // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 2. С. 303-311.

Рут М. Э. Объект и субъект номинации: палитра соотношений // Лингвистика креатива-4. Коллективная монография / Под ред. Т.А. Гридиной. Екатеринбург, 2018. С. 136-157.

REFERENCES

Vepreva I. T. Sovremennyy ergonimikon: v poiske novyh form vyrazheniya // Voprosy onomastiki. 2019. №16(4). С. 168-179.

Gridina T.A., Konovalova N.I. Metod veroyatnostnogo prognozirovaniya kak instrument psiholingvisticheskogo analiza kreolizovannogo teksta: vospriyatie kodov social'noj reklamy // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki. – 2022. – Т. 24. - №1. – S. 253-265. – DOI 10.15826/izv2.2022.24.1.017.

Gridina T. A., Konovalova N.I. Metody psiholingvisticheskikh issledovaniy: teoriya, praktikum, treningi. Uchebnoe posobie. Ekaterinburg: Ural. gos .ped. un-t, 2020.

Gridina T.A., Konovalova N.I. Strategii pereimenovaniya gorodskih ob"ektov na postsovetском prostranstve // Politicheskaya lingvistika. 2019. № 1 (73). S. 34-41.

Golev N. D. O principah nominacii i metode ih issledovaniya // Materialy nauch. konferencii, posvyashchennoj 50-letiyu obrazovaniya SSSR. Vyp. 5: Lingvistika. Teoreticheskie voprosy russkogo yazyka i ego govorov. Tomsk: Izd-vo TGU, 1972.

Golomidova M. V. Iskusstvennaya nominaciya v onomastike. Ekaterinburg, 1998.

Emel'yanova A. M. Pragmaticeskij aspekt ergonimii (na primere nazvanij zavedenij obshchestvennogo pitaniya g.Ufy) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2016. № 7 (61): v 3-h ch. CH. 2.

Земскова С. В. Лексико-семантический и словообразовательный анализ эргонимов г. Тольятти Самарской области Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 1996.

Remchukova E. N., Sokolova T. P., Zamaletdinova L. R. Precedentnye imena kul'tury v onomasticheskom prostranstve sovremennogo goroda // Cennosti i smysly. 2017. № 6 (52). S. 94-108.

Rozhkova P. A., Rut M. E. Modeli kommercheskoj ergonomii v Rossii na rubezhe XIX-XX vekov i v nashi dni: smena tradicii // Voprosy onomastiki. 2020. T. 17. № 2. S. 303-311.

Rut M. E. Ob"ekt i sub"ekt nominacii: palitra sootnoshenij // Lingvistika kreativa-4. Kollektivnaya monografiya / Pod red. T.A. Gridinoj. Ekaterinburg, 2018. S. 136-157.

©Ваулина И.А., 2022

©Красноперова Е.С., 2022

Ваулина Ирина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и русского языка. Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, 281.

E-mail: phonosemant@mail.ru

Vaulina Irina Aleksandrovna – Candidate of Philology, Docent of the Department of General Linguistics and Russian Language. Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg, Russia).

Красноперова Евгения Сергеевна – аспирант кафедры общего языкознания и русского языка. Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, 281.

E-mail: evgenial13@gmail.com

Krasnoperova Evgeniya Sergeevna – Postgraduate at the Department of General Linguistics and Russian Language. Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg, Russia).

О.И. КАЛИНИН

г. Москва, Россия

okalinin.lingua@gmail.com

УДК 81'23:81'42

КРЕАТИВНЫЕ МЕТАФОРЫ И РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В ДИСКУРСЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу интенсивности речевых метафор, которая рассматривается автором как степень проявления креативности и новизны метафорической проекции. Автор последовательно доказывает взаимосвязь между использованием метафор в дискурсе и потенциальной воздействующей силой, полагая, что использование новых креативных метафор повышает уровень эмоционально-когнитивного воздействия. Креативная метафора, являясь «маленькой головоломкой» увеличивают эмоциональную привлекательность сообщения и возбуждают воображение реципиента, тем самым улучшая эмоциональное восприятие речевого сообщения. При этом уровень интенсивности может быть вычислен количественно, посредством индекса интенсивности метафор. Полученный показатель интенсивности свидетельствует о среднем использовании метафор разной интенсивности в тексте или дискурсе, и является одним из оснований для выявления прагматических характеристик текста. В статье в качестве примера использования предложенной методики приведен анализ текстов публичных выступлений политических лидеров России, США, Великобритании и КНР.

Ключевые слова: речевые метафоры, креативность метафор, лингвокреативность, интенсивность метафор, конвенциональные метафоры, новые метафоры, индексы интенсивности, речевое воздействие, лингвопрагматика, дискурсивные практики, дискурс.

KALININ OLEG I.

Moscow, Russia

THE POWER OF CREATIVE METAPHORS IN DISCOURSE

Abstract. The article analyses the intensity of speech metaphors, which is considered as the degree of manifestation of metaphorical projection's creativity and novelty. The author consistently proves the relationship between the metaphors in discourse and the potential speech impact, believing that

the implementation of new creative metaphors increases the level of emotional and cognitive impact. A creative metaphor, being a "little puzzle", increases the emotional appeal of the message and excites the recipient's imagination, thereby improving the emotional message's perception. In this case, the level of intensity can be quantified by means of the metaphor intensity index. The obtained indicator of intensity reflects the average use of metaphors of different intensity in a text or discourse, and is one of the grounds for identifying the pragmatic characteristics of a text. In the article, as an example of using the proposed methodology, an analysis of the texts of public speeches by political leaders of Russia, the USA, Great Britain and China is given.

Keywords: speech metaphor, metaphor creativity, metaphor intensity, conventional metaphor, new metaphor, metaphor intensity index, speech impact, pragmatics

Введение

Речевое воздействие рассматривается в лингвистике с разных позиций: теория речевых актов [Остин 1986], теория логической аргументации [Walton 2013], критическая лингвистика [Водак 2011]. При этом методика изучения когнитивного аспекта речевого воздействия, опосредованного интерпретирующей функцией языка «как его особой функцией в отношении репрезентации знаний о мире» [Болдырев 2011: 11], становится все более актуальной в наше время.

Время блестящих ораторов прошлого, которые «силой слова могли повести толпу на баррикады» уже прошло, воздействие на адресата речевого сообщения, массового и индивидуального, становится все более имплицитным и многослойным. Для формирования мнения относительно продукта, социального института, события уже недостаточно прямого призыва или побуждения; лозунги прошлого («Пролетарии всех стран соединяйтесь!», «За веру, царя и Отечество!») не могут быть эффективными в силу изменения когнитивной системы современного человека.

Принимая во внимание известный тезис Р. Блакара о невозможности «выразиться «нейтрально», поскольку даже неформальный разговор предполагает «осуществление власти» [Блакар 1987: 91], мы можем говорить о постоянном когнитив-

но-речевом воздействии, то есть воздействию на восприятие и структурирование мира другим человеком, осуществляемом средствами языка и дискурса.

Так, сущность речевого воздействия заключается в таком использовании языка в дискурсе, при котором в концептуальную модель мира реципиента вводятся новые знания и/или модифицируются уже имеющиеся.

Одним из действенных и наиболее доступных для исследования собственно лингвистическими методами форм когнитивно-речевого воздействия является метафора, в основе которой, как известно, лежит когнитивное переосмысление одной концептуальной области (сферы-цели) через концептуальные признаки другой области (сферы-источника).

Об эффективности метафорического моделирования как о средстве манипулирования общественным мнением писал один из авторов теории концептуальной метафоры Дж. Лакофф, указывая на «метафорическое оправдание» войны США против Ирака. Ученый показал, что руководители Соединенных Штатов использовали знаменитую метафору Карла Клаузевица «война – это продолжение политики с использованием других средств», и тем самым вводили войну в систему обычных и необходимых для великой державы политических средств [Lakoff 1991].

В дальнейшем изучение воздействующего потенциала метафоры продолжилось, и многие исследователи, рассматривая роль метафоры в коммуникации, указывали на «особую персуазивность речевого сообщения», содержащего метафорические проекции [Hendricks и др., 2018; Thibodeau, Boroditsky 2013].

В наших предыдущих исследованиях мы последовательно доказывали тезис о взаимосвязи речевого воздействия с количеством метафор в тексте [Калинин 2020a], содержанием метафорических проекций [Калинин 2020b] и распределением метафор по структуре текста [Калинин 2020c] и разработали метод количественного анализа метафоричности дискурса [Калинин 2021].

В разработке теории метафорического речевого воздействия мы отталкиваемся от тезиса о возможности исследования природы метафоры и количественном измерении использования метафорических оборотов в дискурсе как об одной из возмож-

ных «метрик» имплицитного когнитивного речевого воздействия.

Важно отметить, что одним из важных аспектов проявления функционально-воздействующего потенциала метафоры является интенсивность / новизна метафорических переносов, который проявляется в дихотомии «конвенциональные, стертые и новые, креативные» метафоры, описанию которого посвящена настоящая статья.

Обзор исследований интенсивности метафор

Взаимосвязь интенсивности метафоры с потенциальным воздействием речевого сообщения является доказанной. В исследовании К. Аринс и коллег было обнаружено, что «обычные (конвенциональные) метафоры отличаются от буквальных (неметафорических) выражений небольшим количеством повышенной активации нейронов в правой латеральной височной извилине. Аномальные (креативные) метафоры в сравнении с неметафорическими выражениями показали значительное увеличение активации в лобной и височной извилинах обоих полушарий» [Ahrens и др. 2007: 163]. Данное исследование поддерживает идею о том, что метафоры не являются гомогенным типом образного языка и что разграничение между различными типами метафор должно стать значимой частью лингвистической теории метафоры.

В лингвистическое понимание значительных отличий между конвенциональными и авторскими метафорами большой вклад внесли исследования Б. Боудла и Д. Гентнер в рамках теории карьеры метафоры [Bowdle, Gentner 2005]. Данная теория утверждает, что, когда метафоры становятся конвенционализированными, происходит сдвиг в режиме их когнитивной обработки – от сравнения (новые креативные метафоры) к категоризации (конвенциональные метафоры). Когда метафоры обрабатываются путем категоризации, их предполагаемое значение уже хранится в когнитивной памяти реципиента речевого сообщения, соответственно их обработка требует меньшего когнитивного напряжения.

Конвенциональные метафоры обеспечивают более традиционную основу для размышлений над сложной проблемой и мо-

гут сделать трудные вопросы более конкретными и легкими для понимания. Таким образом, стертые метафоры могут положительно повлиять на то, как люди воспринимают и когнитивно обрабатывают переданное сообщение, например, за счет повышения качества воспринимаемых аргументов [Hartman 2012] и снижения сложности воспринимаемого сообщения [Burgers и др. 2015].

Когда метафора является новой, то есть креативной, реципиент речевого сообщения должен сравнить два разных понятия, чтобы узнать, что у них есть общего. Метафора таким образом служит маленькой головоломкой, которая обеспечивает удовольствие при решении, так как сообщение позволяет <...> поновому взглянуть на что-то знакомое [Giora и др. 2004; Hoeken и др. 2009]. Креативные метафоры могут положительно влиять на аффективное восприятие сообщения, например, они могут увеличить эмоциональную привлекательность сообщения [Hoeken и др. 2009] и возбудить воображение реципиента речевого сообщения.

Было проведено несколько практических исследований касательно роли новых метафор в новостях. Например, экономические и политические новости, содержащие яркие креативные метафоры, в отличие от новостей без использования образности, воспринимаются как более изобретательные и легче формируют яркий визуальный образ об описываемой проблеме [Brantner, Lobinger, Wetzstein 2011].

В рекламной коммуникации новые метафоры воспринимаются как хитроумные отклонения от буквального языка, которые положительно влияют на мнение потребителей о рекламируемом продукте [Ang, Lim 2006; Phillips, McQuarrie 2009]. Высоко оценивается роль креативных метафор в коммуникации в области здравоохранения, где было доказано, что новые метафоры содействуют более позитивному отношению к участию в клинических онкологических исследованиях [Krieger, Parrott, Nussbaum 2010].

Таким образом, можно утверждать, что конвенциональные метафоры оказывают демпфирующее, структурирующее и кредитоустанавливающее когнитивное воздействие, то есть «смяг-

чают» когнитивное напряжение, но при этом апеллируют к известным концептуальным и категоризационным моделям, подчеркивая знакомые когнитивные структуры. Также, за счет указанных эффектов, конвенциональные метафоры оказывают категоризационное (рациональное) и оценочное воздействие (по классификации Г. Г. Почепцова) [Почепцов 1987], так как посредством обновления информации о категориальной соотношенности субъекта метафоризации они формируют определенную оценку.

Новые креативные метафоры оказывают афезисивное, аффективное и стимулирующее когнитивное воздействие. Новые метафоры будут оказывать также эмоционально-оценочное воздействие, осуществляемое за счет смягчения аргументов и стимуляции когнитивной обработки.

Выявление степени интенсивности метафор в текстах политического дискурса

Интенсивность метафоры является важным показателем взаимосвязи метафоры и речевого воздействия. Для ее вычисления мы полагаем уместным использовать индекс интенсивности (МИ) метафоры, разработанный К. де Ландтсхеер:

$$МИ = (1w + 2a + 3s) / nme,$$

где w – количество низкоинтенсивных (стертых, конвенциональных метафор), a – количество метафор средней интенсивности, s – количество высокоинтенсивных (новых, авторских) метафор.

Данная методика апробирована во многих работах К. де Ландтсхеер для анализа метафоричности политического дискурса [Landsheer De, 2011].

Мы полагаем необходимым использовать именно три показателя интенсивности, добавив к теоретически обоснованной дихотомии новая/конвенциональная также и метафору средней интенсивности. Кроме того, ряд исследователей указывает, что существенным для разграничения являются именно три степени новизны метафоры [Gong, Ahrens 2007]. Разграничить метафоры по интенсивности можно посредством анализа по словарю и по корпусу. Если метафорический оборот включен в словарный состав как устоявшийся, то есть отражен в словаре националь-

ного языка, то это конвенциональная метафора с низким уровнем интенсивности. Если метафорический оборот в словарь не включен, но его можно найти в электронном корпусе национального языка, то это метафора среднего уровня интенсивности. Если же метафорического выражения нет ни в словаре, ни в корпусе, то это новая метафора.

Математическая логика представленной выше формулы также весьма проста: значение индекса будет варьироваться от 1 до 3. При значении индекса, близком к 1, метафоры в тексте преимущественно конвенциональные. Это означает, что они основаны на концептуализации и автор речевого сообщения не стремился оказать эмоционального воздействия на аудиторию, а, наоборот, хотел добиться когнитивного эффекта, то есть достичь большего понимания передаваемой в речевом сообщении информации. Если же индекс больше 2,5, то очевидно, что исследуемый текст насыщен авторскими метафорами, что свидетельствует о высокой эмоциональности и экспрессивности текста и имплицитном эмоционально-экспрессивном воздействии. Представим пример использования анализа речевого воздействия посредством выявления количества новых и конвенциональных метафор и подсчета индекса интенсивности метафор.

Источниками для исследования политического дискурса на русском языке явились: Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному собранию (15 января 2020, 7528 слов и 20 февраля 2019, 9852 слова), Выступление В.В. Путина на Международном экономическом форуме «Один пояс – один путь» (14 мая 2017 года, 1237 слов), Новогоднее обращение Президента РФ к гражданам России за 2016, 2017 и 2018 годы (949 слов). Источниками для исследования политического дискурса на китайском языке явились: Речь Председателя КНР Си Цзиньпина перед 1 съездом ВСНП 12 и 13 созывов (17 марта 2013 года, 1659 слов и 20 марта 2018 года, 2624 слова), Выступление Си Цзиньпина на Международном экономическом форуме «Один пояс – один путь» (14 мая 2017 года, 3735), Новогоднее обращение Председателя КНР Си Цзиньпина за 2016, 2017 и 2018 годы (2795 слов). Источниками для исследования политического дискурса на английском языке явились: Послание Президента США

Д. Трамп Конгрессу «О положении в стране» (5 февраля 2019 года, 5249 слов и 4 февраля 2020 года, 6377 слова), Выступление Д. Трампа на Международном экономическом форуме в Давосе (26 января 2018 года, 1992 слова), Рождественское обращение Королевы Великобритании Елизаветы II за 2016, 2017 и 2018 годы (1923 слова).

Все тексты можно разделить на три группы: обращения к нации, выступления на международном форуме и новогодние обращения. Представим результаты в сводной таблице.

Таблица 1. Результаты выявления интенсивности метафор в текстах публичных выступлений политиков

	В.В. Путин	Си Цзиньпин	Д.Трамп
Обращения к нации	1,17	1,64	1,74
Выступление на форуме	2,25	2,06	1,96
Новогодние поздравления	1,56	1,91	1,56

Приведем примеры разной интенсивности. В примерах в скобках указан идентифицированный уровень интенсивности метафор (S – сильный, то есть новая метафора, A – средний, W – слабый, то есть конвенциональная метафора).

波澜壮阔的中华民族发展史是中国人民书写的! (Величественная и грандиозная история (W) китайской нации написана (W) китайским народом!).

In just three short years, we have *shattered the mentality of American decline*, and we have rejected the *downsizing of America's destiny*. We have totally rejected the downsizing. (В течение трех коротких лет мы *разбили вдребезги восприятие упадка (S)* Америки, отвергли принцип *уменьшения значимости предназначения (A)* Америки. Мы полностью отвергли это преуменьшение).

Наша историческая обязанность – *ответить на этот вызов (W)*. Не только *выбраться из демографической ловушки (A)*, но и к середине наступающего десятилетия обеспечить устойчивый *естественный рост численности населения страны (W)*.

«大雁之所以能够穿越风雨、行稳致远，关键在于其结伴成行，相互借力» (Дикие гуси, только потому могут преодолеть ветер и дождь, и двигаться вперед, потому что летят крылом к крылу, используя силу друг друга). Далее по тексту следует прямая структурная метафора «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ – это крылья у птицы»: «很多人形象地比喻说，“一带一路”就像一对腾飞的翅膀» (Многие люди говорят, что «Один пояс – один путь» *подобен паре крыльев (S)*).

No country should *be held hostage* to a single provider of energy (Ни одна страна не должна *оставаться в заложниках (A)* ни у одного из поставщиков энергоресурсов).

Бедность, социальная неустроенность, колоссальный разрыв в уровне развития стран и регионов *порождают питательную среду для международного терроризма, экстремизма, незаконной миграции (A)*.

我们要以庆祝改革开放40周年为契机，逢山开路，遇水架桥，将改革进行到底 (Празднование 40-летия политики реформ и открытости должно стать поворотным пунктом, мы проложим дорогу, *даже встречая на пути горы, а при встрече с водой – построим мосты (S)*, доведём реформы до конца).

I think of London and Manchester, whose powerful *identities hone through over the past twelve months in the face of appalling attacks*. (Я думаю о Лондоне и Манчестере, которые *мужественно проявили себя перед лицом (S)* ужасающих атак в последние 12 месяцев).

В таблице 1 мы видим, что интенсивности метафор не связана с индивидуальной манерой оратора, так как в трех разных группах текстов наиболее интенсивными оказывались выступления разных политиков. Публичные речи Д. Трампа перед Конгрессом оказались наиболее яркими и эмоционально воздействующими, что мы связываем с традиционной важностью прямого публичного выступления в американской политике, где открытые политические дебаты и прямой диалог с избирателями являются неотъемлемой частью политической культуры.

Выступление В.В. Путина на экономическом форуме показало большую насыщенность яркими метафорами. Этот показа-

тель мы не связываем с повышенным уровнем речевого воздействия данной речи и объясняем ее экстралингвистическими факторами. Данное выступление Президента России было адресовано преимущественно китайской аудитории, и мы полагаем, что это оратор пытался сделать свою речь скорее красочной, чем воздействующей, что подтверждается анализом других проявлений метафоричности.

В новогодних обращениях более яркими были выступления Си Цзиньпина, который в среднем за все три вида текстов, демонстрировал более высокий уровень использования креативных метафор. Мы полагаем, что метафоричность официальных текстов – это неотъемлемая характеристика публичного дискурса на китайском языке, что во многом подтверждается предыдущими исследованиями [Сунь, Калинин, Игнатенко, 2021].

Заключение

Языковые метафоры, отражая концептуальные переносы и являясь неотъемлемой частью коммуникации, непосредственно связаны с речевым воздействием. Анализ разных аспектов использования метафор в дискурсе позволяет выявлять разные компоненты речевого воздействия. В частности, интенсивность метафор, которая проявляется в использовании новых креативных метафор, может свидетельствовать об эмоционально-когнитивном воздействии.

Основными выводами относительно влияния новизны и креативности метафоры на воздействующий потенциал речевого сообщения являются следующие:

- Конвенциональные и новые метафоры по-разному соотносятся с языковым опытом участников коммуникации;
- Конвенциональные и новые метафоры базируются на разных когнитивных механизмах: категоризации и сравнении соответственно, поэтому по-разному воспринимаются реципиентами речевого сообщения;
- Конвенциональные метафоры влияют на когнитивное восприятие текста, делая речевое сообщение более понятным и легким для восприятия посредством снижения сложности воспринимаемого сообщения и повышения качества воспринимаемых аргументов;

- Новые метафоры позволяют увеличить эмоциональную привлекательность сообщения и возбудить воображение реципиента речевого сообщения, тем самым улучшая эмоциональное восприятие речевого сообщения;

- Конвенциональные метафоры оказывают когнитивно-рациональное речевое воздействие, апеллируя к имеющимся концептуальным структурам. Новые/ аномальные / креативные метафоры связаны с когнитивно-эмоциональным воздействием.

Литература

Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 88-125.

Болдырев Н.Н. Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. Т. 33. С. 11-16.

Водак Р. Критическая лингвистика и критический анализ дискурса // Политическая лингвистика. 2011. Т. 4. С. 286 -291.

Калинин О.И. К вопросу о зависимости персуазивности речевого сообщения от количества метафор // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020а. № 2. С. 31- 43.

Калинин О.И. К вопросу о зависимости персуазивности речевого сообщения от содержания метафорического переноса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020b. Т. 4. (В печати).

Калинин О.И. Речевое воздействие и тема-рематическая структура текста // Вестник ПНИПУ. Вопросы языкознания и педагогики. 2020. Т. 4. С. 60-69.

Калинин О.И. Количественный анализ метафор как способ выявления когнитивно-речевого воздействия // Когнитивные исследования языка. 2021. Т. 4. № 47. С. 327-334.

Остин Д.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. 1986. Т. XVII. С. 22-129.

Почепцов Г.Г. Коммуникативные аспекты семантики. Киев, 1987. 132 с.

Сунь Ю., Калинин О.И., Игнатенко А.В. Использование индексов метафоричности для анализа речевого воздействия метафоры в текстах публичных выступлений политиков // Russ. J. Linguist. 2021. Т. 25. № 1. С. 232-258.

Ahrens K. и др. Functional MRI of conventional and anomalous metaphors in Mandarin Chinese // Brain Lang. 2007. Т. 100. № 2. С. 163 -171.

Ang S.H., Lim E.A.C. The Influence of Metaphors and Product Type on Brand Personality Perceptions and Attitudes // *J. Advert.* 2006. Т. 35. № 2. С. 39-53.

Bowdle B.F., Gentner D. The Career of Metaphor // *Psychol. Rev.* 2005. Т. 112. № 1. С. 193–216.

Brantner C., Lobinger K., Wetzstein I. Effects of Visual Framing on Emotional Responses and Evaluations of News Stories about the Gaza Conflict 2009 // *Journal. Mass Commun. Q.* 2011. Т. 88. № 3. С. 523-540.

Burgers C. и др. Making ads less complex, yet more creative and persuasive: the effects of conventional metaphors and irony in print advertising // *Int. J. Advert.* 2015. Т. 34. № 3. С. 515-532.

Gong S.-P., Ahrens K. Processing Conceptual Metaphors in On-Going Discourse // *Metaphor Symb.* 2007. Т. 22. № 4. С. 313-330.

Hartman T.K. Toll Booths on the Information Superhighway? Policy Metaphors in the Case of Net Neutrality // *Polit. Commun.* 2012. Т. 29. № 3. С. 278-298.

Hendricks R.K. и др. Emotional Implications of Metaphor: Consequences of Metaphor Framing for Mindset about Cancer // *Metaphor Symb.* 2018. Т. 33. № 4.

Krieger J.L., Parrott R.L., Nussbaum J.F. Metaphor Use and Health Literacy: A Pilot Study of Strategies to Explain Randomization in Cancer Clinical Trials // *J. Health Commun.* 2010. Т. 16. № 1. С. 3-16.

Lakoff G. Metaphor and War: the Metaphor System used to Justify War in the Gulf // *Peace Res.* 1991. Т. 23. № 2/3. С. 25-32.

Landtsheer C. De. Methods for the study of political metaphor in leadership studies // Conference of ECPR. Glasgow, 2011.

Phillips B.J., McQuarrie E.F. Impact of Advertising Metaphor on Consumer Belief: Delineating the Contribution of Comparison Versus Deviation Factors // *J. Advert.* 2009. Т. 38. № 1. С. 49-62.

Thibodeau P.H., Boroditsky L. Natural Language Metaphors Covertly Influence Reasoning // *PLoS One.* 2013. Т. 8. № 1.

Walton D. Methods of Argumentation. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 308 с.

REFERENCES

Blakar R.M. YAzyk kak instrument social'noĭ vlasti // YAzyk i modelirovanie social'nogo vzaimodeĭstviya. Moskva: , 1987. S. 88–125.

Boldyrev N.N. Interpretiruyushchaya funkciya yazyka // Vestnik CHElyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. Т. 33. S. 11–16.

Vodak R. Kriticheskaya lingvistika i kriticheskij analiz diskursa // Politicheskaya lingvistika. 2011. Т. 4. S. 286–291.

Kalinin O.I. K voprosu o zavisimosti persuazivnosti rechevogo soobshcheniya ot kolichestva metafor // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2020a. № 2. S. 31–43.

Kalinin O.I. K voprosu o zavisimosti persuazivnosti rechevogo soobshcheniya ot sodержaniya metaforicheskogo perenosa // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2020b. T. 4. S. v pechati.

Kalinin O.I. Rechevoe vozdejstvie i tema-rematicheskaya struktura teksta // Vestnik PNIPU. Voprosy yazykoznaniya i pedagogiki. 2020c. T. 4. S. 60–69.

Kalinin O.I. Kolichestvennyj analiz metafor kak sposob vyyavleniya kognitivno-rechevogo vozdejstviya // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2021. T. 4. № 47. S. 327–334.

Ostin D.L. Slovo kak dejstvie // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Teoriya rechevyh aktov. 1986. T. XVII. S. 22–129.

Pochepcov G.G. Kommunikativnye aspekty semantiki. Kiev 1987. 132 s.

Sun' YU., Kalinin O.I., Ignatenko A.V. Ispol'zovanie indeksov metaforichnosti dlya analiza rechevogo vozdejstviya metafory v tekstah publicnyh vystupenij politikov // Russ. J. Linguist. 2021. T. 25. № 1. S. 232–258.

Blakar R.M. YAzyk kak instrument social'noj vlasti // YAzyk i modelirovanie social'nogo vzaimodejstviya. Moskva: , 1987. S. 88–125.

Boldyrev N.N. Interpretiruyushchaya funkciya yazyka // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. T. 33. S. 11–16.

Vodak R. Kriticheskaya lingvistika i kriticheskij analiz diskursa // Politicheskaya lingvistika. 2011. T. 4. S. 286–291.

Kalinin O.I. K voprosu o zavisimosti persuazivnosti rechevogo soobshcheniya ot kolichestva metafor // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2020a. № 2. S. 31–43.

Kalinin O.I. K voprosu o zavisimosti persuazivnosti rechevogo soobshcheniya ot sodержaniya metaforicheskogo perenosa // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2020b. T. 4. S. v pechati.

Kalinin O.I. Rechevoe vozdejstvie i tema-rematicheskaya struktura teksta // Vestnik PNIPU. Voprosy yazykoznaniya i pedagogiki. 2020c. T. 4. S. 60–69.

Kalinin O.I. Kolichestvennyj analiz metafor kak sposob vyyavleniya kognitivno-rechevogo vozdejstviya // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2021. T. 4. № 47. S. 327–334.

Ostin D.L. Slovo kak dejstvie // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Teoriya rechevyh aktov. 1986. T. XVII. S. 22–129.

Pochepcov G.G. Kommunikativnye aspekty semantiki. , 1987. 132 s.

Sun' YU., Kalinin O.I., Ignatenko A.V. Ispol'zovanie indeksov metaforichnosti dlya analiza rechevogo vozdeistviya metafory v tekstah publichnyh vystuplenii politikov // Russ. J. Linguist. 2021. T. 25. № 1. S. 232–258.

©Калинин О.И., 2022

Калинин Олег Игоревич – кандидат филологических наук, доцент кафедры китайского языка. Московский государственный лингвистический университет (Москва, Россия).
Адрес: 119034, г. Москва, ул. Остоженка дом 38
стр.1

Kalinin Oleg Igorevich – Candidate of Philology, Associate Professor of the Chinese Language Department. Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia).

Э.А. КИТАНИНА

г. Москва, Россия

ella_kitanina@mail.ru

УДК 81'373:81'42

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ АНГЛИЦИЗМОВ В СЕТЕВОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. В статье прослеживается динамика распространения англицизмов в сетевом дискурсе и появление на их основе частично или полностью ассимилированных англицизмов, активно употребляющихся пользователями и создателями различного контента, новой семантики заимствованных слов. Анализируются векторы образования креативного подхода к наиболее частотным заимствованиям, обусловленного как когнитивными, так и социолингвистическими причинами, развившимися в последние 5-7 лет на различных интернет-площадках. Иноязычные лексемы варьируются, русифицируются не только с точки зрения грамматики, образуя различные производные, но и с позиций социолингвистики, лингвокультурологии, становясь способом общения, обнажая ценности как адресанта, так и адресата аккаунтов, блогов, социальных сетей.

Ключевые слова: лингвокреативность, лингвопрагматика, ассимиляция, лексико-семантические трансформации, лексическая семантика, языковой менталитет, языковая картина мира, Интернет, интернет-технологии, интернет-коммуникации, социальные сети, интернет-дискурс, интернет-тексты, англицизмы.

KITANINA ELLA A.

Moscow, Russia

LEXICO-SEMANTIC TRANSFORMATIONS OF ANGLICISMS IN THE NETWORK DISCOURSE

Abstract. The article traces the dynamics of the spread of anglicisms in the network discourse and the emergence on their basis of partially or completely assimilated anglicisms actively used by users and creators of various content, new semantics of borrowed words. the author shows the vectors of the formation of a creative approach to the most frequent borrowings, due to both cognitive and sociolinguistic reasons that have developed in the last 5-7 years on various internet sites. foreign-language lexemes vary, are

russified not only from the point of view of grammar, forming various derivatives, but also from the standpoint of sociolinguistics, linguoculturology, becoming a way of communication, exposing the values of both the addressee and the addressee of accounts, blogs, social networks.

Keywords: linguocreativity: pragmatics; assimilation; transformation, language mentality; language picture of the world.

Лингвистическое исследование заимствованных лексических единиц никогда не было столь актуальным, как в настоящее время – более того, заимствования сегодня могут рассматриваться в новых и самых различных аспектах (поколенческий, аксиологический и др.). «Развитие нового типа коммуникации породило целое научное направление – лингвистику Интернета» [Галичкина 2012: 11]. Влияние быстро меняющейся картины мира на траекторию вхождения в русскую языковую систему, к примеру, англицизмов порождает, «запускает» новые языковые процессы и новый взгляд на динамику этих процессов. По словам Т.Б. Радбиля, «...можно утверждать, что любой способ концептуализации мира базируется на языковой концептуализации. Именно в языке откладываются все достижения в сфере духовной деятельности человека и этноса в целом. Язык как бы «прививает» нам определённый взгляд на вещи, определяет характер и направление умственной активности» [Радбиль 2010: 166-167]. Лингвокреативность в этом смысле более всего демонстрирует таковой взгляд. Кроме того, за счёт языковой игры, новой семантики, оценочной революции в лексике и грамматике усиливается когнитивная природа изменений формы заимствованных единиц – это особенно заметно в сетевом дискурсе. Проблематика, связанная с использованием лексики иноязычного происхождения в русском языке, обсуждается уже на протяжении двух столетий и имеет серьёзную научную традицию [Китанина 2005: 5-6]. Получило теоретическое обоснование положение о том, что любой национальный язык испытывает влияние чужих культур и это находит отражение на всех языковых уровнях, при том, что самым проницаемым является, естественно, лексический уровень (Э. Сепир, У. Вайнрайх, В.Г. Костомаров, В.Н. Телля, С. Димитрова, И.В. Рябова и мн. др.). Благодаря работам

В.В. Виноградова, Л.П. Крысина, Р.И. Будагова, Э.А. Биржаковой и др. детально исследованы процессы ассимиляции иноязычного слова в языке-рецепторе. Русский язык имеет большое количество англицизмов, которые настолько давно и прочно укоренились в русской лексике, что не воспринимаются носителями языка нового поколения – «цифровыми аборигенами» – как иностранные. К этим словам относятся следующие лексические единицы, пришедшие из английского языка: *toast* (кусочек поджаренного хлеба), *toaster* (устройство для приготовления тостов), *text* (текст), *computer* (компьютер), *piercing* (пирсинг – прокалывание ушей, носа, бровей и т.д. для декоративных целей), *лузер* (*loser-loser*), закуска / закуски (*snack / snacks* – легкие закуски, включая шоколад, чипсы, орехи, крекеры и т. д.), чипсы (жареный особым способом картофель). Как и в случае с ноутбуком, заимствованное и закрепленное слово *чипсы* в русском языке означает тонкие ломтики хрустящего картофеля, в то время как в исходном языке это лакомство обозначено лексической единицей *чипсы*, которая не зафиксирована в русской лексической структуре. Большинство английских слов являются фонетической и графической адаптацией. Однако в последние 5-7 лет ассимилированные и неассимилированные заимствования на различных площадках Интернета претерпевают прагматические и семантические изменения под воздействием задач копирайтеров, спичрайтеров и других авторов текстов, имеющих отношение к лингвокреативной сфере деятельности.

Среди заимствованных в последние десятилетия англицизмов, которые в основном используются в Интернете, отмечают лексические новообразования, которые постепенно переходят из класса окказиональных слов (слов, не вошедших в широкое употребление) в статус неологизмов, то есть слов, вошедших в общеязыковое употребление. К англоязычным заимствованиям, перешедшим в разряд неологизмов или все еще находящимся в переходной стадии, можно отнести следующие лексические единицы, употребление которых в современном русском языке было зафиксировано в Интернете: *Бодипозитивный* и его производные образуются путем сложения и добавления суффиксов -изм, -аут, -чик, -щиц(а). *Бодипозитивизм* (от английского *body*

(тело) и *positive* (позитивный – раннее заимствованное слово, означающее позитивное отношение к чему-л. или к кому-л.). Семантика данной лексемы соотносится с феминистским движением, целью которого является борьба против навязывания стандартов красоты. Ср.: «Азбука *бодипозитивизма*: основные слова, которые помогут вам принять свое тело», «Действия *бодипозитивщиц* вызывают негативную реакцию общественности», «*бодипозитивное* движение представлено различными ресурсами» (VK). *Bodyshaming* (от английского *body* (тело) и *pozor* (позорить, обвинять, стыдить) – критика, порицание недостатков внешности. Производное – *бодишеймер* (образование существительного мужского рода с использованием суффикса -er); *бодишеймер* (добавление суффикса-er и морфемы множественного числа-s). Ср.: «Действительно ли оправданно пытаться соответствовать канонам глянцевого внешнего вида, как того требуют бодишеймеры?», «сотрудники лондонской управляющей транспортной системой компании Transport for London (TFL) были обвинены в бодिशамминге после того, как они посоветовали людям носить одежду, которая подходит их телам» (VK).

Ещё один частотный англицизм – *абьюзер*. *Абьюз* – 1) оскорбление, надругательство, 2) плохое, жестокое обращение; 3) оскорбление – в русском языке употребляется в контексте психологического или физического насилия, которое агрессор систематически совершает с целью подчинения воле другого лица (Журнал «Гламур», №2. 2021); от англ. *abuser* – обидчик; совершающий насилие). Прижилось, получило популярность выражение делать *каминг-аут* – выходя (от англ. выход наружу (быть обнаруженным (о тайне), стать известным) – процесс открытого и добровольного признания принадлежности человека к сексуальному или гендерному меньшинству, или результат такого процесса. Он употребляется с глаголом *to make* – делать *каминг-аут*, делать *каминг-аут* (калька с англ. *Make coming out* – сделать). Ср.: «*Каминг-аут* позволяет сформировать глубокую связь: не только романтические отношения, но и более крепкую дружбу», «Вы осознали свою ориентацию, приняли ее и решили, что пришло время сделать *каминг-аут*» (VK).

Англицизмы *Follower*, *follow*, *follow* (зафолловить) – термины, относящиеся к системе Twitter. Последователь (от англ. последователь (последователь, приверженец, адепт, защитник, сторонник, поклонник, имитатор). С помощью суффиксов *-и-т*, образующих несовершенную форму, образовался глагол *follow* (от англ. *follow* (*sledlv*), что означает "возможность получать информацию от человека или компании, просматривать информацию на личной странице пользователя в социальных сетях (аккаунтах)".

Производные, полученные методом аффиксации словообразования с использованием префиксов *-от* и *-за*: *от-фолловить* (*зафолловить*), несут негативную окраску и означают, что вы не подписываетесь и не читаете одну из лент, например, в Twitter. Ср.: «Вы пишете неграмотно? Этот способ тоже можно *уфолловить*» (оригинальное написание сохранено – Э.А. Китанина). Часто англицизм становится эмоционально-экспрессивной лексемой именно в нетранслитерированном виде: «Это не первый раз, когда последователи поймали Викторию Боню, злоупотребляющую *photoshop*» (Твиттер). Производными от слова *НУІР* являются глаголы *хуре*, *хуранут* (т. е. создавать шумиху, чтобы привлечь внимание), образованные добавлением морфем *-І-т* (*НУІР-і-т*) и морфем *-ап* и *-и-т* (*НУІР-ап-и-т*). Ср.: «...автор письма призвал всех, кто хочет *хурануть* (прославиться) остановиться на президентской номинации» (орфография автора сохранена). *Краудфандинг* (от англ. *crowd* – толпа и *finding* – обнаружение, нахождение) привлечение финансовых ресурсов от большого количества людей. Ср.: Название онлайн-статьи «Каким *краудфандинговым* платформам я могу доверять в России?», название интернет-статьи: «Краудфандинг – новый способ финансирования» (Twitter).

Англицизм *агриться* (от англ. злой-злой) – возвеличивать можно найти в современных произведениях искусства, представленных в Интернете. Ср.: «Если так будет продолжаться, то к концу кампании эта истеричная женщина начнет всерьез меня *агривовать*. Или не открыто мстят, а исподтишка» (В. Кучеренко, И. Ольховская, «Бета-тестеры поневоле»); «Если у тебя все есть, то перестань меня отвлекать, – я не стал "*агриться*" на

провоцирующие слова Анастасии и решил свернуть разговор» (В. Маханенко. «Путь шамана. Это только начало»).

Свайп (от англ. чтобы *swure* – не глядя вверх, проведите пальцем по экрану смартфона в нужном направлении).

Слово *swipe* (от англ. чтобы *swure* – пролистывать вверх) стало частью современного русского языка с появлением сенсорных экранов. *Свайп* – это жест, с помощью которого пользователь смартфона (еще одно заимствованное слово из английского *Smartphone* – телефон с большим количеством различных функций (*smart*) и телефона (*phone*) или планшета прикладывает палец к экрану и, не снимая его, скользит им в нужном направлении. Например, вы можете использовать салфетки, чтобы вывести гаджеты из режима блокировки. *Swipe* также помогает вам прокручивать страницы электронных книг, просматривать фотографии в фотогалерее вашего смартфона. *Swipe* – это способ ввода текста, не отрывая пальца от сенсорного экрана. Слово *swipe* набрало популярность с ростом числа пользователей приложения fast Dating Tinder, где *свайп* влево означает, что фотография незнакомца / незнакомца не нравится, а *свайп* вправо – знак того, что пользователь готов к встрече. Ср.: «Анатомия *свайпа*: как пользователи Tinder выбирают друг друга» (TikTok).

Лук – это синоним слова образ, который также является англицизмом, прочно осевшим в русском языке. Слово *лук* происходит от английского существительного *a look* (внешний вид, внешность) и в последнее время часто используется в молодежном сленге, а также в интернет-статьях о моде. В разговорной речи англицизм *лук* часто становится объектом иронии говорящего, транслируя семантику русского слова *лук* (TikTok). Со звукие становится первой ступенью к лингвокреативности.

Прагматически маркированы лексемы *аутфит*, *стритстайл-хроники* и др. Особенно распространены в креативных текстах журналов моды. Ср.: Феномен «*дофаминового гардероба*», набравший популярность еще после первой волны пандемии, продолжает править бал и сегодня. Искать ответ на этот вопрос предлагаем в *стритстайл-хрониках* и образах *фэшинфлюенсеров*. Как превратить самое базовое сочетание в модный *аутфит* (Журнал «Harper's Bazaar»). Такой креатив-

ный подход даёт возможность быть причастным к самой модной, популярной сфере деятельности.

Известный исследователь языка Дж. Лайонз отмечал, что «мы можем рассматривать язык с поведенческой точки зрения» [Kfjур 201] Все приведенные примеры англо-американских заимствований были подвергнуты грамматической адаптации в русском языке, которая заключается в появлении в большинстве слов категорий рода, числа и падежа. Большинство из этих примеров лексических новообразований находятся на стадии адаптации, но при этом несут в себе иронию, эмоциональную экспрессию, становятся основой для игровых контаминаций. Иноязычные лексемы варьируются, русифицируются не только с точки зрения грамматики, образуя различные производные, но и с позиций социолингвистики, лингвокультурологии, становясь способом общения, обнажая ценности как адресанта, так и адресата аккаунтов, блогов, социальных сетей.

Литература

Галичкина Е.Н. Компьютерная коммуникация: лингвистический статус, знаковые средства, жанровое пространство: монография. Волгоград: Парадигма, 2012 2022] и т.п. – 322 с.

Лайонз Дж. Язык и лингвистика: Пер. с англ. Изд.3-е. М.: Едиториал: Урсс, 2010. – 320 с.

Китанина Э.А. Прагматика иноязычного слова в русском языке: монография /РГЭУ «РИНХ». Ростов-на-Дону, 2005. – 416 с.

Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2010. – 128 с.

REFERENCES

Galichkina E.N Komp'yuternaya kommunikaciya: lingvisticheskij status, znakovye sredstva, zhanrovoe prostranstvo: monografiya. Volgograd: Paradigma, 2012. – 322 s.

Lajonz Dzh. YAzyk i lingvistika: Per. s angl. Izd.3-e. M.: Editorial: Urss, 2010. – 320 s.

Kitanina E.A. Pragmatika inoyazychnogo slova v russkom yazyke: monografiya/RGEU «RINH». Rostov-na-Donu, 2005. – 416 s.

Radbil' T.B. Osnovy izucheniya yazykovogo mentaliteta: uchebnoe posobie. M.: Flinta: Nauka, 2010. – 128 s.

©Китанина Э.А., 2022

Китанина Элла Анатольевна – Доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина (Москва, Россия)

Адрес: 117485, ул. Академика Волгина, 6

E-mail: ella_kitanina@mail.ru

Kitanina Ella Anatolyevna – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St., 6, 117485 (Moscow, Russia)

М. А. ЛАППО

г. Новосибирск, Россия

marine.lappo@yandex.ru

УДК 378.016:811.161.1:81'42

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ «ЗОНЫ НЕПОНИМАНИЯ» ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Аннотация. В данной статье представлен опыт обучения пониманию художественного текста в рамках занятий по русскому языку как иностранному, который приложим и к преподаванию русского языка как родного. Дается обзор исследований, в которых доказана значимость самостоятельных вопросов читателей в процессе формирования смысловой проекции текста. Описывается феномен и учебный потенциал «зоны непонимания» как осознанной потребности понять, а также других уровней понимания. Представлены варианты послетекстовых вопросов и заданий, которые соответствуют разным зонам понимания, и основные лингводидактические приемы, которые позволяют учащимся определить смысл текста. Приведены элементы лингвистического и лингвокультурологического анализа рассказа Нины Дашевской «Наушники» (2017 г.), обеспечивающего применение указанного метода работы. В частности, анализируются основные семантико-стилистические группы единиц текста, требующие лингвострановедческого и собственно лингвистического комментария для инофонов.

Ключевые слова: художественный текст, понимание текста, смысловая доминанта текста, «зона непонимания», Нина Дашевская, методика обучения РКИ, методика преподавания русского языка, средства обучения, русская литература.

LAPPO MARINA A.

Novosibirsk, Russia

THE LINGUODIDACTIC POTENTIAL OF THE "ZONE OF INCOMPREHENSION" OF LITERARY TEXTS

Abstract. The article presents the experience of teaching comprehension of literary text in the classes of Russian as a foreign language, which is also applicable to the teaching of Russian as a native language. The review of the researches which prove the importance of readers' independent questions in the process of formation of the semantic projection of the text is

given. The phenomenon and learning potential of the "zone of incomprehension" as a conscious need to understand, as well as other levels of understanding are described. The variants of post-text questions and tasks that correspond to different zones of understanding are presented, as well as the main linguistic techniques that help students determine the meaning of a text. Elements of the linguistic and linguocultural analysis of Nina Dashevskaya's story "Headphones" (2017), providing the application of the specified method of work, are presented. In particular, the main semantic and stylistic groups of text units that require linguocultural and linguistic commentary for foreigners are analyzed.

Keywords: text, literary text comprehension, semantic dominant of the text, "zone of ZONE OF incomprehension", Nina Dashevskaya, RFL (Russian as a foreign language) teaching methodology.

Необходимость анализа методов обучения пониманию обусловлена требованиями, предъявляемыми к иностранным гражданам, изучающим русский язык. Так, приказ Министерства образования и науки Российской Федерации «Об утверждении уровней владения русским языком как иностранным языком и требований к ним» устанавливает показатели «уметь читать различные публицистические и художественные тексты описательного и повествовательного типа с элементами рассуждения, а также смешанные типы текстов с выраженной авторской оценкой» (второй уровень владения иностранным гражданином русским языком как иностранным языком, ТРКИ-II/B2), «читать и понимать произведения художественной литературы на русском языке» (третий уровень владения, ТРКИ-III/C1), «понимать и уметь интерпретировать неадаптированные тексты на любую тематику (включая абстрактно-философские, профессиональной ориентации, публицистические и художественные, а также тексты с подтекстовыми и концептуальными смыслами)» (четвертый уровень, ТРКИ-IV/C2) [Приказ... 2014].

Методика работы с публицистическими и художественными текстами в рамках преподавания РКИ включает в себя предтекстовые, притекстовые и послетекстовые задания [Кулибина 2000]. Целью предтекстовых заданий (прослушать биографическую справку об авторе, предположить по данному названию, каково содержание текста и др.), является формирование инте-

реса к предложенному тексту и необходимых установок к его прочтению, устранение лингвострановедческих лагун. Притекстовые упражнения представляют собой комментированное чтение текста. Послетекстовые задания (составьте план текста, выпишите слова определенной смысловой группы, перескажите текст и т. п.) направлены на диагностику понимания и запоминание прочитанного.

Н. В. Кулибина, говоря о т. н. «снятии» лексических трудностей на этапе предтекстовой работы в ходе семантизации лексических единиц, предупреждает о нерациональном использовании времени занятия: «... мы вырываем слово из его естественного окружения и искусственно создаем для него новые контексты, тратим массу сил и времени на эту непродуктивную работу вместо того, чтобы ориентировать учащихся (с помощью специальных заданий и вопросов) на использование эффективных когнитивных стратегий, которые могут привести обучаемых к самостоятельному пониманию фрагмента текста» [Кулибина 2000: 203]. Однако стоит отметить не только бесполезную трату времени на выполнение «батарей» заданий, на осмысление ряда вопросов, на которые читающему нужно ответить в ходе чтения, но и на пагубное воздействие конкретных вопросов на предварительных этапах работы с текстом. Привыкая читать текст только с определенной установкой, данной учителем, ради выполнения определенного задания, ученики зачастую становятся беспомощными в процессе самостоятельного выбора, чтения и анализа текстов. Представляется, что перегрузка заданиями и вопросами на предтекстовом и притекстовом этапах работы нарушает принцип личностного начала в диалогической концепции понимания текста. Рассмотрим этот принцип подробнее.

В анализе понимания текста мы опираемся на нелинейную модель коммуникации, элементом которой оно (понимание) является. Основной тезис нелинейной (диалогической) модели состоит в том, что смысл коммуникации состоит в рождающейся реакции субъекта на предъявляемый стимул (см. работы М. М. Бахтина, Р. Барта и др.). При этом роль вопроса как типа реакции сложно переоценить, поскольку «понимание всегда в какой-то мере диалогично» [Бахтин 1979: 290]; «...смыслами я

называю ответы на вопросы. То, что ни на какой вопрос не отвечает, лишено для нас смысла» [Бахтин 1979: 350]. Об инициативном, а не ведомом характере чтения говорит и отмечаемый Р. Бартом принцип удовольствия, которое сопутствует процессу понимания: «Читателя Текста можно уподобить праздному человеку, который снял в себе всякие напряжения, порожденные воображаемым, и ничем внутренне не отягощен; он прогуливается <...> прочтение Текста – акт одноразовый» [Барт 1994: 417–418]. Ср. с идеей А. А. Леонтьева о том, что в рамках речевой деятельности – как порождения, так и восприятия/понимания речи – всегда решается какая-либо неречевая задача [Леонтьев 1969].

В психологии тезис о первостепенной роли вопроса в акте мышления выражен довольно категорично. Так, Л. С. Рубинштейн пишет, что «начальным моментом мыслительного процесса обычно является проблемная ситуация. Мыслить человек начинает, когда у него появляется потребность что-то понять. Мышление обычно начинается с проблемы или вопроса, с удивления или недоумения, с противоречия» [Рубинштейн 1999: 17]. О том же говорит А. Н. Литвинов: «... началом акта понимания является «именно «не-понимание», т. е. осознанная потребность понять» [Литвинов 1992: 15].

В. С. Библер, основатель Школы диалога культур, большое значение придавал начальному этапу обучения («античные классы»), поскольку от них зависит эффективность дальнейшего обучения. Именно в начальной школе, по замыслу В. С. Библера, должны быть созданы «точки удивления». Иначе говоря, в этот период осуществляется диалог двух «культур сознания» в голове ребенка: «... культуры формирования замкнутого образа (как основы понятия), своего рода «эйдоса» (внутренней формы), и культуры Симпличио (авторитарный адепт Аристотеля в «диалогах» Галилея)». Первое можно соотнести с психологической установкой младшего школьника на игру, воображение, второе – с установкой на «авторитетность» (так ска-

зал папа, так сказала учительница), «на преждевременные ответы *без собственных мучительных вопросов*²» [Библер 1995: 69].

Ценность своих вопросов понимают ученики Школы диалога культур. В ходе семинара «В чем смысл диалога?» один из них описывает ее так: «По-моему, диалогом с большим правом может называться диалог, начатый с вопроса ученика. Потому что учитель к такому вопросу практически не подготовлен и можно от него ожидать большей откровенности. Диалог, начатый учителем, – это почти не диалог. Потому что учитель заранее предполагает наши и свои вопросы. И готовится на них отвечать. А у учеников нет такой возможности. И мы оказываемся неравноправными» (Дмитрий Левдик) [Литовский 1993: 409].

Безусловно, учитель, задавая свой вопрос, может сформировать у ученика проблемную ситуацию, разрешение которой осуществляется в процессе понимания. Об этом пишет Л. П. Доблаев, представляя исследование о роли вопроса для адекватного понимания учебного текста: «Чтение с поисками ответов на заранее поставленные вопросы обычно и само по себе способно увлечь многих учащихся». В то же время, описывая слабые стороны учительской инициативы, Л. П. Доблаев замечает, что «в отдельных случаях оно может не дать ожидаемого эффекта», поскольку у учащихся должен сформироваться навык чтения с одновременным удержанием в сознании сформулированных вопросов [Доблаев 1982: 100]. Обращается внимание на тот факт, что при фронтальном опросе каждого ученика удастся спросить лишь эпизодически [там же: 109]. Проведенное им исследование позволяет утверждать, что «более важным средством углубления понимания текста являются не вопросы учителя к тексту, а владение приемом самопостановки вопросов к нему, хотя это и не означает недооценки вопросов учителя, которые имеют более широкую функцию управления обучением». В большинстве случаев учащиеся находили ответы на вопросы, которые они ставили сами, или стремились найти ответ на возникший у них вопрос [там же: 109–110].

² Курсив наш. – М. Л.

Объяснение роли самостоятельного вопроса заключается в том, что понимание проблемной ситуации «начинается не с осознания вопроса (который не задан), как это имеет место в задаче, а еще «раньше» – с обнаружения и самостоятельной постановки вопроса читателем (превращение проблемной ситуации в задачу «для себя») [Доблаев 1982: 170]. Основным приемом осмысления текста Л. П. Доблаев считает постановку вопроса к текстовому субъекту или предикату и нахождение ответа на него, а овладение этим приемом способствует развитию критического отношения к тексту и «формированию особого интеллектуального состояния читателя – состояния умственной напряженности и готовности к обнаружению и решению проблемных ситуаций» [там же: 171].

Ранее нами было продемонстрировано, что в процессе интерпретации художественного текста выделяются разные участки понимания, а именно зона непонимания (непонятного), зона приближения к знанию и зона знания: «Все три зоны очень важны для динамики понимания художественного текста. Так, зона непонимания дает энергию для поиска, интенсифицирует процессы понимания, зона приближения задает вектор понимания, зона знания – это итог и результат проделанной работы. Причем эти три зоны могут выделяться как в анализе текста целиком – на первом этапе, так в анализе отдельных его фрагментов – на втором этапе работы» [Лаппо 2012:52]. Зоны понимания были описаны как инструмент диагностики уровня понимания текста (низкого, среднего и высокого). Очевидно, что зоны понимания могут использоваться не только как инструмент диагностики, но и как дидактический ресурс в обучении, поскольку разные вопросы учителя по прочитанному тексту соответствуют указанным зонам. Приведем примеры.

Вопросы к учащимся, которые маркируют зону понимания: *Почему текст так называется, по вашему мнению? Можете кратко пересказать его содержание?* Данные вопросы и задания связаны с такими категориями текста, как завершенность [Гальперин 1981] и цельность [Сорокин 1988]. Ср.: «...понимание текста – это процесс перевода смысла этого текста в любую другую форму его закрепления», то есть понимание

реализуется в перифразе, пересказе, переводе, реферате, аннотации, резюме и т. п. [Леонтьев 2003: 273].

Вопросы, маркирующие зону приближения к пониманию: *Что вам запомнилось? На что вы обратили внимание? Какие фрагменты вам хотелось перечитать?* Эти вопросы являются переходными между пониманием и непониманием, поскольку запомниться может как понятное, так и непонятное, однако интерес маркирует желание подумать больше о выделенном элементе текста.

Вопросы к учащимся, которые связаны с зоной непонимания: *Что осталось для вас непонятным? Значения каких слов, словосочетаний, выражений хотелось уточнить?* Ответы учащихся на данные вопросы являются сигналом привлечшей внимание информации, что, в свою очередь, указывает на интерес и мотивацию к получению ответа. Затем учитель направляет усилия учащихся на различные способы получения ответа на конкретный вопрос (отвечает сам или просит ответить тех, кто знает; предлагает найти нужную информацию в справочнике, словаре и др.). И далее – использует этот интерес для поиска смысловой доминанты текста (А. И. Новиков и др.), или «проекции текста» (Н. А. Рубакин), или «смыслового сгустка» текста (Н.И. Жинкин), или «образа содержания текста» (А. А. Леонтьев).

На материале рассказа Нины Дашевской «Наушники»³ покажем, что в ходе анализа любого непонятого элемента текста можно прийти к определению смысловой доминанты текста. Инструментом такого пути является поиск слов, выражений, фрагментов текста, входящих в одну семантико-стилистическую группу с тем элементом, который был обозначен как непонятный, и выявление содержательной роли этой группы в тексте.

В одном из интернет-отзывов излагается краткое содержание «Наушников»:

Рассказ совсем небольшой. Никита очень активный мальчик, у него много друзей, в отличие от Оськи. Однажды ребята поехали на гастроли, так получилось, что Никита жил в одном номере с Оськой. За

³Дашевская Н. Наушники // Дашевская Н. Около музыки: рассказы для детей старшего школьного возраста. М., 2017. С. 3–14. Аудиоверсия рассказа: https://vk.com/video-143010461_456239496.

короткое время ребята успели подружиться. А потом они придумали создать свою группу, Оська умел писать прекрасные стихи, но однажды Никите один из одноклассников сказал, что Оська – еврей. На что Никита лишь кивнул головой. Это очень обидело Оську, и он перестал дружить с Никитой. И лишь потом выяснилось, что Никита был в наушниках и совершенно не слышал, то что ему говорили. Главные герои: Никита Кукушкин – очень шустрый парень, его дневник пестрит от замечаний учителей, умеет играть на барабане. Никита отличный товарищ. Иосиф, или Оська, – от имени этого мальчика ведется рассказ, он очень скромный, тихий, ранимый. Пишет прекрасные стихи, обидчивый. Мне очень понравился этот рассказ, а особенно его развязка. Меня порадовал тот факт, что ребята разобрались в своих отношениях (<http://www.bolshoyvopros.ru/questions/3569904-naushniki-nina-dashevskaja-kakoe-kratkoe-soderzhanie-kto-geroi-otzyv.html>).

Смысловая доминанта текста – это рассказ о том, как подростки становятся друзьями, о том, как зарождается и формируется дружба.

В рассказе «Наушники» выделяются следующие семантико-стилистические участки, с одной стороны, требующие лингвострановедческого и собственно лингвистического комментария для инофонов, с другой стороны, ведущие к смысловой доминанте текста: а) заголовков и его переосмысление в тексте; б) имена собственные, их варианты и прозвища; в) группы слов на тему музыки, творчества; г) группы слов, указывающих на национальную тему; д) лексемы, выражающие или называющие эмоции; е) идиомы; ж) юмор, шутки, языковая игра персонажей; з) разговорная лексика и синтаксис; и) литературные аллюзии; к) лакунарные единицы различного рода. Рассмотрим эти текстовые элементы и способы работы с ними на занятии.

Лексема *наушники* используется в тексте лишь трижды. Мы видим ее в заголовке, то есть в абсолютном начале текста, и в конце текста:

- Проходи, Никита, – сказала мама, – тапочки надевай, холодно у нас!
- Спасибо, – отозвался он, – я в школе уже поел...
- Никита, – засмеялась мама, – вытащи наконец свои *наушники*! Никого не слышишь...

И я понял. Вдруг. Сел на пол и чуть не заплакал, как маленький. Всё-таки какой он псих, вечно в своих *наушниках*. Не слышал он гиреевских слов, просто не слышал. А я устроил трагедию, как дурак.

Очевидно, что слово *наушники* используется в прямом значении: «Прибор, состоящий из двух звуковоспроизводящих аппаратов с оголовьем»⁴. Однако содержание текста актуализирует текстовую метафору слова *наушники*: дружба – это способность воспринимать (видеть, слышать) ту или иную информацию или, наоборот, игнорировать её. В приведенном выше фрагменте текста имеется лингвокультурная лакуна «надевать тапочки», то есть российская традиция снимать уличную обувь в гостях. Через ее обсуждение также можно прийти к обозначенной смысловой доминанте текста.

В рамках занятий РКИ стоит проанализировать словообразовательный тип существительных, в который входит слово *наушники* в другом значении («Части тёплой шапки, закрывающие уши; приспособление, закрывающее уши для предохранения их от мороза, ветра или шума»⁵). Это словообразовательный тип имен существительных, обозначающих предметы, защищающие части тела человека (*наушники, наглазники, наколенники, налокотники*). Данная группа слов образована от имен существительных, называющих эти части тела, при помощи конфикса НА-...-НИК, причем данные существительные чаще всего употребляются в форме множественного числа. Ср. *наручники, намордник*.

В выделении смысла данного рассказа большую роль играют имена собственные. *Оська* – это имя главного героя, от лица которого ведется повествование. Его друзья «имеют» имена и фамилии (*Никита Кукушкин, Лёлька Погорелова*), «нерусский» одноклассник, которому Оська сочувствует, назван только по имени (*Мансур*), а одноклассник-враг – только по фамилии (*Гиреев*). Больше всего вариантов своих имен получают центральные персонажи, формированию дружбы которых посвящен рассказ. Так, в тексте используются разные варианты имени narra-

⁴Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998.

⁵Там же.

тора, – детские *Ося* и *Оська*, взрослое *Иосиф*, восхищенное *И-осиф*⁶, причем последние два варианта появляются в абсолютном конце текста, что свидетельствует о динамике психологического возраста героя и о развитии дружеских отношений. Имя *Никита* используется в тексте чаще других имен (ср. *Никита* – 45 раз, *Оська* – 9, *Лёлька* – 6), что указывает на интерес главного героя к этому человеку. Варианты имени и фамилии (*Никита*, *Ни-кита*, *Никита Кукушкин*, *Никитос*, *Кукушаныч*) говорят о его компанейском характере, что усиливает значимость появления друга: у Никиты много приятелей, все хотят с ним общаться, а он выбирает *Оську*.

Многочисленная группа слов и выражений с музыкальной тематикой отсылают к идее о том, что дружба, как правило, строится на общих интересах: *виолончель*, *барабаны*, *барабанные палочки*, *ксилофон*, *гитара*, *синтезатор*, *оркестр*, *гастроли*, *валторнист*, *виолончельный запил*, *виолончельное соло* и др.

Национальная линия очень важна в сюжете рассказа «Наушники», поскольку с этим связана обида *Оськи* на *Никиту* и кризис в их дружбе. Хотя *Никита* заступился за *Мансура*, которого избил и обозвал *Гиреев* (...он *Мансура* ткнул головой о батарею. «Не стой здесь, ты...» – сказал ему *Гиреев*. И добавил такое слово, которое я не хочу повторять), он (*Никита*) никак не отреагировал на оскорбительные слова *Гиреева* об *Оське*:

Он [*Гиреев*] просто подошёл к *Никите* и ткнул в него моей тетрадкой.

– На, – сказал он. – Жиду своему отдай.

И *Никита*... И *Никита* кивнул. Просто кивнул, и всё.

Текст рассказа «Наушники» насыщен словами, выражающими, называющими или маркирующими эмоции (*обиделся*, *восхищался*; *смеяться*, *плакать*; *Ух ты! Надо же! Вы что! С ума сошли!*), юмором, шутками и языковой игрой (*У меня иногда чувство возникает, что они [учителя] через мой дневник друг с другом перемигиваются*), разговорной лексикой (*музыкалка*, *физичка*, *географичка*, *тащусь*, *рухнул* [на кровать], *чел*, *надружился*, *крутилась* [песня в голове], *тусить*, *забацаем*), в том

⁶ Написание указывает на характер произношения.

числе идиомами (*не моргнув глазом, голод не тётка, с ума сойти, травить анекдоты*) и синтаксисом (парцелляции, инверсии, восклицательные конструкции и др.). Данные языковые средства отражают спонтанную речевую коммуникацию, также характерную для дружбы, эмоционально насыщенных и искренних отношений.

Литературные отсылки к А. Пушкину, А. де Сент-Экзюпери, Г. Сапгиру, библейский код задают определенный уровень сложности рассказа, что делает его интересным, подходящим для семейного чтения. Музыкальная группа, которую создают Оська и Никита, черпает свое вдохновение в творчестве Экзюпери и Сапгира. Библейский код проявляется в абсолютном конце текста, в словах Никиты (*Сумасшедшее прямо имя. Ио-сиф. Библейское. Прямо – чувствуешь связь времён. И-о-сиф. С ума сойти...*). Оськин отец цитирует в самом начале рассказа Пушкина: «Мы с Никитой совершенно разные. Мой папа как-то сказал про нас – «лёд и пламень». И я обиделся. Потому что понятно же, кто из нас пламень получается. А я, его родной сын, выходит – лёд, что ли?!!». Дружба Оськи и Никиты завязывается именно в тот момент, когда один цитирует стихотворение Пушкина, а другой подхватывает:

В общем, он первым открыл дверь. И сразу, прямо в кроссовках, рухнул на кровать. И заорал:

– Темницы рухнут, и свобода! Нас! Примет! Радостно! У входа!!!

– И братья ключ нам отдадут, – пробормотал я.

– Чего? – удивился Никита. И спросил: – Ты откуда это знаешь?

Я почему-то смутился.

– Ну... Не знаю. Стихи. Это все знают, разве нет?

И добавил:

– Ключ отдай – без него свет не включается!

– Слушай, Оська, а ты, похоже, ничего чел!

Подведем итоги. Вопросы учителя, направленные на определение смысловой доминанты текста, можно соотнести с разными уровнями и зонами понимания. При этом вопросы, выявляющие «зону непонимания» (*Что оказалось непонятным? Значения каких слов, словосочетаний, выражений нужно уточнить?*), обладают колоссальным лингвометодическим потенциалом, поскольку раскрывают личный интерес к тексту и сти-

мулируют активность читателя в процессе поиска его смысловой доминанты. Разрешение заданного учеником вопроса позволяет учителю – в рамках изучения русского языка как иностранного или родного – переключиться к «зоне понимания» через вопрос о включении непонятой единицы в ряд семантически / стилистически / культурно однородных элементов текста. Лингвистический и лингвокультурологический анализ текста, заранее проведенный учителем, обеспечивает этот лингвометодический шаг. Завершающим этапом работы с текстом является вопрос о роли обозначенной семантико-стилистической группы в построении «проекции текста». Стоит отметить также, что, чем больше смысловых лагун будет обозначено учениками, тем более полным, плодотворным и интересным окажется процесс их устранения.

Литература

Барт Р. От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 413–423.

Бахтин М. М. Из записей 1970–1971 годов // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 336–360.

Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 281–307.

Библер В. С. Школа диалога культур. Целостная концепция школы диалога культур. Теоретические основы программы // Психологическая наука и образование. 1995. № 4. С. 66–73.

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.

Доблаев Л. П. Смысловая структура учебного текста и проблема понимания. М., 1982.

Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. М., 1982.

Кулибина Н. В. Художественный текст в лингводидактическом осмыслении. М., 2000.

Лаппо М. А. Технология «медленного чтения» (психолингвистический анализ стихотворения М. Цветаевой «Так вслушиваются...») // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2012. № 10. С. 49–70.

Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969.

Литвинов А. Н. О культурно-творческой функции художественного стиля. Луганск, 1992.

Литовский В. Ф. Размышления учеников о смысле диалога // Школа диалога культур: Идеи. Опыт. Проблемы / под общ. ред. В. С. Библера. Кемерово, 1993. С. 406–412.

Новиков А. И. Текст и его смысловые доминанты. М., 2007.

Приказ Министерства образования и науки РФ от 1 апреля 2014 г. N 255 «Об утверждении уровней владения русским языком как иностранным языком и требований к ним» [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minobrnauki-rossii-ot-01042014-n-255/> (дата обращения: 09.04.2022).

Рубакин Н. А. Психология читателя и книги. Краткое введение в библиологическую психологию. М., 1977.

Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб., 1999.

Сорокин Ю. А. Психолингвистические аспекты изучения текста. М., 1988.

REFERENCES

Bart R. Ot proizvedeniya k tekstu // Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika. M., 1994. S. 413–423.

Bahtin M. M. Iz zapisej 1970–1971 godov // Bahtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva. M., 1979. S. 336–360.

Bahtin M. M. Problema teksta v lingvistike, filologii i drugih gumanitarnyh naukah // Bahtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva. M., 1979. S. 281–307.

Bibler V. S. SHkola dialoga kul'tur. Celostnaya koncepciya shkoly dialoga kul'tur. Teoreticheskie osnovy programmy // Psihologicheskaya nauka i obrazovanie. 1995. № 4. S. 66–73.

Gal'perin I. R. Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya. M., 1981.

Doblaev L. P. Smyslovaya struktura uchebnogo teksta i problema ponimaniya. M., 1982.

ZHinkin N. I. Rech' kak provodnik informacii. M., 1982.

Kulibina N. V. Hudozhestvennyj tekst v lingvodidakticheskom osmyslenii. M., 2000.

Lappo M. A. Tekhnologiya «medlennogo chteniya» (psiholingvisticheskij analiz stihotvoreniya M. Cvetaevoj «Tak vslushivayutsya...») // Psiholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoj deyatel'nosti. 2012. № 10. S. 49–70.

Leont'ev A. A. YAzyk, rech', rechevaya deyatel'nost'. M., 1969.

Litvinov A. N. O kul'turno-tvorcheskoj funkcii hudozhestvennogo stilya. Lugansk, 1992.

Litovskij V. F. Razmyshleniya uchenikov o smysle dialoga // SHkola dialoga kul'tur: Idei. Opyt. Problemy / pod obshch. red. V. S. Bиблера. Кемерово, 1993. S. 406–412.

Novikov A. I. Tekst i ego smyslovye dominanty. M., 2007.

Prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki RF ot 1 aprelya 2014 g. N 255 «Ob utverzhdenii urovnej vladeniya russkim yazykom kak inostrannym yazykom i trebovanij k nim» [elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minobrnauki-rossii-ot-01042014-n-255/> (data obrashcheniya: 09.04.2022).

Rubakin N. A. Psihologiya chitatelya i knigi. Kratkoe vvedenie v bibliologicheskuyu psihologiyu. M., 1977.

Rubinshtejn S. L. Osnovy obshchej psihologii. SPb., 1999.

Sorokin YU. A. Psiholingvisticheskie aspekty izucheniya teksta. M., 1988.

©Лаппо М.А., 2022

Лаппо Марина Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания. Новосибирский государственный педагогический университет (Новосибирск, Россия).
E-mail: marine.lappo@yandex.ru

Lappo Marina Aleksandrovna – Doctor of Philology Sciences, Department of Modern Russian Language and Methods of Its Teaching. Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia).

Ю.Н. МИХАЙЛОВА

г. Екатеринбург, Россия

jmikailova@yandex.ru

УДК 81'42:81'38

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НАУЧНОЙ СФЕРЫ

Аннотация. Статья посвящена выявлению и интерпретации метафор, используемых в современных СМИ для описания феномена *наука*. Рассматриваются наиболее частотные и продуктивные когнитивные метафорические модели: НАУКА – ЧЕЛОВЕК; НАУКА – СВЕТ; НАУКА – ВОЙНА. Образ науки представлен через разные ипостаси человека: биологического субъекта, мыслящей, говорящей, творческой социальной личности; также используются наименования частей тела человека, производимых им процессов, состояний и др. На основе этих признаков выявлены фреймово-слововые структуры, формирующие активную антропоморфную модель. Выделенные метафорические модели создают представление о науке как о целостной, многосторонней аксиологической сущности. Показано, что метафоры актуализируют оценочные смыслы, раскрывая сущность феномена *наука*. Описан аксиологический потенциал метафорических моделей и аксиологические стереотипы, активно не рефлекслируемые говорящими, но существующие и формирующие коллективное сознание.

Ключевые слова: лингвокреативность, лексическая семантика, метафоры, метафорические модели, метафорическое моделирование, наука, журналистика, медиалингвистика, медиадискурс, медиатексты, СМИ, средства массовой информации, языковые средства.

MIKHAILOVA JYLIA N.

Yekaterinburg, Russia

METAPHORICAL REPRESENTATION OF THE SCIENTIFIC SPHERE

Abstract. The article is about identification and interpretation metaphors which are used in modern mass-media for description the science phenomenon. The most common and productive cognitive metaphor models which are SCIENCE - PERSON; SCIENCE - LIGHT; SCIENCE - WAR are considered in the article. The image of science is presented as different

hypostases of a person: a biological individual, intellectual, talking, creative social personality; also the names of body parts, producible processes and states etc by him are used on the article. Base on these features frame-slot structures are identified. They form an active anthropomorphic model.

The selected metaphor models make the idea of science as a whole multilateral axiological essence. The metaphors actualize estimate points reflecting the essence of science phenomenon are shown in the article. The axiological capacity of metaphor models and axiological stereotypes which are not reflected by the speaker but they exist and form collective mind.

Keywords: creativity, vocabulary, semantics, metaphor, metaphorical model, science.

В настоящее время фокус внимания к метафоре переместился из стилистики и риторики, где изучалась поэтическая метафора, в область изучения тех сфер, которые обращены к мышлению и сознанию. Растет интерес к метафоре со стороны теории познания, логики, когнитивной психологии, языкознания и др. Причина активного изучения метафоры – возрастающая актуальность проблемы понимания. Под метафоризацией понимают «процесс производства сложной семантической структуры на базе исходных единиц» [Мишланова 2002: 77]. В общем смысле метафорический перенос представляет собой перенос названия одного понятия на другое на основе сходства признаков этих двух понятий. Прямое номинативное и вторичное метафорическое значения актуализируют элементы смысла в соотношении друг с другом. Метафора включает объект в состав класса, к которому он изначально не принадлежал, работая «на категориальной ошибке» [Арутюнова 1979: 148].

В современной лингвистике наблюдается движение от атомарного рассмотрения механизма семного преобразования в отдельной метафорической лексеме к обобщенным моделям описания метафорического функционирования лексики. Согласно когнитивной теории, метафора – это повседневная реальность языка, обусловленная проявлением аналоговых возможностей человеческого мышления. Лингвисты-когнитологи в метафоре стали видеть ключ к пониманию основ мышления и процессов создания не только национально-специфического видения мира, но и его универсального образа [Арутюнова 1990: 5]. Метафора

рассматривается как источник феномена понимания, механизм познания мира, один из важнейших способов отражения действительности. Метафорические образы заложены уже в самой интеллектуальной системе человека, это особого рода схемы, по которым человек думает и действует [Баранов 1991].

В современной когнитивистике принято понимание метафорической номинации как лингвокогнитивного явления, репрезентирующего в системе языковых единиц концептуальные метафоры – типовые схемы аналогического уподобления одной понятийной сферы в терминах другой. Интерпретационный потенциал метафоры формируется динамическим взаимодействием трех основных элементов когнитивной модели в условиях относительной самостоятельности каждого из них. Основания метафорических уподоблений (иначе – сфера-источник, база метафоры, исходные мотивирующие значения) высвечивают определенные свойства новой области (иначе – сферы-мишени, область цели) и маркируют в особой языковой форме их значимость. Изучение когнитивной метафоризации как проекции области источника на область цели выявляло, как правило, формулы, в состав которых входили два компонента. В частности, примеры концептуальных метафор, предлагаемых Дж. Лакоффом и М. Джонсоном в рамках разработанной ими концептуальной теории метафоры, имеют структуру ОБЛАСТЬ ЦЕЛИ – ЭТО ОБЛАСТЬ ИСТОЧНИКА [Лакофф 2017]. Возможны два направления изучения когнитивной метафоризации – во-первых, от сферы мишени, т.е. от метафорической номинации к денотативным областям, которые она концептуализирует, во-вторых – от денотативной области к метафорическим образам, регулярно ее концептуализирующих [Илюхина 2016: 7].

Метафора позволяет нам понимать довольно абстрактные или по природе своей неструктурированные сущности» [Лакофф 2017: 27]. Метафоры в когнитивных моделях играют такую же роль, какую выполняет в компьютерной программе команда вызова подпрограммы-модуля, высвечивая в сознании когнитивный блок-ассоциацию извне – из другой области знаний, в которой образы, аналогичные исследуемым, уже есть. Поэтому метафору можно рассматривать как своеобразный

"концентрат" информации, как новый информационный вход в данную когнитивную модель из других [Седов 2000: 526].

Предметом нашего исследования является денотативная сфера «наука» как метафорическое пространство. Исследовав основания метафорического уподобления – дескриптивные и аксиологические смыслы, актуализирующиеся в наименованиях сферы мишени, – мы можем выявить системы аксиологических стереотипов, активно не рефлекслируемых говорящими, но тем не менее существующих и формирующих коллективное сознание.

Наука является не только формой сознания и системой знаний, но и социальной деятельностью. Слово *наука* обладает специфическими семантическими особенностями, однако с лингвистической точки зрения оно входит в разряд своеобразных существительных вместе со словами *политика*, *экономика*, *образование*, *искусство* и др. «Они неодушевленные, но явно не предметные, как, например, *стол* или *дом*; – абстрактные, но не мотивированы глаголами или прилагательными как *смелость* или *победа*; не имеют денотата в действительности, как *город*, *министерство* или *долина* <...>. Эти понятия часто связываются в сознании общества и с моральными вопросами» [Мустайоки 2008: 194]. Процесс концептуализации действительности через метафоры связан с ценностным отношением индивида к осмысляемым фактам действительности и сопровождается стремлением языковой личности к оценке явлений окружающего мира. Сферы политики, экономики, образования занимают центральное место в средствах массовой информации, они чаще становятся объектом эмоциональных отношений [Мустайоки 2008: 194], и потому в представлении этих сфер используется широкий спектр метафорических моделей, которые имеют яркую оценочность [см., например: Чудинов 2013; Вепрева 2020, 2021]. В меньшей степени масс-медийное внимание обращено на науку и, соответственно, меньше встречается метафорических моделей, формирующих образ науки в сознании современного российского общества. Исследователи отмечают, что российские СМИ неоднозначно отражают происходящие в отечественной науке процессы, «конструируют достаточно противоречивый, в большей степени искаженный образ отечественной

науки, преподносящийся на фоне весьма мифологизированного образа науки зарубежной» [Шматко 2005: 16]: «научная система России – это область социальной напряженности», средства массовой информации «не придают значения субъективной составляющей социальных проблем российской науки, а именно формированию положительного контекста – благоприятного мнения и отношения различных групп общественности» [Шматко 2005: 14].

Анализ материалов современных СМИ позволил выделить типовые модели, метафорически формирующие образ науки. Критериями отбора типовых моделей для нашего анализа явились продуктивность, частотность, доминантность, эмотивная окраска модели.

НАУКА – ЧЕЛОВЕК. Самой частотной оказалась антропоморфная метафорическая модель, которая «принадлежит к числу наиболее древних моделей аналогического уподобления, представляя собой результат проецирования человеком самого себя, собственных проявлений, свойств на окружающий мир» [Резанова 2014: 60]. Обобщенное представление этой модели можно подтвердить таким употреблением: *Наука – это прежде всего личность* (АиФ – Москва; 24.02.2021). Человек метафорически создает «действительность в виде некоего подобия своего тела и составляющих его органов, своих физиологических и иных действий и потребностей, своих генетических и иных связей с собственными родственниками» [Чудинов 2001: 57]. К концептополю человека относятся также и артефакты, им созданные и ассоциируемые с ним: *здание науки*.

Образ науки формируется через разные ипостаси человека: биологического субъекта, мыслящей, говорящей, творческой социальной личности; используются наименования частей тела человека, передвижения человека в физической среде, физиологических признаков и состояний, производимых процессов и др. На основе этих признаков можно выделить несколько фреймово-слотовых структур.

Фрейм «**Человек телесный**», который включает несколько слотов.

Слот «Этапы жизни».

Наука как биологический субъект имеет жизненные циклы: она рождается, развивается, живет и, наконец, умирает:

Наука рождается на стыке, и новые технологии могут появиться только там (Южноуральская панорама (Челябинск), 07.06.2021);

Так появилась на свет особая наука, значимость которой в современном мире невозможно переоценить – мелиорация (Красное знамя, 05.06.2021);

Ну что же – только с этого дня и явилась наша наука на свет божий? (КП, 08.02.2021);

Вплоть до XX века наука и промышленность жили независимо друг от друга (Известия, 20.09.2021);

Сегодня наша наука – без таких теорий – живет в самых разных воззрениях, – сетует Мединский (МК, 01.04.2021);

У нас не вся наука живет в университетах (Независимая газета, 25.02.2021);

Ещё четверть века назад врачебная наука жила своей уединенной жизнью на страницах специальной литературы (Вечерняя Москва. Утренний выпуск, 01.03.2021);

Думаю, что наука развивается, надо верить ученым, которые создают лекарства и вакцины, чтобы мы не болели и не умирали (Маяк (Пушкино, Московская область), 18.06.2021);

Учёные всё чаще высказывают мнение, что в условиях тотального господства телевидения и пропаганды в умах населения чистая социология как наука отмирает (АиФ – Москва, 06.06.2018);

Там наука умирает, половина залива закрыта ограничениями (Знамя труда, 02.02.2021);

Потому что и после изреченного «козла», и после «гения» наука умирает и ученый вместе с ней (Наш Красноярский край, 27.08.2021).

Антропоморфный образ науки создается за счет характеристики образа жизни, подобного среднестатистическому россиянину, – зависимость от телевидения: **Перед тем как открыть конверт с именами победителей, он отметил, что это номинация особенно важна, так как "современная наука не может жить без ТВ"** (Известия, 29.11.2021).

Слот «Соматизмы».

В качестве сферы-источника метафорической интерпретации науки выступают метафоры – имена существительные с исходным значением частей тела человека или животного. Применительно к науке самым частотным оказалось существительное *колени*, которое использовано для передачи критического состояния российской науки:

*Давайте уже прекратим разрушать науку, она и так **на коленях стоит!*** (АиФ – Москва, 4 № 25, 2018) – унижительное состояние, в котором находится российская наука;

*Многие из бывших одноклассников говорили, что останутся в МФТИ и будут **поднимать** российскую науку с колен* (Советская Россия, 22.04.2021);

*Затянули, так сказать, ему пояс, чтобы талантливая российская молодежь, отучившись за рубежом, возвращалась и активно отработывала потраченные на них бюджетные деньги, инновационно **поднимая с колен отечественную науку, промышленность, медицину, образование*** (Вольная Кубань, 06.08.2021).

Устойчивое сочетание *подняться / встать с колен* выражает значение 'восстановить разрушенное, начать развиваться, становиться сильным'.

Слот «Человек движущийся».

Как живое существо наука способна выполнять разные функции, осуществлять различные процессы, аналогичные человеку, в частности движение:

*История, как и любая другая наука, **движется** поступательно* (АиФ – Москва, 02.05.2018);

*Также, по его словам, часть денег будет направлена на повышение квалификации врачей, "потому что **наука идёт вперёд** и оставаться на месте нельзя" (Красная звезда, 17.05.2021);*

*Мировая **наука** и практика **идут** по пути стандартизации этого субъективного диагностического метода как с точки зрения подхода к анализу, так и с точки зрения репортинга, то есть формулировки заключения* (МК, 09.06.2021);

*Основной идеей речи Томсона (она была опубликована в ряде газет) было то, что **наука** может оказать наибольшую по-*

*мощь обществу только тогда, когда она **идет** своим собственным путем, существенно опережая в своем развитии практику* (Независимая газета, 10.02.2021);

*Но **впереди должна наука идти**, а на неё деньги не выделяют* (Правда КПРФ, 12.03.2021);

*Привыкли и перестали замечать, что ситуация изменилась, что наша **наука, армия, сельское хозяйство больше не хотят тащиться** в хвосте мирового прогресса* (АиФ – Москва, 06.06.2018);

*И **наука не стоит на месте**, сегодня есть способы помочь в этом* (АиФ – Москва, 09.05.2018).

Фрейм «**Человек социальный**».

Данный фрейм включает несколько слотов, связанных со способностями человека, которые отличают его от других живых существ, а также с деятельностью, творческо-преобразующим отношением к окружающему миру.

Слот «Человек говорящий».

*Современная историческая **наука утверждает**, что Западная Римская империя пала 4 сентября 476 года* (Советская Россия, 28.01.2021);

***Наука утверждает**, что время и пространство (атрибуты материки) вечны и бесконечны. Значит, бог их не сотворил.* (Стратегия России, 29.11.2021);

***Наука много говорит** о температуре тела, свойствах сосудов, текучести крови и работе сердца* (Известия, 18.10.2021);

***Наука говорит**, что какой бы ни была трудовая династия, профессия не передается генетически* (Солидарность, 24.02.2021);

*Если жизнь возникла на Земле, ничто не мешает ей появиться на других планетах, и об этой жизни **наука способна многое рассказать*** (Коммерсантъ, 03.12.2021);

*Как **наука объясняет** наши поступки* (Журнал РБК, 01.01.2022);

*Тому, кто на судьбу надеется, но и сам не плошает, всем «кузнецам своего счастья» предлагаю обратиться к **науке, объясняющей** мужские и женские стратегии принятия реше-*

ний и продолжения отношений, в которых нет ни капли фатализма (Независимая газета, 23.06.2021).

«Наука выступает в качестве одного из участников коммуникации, она вступает в диалог, причем позиция ее по отношению к (воображаемому) адресату либо выше адресата (т.к. *требовать* может только вышестоящий), либо равна ему (*спорить, доказывать, не соглашаться* и пр. можно и с равным, и нижестоящим)» [Мустайоки 2008: 196].

Слот «Субъект мыслящий».

Свойственные человеку процессы интеллектуальной деятельности, а также интеллектуальные способности во всем разнообразии и со всей определенностью приписываются науке как субъекту:

Эти доказанные наукой методы помогут избежать опасных заболеваний и повысят шансы стать здоровым долгожителем (Комсомольская правда, 03.01.2022);

Наука движется вперед, изобретая всё новое и новое, и современные поколения техники и средств связи меняют уже устаревшие (Каргополье, 09.12.2021);

Современная наука не только изобретает новое, но и совершенствует старое. (Коммерческие вести, 08.12.2021);

На протяжении десятилетий усилия Н.Т. Кудрявцева были направлены на превращение гальванотехники из разновидности искусства и ремесла, каким она в значительной степени была в первой половине XX века, в полноценную науку, оснащенную теоретическим аппаратом и способную сознательно управлять технологическими процессами. (Независимая газета, 28.04.2021);

Именно наука способна давать решение ключевых проблем развития страны и общества, когда старые подходы уже не действуют. (Российская газета, 07.12.2021);

Сама наука, исторически расценивая свое знание в качестве высшей ценности по сравнению со знанием популярным, сама полностью исключает возможность общественности и СМИ участвовать в процессе производства и верификации знаний (пример из [Шматко 2005: 16]);

...**науке**, как социальному институту, все же **придется** посредством СМИ **разделить монополию на суждения** о научном знании с общественностью, дабы наука, как система знаний, не утратила ее (Там же).

Это **наука**, которая **опирается на знание** законов гравитации и действие сил природы (Красная звезда, 05.02.2021).

... **наука** о мозге уже **способна заглядывать** в глубины субъективного мира человека и распознавать некоторые из его мыслей (МК, 07.07.2021).

Антропоморфная метафора представляет науку в ассоциативной связи с человеческими качествами и состояниями, но из многочисленного репертуара действий и характеристик человека для представления науки журналисты выбирают только позитивные, созидательные процессы, акцентируя мелиоративно заряженный образ науки. Названная метафорическая модель обладает высокой степенью информативности и сильным прагматическим потенциалом, так как моделирует представление о науке как о целостной, многосторонней аксиологической сущности.

Вторая модель НАУКА – СВЕТ связана с метафорой «света» – частью бинарного архетипического концепта «свет/тьма», одного из ключевых в русском лингвокультурном пространстве, представляющего значимую аксиологическую оппозицию. Как показывают современные толковые словари, в семантической структуре слова *свет* присутствует сема «просвещение, знание», напрямую связанная со значением слова *наука*:

И жизнь возьмет свои права: при свете науки будет строиться новое общество, когда владыкой мира будет труд (Советская Россия, 23.09.2021);

Свет бессмертной науки путь нам озаряет (Новая газета, 18.12.2020);

Манил его властно «свет свободных наук» (Московский журнал, 22.07.2021);

Она прольет свет на особенности этой довольно загадочной популяции, ведь пока у науки есть лишь несколько фрагментов этого вида, преимущественно зубы и отдельные мелкие кости (Советская Россия; 29.06.2021).

Свет – символ знания, истины, просвещения. Наука как «свет» ассоциативно связана с возможностью видеть, получать информацию об окружающем мире, с развитием:

Жизнь ставит цели науке; наука освещает путь жизни (Экономическая газета, 22.04.2016);

...прибывшие варвары загасили на несколько веков свет просвещения, наук и искусств (Независимая газета, 14.04.2021).

Светлые силы воспринимались как силы добра, справедливости. Эта модель обладает положительным аксиологическим потенциалом. В. М. Мокиенко подчеркивает этимологическую относительность понятий «свет», «солнце» и «хороший», подтверждая это семантическими параллелями из разных языков: польск. *światny* «великолепный» прямо производное от *świat*, значащего сейчас «мир», а первоначально имевшего значение «свет»; чеш. *skvely* «отличный» точно так же восходит к древнему *sveteti* «светить» [Мокиенко 1999: 418].

Использование метафоры в публицистике заостряет внимание на конкретной проблеме, придает ей значимость, «драматизирует ситуацию». Острые социальные проблемы, связанные с наукой в современном обществе, политическая ситуация в мире актуализировали милитарную метафору НАУКА – ВОЙНА. Прослеживается две линии содержательного развития этой модели. Первая создает образ науки как инструмента в противостоянии государств, оружия в «когнитивной войне»:

Наука – это американский способ ведения войны! (Коммерсантъ, 24.02.2022);

Быстрые достижения в области науки о мозге как часть широко определенной когнитивной войны могут значительно расширить возможности традиционных конфликтов и привести к повышению показателя «эффективность/стоимость» операций гибридной войны (Военно-промышленный курьер, 07.12.2021);

«Когда все гражданское население находится под прицелом НАТО, западные вооруженные силы должны более тесно сотрудничать с академическими кругами, чтобы использовать социальные и гуманитарные науки в качестве оружия и помочь альянсу в развитии его потенциала когнитивной войны»,

– *говорится в докладе Центра инноваций НАТО. (Независимая газета, 15.10.2021);*

*Не вызывает никаких сомнений заинтересованность зарубежных стейкхолдеров в **обезоруживании российской науки** (Троицкий вариант – Наука, 25.01.2022).*

Второе направление сосредоточено на проблемах российской науки, ее состояния и развития, ее достижений: *Учёные обеспокоены вопросом, почему **победа науки** в традиционных и понятных сферах не стала условием безоговорочного доверия к ней (Известия, 10.02.2022);*

*Умный, смелый, ироничный, а главное мастер своего дела: хоть на голой скале посреди моря, **вооружённый одной наукой**, из ничего сделает всё, а потом и всё остальное тоже (АиФ – Москва, 30.05.2018);*

*Народы бывшего Советского Союза обогатили мировую цивилизацию научно-техническими достижениями, занявшими достойное место среди основных **побед науки и техники XX века** (Советская Россия, 31.03.2022);*

*...успехом **научных побед** является качество образования (Красная звезда, 26.05.2021).*

Анализируемая модель обладает мощным аксиологическим потенциалом, поскольку ассоциируется с явлениями, вызывающими эмоциональный отклик со стороны общества.

Концептуальные метафоры позволяют упростить восприятие абстрактного комплексного понятия *наука*, раскрывая сущность познаваемого. При анализе метафорических моделей важным становится выделение аксиологического смысла, так как акт оценки является одним из составляющих компонентов чувственно-образного восприятия мира. Е.М. Вольф называет это квазиоценкой, поскольку аксиологический смысл у явления возникает только в том случае, если описываемое положение вещей в картине мира говорящих расценивается как хорошее или плохое [Вольф 1986: 104], и метафоризация как способ выражения познаваемого через уже познанное актуализирует оценочные смыслы.

Литература

Арутюнова Н. Д. Языковая метафора (Синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1979. С.143-173.

Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990. С. 5–32.

Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М.: Ин-т рус. яз. АН СССР, 1991.

Вепрева И. Т., Ц. Яо. Политика – это грязь: множественность упаковки концептуальной метафоры // Когнитивные исследования языка. 2020. № 2 (41). С. 523-527.

Вепрева И. Т. Политическая безнравственность в метафорическом измерении // Аксиологические аспекты современных филологических исследований. Тезисы докладов международной научной конференции. Екатеринбург: Ажур, 2021. С. 24-25.

Вольф Е. М. Оценочное значение и соотношение признаков хорошо/плохо // Вопросы языкознания. 1986. № 5. С. 98-106.

Илюхина Н. А. Метафора и системность: семасиологический и когнитивный аспекты / Н.А. Илюхина, И.А. Долгова, Н.О. Кириллова. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2016.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Изд-во ЛКИ, 2017.

Мишланова С. Л. Метафора в медицинском дискурсе. Пермь: Перм. гос. ун-т. 2002.

Мокиенко В. М. Образы русской речи: Историко-этимологические очерки фразеологии. СПб.: Фолио-Пресс, 1999.

Мустайоки А. Наблюдения над нестандартными Субъектами: что могут делать наука, политика и экономика? / А. Мустайоки, Т.И. Стеклова // Сибирский филологический журнал. 2008. №2. С.193-209.

Резанова З. И. Антропоморфная метафорическая интерпретация концептуальной сферы «средства передвижения» (степень метафоричности концептуальной сферы и продуктивности метафорической модели) / З.И. Резанова А.А. Абрамова // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. №3 (29). С. 60-73.

Седов А. Е. Метафоры в генетике // Вестн. Рос. акад. наук. 2000. Т. 70, №6. С. 526-534.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры / А. П. Чудинов. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001.

Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии / А.П. Чудинов. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013.

Шматко М. В. Наука в отражении российских средств массовой информации // Омский научный вестник. 2005. №2(31). С. 14-16.

REFERENCES

Arutyunova N. D. YAzykovaya metafora (Sintaksis i leksika) // Lingvistika i poetika. M.: Nauka, 1979. S.143-173.

Arutyunova N. D. Metafora i diskurs // Teoriya metafory. M., 1990. S. 5–32.

Baranov A. N. Oчерk kognitivnoj teorii metafory // Baranov A. N., Karaulov YU. N. Russkaya politicheskaya metafora (materialy k slovarju). M.: In-t rus. yaz. AN SSSR, 1991.

Vepreva I. T., C. YAo. Politika – eto gryaz': mnozhestvennost' upakovki konceptual'noj metafory // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2020. № 2 (41). S. 523-527.

Vepreva I. T. Politicheskaya beznravnstvennost' v metaforicheskom izmerenii // Aksiologicheskie aspekty sovremennyh filologicheskikh issledovanij. Tezisy dokladov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Ekaterinburg: Azhur, 2021. S. 24-25.

Vol'f E. M. Ochenochnoe znachenie i sootnoshenie priznakov horosho/ploho // Voprosy yazykoznanija. 1986. № 5. S. 98-106.

Ilyuhina N. A. Metafora i sistemnost': semasiologicheskij i kognitivnyj aspekty / N.A. Ilyuhina, I.A. Dolgova, N.O. Kirillova. Samara: Izd-vo «Samarskij universitet», 2016.

Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafory, kotorymi my zhivem. M.: Izd-vo LKI, 2017.

Mishlanova S. L. Metafora v medicinskom diskurse. Perm': Perm. gos. un-t. 2002.

Mokienko V. M. Obrazy russkoj rechi: Istoriko-etimologicheskie oчерki frazeologii. SPb.: Folio-Press, 1999.

Mustajoki A. Nablyudeniya nad nestandartnymi Sub"ektami: chto mogut delat' nauka, politika i ekonomika? / A. Mustajoki, T.I. Steksova // Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2008. №2. S.193-209.

Rezanova Z. I. Antropomorfnyaya metaforicheskaya interpretaciya konceptual'noj sfery «sredstva peredvizheniya» (stepen' metaforichnosti konceptual'noj sfery i produktivnosti metaforicheskoy modeli) / Z.I. Rezanova A.A. Abramova // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2014. №3 (29). S. 60-73.

Sedov A. E. Metafory v genetike // Vestn. Ros. akad. nauk. 2000. T. 70, №6. S. 526-534.

CHudinov A. P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory / A. P. CHudinov. – Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2001.

CHudinov A. P. Oчерki po sovremennoj politicheskoy metaforologii / A.P. CHudinov. – Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2013.

SHmatko M. V. Nauka v otrazhenii rossijskih sredstv massovoj informacii // Omskij nauchnyj vestnik. 2005. №2(31). S. 14-16.

©Михайлова Ю.Н., 2022

Михайлова Юлия Николаевна – заведующий кафедрой русского языка для иностранных учащихся.

Уральский федеральный университет им. Первого Президента РФ Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620000, Россия, г. Екатеринбург, ул. Чапаева, 16, 309.

E-mail: JMikhailova@yandex.ru

Mikhailova Julia Nikolaevna – Head of the Department of Russian Language for Foreign Students.

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia)

Е. С. МОШТЫЛЕВА

г. Нижний Новгород, Россия

moshtyleva@unn.ru

УДК 81'42

«БАРОН-РАЗБОЙНИК ПРОДАСТ СВИТШОТ»: НАРРАТИВИЗАЦИЯ КОНЦЕПТ-СТОРА В АСПЕКТЕ КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются нарративная и языковая организация интернет-магазина. Анализируются различные поликодовые тексты, с помощью которых осуществляется продвижение, а также продажа товаров. Демонстрируется открытая, постоянно пополняющаяся, система персонажей исследуемого макронарратива, включающая в себя более 20 элементов. Персонажи повествования исследованы в соответствии с их функциями. Проанализирована коммуникативная ситуация, которой характеризуется взаимодействие субъекта и адресата при непосредственном функционировании текстов, входящих в макронарратив. Описаны особенности третьего повествования в макронарративе концептуального интернет-магазина. Исследованы языковые функции интернет-нарратива, среди которых наиболее выраженными признаны конативная, фатическая и поэтическая функция. Показана специфика наложения сказочного повествования и системы персонажей волшебной сказки на рекламный дискурс. Показана коммуникативная успешность при использовании сказочных мотивов для реализации цели продажи дизайнерской одежды.

Ключевые слова: интернет-нарратив, интернет-магазины, интернет-технологии, интернет-дискурс, когнитивно-дискурсивное моделирование, интернет-лингвистика, лингвистика нарратива, рекламный нарратив, реклама, рекламный дискурс.

MOSHTYLEVA EKATERINA S.

Nizhniy Novgorod, Russia

"THE ROBBER BARON WOULD LIKE TO SELL A SWEETSHOT": NARRATIVIZATION OF THE CONCEPTUAL STORE IN THE ASPECT OF COGNITIVE-DISCURSIVE MODELING

Abstract. The article deals with the narrative and linguistic organization of an online store. Various polycode texts are analyzed, with the help of

which the promotion and sale of goods is carried out. An open, constantly expanding system of characters of the studied macro-narrative is demonstrated, which includes more than 20 elements. The characters of the narrative are investigated in accordance with their functions. The communicative situation is analyzed, which characterizes the interaction of the subject and the addressee in the direct functioning of the texts included in the macronarrative. The features of the third-person narrative are described. The linguistic functions of the Internet narrative are studied, among which the conative, phatic and poetic functions are recognized as the most pronounced. The specificity of superimposing a fairy tale narrative and a system of characters of a fairy tale on an advertising discourse is shown. The effectiveness of using fairy tale motifs to achieve the goal of selling designer clothes is shown.

Keywords: internet narrative, cognitive-discursive modeling, Internet linguistics, narrative linguistics, advertising narrative.

Почти все сферы деятельности человека на сегодняшний день погружены в цифровую среду, что, несомненно, приводит к появлению новых форм коммуникативного взаимодействия. Одной из них, специфика и механизм порождения которой остаётся малоизученной, является интернет-нарратив. В его основу положено вторичное моделирование, поскольку в соответствии с когнитивно-дискурсивной теорией нарратива [Радбиль 2017, 2019] нарратив рассматривается как модель физического события, а цифровая коммуникация — в качестве модели коммуникативного события [Моштылева 2021: 8].

«Нарратив — это то, что имеет (или чему может быть приписано в режиме воспринимающим сознанием) точку отсчета («начало») и завершенность («конец»), участника / участников («героев»), временную последовательность событий («сюжет»), некую дистанцируемую, имплицитную, выводимую из изображаемого точку зрения на события («образ автора») и — обязательно — некое дистанцируемое, реальное или воображаемое (моделируемое), имплицитное или эксплицитное воспринимающее сознание («образ адресата»)» [Радбиль 2017: 30]. Т. Б. Радбилем нарратив характеризуется через три начала: интенциональность субъекта по отношению к изображаемому; моделирование референта и предиката с определенной точки зрения,

дистанцированной во времени и мысленно отстоящей, внеположенной (трансгредиентной] по отношению к изображаемому; обязательная адресованность в коммуникативном акте [Радбиль 2017: 26-29]. В тот момент, когда событие заимствует признаки (авторизованность, модальность, хронотоп) и интенции рассказчика, оно приобретает нарративную перспективу, а часть воспринимаемой реальности подвергается моделированию через метафоричные переносы.

Нарративные тексты, являясь наиболее доступной формой обмена знанием о мире между коммуникантами, во многом находятся под влиянием особенностей интернет-общения, а также речевых функций (эмотивная, конативная, референтивная, метаязыковая и др. [Якобсон1975:201]), которыми автор наделяет ту или иную модель наррации. Говоря о фигурах субъекта и адресата, отметим, что повествования в социальных сетях характеризуются неполной ситуацией общения: с создателем текста не взаимодействует читатель, а только с его образом, отображением. Кроме того, адресованность повествования способна повлиять на структуру текста [Кожевникова 1994: 41]. Автор и читатель не имеют единого понимания времени, они зачастую могут не обладать одним представлением о мире, единими фоновыми знаниями. Читатель может прочесть текст, опубликованный сегодня, завтра, на следующей неделе или через пару лет, и тогда у этого текста будут другие условия прочтения, у автора — другие социокультурные характеристики, способные обуславливать возникновение новых значений и иной интерпретации текста, нежели в момент опубликования.

Одним из направлений использования моделей наррации является деятельность по продвижению, а также продаже товаров и услуг. Феномен современных социальных сетей коррелирует с тенденцией клипового мышления — социальная сеть допускает публикацию изображения (фотографии, мема) и подписи к нему.

Рекламные тексты в интернете функционируют 1) в отдельных постах (например, блогеров) и 2) в специально созданных аккаунтах, каналах, сообществах. Как правило, авторы последних используют разнообразные рекламные и языковые стратегии для привлечения покупателя и (что является главным назна-

чением рекламного текста) увеличения продаж. В рекламных нарративах адресация выражена наиболее явно [Ухова 2010: 204 – 207].

Реклама в аккаунте блогера предполагает нарративизацию продукта — рассказывание личной истории, в которой ту или иную роль играет рекламируемый товар или услуга.

Под специально созданным аккаунтом для продаж понимается интернет-магазин, где каждый пост направлен на продвижение продукта — в том числе и с помощью истории. Это в каком-то смысле аналог концепт-стора в онлайн-формате: презентация продукции, объединённой одной идеей, концепцией. Авторы таких проектов создают особое пространство, атмосферу, которые помогают донести до покупателя определённые мировоззрение и ощущения.

В социальных сетях в качестве онлайн-магазина функционирует проект «Robber Baron», основное направление работы которого состоит в продаже одежды с фрагментами картин популярных художников Ренессанса. Создатели «Robber Baron» создали не только Барона-Разбойника — хозяина бренда, но и историю вокруг него. По информации авторов проекта, метод переноса изображения на толстовки и футболки разработан алхимиками Барона, шьют одежду придворные гномы, а «отбор фрагментов и контроль качества осуществляется самими суровыми инквизиторами».

Повествования под постами обычно не связаны друг с другом, но объединены концепцией. До конца не ясно, является Барон-Разбойник положительным персонажем или отрицательным: он просто предстаёт перед читателями в качестве хозяина замка, в котором осуществляется пошив одежды.

Необходимо выделить следующие направления описания проекта.

1. Система персонажей не является закрытой — она может обновляться путём добавления новых действующих лиц. Персонажей в проекте больше двадцати, у каждого из них есть своя функция (в анализе персонажей и функций мы ориентировались на [Пропп 1928], хотя исследуемый макронарратив лишён системности в традиционном смысле слова): **Барон-разбойник**

возглавляет производство одежды, он главный идейный вдохновитель, ему подчиняются все остальные персонажи, относящиеся к производству в замке; **агенты «Robber Baron»** — это персонажи, которые якобы сотрудничают с художниками (причём, читателю сообщается о реальных взаимодействиях агентов с художниками на момент повествования: *Агенты «Robber Baron» сделали предложение от которого невозможно отказаться Лукасу Кранах Старшему. Теперь перед вами «Адам и Ева», интегрированные в мужскую и женскую футболки*); непосредственно сами **художники** тоже оказываются внутри сюжета: *Великий ужасный Иероним Босх поделился с #RobberBaron кусочком своего триптиха! Встречайте фрагмент «Сада земных наслаждений» в нашей стильной футболке с контрастной отстройкой! // Футболка “Pardus” original, разработана алхимиками ROBBER BARON совместно с Мартином де Восом; придворные фрейлины* являются одними из ключевых фигур в обеспечении швейного производства: *Наши придворные фрейлины бессонными ночами вышивают фрагменты картин, чтобы поделиться с вами этой красотой; фрейлинам помогают Гномы*, которые занимаются упаковкой заказов и созданием фотоконтента для интернет-магазина: *Наши гномы-белошвейки теперь работают в две смены! // Упаковывая заказы, наши гномы слушают красивую музыку и думают только о хорошем! // Специально поторопим гномов с фотоаппаратами; феи* также принимают участие в пошиве одежды, но в постах не конкретизируется, в чём это участие заключается (однако, читатель узнаёт, что настроение фей имеет важное значение для производства, поскольку контролируется инквизиционной службой замка): *Качество экземпляров, как и настроение наших швейных фей, контролируется Инквизицией замка; алхимики* (Алхимики «Robber Baron» внимательно следят за качеством ваших свитшотов); **рыцари** в лучших традициях волшебных сказок также присутствуют в нарративе: *Рыцари Барона-разбойника стоят на страже вашей индивидуальности; таможенники королевства* (Мы гордимся своей продукцией и работой таможенников нашего королевства); **гоблины** (*Хеллоуин - самое жуткое время в замке «Robber Baron». В эти дни гобли-*

ны и гномы наряжаются в людей и идут на нелюбимую работу!); **придворный копирайтер** (Здесь должен был быть умный текст об искусстве, истории, о модных тенденциях. Но наш придворный копирайтер всё позабыл глядя на такую красоту!); **пресс-секретарь замка; мудрец** (Но только мудрец в высокой башне давно доказал, что лучше всего поднимают настроение подарки, которые мы дарим другим!); **сыщики** (В ходе расследования дела о загадочном появлении стильно одетых людей сыщики вышли на замок “ROBBER BARON”, откуда в специальных тубусах футболки рассылаются по всему миру!); **волшебный зверь Unicornis; Жанна из Орлеана** (Дабы вернуть покой в наши края, Барон распорядился приручить зверя, для чего была вызвана усмирительница тигров и бургундцев, давнишняя подруга Барона – Жанна из Орлеана); **Волшебных дел мастер; штатный учёный-лепидоптеролог; Звездочёт** (Звездочёт нашего королевства рекомендует встречать новый год в Худи “Lunch”).

2. Волшебная сказка — третьеличный нарратив. В третьеличном нарративе повествовательная форма «создает видимость объективности: мир предстаёт перед читателем как бы сам по себе, никем не изображаемый» [Падучева 2010: 198 – 201]. Повествование ведётся от персонажа, интегрированного в повествование, однако он никак не называется. Читателю становится очевидно, что нарратор — это один из обитателей замка (Изначально проект ROBBER BARON задумывался, в том числе и как образовательный. Но очень быстро мы убедились, что наши подписчики прекрасно разбираются в искусстве и могут сами просветить кого угодно! Друзья, Барон любит вас всей широтой своего сурового сердца). Среди персонажей присутствует пресс-секретарь замка, который очень напоминает SMM-менеджера интернет-магазина, однако о пресс-секретаре повествователь говорит в третьем лице, что наталкивает на мысль о том, что это разные персонажи (На три постоянно задаваемых вопроса пресс-секретарь нашего замка каждый день отвечает «нет»: 1. Нет, эта футболка соткана не из перьев ангелов, просто такой невероятно нежный хлопок! 2. Нет, рисунок не выцветет за время равное существованию Священной Римской

Империи. 3. Нет, она не белого цвета, она цвета парного молока любимой коровы нашего барона! Да, и кстати, цена 2.700 указана в рублях, а вовсе не в золотых дукатах!). В одних случаях нарратор выступает в качестве наблюдателя (*Её Величество Осень накрыла наше королевство колпаком серых облаков, и в замке “ROBBER BARON” каждый борется с сезонной хандрой по-своему. Гномы снова варят глинтвейн, алхимик заряжает тубусы флюидами добра, а Барон играет в шашки с амбарным котом *), в других — он подробно рассказывает истории, случившиеся с Бароном: *История появления этого свитиота весьма примечательна. Прошлой осенью в окрестных лесах Барон с мартышкой-оруженосцем охотился на лис (лисами у нас называют сосновые шишки, ведь охота на живых зверушек в королевстве “ROBBER BARON” считается дурным тоном). И вот, в пятом часу, когда солнце скрылось за туманными горами, из оврага послышались звуки волынки. Приблизившись, охотники так и не нашли музыкантов, но, к своему изумлению, обнаружили, что музыка исходила с изображения на свитиоте, который аккуратно висел на рябиновом кусте. Чудесная находка была доставлена в замок, тщательно изучена алхимиками и запущена в тираж!*

Речепорождение основано на интерполяции средневековых мифов — мифологические фреймы (например, фреймы «Жанна д'Арк», «единорог», «рыцари» и др.) накладываются на информацию о продаваемом товаре.

3. Коммуникация с читателем осуществляется вполне удачно. Читатель ощущает себя внутри сказки, для него создаётся эффект присутствия.

А) В постах обращаются непосредственно к читателям — потенциальным покупателям одежды.

Б) В комментариях читатель оказывается вовлечён в игру непосредственно — с ним общаются не просто SMM-менеджеры магазина, а обитатели волшебного замка:

добрейшего дня! Всю актуальную на данный момент информацию о ценах и наличии можно увидеть в онлайн магазине (ссылка в шапке профиля). На заказ наши гномы и эльфы не работают

Спасибо. Мы уже с Романом всё решили.

выпишем Эльфу-Роману премию призрачных дукатов!).

Нарратив разворачивается через обмен ритуальными формулами или даже целыми диалогами, единственная цель которых — поддержание коммуникации [Якобсон 1975.: 201].

4. Функции истории. Оказываются ярко выраженными фатическая функция нарратива, воплощённая в установлении контакта с читателем [Иванов 2003: 791–793], выражением отношения к предмету речи и своего рода подталкиванием к совершению определённого действия — покупке одежды с фрагментами картин; конативная функция, заключающаяся в воздействии на читателя, в том числе с помощью элементов креолизации (фотографии и анимации stopmotion в аккаунте креативны и привлекательны, а также соответствуют современным контент-тенденциям). В случае с конативной функцией необходимо учитывать сразу две позиции — адресата и реципиента. Первого отправитель желал или предполагал, а второй — фактический получатель, о котором отправитель может не знать [Шмид 2003: 42]. Поэтическая функция очевидна — истории про рыцарей, единорогов и фей дают возможность наслаждаться (и даже восхищаться) нестандартным подходом к продаже одежды. Покупатели превращаются в участников этих историй; восхищение становится поводом приобрести футболку или толстовку с фрагментом картины Босха или Брейгеля, например. Налицо активное взаимодействие всех речевых функций, направленное на реализацию коммуникативных интенций.

5. Коммуникативные интенции: положительная оценка продаваемого товара формируется с помощью всех высказываний. Большая часть высказываний построена с помощью языковых аномалий (в частности, нарушение хронотопа).

Зачастую авторская оценка передаётся оценкой персонажа: *Звездочёт нашего королевства рекомендует встречать новый год в худи «Lunch»*. Звездочёт — это авторитет, который знает наверняка, что читателю-покупателю обязательно нужно во время праздника надеть одежду «Robber Baron», потому что информация, полученная от звёзд, содержит обещание блага. В высказывании скрыто имплицитное побуждение к покупке.

Таким образом, нарративизация концепции интернет-магазина оказывается достаточно эффективной для главной цели — продажи дизайнерской одежды. Сказочные мотивы привлекают внимание читателя, заставляют подписаться на аккаунт и остаться наблюдателем или потенциальным покупателем.

Литература

Иванов Л. Ю. Язык в электронных средствах коммуникации // Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. М.: Флинта; Наука, 2003. С. 791–793.

Кожевникова Н. А. Типы повествования в русской литературе XIX–XX вв. М.: Ин-т русского языка РАН, 1994. 335 с.

Моштылева Е. С. Модели наррации в русскоязычной интернет-коммуникации: лингвопрагматический и лингвостилистический анализ / Е.С. Моштылева. Дисс. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2021. — 190 с.

Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2010. 480 с. (Язык. Семиотика. Культура).

Падучева Е. В. Эгоцентрические единицы языка. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. — 440 с. — (Studia philologica.)

Пропт В. Я. Морфология сказки. Л.: ACADEMIA, 1928. 152 с.

Радбиль Т. Б. Коммуникативные и когнитивные основы теории нарратива в современном гуманитарном знании // Коммуникативные исследования. — 2017. — Том 1, № 1 (11). — С. 23—35.

Радбиль Т. Б. Язык и мир: Парадоксы взаимоотражения. М.: Языки славянской культуры, 2017. 592 с.

Ухова Л. В. Адресат рекламного сообщения: к вопросу об эффективности текста / Л. В. Ухова // Вестник Воронежского государственного университета. Филология. Журналистика. — 2010. — №2. — С. 204–207.

Шмид В. Нарратология / В. Шмид. Москва: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика / Р. О. Якобсон // Структурализм «за» и «против». Москва: Прогресс, 1975. С. 193—230.

REFERENCES

Ivanov L. YU. YAzyk v elektronnyh sredstvah kommunikacii // Kul'tura russkoj rechi. Enciklopedicheskiy slovar'-spravochnik / pod red. L. YU.

Ivanova, A. P. Skovorodnikova, E. N. SHiryaeva. M. : Flinta ; Nauka, 2003. S. 791–793.

Kozhevnikova N. A. Tipy povestvovaniya v russkoj literature XIX-XX vv. M.: In-t russkogo yazyka RAN, 1994. 335 s.

Moshtyleva E. S. Modeli narracii v russkojazychnoj internet-kommunikacii: lingvopragmaticheskij i lingvostilisticheskij analiz. / E.S. Moshtyleva. Diss. ... kand. filol. nauk. Nizhnij Novgorod, 2021. — 190 s.

Paducheva E. V. Semanticheskie issledovaniya: Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa. 2-e izd., ispr. i dop. M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2010. 480 s. (YAzyk. Semiotika. Kul'tura).

Paducheva E. V. Egocentricheskie edinicy yazyka. — M.: Izdatel'skij Dom YASK, 2018. — 440 s. — (Studia philologica.)

Propp V. YA. Morfologiya skazki. L.: ACADEMIA, 1928. 152 s.

Radbil' T. B. Kommunikativnye i kognitivnye osnovy teorii narrativa v sovremennom gumanitarnom znanii // Kommunikativnye issledovaniya. — 2017. — Tom 1, № 1 (11). — S. 23—35.

Radbil' T.B. YAzyk i mir: Paradoksy vzaimootrazheniya. M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2017. 592 s.

Uhova L. V. Adresat reklamno soobshcheniya: k voprosu ob effektivnosti teksta / L. V. Uhova // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. ZHurnalistika. — 2010. — №2. — S. 204–207.

SHmid V. Narratologiya / V. SHmid. Moskva : YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2003. 312 s.

YAkobson R. O. Lingvistika i poetika / R. O. YAkobson // Strukturalizm «za» i «protiv». Moskva : Progress, 1975. S. 193—230

© Моштылева Е. С., 2022

Моштылева Екатерина Сергеевна – старший преподаватель кафедры судебной экспертизы юридического факультета. Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижегород, Россия).

Адрес: 603115, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ашхабадская, 4, 31.

E-mail: moshtyleva@unn.ru

Moshtyleva Ekaterina Sergeevna – Senior lecturer, Department of Forensicexpertise, Faculty of Law. National ResearchLobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia).

А.А. ПАЛКИНА
М.Б. ВОРОШИЛОВА
г. Екатеринбург, Россия
alisiapalkina15@gmail.com
voroshilova-mb@ranepa.ru

УДК 811.161.1'42

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ МЕТАФОРА ПО-РУССКИ: ТЕОРИЯ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ МЕТАФОР В РОССИЙСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. В статье рассматриваются основные положения теории организационной метафоры. Авторы анализируют источники, содержащие размышления по вопросам применения теории организационной метафоры в различных сферах. Делается вывод о том, что исследуемая теория недостаточно популярна в российском дискурсе по причине невостребованности теории в отечественном управлении, разрыва теории и реальных условий в организации. Демонстрируются перспективные отечественные исследования, которые являются «первыми шагами» к развитию теории организационной метафоры в российском научном дискурсе. Одним из таких исследований является форсайт-сессия в Уральском институте управления – филиале РАН-ХиГС, организованная по инициативе сотрудников аппарата Уполномоченного по правам ребёнка в Свердловской области, моделирующая процессы социального взаимодействия, происходящие с детьми, находящимися в трудной жизненной ситуации.

Ключевые слова: теория метафоры, организационные метафоры, метафорическое моделирование, метафорические модели, метафорические образы, форсайт-сессии, когнитивная лингвистика, русский язык, российский дискурс.

PALKINA ALISIA A.,
VOROSHILOVA MARIA B.
Yekaterinburg, Russia

ORGANIZATIONAL METAPHOR IN RUSSIAN: THE THEORY OF ORGANIZATIONAL METAPHORS IN RUSSIAN DISCOURSE

Abstract. The article discusses the main provisions of the theory of organizational metaphor. The authors analyze the sources containing reflec-

tions on the application of the theory of organizational metaphor in various fields. It is concluded that the theory under study is not popular enough in Russian discourse due to the lack of demand for theory in domestic management, the gap between theory and real conditions in the organization. Promising domestic research is demonstrated, which are the "first steps" to the development of the theory of organizational metaphor in the Russian scientific discourse. One of such studies is a foresight session at the Ural filial of RANEPa, organized on the initiative of the staff of the office of the Commissioner for Children's Rights in the Sverdlovsk region, modeling the processes of social interaction occurring with children in difficult situations.

Keywords: theory of organizational metaphors, organization, metaphorical images, foresight session, cognitive linguistics.

Метафора как инструмент познания мира широко известна в современном научном дискурсе, уже более века она используется для изучения общественного мнения, внутреннего мира человека и процессов организации труда. Последняя сфера реже попадает поле зрения российских ученых, в то время как за рубежом теория организационных метафор не утрачивает свою актуальность уже на протяжении полувека.

Основоположником теории организационной метафоры является Гаррет Морган, создавший в 1976 году книгу «Образы организации» [Морган 2008]. Автором были описаны механизмы управления организации, при которых скрытые образы (метафоры) определяют сущность организации, направления её развития, несовершенства в системе управления и многое другое. В зарубежных странах данная теория, выдвинутая Г. Морганом, получила широкое распространение. Прошло более 50 лет с момента публикации первого издания главного труда Гаррета Моргана «Образы организации». Это была новаторская книга во многих отношениях, не в последнюю очередь потому, что это был необычный и наводящий на размышления текст по теории организации. Книга была процитирована 15496 раз и переведена на 14 языков⁷.

⁷Anders Örténblad, Linda L Putnam, Kiran Trehan. Beyond Morgan's eight metaphors: Adding to and developing organization theory// Human relations. 2016. №4(69). URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/0018726715623999> (дата обращения: 09.04.2022)

В книге «Образы организации» сформулировано базовое утверждение: «любое представление организации – это упрощение объективной реальности». В этом случае базовые метафорические образы, «защитые» в нашем сознании, становятся неким критерием оценки, зеркалом происходящего в организации. Проведя серию экспериментов, Гарет Морган описал семь основных метафор организации: *машины, организмы, мозг, культура, политические системы, душевные тюрьмы, а также поток и трансформация*:

1. Машина: организация представляет собой серию соединенных частей, расположенных в логическом порядке для получения воспроизводимого результата.

2. Организм: организация является коллективным ответом на окружающую среду и, чтобы выжить, должна адаптироваться по мере изменения окружающей среды.

3. Мозг: организация – это набор функций, предназначенных для обработки информации и обучения с течением времени.

4. Культура: организация – это мини-общество со своей собственной культурой и субкультурами, определяемыми их ценностями, нормами, убеждениями и ритуалами.

5. Политическая система: организация – это игра в обретение, влияние и координацию власти.

6. Душевная тюрьма: организация – это набор мифов и историй, которые ограничивают мысли, идеи и действия людей.

7. Поток и трансформация: организация – это постоянно меняющаяся система, неотделимая от окружающей среды⁸.

Поскольку организационная метафора – это образное сравнение (то есть метафора или аналогия), её применение способно определить ключевые аспекты и структуру организации, и описать методы управления, возможности и риски взаимодействия с другими организациями. Организационные метафоры также предоставляют информацию о системе ценностей компании и об отношении работодателей к своим клиентам и сотрудникам. Ес-

⁸ How 8 Organizational Metaphors Impact Leadership [Электронный ресурс]. URL: <https://academy.nobl.io/gareth-morgan-organizational-metaphors/> (дата обращения: 09.04.2022)

ли сотрудник организации знает систему, заложенную в организации, основные стимулы, мотивирующие к продуктивной работе факторы, то этот сотрудник довольно хорошо понимает свою организационную культуру, природу организации.

Анализ наиболее частотных и продуктивных метафор позволяет оценить готовность организации к изменениям, уровень организационной культуры и многое другое. Организационная метафора в руках «грамотного» управленца может стать и средством программирования изменений, и новым культурным кодом организации.

В последние годы теория организационной метафоры нередко используется в практике современного российского менеджмента, о чем свидетельствует достаточное количество предложений в области организационного консалтинга и тренинга. Один из опытов очень подробно описан в статье Елены Морозовой «Организационные метафоры» через призму интегрального подхода» на портале eroskosmos.org⁹.

Однако в то же время в отечественной науке теория организационной метафоры не получила заслуженного внимания. Мы не обнаружили ни одного монографического исследования, а представленные в крупнейших российских библиотеках научные статьи чаще сводятся к описанию теории [Артёмова, Овчинникова 2016; Коробкова, Новосельцева 2014 и др.], чаще, это материалы студенческих научных конференций [Рудковская 2019], к перечислению в ряду иных инструментов оценки организационной готовности к изменению [Халитова 2013, Шипилина 2015] и др. Лишь незначительное количество статей, посвящено описанию практики использования теории организационных метафор, и чаще всего на примере образовательных организаций, что обусловлено во многом традициями российского научного дискурса [Безгодов 2014, Пушных 2016 и др.].

Таким образом, в отечественном научном опыте отсутствуют фундаментальные работы по теории организационной метафо-

⁹«Организационные метафоры» через призму интегрального подхода [Электронный ресурс]. URL: <https://eroskosmos.org/integral-organizational-metaphors/> (дата обращения 09.04.2022)

ры. Одной из причин этого может быть невысокая степень востребованности теории организационной культуры как таковой в России, а может быть разрыв между реальным организационным консалтингом и научными исследованиями. Причин может быть много, и одной из важнейших является – национальная специфика. Метафора в контексте нашего рассуждения – это отражение процесса мышления, которое тесно связано с национальными и культурными особенностями, поэтому возникает вопрос: могут ли описанные метафоры Г. Моргана быть просто перенесены на российскую почву, или необходимо обратиться к российским исследованиям метафоры, что, бесспорно, увеличит их эффективность и востребованность.

Еще с прошлого века учёные проявляют интерес к различным когнитивным структурам и механизмам, управляющим этими структурами.

Метафора представляет ассоциативно-образное средство, характеристики которого аналогичны какому-либо объекту исследования. Теория когнитивной метафоры проявляется в идее о том, что языковые единицы, называемые метафорами, отражают ментальные процессы, а значения метафорических слов и выражений являются не «украшением мыслей», а вербальным представлением когнитивных метафор, хранящихся в понятийной системе человека и организующих его восприятие, мышление и деятельность.

Основоположниками идеи метафорического мышления за рубежом были Дж. Джейнс, Дж. Лакофф, Дж. Джонсон, М. Эриксон, Х. Ортега-и-Гассет и другие. Значимый вклад в развитие изучения метафоры в свете когнитивного подхода внесла работа М. Джонсона и Дж. Лакоффа «Metathors We Live by» 1980-го года. В данной работе была доказана гипотеза о том, что метафора не ограничивается лингвистикой, а когнитивное в человеке метафорично.

В России в те же годы теорию когнитивной метафоры развивали А. Н. Баранов, Н. Д. Арутюнова, А. П. Чудинов, И. М. Кобозева и т.д.

Значимое место в изучении метафоры в отечественной когнитивной лингвистике занимают работы основателя уральской

школы политической коммуникации А.П. Чудинова. В его работе [Чудинов 2003] представлены методические основы исследования когнитивной метафоры, предложенный им алгоритм используются сегодня для исследования в самых разных отраслях, в частности и при анализе организационной метафоры, в том числе креолизованной [Ворошилова 2012].

В исследовании организационной метафоры применяются различные способы ее изучения, но более востребованными с каждым годом становятся визуальные (в иной терминологии – рисунчатые) методики диагностики. Визуальные методики диагностики организационной метафоры позволяют расширить рамки дисциплинарных границ и совместить различные исследовательские взгляды и методы.

Визуальные методики обладают рядом преимуществ. По сравнению с традиционными социологическими методами, визуальные методики позволяют с разных сторон интерпретировать особенности организационной культуры и жизни [Kaplan 2010, Черняева 2020]. В основе такого исследования лежит рисуночная методика «Метафора» [Пригожин 2003]. Процесс исследования заключается в задании нарисовать организацию – место работы участников исследования в свободной форме, а также отразить в рисунке особенности организации. Не допускается в изображении формальная организационная структура. Это может способствовать «уходу» участника от истинных характеристик.

Близкая методика была разработана и описана сотрудниками Уральского института управления – филиала РАНХиГС. В 2021 году по инициативе сотрудников аппарата Уполномоченного по правам ребенка Свердловской области была проведена форсайт-сессия, моделирующая процессы социального взаимодействия, происходящие с детьми, находящимися в трудной жизненной ситуации. Сессия выявила ряд проблемных зон, определяющих неэффективность работы субъектов профилактики правонарушений среди подростков, в том числе низкую активность самих субъектов, отсутствие реальных механизмов взаимодействия, отсутствие стратегий реагирования на действия деструктивных группировок на молодых людей.

В связи с этим было решено продолжить работу по анализу и проблематизации межведомственного взаимодействия в работе с трудными подростками.

Целью такой работы должна была стать выработка проектных решений для эффективной ресоциализации подростков силами различных структур и организаций. В качестве методов исследования были выбраны приемы метафорической визуализации проблемного пространства, сценирования конфликтных ситуаций, схематизация (пиктографирование) проблемного пространства [Гаррисон, Ворошилова, Сальцев 2022].

Поскольку применяемые методы позволяют пронаблюдать скрытые процессы в проблемной среде, определить соотношения формальных взаимосвязей между субъектами и их реальное воплощение, практическая значимость работы определяется глубоким анализом скрытых неформальных процессов, прямо влияющих на жизнь и судьбу подростков, а значит – выработкой решений для реальных, а не теоретических задач.

Итак, как мы видим, что теория организационной метафоры не стала широко востребованной в российском научном дискурсе, но явилась толчком для развития собственных методик, учитывающих наши национальные, социальные и культурные особенности.

Литература

Артемов О. Ю., Овчинников С. А. Организационные метафоры и особенности их применения в практике современного менеджмента // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2016. №2 (4).

Безгодов Д. Н. Университет как форпост: символичный потенциал концептуальной метафоры в контексте организационной культуры // Высшее образование сегодня. 2014. № 10. С. 54-59.

Ворошилова М. Б. Креолизованная метафора: первые зарисовки // Политическая лингвистика. 2012. № 4(42). С. 94-99.

Гаррисон Е., Ворошилова М.Б., Сальцев А.А. Метафорический метод в подготовке субъектов профилактики девиантного поведения подростков // Российский девиантологический журнал . 2022. №. 1. С. 230-244.

Коробкова А.В., Новосельцева Е.Г. Эволюция развития организационных метафор // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. №5-1.

Морган Г. Образы организации; пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2008. С. 560.

«*Организационные метафоры*» через призму интегрального подхода [Электронный ресурс]. URL: <https://eroskosmos.org/integral-organizational-metaphors/> (дата обращения 09.04.2022).

Пушиных В. А. Геном университета // Университетское управление: практика и анализ. 2016. № 3(103). С. 23-31.

Пригожин А. И. Методы развития организаций. М.: МЦФЭР, 2003.

Рудковская А. С. Применение теории организационных метафор в исследовании организационной культуры // Стратегия опережающего развития: Сборник статей VI Международной школы молодых ученых в сфере экономики на Юге России, Сочи, 25–28 сентября 2019 года. Сочи: АНО "Научно-исследовательский институт истории, экономики и права". 2019. С. 107-110.

Халитова И. В. Организационная готовность к изменениям: обзор методологии и практических методик оценки готовности // Государственное управление. Электронный вестник. 2013. №39. С. 152-162.

Черняева Т. И. «Темные стороны» организационной жизни: возможности рисуночных методик // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 1. С. 45.

Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации // Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург. 2003.

Шутилина Л. А. Управление изменениями на кафедре вуза: методологический аспект. Профессиональное образование в России и за рубежом. 2015. № 3 (19). С. 19-24.

Anders Örténblad, Linda L. Putnam, Kiran Trehan. Beyond Morgan's eight metaphors: Adding to and developing organization theory// Human relations. 2016. №4 (69). URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/0018726715623999> (дата обращения: 09.04.2022).

How 8 Organizational Metaphors Impact Leadership [Электронный ресурс]. URL: <https://academy.nobl.io/gareth-morgan-organizational-metaphors/> (дата обращения: 09.04.2022)

Kaplan L., Ricco J. P. Introduction: "Regarding Jean-Luc Nancy" // Journal of visual culture. 2010. №. 9. P. 3–10.

REFERENCES

Artemov O. YU., Ovchinnikov S. A. Organizacionnye metafory i osobennosti ih primeneniya v praktike sovremennogo menedzhmenta // Vestnik RGGU. Seriya «Ekonomika. Upravlenie. Pravo». 2016. №2 (4).

Bezgodov D. N. Universitet kak forpost: simbol'nyj potencial konceptual'noj metafory v kontekste organizacionnoj kul'tury // Vyshee obrazovanie segodnya. 2014. № 10. S. 54-59.

Voroshilova M. B. Kreolizovannaya metafora: pervye zarisovki // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 4(42). S. 94-99.

Garrison E., Voroshilova M.B., Sal'cev A.A. Metaforicheskij metod v podgotovke sub"ektov profilaktiki deviantnogo povedeniya podrostkov // Rossijskij deviantologicheskij zhurnal . 2022. №. 1. S. 230-244.

Korobkova A.V., Novosel'ceva E.G. Evolyuciya razvitiya organizacionnyh metafor // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2014. №5-1.

Morgan G. Obrazy organizacii; per. s angl. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2008. S. 560.

«Organizacionnye metafory» cherez prizmu integral'nogo podhoda [Elektronnyj resurs]. URL: [https://eroskosmos.org/integral-organizational-metaphors/\(dataobrashcheniya 09.04.2022\)](https://eroskosmos.org/integral-organizational-metaphors/(dataobrashcheniya 09.04.2022)).

Pushnyh V. A. Genom universiteta // Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz. 2016. № 3(103). S. 23-31.

Prigozhin A. I. Metody razvitiya organizacij. M.: MCFER, 2003.

Rudkovskaya A. S. Primenenie teorii organizacionnyh metafor v issledovanii organizacionnoj kul'tury // Strategiya operezhayushchego razvitiya: Sbornik statej VI Mezhdunarodnoj shkoly molodyh uchenyh v sfere ekonomiki na YUge Rossii, Sochi, 25–28 sentyabrya 2019 goda. Sochi: ANO "Nauchno-issledovatel'skij institut istorii, ekonomiki i prava". 2019. S. 107-110.

Halitova I. V. Organizacionnaya gotovnost' k izmeneniyam: obzor metodologii i prakticheskikh metodik ocenki gotovnosti // Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik. 2013. №39. S. 152-162.

CHernyaeva T. I. «Temnye storony» organizacionnoj zhizni: vozmozhnosti risunoknyh metodik // Interakciya. Interv'yu. Interpretaciya. 2020. T. 12. № 1. S. 45.

CHudinov A.P. Metaforicheskaya mozaika v sovremennoj politicheskoy kommunikacii // Ural'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet. Ekaterinburg, 2003.

SHipilina L. A. Upravlenie izmeneniyami na kafedre vuza: metodologicheskij aspekt. Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom. 2015. № 3 (19). S. 19-24.

Anders Örtenblad, Linda LPutnam, KiranTrehan. Beyond Morgan's eight metaphors: Adding to and developing organization theory// Human relations. 2016. №4 (69). URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/0018726715623999> (data obrashcheniya: 09.04.2022).

How 8 Organizational Metaphors Impact Leadership [Elektronnyj resurs]. URL: [https://academy.nobl.io/gareth-morgan-organizational-metaphors/\(data obrashcheniya: 09.04.2022\)](https://academy.nobl.io/gareth-morgan-organizational-metaphors/(data obrashcheniya: 09.04.2022))

Kaplan L., Ricco J. P. Introduction: "Regarding Jean-Luc Nancy" // Journal of visual culture. 2010. №. 9. P. 3–10.

©Палкина А.А., 2022

©Ворошилова М.Б., 2022

Ворошилова Мария Борисовна – кандидат филологических наук, доцент. Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. 8 Марта, 66, 54.

E-mail: voroshilova-mb@ranepa.ru

Voroshilova Mariya Borisovna – Candidate of Philology,

Associate Professor. Ural Institute of Management – Branch

of RANEPА (Yekaterinburg, Russia)

Палкина Алисия Алексеевна - студент направления "Государственное и муниципальное управление". Уральский институт управления - филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, 70, 1012.

E-mail: alisiapalkina15@gmail.com

Palkina Alisia Alekseevna - student of the faculty of State and Municipal

Management. Ural Institute of Management – Branch of RANEPА

(Yekaterinburg, Russia)

И. С. ПРОСВИРНИНА
г. Екатеринбург, Россия
prosvirniny@mail.ru

УДК 37.016:811.161.1'373

ЭКСПРЕССИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИМПЕРАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Аннотация. В статье рассматривается функционирование императивов в синтаксических фразеологических структурах. В фокусе внимания находятся прямые и не прямые формы императивов и связанные с этим вопросы обучения грамматике русского языка как иностранного, в частности, побудительные конструкции, заменяющие формы повелительного наклонения в коммуникации. Анализируется закрепление императивов как устойчивых конструкций в речи с прямыми и переносными значениями, степени сращения императивных конструкций от оборотов до фразеосхем и коммуникем. Затрагиваются вопросы моделирования императивных конструкций, в том числе, отрицательных. Экспрессивный потенциал императивов рассматривается как производная полноточности и многозначности исходного глагола, а также сдвига синтаксических функций из сферы побуждения в сферу номинации отношения. Делается вывод об экспрессивном потенциале императивных конструкций в обозначении коммуникативных ситуаций в русской разговорной речи.

Ключевые слова: императив, синтаксические фразеологические конструкции, фразеосхемы, фразеологизмы, фразеологические единицы, коммуникемы, экспрессивный потенциал, разговорная речь, русский язык как иностранный, методика преподавания русского языка, грамматика русского языка, РКИ.

PROSVIRNINA IRINA. S.
Yekaterinburg, Russia

EXPRESSIVE POTENTIAL OF IMPERATIVE CONSTRUCTIONS

Abstract. The article examines the functioning of imperatives in syntactic phraseological structures. The article considers direct and indirect forms of imperatives and related issues of teaching grammar of the Russian language as a foreign language, in particular, motivational constructions re-

placing the forms of the imperative mood in communication. The article analyzes the consolidation of imperatives as stable constructions in speech with direct and figurative meanings, the degree of fusion of imperative constructions from turns to phraseoschemes and communicemes. The issues of modeling imperative constructions, including negative ones, are touched upon. The expressive potential of imperatives is considered as a derivative of the unambiguity and ambiguity of the original verb, as well as the shift of syntactic functions from the sphere of motivation to the sphere of the nomination of the relation. The conclusion is made about the expressive potential of imperative constructions in the designation of communicative situations in Russian colloquial speech.

Keywords: imperative, syntactic phraseological constructions, phraseoscheme, communiceme, expressive potential, colloquial speech, Russian as a foreign language.

В связи с интересом к новым/ креативным формам организации разговорной речи с точки зрения устойчивых синтаксических конструкций и специфики их семантики исследователи уделяют большое внимание нечленимым предложениям. В нечленимых предложениях лексические единицы связываются между собой «идиоматически, не по действующим синтаксическим правилам» [АГ 80: 383]. В одних нечленимых предложениях прослеживается семантика мотивирующих лексических единиц и устойчивая синтаксическая организация, в других – нерасчлененно выражается «определенное непонятное смысловое содержание» [Меликян 2001: 7]. Конструкции первого типа (вслед за Д. Н. Шмелевым) называют фразеосхемами [Шмелев 1976: 134], второго (вслед за В. Ю. Меликяном) – коммуникемами [Меликян 2010: 19].

Компоненты синтаксических фразеологических единиц (СФЕ) имеют по происхождению разную частеречную принадлежность, разную степень сращения компонентов, и соответственно выделяются разные типы СФЕ. «Раздел синтаксической фразеологии включает в себя различные классы единиц: коммуникемы (слова-предложения), фразеосинтаксические схемы (фразеосхемы), устойчивые модели и устойчивые обороты» [там же, 19]. Степень сращения от коммуникем к устойчивым оборотам снижается. Лексическое наполнение расширяется от частиц,

междометий и местоименных слов до глагольных и именных форм. И всё же устойчивые модели стремятся «к ограничению лексико-синтаксической распространяемости», в чём «проявляется специфика природы СФЕ, которые строятся в соответствии с принципами экономии, устойчивости, системности, регулярности, эмоциональности и экспрессивности» [там же, 26]. Устойчивые обороты включают в рамках синтаксической фразеологии и предложенческие структуры: пословицы, поговорки, крылатые выражения и клише.

В нашем исследовании представлены наблюдения над тем, как составе фразеологических синтаксических структур действует одна из глагольных форм – императив. Насколько форма повелительного наклонения креативна (создаёт новые экспрессивные устойчивые императивные конструкции) в русской разговорной речи?

Посмотрим на наличие форм повелительного наклонения (что здесь понимается одинаково с формами императива) в синтаксических конструкциях, подвергающихся фразеологизации в разговорной речи. С одной стороны, отмечаются императивные (по происхождению) конструкции в коммуникемах-сращениях *Будьте нате! Накосья-выкуси!* и коммуникемах-сочетаниях *Иди ты!* Коммуникемы-сращения, как любые фразеосращения, идиоматичны, так как их лексические компоненты десемантизированы. «Идиоматичным чаще всего является и факультативное эмоционально-экспрессивное значение <...которое> выражает не только категориальное значение «отрицания», но также дополнительные коннотативные семы: «категоричности (интенсема)», «возмущения», «негативного отношения к собеседнику» [Меликян 2010: 269].

С другой стороны, при классификации функционально-семантических групп коммуникем: утверждения/отрицания, волеизъявления, эмоционально-оценочные, контактоустанавливающие, этикетные, вопросительные, текстообразующие [Меликян 2001: 10-11, Краснов 2005: 9], что во многом повторяет классификацию частиц, примеры императивов (по происхождению) встречаются нечасто: *Давай!* (в контексте – волеизъявительная частица), *Послушай!* (контактоустанавливающая частица)

ца), *Извините! Здравствуйте!* (этикетные междометия), но частотность их очевидна. Многие этикетные реплики этимологически – императивы: *здравствуй(те)*, *спасибо*, *пожалуйста*, *извини(те)*, *прости(те)*, *прощай(те)*, *благодарствуй(те)*. Это свидетельствует о прежней активности форм повелительного наклонения в регулярных, становящихся ритуальными коммуникативных ситуациях. И сейчас этикетные функции императива не исчерпаны. Об этом свидетельствуют, например, устойчивые формы *Извините! Простите!* – в функции обращения. Об этом говорят и формы освоения иноязычных «извинений» *Пардонь(те)!* *Соррь!* в устной и письменной речи.

Прозрачность образования форм повелительного наклонения (=императива) в русском языке для иностранцев приводит к активному, но ошибочному их использованию. Формы всего две: второго лица единственного и множественного лица, образуются они от личных форм настоящего/будущего времени с помощью суффикса *-и-* после многих согласных (*говор-и-те*, *скаж-и-те*), нулевого суффикса после гласных (*чита-й-те*, *прочита-й-те*) и в зависимости от ударения после некоторых шипящих и сонорных (*не плач-ь-те*, *встан-ь-те*) одинаково для совершенного и несовершенного вида. Но уже на этом этапе наличие двух форм становится базой языковой игры для носителей русского языка (пауза перед «вежливым» окончанием *-те*) и базой ошибок для иностранцев (*Преподавательница*, *иди сюда* – неразличение *вы* и *Вы* вежливое, *Помогай мне* – неразличение значений совершенного и несовершенного видов в императиве).

Видовые значения императива обуславливают использование совершенного вида для обозначения конкретного желательного действия (первичная номинация) *Прочитай текст!* и несовершенного вида с частицей *не* для отрицания того же действия *Не читай этот текст!* Частные (противоположные) случаи – это, например, использование совершенного вида с частицей *не* для выражения предостережения *Не забудь!* *Смотри, не упади!* и использование несовершенного вида без частицы *не* при ожидании конкретного действия (повторная номинация) *Читайте-читайте!* *Я же жду*. Частные комментарии в учебниках грамматики русского языка как иностранного стремятся к краткости:

«Глаголы СВ в императиве с отрицательной частицей **не** содержат предупреждение или указывают на нежелательность совершения действия в определенный момент времени. Сравните: **Не получи** плохих оценок. – *Смотри, не получи плохую оценку сегодня на экзамене*» [Глазунова 2007: 301-302]. Однако такие объяснения не всегда облегчают задачу использования императивных конструкций. В методике обучения русскому языку как иностранному принят термин «побуждение к действию», и задания формулируются таким образом: «Приведите свои примеры указанных вами форм выражения побуждения к действию», «Побуждение к действию. Побуждение к совместному действию. Побуждение к действию третьего лица. Вторичное побуждение к действию. Побуждение к немедленному началу действия», «Проанализируйте предложения с выражением побуждения к действию формами повелительного наклонения» [см. например, Крючкова 2009]. Сами иностранцы предпочитают краткий термин «императив», совмещая в нём обозначение и формы глагола, и значение побуждения, пожелания или волеизъявления.

Отметив то, что мы называем императивом и императивными конструкциями, вернёмся к функционированию этих форм в речи. В настоящее время в русской разговорной речи формы императива активны и допустимы не во всех коммуникативных ситуациях, например, для выражения просьбы или совета носителям языка более уместными представляются формы вопроса с частицей **не** или формы сослагательного наклонения. Смещение в терминологии значений волеизъявления, побуждения, желательности, а также просьбы, приказа, требования, совета приводит к неразличению грамматических форм, функций и интенций в коммуникации. Для выражения различных интенций в русском языке системно используются и другие грамматические формы, кроме собственно императивных, например, другие глагольные словоформы в составе устойчивых конструкций:

– инфинитив: *По газонам не ходить! Не прислоняться! Лежать!* в том числе с частицей *бы*: *Отдохнуть бы!*

– формы сослагательного наклонения: *Отдохнул бы ты!*

– определённые формы глаголов с частицами: *Давай(те) петь! Пойдём! Пусть он (с)поёт! Да будет так!*

– временные формы изъявительного наклонения: *Встал и пошёл! Встаёшь и идёшь! Встанешь и пойдёшь! Поможете мне? Не скажете...? Спорим! Потанцуем?*

Есть много неглагольных устойчивых форм волеизъявления, отметим только одну, относительно новую *Можно, пожалуйста, ...* (без императива), которая весьма активна сейчас в разговорной речи: *Можно, пожалуйста, мне меню? Можно мне выйти, пожалуйста?* Свое влияние на распространение этой конструкции оказало и влияние иностранных языков, и восприятие форм императива как излишне личных, недостаточно вежливых в определенных коммуникативных ситуациях.

Наоборот, сохраняется специфическое использование окончания *-те* императива при соединении с глагольными формами будущего времени *Пойдём-те!* или прошедшего времени *Пошли-те!*, которые и сами могут выступать как формы побуждения к совместному действию. В последнем случае возникает омонимия форм глаголов *послать, пошлить*, которая также может служить базой для языковой игры.

Использование императивных форм в переносном значении также способствует развитию их экспрессивного потенциала. Можно выделить внутрипарадигматическое и внепарадигматическое употребление таких форм.

При внутрипарадигматическом непрямом употреблении императив «сохраняет общекатегориальное значение волеизъявления, но видоизменяет частные значения лица, числа и/или приобретает дополнительные значения, не свойственные словоформе в прямом значении, при этом обычно меняется синтаксическое окружение» [Храковский 2002: 227]. Речь идёт о значении совместного действия, количестве лиц/исполнителей, о переходе на *ты* и других коммуникативных ситуациях. Грамматическое значение «быстрого исполнения действия» проявляется в использовании таких императивов, как *сыпь, жарь, дуй (до горы), валяй, мотай (на ус), шпатель*; сейчас активнее – *жги, валя, смотайся*. В этих императивах очевиден сдвиг лексического значения, используется обычно форма единственного числа. Грамма-

тическое значение «угрозы, требования неисполнения/ прекращения действия из-за последствий» проявляется в формах типа: *ну, поплачь еще у меня; поговори мне; только пискни, вякни*. Сигналы смены лексического значения – местоимения *мне, у меня*, наречия *только, ещё*, в конструкциях с этим значением используются преимущественно формы глаголов совершенного вида.

Внепарадигматические употребления императивов всегда имеют не прямые значения [Храковский 2002: 235], среди них: оптативы, пожелания, проклятия по прецедентному образцу, аллюзии и др.: *Минуй нас пуще всех печалей...! Да провались оно! Гори оно все синим пламенем, сейчас активнее – Гори в аду! Боже упаси! Сохрани Бог! Черт возьми!* Активны превентивы: *Смотри, Посмотри-ка, Глянь, Скажи* в не прямом значении, противопоставления субъектов в сложных предложениях: *(Они жируют), а мы расплачивайся! (Ты ничего), а я страдай! А ты спроси нас / народ!* Чрезвычайно активны в разговорной речи императивы со значением нецелесообразности, невозможности, неприемлемости действия *(Не в свое дело) не лезь! Поди, попробуй! Ну вот ещё, пиши за них! Хоть убей...!*

Таким образом, при описании императива как морфологической категории и формы глагола, мы наблюдаем, как императив формирует синтаксические конструкции внутри и вне собственной парадигмы. Многие из этих императивных конструкций становятся в той или иной степени устойчивыми выражениями, синтаксическими фразеологическими единицами: устойчивыми оборотами, устойчивыми моделями, фразеосхемами, коммуникемами. Система эта очень подвижна. С одной стороны, формы побуждения, волеизъявления, желательности не ограничиваются глагольными формами собственно императива. С другой стороны, императив, лишённый своих исходных функций, расширяет свои креативные возможности и увеличивает экспрессивный потенциал. В данной работе нет стремления корректировать существующие классификации или терминологию. Отметим только некоторые продуктивные модели императивных конструкций, которые устойчиво прикрепляются к смыслам, востребо-

ванным в современных коммуникативных ситуациях, в современной разговорной речи:

- О бесполезности проявления эмоций:
кричи – не кричи; вопи – не вопи; ругайся – не ругайся; бесись – не бесись
- О достижении цели:
знай себе иди, гни свою линию.
- О необдуманности действия:
возьми да и ляпни.

Из-за использования некоторых императивов в непрямом значении произвольно или непроизвольно возникают элементы языковой игры: *А ты возьми и не бери! Послушай меня, не слушай его!*

При использовании императивов с частицей *не* проявляются комплексные значения,

- запрещающие, предостерегающие от действий или проявления эмоций:

Не смей, не лезь, не связывайся, не бери на себя, не тащи на себе, не вздумай/ даже не думай, не встречай.

Не переживай, не волнуйся, не беспокойся, не пищи, не стои, не ной, не канючь, не хнычь, не скули, не каркай (эти императивы касаются и речевого поведения, отмеченного ниже)

Но: *Не держи в себе*

- О речевом поведении:
Не нукай, не чокай, не вякай, не бубни, не тяни, не комкай, не сюсюкай с ним
- Об активном поведении:
Не сти, не залипай, не кисни
- О будущем с разной степенью уверенности:
К бабке не ходи! Не сглазь! Не загадывай!

Эти модели или семантические сферы заполнения императивами коммуникативных ситуаций разнообразны, но не бесконечны. Набор коммуникативных ситуаций определяется «требованием времени», языковой модой, определённым языковым стилем, требующим номинации актуальных коммуникативных ситуаций определёнными фразеосхемами.

Интересны модели, требующие анализа сочетаемости императива или развития (и расхождения) значений этимологически однокоренных императивов, например:

- С одним императивом *шевели языком, ногами, мозгами*.
- С одним этимологическим корнем, где предполагаются различные коммуникативные ситуации: *Ах, оставьте; останься (дома); оставайся (всегда такой же); отстань; не приставай; не доставай; остановись; не подставляйся*.

Рассмотрение в динамике императивных конструкций адресует нас и к сакральным текстам, и к развитию официально-делового стиля:

- Библейские: *Не бойся, я с тобой, Не убий, Не укради, Уважай, Возлюби, Неси свой крест, Испей чашу сию, Восстань и виждь!*

- Городская «риторика»: *Не влезай – убьёт! Стойте, Ждите, Идите; Не вертите, не крутите (вода сама потечёт); Тяни, Толкай (дверь – по аналогии с европейскими знаками)*.

- В заговорах, тостах, играх и других устойчивых речевых жанрах: *Чёрт, чёрт, поиграй да отдай! У кошки боли, у собачки боли, а у Мишеньки не боли! Умри, замри, отомри / воскресни! Пляши! (письмо, новость) / Пей до дна!*

- В номинативных моделях *Тяни-толкай, Ванька-Встанька, сорвиголова*.

- В фразеосхемах разного типа: *И живи теперь с этим! Будьте – нате! Накося – выкуси! Держи карман шире! Поддай-принеси! Пиши пропало! Ешь – не хочу! Хоть ложкой ешь! Мама не горюй! На Бога надейся! Не в свои сани не садись! Прогни и пой! Вот и верь после этого людям!*

Этот тип устойчивых выражений отмечает Б.Ю. Норман: «К пословицам примыкает разнообразный фольклорный материал, который, может быть, и не имеет открыто дидактического характера, но в силу своей воспроизводимости легко поднимается над конкретными референтными ситуациями. Это лозунги, призывы, рекламные слоганы, цитаты из песен и кинофильмов». Среди примеров также есть императивные конструкции: *Не верь, не бойся, не проси. Играйте и выигрывайте. Благодарите и кланяйтесь* [Норман 2014: 101].

Не все из обозначенных синтаксических фразеологических единиц, имеющих в составе формы императива, потеряли внутреннее содержание синтаксических компонентов. Напротив, однозначность и многозначность глагольных форм сохраняет возможность возвращения к исходной семантике и обыгрывания смыслов. Закрепление фразеосхем, в том числе императивных, за определенными актуальными коммуникативными ситуациями – развивающееся, продуктивное, нормативное явление современной разговорной речи. При экономии формы комплексный экспрессивный потенциал императивных конструкций позволяет им становиться знаками коммуникативной ситуации, коммуникативного поведения. Носители русского языка весьма креативно используют их не столько для выражения просьбы, побуждения, волеизъявления, сколько для обозначения своего отношения к ситуации.

Литература

- АГ – *Русская грамматика* /Гл.ред. Н. Ю. Шведова, М.,1980.
- Глазунова О. И. Грамматика русского языка в упражнениях и комментариях. Морфология. СПб., 2007.
- Краснов В.А. Коммуникемы со значением волеизъявления в языке и речи. Автореферат дисс. канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2005
- Крючкова Л.С., Моцинская Н.В. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному. М., 2009 URL: <https://rucont.ru/efd/1158> (дата обращения: 28.04.2022)
- Меликян В.Ю. Словарь: Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи. М., 2001.
- Меликян В. Ю. Коммуникемы-сращения в системе русского языка //Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2010. №12. С.265-270.
- Меликян В. Ю. Синтаксическая фразеология и синтаксические фразеологизмы // Современный русский язык: система языка, речь, общение: Монография. Ростов н/Д: ПИ ЮФУ, 2010. С.16-26
- Меликян В. Ю. Синтаксический фразеологический словарь русского языка. М.,2013 URL: <https://rucont.ru/efd/244441> (дата обращения: 28.04.2022)
- Норман Б.Ю. Жизнь словоформы. М., 2015.
- Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива: Русский императив. М., 2002.

Шмелев Д. Н. Синтаксически связанные конструкции-фразеосхемы // Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М., 1976.

REFERENCES

- AG – Russkaya grammatika /Gl.red. N. YU. SHvedova, M.,1980.
- Glazunova O. I. Grammatika russkogo yazyka v uprazhneniyah i kommentariyah. Morfologiya. SPb., 2007.
- Krasnov V.A. Kommunikemy so znacheniem voleiz"yavleniya v yazyke i rechi. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk. Rostov-na-Donu, 2005
- Kryuchkova L.S., Moshchinskaya N.V. Prakticheskaya metodika obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu. M., 2009 URL: <https://rucont.ru/efd/1158> (data obrashcheniya: 28.04.2022)
- Melikyan V.YU. Slovar': Emocional'no-ekspressivnye oboroty zhivoj rechi. M., 2001.
- Melikyan V. YU. Kommunikemy-srashcheniya v sisteme russkogo yazyka //Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2010. №12. S.265-270.
- Melikyan V. YU. Sintaksicheskaya frazeologiya i sintaksicheskie frazeologizmy // Sovremennyj russkij yazyk: sistema yazyka, rech', obshchenie: Monografiya. Rostov n/D: PI YUFU, 2010. S.16-26
- Melikyan V. YU. Sintaksicheskij frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka. M.,2013 URL: <https://rucont.ru/efd/244441> (data obrashcheniya: 28.04.2022)
- Norman B.YU. ZHizn' slovoformy. M., 2015.
- Hrakovskij V. S., Volodin A. P. Semantika i tipologiya imperativa: Russkij imperativ. M., 2002.
- SHmelev D. N. Sintaksicheski svyazannye konstrukcii-frazeoskhemy // Sintaksicheskaya chlenimost' vyskazyvaniya v sovremennom russkom yazyke. M., 1976.

©Просвирнина И.С., 2022

Просвирнина Ирина Сергеевна – доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина г. Екатеринбург, Россия
Адрес: 620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Блюхера, 51, 191.
E-mail: prosvirninym@mail.ru

Prosvirnina Irinaa Sergeevna – Associate Professor of the Department of Russian for Foreign Students of the Ural Federal University named after the First President of Russia B.N.Yeltsin (Yekaterinburg, Russia).

Н.Б. РУЖЕНЦЕВА

г. Екатеринбург, Россия

verbalis@mail.ru

УДК 81'42

ЯЗЫК ВРАЖДЫ И ЕГО ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В ПЕЧАТНЫХ СМИ: ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Аннотация. Статья посвящена феномену языка вражды и его представлению в современных печатных СМИ. Динамические процессы, соотносимые с языком вражды, детерминированы, прежде всего, группой экстралингвистических факторов: усиливающимся расколом общества, воздействием Интернет-дискурса, а также влиянием постмодернизма, которое проявляется в повышенной степени интертекстуальности и фейковости сообщений СМИ. Кроме того, динамика языка вражды обусловлена внутриязыковыми и внутритекстовыми процессами, в частности – расширением репертуара первичных речевых жанров, используемых для внутренней организации более крупных публицистических текстов. Материал массовой прессы последних лет свидетельствует и о том, что влияние экстралингвистических факторов текстообразования на лингвистическую специфику языка вражды проявляется в конвергенции (возросшей концентрации негативно-оценочных языковых средств на небольшом отрезке текста) и в повышенной степени диалогизации монологической речи, что придает журналистскому тексту выраженный полемический характер.

Ключевые слова: язык вражды, языковые средства, язык СМИ, печатные СМИ, средства массовой информации, журналистика, медиалингвистика, медиадискурс, медиатексты, лингвистические факторы, экстралингвистические факторы, жанровый корпус

RUZHENTSEVA NATALIA B

Yekaterinburg Russia

HATE SPEECH AND ITS REPRESENTATION IN PRINTED MASS MEDIA: DYNAMIC PROCESSES

Abstract. The paper deals with the phenomenon of hate speech and its representation in modern printed mass media. The dynamic processes which are related to hate speech are determined primarily by a group of extralinguistic factors: the ever-greater polarization in the society, the influence

of the Internet discourse, the impact of postmodernism. The latter is manifested in the greater degree of intertextuality and fake character of mass media messages. Moreover, the dynamics of hate speech is triggered by intra-language and intra-textual processes, namely by the extension of the initial speech genres' repertoire that is used to build bigger mass media texts. The modern mass media material shows that the influence of extralinguistic factors of text-building on the linguistic specifics of the hate speech finds expression in the convergence (the growing number of negatively evaluated means in a short text abstract) and the increased degree of the dialogical character of monologues which adds to the polemical character of the journalist's text.

Keywords: hate speech, printed mass media, linguistic and extralinguistic factors, genre corpus

Феномен «языка вражды» достаточно давно исследуется с научных позиций социологии и этнологии [Верховский 2007, Дзялошинский 2002], лингвопрагматики и лингвостилистики [Сковородников, Копнина 2008], а также в рамках лингвоэтического направления [Сурикова 2012]. Очень большой интерес язык вражды представляет для юрислингвистики, и в частности – в связи с проблемами исследования инвективной лексики [Бринев 2016, Войниканис 2008, Серебрякова 2017, Шарифуллин 2004 и др.]. В свою очередь, наш научный интерес к языку вражды лежит в области медиалингвистики и медиастилистики [Евстафьева 2009, Кара-Мурза 2010, Свешникова, Ягубова 2004 и др.]. Во многом это обусловлено тем, что СМИ перманентно предоставляют исследователям огромный материал для изучения генезиса форм и тенденций развития данной языковой разновидности.

В настоящее время семантическое наполнение понятия «язык вражды» не является устойчивым. Так, с точки зрения А.В. Евстафьевой «понятие «язык вражды» при всем разнообразии его дефиниций имеет два обязательных компонента: негативное значение выражения и обязательную адресацию» [Евстафьева 2009: 7]. В свою очередь, М. Кронгауз характеризует язык вражды исходя не только из его адресации, но и из коммуникативно-прагматических признаков. Это «умение хлестко выразиться об отсутствующем оппоненте – каждый высказывается в своем

кругу, находясь среди своих сторонников...оскорбительные слова должны быть обидными и запоминаться надолго. В них нет особой точности – скорее образность и связность, иногда смысловая, иногда чисто фонетическая с другими явлениями, как правило, неприятными» (из интервью с М. Кронгаузом. Аргументы недели № 33 (727) 28. 08. 2020).

Формирование языка вражды можно, на наш взгляд, сравнить с эффектом маятника, который не задерживается в одной точке. На материале массовой прессы попытаемся охарактеризовать сегодняшнее состояние языка вражды, взяв в качестве отправной точки основное положение исследования А.В. Евстафьевой, проведенного во второй половине 2000-х годов: «Лингвистические и экстралингвистические факторы, комплексно определяющие специфику функционирования «языка вражды» в СМИ, оказывают влияние на его генезис в современный период, предопределяя нарастающую тенденцию к предпочтению в использовании завуалированных форм исследуемого феномена при игнорировании открытых форм как наиболее экспрессивно сильных» [Евстафьева 2009: 8]. Со своей стороны, мы считаем, что в настоящее время в формировании языка вражды наблюдается обратный процесс – тенденция к активному использованию открытых, экспрессивно сильных форм.

Переходу к открытым формам на разных уровнях языковой и текстовой систем способствует ряд экстралингвистических факторов. К ним относятся:

1. Увеличивающийся раскол общества, ср.: *«В политическом смысле наше общество настолько расколото, что содержательных диалогов, дискуссий между разными его частями давно уже не ведется. Зато интенсивно разрабатывается язык вражды...»* (из интервью с М. Кронгаузом). В качестве примера приведем языковую репрезентацию раскола между бедными и богатыми:

Что в итоге? Про реальные зарплаты государство нам ВРЕТ, бедным, которых все больше, не помогает ни капли. Слова про социальное государство в РФ уже не первое десятилетие – АБСОЛЮТНЫЙ ПШИК... В США хотя бы пособия НЕ ФУФЛО, да и медицина для бедных стала едва не бесплатной (АН № 45 (689) 20. 11. 2019).

2. Влияние блогосферы: *«... герой нашего времени – блогер. Именно в нем воплощается главная драма эпохи, которая состоит во*

взаимоотношениях онлайн и офлайн... Например, ответственность человека за свои слова. В блогосфере мы за свои слова не отвечаем по определению» (из интервью с писателем Алексеем Ивановым. АИФ Урал № 40, 2020).

В целом в соцсетях происходит резкое увеличение количества слов с негативно-оценочной семантикой и агрессивным потенциалом: *хейтить* (ненавидеть), *хейтер*, *тролль*, *троллинг*, *абьюзер*, *газлайтинг*, *токсичный*, *хайп* (резонанс, шумиха, агрессивный пиар) и др. И взрослый, и подростковый новояз по происхождению восходят к Интернету: *выбешивать*, *требошир* (в основе слово *дебошир*), к языку «сетевых подонков», к наркоманскому сленгу и к тюремному аргю, ср.: *заиквар* – *стыд*, *позор*. Отсюда в социальных сетях возрастает и общий уровень агрессии: *«Посмотрите на стиль взаимодействия в интернет-сфере. В переписке ничего не стоит оскорбить человека, более того, нередко слышны угрозы в адрес друг друга. О сниженной лексике в ходе такой полемики я даже и не говорю. Она сегодня – привычное дело»* (из интервью с профессором Д. Стровским. АИФ Урал № 24. 2020). Как следствие – агрессивное речевое поведение становится привычным и переходит в СМИ, ср., ярлыки, использованные лишь в одной публикации *«К суверенитету России подтолкнули американцы»*:

Этим шагом ИНТРИГАН рассчитывал переманить руководство автономий в свой лагерь и создать коалицию вокруг Ельцина.

30 лет назад это ПЬЯНОЕ МУРЛО сделало несчастными десятки миллионов людей.

ПРЕДАТЕЛИ из так называемого демократического лагеря ответственвали дальнейшее расчленение страны. Захватившие все медиaproстранство ПОДЛЕЦЫ открыто поощряли сепаратизм.

...Студия, заполненная такими же МОРАЛЬНЫМИ УРОДАМИ, отвечала дружными оациями.

Спустя 30 лет после «парада суверенитетов» этот призыв ЛИБЕРАЛЫ-ГРАНТОЕДЫ вытащили из пыльной кладовки в Хабаровске, где одураченный народ митингует за арестованного губернатора Сергея Фургала (Экспресс газета № 35 (1332) 2020).

3. Влияние постмодернизма: *«Один из принципов современного формата культуры – формата постмодерна – ни в чем не искать смысла, во всем искать заговор. Так устроена современная культура... Вся страна живет в формате постмодерна. Посмотрите, мы*

сейчас живем в стране, которая одновременно является и наследницей Российской империи, и наследницей Советского Союза, и глобалистской страной, и одновременной очень архаичной... То есть мы живем в очень сложно устроенной лоскутной стране, и такая лоскутность – это как раз характерный признак постмодерна» (из интервью с писателем А. Ивановым. АИФ Урал № 40 2020).

Концепция заговора ведет к фейковости сообщений, к обращению к непроверенной информации, в том числе – к использованию слухов. Следствием является, прежде всего, снижение способности к рационально-критической переработке информации и замена логических аргументов эмоциональными. Приведем пример некритического использования слухов в контексте общей агрессивной тональности высказывания из статьи писателя Ю. Полякова о сегодняшнем положении во МХАТе:

...С тем, как ведут себя «обновленцы» в отношении оппонентов, в полном формате я столкнулся только после того, как во МХАТ им. Горького был по всем правилам молниеносной спецоперации заброшен Эдуард Бояков. ГОВОРЯТ, сама идея внедрения родилась в гламурно-православных кругах, где каждому новообращенному атеисту, бывшему дзен-буддисту или раскаявшемуся тантрическому эротоману радуются так, как в былые годы старые большевики умилялись класово близкому уголовнику, по складам читающему «Азбуку коммунизма» (АН № 5 (699) 12. 02. 2020).

В свою очередь, интертекстуальность, свойственная постмодернистским текстам, приводит к использованию большого количеству ПФ с агрессивным потенциалом. Очень часто этот потенциал реализуется посредством трансформированных высказываний, содержащих отсылку к известному оригиналу, ср.: *Извечный вопрос русского человека: «у кого бы перехватить до зарплаты?» власть Российской Федерации поставила перпендикулярно народу: «Как бы никому не дать денег до зарплаты?»* (отсылка к вопросу: *Что делать?* АН № 45 (689) 20. 11. 2019); *Где лишние баррели и доллары, Зин?* (отсылка к тексту В. Высоцкого. Там же); *«Правительственные Волан-де-Морты «остолбей!» командуют всему, что может составить конкуренцию мировым грандам глобального рынка. Кроме, естественно, углеводородного сырья* (отсылка к книге Дж. Роулинг о Гарри Потере. АН № 1 (695) 15. 01. 2020).

Приведенные выше высказывания свидетельствуют о том, что динамике языка вражды способствует возрастающая диалогичность текста, его внутренняя оппозитивность. Это характерно для постмодернистской парадигмы, ср.: «... интрига «своего» и «чужого» становится доминантой смыслопорождения для создающего и воспринимающего текст» [Сметанина 2002: 99]. В свою очередь, присутствие «чужого» и диалог с ним обуславливает частое употребление приемов некорректной полемики, и прежде всего – агрессивный переход на личность оппонента, ср.: *Государство же... может позволить себе играть вдолгую и реально влиять на курсы черного золота на международных рынках. При этом весь навар, вся маржа достается не КУЧКЕ ЖИРНЫХ НЕФТЯНЫХ КОТОВ, а бюджету. В нашем случае – бюджету Российской Федерации* (АН № 45 (689) 20. 11. 2019).

4. Внутриязыковые и внутритекстовые процессы:

В связи с этим интересно привести мнение академика В. Костомарова, высказанное им в интервью для АИФ: *«Нынешняя синхрония русского языка тянется долго. Я бы сказал, что это выглядит странно. И с учетом того, что в нашу речь проникло много иностранных заимствований и интернет-сленга, можно опасаться, что они изменят синхронию. Произойдет (и уже происходит) революция в написании текстов, их структуре, системе передачи»* (АИФ № 7 2020).

Сказанное касается переосмысления значений отдельных слов и выражений. Самым ярким примером является, конечно, появление юридического термина *иностранный агент* (иноагент). Термин по определению должен быть нейтральным, однако выражение немедленно обрело негативно-оценочное значение, ср., мнение М. Кронгауза:

«Термин производит сильное впечатление. С одной стороны, это просто перевод американского юридического термина foreign agent из знаменитого «Акта о регистрации иностранных агентов, принятого в США в 1938 году. С другой стороны, у словосочетания «иностранный агент» в русском языке есть устойчивые и негативные ассоциации. Это подтвердил опрос, проведенный «Левада-центром», в котором более 60% опрошенных сказали, что для них это прежде всего «шпион, представитель иностранных спецслужб». Использование в новом законе столь эмоционально окрашенных слов – исключительная

редкость. Юридический статус вроде бы нейтральный, но сразу воспринимается негативно» (Из интервью с М. Кронгаузом).

Однако самое значительное увеличение открытых экспрессивных форм языка вражды происходит на уровне текста и связано с расширением жанрового корпуса. В исследовании, проведенном 12 лет назад, А.В. Евстафьева выделяет следующую закономерность: «Анализ прагматических основ функционирования «языка вражды» в СМИ позволил выявить, что исследуемое явление реализуется в восьми речевых жанрах (призыв, порицание, сравнение, намек, ирония, грубое требование, оскорбление и сарказм)» [Евстафьева 2009: 17], хотя, на наш взгляд, речь идет лишь о шести речевых жанрах, так как под иронией и сарказмом традиционно понимаются не жанровые разновидности, а формы представления комического или пафос текста. В настоящее время число речевых жанров, интенцией которых является трансляция враждебного отношения к оппоненту, перманентно увеличивается. Приведем примеры таких РЖ лишь в двух газетных публикациях (А. Чуйков «Этот стон у нас «деньги» зовется» и К. Гурдин «Премьер перешел черту бедности». АН № 45 (689) 20. 11. 2019). Заметим, что эти жанровые формы чаще всего приобретают ироническую или даже саркастическую тональность.

1. Ироническое опровержение

Об этих самых инвестициях все наши министры говорят с придыханием и шепотом, как будто молятся: «Пошли нам, боже, золотой дождь из долларов и евро!» Ага, сейчас придет такой добрый дядя Джон, у которого американских денег американские куры не клюют, и отсыплет безвозмездно на развитие России-матушки.

2. Иронический диалог

Кто же выдает лицензию, определяющую права собственности? Правильно! Правительство непотопляемого Дмитрия Анатольевича, Того, который: «Денег нет! Но вы держитесь».

3. Ироническое обвинение

Вот ведь народишко подлый пошел, так и норовят в карман государству залезть! А там не все так густо, как кажется. Своим, понимаешь, не хватает.

4. Ироническое (и даже саркастическое) объяснение, интерпретация

Накануне выхода этого материала в госновостях ведущая, дежурно захлебываясь от восторга, озвучила: «Объем Фонда национального благосостояния к концу года вырастет до 7 триллионов 808,9 миллиарда рублей. В 2020 году фонд продолжит увеличиваться до 11,370 триллиона рублей. А в 2021 году ФНБ вырастет до 14,189 триллиона рублей.

Переводим это на русский язык: «Каждый год мы планируем ограбить экономику на несколько триллионов, спрятав их в неконтролируемую кубышку. Мы не планируем вводить государственную собственность на нефть и газ. Мы планируем позволить жирным котам и дальше продолжать зарабатывать на запасах нашей родины восемь с лишним триллионов в год. Нам наплевать на модернизацию экономики, а значит, и страны. Мы просто тупо грабим Россию. Бизнес – ничего личного».

5. Ироническая благодарность

Спасибо правительству, у которого на людей денег нет.

6. Иронический прогноз

Конечно, можно прописать в документах любые красивые сказки. Но пока бедность не только не слушается премьера, но, напротив, упорно растет. По сути, при нынешней социальной политике план уже полностью сорван, шансов выполнить – ноль.

7. Апеллятив

Гнать надо таких министров мокрыми тряпками по улице Горького, как гнали пленных фашистов.

8. Риторический вопрос

Но какая, к лешему, Конституция, когда на кону триллионы даже не рублей, а родной для российских чиновников американской валюты?

9. Сопоставление

Для правительства Медведева куда дешевле и проще подкинуть миллиард-другой мелким дьякам из росстатовского приказа, чем реально сделать хоть что-то для бедных.

10. Ироническое резюме (в сочетании с РЖ «воспоминание»)

Мы получили повальную бедность даже работающего населения. Нищенские пенсии стариков. «Оптимизацию» медицины и «реформу образования». Убитую в хлам промышленность. Технологическую – на десятилетия – отсталость. Трещание госпропаганды о величии на фоне «родных» 1,7% от мирового ВВП. Убитые моногорода, села, дороги, инфраструктуру услуг и грабительский экспорт невозобнов-

ляемых сырьевых ресурсов. Что еще? Ах, да – запись в Основном законе о социальном государстве и недрах на благо народа.

11. Информационное сообщение (в сочетании с намеком на известное предложение чиновницы питаться «макарошками»):

Те же люди, которые недавно по факту оставили миллионы людей без пенсий, предложили урезать социальную помощь для «недостаточно бедных», предложили народу месяцами жить на одних макарошках. Они же охотно взяли под козырек, ринувшись выполнять высочайший указ по снижению уровня бедности.

В свою очередь, в репертуар закрытых, имплицитных средств репрезентации языка вражды в последнее время активно входят метаоператоры [Вепрева 2005: 80] и другие виды метарефлексов, используемых в текстах современных СМИ, ср.: «В этих условиях известную остроту приобретают так называемые социальные метаязыковые рефлексивы, в нашем случае имеющие отношение к общекультурной оппозиции «свой – чужой» [Садова 2019: 129]. Приведем пример актуализации враждебности, чуждости субъекта, о котором идет речь, посредством метарефлекси́ва свет: «... деньги внутри страны есть, и деньги гигантские. Сегодня они оседают в чьих-то карманах, а могли бы просто по мановению руки Дмитрия СВЕТ Анатольевича Медведева работать на всю страну, на весь народ» (Там же). Заметим, что функцию передачи негативно-оценочных метасообщений в настоящее время активно стали выполнять лексемы *просто, практически, фактически, так называемый*, а также некоторые именованья лиц, ср.: «... Написав и протолкнув в 1992 году первую версию закона о недрах, не поправив его за прошедшие 28 лет, спрятавшиеся в тени ГОСПОДА обрекли нашу страну на позорное 59 место по уровню жизни» (Там же).

И все же в текстах СМИ в первую очередь используется репертуар открытых средств языка вражды. Это находит выражение в частом употреблении этих средств и их конвергенции – «схождении в одном месте пучка стилистических приемов, участвующих в единой стилистической функции» [Арнольд 1981: 45]. Приведем пример конвергенции языковых средств, исполь-

зование которых детерминировано экстралингвистическими факторами (отношением автора текста – писателя Юрия Полякова – к своему оппоненту-врагу). В небольшом фрагменте сочетаются открытые и закрытые средства языка вражды (иронический оксюморон *круглые столы с острыми углами*; метаоператоры *как говорится, если не сказать*; ярлык *гормональные либералы* и апелляция к слухам, неопределенная адресация – мол): «С Эдуардом Бояковым – мы, как говорится, давние идейно-эстетические оппоненты, если не сказать – враги. Много лет я резко полемизировал с ним в печати и на разных круглых столах с острыми углами. Пикантность ситуации заключается в том, что еще совсем недавно он придерживался абсолютно иных взглядов, типичных для гормональных либералов. Мол, режиссер имеет право на любой эксперимент без всяких моральных ограничений. Ни о какой воспитательной функции театра речи вести нельзя в принципе. Зритель в зале допустим, но не обязателен. Власть – враг, абсолютное зло. Патриотизм – последнее прибежище негодяя» (АН №5 (699) 12. 02. 2020).

Таким образом, современный язык вражды в печатных СМИ включает в себя целый комплекс эксплицитных средств выражения смысла «чужой» и негативного отношения к тому, о ком идет речь. Репертуар достаточно традиционных средств языка вражды (ярлыков, негативно-оценочной лексики и фразеологии, а также сравнительно небольшого числа жанровых форм) расширился в настоящее время за счет:

- возрастания жанрового разнообразия текстов, репрезентирующих враждебность;
- преобладания в текстах, соотносимых с этими РЖ, иронического пафоса;
- концентрации средств языка вражды на небольшом отрезке текста;
- лексических процессов (заимствований из английского языка и языка блогосферы);
- фейковости сообщений вследствие распространенности теории заговора и слабой ответственности автора за высказывание;
- повышенной степени интертекстуальности и диалогизации монологического текста, что, в свою очередь, предполагает ис-

пользование в журналистском тексте приемов некорректной полемики.

Думается, что динамические процессы, связанные с языком вражды и общим повышением агрессивности высказываний в печатных изданиях, ждут своего изучения, прежде всего, в плане сопоставления офлайн- и онлайн-СМИ.

Литература

Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. Л.: Просвещение, 1981. – 295 с.

Верховский А.М. «Язык вражды» против общества: сборник статей 2007. М.: Сова, 2007. – 268с.

Бринев К.И. Справочник по судебной экспертизе. М.: ЛИБРОКОМ, 2016. – 200 с.

Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: ОЛМА ПРЕСС, 2005. – 384с.

Войниканис Е.А. Язык СМИ: правовые проблемы // Язык средств массовой информации. М.: Академический проект; Альма-Матер, 2008. С. 216-226.

Дзялошинский И.М. Кому выгодно тиражирование нетерпимости? // Язык мой. Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ. М.:РОО «Центр Панорама», 2002. С. 100-114.

Евстафьева А.В. «Язык вражды» в средствах массовой информации: лингвистические и экстралингвистические факторы функционирования. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов: 2009. – 26с.

Кара-Мурза Е.С. Лингвоправовой конфликт как объект исследования в лингвоконфликтологии // Юрислингвистика-10. Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. С. 114-124.

Садова Т.С. Метаязыковая рефлексия российских СМИ: по-русски говоря //Русистика в XXI веке: Тенденции и направления развития. Ереван: Изд-во ЕГУ, 2019. С. 128-132.

Свешникова Н.В., Ягубова М.А. Власть сниженного слова в языке СМИ // Проблемы речевой коммуникации. 2004. Вып. 4. Власть и речь. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2004. С. 120-128.

Серебрякова А.Ю. Инвектива как семантическое средство выражения экстремизма в книге Ф. Ницше «Так говорил Заратустра» // Вестник ЮрГУ, Серия «Лингвистика» 2017. Т. 14. № 2. С. 34-36. DOI: 10.14529/ling170204

Сковородников А.П., Копнина Г.А. Экспрессивные средства в языке современной газеты: тенденции и их культурно-речевая оценка. М.: Академический проект; Альма-Матер, 2008. С. 521-539.

Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века). СПб: Изд-во Михайлова В.А., 2002. – 383 с.

Сурикова Т.И. Журналист, аудитория, власть: лингвоэтические аспекты взаимодействия в политическом дискурсе СМИ // Язык СМИ и политика. М.: МГУ, 2012. С. 2012 -242.

Шарифуллин Б.Я. Языковая агрессия и языковое насилие в свете юрислингвистики: проблема инвективы // Юрислингвистика-5. Барнаул: Изд. Алт. ун-та, 2004. С. 126-138.

REFERENCES

Arnol'd I.V. Stilistika sovremennogo anglijskogo yazyka. L.: Prosveshchenie, 1981. – 295 s.

Verhovskij A.M. «YAzyk vrazhdy» protiv obshchestva: sbornik statej 2007. M.: Sova, 2007. – 268s.

Brinev K.I. Spravochnik po sudebnoj ekspertize. M.: LIB-ROKOM, 2016. – 200 s.

Vepreva I.T. YAzykovaya refleksiya v postsovetskuyu epohu. M.: OLMA PRESS, 2005. – 384s.

Vojnikanis E.A. YAzyk SMI: pravovye problemy// YAzyk sredstv massovoj informacii. M.: Akademicheskij proekt; Al'ma-Mater, 2008. S. 216-226.

Dzjaloshinskij I.M. Komu vygodno tirazhirovanie neterpimosti? // YAzyk moj. Problema etnicheskoy i religioznoj neterpimosti v rossijskih SMI. M.:ROO «Centr Panorama», 2002. S. 100-114.

Evstaf'eva A.V. «YAzyk vrazhdy» v sredstvah massovoj informacii: lingvisticheskie i ekstralingvisticheskie faktory funkcionirovaniya. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tambov: 2009. – 26s.

Kara-Murza E.S. Lingvoppravovoj konflikt kak ob"ekt issledovaniya v lingvokonfliktologii // YUrislingvistika-10. Kemerovo; Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2010. S. 114-124.

Sadova T.S. Metazykovaya refleksiya rossijskih SMI: po-russki govorya // Rusistika v HKH1 veke: Tendencii i napravleniya razvitiya. Erevan: Izd-vo EGU, 2019. S. 128-132.

Sveshnikova N.V., YAgubova M.A. Vlast' snizhennogo slova v yazyke SMI // Problemy rechevoj kommunikacii. 2004. Vyp. 4. Vlast' i rech'. Saratov: Sarat. gos. un-t, 2004. S. 120-128.

Serebryakova A.YU. Invektiva kak semanticheskoe sredstvo vyrazheniya ekstremizma v knige F. Nische «Tak govoril Zaratustra» // Vestnik YUrGU, Seriya «Lingvistika» 2017. T. 14. № 2. S. 34-36. DOI: 10.14529/ling170204

Skovorodnikov A.P., Kopnina G.A. Ekspressivnye sredstva v yazyke sovremennoj gazety: tendencii i ih kul'turno-rechevaya ocenka. M.: Akademicheskij proekt; Al'ma-Mater, 2008. S. 521-539.

Smetanina S.I. Media-tekst v sisteme kul'tury (dinamicheskie processy v yazyke i stile zhurnalistiki konca HKH veka). SPb: Izd-vo Mihajlova V.A., 2002. – 383 s.

Surikova T.I. ZHurnalist, auditoriya, vlast': lingvoeticheskie aspekty vzaimodejstviya v politicheskom diskurse SMI // YAzyk SMI i politika. M.: MGU, 2012. S. 2012 -242.

SHarifullin B.YA. YAzykovaya agressiya i yazykovoe nasilie v svete yurisingvistiki: problema invektivy // YUrislingvistika-5. Barnaul: Izd. Alt. un-ta, 2004. S. 126-138.

©Руженцева Н.Б., 2022

Руженцева Наталья Борисовна – профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного Ур-ГПУ
Адрес: 620131, Екатеринбург, ул. Татищева, 77.
E-mail: verbalis@mail.ru

Natalia Borisovna Ruzhentseva – Professor of the Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language
Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg, Russia).

И. В. РУЖИЦКИЙ
Е. В. ПОТЁМКИНА
г. Москва, Россия
konnitie@mail.ru
kpisareva@yandex.ru

УДК 378.016:811.161.1

МНЕМЫ И МЕМЫ КАК СТИМУЛ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЛИНГВОКРЕАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ

Аннотация. В статье рассматриваются возможности использования мемов и мнем в лингводидактике, в частности, в преподавании русского языка как иностранного. Мнема при этом понимается как совокупность ассоциаций различного типа, хранящихся в коллективной памяти представителей определённой национальной культуры, т. е. является отсылкой к прецедентному тексту культурной памяти. Что касается интернет-мема, то главная цель его использования – эмоциональное воздействие на участника коммуникации с помощью изображения, часто в сочетании с текстом. Основная гипотеза, выдвигаемая в статье, состоит в том, что мем – это игра с мнемой, вербальной и невербальной, соединяющая ассоциации различных типов, прежде всего картинку, с её вербальной составляющей, что впоследствии даёт возможность погрузиться в прецедентный текст русской культурной памяти. Реализация людической и энigmatической функций мема и мнемы создаёт возможность для развития лингвокреативной компетенции иностранных студентов, изучающих русский язык.

Ключевые слова: русская культурная память, прецедентные тексты, мнеммы, мемы, языковая игра, лингвокреативные компетенции, лингвокреативность, русский язык как иностранный, РКИ, методика преподавания русского языка.

RUZHITSKY IGOR V.,
POTYOMKINA EKATERINA V.
Moscow, Russia

MNEMAS AND MEMES AS A MOTIVATION FOR THE DEVELOPMENT OF LINGUOCREATIVE COMPETENCE OF FOREIGN STUDENTS

Abstract. The article describes the possibilities of using memes and mnemas in linguodidactics, particularly, in teaching Russian as a foreign language. Mnema is understood as a set of associations of different types stored in the collective memory of representatives of a certain national culture, i.e. it is a reference to the precedent text of cultural memory. As for the Internet meme, the main purpose of its use is the emotional impact on the participant of communication with the help of an image often in combination with a text. The main hypothesis put forward in the article is that a meme is a playing with a mnema, verbal and nonverbal, connecting associations of various types, primarily a picture, with its verbal component, which subsequently makes it possible to immerse yourself in the precedent text of Russian cultural memory. The realization of ludic and enigmatic functions of meme and mnema creates an opportunity for the development of linguocreative competence of foreign students studying Russian.

Keywords: Russian cultural memory, precedent text, mnema, meme, language game, linguocreative competence.

Прежде всего конкретизируем содержание используемых в статье ключевых понятий, которые начали входить в научный обиход относительно недавно.

Под культурной памятью (далее – КП) понимается групповая, коллективная память представителей определённого этноса. При этом мы считаем целесообразным разделить понятия «культурная память» и «историческая память» (далее – ИП): первая обязательно образом связана с процессом узнавания, воспоминания. «Эффект узнавания (“я думаю, чувствую, вижу, помню так же”) приводит к обобщению и наращиванию, углублению опыта, развитию языковой личности, тогда как неузнавание (“я этого не понимаю, я так не помню, не вижу, не чувствую”) – к нарушению связности восприятия и коммуникации, вербальной и невербальной. Узнавание и воспоминание лежат в

основе понимания» [Елистратов, Потёмкина, Ружицкий 2021: 109]. Что касается ИП, то она с узнаванием никак не связана: это какое-либо событие, лицо и т. д., которое мы не в состоянии представить, «увидеть», оно не вызывает в нашем сознании никаких ассоциаций. Память вообще, таким образом, можно рассматривать как ассоциативное поле, состоящее из множества других полей, включающее, в свою очередь, в качестве строевых элементов цепочки ассоциаций различных типов. Человеческий мозг способен запечатлеть практически любой объём информации, однако, по всевозможным причинам, человек вспоминает далеко не всё.

В связи со сказанным выше интересными представляются рассуждения У. Эко о феномене памяти: «Видов памяти несколько. Одна память называется имплицитной, она позволяет производить последовательности действий, закрепившиеся на рефлекторном уровне, то есть чистить зубы, включать радио, завязывать галстук. <...> Действуя на основании имплицитной памяти, мы и не сознаем, что что-то помним, мы действуем автоматически» [Эко 2008: URL]. Имплицитная память является необходимым условием существования человека, классический пример – история о сороконожке, которая задумалась над тем, как она может передвигать своими сорока ногами, и в тот момент, как задумалась, сразу же остановилась и вообще разучилась ходить. «Кроме того, бывает память эксплицитная, то есть когда мы помним, что что-то помним. Однако эксплицитная память – вещь двоякая. Она включает в себя то, что нынче принято называть семантической памятью <...>. На состояние этой вашей памяти, мягко говоря, жаловаться нечего, вас тронь только, и вылезает куча воспоминаний, цитат, готовых фраз. Но эта часть эксплицитной памяти самая первоочередная, она, скажем, формируется у ребёнка прежде всех прочих <...>. Но вот что ребёнку стоит больших сил и времени, это вторая часть эксплицитной памяти, то есть эпизодическая, или автобиографическая <...>. Именно эпизодическая память увязывает то, чем мы являемся, с тем, чем мы являлись, иначе, говоря “я”, мы должны были бы подразумевать только то, что ощущаем в момент говорения, а не то, что ощущали до акта говорения, и всё остальное

терялось бы, как вы выразились, в тумане... Вы утратили не семантическую память, а эпизодическую, забыли события своей жизни. В общем, вам известно только то, что известно и другим...» [там же]. Отметим, что феномен КП связан как с имплицитной памятью, так и с эксплицитной, коллективной.

Приведём некоторые примеры соотношения КП и ИП. Фрейм (совокупность данных, необходимых для представления какой-либо стереотипной ситуации) «русское чаепитие» относится исключительно к КП: встречая, допустим, такое сочетание в литературном тексте XIX века, мы в состоянии в целом представить себе эту ситуацию, возможно, благодаря её детальному описанию, картинам Бориса Кустодиева или Василия Перова, художественным фильмам и т. п. Возникают соответствующие ассоциации – *самовар, заварочный чайник, заваривать, чашки с блюдцами, сахар, беседка, задушевный разговор, длится довольно долго* и др., в отличие, например, от Битвы на реке Калке 1223 года, не вызывающей у подавляющего большинства носителей русской культуры никаких ассоциаций, это элемент только ИП. Тем не менее существуют реалии, фреймы, персонажи и т. п., которые можно отнести и к КП, и к ИП: *Бородинское сражение, Пётр I* и т. д., благодаря интерпретации в различного рода текстах такие объекты и события способны «пробуждать» цепочки ассоциаций.

КП рассматривается нами как прецедентный текст (далее – ПТ) особого типа (подробнее см. в [Ружицкий 2014]), его ключевым свойством является наличие отсылок (*прецедент* – ‘случай, на который ссылаются при принятии решения’). Именно такую трактовку ПТ мы находим у Ю.Н. Караулова – создателя концепции ПТ (см. [Караулов 1987]). При этом ПТ понимается очень широко, не только как вербальный, но и как невербальный текст – картина, музыкальное произведение, архитектурное сооружение и т. д. В качестве отсылок к ПТ могут выступать, например, имя автора или имя персонажа; фразы, ставшие крылатыми; прямые или скрытые, трансформированные цитаты; картинки (кот Матроскин на продукции фирмы «Простоквашино»); реинтерпретации; карикатуры, политические плакаты, что тоже своего рода реинтерпретация; мелодии и т. д. Из всех

функций, которые выполняют отсылки к ПТ в коммуникации, наиболее важными в аспекте разрабатываемой в данной статье темы являются контактообразующая, функция паролности, людическая и энигматическая.

Если КП рассматривается как ПТ, естественным образом возникает вопрос, что считать отсылкой к тексту такого типа. Полагаем, что такого рода отсылками служит то, что способно пробуждать в памяти коллективные, групповые ассоциации – имя, фраза, картинка, мелодия и др. Подобные единицы – отсылки к ПТ русской КП, мы называем мнемами. Мнема – это «совокупность ассоциаций различного типа – зрительных, осязательных, обонятельных, двигательных, вкусовых и др., хранящихся в коллективной памяти представителей определённой культуры» [Ружицкий 2014: 61].

Большинство мнем (но далеко не все) связаны с детской памятью и с детским языковым сознанием. Не случайно У. Эко приводит в пример память ребёнка, поскольку именно в детском возрасте начинает складываться мозаика мнем, опираясь на которую человек во многом и строит впоследствии повседневную коммуникацию. Не случайно также и то, что мотив детских мнем часто встречается в литературных произведениях. Можно в связи с этим вспомнить сны о детстве Раскольникова, самого Ф.М. Достоевского... Отголоски ярких визуальных, слуховых, вкусовых, тактильных ассоциаций впоследствии сопровождают персонажей во взрослой жизни. Более того, детские сны могут стать важным символом, определяющим дальнейшие поступки человека. Мотив памяти, в том числе и детских воспоминаний, является одним из основных для творчества И.А. Бунина. Так, в стихотворении «Помню – долгий зимний вечер...» слуховая мнема-ассоциация – «шум берёз» и «шёпот колосьев» составляет своеобразный мнемический фонд русской КП: *Вместе с тихим сном сливалось / Убаюкиванье грёз – / Шёпот зреющих колосьев / И невнятный шум берёз...*

В упомянутом выше романе У. Эко идея воссоздания жизни человека по осколкам памяти реализована максимально наглядно за счёт использования в тексте большого количества различных «картинок», вызывающих у главного героя мнемические

ассоциации. То же можно сказать и о снах-воспоминаниях, которые мы встречаем у многих других писателей.

Приведём несколько примеров того, что мнema непосредственным образом связана с ПТ русской КП, более того – способна «пробуждать» этот текст, воссоздавая цепочки всевозможных ассоциаций.

Пример 1

Буквы «еръ» и «ятъ» в нейминге – не что иное, как опора на их мнемическую функцию. Сами буквы являются отсылками к ПТ русской КП, способом погрузить в старину, тем самым вызвав положительные ассоциации. Таких наименований довольно много: «по данным “СПАРК-Интерфакс”, более 50 российских компаний использовали в названии слово “ять” и ещё 219 организаций – твёрдый знак. В подавляющем большинстве случаев “Ъ” и “ь” употребляют в сферах торговли (как розничной, так и оптовой), чуть реже – в названиях строительных и юридических фирм. Как отмечают эксперты, бренды на старый манер – попытка искусственно привить компании историю и традиции» [Старинные слова... URL]. Это такие названия, как «КоммерсантЪ», «МясновЪ», «ХлЪб насущный», водка «Ъ», «ДурдинЪ» и др. Показательно то, какие объяснения предназначений букв «Ъ» и «ь» дают сами маркетологи, придумавшие эти названия: «обратить на себя внимание взрослой аудитории», «мягкое диссидентство», апелляция к «сверхпамяти потребителей», «отсылка к старорусским традициям» и др. [там же]. Такие ассоциации связаны с древнерусским текстом, а древнерусскому тексту можно доверять.

Пример 2

В десятиминутной короткометражке «Моё богатство (три копейки)» Ярослава Чеважевского [Моё богатство: URL] показан неполный день двух мальчиков, один из которых находит старую трёхкопеечную монету. Монета послужила импульсом, «триггером», пробуждающим целую цепочку ассоциаций, объединённых в мнемы-фреймы: «пить газированную воду из автомата» (*гранёный стакан, трёшка, вода с сиропом, звук наливающейся в стакан воды*); «бегать по гаражам», «поджигать пластмассу и играть её расплавленными каплями в войну»; «ехать на трамвае без билета и убежать от кондуктора»; «прогуливать школу, сказав, что идёшь в поликлинику»; «искать что-то на помойке» и др. Примечательны комментарии зрителей фильма, непосредственным образом отражающие саму суть категории мнемы. Таких комментариев около 5000: *когда увидел, как наливается ли-*

монад в стакан, аж сердце защемило; газировка зашипела, вкус лимонада вспомнился, помню бутылки собирали и сдавали, чтоб мороженое купить; вся страна пила из этих стаканов и никакой тебе «пандемии». И стаканы не воровали. А некоторые автоматы наливали воду просто «за удар кулаком»; С бронхитом в холодную лужу и потом в поликлинику на прогревание – так лечились большинство детей, кто не хотел идти в школу; Славики выходи!!!; И мама в окно звала на обед; А у меня шрам остался от капли горячей пластмассы; Вспомнил детство. Как раньше дымовухи делали, жгли пластмассу, смолу, бегали по стройкам, пугачи из стиц делали. В те годы было самое прекрасное детство; Запах извести, карбида, гудрона, карболки и подгорелой каши (детсад, школа), запах прокисшего молока (рядом с домом молочный магазин был, часть пакетов текло при разгрузке на асфальт), запах всякой сжигаемой в ходе пироксperimentов пластмассы – вот запахи моего детства!; Пусть моё детство прошло не во времена СССР, я даже автоматов с газировкой не помню... Но мне просто дико понравилось!; Вот оно – счастье за 3 копейки. Мы видим, как одна мнема-реалия, трёхкопеечная монета, пробуждает целый комплекс ассоциаций, многие из которых можно рассматривать как самостоятельные мнемы-фреймы.

Пример 3

Какая-либо реалия из прошлого (трёхкопеечная монета в Примере 2), даже её изображение, может становиться стимулом для пробуждения целого комплекса ассоциаций, объединённых в мнему-фреймы, например та, что показана на Рис. 1, которую можно условно назвать «железяка от трансформатора», связанная с такими ассоциациями, как *стройка, гудрон, строительные патроны, карбид, убежать от сторожа, бросать эту железяку в забор* и др.

Рис. 1

Пример 4

То же мы можем видеть на картинках ниже (Рис. 2), способных пробуждать в памяти целый комплекс ассоциаций, далеко не всегда понятных, например, иностранцам. Примечательно, что большинство картинок из данной серии сопровождается надписями, многие из которых есть не что иное, как названия (имена) фреймов: «вечернее пришивание воротничка и манжет к форме», «стихи для гостей», «дышать над паром», «выращивание лука на окне», «гладить галстук», «сдавать молочные бутылки» и др. (см. [Двоскина 2021]).

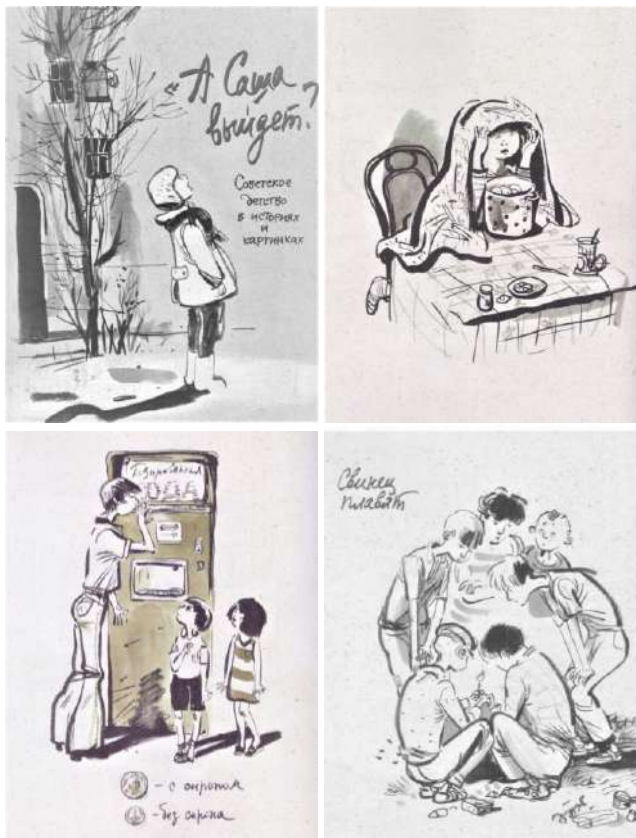

Рис. 2

Помимо общения в бытовой, социокультурной, профессиональной сферах в настоящее время важную роль играет общение в интернете или посредством интернета, когда одним из способов обмена информацией, прежде всего эмоционально нагру-

женной, является мем. Цель использования мема в коммуникации совпадает с функциями карикатуры, иллюстрации, а также смайликов и гифок – эмоциональное воздействие на собеседника с помощью изображения, часто в сочетании с текстом.

Интернет-мем – это вербализованная и/или визуализированная информация различного характера. Термин «мем» был предложен Ричардом Докинзом, рассматривающим мемы как репликаторы, объекты, которые копируют сами себя. Такие объекты могут «размножаться» как по воле своего создателя, так и самостоятельно. «Среди основных свойств интернет-мема можно выделить следующие: (1) отсутствие авторства, что сближает его с фольклорными жанрами, (2) комичность, (3) цитируемость (копируемость), (4) игровое начало. Последнее свойство есть проявление творческого начала языковой личности: помимо прямого копирования мемы претерпевают многочисленные видоизменения и находятся в процессе постоянного обновления. Обыгрывание происходит как на уровне изображения, картинности, так и на уровне языка» [Елистратов, Потёмкина, Ружицкий 2021: 112]. Понимание и восприятие интернет-мема можно проверить через эмоциональную реакцию – улыбку или смех, отсутствие которых свидетельствует о лакунах в тезуарусе и прагматиконе языковой личности.

В коммуникации мемы могут выполнять следующие функции: «(1) парольность – снятие оппозиции свой \neq чужой, (2) пробуждение у зрителей эмпатии («внутренней» улыбки), основанной на рефлексии (3) аргументация, (4) повышение образности, афористичности речи, (5) создание комического эффекта» [там же: 113]. Отметим сферы общения, в которых бытуют мемы: «в пространстве интернета (в блогах, в социальных сетях, при создании мемов), в политическом дискурсе, в телепередачах, в музыкальных клипах, в рекламных технологиях, в том числе в нейминге, и – в преподавании русского языка как иностранного» [там же].

Иностранцам учащимся, в отличие от носителей русского языка и русской культуры, сложнее распознать иронию, языковую игру, т. е. намеренную «неправильность» речи, используемую в мемах (см., например, Рис. 3). Они часто не в состоянии

«прочитать» интернет-мемы, так как важным условием их распознавания, так же как в случае языковой игры, является ориентация на общую пресуппозицию

Карантин: *заканчивается*

Я, который не работал:

участников коммуникации.

Рис. 3

Возможно, именно влияние таких текстов послужило причиной появления в детской речи (впрочем, далеко не только в детской) частотных «я, которая» или «я такая». Хотя возможно также и то, что это определённые архетипы, сложившиеся в детстве, послужили причиной образования подобных фраз в мемах.

Скажем несколько слов о том, что мы понимаем под «лингвокреативной компетенцией». Как известно, под компетенцией подразумевается «совокупность знаний, навыков, умений, формируемых в процессе обучения той или иной дисциплине, а также к выполнению какой-л. деятельности на основе приобретённых знаний, навыком, умений» [Азимов, Щукин 2018: 128]. Применительно к изучению иностранного языка говорят о языковой, коммуникативной, речевой, грамматической, лексической, лингвострановедческой и др. компетенциях, в которые, очевидно, следует включить и лингвокреативную компетенцию, непосредственным образом связанную с языковой и речевой. Под лингвокреативной компетенцией в данной статье, соответственно, будем понимать способность иностранного учащегося к языковой игре, осуществляемой на материале русского языка. Отметим при этом следующее:

1) овладение иностранным языком имеет много общего с процессом овладения родной речью у ребёнка, тем не менее это вовсе не одно и то же. Если у детей мы видим как «спонтанную

игру “против правил” (не осознаваемое ребёнком нарушение языкового канона; обнаружение языковых возможностей как “правил” собственной речи)», так и «преднамеренное нарушение языкового “канона” (способность ребёнка к осознанной языковой игре)» [Гридина 2016: 4], то в русской речи иностранного учащегося только второе – осознанную интенцию к языковой игре. И у ребёнка, и у иностранного учащегося, тем не менее, через языковую игру идёт поиск некоторого алгоритма – создания слова, построения высказывания и т. д. И в обоих случаях «...в различных “практиках” развития речи роль языковой интуиции и речевой импровизации явно недооценивается» [Гридина 2016: 18].

2) далеко не все иностранные учащиеся имеют потребность к игровой деятельности, что может зависеть от их национально-культурных особенностей, личностных характеристик, уровня владения русским языком и ряда других факторов.

Приведём пример склонности к языковой игре в дискурсе одного иностранного учащегося, Джулиуса (англ., маг., С1–С2).

Пример 5

В одном из писем Джулиус приводит следующую группу глаголов: *(с-)плошать, сплеховать, (на-)косячить, обмишуриться (обмишуриваться), споткнуться (спотыкаться), (на-)портачить, лажануться, облажаться, опростоволоситься, промахнуться (промахиваться)* и задаёт вопрос: «Мне кажется, что приставка *про-* с суффиксом *-ся* могут приобрести значение ошибочного действия, когда они присоединяются к неким глаголам, в том числе *просчитаться, продуматься, проговориться, прокинуться*. Продуктивно ли это? Какой оттенок несут эти *про-* ... *-ся* глаголы?». В других письмах: «Я приехал [на Тайвань] полтора месяца тому назад, и мне пока не удалось вписаться в культуру, в коллектив. Понятное дело, что это в значительной степени из-за низкого уровня моего языка. Очень сильно чувствую свою «чужость». (Кстати говоря, великий и могучий, как мне кажется, изобилует существительными со значением 'чужой': *варяг, иноземец, изгой, белая ворона, пришелец, чужак* и т. д.); «Времена, которые мы сейчас переживаем, *престраннейшие* и сложные»; «...карантинный режим в Китае *жёстче жёсткого*... Маленький вопрос(ик): структура “прилагательное в сравнительной степени + прилагательное в родительном падеже” продуктивная?»; «Надеюсь, что в этом году московская зима будет достаточно холодной, настоящей; что не будет никакой *жарковатенькой недозимы*». Т. е. мы видим типичные примеры языковой игры на словообразо-

вательном уровне русского языка, то же можно обнаружить и на других уровнях, например, при модификации фразеологических единиц и отсылки к ПТ.

Наша гипотеза состоит в том, что мем – это игра с мнемой, вербальной и невербальной, он позволяет соединить ассоциации различных типов, прежде всего картинку, например, кадр из фильма или мультфильма, с её вербальной составляющей, что впоследствии даёт возможность погрузиться в ПТ русской КП. Таким образом, реализация людической и энигматической функций мема и мнемы создаёт возможность для развития лингвокреативных способностей иностранных учащихся. Не может не возникнуть вопроса о том, какова цель развития такого рода компетенции? И связанные с ним: «А что дают мемы и мнемы, в частности, для развития лингвокреативной компетенции учащихся? Мы должны обучать языковой норме, а что тогда даёт не-норма?». Безусловно, если что-то у наших иностранных учащихся вызывает непонимание, то это уже интересно с методической точки зрения, поскольку может служить дополнительной мотивацией в обучении. Однако очевидно, что «повышение мотивации» – аргумент явно недостаточный. Точно так же как давно ставшее аксиомой положение о невозможности обучать языку, не обучая культуре носителей этого языка и т. п. лингводидактические штампы.

Выполняя людическую и энигматическую функции, мем и мнema пробуждают «спящие» ассоциации, тем самым активируя определённые участки языкового сознания и способствуя развитию в том числе и речевой деятельности. То, что мы видим, например, в сочинении иностранной учащейся из смешанной (русско-болгарской) семьи Софии (студ., С1–С2):

Пример 6

В магазине я покупаю шоколад. Здесь это всегда фиолетовая обёртка. Давно не обращаю внимания на картинки, ведь покупаю из-за вкуса. Мои глаза попадают на холодный фиолетовый взгляд коровы с обёртки, вызывающий стерильный холод и педантичность, без капельки тепла и эмоций. Когда-то, где-то в глубине темноты моего детства, возникает образ фиолетовой коровы. Все девочки из моего и соседних домов увлекались коллек-

ционированием конфетных фантиков и шоколадных обёрток. В эти серые времена не было особого богатства сладостей. Мне было восемь, и вот уже почти 6 месяцев я жила в Болгарии. Как у недавно приехавшей из Советского Союза, у меня была одна из лучших коллекций. Красочные фантики, с героями неизвестных сказок, привлекали детей. Я гордилась своим богатством и часто обменивалась с подругами, даря им ломтик своей сказки. Фантики были разные из разных стран. Большинство из нас не пробовали этих конфет и шоколадок. Мы часто любовались интересными рисунками и наслаждались исходящим ароматом. Каждая из нас могла подробно рассказать о вкусе воображаемого лакомства и историю приобретения его обёртки. Мы слушали с интересом, и в наших детских головах оживали иные миры – чужие, сказочные и неизвестные никому, кроме его создателя. Сказка начиналась с фантика. Засыпая утром, я чувствовала вкус чёрного, слегка горького русского шоколада. Он значил для меня всё – аромат берёз, зелёной травы, зимний мороз и каток возле дома, дедушкины сказки, гречневую кашу с молоком, костёр и печёную картошку, вишню и запах любви.

На определённом этапе обучения у иностранных студентов начинает складываться ощущение (весьма, надо сказать, оправданное), что в русском языке слишком много всякого рода исключений, касающихся стилевой дифференциации, грамматической, пунктуационной, лексической и др. вариативности и т. д. Развитие лингвокреативной компетенции иностранных учащихся помогает осознать приводящие к такой вариативности механизмы, а значит, по-новому взглянуть и на изучаемый язык. Впрочем, это относится не только к иностранным учащимся... Распознавание (узнавание) является первым и необходимым этапом к созданию.

В практике преподавания русского языка как иностранного использование мемов не является чем-то инновационным, мы здесь скорее видим логичное отражение всеобщего стремления к «модернизации» лингводидактики, о чём свидетельствуют работы [Шурина 2014; Банашек-Шаповалова 2015; Зыкова 2018; Канашина 2018; Писарь 2020 и др.]. Поскольку в основе мема лежит эмоционально окрашенное социально и культурно значимое явление, в иностранной аудитории он прежде всего используется для отработки новой лексики, связанной с темой урока – «Социальные проблемы», «Молодёжь», «Юмор», «Эмоции» и др. Например: мемы из серии «Rage comics» (Яростные комик-

сы), представляющие собой нарисованных в программе Paint персонажей, репрезентируют широкий спектр эмоций и известны по всему миру. Увидев их, учащиеся без труда понимают значение семантизируемой лексики. Данные мемы иллюстрируют следующие лексические единицы: *быть несогласным / не соглашаться, быть возмущенным / возмущаться; быть довольным / радоваться; быть гордым / гордиться* [Зыкова 2018: 1493].

При постановке задачи развития лингвокреативной компетенции интересны следующие типы заданий: «Соотнесите текст с изображением, аргументируйте свой выбор», «Составьте свой мем на основе изображений/фотографий», «Напишите текст для изображения по аналогии с популярными мемами» и др. (см. [В Чехии изучают русские мемы: URL; Использование мемов: URL]). Однако прежде чем создавать что-то новое, необходимо познакомиться с текстами-источниками (ПТ), ответив на вопросы: «Как возник тот или иной мем (какая мнема лежит в его основе)?», «Какую функцию в коммуникации выполняют мем и мнема?» С этой точки зрения для работы в иностранной аудитории целесообразно использовать не любые мемы, а прежде всего те, которые ассоциативно связаны с русской КП. В предложенной Якубом Срока классификации им соответствуют «локальные» мемы: они обращены как к носителям одной страны, так и к представителям определённой среды или социальной группы (цит. по: [Банашек-Шаповалова 2015: 110]). Приведём примеры другого типа заданий, предполагающих работу не только над языковыми явлениями, но и с ПТ национальной КП:

1. Определите культурные компоненты мема (Рис. 4). А. Что вы можете сказать об этом мультфильме? Кто изображён на иллюстрации? Как звучит оригинальный текст героя детского фильма? На чём основана модификация, лежащая в основе мема? <...>

2. Посмотрите или вспомните один из известных российских фильмов (мультфильм, телепередачу). Какой кадр мог бы стать основой мема? Какую цитату вы бы

к нему подобрали?» [там же: 115]

Рис. 4

Одним из интереснейших пластов русской КП являются мультипликационные фильмы, прежде всего советские, которые послужили материалом для создания большого количества мемов (см. Рис. 5).

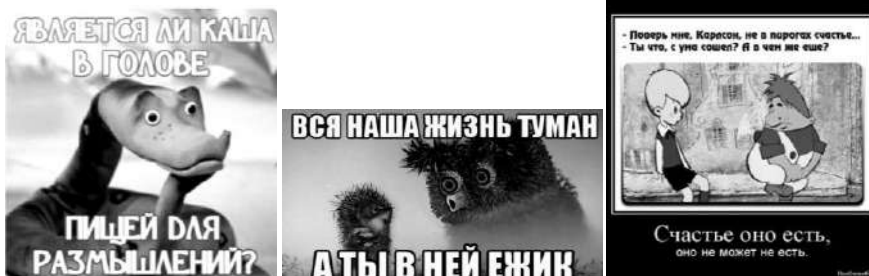

Рис. 5

В статье В. Д. Черняк и Ли Х. ««Баба-яга против» <...>» подчёркивается: «К числу наименее исследованных прецедентных феноменов, активно функционирующих в политическом дискурсе, относятся имена и высказывания из мультфильмов, тогда как этот источник известен каждому носителю языка с детства» [Черняк, Ли 2020: 69]. И далее авторы абсолютно справедливо указывают на то, что косвенным доказательством значимости отсылок к прецедентным текстам мультфильмов в тезаурусе современной русской языковой личности служат материалы ассоциативных словарей, зафиксированные в них слова-реакции, являющиеся отсылками к ПТ мультфильмов, а также фиксация этих единиц во всех современных словарях крылатых слов.

О высокой степени прецедентности мультфильмов свидетельствуют бытующие в повседневном общении крылатые выражения, узнаваемые и легко воспроизводимые строчки из песен, имена, названия, сюжеты, кадры, образы, жесты и даже междометия: «Ёёёёёжик!», «у-тю-тю-тю-тю», «ну ты это, заходи...» и др.

Приведем примеры употребления в текстах разных жанров разнообразных отсылок к ПТ мультфильмов:

Газета «Ведомости»: «По сравнению с вами да, так и есть, мы белые и пушистые», – сказал Путин, обращаясь к журналисту британского ВВС. <...> «Если уж не пушистые, то во всяком случае весьма благообразные, настроенные на то, чтобы вести диалог и добиваться компромиссных решений. Хочется сказать словами кота Леопольда из одного из наших мультфильмов: ребята, давайте жить дружно», – резюмировал глава государства.

В школе: Я опаздывала на урок. Вошла, а учитель и произнёс: «Доброе утро!» Я испуганно повторила: «Доброе утро...» и откуда-то из-под сознания вырвалось тихо: «В чём я лично очень сомневаюсь». Учитель расслышал, рассмеялся, но разрешил мне сесть на своё место. <...> Спасибо Ослику из «Винни-Пуха!»

Выхожу рано утром на балкон, покурить... Туман... Ну, взял и крикнул (Никто же не видит): «ЛОШАДКА-А-А-А- А!..» Слышу в ответ: «ЁЖИК!» Настроение на весь день!!!

В мифах всех народов мира обязательно присутствует так называемый культурный герой (Геракл или Илья Муромец) и так называемый трикстер – пародийный двойник героя. Карлсон, конечно, больше трикстер, чем герой, но всё-таки он – герой. Настоящий, творящий добро.

Новое шоу «Щас спою» идёт на «Первом канале» с октября 2019 года.

Если вы когда-нибудь будете в Сибири, в городе Томске, то сможете найти там большую бронзовую скульптуру Волка «Щас спою!». Ему можно нажать на живот – и он произнесет восемь самых известных крылатых выражений из мультлика.

Все перечисленные типы отсылок к ПТ мультфильма могут также стать основой для создания мема, и, следовательно, для их декодирования необходимо наличие в структуре языковой личности соответствующих визуальных, аудиальных, эмоциональных и др. мнем.

Представим возможный алгоритм распознавания мемов, основанных на отсылке к ПТ мультфильма: презентация мультфильма → поиск в нём возможных отсылок-мнем, составляющих фрагмент КП → определение языковых способов их оформления → расширенная семантизация, включающая различные способы наглядности, в том числе и употребление в текстах других жанров → анализ мема и употреблённых в нём отсылок к ПТ и их функций. Возможен также подход не от мультфильма, а от самих мемов. Завершающим этапом работы стано-

вится продуцирование учащимися текста или создание собственного мема с опорой на ПТ.

Для иллюстрации обозначенных выше положений приведём примеры заданий из готовящегося нами в настоящее время к изданию учебного пособия «Мультфильмы в жизни и жизнь в мультфильмах», особое внимание в котором уделяется понятиям «культурная память», «мнема», «мем», «прецедентный текст» и «языковая игра».

Рис. 6

Задание 1. Представленные выше изображения (Рис. 6) обычно вызывают у носителя русского языка улыбку, так как являются отсылкой к популярному мультфильму «Чебурашка и крокодил Гена». Познакомьтесь с этим мультфильмом, попробуйте объяснить смысл этих изображений.

Задание 2. В основе мультфильма «Чебурашка и крокодил Гена» лежит сказка Э.Н. Успенского «Крокодил Гена и его друзья». Прочитайте главы из этой сказки, обращаясь к лексическому комментарию. <...>

Задание 3. Посмотрите вторую серию мультфильма – «Чебурашка», в начале которой звучит ставшая очень известной песня «Пусть бегут неуклюже...» (авт. Александр Тимофеевский). Как вы думаете, в каких ситуациях чаще всего поют эту песню? Есть ли подобные песни на вашем родном языке?

Задание 4. Прочитайте реплики и диалоги из мультфильма (первая и вторая серии). Как вы думаете, какие фразы из мультфильма стали широко употребляться в речи? В каких ситуациях они используются?

1) – Опять чебурахнулся. Ух ты, Чебурашка какой. Что мне с тобой делать? – Не знаю. 2) – Не, этот не пойдёт. Незвестный науке зверь. Не знають, куда его посадить. <...>

Задание 5. Кузнецов Андрей Тимофеевич, российский художник-постановщик анимационного кино, иллюстратор, создал в 2003 году проект «Чебурген». Проект собрал более двухсот художественных работ и фотографий различных авторов, изображающих героев мультфильма в пар-

дийном, юмористическом контексте. Среди наиболее интересных работ проекта – серия «Чебураки», включающая пародии на произведения искусства, кинофильмы и исторические события. Позже жанр развился, появились новые персонажи и образы. Направление получило название «Мультизм». Познакомьтесь с некоторыми работами этой серии (см. Рис.7), постарайтесь догадаться об их прототипах.

Рис. 7

Задание 6. Прочитайте анекдоты про Чебурашку. Объясните, на чём основан комический эффект.

1) По наследству передаются не только гены, но и чебурашки. 2) –Чебурашка, слышь, чё говорю? – Гена, ну ты посмотри на меня! Конечно, слышу! 3) Во время приветствия на боксёрском ринге Чебурашка говорит Колобку: – Бей куда хочешь, но только не по ушам! – Согласен, если ты меня не будешь бить по голове! 4) –В тёмном переулке встретились Чебурашка и Губка Боб. Оба умерли со смеху.

Задание 7. Напишите 3–4 ассоциации на слово *чебурашка* и сравните их с ответами носителей русского языка (*Гена, ушастый, уши, день рождения, мультфильм, весёлый, игрушка, крокодил, автомобиль, бутылка*).

Задание 8. Прочитайте мнения о мультфильме «Чебурашка и крокодил Гена», высказанные иностранными зрителями. Согласны ли вы с этими мнениями? Чем можно объяснить популярность мультфильма «Чебурашка и крокодил Гена» за рубежом?

Pedro Navarrete: «Наблюдая за этим в свои 48 лет, я бы хотел, чтобы у меня была возможность посетить СССР, когда я был маленьким ребёнком».

Aletheajojo: «Вторая часть даже симпатичнее первой. Больше всего мне понравился Чебурашка, танцующий под музыку Гены».

Daniëgo: «Мне очень нравится песня на День рождения, я познакомился с мультфильмом именно из-за этой песни! Она даже немного похожа на «Коробушку» («Коробейники») из игры Тетрис. :)»

José M Lucero: «Мне нравится эта красивая и нежная, но упорная работа в анимации тех лет. Мне не нравится, когда американцы говорят “русский Микки”. Чебурашка уникален, независимо от того, кто кого вдохновил первым или что-то подобное».

Knox Gray: «Это самый симпатичный мультфильм о существе! Боже, как я плакала, это было чертовски мило! Чёрт возьми, я не должна была такое почувствовать».

Macy: «Что за нафиг? Я бы умер за Чебурашку».

Weet Vix: «Это вызывает у меня настоящую ностальгию по русскому детству, которого у меня никогда не было».

Jarrett: «Чебурашка и Гена пришли, чтобы положить конец моей депрессии».

Задание 9. Вернитесь к Заданию 1 и попробуйте ещё раз объяснить смысл мемов. Если бы вы создавали свой мем, то какой кадр из мультфильма вы бы использовали? С какой надписью? В какой ситуации можно было бы использовать получившийся мем?

На определённом этапе изучения иностранного языка на смену его рациональному, системному овладению неизбежным образом приходит языковая интуиция. «Обучение должно быть гибким в плане выбора методов обучения и в плане конкретной организации материала внутри одного метода. В данной связи представляется, что не весь реально усваиваемый при обучении речезыковой материал можно и нужно подсчитывать, исчислять. Это противоречит признанию роли интеллекта и интуиции в обучении и тому обстоятельству, что одновременно с обучением происходит процесс самообучения, самоусвоения» [Слесарева 1988: 44]. Одной из лингводидактических задач, таким образом, становится внедрение в учебный процесс материала, системы заданий, приёмов и методов, помогающих развитию навыков языковой догадки и – шире – генерации ассоциативно-вербальной сети, приближенной к той, которая есть у носителей изучаемого языка. Развитие лингвокреативной компетенции, готовность к языковой игре, в том числе основанной на мнемах и мемах, является необходимым условием формирования билингвальной личности. Тем более если это игра с коллективными воспоминаниями представителей иной культуры.

Литература

Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Современный словарь методических терминов и понятий. Теория и практика обучения иностранным языкам. М.: Русский язык. Курсы, 2018. – 496 с.

Банашик-Шаповалова А. Конститутивные признаки жанра интернет-мема в аспекте преподавания РКИ // Yearbook of Eastern European Studies. 2015. № 5. С. 107–119.

В Чехии изучают русские мемы // [Электронный ресурс] <https://ruskiimir.ru/news/248874/> (дата обращения: 19.03.2022)

Гридина Т.А. «Своя игра»: ребёнок в мире языка: Монография. 2-е изд. Екатеринбург: ФГБОУ ВО «Урал. гос. пед. ун-т», 2016. – 177 с.

Двоскина Е. «А Саша выйдет?» Советское детство в историях и картинках / СПб.; М.: Речь, 2021. – 224 с.

Елистратов В.С., Потёмкина Е.В., Ружицкий И.В. Мультипликация как феномен русской культурной памяти: лингводидактические аспекты // Вестник МГОУ. 2021. № 4. С. 108–118. DOI: 10.18384/2310-7219-2021-4-108-118

Зыкова К.А. Перспективы использования интернет-мемов в обучении РКИ // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2018. № 6. С. 1491–1495.

Использование мемов, шуток и анекдотов на уроке // [Электронный ресурс] <https://support.italki.com/hc/ru/articles/4916685318169> (дата обращения: 19.03.2022)

Канашина С.В. Интернет-мем и прецедентный феномен // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 4(193). С. 122–127.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. – 264 с.

Мельник Ю.А. Мем как феномен мультимодальной коммуникации на уроке РКИ // Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты: Мат-лы VI Междунар. научно-метод. конф. Омск, 2020. С. 270–274.

Моё богатство (три копейки) // [Электронный ресурс] https://www.youtube.com/watch?v=YVEiSQwzIuM&ab_channel=SHOWREEL%D0%A7%D0%95%D0%92%D0%90%D0%96%D0%95%D0%92%D0%A1%D0%9A%D0%98%D0%99 (дата обращения: 27.03.2022)

Писарь Н.В. Интернет-мемы как средство формирования лингвистрановедческой компетенции при обучении иностранных студентов и слушателей русскому языку // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 5. № 3. С. 326–331.

Потёмкина Е.В., Ружицкий И.В. Словарь детской речи как дифференциально-распределительная лексикографическая серия (проект) // Детское чтение: проблемы рецепции и интерпретации: Коллективная монография / отв. ред. В.Д. Черняк, М.А. Черняк. СПб: Изд-во РПГУ им. А.И. Герцена, 2020. С. 189–218.

Ружицкий И.В. Использование категории мнемы в преподавании РКИ // Преподавание русского языка как иностранного и литературы в КНР: Тенденции и перспективы развития. М.: Изд-во «Перо», 2019. С. 74–83.

Ружицкий И.В. Культурная память как прецедентный текст // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2014. Вып. 3. С. 61–67.

Слесарева И.П. Владение и овладение языком: правила и интуиция // Языковая системность при коммуникативном обучении. М.: Русский язык, 1988. С. 36–44.

Старинные слова с твёрдым знаком. «Ъ» и «ъ» как знаки элиты // [Электронный ресурс] <https://goaravetisyan.ru/starinnye-slova-s-tverdym-znakom--i-kak-znaki-elity-pizhonstvo-na/> (дата обращения: 19.03.2022)

Черняк В.Д., Ли. Х. «Баба-Яга против»: прецедентные феномены из мультфильмов в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2020. № 4(82). С. 68–76.

Щурина Ю.В. Интернет-мем как прецедентный феномен // Язык в различных сферах коммуникации : материалы международной научной конференции, Чита, 25–26 сентября 2014. С. 102–108.

Эко У. Тайнственное пламя царицы Лоаны // [Электронный ресурс] https://mir-knig.com/read_365586-1 (дата обращения: 26.03.2022)

REFERENCES

Azimov E.G., SHCHukin A.N. Sovremennyj slovar' metodicheskikh terminov i ponyatij. Teoriya i praktika obucheniya inostrannym yazykam. M.: Russkij yazyk. Kursy, 2018. – 496 s.

Banashek-SHapovalova A. Konstitutivnye priznaki zhanra internet-mema v aspekte преподаvaniya RKI // Yearbook of Eastern European Studies. 2015. № 5. S. 107–119.

V SHehkhii izuchayut russkie memy // [Elektronnyj resurs] <https://ruskiimir.ru/news/248874/> (data obrashcheniya: 19.03.2022)

Gridina T.A. «Svoya igra»: rebyonok v mire yazyka: Monografiya. 2-e izd. Ekaterinburg: FGBOU VO «Ural. gos. ped. un-t», 2016. – 177 s.

Dvoskina E. «A Sasha vyjdet?» Sovetskoe detstvo v istoriyah i kartinkah / SPb.; M.: Rech', 2021. – 224 s.

Elistratov V.S., Potyomkina E.V., Ruzhickij I.V. Mul'tiplicaciya kak fenomen russkoj kul'turnoj pamyati: lingvodidakticheskie aspekty // Vestnik MGOU. 2021. № 4. S. 108–118. DOI: 10.18384/2310-7219-2021-4-108-118

Zykova K.A. Perspektivy ispol'zovaniya internet-memov v obuchenii RKI // Dinamika yazykovyh i kul'turnyh processov v sovremennoj Rossii. 2018. № 6. S. 1491–1495.

Ispol'zovanie memov, shutok i anekdotov na uroke // [Elektronnyj resurs] <https://support.italki.com/hc/ru/articles/4916685318169> (data obrashcheniya: 19.03.2022)

Kanashina S.V. Internet-mem i precedentnyj fenomen // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2018. № 4(193). S. 122–127.

Karaulov YU.N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'. M.: Nauka, 1987. – 264 s.

Mel'nik YU.A. Mem kak fenomen mul'timodal'noj kommunikacii na uroke RKI // Problemy modernizacii sovremennoogo vysshego obrazovaniya: lingvisticheskie aspekty: Mat-ly VI Mezhdunar. nauchno-metod. konf. Omsk, 2020. S. 270–274.

Moyo bogatstvo (tri kopejki) // [Elektronnyj resurs] https://www.youtube.com/watch?v=YVEiSQwzIuM&ab_channel=SHOWREEL%D0%A7%D0%95%D0%92%D0%90%D0%96%D0%95%D0%92%D0%A1%D0%9A%D0%98%D0%99 (data obrashcheniya: 27.03.2022)

Pisar' N.V. Internet-memy kak sredstvo formirovaniya lingvostranovedcheskoj kompetencii pri obuchenii inostrannyh studentov i slushatelej russkomu yazyku // Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki. 2020. T. 5. № 3. S. 326–331.

Potyomkina E.V., Ruzhickij I.V. Slovar' detskoj rechi kak differencial'no-raspreditel'naya leksikograficheskaya seriya (proekt) // Detskoe chtenie: problemy recepcii i interpretacii: Kollektivnaya monografiya / otv. red. V.D. Chernyak, M.A. Chernyak. SPb: Izd-vo RPGU im. A.I. Gercena, 2020. S. 189–218.

Ruzhickij I.V. Ispol'zovanie kategorii mnemy v prepodavanii RKI // Prepodavanie russkogo yazyka kak inostrannogo i literatury v KNR: Tendencii i perspektivy razvitiya. M.: Izd-vo «Pero», 2019. S. 74–83.

Ruzhickij I.V. Kul'turnaya pamyat' kak precedentnyj tekst // Vestnik CMO MGU. Filologiya. Kul'turologiya. Pedagogika. Metodika. 2014. Vyp. 3. S. 61–67.

Slesareva I.P. Vladenie i ovladenie yazykom: pravila i intuiciya // YAzykovaya sistemnost' pri kommunikativnom obuchenii. M.: Russkij yazyk, 1988. S. 36–44.

Starinnye slova s tvorydym znakom. «"» i «Ъ» kak znaki elity // [Elektronnyj resurs] <https://goaravetisyan.ru/starinnye-slova-s-tverdym-znakom--i-kak-znaki-elity-pizhonstvo-na/> (data obrashcheniya: 19.03.2022)

СНерняк V.D., Li. H. «Baba-YAga protiv»: precedentnye fenomeny iz mul'tfil'mov v politicheskom diskurse // Politicheskaya lingvistika. 2020. № 4(82). S. 68–76.

SHCHurina YU.V. Internet-mem kak precedentnyj fenomen // YAzyk v razlichnyh sferah kommunikacii : materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, СНита, 25–26 sentyabrya 2014. S. 102–108.

Еко U. Tainstvennoe plamyа caricy Loany // [Elektronnyj resurs] https://mir-knig.com/read_365586-1 (data obrashcheniya: 26.03.2022)

©Ружицкий И.В., 2022

©Потемкина Е.В., 2022

Ружицкий Игорь Васильевич – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия)

Адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, ГСП-1, МГУ имени М. В. Ломоносова, 1-й корпус гуманитарных факультетов (1-й ГУМ), филологический факультет

E-mail: konnitie@mail.ru

Ruzhitsky Igor Vasilyevitch – doctor of philology, docent, professor of Russian language for foreign students department of philological faculty of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Потёмкина Екатерина Владимировна – преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

Адрес: 119331, Россия, г. Москва, ул. Крупской, 11, 117.

E-mail: kpisareva@yandex.ru

Ekaterina V. Potemkina – teacher, the Russian Language Department for Foreign Students of the Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

В.К. ХАРЧЕНКО

г. Белгород, Россия

wera_kharchenko@mail.ru

УДК 81'42:81'38

ПРИЯТИЕ ЖИЗНИ С АЛЕКСЕЕМ БЕГАКОМ: ШКОЛА КРЕАТИВА

Аннотация. Рассматривается новый жанр телепередачи по каналу «Культура» с ведущим Алексеем Бегаком как возможность принятия жизни и реализации креативных устремлений в своей ежедневной деятельности. Анализируется структура «Правил жизни», исследуются разнообразные участники с их темами, говорится о ситуациях, где это все можно использовать. Решается ряд проблем современности: счастье как желание жить здесь и сейчас, руководство окружающими людьми, привлечение к делу молодых людей и лиц серебряного возраста. Отмечается выдающаяся роль Алексея Бегака в организации этой краткой, но весьма насыщенной креативной телепередачи.

Ключевые слова: А. Бегак, телепередачи, российское телевидение, телеведущие, медиалингвистика, медиадискурс, медиатексты, счастье, смысл, креативный подход, лингвокреативность

KHARCHENKO VERA K.

Belgorod, Russia

ACCEPTANCE OF LIFE WITH ALEXEY BEGAK: SCHOOL OF CREATIVITY

Abstract. A new genre of TV show on the channel “Culture” with host Alexei Begak is considered as an opportunity to accept life and realize creative aspirations in daily activities. The structure of the “Rules of Life” is analyzed, various participants with their themes are examined, and situations where all this can be used are discussed. A number of problems of our time are being solved: happiness as a desire lives here and now, leadership of people around, involvement of young people and people of silver age in the cause. The outstanding role of Alexei Begak in the organization of this short but very intense creative TV show is noted.

Keywords: A. Begak, TV show, “Rules of Life”, happiness, meaning, creative approach.

Давайте спросим себя, есть ли у нас образцы поведения руководителей социальных групп? Оказывается, есть, если только мы захотим их искать. В дневнике С.Н. Есина читаем: «Ольга ходит на выставки, собирает и записывает фильмы, транслируемые каналом «Культура». Даже в Москве этот канал смотрят 4 % зрителей» [Есин 2019: 508]. Пусть в регионах канал «Культура», которому в 2022 году исполняется 25 лет, смотрит больше людей, чем в Москве, но все равно цифры весьма удручающие. Между тем именно там, в частности, и есть лидеры, руководители, инициаторы социальных группировок.

Мы поведем разговор о «Правилах жизни», небольшой телепередаче на канале «Культура», которую начали смотреть сравнительно недавно, хотя 27 января 2022 года ведущий Алексей Бегак объявил: «Только что вы посмотрели, уважаемые телезрители, наш пятисотый эфир!».

Родившийся в 1960 г. Алексей Бегак – российский дизайнер, архитектор, художник и фотограф, получивший большую известность в качестве телеведущего. Сразу после окончания Московского государственного художественного института им. В. Сурикова А. Бегак стал работать в московских книжных издательствах в качестве художника-иллюстратора и дизайнера книг. Среди его работ – книги о Герберте Уэллсе, Артуре Конан Дойле, Эрнесте Хемингуэе, Борисе Пастернаке. Это еще и художник, его картины находятся в частных и корпоративных коллекциях. Это и дизайнер, помогший в оформлении интерьеров домов в Англии, в Москве, Санкт-Петербурге, то есть это человек широчайшего спектра, нашедший себя теперь еще и в телепередачах, и мы поведем речь об одной из них – о «Правилах жизни».

Несколько слов надо сказать о структуре самой передачи. С точки зрения времени это весьма короткий эфир, около получаса, однако, признаемся, весьма насыщенный. «Театр начинается с вешалки», а телепередача с самых первых слов, тем более, в нашем случае всегда необычных, неожиданных. Это может быть самоирония. «Дождь – я вернулся, переделся, потом оказалось, что кроссовки промокают, опять вернулся, переобулся. Вышел,

наконец, на улицу, а дождь кончился». Или мысль о том: как хорошо просто посидеть на полу, вот оно ощущение свободы. Это может быть цитация с авторским комментарием: *Помните у Есенина: «Жизнь моя, иль ты приснилась мне». «Одной этой строки хватило бы, чтобы поэт стал великим».* Это может быть воспоминание о событии год назад, о запахе белых грибов, собранных в Финляндии... К тому, что откроется после этих слов, все это будто бы не имеет отношения, однако и исключить такое введение в «Правила жизни» тоже не хотелось бы. Итак, начинается телепередача с легкой прелюдии.

Что в самой передаче? О, здесь тоже масса неожиданностей. Вы никогда не знаете, кто будет приглашен на очередную встречу с Алексеем Бегаком. Три человека, и с каждым короткая беседа, нередко с демонстрацией слайдов, показом коллекций. И каждая беседа заканчивается, да чем же? Иногда афоризмом, иногда крылатыми словами, но чаще всего короткими цитатами из Маяковского, Зощенко, Бродского, Ницше (этих товарищей мы хорошо знаем, хотя цитаты бывают совершенно незнакомыми), но также из многих других авторов, писавших на затрагиваемую тему: Дельфина де Жерардер («Драгоценности никогда не обманывают»), Марсель Дюшан («Я не верю в искусство, я верю в художника»), Фрэнк Гери («Архитектура должна говорить о своем времени и месте»), Жюльен Малланд («Улица становится бесплатным инструментом для изображения и рисунков»). А ведь речь здесь шла, знаете, о чем? О королевских украшениях, которые нельзя продать (Тим Ильясов), о «Кудыкиной Горе» в 400 км от Москвы, застраиваемой в русском стиле (Кирилл Губернаторов), о строительстве в Африке, на берегу Нила «Солнечной лодки Ра» (Александр Пономарев), о рисунках на заборе длиной 114 метров у завода (Сабина Чагина). Получились весьма интересные повороты темы.

Но и это еще не всё. Иногда в заключение приводятся слова самого рассказывающего: художницы по костюмам Виктории Севрюковой «Я погружаюсь в спектакль, как на батискафе», или поэта Дмитрия Воденникова «Я не верю, что стихи можно писать по заданию – это шарлатанство», или психолога Елены Новоселовой: «Бурный океан, где чаще штормит, где солнце светит

– это и есть жизнь!». Кстати, в этот фрагмент о ценности жизни подключился в конце и сам ведущий программы, Алексей Бегак, рассказавший анекдот, как человек жалуется на жизнь, скорбит, а тут раздается голос сверху: «Продлевать будете?». Замечательные слова!

Мы взяли сейчас в основном самое начало и самый конец маленьких историй. Рассмотрим теперь, что же таится в середине передачи, о чем она? Если коротко, то о многообразии жизни, о ее внутреннем, подчас слабо ощущаемом позитиве. Приведем несколько примеров.

Андрей Боровский: костюм, показанный сзади, какая красота, какой объем! И это всё продемонстрировано на манекенах, не просто рассказано. Возможности телеэкрана работают, и мы видим этот объем костюма. «Спереди я лицом торгую, а сзади уж надо потрудиться» (20.09.2021).

Алексей Вульф (20.09.2021) рассказывает, как в Бологое запустили... паровоз. Для всех. И люди оценили такое уважение к прошлому «И пока он набирает воду, для людей организуется экскурсия по вокзалу». Трудное дело: и уголь надо завозить, и... «С белым букетом из дымных роз / бежит паровоз, / летит паровоз» (В. Маяковский).

Школа Димы Зицера (06.09.2021.): какие принципы? Их пять: субъективность (вместо того, чтобы считать класс объектом!) – это первый принцип, а последний – исследование. И мне вспомнились слова из Беллы Ахмадулиной: «...Мукою земною / зову лишь то, что не воспето мною, / все прочее блаженством я зову». И мы можем детям дать почувствовать это блаженство.

Велосипедист Алексей Ткаченко (18.10.2021): «Велосипедная трасса под Москвой протяженностью в 20 км. А строится еще продолжение трассы, длиной в 36 км, до Дубны. Каждые 6 км – лавочки». «Езда на велосипеде – это то, с помощью чего вы ощущаете страну лучше» (Э. Хемингуэй).

Директор фонда «Детский паллиатив» Карина Вартанова (16.09.2021.) заявляет: «Почему родителей не пускают в реанимацию? Родителям внушают мифы! Мы работаем над программой «Вместе с мамой!». Надо развивать коммуникативные навыки, надо учиться общаться с врачами!».

Самое интересное, что при подчеркнутой краткости передачи наблюдается фантастическое обилие участников и их потрясающее разнообразие. И заметим, что все они наши современники. Приведем еще несколько примеров.

В передаче 27 октября были задействованы Тим Ильясов, Лиза Олешкина и Михаил Майзульс. Речь шла об украшениях императриц, об организации старости, о чтении старинных фресок: «откуда взялись комиксы».

В передаче 18 октября участвовали: Марина Лошак, рассказавшая о перестройке Музея изобразительных искусств: «Мы открыли залы, сделали их светлыми»; Алексей Ткаченко поведал о велотрассе вдоль канала, и историк моды Ольга Ванштейн показала на слайдах, как менялся костюм Алисы, всегда оставаясь голубым.

В передаче 11 октября участвовали режиссер Настя Полухина, открывшая деревню с вепсами; Михаил Горбачев, автомобильный эксперт, сетовал: дурные привычки у нас, привычно нас не слушают, и каждый день гибнет 30-40 человек; Сюзанна Саркисян поведала о благотворительном фонде «Hearty», рассказала, как можно поучаствовать в нем.

На передачу 12 октября были приглашены: Елена Стефанюк о донорстве (доноры живут на пять лет дольше, и каждые сданные 450 миллилитров крови спасают три жизни!), Рустам Юсуфов дал информацию о мобильниках: «Любая реальность есть сумма информационных технологий» (Виктор Пелевин), искусствовед Андрей Боровский открыл нам неожиданное, то, что на иконах раньше закрывали лицо... («Для икон создавались свои одежды...»).

Получается интересная картина: все вокруг может стать... источником счастья. Это и редкие по красоте наличники на окнах домов, и красота электростанции, и написание своей биографии, и коллекционирование белья, и интерес к татарскому языку, и интерес к старинным картам. Приведем слова ведущего: «Карта невероятно красивая вещь!». И действительно, любая карта тебя не отпускает. Однако продолжим перечень: здесь и путешествие на Северный полюс, и увлечение детей оперой, и..., и... Невозможно все перечислить, а еще есть демонстрация

всего этого, фотографии, коллекции. Например, полотна с паровозами, станции старинные, идущий издали по заснеженному пространству состав. И это Левитан? Конечно. Эта картина до сих пор в моей памяти. Другой микросюжет: пианистка Полина Осетинская рассказывает, как опасно для музыканта переиграть руки, и тут же садится за рояль и показывает, как надо и как не надо сидеть. И оказывается, что небольшой перерыв в занятии и стакан воды спасают положение. Ну и конечно (она же пианистка!), исполняет пьесу из «Детского альбома» Чайковского (29.10.2021.).

Счастье, оптимизм, конечно, но в жизни есть и плохое, как уберечься от него? Об этом тоже говорится, и говорится честно. Приведем примеры.

Вот ответственный за поиск людей Григорий Сергеев говорит о наступающем сезоне сбора грибов: Грибники... Оказывается, сколько их пропадает в лесу: в одной только Московской области насчитали 50 заявок за сезон и 17%, увы, это погибшие, потому что и при 14 градусах легко переохладиться. Значит, надо брать с собой то-то и то-то (что именно брать, перечисляется). И одеваться нужно ярко, броско (04.10.2021.).

Другой поворот: дорожная ситуация. Почему-то у нас не придерживаются правил. Да, выход есть, и он звучит грозно, пугающе: резкое увеличение штрафов. Наказание должно быть через кошелек, а иначе всё так и останется, ситуацию мы не переменим к лучшему. Это невидимое, незримое счастье – спасти чужую жизнь. Об этом говорил Михаил Горбачев (11.10.2021.).

Но вот то, что всех нас ждет: смерть. Оказывается, к смерти надо готовиться, но ведь она естественна, как жизнь. Не отмахиваться от мысли о кончине, а вычерчивать горизонт планирования, говорить о смерти. Когда мы знаем границы, мы лучше готовим себя к финалу. Слепая женщина сделала разноцветный маникюр. Она этих цветов на ноготках, конечно же, не увидит, но увидят окружающие ее. Это фрагмент из передачи Нюты Федермессер (29.10.2021). Да, соглашается Алексей Бегак: «У нас заборы у кладбищ, а на погостах никогда не было заборов!». А я думаю об узелках с одеждой, в которой тебя похоронят. Жили полноценно, но и думали о кончине наши предки. Вспоминается

афоризм: «Старость полна наслаждений, если только уметь ею пользоваться» (Сенека).

Детский аутизм – тоже проблема. Захар Лобанов (22.09.2021) рассказывает, как отличить заболевшего ребенка, а в конце: «Человек не может искренне пытаться помочь другому, не помогая самому себе» (В. Шекспир).

Три участника в каждой передаче, и для каждого своя «комната», аудитория, и нет здесь привыкания к месту, вроде как встреча запланирована именно с этим человеком. Он главное.

И что интересно – эти мелочи жизни, те самые крупички, из которых вырастает событие, напоминающее легенду. Дочь Агнии Барто Татьяна Андреевна Щегляева рассказывала, как матери удалось соединить около 1000 семей (927 семей!). Вот маленькая деталь: девочка припомнила, что название ее улицы начиналось с буквы «О». И оказалось, что это Сердобольская улица, и девочку привезли по этому адресу! Или другая история: «искали иголку в стоге сена», и девочки нашлись!

Сейчас молодежь уходит в гаджеты-смартфоны, люди среднего возраста зарабатывают деньги (жизнь-то дорожает!), а люди серебряного возраста живут, как правило, отдельно от своих близких, то есть тоже испытывают одиночество, а тут еще коронавирус, самоизоляция, и человек теряет счастье общения. Нам представляется это странным, так как жизнь с компьютером будто бы компенсирует счастье общения, но нет, люди теряют коммуникативные навыки, столь важные в настоящее время. И телепередача как раз об этом, как жить, что делать в таких ситуациях, причем говорится это «внутри» историй людей, о которых идет речь.

Всегда ли Алексей Бегак соглашается с пришедшим гостем? Обычно – да, но есть здесь и исключения, тогда возникает внутренний спор. Например, в отношении написания на улицах граффити. «Я считаю, что граффити – это плесень!». Но Сабина Чагина утверждает, что реклама хуже. «А граффити – это энергия, она выплескивается, и в городе должно быть пространство для граффити-рейтеров». Вот Алексей Бегак оппонирует профессору биологу Александру Маркову и руководителю программы «Всенаука» Григорию Васильеву: «У нас культура с

развитием, а у животных на одной линии». «Но и у животных есть нечто подобное», – отвечает ведущему ученый (04.10.2021). «Я бы не хотел жить в доме Леонардо! Мне бы подошел нейтральный дом», – говорит Алексей Бегак Борису Куприянову и Дарье Бегловой, рассказавшим о конкурсе в Переделкино, когда 25 победителей живут в Доме творчества в течение 21 дня и занимаются своим творчеством (20.09.2021).

Как видим, сам ведущий передачи, организовавший все это, оказывается в центре обсуждения.

Вспомним еще раз: Алексей Бегак выражает свое мнение по поводу рассказа об автомобильных авариях: «Почему цари у нас иностранцы? Потому что мы, русские, сами ссоримся. Велосипедист должен пешком идти по переходу!». Только так, через серьезное увеличение штрафов можно навести порядок, – утверждает Михаил Горбачев. И здесь же дана цитата: «Привычки быстро переходят в обычаи» (Генрих Манн).

Вопросы, реплики ведущего исключительно интересны, он спрашивает как раз то, что вертится на устах у нас, смотрящих телепередачу, а главное – он обращает внимание и на человека, повествующего о чем-то своем. «Как горели Ваши глаза!» – обращение к Тиму Ильясову, специалисту по моде, рассказавшему о знаменитых кокетках Парижа. А вот оценка Татьяны Андреевны Щегляевой, дочери Агнии Барто, после рассказа о проекте «Найти человека»: «Фантастика: Ваш язык! Что-то завораживает...». А мы и не обратили внимания на это удивительное качество личности!

Передача посвящена счастью. Но удивительно, что в этом загадочном эфире самих слов: «счастливый», «успешный», «счастье», «долгожительство», «позитив», «смысл» и им подобных – почти нет. И здесь кроется один из секретов настоящего счастья: показать, чем люди заняты, что делает их жизнь такой полной, такой интересной, такой – счастливой. «Самое прекрасное, что мы можем испытать, это ощущение тайны. Она источник всякого подлинного искусства и науки», – говорил Альберт Эйнштейн. Нам припомнились эти слова, но они имеют самое прямое отношение и к переживанию счастья. Вот музыка. Почему она действует на нас? Потому что в ней всегда есть маленькая

тайна, как есть тайна и в поэзии. Дмитрий Воденников прочитал стихотворение Ларисы Миллер:

То облава, то потрава,
Выжил только третий справа.
Фотография стара.
А на ней юнцов орава.
Довоенная пора.
Что ни имя, что ни дата –
Тень войны и каземата,
Каземата и войны.
Время тяжко виновато,
Что карало без вины,
Приговаривая к нетям.
Хорошо быть справа третьим,
Пережившим этот бред,
Но и он так смят столетьем,
Что живого места нет.
(1985 год).

Сильное стихотворение! Вообще внимание к языку очень свойственно Алексею Бегаку. Альфрид Бустонов рассказывает о Коране: «Сад души моей» – пространство, где формируется личность, а Алексей Бегак итожит эту встречу словами: «Спасибо Вам за умение показывать красоту в языке!». Архитектор Анна Панфилец (05.10.2021) говорит о программе «Публичный спуск»: показать, что архитектура – живая! «Понимаете, камни нам говорят. Научиться бы читать их язык!». Ирина Голубева, директор фестиваля в Иваново, рассказывает (29.09.2021), как фестивалем можно удержать молодежь, чтобы они не уезжали в Москву, а в конце приводится редкий, то есть не всем известный афоризм: «Культура рождается в провинции» (Генрих Воцель). О нестеснении возраста упомянул писатель Павел Сурков (27.09.2021), и в самом конце читаем: «Мы можем быть неотразимыми в любом возрасте» (К. Шанель). А Борис Иомдин – это всегда нечто новое и интересное. Он собирает язык. Да-да, наш будто бы привычный язык оборачивается новой стороной, и всегда перед нами коллекция свежих лингвистически всегда интересных фактов (15.10 и 19.10.2021).

Признаемся, что из этой короткой передачи мы узнаем многое. Например, журналист Алекс Дубас, поведал, как отправился на теплоходе на Северный полюс (27.09.2021). Оказывается, это редчайшая профессия – капитан ледокола (действительно, многое ли увидишь, кроме бесконечного льда?). Оказывается, что там компас все время показывает на юг, потому что мы стоим в самом центре Северного полюса. А взять с полюса надо было Федора Конюхова, за которым на теплоходе приехал сын, суворовец. «Мир держится на людях, которые не живут, как все». Эти слова Федора Конюхова приведены в конце, и, согласимся, лучше не скажешь.

Сейчас много пишут о когнитивной метафоре, отметим, например, одну из последних, известных нам работ [Кураш 2020]. И действительно, метафора, метафорическое сравнение не простое украшение высказывания, а нечто большее, и передача Алексея Бегака это подтверждает. Например, в разговоре с фотографом Федором Савинцевым (13.10.2021) встречаются такие слова: «Все-таки это дача! А дача – это как шкатулка времени. Там все хранится». Шкатулка времени!» Какой образ, какие смыслы!

Мы намеренно проставляли даты телепередач, чтобы показать необычную концентрацию смыслов на малом участке времени.

Вернемся к вопросу, затронутому в начале статьи, точнее в итоговом аккорде после каждого фрагмента. Что перед нами? Афоризмы, крылатые слова, авторское видение? Да, мы русские люди целиком и полностью сосредоточены, заточены на цитатах: «Мороз и солнце!», «Я планов наших люблю громадь», «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет»... Но эти цитаты слишком известны, чтобы как следует воздействовать на людей. И потому Алексей Бегак предлагает, повторим это, свою цитацию, объединяющую и неизвестные афоризмы, и знакомые многим крылатые слова, и просто отрывки из художественных текстов, и даже высказывания самого героя передачи, постулируя животворную связь с культурой, мировой культурой, не только с культурой отечественной. «Вообще разнообразие –

это прекрасно», – такие слова Алексея Бегака иллюстрируют каждое движение, каждый поворот сюжета.

Приходится признать, что на телевидении (да-да, на канале «Культура»!) разворачивается интереснейшая вещь – рождение нового жанра – телепередачи, в которой через многообразие историй и многообразие повествователей кратко рассказывается о самом настоящем, о смысле наших действий и в итоге о счастье жить здесь и сейчас. В одном из своих интервью Алексей Бегак поведал, как принял приглашение на телевидение: «Потому что это был период, когда я испытывал колоссальную турбулентность... И подумал, что раз такое предложение пришло, стоит прислушаться. Я вообще стараюсь не отмахиваться от вещей, которые предлагает жизнь: как говорил Васисуалий Лоханкин – а вдруг в этом есть «великая сермяжная правда»? [Бегак URL]. Трудное искусство – жить сегодняшним днем, и телеведущий пережил такое тоже.

Возникает вопрос: какое отношение имеет эта передача к проблематике руководства? Ответим: отношение самое прямое. Да-да, дело в том, что здесь продемонстрированы два уровня руководства: это и сам организатор передачи, Алексей Бегак (руководитель различных групп) и непосредственные участники – тоже, как правило, руководители самых различных социальных групп. И мы учимся такому взаимодействию. При этом сам главный дирижер А. Бегак задает своим собеседникам как раз те вопросы, которые, как правило, задали бы и мы, окажись в такой ситуации общения и постижения чужого опыта. Бывает, конечно, передача с единственным человеком, тогда перед нами одноуровневое общение, что тоже значимо, однако чаще здесь имеет место парад привязанностей, раскрытие тех действий, которые и объединяют людей.

Например: беседа с Татьяной Беловой – инициатором проекта «Модный незрячий», а ведь она своим проектом объединяет многих людей. По стране у нас 38 миллионов незрячих (01.02.2022). Анастасия Татуова, специалист по малому бизнесу, говорит о спасении малых бизнесменов от налоговиков (04.02.2022). Историк Сергей Никитин-Римский рассказывает о заводе в Оренбургской области, где работает 24 тысячи человек,

и они держатся, не сдаются. «Чем дальше от центра, тем архитектура ценнее» (04.02.2022). Ольга Павлова фотографирует людей, заболевших раком, и эти фотографии висят на метро «Каширская», где дорога к той самой больнице (07.02.2022). О сказкотерапии свидетельствует мама Ирина Мерсиянова (08.02.2022). Этнограф Андрей Карагодин хлопочет о сохранении пейзажей, привлекая жителей: «Ландшафт формирует культуру» (Уильям) (09.02.2022). Специалист по этикету Лариса Эванс рассказывает о правилах этики при электронном общении (09.02.2022).

Живое общение, разговор о серьезном, хотя будто бы – частном, знакомство с инициативными людьми – что может быть лучше сейчас и чего недостает всем нам, к кому обращается с телеэкрана Алексей Бегак?

Литература

Бегак Алексей. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://my-perfect.ru/aleksej-begak-vikipedija-lichnaja-zhizn-zhena/>

Есин С. Н. Дневник 2016. М. НИЦ «Академика», 580 с.

Кураш С. Б. Метафорика русской и белорусской поэзии: тексто-дискурсивный аспект. Мозырь: МГПУ им. И.П. Шамякина, 2020. 322 с.

REFERENCES

Begak Aleksej. Elektronnyj resurs. Rezhim dostupa: <https://my-perfect.ru/aleksej-begak-vikipedija-lichnaja-zhizn-zhena/>

Esin S. N. Dnevnik 2016. M. NIC «Akademika», 580 s.

Kurash S. B. Metaforika ruskoj i belorusskoj poezii: teksto-diskursivnyj aspekt. Mozyr': MGPU im. I.P. SHamyakina, 2020. 322 s.

©Харченко В.К., 2022

Харченко Вера Константиновна – профессор кафедры русского языка и русской литературы. Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Россия).

Адрес: 308000, Россия, г. Белгород, ул.50-летия Белгородской области, д. 6.

E-mail: vera_kharchenko@mail.ru

Kharchenko Vera Konstantinovna Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Language and Russian Literature, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

Н. Н. ЩЕРБАКОВА

г. Омск, Россия

nata.ro@mail.ru

УДК 372.881.161.1

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. Языковая игра обладает серьёзным лингводидактическим потенциалом, поскольку создаёт возможность комплексного представления о единицах языка и специфике их взаимосвязи. В связи с этим она активно используется в учебном процессе. В данной статье рассматриваются основные приёмы введения языковой игры в учебный процесс. На основе анализа учебно-методической и научно-популярной литературы для школьников и студентов сделаны выводы о преобладании использования вербальной мнемотехники, которая широко представлена в методике обучения нормам русского литературного языка. В последние годы стали использоваться задания, направленные на выявление механизмов языковой игры, связанные с интерпретацией текстов, содержащих данное явление. Однако самым перспективным является направление работы, связанное с созданием заданий игрового характера, которые мотивируют обучающихся на создание игровых единиц. Такие задания позволяют не просто усвоить теоретический материал, но и развить языковое чутьё.

Ключевые слова: вербальные мнемотехники, лингвистическое образование, языковая игра, языковые средства, русский язык, методика преподавания русского языка, образовательный процесс, языковые единицы.

SHCHERBAKOVA NATALIA N.

Omsk, Russia

THE USAGE OF THE LANGUAGE GAME IN THE EDUCATIONAL PROCESS

Abstract. Language games have a serious linguo-didactic potential, because they create the possibility of a comprehensive view of the units of language and the specifics of their relationship. In this regard, the language game is actively used in the learning process. This article discusses the main

methods of introducing language games in the learning process. Conclusions about the predominance of verbal mnemonic are made based on the analysis of educational and popular science literature for schoolchildren and students. The verbal mnemonic is widely represented in the methodology of teaching the norms of Russian standard language. Tasks aimed at identifying the mechanisms of language play have been used in recent years. The tasks are associated with the interpretation of texts containing the phenomenon. However, the most promising focus area is to create the tasks of a game nature, which motivate students to form game units. Such tasks allow us to take into account not only the theoretical material, but also to develop linguistic intuition.

Keywords: verbal mnemonic, linguistic education, language game.

Интерес к возможностям использования языковой игры в процессе обучения представляется позитивной тенденцией в сфере современного образования. В особенности он важен в процессе обучения будущего учителя, поскольку, с одной стороны, содействует формированию прочных знаний теории, а с другой стороны, демонстрирует студенту педагогического колледжа или вуза основные стратегии в использовании креативных практик, что можно использовать в целях создания собственных подходов к обучению. Для успешного учителя творческое начало чрезвычайно важно, вся его деятельность демонстрирует «единство процессов актуализации и потенциализации, то есть реализации творческого потенциала и его наращивания одновременно» [Варламова, Степанов 2002: 79-80]. Кроме того, в практике обучения языку именно языковая игра «создаёт возможность нестандартного (панорамного) видения языковых фактов и деятельностного отношения к их интерпретации» [Гридина, Коновалова 2017: 13]. В связи с этим использование креативных техник представляется заслуживающим поддержки и одобрения. Что касается использования языковой игры в учебном процессе в целом, то проведенный анализ методической литературы демонстрирует некоторые проблемы как в организации обучения с использованием языковой игры, так и в понимании самого этого термина. Так, на запрос «языковая игра в обучении» поисковая система Google выдаёт около 300 тысяч результатов, что свидетельствует о несомненном интересе уча-

стников образовательного процесса к дидактическому потенциалу данного явления. При этом тексты источников в основном правильно интерпретируют сам термин *языковая игра*, увязывая его с «нарушением стереотипа в лингвокреативной деятельности»¹⁰, но предлагаемые в работах формы организации учебного процесса в некоторых случаях не имеют прямого отношения к языковой игре; нередко наблюдается подмена термина: так, дидактические игры, а иногда и не игры вовсе, а просто занимательные задания, включающие любой языковой материал, объявляются языковой игрой. Справедливости ради отметим, что это, как правило, студенческие или учительские работы, однако все они должны получить одобрение научного руководителя, а следовательно, в педагогическом сообществе есть проблема с пониманием термина.

Анализ предлагаемых в работах подходов к использованию языковой игры позволяет обнаружить следующие их виды.

Наиболее часто используемый приём – введение текста с языковой игрой для запоминания какого-либо материала. Учебный процесс, часто сопряженный с необходимостью запоминания теоретического и практически значимого материала, требует использования нестандартных, творческих приемов обучения. Одним из средств, облегчающих усвоение подобного материала является языковая игра, в частности, такая её разновидность, как макаронические тексты. Этот приём используется не только при обучении языку, но и в других отраслях знаний. Так, всем известная фраза *каждый охотник желает знать, где сидят фазаны* используется при изучении школьного курса физики, а стихи про крысу, по имени *Биссектриса*, известны из курса геометрии.

На занятиях этот приём используется главным образом путем предъявления уже готового текста, предлагаемого преподавателем. Этот способ преподнесения материала используется в отечественной школе уже несколько столетий прежде всего для облегчения запоминания орфографических правил. Так, широко

¹⁰О «лингвокреативной природе языковой игры как намеренном нарушении ассоциативных стереотипов речевого мышления» и ее «тренинговом ресурсе» см.: [Гридина 1996, 2014].

известен пример из «Азбуковника» XVI в., регулирующий употребление букв «покою» и «пси»: *Пса пиши не псями, но покоем: кое общение псу со псалмом?! [Успенский 1973: 14].* Напомним, что с аналогичной целью создавались и тексты с корнями, содержащими буквы «ять», например:

*Бедный, бледный, белый бес убежал за речку в лес,
Долго по лесу он бегал, хреном с редькой пообедал,
И за бедный тот обед, дал обет наделать бед [Бабаева 1998: 287].*

Современные тексты подобного типа тоже чаще всего посвящены проблемам орфографии, например, правописанию корней с чередующимися гласными, правописанию словарных слов, удвоенных согласных в корне и т. д.:

Ростислав открыл в Ростове новый росток отрасли – ростовичество: даёт деньги на вырост (автор текста – Л. В. Новосёлова, преподаватель Омского педуниверситета);

Дрожи не дрожи – пиши одну «ж» [Журавлева 1996: 15];

Мошенник украл в гостинице у труженика имышленного механика одну Н [Журавлева 1996: 41].

Распространённость данного приёма, его привычность для обучающихся подтверждается тем, что подобные тексты нередко создают студенты вуза с целью запоминания какого-либо явления. Так, студентами филологического факультета Омского педагогического университета неоднократно создавались тексты для запоминания примеров из исторической фонетики и грамматики. Приведем пример текста, содержащего слова со вторым полногласием, вошедшие в литературный язык:

*И полон, долог был семестр наш,
Но вот настал тот сумеречный час,
Когда из зёрен знанья проросли,
К экзамену почти готовы мы.
Тут даже бестолочь поймёт:
Верёвка с мылом не спасет.*

Следующий текст содержит имена существительные, относившиеся в древнерусском языке к склонению на *ŷ:

*Неведомо нам, в какой стороне,
Но это случиться могло бы вполне,*

*Жил, по преданию, чей-то сын.
 В нашем рассказе герой он один.
 А разговор наш пойдёт о том –
 Не по карману сыну дом,
 Поэтому снимал лишь пол,
 Зато с окном на чудный дол.
 К больной голове сын прикладывал лед,
 Любил он на завтрак липовый мед,
 Мечтал наш сын взойти на верх
 (И в нас сидит тщеславья грех).
 Преодолев предлинный ряд
 Интриг, интрижек и преград,
 Своё он всё же получил –
 Был возведён в высокий чин.
 «Религия, – сказал, – обман,
 Мне ни к чему духовный сан».
 Был приглашён наш сын на пир,
 Собрался там весь званый мир,
 А чтобы жадным не сочла молва,
 Привёл он в дар, кого б вы думали? – Вола!*

Вербальные мнемотехники активно используются в процессе обучения нормам русского литературного языка, причем если речь идёт об орфоэпии, то у подобного текста обязательно появляется рифма: так литературное произношение становится наиболее очевидным. Не случайно Интернет-проект «Современный русский», ставящий своей задачей просветительскую деятельность в области ортологии, активно использует двустипшия такого типа:

*В бухгалтерии аврал:
 Завершается квартал;
 На вас глядят ехидно?
 Всё ясно: им завИдно;
 На рок-концерт
 Пришёл экспЕрт [Современный русский].*

В использовании данного приёма могут быть разнообразные стратегии, одна из них обнаруживает сходство с тем явлением, которое получило название *принцип шарады* [Гридина, Конова-

лова 2014: 130], например, использование произвольного членения слова в процессе работы над корнями с чередованиями:

Не забывайте! Если за корнем -а-, то в корне и. «Ира хочет быть только «ирой»», а не «ерой» [Граник и др. 1994: 179];

Собирать, стирать, задира –

Повнимательней гляди:

Если в слове имя Ира,

Значит, в корне буква И [Грамота.Ру];

Правило ослика ИА (для корней с чередованием гласных): если за корнем А, в корне пиши И. Например, блИстАть [Грамота.Ру].

Иногда произвольное членение слова связано с выделением элементов начертаний – букв или цифр. Например, при обучении школьников спряжению глаголов используется графическое сходство буквы в личных окончаниях и римских цифр, обозначающих спряжение. Учитель обращает внимание на то, что в окончаниях словоформ *учишь, лечит, варим* и т. д. пишется буква И, содержащая 2 вертикальных черточки. Столько же вертикальных черточек содержит и римская цифра II, обозначающая второе спряжение, к которому относятся эти глаголы. В то же время в словоформах *едешь, прыгает, бегаем* пишется буква Е с одной вертикальной черточкой, и в номере спряжения этих глаголов тоже наблюдается одна вертикальная черта – I. Игровой элемент в этой ситуации выглядит ослабленным, но всё же создание текста объяснения на основе случайного формального сходства демонстрирует основной признак языковой игры – нарушение стереотипа в лингвокреативной деятельности.

В качестве дополнительного невербального элемента в процессе объяснения может быть использовано и такое невербальное средство, как жест. Так, при описании истории гласного звука важно установить, в какой ряд чередований он входит. Иногда для методического удобства ряды гласных нумеруют с учётом хронологии их развития в языке, в связи с чем ряд чередований, связанных с судьбой праславянских дифтонгов с исходом на *и неслоговой, называется вторым рядом чередований. Ярким опознавательным признаком ряда является звук [ы] (*вдох – дыхание – дух*). Известно, что в русской дактильной азбуке

буква «ы» обозначается жестом, который называют словом «коза» или «распальцовка» – поднятые вверх указательный палец и мизинец – который стал популярен в 90-е годы XX столетия как неотъемлемый элемент поведения «новых русских» [Карпова 2008: 73]. Преподаватели истории русского языка Омского педуниверситета иногда используют этот жест для запоминания номера ряда чередования (2 поднятых вверх пальца – второй ряд чередований). Немаловажную роль в том, что использовался такой жест играет и то, что, согласно исследованиям в области русской фоносемантики, звук [ы] отождествляется с тёмным цветом и характеризуется как угрюмый [Журавлев 1991: 91]. Эта особенность вполне координирует с речевой характеристикой персонажа анекдотов о «новых русских», которые отличаются небогатым словарным запасом, быстро подобрать нужное слово и неумением связно высказать свои мысли. Иллюстрацией подобного положения служит известный анекдот о том, как этот персонаж, пытаясь сделать доброе дело – предупредить бабушку о том, что на пути у неё открытый водопроводный люк – так и не смог внятно выразиться:

- Бабка! Tuna.. Tuna.. Onna!

Буквальное считывание упомянутого жеста как звука, похожего на невнятное мычание, не противоречило созданному в анекдоте образу, и содействовало решению методической задачи.

При всём разнообразии предлагаемых материалов использование всех перечисленных выше текстов находится в русле репродуктивного метода, который, как известно, слабо коррелирует с творческим началом языковой личности. Однако есть несомненно положительное следствие обучения с использованием подобных заданий – они дают образцы того, как создаются подобные высказывания и как вербальные мнемотехники могут быть использованы в процессе обучения. Они пробуждают в обучающихся творческое отношение к языковым единицам, свидетельством чего, безусловно, являются создаваемые школьниками и студентами тексты, содержащие элементы языковой игры.

Второй приём с использованием языковой игры, который используется в практике обучения языку, – анализ текстов, содержащих элементы языковой игры, например анекдотов:

- *Дорогой, мне без тебя не спится...*

- *Приезжай – сопьемся вместе;*

СМС-переписка:

- *Ты сейчас дома?*

- *Да.*

- *Приходи ко мне.*

- *Тогда приготовь мне чайку.*

- *Где я тебе её возьму? Давай лучше курицу сварю* [Кротова 2017: 28-29].

Совершенно очевидно, что подобные задания заставляют обучающегося анализировать языковые явления, соотносить их с собственным речевым опытом и, следовательно, формировать объёмное, целостное представление о взаимодействии языковых единиц на разных уровнях. В зависимости от степени участия преподавателя или учителя в поиске ответа на поставленные вопросы подобные задания демонстрируют частично-поисковый или поисковый метод, но они также несколько удалены от сущности языковой игры, её психоментальной природы. Представляется, что в наибольшей степени сущности языковой игры соответствует использование тренингов вербальной креативности, направленных на создание обучающимися единиц игрового характера, например, создание по существующим в языке словообразовательным моделям потенциальных слов [Гридина, Коновалова 2014]. Такие задания, тесно связанные с развитием лингвокреативной деятельности языковой личности, позволяют учесть функционирование элементов языковой системы в реальной речевой деятельности, их ассоциативный потенциал, вариативность. А это означает, что подобные практикумы позволяют не только глубоко и всесторонне усвоить теоретический материал, но и развивать языковое чутье.

Литература

Бабаева Е. Э. Графика и орфография. Реформы и реформаторы // Энциклопедия для детей. Т. 10. Языкознание. С. 275 – 292.

Варламова Е. П., Степанов С. Ю. Психология творческой уникальности человека. М., 2002.

Грамота. Ру: Справочно-информационный портал. Режим доступа: <http://gramota.ru/class/memos/?page=2>

Граник Г. Г. и др. Секреты орфографии: Кн. для учащихся / Г. Г. Граник, С. М. Бондаренко, Л. А. Концевая. М., 1994.

Гридина Т. А. Экспериментальный ресурс диагностики и тренинга вербальной креативности // *Филологический класс.* – 2014. – № 2(36). – С. 30-35.

Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Вербальные мнемотехники как механизм кодирования и декодирования информации // *Вестник РУДН, серия: Вопросы образования: языки и специальность.* 2014. № 1. С. 128 – 134.

Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Техники языковой игры в процессе обучения словообразованию в школе и вузе // *Педагогическое образование в России.* 2017. № 8. С. 79 – 84.

Журавлев А. П. Звук и смысл. М., 1991.

Журавлева Л. И. Русский язык в алгоритмах. Челябинск, 1996.

Карпова Г.А. Основы сурдопедагогики. Екатеринбург, 2008.

Кротова А. Г. Современный русский язык: лексикология для журналистов: учебное пособие. Новосибирск, 2017. (с. 28-29)

Успенский Л. В. По закону буквы. М., 1973.

Современный русский: Международный информационно-просветительский проект. Режим доступа: <http://www.oshibok-net.ru/for-all/learning-should-be-fun/akcentologiya/>

REFERENCES

Babaeva E. E. Grafika i orfografiya. Reformy i reformatory // *Enciklopediya dlya detej.* T. 10. Yazykoznanie. S. 275 – 292.

Varlamova E. P., Stepanov S. YU. Psihologiya tvorcheskoj unikal'nosti cheloveka. M., 2002.

Gramota. Ru: Spravochno-informacionnyj portal.Rezhim dostupa: <http://gramota.ru/class/memos/?page=2>

Granik G. G. i dr. Sekrety orfografii: Kn. dlya uchashchihsya / G. G. Granik, S. M. Bondarenko, L. A. Koncevaya. M., 1994.

Gridina T. A. Eksperimental'nyj resurs diagnostiki i treninga verbal'noj kreativnosti // *Filologicheskij klass.* – 2014. – № 2(36). – С. 30-35.

Gridina T. A., Konovalova N. I. Verbal'nye mnemotekhniki kak mekhanizm kodirovaniya i dekodirovaniya informacii // *Vestnik RUDN, seriya Voprosy obrazovaniya: yazyki i special'nost'.* 2014. № 1. S. 128 – 134.

Gridina T. A., Konovalova N. I. Tekhniki yazykovoij igry v processe obucheniya slovoobrazovaniyu v shkole i vuze // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2017. № 8. S. 79 – 84.

ZHuravlev A. P. Zvuk i smysl. M., 1991.

ZHuravleva L. I. Russkij yazyk v algoritmah. CHelyabinsk, 1996.

Karpova G.A. Osnovy surdopedagogiki. Ekaterinburg, 2008.

Krotova A. G. Sovremennyy russkij yazyk: leksikologiya dlya zhurnalistov: uchebnoe posobie. Novosibirsk, 2017. (s. 28-29)

Uspenskij L. V. Po zakonu bukvy. M., 1973.

Sovremennyy russkij: Mezhdunarodnyj informacionno-prosvetitel'skij proekt. Rezhim dostupa: <http://www.oshibok-net.ru/for-all/learning-should-be-fun/akcentologiya/>

©Щербакова Н.Н., 2022

Щербакова Наталья Николаевна – профессор кафедры предметных технологий начального и дошкольного образования. Омский государственный педагогический университет Омск, Россия).

Адрес: 644021, Россия, г. Омск, ул. Марченко, д. 11, кв. 124.

E-mail: nata.ro@mail.ru

Shcherbakova Natalia Nikolayevna – professor of the department of technologies of primary and preschool education. Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia).

ЯН ИИ

г. Гуанчжоу, КНР

vey1993821@126.com

УДК 811.581'38:811.581'42

ЕДИНИЦЫ ИНТЕРНЕТ-СЛЕНГА В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. В статье рассмотрена специфика использования единиц интернет-сленга в современном китайском политическом дискурсе. Показана их особая значимость как языковых средств работы с общественным сознанием. Употребление единиц интернет-сленга в политическом дискурсе является языковой инновацией в условиях бурного развития интернета. Данная практика способствует «модернизации» и «демократизации» имиджа политика и способов его воздействия на аудиторию, помогает ему достичь своих целей. Интернет-сленг стал неотъемлемой частью массовой культуры и получил чрезвычайно широкое распространение, поэтому применение его единиц в политическом дискурсе — весьма эффективный современный инструмент социального манипулирования.

Ключевые слова: интернет-сленг, интернет-технологии, интернет-коммуникации, интернет-дискурс, интернет-тексты, политический дискурс, речевые инновации, имидж политика, дискурсивная компетентность, социальное манипулирование, китайский язык.

YANG YIYI

Guangzhou, China

INTERNET SLANG IN MODERN CHINESE POLITICAL DISCOURSE

Abstract. The article considers the specifics of the use of Internet slang units in modern Chinese political discourse. Their special significance as linguistic means of working with public consciousness is shown. The use of Internet slang units in political discourse is a linguistic innovation in the context of the rapid development of the Internet. This practice contributes to the "modernization" and "democratization" of the politician's image and ways of influencing the audience, and helps him achieve his goals. Internet slang has become an integral part of mass culture and is extremely wide-

spread, so the use of its units in political discourse is a very effective modern tool for social manipulation.

Keywords: Internet slang, political discourse, speech innovation, image of politics, discursive competence, social manipulation.

Китайский Информационный Интернет-центр (CNNIC) опубликовал 48-й «Статистический отчет о развитии интернета в Китае», в котором сообщается, что по состоянию на июнь 2021 года общее количество китайских пользователей сети достигло 1,011 миллиарда, уровень проникновения Интернета достиг 71,6%. Авторы исследования утверждают, что китайские пользователи образуют самое крупное и динамичное цифровое общество в мире [CNNIC 2021]. В эпоху быстрого развития информационных систем интернет стал одной из наиболее важных социальных платформ в Китае. Интернет-сленг различных типов влияет на характер речевого поведения людей. Интернет-сленг (называемый также кибер-сленгом, сетевым языком, цифровым языком или чат-языком) — новая форма существования национального языка, отличающаяся от той, что представлена в традиционных печатных и электронных СМИ. В широком понимании термин «интернет-сленг» относится ко всем кодам, используемым в интернет-общении; в узком — только к коду, на котором пользователь интернета выражает свое мнение [Чжан Си 2011: 246]. Слова и выражения интернет-сленга можно встретить во многих речевых сферах и жанрах, в том числе и в выступлениях политических деятелей. Используя современную массовую культуру, руководство КНР ищет новые подходы к управлению развитием китайского общества, стремится сформировать общие приоритеты и преодолеть возникающие противоречия. В целях «демократизации» своего речевого имиджа политики часто используют в выступлениях нетривиальные модные выражения, которые уже популярны в интернете. Данный феномен не только отражает высокий уровень восприимчивости и креативности политического дискурса, но и является эффективным каналом манипулирования дискурсом и продвижения идей.

Будучи средством мышления, язык отображает национальный менталитет и культуру. Причина широкого распространения и популярности сленговых единиц заключается в том, что они связаны почти со всеми сферами и ситуациями жизни человека. Сленг обладает такими свойствами, как обширность, оригинальность, актуальность и высокая популярность [Лю Жунцин 2017: 20].

О.С. Ахманова в «Словаре лингвистических терминов» предлагает понимать под сленгом: «1. Разговорный вариант профессиональной речи. 2. Элементы разговорного варианта той или другой профессиональной или социальной группы, которые, проникая в литературный язык или вообще в речь людей, не имеющих прямого отношения к данной группе лиц, приобретают в этих разновидностях языка особую эмоционально-экспрессивную окраску (особую лингвостилистическую функцию)» [Ахманова 1969: 419].

С распространением интернета сленговые лексика и фразеология постоянно обновляются. Интернет-сленг быстро реагирует на изменения в общественной жизни, создается огромным числом пользователей сети и отражает их коллективный опыт. Китайский интернет-сленг чрезвычайно разнообразен. Однако политический дискурс характеризуется тональностью серьезности, и типы средств интернет-сленга, используемых в нем, не столь многочисленны; в основном это метафорический способ переосмысления общеупотребительных слов, диалектные слова и широко распространенные термины сферы программного обеспечения. Теоретико-методологическую базу данного исследования составляют работы ведущих специалистов по политическому дискурсу, массовой информации и коммуникации, таких как А. Н. Баранов, Е. И. Шейгал, А. П. Чудинов, У Цюн, Лю Дамин, Лю Цинжун. Для иллюстрации различных особенностей применения интернет-сленга в политическом дискурсе далее используются тексты Новогодних поздравлений Председателя КНР, выступлений официальных представителей Министерства иностранных дел и Министерства обороны КНР на пресс-конференциях.

Речь политического лидера отражает и его личностные характеристики, и общие характеристики нации, которую он представляет; язык в этом случае служит мощным инструментом достижения политических целей. «<...> Для политиков культура речи является важным фактором, который определяет их отношение к говорящему, является показателем культуры собеседника» [Левина 2012: 102-104]. В рамках изучения политического дискурса особое место занимает анализ речей лидеров государств. В первую очередь именно руководитель страны выражает государственную идеологию. В последние годы единицы интернет-сленга часто появляются в речи Председателя КНР. Например, в своем Новомодном поздравлении 2015 года Си Цзиньпин сказал: «*Я хочу поставить лайк нашему великому народу*» [Си Цзиньпин 2015]. В социальных сетях интернета лайк — знак одобрения, поддержки. Лидер государства таким образом выражает свое восхищение народом Китая. Еще один яркий пример. В Новомодном послании 2016 года Си Цзиньпин подчеркнул: «*Китай всегда открыт для мира, чтобы расширять круг друзей*» [Си Цзиньпин 2016]. «Круг друзей» — это функция китайского мессенджера Вичат (WeChat), позволяющая собирать лайки и комментировать фотографии, но только от тех пользователей, которые есть в списке контактов. В речи Си Цзиньпина выражение «круг друзей» относится к международному сообществу.

В Китае Вичат (WeChat), Вейбо (Weibo), Тик Ток (TikTok) — наиболее распространенные социальные сети. Неофициальные, неформальные лексические и фразеологические единицы, широко используемые в общении на этих сетевых платформах, постепенно сформировали основы интернет-сленга. Средства лексики и фразеологии в речи государственного лидера тщательно подобраны, его выступление строится в соответствии с ожиданиями и требованиями общества. Использование Си Цзиньпином интернет-сленговых единиц в Новомодном поздравлении призвано показать связь руководства страны с повседневной жизнью граждан, поиск общих тем с простыми людьми; оно способствует формированию имиджа современного демократического лидера нации.

Политический дискурс как лингвокультурологическое явление представляет собой «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [Баранов, Казакевич 1991: 6], обладает мощным дискурсивным потенциалом и постоянно обновляется в соответствии с динамикой текущей социально-политической повестки. «Дискурсивная компетенция связана со способностью воспринимать и порождать речевые сообщения адекватно прагматическому контексту, отражает характер познавательной, информационно-коммуникативной и рефлексивной деятельности и влияет на успешность функций речевого общения» [Дектерев 2015: 106]. Дискурсивная компетенция проявляется в следующих аспектах:

«1. В подборе языковых средств, соответствующих контексту общения. 2. В выборе речевых и поведенческих реакций и стратегий, адекватных коммуникативной ситуации. 3. В способности к достижению цели коммуникативного акта» [Там же].

Употребление единицы интернет-сленга принципиально содействует созданию эффекта новизны, живости, нетривиальности, контраста с привычными образцами, а также помогает избежать штампов и клише. В целях «модернизации» имиджа китайские политики в последние годы практикуют стилистические инновации в политическом дискурсе.

Яркие примеры демонстрируют модные в интернете выражения: «разбить сердце» — фразеологизм, заимствованный из северных диалектов Китая и использующийся как средство негативной оценки ситуации (состояния); «отбрасывать кастрюлю» — фразеологизм со значением «перекладывать свою вину на других». Данные выражения употреблялись на пресс-конференциях МИДа и Минобороны КНР, когда их официальные лица комментировали решения некоторых стран: «Здесь называть эти страны и разбивать их сердце не будем» [Гэн Шуан 2016]; «Суть ядерной проблемы Корейского полуострова заключается в противоречии между КНДР и США. Американская сторона не должна отбрасывать свою кастрюлю» [Ян Юйцзюнь 2016]. Очевидно, что присутствие в речи единиц интернет-сленга позволяет простым людям быстро понять полити-

ческие реалии. Такие языковые средства играют особую роль при создании имиджа как страны в целом, так и представляющего ее официального лица в частности. Кроме того, эти средства способны в определенной степени смягчать режим политического общения, когда они употребляются как своего рода эвфемизмы. Например, на одной из пресс-конференций 2020 года официальный представитель МИД КНР Чжао Лицзянь в связи с информацией о том, что США прекратили свои отношения с ВОЗ, сказал: «В последнее время Соединенные Штаты регулярно выходят из группового чата» [CRI 2020]. Выход из группового чата позволяет пользователям коммуникационного программного обеспечения покинуть данную группу и тем самым отказаться от получения соответствующих сообщений. Здесь Чжао Лицзянь эвфемистически указал на то, что США отказываются от международного сотрудничества и выполнения обязательств. Современный китайский политический дискурс вполне допускает ломку стереотипов и обладает большим креативным потенциалом.

Как отмечает Е. И. Шейгал, «политический дискурс зачастую служит средством захвата или удержания власти, борьбы за нее конфликтующих сил» [Шейгал 2000: 21-22]. Одной из основных задач политического дискурса является обеспечение идеологических манипуляций. Использование популярных нестандартных единиц интернет-сленга способствует получению политических очков. В апреле 2016 года китайский военный корабль отправился на острова Наньша и перевез трех тяжело больных рабочих в больницу для лечения. В связи с этим официальный представитель Минобороны КНР сказал: *«Есть модное выражение в Интернете – корабль дружбы легко тонет. Здесь я хочу подчеркнуть, что если вы столкнулись с опасностью, большой корабль Родины вас защитит»* [У Цзянь 2016]. Высказывания такого типа получают позитивный отклик аудитории, в конечном счете — способствуют повышению доверия к правительству. «Интернет-сленг, благодаря своему особому положению в языке, создает при употреблении мощный резонанс, реализуя тем самым экспрессивную функцию» [Булычева 2011: 105]. По мнению Г. Гусейнова, «язык – это и самое интимное,

внутреннее переживание, это жизнь нашего сознания, но это и орудие общения <...> Сам язык – это социальный контроль» [Гусейнов 2009]. Посредством «языковой игры» с использованием интернет-сленга политический деятель может выразить свою позицию ярко и доходчиво. Употребление единицы интернет-сленга в этом случае является важным языковым средством манипуляции массовым сознанием.

Государство, управление, политика – понятия абстрактные; они становятся более конкретными, когда сокращается дистанция между властью и простыми людьми. Политический дискурс играет важную роль в поддержании социальной стабильности и консолидации национального сознания. Интернет давно стал неотъемлемой частью современной жизни, интернет-сленг весьма популярен в самых различных социальных слоях и группах, представляя собой часть массовой культуры. Употребление интернет-сленговых единиц в политическом дискурсе повышает его привлекательность для общества, побуждает обычных людей активнее участвовать в политической жизни.

Выводы. Единицы интернет-сленга используются в различных социально-коммуникативных сферах, в том числе и в политике. Их употребляют не только обычные пользователи сети, но и представители истеблишмента, в том числе руководители государства. Политики тщательно выбирают языковые средства, но могут выступать и в роли новаторов [Рипяхова 2013: 165]. Политический дискурс — чрезвычайно важный инструмент политической борьбы и поддержания власти, способный формировать публичный образ политического деятеля, позволяющий манипулировать общественным сознанием и в то же время обладающий мощным инновационным потенциалом. Применение единиц интернет-сленга в политическом дискурсе – феномен, требующий детального анализа с позиций политологии, лингвокультурологии и политической лингвистики.

Источники

Пресс-конференция официального представителя Минобороны КНР У Цяня в апреле 2016 г.
URL:<https://baijiahao.baidu.com/s?id=1555106847995380&wfr=spider&from=pc> (дата обращения: 27.02.2022).

Пресс-конференция официального представителя МИД КНР Гэн Шуана 10 июня 2016 г. URL: <http://baijiahao.baidu.com/s?id=1635954648906829396&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 27.02.2022).

Пресс-конференция официального представителя Минобороны КНР Ян Юйцзюня в сентябре 2016 г. URL: <http://m.people.cn/n4/2016/0929/c24%2D7658358.html> (дата обращения: 27.02.2022).

CNNIC. Статистический отчет о развитии Интернета в Китае. URL: http://www.cnnic.net.cn/hlwfzyj/hlwxzbg/hlwtjbg/202109/t20210915_71543.htm (дата обращения: 27.02.2022).

CRI. МИД: Соединенные Штаты любят выходить из группового чата. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1668300059555183446&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 27.02.2022).

Си Цзиньпин. Новогоднее поздравление 2015 года. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2014-12/31/c_1113846581.htm (дата обращения: 27.02.2022).

Си Цзиньпин. Новогоднее поздравление 2016 года. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2015-12/31/c_1117643074.htm (дата обращения: 27.02.2022).

Литература

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Изд-во «Советская энциклопедия». Москва, 1969.

Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. Изд-во «Знание». Москва, 1991.

Булычева С. Ф. Общеупотребительный сленг в политическом дискурсе // *Linguamobilis*. 2011. №3 (29). 104-107.

Гусейнов Г. Ч. Кто портит русский язык [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bigbook.ru/articles/detail.php?ID=7360> (дата обращения: 27.02.2022).

Дектерев С. Б. Лингвистический анализ социокультурного образа современного политика (на примере использования сленга представителями политической элиты России и Великобритании в СМИ) // *Евразийский Союз Ученых*. 2015. №5 (14). 105-108.

Зыкова. Е. И. Роль интернет-лозунгов в политическом дискурсе современного Рунета // *Интерактивная наука*. 2017. № 3 (13). С. 123-125.

Левина Е. Н. Анализ и самоанализ устной речи политиками в языковом пространстве региона // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2012. № 5 (16). С. 102-104.

Лю Жунцин. Исследование популярной идеологии, представленной модными словами // *Передняя позиция*. 2017. №4 (402). 20-24.

Рипяхова М. М. Проявление языковой моды в политическом дискурсе. //Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 4(22). 162-165.

Чжан Си. Краткий анализ особенностей словообразования интернет-сленга // Экономические исследования. 2011. № 21 (108). С. 246-247.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Изд-во «Перемена». Волгоград, 2000.

REFERENCES

Ahmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. Izd-vo «Sovetskaya enciklopediya». Moskva, 1969.

Baranov A. N., Kazakevich E. G. Parlamentskie debaty: tradicii i novacii. Izd-vo «Znanie». Moskva, 1991.

Bulycheva S. F. Obshechepotrebitel'nyĭ sleng v politicheskom diskurse // Linguamobilis. 2011. №3 (29). 104-107.

Gusejnov G. CH. Kto portit russkij yazyk [Elektronnyĭ resurs]. URL: <http://www.bigbook.ru/articles/detail.php?ID=7360> (data obrashcheniya: 27.02.2022).

Dekterev S. B. Lingvisticheskiĭ analiz sociokul'turnogo obraza sovremennoĭ politika (na primere ispol'zovaniya slenga predstavitel'yami politicheskoi elity Rossii i Velikobritanii v SMI) // Evrazijskiĭ Soyuz Uchenyh. 2015. №5 (14). 105-108.

Zykova. E. I. Rol' internet-lozungov v politicheskom diskurse sovremennoĭ Runeta // Interaktivnaya nauka. 2017. № 3 (13). S. 123-125.

Levina E. N. Analiz i samoanaliz ustnoi rechi politikami v yazykovom prostranstve regiona // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2012. № 5 (16). S. 102-104.

Lyu ZHuncin. Issledovanie populyarnoj ideologii, predstavlennoj modnymi slovami // Perednyaya poziciya. 2017. №4 (402). 20-24.

Ripyahova M. M. Proyavlenie yazykovoĭ mody v politicheskom diskurse. //Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2013. № 4(22). 162-165.

CHzhan Si. Kratkij analiz osobennostej slovoobrazovaniya internet-slenga // Ekonomicheskie issledovaniya. 2011. № 21 (108). S. 246-247.

Shejgal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. Izd-vo «Peremena». Volgograd, 2000

©Ян Ии, 2022

Ян Ии – докторант факультета русского языка.
Гуандунский университет иностранных языков и
международной торговли (Гуанчжоу, Китай).
Адрес: Китай, пров. Гуандун, г. Гуанчжоу, про-
спект Байюань дадао Бэй, 2.
E-mail: vey1993821@126.com

Yang Yiyi – Ph.D. student of Faculty
of the Russian Language. Guangdong
University of Foreign Studies
(Guangzhou, China)

Электронный научный журнал
УРАЛЬСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК
Серия
«Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива»

Сетевой адрес серии журнала: <https://uspu.ru/journals/rus/ufv/ufv.php>

Издатель: ФГБОУ ВО
«Уральский государственный педагогический университет»

Адрес редакции:

620017, г. Екатеринбург, пр-кт Космонавтов, 26, каб. 279

E-mail: linguacreativ@list.ru

Тел.: (343) 235-76-66; (343) 235-76-41

Периодичность издания: 4 раз в год

Периодичность серии: 1 раз в год

Выходные сведения:

Уральский филологический вестник:
электронный научный журнал. 2022. № 2
Серия «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива»
(Вып. 31)

Размещено на сайте 18.05.2022